

*Сиротка
В лапках судьбы*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Вторая мировая... Тошан отправляется на войну добровольцем. Талантливой певице Эрмине приходится самостоятельно заботиться о детях. Когда импресарио предлагает ей выступить в Париже, Эрмина соглашается, надеясь узнать что-нибудь о муже. Но ее ждет тяжелое открытие: прячась от фашистов, Тошан познакомился с Симоной и в сердце его проснулась нежность к этой девушке... Неужели ради новой любви он оставит семью?

- [Мари-Бернадетт Дююи](#)
 - [Слова благодарности](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Библиография](#)

-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

Мари-Бернадетт Дюпюи
Сиротка
В ладонях судьбы

Слова благодарности

Я бы хотела выразить свою благодарность людям, помогавшим мне в поиске документов, жизненных историй.

Огромное спасибо Жан-Клоду Ларушу, моему издателю. Благодаря ему я каждый год приезжаю в Квебек, где встречаюсь с моими дорогими друзьями.

И сердечный привет Алисии, одной из моих юных читательниц в Дебьене, с которой я имела удовольствие встретиться в Квебеке.

От автора

Написав последние строки III тома под названием «Дыхание ветра», я оставила Эрмину и Тошана обнимающимися возле водопада Уиатшуан в Валь-Жальбере. Война начинала охватывать смертельным пламенем весь мир и уже нарушила привычный ход жизни моих персонажей.

Я не могла на этом остановиться и снова погрузилась в изучение объемного материала, чтобы описать приключения и переживания моих любимых героев.

Разумеется, мне пришлось смешать вымысел с реальностью, и порой реальные персонажи живут бок о бок с теми, чью захватывающую судьбу я выдумала.

Канадцы понесли моральные и физические потери в этой долгой войне, повлекшей за собой столько жертв на нашей планете.

Мне очень хотелось всем своим сердцем француженки воздать должное их самоотверженности, духу и сопричастности, включив в свое повествование подлинные факты.

Со времени ужасной войны прошло немало лет. И я хочу прояснить один основной момент. Подобно большинству романистов, стремящихся передать атмосферу конкретной эпохи, я была вынуждена представить немцев врагами. Тем не менее из соображений этики я подчеркнула, что многие из них тоже прошли через ужасные испытания на своей родине или в других странах, страдая от всеобщей ненависти, тогда как зачастую у них просто не было выбора. Одни перешли на сторону французского Сопротивления, другие лишились жизни за отказ подчиниться Гитлеру. Не следует забывать ничего: ни добра, ни зла.

Вместе с тем я не могла не затронуть деликатную тему детских приютов для индейских детей, открывших свои двери в 20-х годах прошлого столетия, где творились чудовищные бесчинства. Однако я должна уточнить, что подобных заведений не было в Шикутими^[1] и в окрестностях реки Перибонки. Я поместила их там в романе. Было бы неэтично с моей стороны упоминать реальные места, особенно для жертв этих приютов.

Надеюсь, что сделанная мной работа не обманет ожидания моих читателей в Квебеке и других уголках земного шара.

М.-Б.Д.

Глава 1

Предчувствие ада

Залив Сен-Лоран, ночь с 11 на 12 мая 1942 года

— Вы не слишком переживаете из-за своего отъезда в Европу? — спросил по-французски капитан — суровый парень, высокий рост которого невольно внушал уважение.

— Нет, капитан, я ждал этого момента два года, — ответил Арман Маруа.

Он только что поднялся на палубу и встал рядом с капитаном голландского грузового судна, направлявшегося к берегам Соединенного Королевства. Молодой человек, уроженец здешних мест, был одет в униформу повара. Положив одну руку на леер^[2], он задумчиво смотрел на огни южного берега Сен-Лорана, тающие в темноте справа по борту. Он плохо знал Гаспези^[3], но эта земля, постепенно исчезающая из виду, все же была частью его родины.

— Решив поступить на службу в Королевский флот, — продолжил Арман, — я не думал, что окажусь на корабельной кухне. И все потому, что врачи нашли у меня проблему со слухом! Только я смекалистый, как говорили мои родители. И вот тому доказательство: я плыву с вами. Ведь я так люблю море! Мне очень хочется путешествовать и приносить пользу. Я вырос в рабочем городке Валь-Жальбере, который сейчас заброшен. Там больше нечего делать.

Капитан рассеянно кивнул с вежливой улыбкой на губах, затем направился к капитанскому мостику, откуда ему подавал знаки старший помощник.

— Пойду вниз, — крикнул им Арман. — Все уже легли спать.

Он с удовольствием остался бы на свежем воздухе. Младший сын Жозефа и Элизабет Маруа совсем не изменился с тех пор, как покинул свою семью. Стройный, загорелый, с короткими золотистыми волосами, молодой человек осознавал свою привлекательность и быстро вызывал симпатию у окружающих. Он всегда был доволен собой. А сложившиеся обстоятельства лишней раз позволяли ему поздравить себя с успехом, поскольку он сумел занять место на этом корабле благодаря

освободившейся должности работника камбуза. Судно входило в группу из шести торговых судов. Арман еще раз повернулся в сторону берега.

«Что я здесь оставляю? — спросил он себя. — Моя мать умерла, и я даже не успел с нею попрощаться, обнять в последний раз. Девушки? Я встречаюсь с ними только для развлечения. Единственная, кто действительно меня интересует, ко мне безразлична».

На него внезапно нахлынула тоска, и он вспомнил кроткое лицо Бетти, своей матери, в обрамлении локонов цвета меда, вновь ощутил ее бархатную кожу под своими губами, когда целовал ее в щеку. Он подумал о Шарлотте и тут же увидел ее шелковистые темные волосы, черные глаза и розовые губы. Она уже не была обручена с Симоном, его старшим братом, но упрямо продолжала оставаться одна.

«Она даже не ответила на мое последнее письмо, — подумал Арман. — Если бы она согласилась встретиться со мной в Квебеке, меня бы не было сейчас на этом судне. Я попытал бы счастья с ней».

Он еще раз вдохнул свежего воздуха. Внезапно в ночи раздался оглушительный взрыв — чудовищный звук, сопровождаемый яркой вспышкой.

— Торпеды! — закричал капитан. — Первое судно подбито!

Арман ощутил, как от страха свело желудок, и бросился по железной лестнице на нижнюю палубу. Страшная угроза, о которой все говорили уже несколько месяцев, внезапно стала реальностью. Немецкие подводные лодки вели свою дьявольскую охоту, подобно своре волков, рыскающих в темных глубинах Сен-Лорана. Поступая на службу, он прекрасно знал, что эти корабли не будут сопровождаться корветами^[4].

«Да и что бы это изменило? — подумал Арман на бегу, направляясь к каютам матросов. — Все происходит так быстро!»

Эхо взрыва неотступно преследовало его. Он наивно полагал, что успеет собрать свои вещи в сумку на случай, если придется прыгать в спасательные шлюпки.

— Парни, подъем! — крикнул он. — *Wake up! Wake up!*^[5] Немецкие подлодки атакуют!

Он не знал голландского языка, поэтому использовал английский. Питер, один из солдат, сел на своей койке с оторопевшим видом. В ту же секунду начался настоящий ад. Вся масса тяжелого корабля судорожно затряслась. Вражеская торпеда пробила корпус и угодила в кочегарку. Послышались вопли ужаса, перекрываемые пугающим гулом и пронзительным свистом вырывающегося, словно из пасти огромной

чудовищной змеи, пара.

Армана бросило на пол. Его сердце бешено колотилось.

«Господи, это конец! Мама! Мама! — взмолился он. — Я не хочу умирать!»

От криков вокруг него кровь застыла в жилах. Он понял, что люди неподалеку горели заживо. Воцарился такой хаос, что думать было некогда. Матросы бросились на палубу. Арман побежал вместе со всеми. Старший помощник капитана спустил шлюпку на воду, но в нее могли поместиться лишь двадцать пассажиров.

— Мы тонем! — надрывался один из матросов.

Те, кто спал в своих каютах и кого не задел взрыв котлов, бросались прямо в пижамах в ледяную воду. Они боролись с мощным течением, которое тянуло их на дно. Тонущее судно создавало водоворот, которому, казалось, невозможно было сопротивляться. Оно скрылось под водой через шесть минут.

«Плыви, дружище, нужно плыть, — повторял Арман, который прыгнул в воду вместе с остальными. — Мама! Шарлотта! Господи, Шарлотта, любимая!»

Охваченный паникой, Арман нахлебался воды. С безумной скоростью в его голове замелькали картинки. Он увидел себя семилетним ребенком, рыскающим по территории целлюлозно-бумажного завода в Валь-Жальбере в поисках разных интересных вещей: ржавых болтов, гвоздей, шпакета. Чаще всего он устраивал свои вылазки на запретную зону в летние воскресные дни. В следующую секунду он вновь оказался на улице Сен-Жорж вместе с Симоном и Шарлоттой. Она была еще совсем девчонкой, а они подростками. Это было перед Рождеством. Они кидались друг в друга снежками. Из дома доносился восхитительный аромат свежих оладий, испеченных Бетти.

— Мама! Мамочка моя! — позвал он, выныривая на поверхность и отплеываясь. — Шарлотта, я люблю тебя! Ты слышишь? Я люблю тебя!

Продрогший, измученный парень неожиданно заметил шлюпку, танцующую на волнах. Он замахал рукой и издал крик отчаяния:

— Сюда! Ко мне!

— Держись, Арман! — услышал он чей-то голос.

Перед ним показалась мокрая голова Питера, соседа по каюте. Английский солдат плыл в его сторону.

— Ящики, — добавил он. — Нужно забраться на ящик!

— Хорошо! — ответил Арман, клацая зубами.

Вокруг них плавали огромные ящики, которые перевозило судно. Если

использовать один из них в качестве плота, возможно, появится шанс остаться в живых. С перекошенным от напряжения лицом Питер поплыл в их сторону. Казалось, им движет невероятная энергия.

— Я за тобой! — прошептал младший из Маруа, менее тренированный, чем его спутник.

Ему хотелось в это верить, но он был не очень хорошим пловцом. Оцепеневшее от холода тело не слушалось.

«Господи, нет! — взмолился он. — Нет... Мама... Я не хочу умирать, нет...»

Вода поглотила его и понесла по течению. Последним, что промелькнуло перед его взором, были лукавая улыбка Шарлотты и солнечный луч, блеснувший на ее розовых губах, нежности которых он уже никогда не познает.

Квебек, улица Сент-Анн, четверг, 14 мая 1942 года

Эрмина Дельбо, известная оперная певица, читала текст статьи, которая завтра должна была появиться в «Пресс». Его принесла некая Бадетта — журналистка и давняя подруга Эрмины.

Слезы застилали глаза, тем не менее она прекрасно видела эти строки, смысл которых разбивал ей сердце. Речь шла о показаниях капитана одного из голландских грузовых судов, которое затонуло два дня назад, подбитое немецкими подводными лодками.

«Ночь была холодной, вода — ледяной. Один из моих людей умер от холода. Мы опустили его тело в море, согласно морскому обычаю. Экипаж состоял из голландских моряков и четырех английских солдат. Невзирая на опасность рыщущих поблизости подлодок, которые невозможно было разглядеть в этой темноте, остальные корабли группы помогали проводить спасательные работы. Атака была такой стремительной и судно затонуло так быстро, что мы успели спустить на воду только одну шлюпку. Нас было двадцать два человека в шлюпке, рассчитанной максимум на тринадцать. Вторую шлюпку спустить не удалось, поскольку заело механизм. К тому же следовало торопиться: корабль мог взорваться в любую минуту, а сильный крен мешал маневрированию»^[6].

— Боже мой, какой ужас! — воскликнула Эрмина. — Судьба Армана изложена всего в нескольких словах! Я не могу в это поверить. Он умер от холода, пережив столько суровых зим в Валь-Жальбере!

— Держитесь, моя дорогая, — прошептала Бадетта, участливо

коснувшись ее плеча. — Я принесла вам эту статью, потому что вы меня об этом попросили. Вы хотели понять, что произошло той трагической ночью.

Сдерживая рыдания, Эрмина кивнула. Нервным движением она пригладила свои длинные светлые волосы, мягкие и волнистые, обрамляющие ее красивое, как у Мадонны, лицо.

— Вчера я получила телеграмму, сообщавшую о смерти Армана. Она была такой краткой, что я решила позвонить вам, раз уж вы оставили мне свой новый адрес. Бадетта, как вы думаете, он сильно страдал? Как это должно быть ужасно — утонуть! Подумать только, он был так счастлив, что попал на этот корабль пусть даже в качестве работника кухни! Ему было только двадцать четыре года! Боже мой!

— Должно быть, он сначала потерял сознание из-за холода. Я не знаю, что вам сказать; мне очень жаль, что мы видимся с вами при таких обстоятельствах, моя дорогая Эрмина. Переехав в Квебек, я надеялась видеть вас и ваших родителей чаще, но наша встреча оказалась печальной.

Эрмина попыталась улыбнуться и взяла свою подругу за руку. Более твердым голосом она произнесла:

— Благодарю вас за то, что вы оказали мне эту услугу...

— Мне просто повезло, что я получила это место в «Пресс», — ответила Бадетта. — Здесь я в курсе всего, что происходит в стране. И это зловещее событие вызвало резонанс в общественном мнении. Люди встревожены. На этот раз речь идет не о слухах. Немецкие подводные лодки проникли в Сен-Лоран. Люди хотят знать правду! И мои коллеги мне ее сказали. Два голландских грузовых судна были атакованы торпедами и затонули за несколько минут. Жители рыбацкой деревушки Клоридорм в Гаспези могут это подтвердить. Сначала они решили, что началось землетрясение. От взрыва первого корабля содрогнулась земля. А поутру они увидели этих несчастных уцелевших в пижамах, которым пришлось плыть более двух часов.

— Но Армана среди них не было, — простонала Эрмина. — Мне нужно срочно позвонить своей матери, чтобы она сообщила новость бедному Жозефу. Он потерял жену всего два года назад. Теперь ему придется оплакивать сына.

Бадетта усадила ее в кресло.

— Успокойтесь, прошу вас. Вам нужно что-нибудь выпить. Вы такая бледная.

Эрмина промокнула свои большие голубые глаза вышитым батистовым платочком и оглядела гостиную блуждающим взглядом, словно эта милая, уютная обстановка была ей незнакома.

— Я должна объяснить вам, что послужило причиной отъезда Армана, — произнесла она неуверенным тоном. — Он заезжал ко мне в конце апреля. У нас ничего не бывает просто, моя дорогая Бадетта. Мало что изменилось с того Рождества 1934 года, когда вы приезжали на праздники в Валь-Жальбер.

— И когда вы украдкой покинули нас, чтобы встретиться со своим лесным красавцем, — попыталась пошутить журналистка. — Простите, я просто пытаюсь вас утешить.

Из соседней комнаты послышался какой-то металлический звук. Почти сразу же в комнату вбежала миловидная смуглая особа, одетая в серое платье с белым воротничком, спрятанное под широким ситцевым фартуком, тоже серым. Это была Мадлен, индейская подруга Эрмины, последовавшая за ней в Квебек и взявшая на себя хлопоты по ведению хозяйства.

— Мина, мне очень жаль, — сообщила она, — но придется подождать. Я опрокинула чайник. Здравствуйте, мадам Бадетта! Как хорошо, что вы с нами!

— Никаких мадам между нами, — запротестовала журналистка. — Вы совсем не изменились, Мадлен! Как я вижу, вы больше не присматриваете за детьми?

— Нет, они остались у мадам Лоры. Там более безопасно, — ответила бывшая няня и кормилица Мари и Лоранс, дочерей Эрмины, близняшек восьми с половиной лет.

— И я очень этому рада, — добавила Эрмина. — Нацистская угроза становится все реальнее. Один торговец сказал мне вчера, что нас могут подвергнуть бомбардировкам. По крайней мере, трое моих детей будут в безопасности.

Она замолчала, снова погрузившись в свою печаль. Конечно, она не была очень близка с Арманом, который единственный из троих сыновей Маруа отличался особым характером — циничным, насмешливым. «Когда мне было шесть лет, а ему всего два, Бетти оставляла меня с ним и я кормила его кашей, — вспомнила она. — Я все время боялась, что он упадет со своего высокого стула. Мы вместе выросли. Я должна отправить телеграмму Симону».

На нее нахлынули воспоминания из детства. Тогда она была маленькой сиротой, которую приютили монахини Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, преподававшие в монастырской школе в те времена, когда целлюлозно-бумажный завод работал на полную мощность и рабочий городок Валь-Жальбер населяли более пятисот жителей. Настоятельница монастыря

часто доверяла ее заботам семьи Маруа, жившей на улице Сен-Жорж.

«Бедный Арман, — снова подумала Эрмина. — В последние недели он стал намного мягче. Но Шарлотта в очередной раз ему отказала, а ведь он искренне любил ее».

— Эрмина, — позвала Бадетта, — у вас такой потерянный вид.

— Мне сложно смириться со смертью Армана. Боже, какие глупости я говорю! Кто в состоянии смириться с такой внезапной, несправедливой смертью? Но война идет уже два года, и я боюсь, что ситуация будет лишь ухудшаться, особенно здесь. До настоящего времени нам не на что было жаловаться. Франция оккупирована. По всей Европе и по всему миру потеряли счет жертвам. Я очень встревожена, Бадетта. Гитлер — безумец, монстр, жаждущий власти, и его антисемитская кампания вызывает у меня отвращение.

— Согласно, это принимает пугающие масштабы, — подтвердила журналистка. — Но вы хотели объяснить мне причины отъезда Армана. Расскажите! Может, это хоть немного облегчит ваше горе.

— Или, напротив, усилит его, — вздохнула Эрмина. — Впрочем, вы правы. Мне нужно выговориться, «поболтать», как говорит наша славная экономка Мирей. Дело в том, что Арман был влюблен в Шарлотту: вы ее знаете — это та девушка, которая нам с мамой почти что приемная дочь. Но она была обручена с Симоном, старшим сыном Маруа. Они должны были пожениться в июне 1940 года. Шарлотта собиралась осуществить свою подростковую мечту — выйти замуж за любимого. Когда Бетти скончалась при родах, свадьбу, разумеется, отложили. А осенью того же года Симон поступил на службу в армию. Он разорвал помолвку, освободив девушку от всяких обязательств.

— Арман покинул родные края много месяцев назад. Он больше не видел свою мать живой. И уехал он только из-за любовных терзаний.

Голос Эрмины прервался. Ей показалось, что она пересказывает какую-то дешевую мелодраму. Тем не менее она продолжила:

— Этой зимой Арман снова встретился с Шарлоттой: она сейчас работает на заводе в Монреале. Так она противостоит войне, по ее собственному выражению. Арман был уверен, что она вышла замуж за его брата. Узнав, что это не так, и поскольку его не взяли в армию из-за нарушения слуха, он решил попытаться счастья. Но мадемуазель ничего не захотела слышать.

— И несчастный парень нашел себе место на голландском грузовом судне, — продолжила Бадетта.

— К несчастью, да! А Жозеф даже не сможет помолиться на могиле

своего сына! Армана похоронили по морскому обычаю, и его тело будет покоиться на дне Сен-Лорана.

Она снова заплакала. Мадлен принесла поднос с чаем. Весенний ветерок проникал в открытое окно. Солнце освещало занавески. Фруктовые деревья покрылись бело-розовыми цветами, на луга легло ярко-зеленое покрывало из нежной травы. Природе не было дела до смертоносного безумия, охватившего людей.

— А как поживают ваши детки? — спросила журналистка. — Они были такие славные, когда мы с вами встретились прошлым летом в Шикутими!

— Мукки растет на глазах, — поспешила ответить Эрмина. — Он стал гораздо сдержаннее, все такой же смуглый, с бархатным темным взглядом, как у его отца. Думаю, что со временем он станет точной копией Тошана.

Когда она произносила индейское имя своего мужа, ее голос слегка задрожал. Она на несколько мгновений прикрыла глаза, чтобы вызвать в памяти образ мужчины, которого любила всей душой и с которым ее связывала чувственная страсть, не ослабевающая с годами. Будучи романтической натурой, Бадетта ощутила смутную тоску.

— Эрмина, история вашей любви всегда будет меня восхищать. Я ведь пишу новеллы, но до сих пор не решалась написать о вас с Тошаном. Но я обязательно это сделаю! Помнится, как все заголовки газет пестрили сообщениями о вас. «Метис и Снежный соловей...»

Ей удалось вызвать улыбку у своей подруги. Мадлен, которая пила чай вместе с женщинами, подбадривала журналистку настойчивым взглядом.

— Я также вспоминаю нашу первую встречу, — добавила Бадетта. — Мы ехали в одном поезде в Квебек, вам предстояло пройти прослушивание. Прямо перед станцией Лак-Эдуард случилась авария, и нам пришлось провести ночь в местном туберкулезном санатории. Ваш Мукки был тогда еще младенцем. И вы принялись петь для больных. Никогда не забуду того волнения, которое я испытала, слушая вас. Я сказала себе: «У этой очаровательной особы огромный талант» и не ошиблась. Кстати, насколько мне известно, вы подписали контракт на три оперетты, которые пройдут этим летом?

Эрмина молча кивнула. Прежде чем ответить, она некоторое время разглядывала кружевную скатерть.

— Не могу сказать, что это мой любимый музыкальный жанр, но я должна зарабатывать на жизнь, а люди хотят развлечений. Повсюду пестрят афиши с Морисом Шевалье^[7]: американские фильмы задают тон. Поэтому директор Капитолия решил поставить «Страну улыбок» и «Веселую вдову»

Франца Легара. Репетиции начнутся на следующей неделе. Мне будет очень не хватать Октава Дюплесси, моего импресарио. У меня нет от него вестей уже целый год. Возможно, он тоже погиб.

— Не нужно видеть все в черном цвете, моя дорогая, — пожурила ее Бадетта. — Не теряйте надежды! Я с удовольствием буду вновь вам аплодировать.

По своему обыкновению Мадлен молча наблюдала за журналисткой, вызывавшей у нее симпатию. Это была красивая женщина, очень живая, порой проявляющая поистине детскую импульсивность. Было видно, что она нежный, преданный человек, немного взбалмошная в своих словах и поступках. У нее красивые зеленые глаза с золотистыми вкраплениями, светло-русые волосы до плеч, и она тщательно следит за модой в своей родной Франции.

— У меня нет выбора! — воскликнула Эрмина. — Я действительно настроена пессимистически. Мой муж готовится отплыть в Соединенное Королевство. Его корабль тоже может потопить торпеда. Я не смогу пережить его потерю! Здесь тоже все не так просто. Два года назад Тошан совершил акт неповиновения. Если говорить начистоту, Бадетта, он дезертировал!

— Боже мой! — испуганно воскликнула журналистка. — В военное время?!

— Он сделал это, чтобы встретиться со мной. И еще потому, что отказался стрелять в немецкого военнопленного в месте, которое я не должна называть, и при обстоятельствах, о которых не должна говорить... О! Это было почти государственной тайной! Умоляю вас, не выдавайте меня!

— Я ничего не слышала, — отрезала Бадетта с серьезным видом. — Прекрасный повелитель лесов может поступать лишь в согласии со своим собственным моральным кодексом. И какое чудесное доказательство любви! Дезертировать, чтобы встретиться с вами...

— Тошан воспрянул духом рядом со мной и нашими детьми за эти несколько осенних дней 1940 года. Затем он вернулся в гарнизон и признал свою вину. Получил взыскание, отсидел в карцере. Потом все наладилось. Его даже зачислили в батальон парашютистов. А через неделю он отправляется в Европу...

Эрмина растерянно оглядела комнату.

— Вы же помните, моя дорогая Бадетта, мы снимали эту квартиру, когда я пела в «Фаусте» в декабре 1934 года. После этого моя мать ее купила. Мы живем здесь летом. Так я могу быть ближе к своему мужу. Мы

видимся с ним, иногда он приходит сюда на обед или ужин.

Журналистка еле слышно вздохнула, подумав о Лоре Шарден, богатство которой казалось неисчерпаемым.

— Моя милая Эрмина, к сожалению, я должна вас покинуть, — сказала она несколько смущенно. — Благодарю за вкусный чай, но меня ждут в издательстве. Я буду навещать вас как можно чаще, как только вам понадобятся мои дружба и участие.

— Да, сударыня, — вмешалась Мадлен, — заходите к нам, когда у вас будет свободная минутка. Я вижу, что ваше общество приносит Мине утешение. Она так скучает по своим детям! И потом, мы чувствуем себя немного одиноко. У нас так мало визитов!

— Вот и договорились, — заключила Бадетта, пылко обнимая по очереди обеих женщин.

После ее ухода они некоторое время сидели молча.

— А теперь мне нужно позвонить родителям, — наконец произнесла Эрмина. — Им предстоит нелегкая задача — сообщить о смерти Армана его отцу.

— Не переживай, — тихо произнесла индианка. — Завтра мы поедем в Сент-Анн-де-Бопре и помолимся у статуи Катери Текаквиты^[8]. Мы уже несколько лет собираемся это сделать, но так до сих пор и не выбрались. Мина, покинувшие нас близкие слышат наши молитвы. Твой малыш Виктор^[9], Бетти и Арман знают, что ты их любишь.

— Ты права, мы обязательно туда поедем. Для тебя так важно это паломничество, а я лишаю тебя этой радости...

Непоколебимая вера Мадлен, отказавшейся от монастырской жизни из любви к Эрмине и ее дочерям, всегда вызывала восхищение у певицы. Она ласково коснулась щеки Мадлен и встала со стула, стройная и грациозная в голубом трикотажном платье, красиво облегающем ее тонкую талию, широкие бедра, восхитительную грудь.

Перед тем как снять трубку, она закрыла глаза, чтобы мысленно вернуться в свой городок-призрак Валь-Жальбер. Совсем скоро зацветут яблони, а на заброшенных полях белые головки ромашек будут освежать заросли диких трав. Она представила Мари и Лоранс, своих очаровательных девочек восьми с половиной лет, бегающих по пустынным улицам Лак-Сен-Жана с развевающимися на ветру русыми локонами, в то время как Мукки наверняка отправился к водопаду Уиатшуан.

«В это время года водопад очень мощный, так как он освободился от снега и сковывавшего его льда и напитался талой водой, — подумала

она. — Каждое утро, перед уроками, Арман бегал посмотреть на это зрелище. Арман... Он умер! Его тело покоится на дне Сен-Лорана...»

Валь-Жальбер, тот же день

Жозеф Маруа сидел на крыльце под навесом и точил свой нож. Лицо бывшего рабочего, увенчанное копной седых волос, носило следы глубокой печали. Приближавшаяся дата кончины его супруги вызывала у него страх. Снова нахлынут воспоминания, как в прошлом году, и он выпьет лишку, разглядывая немногочисленные фотографии покойной. Вечером, положив на могилу Бетти букет пышных красных роз, которые росли под окнами дома и хмельной аромат которых она так любила, он предастся горестным раздумьям.

Услышав звук чьих-то шагов, он поднял голову и увидел своего ближайшего соседа, Жослина Шардена. Это был высокий мужчина, еще крепкий, несмотря на приближающееся шестидесятилетие. Сейчас он шел медленнее, чем обычно, и выглядел озабоченным.

— Что привело вас ко мне? — спросил его Жозеф. — Надеюсь, моя дочь не причиняет вам хлопот?

— Нет, что вы, Жо! — поспешно ответил Жослин. — Мари — послушный и тихий ребенок, который тянется к знаниям. Думаю, со временем она вполне может стать учительницей. Если ваша дочь проявит себя такой же компетентной, как особа, нанятая Лорой, она сможет работать где угодно.

— Господи, и что бы я без вас делал? — горестно вздохнул Жозеф.

— Точнее, без моей жены, — поправил его Жослин. — Ведь именно ей пришла в голову мысль устроить у нас школу на дому. Чтобы найти достойную учительницу, Лора разместила объявление в трех журналах и, не теряя времени, переоборудовала свой кабинет под учебный класс. Из Шикутими поездом доставили пять парт, черную доску, весь необходимый материал.

Они обменялись дружеским рукопожатием, закончив обсуждать проблему, которая причиняла им немало беспокойство, пока за ее решение не взялась Лора Шарден с присущей ей энергией.

При помощи долларов мать Эрмины могла справиться с любой проблемой. Имея на своем попечении сына Луи, которому вот-вот должно было исполниться восемь, а также внуков Мукки, Лоранс и Мари, она решила давать им уроки на дому, поскольку с 1939 года в Валь-Жальбере

больше не осталось учителей. Весной и осенью дети могли посещать школу в Робервале, но зимой ежедневные походы туда значительно усложнялись.

— Во всем мире идет война! — горячо восклицала Лора. — Малыши будут в большей безопасности здесь, вдали от городов. Не думаю, что немцы станут бомбить полупустой рабочий городок.

Разумеется, Мари Маруа тоже заняла место в классе, как только Лора нашла в лице некой Андреа Дамасс идеального кандидата на роль учительницы. Незамужняя, не отличающаяся красотой женщина тридцати восьми лет была буквально напичкана дипломами. Занятия начались в середине апреля, и с тех пор в красивом доме Шарденов с утра и после обеда слышались объяснения арифметических правил, декламировались стихи, давались уроки географии и священной истории.

— Выпьете чашечку кофе, Жослин? — предложил Жозеф.

— Я бы лучше пропустил стаканчик чего-нибудь покрепче.

— Вы хотите что-то отпраздновать или, наоборот, забыть?

— Мой бедный Жозеф, у меня для вас очень плохое известие. Только что нам позвонила Эрмина. В Квебеке она быстрее нас узнает последние новости. В Сен-Лоранс произошла трагедия: немецкие подлодки торпедировали голландские грузовые суда, направлявшиеся в Англию.

Лицо бывшего рабочего посерьезнело. Он решил, что случилось несчастье с Тошаном, супругом молодой женщины.

— Я знаю об этом, ведь я купил себе радиоприемник.

Удрученный своей миссией, Жослин сел на верхнюю ступеньку крыльца и почесал густую бороду с проседью.

— Вы знали, что ваш сын Арман нанялся на одно из этих судов? — спросил он, все больше чувствуя себя не в своей тарелке:

— Арман? К чему вы клоните? Пару недель назад я получил от него письмо, в котором он сообщал, что собирается устроиться на военный завод.

— Жо, мне тяжело об этом говорить, но Арман погиб. Он был на борту одного из этих судов. Торпеда угодила в кочегарку. Матросы бросились в воду. Ваш сын, работавший помощником на кухне, прыгнул за ними. Но он не выдержал холода и утонул.

Некоторое время Жозеф сидел молча. Затем он медленно поднялся и, сжав кулаки у груди, издал крик ярости и боли:

— Нет! Нет! Господи! Нет!

Жослин, сгорбившись, опустил голову. Хриплые стоны его соседа и друга разрывали ему сердце.

— Мой сын, мальчик мой! Господи! За что мне все это?!

От глухого удара затряслась стойка навеса. Это отец, не в силах совладать со своей болью, ударил по деревяшке. На его пальцах выступила кровь; шатаясь, он подошел к креслу-качалке, где любил часами сидеть в хорошую погоду, и тяжело опустился в него.

— Мне следовало как-то подготовить вас к этой вести, — выдохнул Жослин. — Простите меня.

Жозеф рыдал, закрыв лицо руками.

— Он так мечтал плавать в море! Но недалеко же он уплыл, мой Арман. А его тело? Нужно похоронить его здесь, рядом с матерью.

— Вы не сможете этого сделать, Жо. Его отправили в последний путь по морскому обычаю, опустив гроб в воду. Мне искренне жаль! Я хотел бы найти слова утешения, но у меня их нет. У меня ведь тоже есть сын. Когда его похитили в начале той ужасной зимы 1940 года, я думал, что потерял его. Поверьте, я всем сердцем разделяю ваше горе.

— Теперь у меня осталась только Мари, — с удивлением осознал бывший рабочий. — Эдмон поступил в семинарию. Симон получил очередное назначение в какую-то часть. Он пишет мне раз в месяц, чтобы рассказать о своей службе. Какой идиот! Ему следовало жениться на Шарлотте и возделывать целину, как он планировал раньше. Эти двое должны были подарить мне внуков.

Жослин молча вошел в дом Маруа, вытащил из буфета бутылку и наполнил два стакана.

— Выпейте Жо, это вас немного подбодрит.

Совет был не самым лучшим, поскольку Жозеф боролся с явно выраженной склонностью к выпивке, но бывают обстоятельства, при которых без алкоголя просто не обойтись.

Монреаль, лагерь пленных на острове Сент-Элен, суббота, 16 мая 1942 года

Симон Маруа смотрел на солнечные блики, играющие на водной глади пролива Ле-Муан, отделяющего остров Сент-Элен^[10] от острова Монреаль. Он стоял в карауле с другим солдатом. Они оба следили за передвижениями двадцати заключенных, направленных на укрепление бараков. Когда Италия во главе с Муссолини объявила войну Франции, канадская полиция приступила к массовым арестам жителей, имеющих итальянское гражданство. В старых зданиях, построенных на острове несколько веков

назад, разместился лагерь. Среди заключенных также были немцы и с десяток японцев.

— Хорошая погода долго не продержится, — сказал Симон просто для того, чтобы поддержать разговор. — Могу поспорить, что со следующей недели зарядят дожди.

Он умирал от скуки: ему не нравилось его новое назначение. Но в армии не принято обсуждать приказы.

— Раз уж я ношу форму и держу в руках оружие, лучше бы отправиться в Европу, — добавил он. — А на этих несчастных заключенных тяжело смотреть. Они не имеют права с нами разговаривать, но я знаю, что несколько поколений их жили в Квебеке и они попали сюда ни за что.

Его товарищ усмехнулся и ответил:

— Даже если кто-то из этих итальяшек и сторонник Муссолини, он не станет кричать об этом на всех углах. Зато фрицы причиняют много хлопот. Уже не один пытался бежать отсюда. Смотри, капрал идет!

Они встали и отдали честь старшему по званию. Тот протянул Симону маленький голубой листок.

— Вам телеграмма, рядовой Маруа.

— Благодарю, капрал, — ответил Симон, не скрывая удивления.

Обычно эти срочные отправления не сулили ничего хорошего. Он повертел телеграмму в руках, прежде чем открыть. «Мама умерла два года назад, неужели что-то случилось с отцом?» — мысленно спрашивал он себя, ощутив внезапное волнение.

Телеграмма все прояснила. Очень коротко в ней сообщалось, что его брат Арман погиб на затонувшем торговом судне. Новость пришла из гарнизона.

— Я получил это извещение от офицера 22-го Королевского полка, — пояснил капрал. — Знакомая вашей семьи посчитала своим долгом вам сообщить. Я в курсе. Ваш брат... Примите мои соболезнования, рядовой Маруа. Грузовые суда были атакованы в ночь со вторника на среду в районе берегов Гаспези.

Симон кивнул, ошеломленный полученным известием. Он слышал об атаке немецких подлодок по радио в столовой.

— Корабли затонули из-за торпед? — уточнил он. — Но что делал на борту мой брат? Ничего не понимаю. Ведь он был освобожден от воинской службы!

— К сожалению, я не владею информацией, рядовой Маруа. Я разрешаю вам позвонить тому, кто сможет дать нужные сведения.

— Спасибо, — вздохнул Симон.

Он закурил сигарету со странным ощущением, что спит и видит дурной сон.

— Мне очень жаль, — сказал его товарищ. — Прими мои соболезнования.

Не в состоянии что-либо ответить, Симон отошел на несколько шагов. Прошлое навалилось со всей силой, хотя он уже несколько месяцев пытался стать другим человеком. В глазах зацепило от подступивших слез.

— Арман... Нет, — прошептал он.

Братья несколько лет изображали вражду друг к другу. Но в эту секунду в его памяти всплыл образ маленького светловолосого мальчишки, неугомонного сорванца. «Он постоянно ходил с разбитыми коленками и царапинами на щеках. Маме туго с ним пришлось. Она жаловалась, что ей с трудом удастся отстирывать одежду своего младшего сына. А папа так хотел, чтобы он стал механиком! Арман... В последний раз я видел его в Валь-Жальбере. Он принес цветы на могилу матери. Тогда он даже не остался ночевать дома».

Все это казалось Симону нереальным. Он раздавил каблуком окурочек. Внезапно его пронзила мысль о Шарлотте. «Арман умер, так и не простив меня. Он был уверен, что я увел у него единственную, интересующую его девчонку. Боже мой, ведь он любил ее! Возможно, они были бы счастливы вместе».

Симон решил позвонить Эрмине. Он направился к административному зданию. Капрал дал необходимые распоряжения, и его оставили одного в небольшом кабинете, стены которого были увешаны топографическими картами региона.

«Зачем мне ей звонить? — спросил он себя. — Хороший сын позвонил бы сначала своему отцу. Но это не про меня: я не был ни хорошим сыном, ни хорошим братом, ни хорошим женихом».

Он в замешательстве потер подбородок. Одно время ему казалось, что он сможет жениться на очаровательной Шарлотте Лапуэнт, которая выросла в их семье. Испытывая нежность к этому ребенку, Симон наблюдал ее медленное превращение из почти слепой девочки в лукавого подростка. Неизменным оставалось лишь одно: она его обожала.

«Увы! Меня не привлекают женщины, даже самые красивые, — сказал он себе. — И я живу с этой тайной в исключительно мужской среде...»

Тошан, муж Эрмины, был первым, кто догадался, что гложет молодого парня, стыдящегося своих гомосексуальных наклонностей. После двух попыток самоубийства старший сын Маруа смирился с тем, что он не

такой, как все, но считал долгом чести скрывать свою истинную природу.

Наконец Симон решился и спустя несколько минут услышал в трубке пронзительный голос Лоры Шарден. Она рассказала ему о трагедии, осыпая словами утешения. Когда он повесил трубку, его горло сжалось от сухого рыдания. «Значит, это правда. Арман умер, — подумал он. — А Эрмина живет в Квебеке». Он почувствовал себя ужасно одиноким. Тщательно сдерживаемое горе вызвало дрожь во всем теле. Неуверенным шагом он вышел на улицу с желанием кричать от ярости.

«Господи, ведь это был мой брат! Я считал, что ненавижу его, но на самом деле любил».

Квебек, улица Сент-Анн, тот же день

Эрмина писала письмо своей матери, когда звонок в дверь заставил ее вздрогнуть. Мадлен вышла за покупками. Отложив письмо, молодая женщина пошла открывать. Она никого не ждала и приняла приветливое выражение лица на тот случай, если это будет Бадетта, которая вполне могла забежать неожиданно. Но на пороге стояла девушка в черной юбке и бежевой блузке, с чемоданом в руке. Ее черные локоны были собраны гребнями с обеих сторон изящного чистого лица. Золотисто-карие глаза смотрели с глубокой скорбью.

— Шарлотта! — воскликнула Эрмина. — Дорогая моя, как я тебе рада! Входи скорее!

Как только закрылась дверь, они обнялись, не в силах сдержать слез.

— Получив твоё письмо, Мимина, я сразу поехала к тебе. Это так ужасно и несправедливо! У Армана впереди была целая жизнь, но он умер!

— Знаю, моя Лолотта, — ответила Эрмина, целуя ее в лоб. — Я очень хотела встретиться с тобой и поговорить. Мне так тебя не хватало! Да еще я разлучена с детьми.

— Я бросила работу, — призналась ее подруга. — В Квебеке тоже можно работать. Учитывая обстоятельства, я хочу быть рядом с тобой.

— В таком случае ты снова займешь свое место гримерши известной оперной певицы Эрмины Дельбо, — пошутила она. — Даже если мне придется платить тебе из своего гонорара. Я не перестану плакать с самой среды, так что Мадлен уже не знает, что делать. Разве можно было такое представить? Арман погиб в расцвете лет!

Шарлотта печально кивнула. Всю дорогу в поезде она без конца повторяла такую короткую, но полную тяжелого смысла фразу: «Армана

больше нет...»

— Завтра утром мы собираемся в Сент-Анн-де-Бопре, — сообщила ей Эрмина, словно речь шла о крайне важном событии. — Мадлен была уверена, что ты приедешь сегодня. Она обязательно хотела дождаться тебя. Возможно, вместе мы легче переживем это горе.

— Больше всего меня беспокоит наша недавняя встреча с Арманом. Он пригласил меня в известный ресторан в Монреале. Боже мой, как же мне тяжело! Мимина, я резко оборвала его признание в любви. Я была жесткой, холодной. Бедняга даже не смог доесть свой десерт. А я, идиотка, снова заговорила о Симоне, о своем разочаровании, об этой свадьбе, которая так много значила для меня, но так и не состоялась. Лучше бы я сказала ему правду!

— Какую правду? — спросила Эрмина, беря ее за руку и увлекая в гостиную.

— Просто я начала думать, что, возможно, смогу быть счастливой с Арманом.

— Ты не могла предвидеть, что случится такое, Шарлотта. Ты думала, что у тебя еще есть время. Вовсе не ты решила его судьбу, а немецкие торпеды. Давай выпьем чаю. Теперь, когда ты здесь, я чувствую себя лучше.

Между ними не было кровного родства, но они считали себя родственными душами. История их знакомства началась в коридорах монастырской школы Валь-Жальбера в тот памятный день, когда монахини покидали эти места. Мэр городка организовал для них прощальный праздник. Шарлотта, обладавшая слабым зрением, ошиблась этажом в поисках туалета. В ту пору она была десятилетней девочкой, плохо одетой и жутко грязной. Проникнувшись жалостью, Эрмина стала заботиться о ней. Ребенок буквально чах с матерью-инвалидом и грубым отцом-алкоголиком. Когда Шарлотта осиротела, несмотря на ближайшее соседство ее единственного брата Онезима Лапуэнта, девочку приютила у себя Бетти Маруа, а потом практически удочерила Лора, оплатив дорогостоящую операцию, позволившую вернуть ей зрение.

— Мимина, я должна была дать надежду Арману. Тогда бы он остался в Монреале.

— Уверяю тебя, в этом нет твоей вины. Милая моя, ты не должна себя казнить. Ты проголодалась?

— Нет, я не хочу есть. Моя бедная Мимина, я надоедаю тебе своим нытьем, даже не спросив, виделась ли ты с Тошаном. У тебя такой грустный вид.

— Поводов для веселья нет... Тошан позвонил мне, когда узнал, что Арман стал одной из жертв этой трагедии. Я надеялась, что он хотя бы придет. Но нет! А ведь из центра города видны крыши гарнизона. Мы так близко друг от друга, но нас разделяет устав его полка.

Шарлотта сочувственно кивнула. Она обвела взглядом элегантную и уютную обстановку.

— Здесь гораздо красивее, чем в пансионе Монреалья, где я жила. У тебя, Мимина, я наконец чувствую себя в безопасности... Я хотела бы переодеться. Какую комнату ты мне отведешь?

— Розовую, как окрестила ее мама. Не беспокойся, места у нас хватает. Иди ополоснись с дороги. А я пока приготовлю чай.

С чемоданом в руке Шарлотта направилась по коридору. В ту же секунду открылась входная дверь. Решив, что это Мадлен, Эрмина задержалась на пороге кухни. И вздрогнула от неожиданности, увидев своего мужа в форме.

— Тошан! Слава Богу! Все же это хороший день, несмотря ни на что. Сначала ко мне вернулась Шарлотта, теперь ты... наконец-то!

Он протянул к ней руки, пораженный, насколько глубоко ее потрясло известие о гибели Армана Маруа. Она спрятала лицо у него на груди. Он крепко обнял ее, словно хотел защитить от всех несчастий мира.

— Мина, милая, мне очень жаль! Я хотел прийти раньше, но не мог, — прошептал он ей на ухо.

В свои тридцать три года Тошан Клеман Дельбо был очень красивым мужчиной. Индейская кровь, текущая в его жилах, придала коже медный оттенок, выгодно подчеркивающий темные глаза и волосы. Он был крепким, но стройным, среднего роста. От всей его фигуры исходил какой-то особый шарм благодаря его мягкой, немного кошачьей походке и гордым чертам лица, которое редкие улыбки делали еще более привлекательным. От своего отца, Анри Дельбо, выходца из ирландской семьи, он унаследовал чувственные сочные губы, прямой нос и широкие плечи.

— Любовь моя, — выдохнула Эрмина, — умоляю тебя, не уезжай! Я не хочу, чтобы ты тоже погиб! Немецкие подводные лодки добрались до Сен-Лорана. Теперь этого никто не станет отрицать. Корабль, на который ты сядешь, тоже может потопить торпеда. Два года назад, когда ты дезертировал, мне следовало заставить тебя прятаться в лесах до конца этой проклятой войны.

Она разрыдалась. Тошан гладил ее по спине, покрывал легкими поцелуями ее волосы с ароматом меда.

— Ты права, угроза реальная, не стану тебе лгать, — ответил он. — Но

очень скоро будут усилены воздушные патрули. Корабли с грузом — излюбленная мишень подлодок, а у голландских судов не было конвоя. До последнего года немцы держались в стороне от американских берегов, чтобы не спровоцировать вступление в войну Соединенных Штатов. Но тебе известно, что после нападения на Пёрл-Харбор ситуация изменилась. Не волнуйся: судно Королевского флота, на котором я поплыву, оснащено всем необходимым. Мина, жenuшка моя, тогда, дезертировав, я просто поддался секундной слабости. Теперь все по-другому. В Европе я смогу сражаться так, как хотел.

Подобно большинству женщин, Эрмина была глуха к таким аргументам.

— Ты будешь так далеко от меня, от наших детей! Нас будут разделять тысячи километров, и одна мысль об этом сводит меня с ума. Я крепилась изо всех сил, полная решимости не жаловаться, но смерть Армана кажется мне дурным предзнаменованием. Что со мной будет, если ты погибнешь?

— Прошу тебя быть сильной, если это случится. Ты вырастишь наших троих малышей в строгости и нежности, я тебе доверяю. Эрмина, не будем обольщаться. Я всей душой хочу вернуться к тебе, но не могу этого обещать.

Его слова отозвались болью в сердце молодой женщины, словно это было последнее прощание. Она подняла голову, чтобы навсегда запечатлеть в памяти образ своего мужа. Кончиками пальцев она провела по его скулам, лбу, задержалась на губах.

— Ты хочешь, чтобы я отказалась от тебя. Я с ужасом представляю твое родное лицо в крови или обожженным. На голландском судне люди погибли, когда взорвались котлы. Ты — мой супруг, моя любовь, я рассчитывала прожить рядом с тобой всю свою жизнь. Тошан, они причинят тебе боль!

— Прекрати говорить такие вещи! Кого ты имеешь в виду? — несколько сухо оборвал он ее, схватив за запястья.

— Я говорю о наших врагах, немцах. Неужели ты не боишься? Тебе все равно, что ты можешь умереть, получив пулю или утонув?

Внезапно он отпустил ее и принялся ходить по гостиной. За десять лет брака и страсти они знали и периоды раздора, конфликтов. Временами жесткий характер Тошана доставлял немало мучений его супруге. Сейчас он тоже упрекнул себя в излишней резкости.

— Мина, прости меня! — бросил он. — Мы уже обсуждали это в декабре 1939 года, когда я сообщил тебе, что иду добровольцем в армию. Не стану отрицать, что я не раз жалел о своем решении из-за тебя. Я

оставил вас с детьми одних, и у тебя были серьезные неприятности. Но я хочу, чтобы ты уважала мой выбор. Я уезжаю на следующей неделе, и тебе придется с этим смириться. Все нормальные мужчины, имеющие чувство долга, должны сражаться с Гитлером. Прошлым летом во Франции прошли массовые аресты евреев. Облавы производились полицией страны под бесстрастным взглядом оккупантов. Может, я и боюсь, но что с того? Сможешь ли ты гордиться трусливым мужем, прячущимся в лесу?

— Нет, — согласилась она удрученно.

Встревоженная, Шарлотта вошла в комнату. Извинившись, она подошла к Эрмине.

— Здравствуй, Тошан, — мягко поздоровалась девушка. — Что происходит?

— Судя по всему, моя жена теряет хладнокровие. Я рассчитываю на тебя, Шарлотта. После моего отъезда ей нужна будет твоя поддержка.

Шарлотта молча кивнула. Стыдясь своего поведения, Эрмина не решалась поднять взгляд на Тошана. Он снова обнял ее.

— Я пришел, чтобы утешить тебя, а сам обижаю. Дорогая моя, у меня увольнительная. Мне так не терпелось сообщить тебе об этом. Я смогу остаться здесь на ночь, быть может, и в остальные дни тоже, до самого отъезда. Я планировал повести тебя в ресторан. Гораздо разумнее наслаждаться каждой минутой, проведенной вместе, чем терзать себя или сетовать на судьбу. Какой в этом смысл?

Он взял ее лицо в свои теплые ладони и некоторое время рассматривал, прежде чем поцеловать. Прикоснувшись к его губам, она едва сдержала стон, в котором радость смешивалась с тоской по их красивым ночам любви.

— Ты благоразумнее меня, — тихо призналась она. — Я сделаю невозможное, лишь бы не разочаровывать тебя, Тошан.

— Расскажи, как там дети? — с улыбкой спросил он.

— Мама открыла свою частную школу, — ответила она более твердым голосом. — У учительницы нет никаких шансов соблазнить моего отца. Похоже, образованность — ее единственный козырь. Мукки учится хорошо, особенно успеваает по математике и географии. Лоранс по-прежнему много рисует, а Мари-Нутта не дружит с орфографией.

Эрмина говорила быстро, ища забвения в словах, возвращающих ее к привычной, мирной жизни.

— Мари-Нутта... — повторил ее муж. — Ты не забыла, что индейское имя нашей дочери, Нутта, означает «мое сердце». Мне кажется, она его заслуживает. Она самая недисциплинированная из наших детей, но я

чувствую в ней невероятный темперамент. Плевать на орфографию, ее ждет блестящее будущее.

— Лоранс тоже подходит ее индейское имя. Нади означает «смирная». Надеюсь, она станет художницей.

Беседа ослабила напряжение. Шарлотта выскользнула, чтобы приготовить чай, а Мадлен, в свою очередь, появилась на пороге. Лицо индианки озарилось, когда она увидела своего кузена.

— Тошан! Ты здесь!

Он звонко чмокнул ее в щеку, что было ему несвойственно. Она смущенно засмеялась.

— Мина, я купила печенье и выпечку. Я была уверена, что приедет Шарлотта. Тебе тоже достанется, Тошан.

— Мои товарищи по комнате умерли бы от зависти, если бы узнали, что я буду лакомиться сладостями в окружении трех прекрасных женщин. Насколько мне известно, раньше индейские воины имели право на всевозможные почести перед тем, как отправиться воевать с бледнолицыми. Благодарю вас, дамы!

Красавец метис закурил сигарету. Эрмина пожирала его глазами. Она все прекрасно понимала. Тошан так искрометно шутил и бахвалился лишь для того, чтобы изгнать призрак смерти из гостиной, залитой солнцем. Растроганная, она взяла руку мужа и переплела его пальцы со своими. «Любимый, я буду молиться, чтобы ты вернулся ко мне, — подумала она. — Я буду молиться своему Богу и твоему, и ты снова увидишь свои леса, свою реку, своих детей... и свою любимую женушку-ракушку, поскольку я буду ждать тебя все годы напролет. И если понадобится, я переплыву океан, чтобы встретиться с тобой».

Глава 2

Раздоры

Квебек, вторник, 19 мая 1942 года

Эрмина сидела у окна своей гостиной в домашнем платье. Тошан, проведя с ней очередную ночь, только что ушел. Несмотря на страстную нежность их объятий, она не могла избавиться от легкого чувства горечи. Все равно это были лишь короткие свидания, несмотря на то что в преддверии скорого отъезда он старался навещать ее как можно чаще, пусть даже на часок среди дня.

«Мужчина получает удовольствие, дарит его нам, но в глубине души ему не терпится скорее отправиться в другую вселенную — в мир армии, оружия, моторов, самолетов», — думала она.

Заметив фарфоровую чашку на круглом столике, она смахнула ее тыльной стороной ладони. Хрупкий предмет ударился о ножку кресла и разлетелся вдребезги. Из кухни прибежала Шарлотта и увидела осколки.

— Что с тобой, Мимина? — спросила она. — Ты стала такой неловкой. Во всем виноваты твои нервы.

— Да, мои нервы! И я не более неловка, чем обычно: я сделала это специально. Тошан уезжает в субботу. За две недели я удостоилась всего нескольких встреч, а сегодня он целое утро рассказывал мне о своих прыжках с парашютом! Какое необыкновенное ощущение — быть на борту, лететь над землей! Господи, я никогда не пойму упорства мужчин, с которым они стремятся убить себя! Как вообще эти железные машины умудряются летать? Ответь мне, пожалуйста!

Шарлотта лишь молча пожала плечами. Она заметила некоторую небрежность в облике своей подруги. Редко когда можно было увидеть ее непричесанной, бледной, с синевой под глазами.

— Дорогая моя, — укоризненным тоном сказала она, — тебе следует привести себя в порядок и одеться. Я причешу тебя и подкрашу. Ты же не собираешься оставаться весь день в таком виде?

— А почему нет? Репетиции снова отложили. Я даже не уверена, что мой контракт будет оплачен. Все очень плохо, Шарлотта! Весь мир погряз в войне. Япония, Россия, Африка... А у меня нет никаких вестей ни от

родителей, ни от Симона. К тому же сегодня день рождения Луи. Моему братику исполнилось восемь лет, а я даже забыла ему написать.

— Но ты можешь позвонить!

— Да, конечно, но это не одно и то же. Я же говорю тебе, что все очень плохо. Еще хуже обстоит дело с Талой. Я не знаю, где она сейчас и что с ней! Представляешь? Я не видела Киону с прошлого лета, да и тогда мы провели вместе всего одну неделю.

Ее голос задрожал. Она всем сердцем любила свою сводную сестру, родившуюся от короткой любовной связи ее собственного отца Жослина и матери Тошана, прекрасной индианки Талы. Ребенок ничего не знал об их родстве. Это была необычная девочка, обладающая редкими способностями ясновидения и биллокации^[11], подобно шаманам своего народа или великим католическим мистикам. Два года назад Киона показала, на что способна, и это очень впечатлило Эрмину. Она на несколько секунд закрыла глаза, чтобы вызвать в памяти образ девочки с матовой кожей, золотисторыжей шевелюрой и янтарными глазами.

— Тошан уверяет меня, что его мать по-прежнему живет у Шогана, брата Мадлен, — продолжила она. — Я понимаю, письма из глубины лесов идут очень долго, тем не менее...

— И все-таки уже полдень, а ты никак не можешь расстаться с этим креслом. Давай, встряхнись.

Звонок в дверь прервал ее на полуслове. На лице девушки появилось выражение триумфа.

— Вот видишь! У нас гости, а ты в таком виде. А если это кто-нибудь из театра? Беги скорее в свою комнату, я открою.

— Наверное, Мадлен забыла ключи, — предположила Эрмина, даже не думая вставать.

— На нее это не похоже! Тем хуже для твоей репутации, — вздохнула девушка, направляясь к входной двери.

Несколько секунд спустя она оказалась лицом к лицу с Симоном Маруа. Молодые люди не виделись с тех пор, как расторгли помолвку, то есть два года. Шарлотта покраснела до кончиков ушей. Она с трудом справилась с желанием захлопнуть дверь из лакированного дуба, чтобы убрать с глаз долой облик мужчины, которого так любила, почти обожала.

— Привет, мисс, — произнес он со смущенной улыбкой. — Я не знал, что ты в Квебеке.

Слово «мисс» отозвалось болью в сердце Шарлотты. Симон часто ее так называл, когда она была подростком. Девушка опустила голову, сожалея, что не может забиться в мышиную норку.

— Привет. Полагаю, ты приехал к Эрмине, — сухо ответила она. — Входи, я как раз собиралась гладить белье. Не буду вам мешать.

— Но ты и не мешаешь, — возразил он.

— Перестань ломать комедию, — прошипела девушка сквозь зубы. — Что касается меня, то я надеялась, что больше никогда не встречу тебя на своем пути. Никогда!

С этими полными ненависти словами она оставила его одного. Эрмина, слышавшая основную часть их разговора, медленно подошла к юноше и, увидев такое родное лицо Симона, которого любила как брата, заплакала.

— Входи скорее, — рыдая, пробормотала она и раскрыла объятия.

Взволнованные, они долго стояли обнявшись. Каждый думал об Армане, вычеркнутом из списка живых менее чем за час и покоящемся в холодных водах Сен-Лорана.

— Ты получил увольнительную? — наконец спросила Эрмина. — Учитывая ситуацию, это нормально. И мне нравится, что ты не в форме. Я могу уговаривать себя сколько угодно, но начинаю ненавидеть армию.

Как только она задвинула засов на двери, Симон судорожно вздохнул и признался:

— Я дезертировал...

— Господи, — простонала Эрмина, растерянно глядя на него. — Ты с ума сошел?!

— Нет, позавчера вечером я стоял в карауле и воспользовался этим, чтобы сбежать. Я спрятал в рюкзаке свою гражданскую одежду. Удача была на моей стороне: водитель грузовика подбросил меня до станции. В поезде я переоделся. Мимина, ты должна мне помочь. Мне нужны деньги.

Она взяла его за руку, словно он был потерявшимся ребенком.

— Я не стану помогать тебе совершить такую глупость, Симон, — тихо заявила она, усаживая его на диван. — Ты будешь благоразумным и вернешься в Монреаль. Твое начальство поймет. Ты скажешь им, что был потрясен смертью брата. Прошу тебя, это наилучшее решение. Тошан скажет тебе то же самое. Ты немного с ним разминулся, очень жаль. Он бы тебя вразумил.

Симон вздрогнул при мысли, что мог бы увидеть красавца метиса, в которого был тайно влюблен. Эрмина заметила, как изменилось его лицо. Ее это шокировало, но она не подала виду.

— И потом, куда ты пойдешь? — спросила она. — Полагаю, ты хочешь спрятаться в лесной чаще и играть в патриота?

— Я собирался укрыться в вашем доме в Перибонке, — признался

он. — Никто не станет меня там искать. Я буду очень осторожен. Летом я буду выходить только вечером, а с приходом зимы мне уже ничего не грозит. Только не считай меня трусом! В лагере острова Сент-Элен я целыми днями наблюдал за беднягами, полностью подавленными своим заключением, отрезанными от своих семей, — за итальянцами, единственное преступление которых состоит в том, что они иностранцы. Что касается нацистов, они меня пугают. Есть еще кое-что...

— Что? — встревожилась она.

Они не заметили присутствия Шарлотты за стеклянной дверью, отделяющей гостиную от столовой. Снедаемая любопытством, та прислушивалась к их разговору.

— Вчера утром в лагере ко мне подошел санитар, когда я оплакивал своего брата. Я не думал, Мимины, что смерть Армана так меня потрясет... Этот тип сначала сочувственно похлопал меня по плечу, потом неожиданно его рука спустилась вниз по спине. Я был парализован, словно мышшь перед змеей. «Маруа, я могу вас утешить», — сказал он мне. Я вскочил и убежал. Думаю, он тоже гомосексуалист. Если бы ты только знала, Эрмина, как мне хотелось броситься в его объятия! Но что потом? У меня нет опыта... А если бы нас кто-нибудь увидел?

Сбивчивые слова Симона, которые он бубнил монотонным голосом, возмутили молодую женщину, несмотря на все ее сочувствие и желание быть толерантной.

— Прошу тебя, — оборвала она его. — Не говори здесь об этом.

— Почему? — спросил он с потерянным выражением на лице. — Именно из-за «этого», как ты говоришь, я и дезертировал. Тот санитар догадался о моей истинной природе. Я больше не мог там оставаться. Для меня нигде нет места на этой земле. Лучше бы я сдох! Арман должен был жить, а не я!

В его последних словах было столько страдания, что Эрмина сжалась и взяла его за руку.

— Я дам тебе денег. Но тебе лучше отправиться в Штаты и найти себе работу. Твоя идея спрятаться у нас, в чаще леса, не самая лучшая. Одиночество сведет тебя с ума.

— Я и так чувствую себя безумцем. Ты единственная, кому я могу довериться. Если бы ты только знала, какие мне снятся сны! Просыпаясь, я умираю от стыда.

Шарлотта уловила суть беседы. Ее сердце бешено заколотилось. Теперь она не сомневалась в противоестественных наклонностях своего бывшего жениха. Охваченная непонятной яростью, она ворвалась в

комнату и встала перед Симоном.

— Убирайся отсюда! — закричала она. — Сейчас же! Ты оскорбляешь память своей матери и своего брата! Сейчас ты снова ведешь себя как эгоист, жалуясь на свою судьбу! Никто не обязан выслушивать твою похабщину! Как я могла любить тебя, готовая отдать душу и телом! При одной только мысли о твоих поцелуях меня начинает тошнить! Убирайся отсюда, грязный извращенец!

— Шарлотта, успокойся! — возмутилась Эрмина. — Ты потеряла рассудок?

— Да, потеряла! Я сгорала от любви к этому грязному типу, в то время как он с вожделием пялился на красивых ребят! Я многое узнала, работая на заводе в Монреале. У моих коллег язык был хорошо подвешен. И мне тоже было что рассказать. Два года я переживала свое унижение, свою печаль. Дошла до того, что все время твердила Арману, что не могу забыть его брата. Ты сломал мне жизнь, Симон! Убирайся!

Тот растерянно посмотрел на Эрмину, хозяйку дома.

— Мне уйти, Эрмина? — спросил он.

— Нет, только не при таких обстоятельствах! Шарлотта, успокойся. Ты не должна так обращаться с Симоном. Мир и без того в войне, так давай не будем устраивать ее в семейном кругу.

— В каком семейном кругу? — вскричала Шарлотта. — С каких это пор Маруа стали членами твоей семьи? А Лапуанты? Лора меня не удочеряла.

В ярости девушка была еще прекраснее. Ее потемневшие глаза сверкали. Губы искривились в презрительной гримасе, которую вполне можно было принять за провокационную. Эрмина озадаченно посмотрела на нее, затем перевела взгляд на Симона.

— Это уже слишком для меня, — сказала она. — Тошан уезжает через четыре дня, и я не увижу его долгие месяцы. Если вообще увижу... С момента смерти Армана не прошло и недели... У меня нет сил выносить эту сцену. Шарлотта, прошу тебя, иди в свою комнату. Мне нужно успокоиться. Смею тебе заметить, что ты наговорила ужасных вещей Симону. Ты должна перед ним извиниться.

— Не нужно, — вздохнул он. — По крайней мере, она была искренна. Ничего другого я и не ожидал. Зря ты помешала мне повеситься, Мимина, в тот печальный день, когда умерла мама. С тех пор я не сделал ничего стоящего ни в личной жизни, ни в армии.

Шарлотта не двигалась с места. Сжав кулаки, она смотрела на Симона жестким взглядом. «Если бы я могла, то набросилась бы сейчас на него,

расцарапала лицо, вырвала волосы. Господи, как же я его ненавижу! Он мне противен, омерзителен!» — думала она, находясь, тем не менее, под впечатлением от этой встречи.

Симон был очень красивым мужчиной. Приближаясь к своему тридцатилетию, он демонстрировал мужественные черты своего отца, и на лице его не было изъянов. Он больше не носил усов, что подчеркивало его чувственный рот с яркими губами. Высокий, стройный, с загорелой кожей и золотисто-кариими глазами, он нередко вызывал восторженные взгляды у встречавшихся ему женщин.

«Я по-прежнему его хочу, — с горечью подумала Шарлотта. — Ну почему он оказался ненормальным?!»

Звук хлопнувшей двери заставил вздрогнуть всех троих.

— Я забыл свой бумажник, — сказал Тошан, входя в переднюю. — Мина, дорогая?

Шарлотта убежала в свою комнату. После гневного выступления ее нервы были на пределе и она не могла сдержать слез глубокой скорби. Симон вскочил со своего места. Он не был готов к этой встрече. Крайне взволнованный, он, тем не менее, принял непринужденный вид.

— Какая встреча! — весело воскликнул молодой человек. — Мой друг Тошан!

Эрмина заметила удивление на лице своего мужа, когда он пожимал ему руку.

— Ты в увольнительной, рядовой Маруа? — пошутил он. — А почему без формы? На улице это поднимает престиж.

Симон ограничился улыбкой. Он смотрел на Тошана, даже не пытаясь скрыть свои истинные чувства. Это вызвало раздражение у Эрмины.

— Где твой бумажник? — спросила она натянутым голосом.

— Наверное, на ночном столике.

— Если у тебя есть несколько минут, я схожу за ним и заодно переоденусь. Выпейте пока кофе. Симону нужен твой совет. Он дезертировал из армии.

С этими словами женщина вышла в коридор и направилась в свою комнату. «Я не могу видеть, как Симон смотрит на Тошана, — сказала она себе. — Боже мой, как сложна жизнь! Вот я уже ревную мужа к своему лучшему другу, которого люблю как брата!»

Потрясенная, она принялась разглядывать свое отражение в зеркале шкафа. Льяняные занавески на окне смягчали яркий свет дня, но даже в этом выгодном освещении она испугалась своего вида.

«Шарлотта права. Я похожа бог весть на кого. И выгляжу ужасно».

Эта констатация факта еще больше усилила ее депрессию. Эрмина быстро причесала волосы, собрала их на затылке и надела легкое голубое платье.

«Неужели я превращусь в собственную тень, когда Тошан уедет в Европу?» — спросила она себя, снова вглядываясь в свое отражение, которое ей по-прежнему не нравилось.

Устало пожав плечами, она взяла бумажник своего мужа и вернулась в гостиную. То, что она там увидела, заставило ее похолодеть: Симон рыдал в объятиях Тошана.

Валь-Жальбер, тот же день

Лора Шарден любовалась медной табличкой, украшавшей стену ее дома слева от входной двери. Она не удержалась и провела пальцем по буквам, выгравированным на металле.

— Какая красота, — тихо произнесла она.

Мирей, подметавшая крыльцо, покачала головой. Очередная причуда хозяйки забавляла ее.

— Боже милосердный! Мадам, по крайней мере, в этом городке вы войдете в историю, — пошутила она.

— Насмехайся, если хочешь, но в этой надписи нет ни слова лжи. «Частная школа Лоры Шарден».

Экономка с беспокойством огляделась вокруг. Валь-Жальбер более, чем когда-либо, казался пустынным. Правда, ей было известно, что около пятидесяти жителей все же продолжали жить здесь, но речь шла о владельцах собственных домов. Все они сгруппировались возле региональной дороги. Но на улице Сен-Жан сейчас остались лишь Маруа, Шардены и Онезим Лапуэнт, брат Шарлотты, со своей супругой Иветт и двумя сыновьями.

— У меня не было выбора. Идет война, Мирей. Но мой сын и мои внуки должны получить образование. Позже, когда все наладится, они поступят в пансион в Шикутими.

— Вы сделали огромное дело, мадам, — похвалила ее экономка с едва заметной иронией.

С неизменно зачесанными назад прямыми белоснежными волосами, эта уроженка Тадуссака^[12] скоро собиралась отпраздновать свои шестьдесят восемь лет. Казалось, время не властно над ее энергией: она в одиночку справлялась с хозяйством и кухней.

— Единственное, что меня беспокоит, мадам, — позволила она себе уточнить, — это ваша учительница. Мадемуазель пальцем не пошевелит, чтобы помочь мне утром. Она завтракает в гостиной, а затем запирается в вашем кабинете... пардон, в классе, и ждет малышей... пардон, учеников.

— Замолчи, Мирей! Я нанимала не домработницу, а преподавательницу. К тому же занятия отвлекают Мукки и девочек от грустных мыслей. Когда они увидят свою мать? Никто этого не знает.

Лора вздохнула, на этот раз совершенно искренне. Она скучала по Эрмине, а также по Шарлотте.

— Наш Соловей подписал контракт, — напомнила экономка. — В такое сложное время ей просто повезло.

— Если только немцы не примутся бомбить Квебек, как делали это с Лондоном, — возразила Лора.

Они обменялись тревожными взглядами. В ту же секунду из дома послышалась песня, с энтузиазмом исполняемая детскими голосами:

Трое молодых парней вернулись с войны.

А! А! Тра-ля-ля!

Вернулись с войны!

Самый юный держал в руках букет роз.

Лора на цыпочках подошла к своему бывшему кабинету. Представшее ее глазам зрелище наполнило ее радостью: дети стояли возле своих парт — мальчики с одной стороны, девочки с другой. Мари Маруа была одета в розовую блузку, а на Лоранс и Мари-Нутте красовались свитера в серо-голубую клетку. И вся эта маленькая компания пела от души.

Обладая немалым состоянием, Лора Шарден купила все необходимое для своей частной школы: шесть парт и шесть стульев, классную доску, географические карты, а также библиотеку с классической литературой, размещенную в застекленном шкафу. Недостатка не было ни в чем: ни в бутылочках с фиолетовыми чернилами, ни в перьях и пеналах. Она также позаботилась о запасах мела.

— Мадам, — прошептала экономка, — если дети вас увидят, отвлекутся.

Со своего возвышения мадемуазель Андреа Дамасс заметила движение за кружевными занавесками. Испытывая легкую досаду, она велела своим ученикам сесть.

«Мадам Шарден следит за мной, — подумала она. — Возможно, она

не одобряет выбор песни. Ну и что, она же предоставила мне свободу действий!»

Тем не менее, полная решимости сохранять это место за собой как можно дольше, учительница поспешила перейти к уроку математики.

— Возьмите свои доски, — объявила она. — Луи, будьте внимательнее сегодня. Вчера вы решили задачу неправильно.

Андреа Дамасс повернулась спиной к ученикам, чтобы написать задание на классной доске. Слушая особый стук мела, осторожно касающегося доски, Лоранс улыбнулась. Цифры ее не пугали. Зато ее сестра принялась с досадой отбивать чечетку.

— Мари, прекратите стучать ногой, — сделала ей замечание учительница. — Это невежливо.

— Во-первых, меня зовут Нутта, — вызывающим тоном ответила девочка. — Здесь две Мари. И я вам уже говорила, что я — Нутта.

— В этом имени нет ничего католического. Я предпочитаю его не использовать, и ваша бабушка того же мнения. К тому же вы не смеете разговаривать со мной в таком тоне!

— В таком случае, мамзель, меня нужно звать Жослином! — воскликнул Мукки. — У меня тоже два имени: Жослин и Мукки. Мы, знаете ли, немного индейцы, дикари!

Луи прыснул со смеху, спрятавшись за своей доской. Он был в курсе бунта, зреющего со вчерашнего дня. После относительно спокойной недели Мари-Нутта и Мукки решили вывести мадемуазель Дамасс из себя в тайной надежде, что она быстренько упакует свои вещи и сбежит отсюда. Лоранс отказалась участвовать в их затее.

— Это не очень хорошо, — сказала она. — И бабушка накажет нас, когда узнает.

Но доморощенных мятежников было не остановить. Андреа Дамасс колебалась. В итоге она решила проявить строгость.

— Ладно, раз вы решили поиграть в героев, в частности вы, Мукки, и вы, Мари Дельбо, сегодня вечером вам будет чем заняться. Запишите фразу, которую вы должны будете написать сто раз без орфографических ошибок: «Я обязан уважать взрослых и поэтому больше не буду дерзить своей учительнице».

— Вполне заслуженное наказание! — воскликнула Лора, входя в класс. — Я все слышала из коридора и очень недовольна. Дорогая мадемуазель, хочу вас поздравить с принятым решением! Эти двое нуждаются в твердой руке.

Она устремила свой прозрачно-голубой взгляд на Мукки, затем на

Мари-Нутту и добавила:

— Дети мои, ваша мать поручила вас мне на долгие месяцы. Если вы будете себя плохо вести, я имею полное право отправить вас в пансион Шикутими. И придет конец субботним прогулкам по городу и пирожным по воскресеньям! К тому же вы срываете занятия, тогда как Мари Маруа очень хочет учиться. Есть также Луи. Он младше вас, не подавайте ему плохой пример. Вы не забыли, что мы празднуем его восьмилетие сегодня вечером? А непослушные дети останутся без торта.

Во время этой краткой речи Андреа Дамасс с оскорбленным видом разглядывала носки своих туфель. Лора воспользовалась этим, чтобы лишней раз окинуть взглядом учительницу. Будучи уверенной в своей красоте и элегантности, она ощутила жалость к этой старой деве, приближающейся к сорокалетию. «Бедняжка! Росточка она невысокого, зато какие грудь и бедра! Лодыжки толстоваты. И, разумеется, очки и слишком длинный нос. Жослину она явно не по вкусу!»

Несколько жестокий осмотр сделал ее приветливой и полной сострадания. При этом она проигнорировала красиво вьющиеся светлорусые волосы Андреа и ее карие глаза с густыми ресницами.

— Дорогая мадемуазель, — продолжила она, — они больше не будут вам досаждать. Продолжайте называть Мари ее католическим именем, а ты, Мукки, во время уроков будешь Жослином. Нет ничего стыдного в имени твоего деда.

— Нет, я не хочу! — проворчал мальчик.

— Не спорь, иначе не будет никакого пони, — отрезала Лора.

Это заявление вызвало всеобщее потрясение. Чтобы помочь пережить своим внукам отсутствие родителей, Жослин Шарден собирался купить пони, выдрессированного для верховой езды и даже для упряжки. Лоранс от неожиданности заплакала.

— Дедушка обещал, — простонала она. — Я не сделала ничего плохого.

Но Лора не дала себя разжалобить. Она молча вышла, довольная своим вмешательством, и бодрым шагом направилась к кухне. Мирей уже была там, склонившись над кастрюлей со свиным рагу, которое томилось на слое лука красивого рыжего цвета.

— По сути, я могу считать себя директрисой школы, — сообщила она экономке. — Мадемуазель Дамасс, конечно, знает толк в наказаниях, но и я буду приглядывать за детьми.

— Обязательно, мадам, — пробурчала Мирей. — У вас есть хватка. Мальчишка возраста Мукки, которому скоро будет десять, нуждается в

авторитете отца.

Лора непринужденно взобралась на табурет и налила себе бокал черничного вина. Устремив взгляд в пустоту, она уже представляла себе будущие результаты уроков. Внезапно она произнесла вслух:

— Дети должны выучить английский. Это необходимо, уверяю тебя. В Квебеке говорят по-французски, но английский распространен на остальной части Канады. Я хочу предоставить этим деткам все возможности.

Мирей выразила свое одобрение чуть слышным бормотанием. Держа ложку в руке, она, казалось, вспомнила о чем-то важном.

— Прошу прощения, мадам, но я забыла вам кое-что сказать. Месье собирает вещи. Он попросил меня собрать ему в дорогу какой-нибудь еды.

— Что?! — взвилась Лора. — Мой муж? Куда это он собрался?!

— Лучше спросить его об этом самого, мадам.

Квебек, улица Сент-Анн, тот же день

Не сводя взгляда с вздрагивающей от рыданий спины Симона, Эрмина боялась пошевелиться. Тошан, казалось, не испытывал неловкости, держа в объятиях своего друга, но ей эта сцена внушала сильное беспокойство. «Какая же я глупая! — подумала она. — Будь они братьями, их поведение было бы нормальным. Полагаю, что нервы Симона сдали после всего того, что ему наговорила Шарлотта».

Ее муж подал ей знак, чтобы она пока не подходила. Эрмина молча кивнула и отвернулась к окну. Ее охватило странное оцепенение, вызывающее желание уснуть, ничего не видеть и не слышать.

«Как все это ужасно! — снова подумала она. — Бедный Арман умер, так и не познав счастья. Я разлучена со своими детьми, а Тошан вот-вот уедет. Скоро я начну ненавидеть этот город».

Наконец она услышала сбивчивое бормотание Симона. Он выплескивал на Тошана все, что у него накопилось в душе.

— Помню, как мама два года назад истекала кровью. Я до сих пор ощущаю этот запах в ночных кошмарах... И я больше никогда не увижу своего брата... Если бы ты только слышал, что Шарлотта высказала мне в лицо! Для нее я монстр, ничего более. Я хочу сдохнуть, сдохнуть прямо сейчас!

— Успокойся, Симон, — произнес чуть слышно Тошан. — Давай пропустим по стаканчику. Я найду решение. Мой бедный друг, я ведь

догадался о твоей проблеме. Ты изводишь себя, пытаешься справиться со своей природой.

К великому облегчению Эрмины, ее муж мягко оттолкнул от себя Симона и отправился на кухню за виски. Молодой человек повернулся к ней.

— Прости меня, Мими́на. Это должно было выйти: вся эта боль и отвращение, накопившиеся во мне.

— Разумеется! Если хочешь, я могу оставить тебя вдвоем с Тошаном.

— Нет, останься, — слишком поспешно ответил Симон.

Она подошла к нему ближе и тихо спросила:

— Ты ведь влюблен в моего мужа? Ты не осмелился мне об этом сказать, но я это чувствую.

— Не говори ерунду, Мими́на! Я питаю к Тошану только дружеские чувства, ничего более. Возможно, я бы точно так же плакал в объятиях своего отца, если бы он был отцом, достойным этого названия, а не пьяницей и мужланом. Люди, подобные мне, становятся изгоями общества; мне нужно с этим смириться или умереть.

— Симон, прошу тебя, не строй из себя жертву. Я не заметила, чтобы ты был изгоем, скорее наоборот: ты вызываешь у людей симпатию. Помню, как ты без проблем получал работу, в которой отказывали Арману.

Появился Тошан, держа в руках бокалы и бутылку спиртного. Эрмина невольно восхитилась его горделивой осанкой. И в военной форме, и в куртке из оленьей кожи он выглядел неотразимо. Она тут же упрекнула себя: «Я тоже без ума от своего мужа. Его притягательность одинаково действует и на женщин, и на мужчин. Почему меня это так шокирует?»

Она молча присутствовала при их беседе. Тошан много говорил, призывая Симона сегодня же вечером вернуться в лагерь на остров Сент-Элен. Его друг отказывался и в основном отмалчивался.

— Я доложу о тебе своему начальству, — добавил красавец метис. — Не упоминая, разумеется, о твоей главной проблеме. Ты только что потерял брата, тебе не нравится караулить заключенных. В день моего отплытия в Англию меня назначат адъютантом. Капрал ценит меня. Я могу добиться твоего назначения здесь, в Квебеке.

— Нет, я хочу жить в лесу, — упорствовал Симон. — Это будет лучшим способом больше не встречаться с такими людьми, как тот санитар.

Эрмина бросила раздраженный взгляд на часы. Было уже больше полудня. Только что до нее дошло, что Мадлен до сих пор не вернулась. «Куда она подевалась? — удивилась Эрмина, не испытывая тревоги. — Я

отправила ее в прачечную и булочную на углу улицы. Она должна была вернуться уже через четверть часа».

Казалось, беседа двух друзей будет тянуться вечно. Симон с насупленным видом выслушивал аргументы Тошана. Эрмина в итоге отвлеклась от происходящего и вспомнила о недавней воскресной поездке в Сент-Анн-де-Бопре. Погода стояла чудесная, небо было ярко-синим, с пушистыми белыми облачками. Мадлен смогла помолиться у подножия статуи Катери Текаквиты, кроткое лицо которой, высеченное в камне, действительно внушало благоговейный трепет. Даже взволнованная Шарлотта преклонила колени. Само место, расположенное среди чудесного пейзажа, действовало умиротворяюще.

«Однако сама я чувствовала себя холодной, отстраненной от Бога, — вспоминала Эрмина. — Я снова увидела умирающую Бетти, потом Армана, когда он был еще маленьким мальчиком. Смерть наносит все новые удары. И это зачастую так несправедливо!»

Тошан погладил ей запястье, что заставило ее вздрогнуть. Она посмотрела на своего мужа отсутствующим взглядом.

— Я победил, — сказал он ей. — Симон сдался и последует моим советам.

— Именно так! — воскликнул молодой человек. — Я тебе доверяю, ты вселил в меня уверенность.

— На всякий случай я все же провожу тебя на вокзал, — уточнил метис. — Ты поедешь в Монреаль. И совсем скоро я пришлю тебе весточку.

— Теперь я спокойна за Симона, — подтвердила Эрмина, в то же время прислушиваясь к малейшим звукам, доносящимся с лестничной клетки, в надежде различить знакомые шаги Мадлен.

— Где моя кухня? — словно прочитав ее мысли, спросил Тошан.

— Она вышла сразу после твоего ухода и давно должна была вернуться. Не в ее привычках слоняться по улицам.

— Держу пари, она просто решила прогуляться. День сегодня замечательный, яблони цветут. Мадлен просто не устояла перед теплой весенней погодой.

С этими словами Тошан взял свой бумажник и поцеловал Эрмину. Она провела по его щеке тыльной стороной ладони, с нежностью глядя на него.

— Возвращайся скорее, любовь моя, — прошептала она.

Он рассеянно кивнул, затем на его лице появилось выражение досады.

— Мина, дорогая, я совсем забыл! Полковник просил тебя спеть для нашего полка накануне отплытия. Небольшой концерт на полчаса в офицерской столовой. Ты ведь не откажешь? Во всяком случае, я уже

сказал, что ты согласна.

— Тошан, о чем ты вообще думаешь? Не нужно было этого делать! Как я смогу петь в этот вечер, зная, что ты покинешь меня на следующее утро? Ты пообещал мне провести последнюю ночь здесь, со мной! О! Все, с меня довольно!

Она схватила свою сумочку и торопливо, почти бегом, выскочила в коридор, хлопнув дверью. Опешившие Симон и Тошан слышали, как она сбегает по ступенькам.

— Я допустил ошибку, — с сожалением произнес Тошан. — Тем хуже. Идем скорее, у меня есть расписание поездов.

Он несколько сурово похлопал по плечу Симона, который принял этот дружеский жест как ласку.

— Дай мне еще несколько минут, — попросил он. — Я не могу уехать, не попрощавшись с Шарлоттой. Я и так остался без поцелуя Мимины.

— Тогда догоняй, я буду ждать тебя на стоянке такси возле Капитолия. Попробую отыскать свою жену и успокоить ее.

Тошан вышел за дверь. Симон не знал, в какой комнате поселилась девушка. Он вычислил ее по характерным звукам рыданий, перемежаемых глухими стонами. Шарлотта лежала на своей кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он на цыпочках подошел к кровати и сел рядом с девушкой.

— Мимины? — позвала она.

— Нет, это я, Симон.

Она обернулась и вскочила как ужаленная. На ее красивом личике не осталось и следа гнева, теперь там читалось лишь безысходное отчаяние.

— Ты еще здесь? Убирайся из моей комнаты! Мне не нужна твоя жалость.

— Моя маленькая Шарлотта, мне очень жаль. Прости меня, я причинил тебе столько боли, я знаю. Я был искренен, когда мы собирались пожениться. Ты единственная, с кем я мог бы жить. Ты не обязана мне верить, но я очень тебя люблю.

— Замолчи! — закричала она, затыкая себе уши.

— Будь благоразумна, выслушай меня. Я разорвал нашу помолвку так резко лишь для того, чтобы избавить тебя от страданий и вернуть тебе свободу. Шарлотта, однажды ты встретишь своего мужчину, который сделает тебя счастливой. И я прошу тебя сообщить мне об этом, если я еще буду жив.

Эти слова проникли ей прямо в сердце. Взволнованная близостью Симона, девушка внезапно бросилась ему на шею.

— Почему ты так говоришь? Ты умрешь, как и Арман? Не надо!

Сжался надо мной, давай все-таки поженимся! Мы будем вместе днем и ночью. Я не прошу ни о чем другом.

Она прижалась к нему своим гибким телом, провела пальцами по его спине и обняла его с неожиданной силой. Поддавшись порыву так долго сдерживаемого желания, ее девственное тело задрожало. Симон не осмелился высвободиться из ее объятий. Нежные горячие губы коснулись его губ.

— Нет, нет! Я не могу, остановись!

Она отпрянула назад, издав крик раненого животного. На этот раз не было ни оскорблений, ни упреков — только рыдания.

— Ты не представляешь, как мне жаль, — вздохнул Симон, вставая. — Желаю тебе скорее меня забыть, Шарлотта. Мне пора идти, меня ждет Тошан.

Он произнес это имя с невольной теплотой.

— Его-то ты не станешь отталкивать! — жестко бросила она.

— Не говори глупости, — оборвал он ее, выходя из комнаты.

Девушка зарыдала еще сильнее. Ее тонкие пальчики судорожно сжимали покрывало.

«Меня больше не полюбит ни один мужчина, — с отчаянием подумала она. — Арман желал меня, он бы женился на мне. Многие годы он пытался признаться мне в своей любви, но я была одержима Симоном. Господи, сжался надо мной! Я не прошу ничего особенного, только мужа и детей...»

Шарлотта представила полумрак теплой ночи, смятую постель, пару, обнявшуюся в порыве страсти. Об этом она постоянно мечтала. Наконец отдаться, довериться кому-то и познать великую тайну разделенного удовольствия. Ее правая рука медленно скользнула к низу живота. Она подняла юбку и принялась ласкать себя, раздвинув ноги. Церковь это запрещала, но ей уже было все равно.

* * *

Эрмина испытывала все большее беспокойство. Со сжавшимся сердцем она шла быстрым шагом в сторону Капитолия.

«Может быть, Мадлен встретила кого-нибудь из театра, — пыталась успокоить себя молодая женщина. — На самом деле, я не знаю, чем она занимается, когда выходит из дому. Нужно будет расспросить Лиззи»^[13].

Тошан встретил ее на тротуаре, стройную и грациозную в своем

легком платье. Ее светлые волосы переливались на солнце.

— Куда ты мчишься? — воскликнул он, загораживая ей путь. — Ты заводишься из-за всякой ерунды, выбегаешь из квартиры, не сказав, куда идешь. Такое воспоминание о себе ты хочешь мне оставить?

Она удивленно уставилась на него, явно не ожидая его здесь увидеть.

— Сейчас не лучший момент для упреков, Тошан. Я ищу Мадлен. Булочница ее видела, а вот прачка — нет. Она исчезла где-то между двумя этими заведениями, которые разделяет от силы сотня метров. Я понимаю, что у тебя полно других забот, в частности утешение Симона, но...

— Прошу тебя, не говори глупости! — отрезал он. — Что касается моей кухни, то, не находясь рядом с ней каждый день, я все же лучше осведомлен, чем ты. Мадлен никогда не упускает возможности сходить помолиться. Я даже знаю, что она предпочитает Нотр-Дам-дю-Сакре-Кёр на улице Сент-Юрсюль. Это недалеко от тебя. Пока ты ее ищешь, она, наверное, уже вернулась.

— О, спасибо, Тошан! — воскликнула Эрмина. — Я испугалась. Как это глупо! Она столь набожна, что я сама должна была об этом догадаться. Но обычно она никогда не задерживается.

Молодая женщина наконец вздохнула с облегчением. Одновременно ей стало стыдно за свое поведение.

— Прости меня, дорогой, — прошептала она, взяв его за руку. — Я почти лишилась рассудка из-за твоего скорого отъезда. А что ты здесь делаешь?

— Симон должен сейчас подойти, я отвезу его на вокзал на такси, чтобы быть уверенным, что он поедет в Монреаль... Мина, меня очень беспокоит, что ты остаешься в Квебеке, вдали от детей.

— Директор Капитолия наметил всего шесть представлений. Я вернусь в Валь-Жальбер, как только смогу. И скажи своему начальству, что я буду для вас петь. Я не могу отказать храбрым солдатам, отправляющимся воевать в Европу.

Она посмотрела на него своими голубыми глазами. Ее губы, такие розовые и чувственные, немного дрожали. Тошан поцеловал их, не в силах устоять перед искушением.

— Ты ведь не ревнуешь меня к этому бедняге Симону? Я люблю только тебя и буду любить до последнего дыхания.

— Я тоже, — ответила Эрмина, с сожалением отстраняясь от мужа. — Побегу на улицу Сент-Анн, любовь моя, чтобы убедиться, что Мадлен вернулась. Умоляю тебя, приходи сегодня вечером! Или завтра.

— Если смогу, обязательно приду, — ответил он.

Она побежала дальше, а Тошан долго смотрел вслед жене, очарованный ее легкой походкой. Теплый ветерок приподнимал подол ее голубого платья. Его вдруг пронзила странная мысль, что она может исчезнуть из его жизни, и это вызвало в нем чувство невыносимой тревоги.

«Это случится в субботу, — сказал он себе. — Корабль увезет меня на другую сторону океана, и я буду разлучен со своей любимой женушкой-ракушкой».

Валь-Жальбер, тот же день

Не подозревая об эмоциях, которые переживала ее дочь в Квебеке, Лора осторожно поднялась на цыпочках по красивой лакированной лестнице своего дома. Она хотела застать Жослина врасплох, чтобы понять, что он замышляет. Тогда у него не будет времени придумать лживое объяснение. Мирей сказала правду: ее супруг как раз закрывал чемодан средних размеров.

— Жосс, куда это ты собрался? — воскликнула она, входя в комнату. — Мне кажется, ты должен был предупредить меня еще вчера вечером или хотя бы сегодня утром, за завтраком. Нет тебе больше доверия! Позволь напомнить, что сегодня день рождения твоего сына!

— Лора, дорогая, не заводись! Разумеется, я собирался рассказать тебе о своем решении и о том, что меня гложет.

Она окинула его пронизательным взглядом. На нем были брюки и куртка из серой холщовой ткани, а не элегантный костюм. Это ее заинтриговало.

— Жосс, — настойчиво повторила она. — Я требую ответа!

— Вот он, мой ответ, — проворчал он. — У меня давно нет новостей от Кионы. Каждое лето Тала разрешает мне взять ее на неделю, что, конечно, очень мало.

— Недостаточно мало, на мой взгляд. Но я держусь молодцом, надеюсь, ты это заметил!

Жослин Шарден сдержал вздох раздражения. В последние два года, постоянно разъезжая между Робервалем и Перибонкой, ему удавалось видеться со своей внебрачной дочерью довольно регулярно. Изображая из себя образцового крестного отца, он пытался завоевать любовь этого ребенка, которого обожал, несмотря на то что Лора пыталась препятствовать этим встречам.

— Не перебивай меня! — возмутился он. — Хочешь объяснений?

Тогда слушай! Если ты помнишь, я смог повидаться с Кионой накануне Рождества, что позволило мне вручить ей подарок. Но в тот день я имел неосторожность сказать Тале, что хочу чаще видеться со своей малышкой. Я даже предложил ей составить график и назначить время, когда смогу забирать ее сюда, чтобы она училась в твоей частной школе.

Скрестив руки на груди и поджав губы, Лора молча слушала его. Однако было видно, что она едва сдерживает гнев.

— Я совершил промах, — продолжил Жослин. — Тала не дала сразу своего согласия. Сказала, что подумает, но сейчас у меня не осталось сомнений, что она испугалась. Она перестала мне писать и звонить. Я опасаюсь худшего. Она вполне могла увезти Киону за тысячи километров, на какое-нибудь затерянное стойбище в глубине лесов. И я больше никогда не увижу свою дочь.

— Какой же ты глупец, Жосс! Какая мать согласится с легким сердцем разлучиться со своим ребенком? Впервые я одобряю поведение Талы. Она решила спрятать твою малышку, и она права.

Она сделала акцент на словах «твоя малышка», разозлившись, что ее муж так назвал Киону.

— А тебя это, конечно, устраивает! — закричал он. — Ты вполне способна предложить ей деньги, только бы они обе исчезли с моего горизонта! Ты бы опустилась до любой низости, лишь бы отправить Киону ко всем чертям!

— Жосс, ты совсем потерял рассудок, — спокойно ответила его супруга. — Во-первых, индейцы равнодушны к деньгам. Во-вторых, я не знаю, где найти Талу. Ты жалуешься, что она сюда не звонит, но ты же здравомыслящий человек! В лесу редко встретишь почтовое отделение, если они вообще там есть. Лучше бы подумал о Луи, он ведь тоже твой сын. Если ты уедешь в его день рождения, даже не посидев за праздничным столом, он очень расстроится.

Жослин взял свой чемодан и надел на голову новую соломенную шляпу.

— Луи быстро успокоится. Ты, как обычно, будешь его баловать, и он почти не заметит моего отсутствия. А мне необходимо все выяснить.

И сухо добавил:

— Имей в виду, рано или поздно я узнаю о твоём возможном участии в этой истории. Лора, я отправляюсь на поиски своей дочери. В Робервале я сяду на корабль, а по прибытии в Перибонку найду какое-нибудь средство передвижения. Я почти потерял сон, не получая от них известий. И знай: если я найду Киону, то привезу ее к нам на все лето. Тебе не удастся водить

меня за нос до конца жизни.

— К нам? — усмехнулась Лора. — Но здесь, в Валь-Жальбере, нет ничего твоего, мой бедный Жослин. Это я богата, именно я купила этот дом, самый красивый в городке! Я всех здесь кормлю и одеваю благодаря доходам от моего завода в Монреале, которые значительно выросли с тех пор, как мы стали производить боеприпасы для армии. Я имею полное право закрыть двери своего дома для твоей грязной девчонки!

Испытав унижение, смешанное с яростью, Жослин потерял контроль над собой, наотмашь дал пощечину жене и зарычал:

— С первого дня, когда мы с тобой снова соединились, мне было мучительно жить за твой счет. Спасибо за напоминание, что я сижу на твоей шее! Возможно, я поселюсь в индейском стойбище, рядом с женщиной, которая до сих пор меня любит, и ребенком, которого я обожаю на расстоянии. Ты посмела оскорбить невинное дитя. Ты перешла все границы!

Жослин вышел из комнаты и сбежал вниз по лестнице. Напуганная ужасными словами, которые наговорила своему мужу, но еще больше тем, что от него услышала, Лора бросилась за ним на лестницу.

— Боже мой, Жосс! — закричала она, перегнувшись через перила. — Жосс, не уезжай, не поцеловав Луи! Твой сын... наш маленький мальчик... Жосс!

Спускаясь вслед за ним, она увидела, как захлопнулась входная дверь. Остатки гордости не позволили ей броситься на улицу и догнать Жослина. Ведь он осмелился ее ударить! Женщина коснулась своей пылающей щеки. «Господи, что я наделала?! Я не сумела сдержать свой язык. Теперь Жосс меня ненавидит!»

Экономка слышала отголоски их ссоры. Она вышла в коридор к своей хозяйке.

— Мирей, это ужасно! Я наговорила гадостей своему мужу. Теперь я его потеряла. Он никогда мне этого не простит.

— И получили пощечину! Боже милосердный, месье явно себя не сдержал! У вас на щеке остались следы от его пальцев.

— Этот мужлан меня изуродовал, — простонала Лора, сдерживая слезы досады. — Он также заявил мне, что собирается жить с индейцами. Ну и бог с ним!

— Мадам, что же вы стоите? — воскликнула Мирей. — Бегите скорее за ним, иначе будете потом жалеть!

— Нет, у меня есть гордость. Он дал мне пощечину!

— Если бы у меня была такая дочь, как вы, мадам, я бы только и

успевала отвечать ей оплеухи, — пробормотала экономка.

— Как ты смеешь говорить мне такие вещи, Мирей?! — вскричала уязвленная Лора. — Может, кому-то пора собрать свои вещи и отправиться напрямиком в Тадуссак? Подумать только, какая наглость!

— Вы меня увольняете, мадам? — уточнила крепкая пожилая индианка, сделав вид, что снимает свой фартук.

— Нет, конечно! Просто я на грани нервного срыва, а ты подливаешь масла в огонь. Ты прекрасно знаешь, Мирей, что я не смогу без тебя обойтись!

Лора осторожно коснулась своей щеки, припудренной ее верной экономкой. Затем внезапно бросилась на улицу, пробежала по цветочной клумбе, чтобы попасть на аллею, обсаженную елями. Каблуки мешали ей бежать. Тем не менее она довольно быстро добралась до дома Маруа. Черный автомобиль удалялся в сторону региональной дороги. Это была их машина, которую они часто одалживали Жозефу. Должно быть, за рулем был их сосед, поскольку впереди сидели двое.

— Жосс! О нет, вернись! — тихо взмолилась она.

Квебек, тот же день

Эрмина вихрем ворвалась в квартиру на улице Сент-Анн. Ее встревожила царившая там мертвая тишина. Из кухни не доносилось ни звука, не было ни малейшего намека на какое-либо движение.

— Мадлен? — позвала она. — Мадлен?

Она бросилась в комнату к Шарлотте, где ее глазам предстало печальное зрелище. Сидя на кровати, ее бывшая подопечная рыдала горячими слезами.

— Что с тобой? — спросила ее Эрмина. — Снова плохие новости?

— Нет, это Симон. Я сделала последнюю попытку вернуть его, но он убежал.

— О! Но зачем так настаивать? — ответила Эрмина, сделав нетерпеливый жест. — Мадлен исчезла. Я искала ее полчаса. Затем встретила Тошана возле стоянки такси. Он сказал мне, что она часто ходит в церковь на улице Сент-Юрсюль. Я думала застать ее здесь. Шарлотта, прошу тебя, помоги мне! С ней могло случиться несчастье.

Девушка кивнула, не разжимая губ. Вытерев слезы, она обулась.

— Я расспросила булочницу, и та видела ее в обычное время, но хозяйка прачечной утверждает, что Мадлен не приходила, — уточнила

Эрмина, находясь на грани паники.

— Может, у нее есть любовник? — предположила Шарлотта.

— У Мадлен любовник?! Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

— Может, она и очень набожная, но вполне способна кем-нибудь увлечься.

Эти слова, брошенные равнодушным тоном, еще больше вывели Эрмину из себя.

— Нет, нет и нет, я ее знаю. И даже если это так, она могла бы встретиться с ним позже, предупредив меня.

— Она бы ни за что не осмелилась сказать тебе об этом, — отрезала Шарлотта, все еще пребывая в скверном расположении духа.

В глубине души она рассчитывала на сочувствие своей подруги и, возможно, на слова утешения. Но это ей напомнило, как много значила молодая индианка для Эрмины.

— Ты любишь ее больше, чем меня, — бросила она, расчесывая свои черные вьющиеся волосы. — Я у тебя на последнем месте. И не пытайся утверждать обратное, Мимина.

— Лолотта, ты такая глупенькая, — ответила та, намеренно употребив уменьшительное прозвище, которое раздражало ее подругу. — Разве ты не понимаешь, что мы живем в смутное время, что люди становятся подозрительными, агрессивными? Я хочу скорее найти Мадлен и мне нужна твоя помощь!

Пять минут спустя они вдвоем шли по почти пустой улице. Эрмина решила вернуться в прачечную. Там ей пришлось разговаривать с помощницей, которая гладила рубашку.

— Прошу вас, мадемуазель, если вы видели что-то необычное, расскажите мне. Ваша хозяйка утверждает, что моя экономка не приходила сюда сегодня, и это меня удивляет. Между вашим заведением и булочной не больше сотни метров.

Помощница бросила взгляд на застекленную дверь, прикрытую кружевной занавеской, по всей видимости ведущую в заднюю часть прачечной. Чувствовалось, что она напряжена.

— Я не знаю, как выглядит ваша экономка, — тихо сказала девушка.

— Нет, знаете! — возмутилась Эрмина. — И она больше, чем экономка! Я считаю ее своей сестрой. Она индианка двадцати лет, одета в серое платье с белым воротником, на голове соломенная шляпка.

— Девушка с таким описанием ушла незадолго до полудня с двумя мужчинами. Они некоторое время разговаривали на тротуаре напротив. После этого она пошла с ними.

Шарлотта недвусмысленно хмыкнула, чем вызвала раздражение Эрмины. Ей захотелось дать девчонке оплеуху. «Несмотря на свое доброе сердце, в чем я не сомневаюсь, Шарлотта может быть мелочной и несправедливой, — подумала она. — Если бы я ее слушала, то начала бы думать, что моя дорогая Мадлен имеет постыдные связи, ходит к мужчинам тайком, что совершенно невозможно».

Она молча вышла, прекратив расспросы, слишком потрясенная, чтобы выдержать осуждающий взгляд помощницы. Шарлотта догнала ее на улице.

— Держу пари, ты обиделась, что я осмелилась заподозрить в недостойном поведении твою лучшую подругу. Но у меня есть другая информация, которая тебя заинтересует. Мадлен сопротивлялась, когда один из мужчин попытался взять ее за руку.

— Боже мой, какой ужас! — воскликнула Эрмина. — Ты понимаешь, что это значит? Ее наверняка похитили!

— Среди бела дня? И с какой целью?

— Шарлотта, я не чувствую никакого сострадания в твоем голосе. А ведь мне казалось, что ты любишь Мадлен. Она живет с нами уже много лет. Она преданный, щедрый, нежный человек... У меня такое ощущение, что ты ей завидуешь.

Взгляд прекрасных голубых глаз Эрмины стал пристальным, испытующим. В нем читалась глубокая тревога, и Шарлотта опустила голову.

— Я сейчас всем завидую. Согласна, ты меня любишь, твои родители замечательно ко мне относятся, но это не заполняет мою жизнь. Я сейчас в том возрасте, когда люди женятся, обзаводятся детьми. Складывается впечатление, что я не нравлюсь мужчинам, тогда как тебе достаточно просто смеяться, двигаться, разговаривать, чтобы вызывать у них страсть.

— О какой страсти ты говоришь, когда я принадлежу только Тошану? И при чем здесь Мадлен? Она не крала у тебя женихов.

— Я завидую ее мягкости, кротости, — призналась темпераментная девушка. — И я так корю себя за то, что оттолкнула Армана! Он любил меня, когда я еще была девчонкой. Если бы я не влюбилась в Симона, наверняка вышла бы замуж за Армана. У нас был бы свой дом, дети. А сейчас он умер...

Шарлотта заплакала и ускорила шаг. Эрмина, ощутив укол жалости, догнала ее.

— Прощу тебя, сейчас не лучшее время для выяснения отношений. Нравится тебе это или нет, я ужасно волнуюсь за Мадлен. Я должна

предупредить Тошана. Если возьму такси, у меня еще есть шанс застать его на вокзале.

— А если она вернулась в квартиру? — шмыгнув носом, предположила Шарлотта. — Может, прачка ошиблась и это была вовсе не Мадлен. Прости меня, Мимина! Я тебя так люблю и причиняю тебе беспокойство. Давай вернемся домой. Если Мадлен там нет, подумаем, что делать дальше. Лучше всего сообщить о ее исчезновении в полицейский участок, но для этого еще слишком рано. Нам объяснят, что эта молодая женщина совершеннолетняя и вольна ходить, куда хочет.

Эрмина согласилась с такими аргументами. Однако она испытывала странное чувство. «Я уже переживала нечто подобное, когда Луи похитил этот грязный тип, Поль Трамбле. Пропавшего человека ищешь с каким-то недоверчивым удивлением, а страх тем временем нарастает...»

Так она потеряла драгоценные минуты, затем два решающих часа. В это время Мадлен казалось, что она на пороге ада.

Глава 3

Помощь фронту

Квебек, улица Сент-Анн, вторник, 19 мая 1942 года

Эрмина не сводила глаз со своих часов. Было уже шесть вечера. Сидя на диване, Шарлотта разглядывала свои чулки, состояние которых оставляло желать лучшего.

— Все, можно их выбрасывать, — заявила она. — А другие я купить не смогу. Эти были из шелка, сейчас таких не найдешь. Здесь и синтетику-то не купишь. Надо было мне оставаться в Монреале. Одна женщина на заводе знала, где их можно достать.

— Ты что, нарочно это делаешь? — разозлилась Эрмина. — В конце концов, это мерзко! Если бы ты только знала, как ты меня разочаровываешь! Ты беспокоишься о своих чулках, тогда как Мадлен пропала уже несколько часов назад. Я последовала твоему совету, мы прождали ее здесь полдня, но с меня хватит. Я сейчас же отправлюсь в гарнизон, чтобы предупредить Тошана. Он ее кузен и обязательно добьется увольнительной, чтобы помочь мне ее найти.

— Ой, прости, пожалуйста, — насмешливо произнесла Шарлотта. — Надо же чем-то себя занять. К тому же я говорю правду: вводится карточная система, и это только начало. Вот увидишь, даже если Капитолий сохранит твой контракт, ты будешь иметь право лишь на старые поношенные платья и слабое освещение на сцене.

— Да мне на это плевать, Шарлотта! — закричала певица. — Я даже подумываю о том, чтобы собрать вещи и вернуться в Валь-Жальбер, как только Тошан отплывет в Англию. Меня больше ничто не держит в Квебеке. Но прежде я хочу найти Мадлен.

Она сдержала нервное рыдание. Уже дважды она пыталась дозвониться в ближайший полицейский участок, но ей это не удавалось.

— Я уйду, — заявила она. — А ты, Шарлотта, оставайся здесь и, если Мадлен вернется, будь с ней любезна.

— Я всегда со всеми любезна, — недовольно огрызнулась девушка.

Эрмина многозначительно вздохнула. Она сменила свое голубое платье на более изысканный наряд: атласную бежевую юбку и блузку в тон.

С волосами, собранными в пучок, и жемчужным ожерельем на шее она выглядела очень элегантно.

«Иногда красота может стать оружием», — как-то сказал ее импресарио, Октав Дюплесси.

Она вспомнила об этом, торопливо шагая в сторону улицы, ведущей к военному гарнизону, многочисленные серые здания которого возвышались над рекой Сен-Лоран. Ей редко доводилось заходить так далеко, но иногда она провожала мужа до ворот после его увольнительных, которые оставляли им обоим горьковатый привкус запретного рая.

Двое солдат охраняли вход. Эрмина поприветствовала их робкой улыбкой. Она вдруг ощутила сильное смущение.

— Я хотела бы повидать своего мужа, — сказала она. — Клемана Тошана Дельбо. Это очень важно: семейные проблемы.

— Сожалею, но мы не можем вас пропустить. Вам лучше позвонить ему вечером. Три батальона сейчас на занятиях.

— Но его кузина пропала! Вы знаете рядового Дельбо? Прошу вас, передайте ему, чтобы он подошел сюда.

Чувствуя себя неловко, самый юный из караульных оглянулся назад.

— У нас приказ, мадам, — мягко сказал он. — Гражданские больше не имеют права проходить на территорию гарнизона, учитывая последние события. В городе могут скрываться немецкие шпионы.

Эрмина поняла, что он намекает на недавнюю торпедную атаку торговых судов, унесшую жизнь Армана. Она спросила себя, не подозревают ли в ней врага, с ее светлыми волосами и голубыми глазами.

— Я требую встречи с кем-нибудь из вашего начальства! — воскликнула она. — Я — Эрмина Дельбо, оперная певица, которая должна выступать в гарнизоне в пятницу вечером. Конечно, мне нужно встретиться с мужем, но я хочу также осмотреть зал, где буду давать концерт.

— Да, я слышал об этом, — признался один из охранников. — Только не знаю, можно ли...

Случай распорядился так, что в эту секунду к воротам подъехала машина. В ней сидели три офицера, один из которых в свое время получил фотографию с автографом знаменитого Соловья из Валь-Жальбера. Он велел шоферу притормозить и выскочил из автомобиля.

— Дорогая мадам! — воскликнул офицер, энергично пожимая ей руку. — Какая честь для меня наконец-то с вами познакомиться! И какой приятный сюрприз! У вас какие-то проблемы? Скажите мне! Я сделаю все, что в моих силах. Майор Дешам к вашим услугам.

Офицер не сводил с нее восхищенного взгляда. Будь он более дерзким

или менее воспитанным, то сразу сказал бы ей, что она еще красивее, чем он себе представлял.

— Мне срочно нужно поговорить со своим мужем, рядовым Дельбо, — тихо произнесла она.

— Это один из наших будущих адъютантов, — заметил офицер. — И он очень увлечен авиацией. Я лично знаком с вашим супругом и уважаю его.

— Спасибо, — прошептала она.

— Думаю, я смогу удовлетворить вашу просьбу, дорогая мадам. Следуйте за мной.

Он пригласил ее занять место в машине, двигатель которой продолжал работать на малых оборотах во время их беседы. Майор Дешам представил ее остальным офицерам.

«Боже мой, что подумает Тошан? — заволновалась она. — Я рассталась с ним в час дня возле Капитолия, а теперь преследую его в гарнизоне. Но он все поймет, ведь Мадлен его кузина».

Майор провел ее в небольшую гостиную, соседствующую с офицерской столовой. Пепельница была переполнена окурками, в комнате стоял неприятный запах застоявшегося табака.

— Мой ординарец отправился искать вашего мужа. Прошу вас немного подождать. К моему великому сожалению, я не могу составить вам компанию, но мне не терпится услышать ваше пение в пятницу вечером.

— Если это поможет поддержать боевой дух наших солдат, как это принято говорить, я рада таким образом принять участие в помощи фронту, — ответила она с ангельской улыбкой.

Майор отступил на шаг назад, словно сопротивляясь чарам своей собеседницы.

— Я хочу добавить, что мои жена и мать, узнав о вашем предстоящем выступлении в «Стране улыбок», уже зарезервировали себе ложу.

— Мне очень приятно, что мое творчество им интересно.

Он попрощался и вышел. Эрмина немного расслабилась, несмотря на бешено бьющееся сердце. Решение прийти сюда, непривычная обстановка — все это ее тревожило. Когда Тошан внезапно появился в маленькой гостиной, она бросилась ему на шею.

— О, мой дорогой! — простонала женщина, еле сдерживая слезы.

— Что случилось? — тут же спросил Тошан, осторожно отстранившись. — С Мадлен случилось несчастье?

— Нет, то есть я не знаю. Я нигде не могу ее найти. Мы с Шарлоттой искали всюду, а помощница хозяйки прачечной утверждает, что видела, как

она ушла с двумя мужчинами. Она вырывалась. Я схожу с ума от тревоги, Тошан! Я пыталась дозвониться в полицейский участок, но меня с ним так и не соединили. Мне нужна твоя помощь, я так больше не могу!

Ее муж покачал головой. Он не выглядел взволнованным, но она почувствовала его замешательство.

— Тошан, только не говори мне, что это нормально! Мадлен живет со мной с момента рождения наших дочерей. То есть восемь с половиной лет. Никогда она не исчезала на несколько часов, не предупредив меня!

— Я согласен, что это странно. Но должно быть какое-то объяснение. Моя кухня могла подружиться с индейцами. Не надо на меня так смотреть. Некоторые из них приехали сюда работать. Мадлен не ушла в монастырь. Она вполне может с кем-нибудь встречаться.

Вне себя от изумления, Эрмина не знала, что ответить. Предположение Тошана казалось ей нелепым.

— Но она бы мне об этом рассказала!

— Не обязательно. Она могла побояться шокировать тебя, разочаровать. Мина, у меня очень мало времени: у меня сейчас учебный полет. Нет, не за штурвалом, я пока осваиваю наши самолеты. Потом будут вечерние занятия. И лучше тебе все-таки обратиться в полицейский участок и в больницу. Если Мадлен стала жертвой несчастного случая, тебе об этом скажут.

— Тошан, она пошла с этими мужчинами не по своей воле, — настаивала Эрмина, будучи на грани нервного срыва. — Я от тебя такого не ожидала! Получается, тебе безразлична судьба твоей кухни. Что ж, не буду тебя отвлекать по пустякам, сама справлюсь. И не удивляйся, если в пятницу я буду не в состоянии петь для твоих сослуживцев.

Она бросилась к двери, но он удержал ее за талию. Прикосновение его теплых рук подействовало на нее успокаивающе.

— Мина, дорогая, какой же у тебя характер! Учись держать себя в руках. Я никак не могу покинуть гарнизон сейчас. Я ночевал у тебя, затем мне пришлось провожать Симона на поезд в Монреаль. Не сердись, Мадлен обязательно найдется.

— Если только ее не изнасиловали и не бросили в воды Сен-Лорана, — тихо произнесла она. — Отпусти меня, Тошан. Ты прав. Поскольку ты все равно уезжаешь, мне пора учиться жить одной.

Словно получив ушат холодной воды, он отпустил ее и закурил сигарету. Эрмина бросилась на улицу, злясь на себя и на весь мир. Полчаса спустя она вошла в полицейский участок в верхней части города, где в основном располагались буржуазные кварталы. Поэтому один из

полицейских оказал ей довольно любезный прием. Когда она упомянула об исчезновении Мадлен, ее проводили в кабинет начальника сыскной полиции, но его не было на месте. Помощник предложил ей присесть. Его густые черные усы напомнили портреты ужасного Гитлера, которые она видела в газетах.

— Чем могу вам помочь, мадам? — рявкнул он, не поднимая глаз от своих бумаг.

— Я очень встревожена, месье. Сегодня, около полудня, пропала женщина. Это моя подруга, а также кузина моего супруга, военнотружачего.

— На какой улице это произошло? Личность пропавшей? — сухо спросил полицейский.

— На улице Сент-Анн. Ее зовут Мадлен...

— Мадлен, а дальше? Как ее фамилия?

Эрмина не знала, что ответить, сбитая с толку надменным тоном мужчины.

— Мадлен была кормилицей моих девочек-близняшек. Сейчас она выполняет у меня функции экономки, но это также моя родственница. Увы! Боюсь, я не знаю ее фамилии...

Полицейский окинул ее подозрительным взглядом, вертя в пальцах карандаш.

— То есть вы заявляете, что у этой девицы нет документов, в то время как мы живем под угрозой проникновения немецких шпионов в наш город, в нашу страну? А сами вы кто? С кем я имею дело?

Сохраняя спокойствие, Эрмина поспешила представиться, доставая из сумочки свое удостоверение личности.

— Мадлен — индианка, — сочла нужным добавить она. — Народность монтанье^[14] из Лак-Сен-Жана.

— Судя по тому, то вы мне сейчас рассказали, ваш муж тоже индеец. Определенно, за неимением добровольцев, армия довольствуется разным отстоем.

Возмущенная до глубины души, Эрмина сделала невозможное, чтобы удержать себя в руках. Ей доводилось и раньше сталкиваться с проявлениями расизма, но это не мешало ей всякий раз испытывать настоящий шок. Ее голубые глаза потемнели, когда она смерила чиновника презрительным взглядом.

«Ведь Тошан предупреждал меня, — подумала она. — В Квебеке существует фашистское движение, поддерживающее позорную идеологию нацистов. А к индейцам всегда относились плохо, считая их людьми

второго сорта. Господи, какая мерзость!»

— Мой супруг — индеец по матери и ирландец по отцу, — твердым голосом произнесла она. — В субботу он отправляется в Европу и скоро будет повышен до адъютанта. К вашему сведению, именно из винного отстоя получается самый лучший уксус, придающий остроту соусам!

Полицейский опешил от такого отпора. Помолчав несколько секунд, словно раздумывая над ответом, он недовольно бросил:

— Мне не нравится ваш тон, мадам! Равно как и ваша история с прислугой, которая также приходится вам кузиной. Вы платите ей жалованье?

— У нас своя договоренность, — возразила она.

— Полагаю, весьма сомнительная. Итак, я подвожу итог: вы ищете свою экономку, предположительно индейского происхождения. Наверняка она стащила ваши драгоценности и сбежала куда подальше.

Чаша терпения Эрмины переполнилась. Она вскочила так резко, что опрокинула стул. Голос ее зазвенел от возмущения:

— Месье, я не позволю вам выдвигать подобные недостойные обвинения против моей подруги! Я узнала от лавочницы с моей улицы, что к Мадлен подошли двое мужчин и силой увели ее с собой.

— Так, чем дальше, тем интереснее. Ваша Мадлен пристаёт к мужчинам на улице! Вы еще не поняли, чем она занимается? У меня больше нет времени, мадам. Советую вам не беспокоить полицию из-за ерунды.

Эрмине казалось, что ей снится кошмар. Она устремила на своего собеседника полный ненависти взгляд.

— Люди вашего сорта должны гнить в лагерях, как эти несчастные итальянцы, которых арестовали в самом начале войны без всяких на то причин, только из-за их происхождения.

— Идет война, голубушка!

Не в силах совладать с гневом, терзаясь тревогой за Мадлен, Эрмина заметила лежащую на столе папку и стопку документов. Она схватила их и бросила в лицо полицейскому. Тот издал крик ярости и вскочил со своего места.

— Эта женщина сумасшедшая! — завопил он.

В ту же секунду в кабинете появился жандарм в сопровождении высокого, довольного элегантного мужчины.

— Что здесь происходит? — сурово спросил он. — Но...

Едва сдерживая слезы, Эрмина объяснила суть ситуации.

— Пропала моя лучшая подруга, и никто не хочет мне помочь, —

пожаловалась она.

— Вы ведь Эрмина Дельбо, оперная певица? — воскликнул вновь прибывший. — Позвольте представиться, Эрве Лапуэнт, начальник провинциальной полиции. Я имел счастье слушать вас в Капитолии, а моя сестра вырезает все газетные статьи о вас. Мадам, какая честь встретиться с вами! Но в чем проблема? Бернар, вы должны были узнать мадам Дельбо! Это наша канадская звезда масштаба Эммы Лаженесс^[15].

Осознав свой промах, полицейский с досадой развел руками.

— Откуда мне было знать, — проворчал он. — Нам даны указания следить за подозрительными личностями, которые могут оказаться немецкими шпионами, поэтому...

— Значит, вы проявили ненужное усердие, — перебил его начальник. — Дорогая мадам, я готов вам помочь в меру своих возможностей.

Приободренная любезностью Эрве Лапуэнта, она вновь рассказала об исчезновении Мадлен.

— Индианка монтанье? — немного помолчав, уточнил он. — По доносу почтенной горожанки двое полицейских в штатском сегодня задержали женщину с похожим описанием. Они решили, что это итальянская шпионка. Она отказывается разговаривать, к тому же при ней нашли нож, что свидетельствует не в ее пользу. Пойдемте, я покажу вам эту особу, но только не подходите близко. Потом я запишу приметы вашей подруги.

— Я вам так благодарна, месье! Без вас я тоже могла бы оказаться за решеткой.

Он повел ее по длинному коридору, продолжая пояснять:

— Конечно, мы живем в беспокойное время, но не настолько, чтобы сажать в тюрьму невиновных. У нас здесь всего три маленьких камеры, так сказать, предварительного заключения.

Эрмина молча кивала, крайне взволнованная, поскольку услышала чьи-то рыдания. Почти тут же за решетчатой дверью показался знакомый силуэт. Это была съезжившаяся фигура на деревянной скамье, но она не могла ошибиться.

— Мадлен! О! Бог мой!

При звуке ее голоса несчастная вскочила и выпрямилась. Лицо ее было залито слезами.

— Господь услышал мои молитвы, — пробормотала она. — Эрмина! Ты здесь!

— Да, это я, не бойся, — ответила она, одновременно испытывая

радость и возмущение. — Месье Лапуэнт, прошу вас поверить мне. Мадлен не совершала ничего плохого. Я прослежу, чтобы ей обязательно сделали документы. Я ручаюсь за нее! Моя подруга крещеная и очень набожная. Как ее могли принять за итальянку, да еще шпионку?!

Начальник полиции выглядел смущенным.

— Но у нее под юбками был спрятан нож. Смуглая кожа, черные волосы... Мои люди действовали добросовестно.

— Но кто донес на нее? Кто? — воскликнула Эрмина. — Вы говорили о доносе. Моя мать купила эту квартиру на улице Сент-Анн восемь лет назад. Все соседи нас знают!

— Успокойтесь, дорогая мадам, — посоветовал полицейский. — Мы сейчас во всем разберемся.

Ей пришлось пройти за ним в кабинет. После долгих споров, особенно по поводу пресловутого ножа, Мадлен отпустили. Она дрожала всем телом. Когда они вышли на улицу, Эрмине пришлось поддержать ее за талию.

— Ты сможешь идти?

Индианка молча кивнула. В ее темные глаза отчасти вернулся блеск, когда она подняла их к бледному сумеречному небу. Вечерний воздух был очень мягким.

— Мадлен, милая, если бы ты знала, как я волновалась! Но все закончилось, ты здесь, со мной. Пойдем скорее домой. Одна ты больше никуда не пойдешь, я буду тебя сопровождать.

— Мина, я так испугалась!

— Но ты могла бы назвать мое имя или мамино! Судя по всему, ты не сказала ни слова, отказываясь отвечать на вопросы.

— Я слишком сильно испугалась. Они трогали меня, обыскивали, смеялись... Я подумала, что... Я боялась, что они со мной это сделают.

Эрмина ужаснулась, поняв, какие муки испытала ее подруга, если была не в состоянии ни защититься, ни даже объяснить. «Мадлен такая робкая, сдержанная. Она поддалась панике. Возможно, эти полицейские превысили свои полномочия и грубо обращались с ней».

Женщина приберегла свои вопросы на потом, когда они окажутся под кровом своей уютной квартиры, которая виделась ей безопасной гаванью во враждебном городе.

— Пойдем, моя бедняжка, пойдем скорее, — повторила она, принуждая подругу ускорить шаг. — Я приготовлю тебе что-нибудь на ужин, и этой ночью ты будешь спать со мной.

На улице Сент-Анн они прошли мимо прачечной. Металлическая штора была опущена, но из задней части помещения пробивался свет.

— Больше мы сюда ни ногой, — объявила Эрмина. — Начальник сыскной полиции сказал мне по большому секрету, что на тебя донесла хозяйка прачечной. Я и представить себе такое не могла! Она выкупила это заведение только в марте и не так часто тебя видела. И поскольку полиция охотится за возможными шпионами — итальянцами, японцами и прочими, — она приняла тебя за опасную иностранку. Какая глупость! В какое печальное время мы живем!

Мадлен ничего не ответила. Взгляд ее был потухшим, лицо напряженным.

— Хвала Господу, что благодаря моей так называемой известности я смогла тебя вызволить! Два раза сегодня со мной обращались уважительно, потому что я оперная певица Эрмина Дельбо. Хоть какая-то польза от этого!

Странно, но именно эти последние слова заставили Мадлен отреагировать. Ее взгляд ожил, когда они вошли в вестибюль дома.

— Не говори так. Твой голос так же красив, как твоя душа, так же нежен, как твое сердце. Я никогда не забуду момента, когда ты окликнула меня, отчаянно рыдающую в камере. Мина, без твоего вмешательства они совершили бы зло ночью, я это чувствовала.

— Что ты, это же служители закона! — возразила Эрмина. — Они могут быть грубыми и злыми, согласна, но зачем им мучить невинную?

— Индейцы не бывают невинными!

— Но ведь они приняли тебя за итальянку!

— Я уверена, они прекрасно знали, что я индианка.

Они молча поднялись на второй этаж. Шарлотта тут же распахнула дверь. Искренне встревоженная, она прислушивалась к малейшему шуму на лестнице.

— Слава Богу! — воскликнула она. — Я совсем измучилась, ожидая вас. Наконец-то! Что случилось, Мимина?

— Я тебе все сейчас расскажу, — оборвала она ее. — Не могла бы ты наполнить для Мадлен ванну?

Час спустя, уютно устроившись в окружении подушек, Мадлен восседала на кровати Эрмины. Ее распущенные, еще влажные волосы сохранили волнистые линии от повседневных кос. В розовой ночной сорочке, с подносом еды на коленях, она выглядела умиротворенной.

Сидящая у постели Шарлотта грызла печенье. Узнав, что случилось с индианкой, она терзалась мучительным чувством стыда.

— Я плохая, — внезапно заявила девушка. — Мы сидим здесь сейчас втроем радостные, и я осознаю, насколько я плохая. Мадлен, прости меня!

Я вообразила такие глупости про тебя и совсем не поддержала Мимино, у которой были все основания для тревоги. Не нужно на меня обижаться. С тех пор как Симон разорвал нашу помолвку, я стала плохой, да, плохой!

Она несколько раз повторила это слово со слезами на глазах, сжав кулаки, с выражением грусти на красивом личике.

— Шарлотта, ты преувеличиваешь, — возразила Эрмина. — Самое главное — это то, что мы нашли Мадлен. Я испытала такое облегчение!

— Но я должна попросить у нее прощения, — настаивала девушка. — За то, что я была такой глупой, завистливой, ревнивой и плохой.

— Я прощаю тебя, Шарлотта, — заверила ее Мадлен. — Ты слишком много страдала из-за Симона и несчастного Армана. Я очень тебя люблю и каждое утро, просыпаясь, молюсь за тебя, как и за всех тех, кто мне дорог. Перестань плакать.

— Да, это бесполезное занятие! — воскликнула Эрмина. — Лучше попытайся исправить свой плохой характер. Я бы так хотела видеть в тебе мою прежнюю Лолотту, услужливую, ласковую! Сегодня я поняла одну вещь: наш мир изменился, война перевернула все. Вроде бы жизнь продолжается, но вокруг бродит ненависть. Люди жалуются на введение карточной системы, потому что больше не могут покупать то, что им нравится. Но они должны помнить о том, что это куда меньшее зло по сравнению с тем, что терпят евреи, вынужденные бежать из Европы, и французы, чья страна почти полностью оккупирована. Не секрет, что и у нас итальянцы удерживаются пленниками в лагерях. Женщины, оставшись одни, вынуждены растить детей в нищете. Так что сейчас не лучший момент сожалеть о женихе или жаловаться на то, что муж уезжает далеко.

Голос Эрмины слегка задрожал. Тошан скоро покинет ее, и она осознавала очевидный факт: ей придется в одиночку вести собственные сражения.

— Я приняла решение, — добавила она. — Завтра вы обе вернетесь в Валь-Жальбер. Мадлен, я хочу, чтобы ты была в безопасности, и мама нуждается в твоей помощи. Лоранс и Мари будут так рады тебя видеть! Они ведь немного и твои дочки. Ты тоже, Шарлотта, будешь там более полезной. А я присоединюсь к вам в августе, после последнего представления «Веселой вдовы».

Это решение далось ей нелегко. Несмотря на неизбежные иногда ссоры, их троица переживала и радостные мгновения, и моменты душевной близости.

— Нет, — отрезала ее бывшая няня. — Нет, Мина, я останусь с тобой. Пожалуйста, не отсылай меня! Я хочу быть рядом.

— Я тоже никуда не поеду, — добавила Шарлотта. — И докажу тебе, что сделала нужные выводы. Я уже чувствую, что становлюсь лучше.

Взволнованная, Эрмина не смогла сдержать улыбку. Она не стала настаивать.

— Вы уверены?

— Да. С чего это вдруг ты решила от нас отделаться? — спросила Шарлотта.

— Спасибо, — ответила певица. — На самом деле у меня нет ни малейшего желания с вами расставаться. Я просто подумала, что так будет лучше для вас.

Они взялись за руки, словно маленькие девочки, собравшиеся водить хоровод, и образовали круг. Мадлен увидела в этом знак. Несмотря на то что была крещеной, она оставалась верной религии своего народа. И она с жаром произнесла:

— Пока мы будем вместе и преданы друг другу, нам не страшны никакие беды!

— Как бы мне хотелось, чтобы так оно и было! — воскликнула Эрмина. — А теперь, может, мы поужинаем? Еда, наверное, уже остыла, ну и пусть!

Невидимый наблюдатель наверняка по достоинству оценил бы очаровательное зрелище, которое они собой представляли, сидя втроем на кровати, смеясь и болтая, отщипывая крошки хлеба. Плитка шоколада послужила им десертом. Мягкий свет лампы с кружевным абажуром золотил смуглую кожу одной женщины и молочно-белую двух других. Развеселившись, Шарлотта сверкала своими мелкими белыми, словно жемчуг, зубами.

Они смаковали черничное вино, разбавленное водой, когда раздавшийся телефонный звонок заставил их вздрогнуть.

— Я отвечу, — воскликнула Эрмина.

Прямо босиком она побежала в гостиную. Это был Тошан. Услышав его голос, она вздрогнула от радости.

— Я не решилась тебе звонить, — сразу же сказала она. — Но я была уверена, что ты захочешь узнать новости о Мадлен. Я нашла ее, целую и невредимую.

Дрожащим от негодования голосом, словно вновь переживала минуты, проведенные в полицейском участке, она поведала ему о злоключениях кузины.

— Я должен был об этом подумать, — вздохнул ее муж на другом конце провода. — Но массовые аресты граждан Квебека итальянского

происхождения проводились в основном в начале войны. Я сожалею, что отнесся к этому несерьезно. И прими мои поздравления. Ты была молодцом! Поддержи Мадлен. А сейчас мне пора бежать. Я приду в пятницу, в конце дня, и провожу тебя в гарнизон. Целую тебя, женушка моя.

Ошеломленная, Эрмина услышала в трубке щелчок, свидетельствующий об окончании их такого короткого разговора.

— Любимый мой, — едва слышно прошептала она. — Ты мог бы уделить мне больше времени!

Женщина почувствовала горечь. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не заплакать от разочарования. «Куда подевался мой красавец Тошан с длинными волосами, с гордостью носивший одежду из оленьей шкуры с бахромой? Где тот Тошан, который открывал мне тайны леса и бережно относился к природе? Прошло десять лет, и красавец метис, очаровавший меня, изменился. Все так быстро меняется и, к сожалению, в худшую сторону!»

Вспомнив образ своего мужа в форме канадской армии, отныне страстно увлеченного самолетами и оружием, она вздрогнула. «Я не увижу его до пятницы. Господи, как же мне его не хватает!»

Но когда она вернулась к своим подругам, лицо ее было спокойным. Эрмина больше не хотела жаловаться и проявлять признаки слабости.

— Звонил твой кузен, — сообщила она индианке. — Он тревожился за тебя, но я его успокоила. А теперь, думаю, после такого тяжелого дня нам следует ложиться спать.

Шарлотта поцеловала их и ушла в свою комнату. Эрмина погасила свет и смогла наконец вытянуться на кровати. Мадлен поспешила прижаться к ней.

— Мина, я причинила тебе столько хлопот! Прости меня...

— Не говори ерунду! Это полицейские должны просить у тебя прощение.

— Я так хотела им все объяснить! Мысленно я произносила имя твоей матери и твое, но не могла издать ни звука. Даже на улице... Мне стыдно за свою трусость! Они могли убить меня на месте, а я бы даже не стала защищаться.

Признание Мадлен взволновало Эрмину.

— Однако у тебя был с собой нож. Меня заинтриговала эта деталь.

— Да это нож Шогана! Брат сделал его, когда мы были еще детьми. Он служит мне защитным амулетом. Есть вещи, которых ты не знаешь, Мина, они касаются моего прошлого. Поступив к тебе на службу, я постаралась о

них забыть.

— О! Не говори этого слова! Это тоже в прошлом. Ты стала для меня сестрой и лучшей подругой.

— Но сначала ты наняла меня как няню. И твоя доброта помогла мне стереть воспоминания о том, что случилось со мной в детстве. Кроме Талы, никто из моих близких об этом не знает. Тетя помогла мне залечить душевные раны. Мне было семь лет, когда белые люди, тоже полицейские, отобрали меня у матери. Мне пришлось ходить в школу, учить другой язык и принять другую религию.

Как громом пораженная, Эрмина затаила дыхание. Она погладила Мадлен по щеке, и та продолжила свой рассказ.

— Монахини были очень суровы. Они обрили меня наголо и, если я произносила хоть одно слово на своем языке или просилась к матери, били по кончикам пальцев железной линейкой. Потом я привыкла. Я полюбила историю Христа и с удовольствием молилась. Меня это утешало, потому что...

— Потому что ты чувствовала себя несчастной? — спросила молодая женщина.

— Да, несчастной и опозоренной. Один из полицейских, прежде чем отвезти в пансион, завел меня в сарай на краю дороги. Он утверждал, что меня нужно наказать, потому что я слишком громко плакала. И там, Мина, произошло нечто ужасное. Нет, я не могу тебе этого рассказать!

Кроткая индианка заплакала. Эрмина догадалась о главном и обняла ее с безграничной нежностью.

— Говори, Мадлен, тебе станет легче.

— Я была совсем маленькой... Ничего не понимала! Он заставил меня трогать свой пенис, потом засунул его мне в рот. Я задыхалась, мне было страшно, ужасно страшно. И он везде меня трогал. Он делал все, что мужчины делают со взрослыми женщинами, а я молчала, как и сегодня днем, когда они меня обыскивали, выкрикивали вопросы, которых я не слышала. Я была уверена, что все повторится!

Ужаснувшись гнусности некоторых людей, Эрмина ощутила ледяной холод в груди. Она уже почти удивлялась своему спокойному детству, воспитанию, полученному у строгих, но добрых сестер из Бон-Консея, преподававших в монастырской школе Валь-Жальбера.

Вместе с тем признания Мадлен вызвали в ней тяжелые воспоминания. Два года назад Пьер Тибо, их давний друг, пытался ее изнасиловать. А несколькими годами раньше им с матерью пришлось вытаскивать Шарлотту из лап ее отца, который, напившись, начал к ней

приставать.

— Бедная моя Мадлен, как мне тебя жаль! — с трудом выговорила она пересохшими от волнения губами. — И ведь этот мерзавец никогда не будет наказан!

Это слово вырвалось у Эрмины, которая редко бывала грубой. Она тихо повторила его, вне себя от отвращения:

— Мерзавец, гнусный мерзавец! Ты должна была довериться одной из сестер.

— Она бы назвала меня лгуней, диким отродьем. Тот полицейский бормотал это, засовывая в меня свой пенис: «Держи, дикое отродье, это собьет с тебя спесь!»

— Но впоследствии ты все же решила уйти в монастырь. Почему?

— Сестры в Шикутими были добрыми, преданными, милосердными, и я подумала, что там буду вдаль от мужчин — от всех белых мужчин. Увы! Мои родственники не разрешили мне этого сделать. Мне пришлось выйти замуж за того, кого они выбрали для меня. По крайней мере, это был индеец — кто-то из моего народа. Но с ним я тоже страдала. От его прикосновений мне становилось плохо, начиналась рвота. После рождения ребенка он оставил меня в покое. Моей девочке было бы сейчас десять лет, как твоему Мукки^[16].

Мадлен замолчала. Эрмина почтительно поцеловала ее в лоб.

— Жизнь тебя не щадила, моя милая Соканон^[17]. Мне часто казалось, что Тошан относится к нам, белым людям, с чрезмерным презрением. Он даже ненавидел нас. Но теперь я этому не удивляюсь. Он стал солдатом только для того, чтобы сражаться с нацизмом. Антисемитизм, пропагандируемый Гитлером, его возмущает. Господи, как вообще можно сортировать людей по цвету их кожи, по их национальности?!

— Не знаю, Мина. Но те, кого истязали по этой причине, никогда полностью не оправятся от душевных ран. Я тому доказательство. Перед этими полицейскими я была похожа на мышь, которую вот-вот проглотит змея. Прошу тебя, сохрани тайну о моем прошлом!

— Обещаю тебе, Мадлен. После твоего рассказа мне хочется уже завтра уехать в глубь лесов, подальше от этого города. Я бы так хотела иметь волшебную палочку, чтобы перенести тебя на берег Перибонки! Медведи, волки и лоси пугают меня гораздо меньше, чем некоторые люди. Мы поедем туда в сентябре вместе с детьми.

— Думаешь, получится? — спросила ее подруга слабым голосом.

Она была так измучена, что уже засыпала, хотя еще и не оправилась от

ужаса, пережитого в полицейском участке. Эрмина продолжала убаюкивать ее ободряющими словами:

— Да, мы обязательно поедem. И сможем искупаться в речке, пройтись босиком по песку... А вечером мы разожжем костер на поляне, и я буду петь. Тала и Киона тоже придут. Мукки с девочками поджарят на углях сосиски. На небе будут сиять звезды, и мы забудем о войне, о ненависти и обо всем, что с этим связано.

Дыхание индианки стало размеренным. Она спала, прижавшись щекой к плечу Эрмины, которая долго не могла уснуть. Рассказ Мадлен преследовал ее непристойными словами и образами. Невольно она представила собственных дочерей и свою сводную сестру Киону в подобной ситуации и, охваченная ужасом, задрожала всем телом. «Осквернить невинную душу — это самое гнусное преступление на свете, — подумала она. — Что я делаю здесь, так далеко от моих любимых деток и еще дальше от Кионы?»

Ответ отозвался болью в душе и заключался в одном имени: Тошан. «Я должна попрощаться с тобой, любовь моя, — подумала Эрмина со слезами на глазах. — Но это будет всего лишь “до свидания”! Только не “прощай”! Нет, нет!»

Гарнизон, пятница, 22 мая 1942 года

Эрмина раскланивалась перед толпой солдат, которые устроили ей овацию. Она закончила свой концерт, и теперь ей хотелось только одного — быть рядом с Тошаном. Но аплодисменты не смолкали. Ординарец одного из офицеров поднялся на эстраду и подарил ей букет роз.

— Спасибо, большое спасибо! — воскликнула она.

В лучах прожектора певица казалась сотканной из перламутра и золота. Она распустила свои длинные светлые волосы и надела восхитительное шелковое платье цвета слоновой кости, оттеняющее ее молочную кожу. Лазурно-голубые глаза, старательно покрашенные Шарлоттой, сияли, словно сапфиры.

Для этих мужчин, лишенных женского общества порой месяцами, она являлась воплощением супруги, невесты, сестры, образ которых они нежно лелеяли по вечерам. Более того, она представляла собой возвышенную красоту, грацию и талант.

— Для нас пела сама Соловей из Валь-Жальбера! — восторгался Гамелен, бросая заговорщицкий взгляд на Тошана, сидящего рядом. — Как

тебе повезло, дружище!

Гамелен был крепким парнем из Лак-Сен-Жана. Раньше он работал на бумажной фабрике Ривербенда, где и познакомился с метисом во время соревнований — гонках на собачьих упряжках. Теперь оба были в армии и стали хорошими друзьями.

— Да, я горжусь тем, что я ее муж! — ответил Тошан.

Из скромности он сдерживал свой восторг. Эрмина умело подобрала репертуар. Исполняя шедевр Рины Кетти^[18] «Я буду ждать», а также невероятно популярные «Странствующего канадца», «Вы проходите мимо, не замечая меня», прославившими французского певца Жана Саблона^[19], классическую балладу «Где-то над радугой» и некоторые другие песни на английском языке, Эрмина очаровала публику в военной форме, погрузив ее в сладостные грезы.

Тошан хотел поздравить ее первым, но майор Дешам его опередил. Из вежливости муж Эрмины держался немного в стороне.

— Ваше искусство — настоящее волшебство, дорогая мадам! — воскликнул офицер. — Приглашаю вас пройти со мной в офицерскую столовую: мы решили устроить небольшой ужин в вашу честь. Несмотря на нынешний дефицит, у нас есть две бутылки шампанского!

— Благодарю вас, — ответила Эрмина. — Потрясающие розы, мое любимое вино... Вы меня балуете!

— Вы нас тоже!

Эрмина бросила удрученный взгляд на своего мужа, который по-прежнему не решался подойти.

— Майор, — тихо произнесла она, — я хотела бы сначала ненадолго уединиться, привести себя в порядок. Пусть мой супруг проводит меня, так мне будет удобнее.

Она не осмеливалась сказать ему прямым текстом про туалет, но офицер, чувствуя себя еще более неловко, моментально все понял. Он подал знак Тошану.

— Мы будем ждать вас, мадам, — вполголоса сказал он.

Супруги наконец были вместе. Эрмина взяла под руку Тошана, что вызвало восторженные овации у солдат, видевших эту сцену.

— Скорее уведи меня отсюда, — прошептала Эрмина. — Я придумала этот предлог, чтобы немного побыть с тобой.

— Я догадался, — также тихо ответил он, с удовольствием становясь ее сообщником.

Они вышли из зала и направились по коридору в туалет. Каблуки

молодой женщины звонко стучали по плиточному полу.

— Здесь никогда не слышно этого приятного звука, — с улыбкой заметил красавец метис. — Ты была восхитительна, дорогая Мина!

— Ты придешь сегодня ночевать? — встревоженно спросила она. — Я знаю, что корабль отплывает рано утром, но ты мог бы проводить меня и остаться на ночь дома.

— Нет, мне очень жаль, но это невозможно. Так что это наши последние минуты вместе. Поверь, я бы дорого отдал, чтобы оказаться в твоей постели сегодня ночью!

Он замолчал, легко коснувшись губами ее губ. Она прижалась к нему и страстно поцеловала.

— Давай вести себя прилично, — шутливо сказал он. — Мы пришли. Это туалетная комната для офицеров. Ты увидишь, там очень чисто. Есть зеркало, мыло — все необходимое, даже задвижка.

Эрмина не отпускала его. Он был ее любовью, великой любовью, отцом ее детей, и должен был уехать на долгие месяцы.

— Идем! — позвала она его, увлекая за собой в довольно просторное помещение. — Ты сам сказал, что здесь есть задвижка. Идем!

— Мина, но...

Она крепко держала его за запястье. Тошан, возбужденный желанием, которое было во взгляде жены, закрыл дверь.

— Неужели ты думал, что я отпущу тебя вот так, не ощутив в последний раз вкуса твоих губ, не вдохнув аромат твоей кожи? — спросила она, прерывисто дыша. — Я хочу, чтобы ты взял меня прямо здесь, скорее... Хочу быть твоей еще раз, Тошан!

Вызывающе глядя на него, она подняла платье и прислонилась к фаянсовому краю умывальника. Он увидел ее стройные ноги, обтянутые шелковыми чулками, обнаженные бедра, на которых вырисовывались серые атласные подвязки. Он потерял голову. Все перестало быть важным, кроме огня, вспыхнувшего и пробежавшего по всему его телу. Из его груди вырвался глухой стон, когда он нежно сжал ее грудь через ткань платья. Она тоже застонала, глядя его по спине. Некоторое время они стояли так, прижавшись друг к другу. Почувствовав прикосновение твердого пениса мужа, Эрмина обняла его за шею. Она словно опьянела от печали и все нарастающего желания.

— Скорее, скорее, — повторяла она. — Возьми меня, люби меня!

Тошан наклонился, чтобы снять с нее трусики. Он не устоял перед желанием поцеловать ее нежный бутон, прикинув к нему лицом.

— Я обожаю твой запах! Так пахнет мед.

Дрожа от страсти, он спустил брюки и приподнял ее. Она обхватила его ногами за талию. Он тут же вошел в нее, прикрыв глаза, наслаждаясь ощущением полного обладания любимой женщиной. Близость в этом необычном, мало романтическом месте вызвала у них большое возбуждение. Еще никогда они не испытывали такого сильного оргазма. Их тела слились в единое целое, и самым сложным для них было сдержать крик наслаждения.

— Мина, я забыл об осторожности, — сказал Тошан. — Я не вышел вовремя...

— Я бы тебе и не позволила это сделать. Я так хочу ребеночка, мальчика! Которого я с гордостью предъявила бы тебе, если бы мы, не дай Бог, расстались больше чем на год!

— Боюсь, так оно и будет. Но завтра утром я уеду с двумя восхитительными воспоминаниями. Этот момент здесь, с тобой, и кое-что еще!

Растроганный до слез, он с улыбкой поднял с пола розовые трусики с серым кружевом по краю и положил их себе в карман, добавив дрогнувшим голосом:

— По ночам в Европе я буду вдыхать твой запах и думать о тебе, моя любимая жenuшка-ракушка, мой перламутровомолочный цветок, моя милая, моя певчая птичка!

— Замолчи, — взмолилась она. — Если ты не остановишься, я буду держать тебя пленником, все равно где, только бы не потерять! О! Я так люблю тебя, Тошан!

Они снова прижались друг к другу и обменялись долгим поцелуем.

— Майор Дешам, наверное, обо всем догадался, — произнесла она, с сожалением поправляя свое платье. — Ну и пусть бросает на меня подозрительные взгляды!

— Скорее, полные обожания, — поправил Тошан. — Сегодня вечером все солдаты будут мечтать о фее с золотыми волосами и обворожительным голосом. И я на них не сержусь. Ты такая красивая!

Эрмина крепко сжала в объятиях своего любимого.

— Пора идти, — сказала она.

Когда она вошла в офицерскую столовую, ей снова устроили овацию. Никто не считал ее отсутствие слишком долгим. Такая красивая женщина, звезда вечера, имела полное право заставить их ждать. Ей протянули бокал шампанского, не переставая осыпать комплиментами, перемежающимися разговорами о Франции.

«Неужели и правда идет война? — не переставала спрашивать себя

Эрмина, слегка оглушенная вином и гулом голосов. — Ну да, в эту самую минуту гибнут и страдают люди. А я проживаю последние счастливые мгновения, пока Тошан еще здесь».

Она попыталась представить себе ужас бомбардировок, боль от разрывающей плоть пули. Перед глазами снова возникли газетные снимки разрушенных городов, сложенных в ряды трупов. Она поискала глазами мужа. Он спокойно смотрел на нее своими темными глазами, но она сумела уловить терзающую его тревогу. «Мой любимый повелитель лесов, что ждет тебя на чужбине, вдали от меня? Пусть все лесные духи и Великий Дух, к которому взывают люди твоего народа, хранят тебя, чтобы ты вернулся на родную землю невредимым душой и телом».

Она нежно улыбнулась Тошану, и он воспринял эту улыбку, предназначенную ему одному, как безмолвное обещание хранить верность, уважение и безграничную любовь.

Валь-Жальбер, суббота, 23 мая 1942 года

Лора повесила телефонную трубку. Мирей тут же подошла, чтобы узнать новости. Как только раздавался телефонный звонок, экономка моментально оказывалась рядом.

— Кто звонил, мадам?

— Эрмина, — ответила Лора, давно привыкшая к уловкам Мирей. — Она плакала. Тошан отплыл на рассвете. Дочери захотелось его проводить. К счастью, с ней рядом Шарлотта и Мадлен, они помогут ей пережить это испытание. Господи, хоть бы эти проклятые немецкие подлодки не атаковали корабль Тошана!

— Боже милосердный! Как жаль, что она проводит лето в Квебеке! — воскликнула Мирей. — Нашей Мимине было бы лучше здесь, среди нас. И дети ее отвлекли бы.

— Если бы я слушала свое сердце, то поехала бы к ней. В это время года поезда ходят хорошо... Если только правительство не решит отправить их на металлолом.

Введение ограничений на все подряд выводило ее из себя. Богатый ты или бедный, приходилось подчиняться нуждам военного времени.

— Бензин наливают по капле. И то, если предъявишь волшебный талон! У нас скоро не будет мяса, масла, молока для детей...

— Из-за нехватки сахара я и так больше не пеку ни оладий, ни пирогов. Хорошо хоть Жозеф Маруа основательно запасся кленовым

сиропом. А эта новая мода на повторное использование бумаги и металла! Я оставила ваши стопки журналов для зимы: будет война или не будет, а печку все равно топить придется. К тому же, мадам, я не советую вам уезжать в Квебек, поскольку месье может вернуться в любой день.

Жослин не подавал признаков жизни после своего отъезда. Лора тщательно скрывала свою тревогу и печаль.

— В доме не очень весело без месье, — настаивала Мирей. — К тому же мне приходится самой кормить собак.

— Хватит причитать, — раздраженно оборвала ее Лора. — Иди-ка лучше готовь обед. И прояви фантазию: мадемуазель Андреа больше не может есть твою фасоль и бобы.

— О да, эта здесь совсем освоилась, — проворчала экономка. — Вы ее еще и кормите! Я готовлю из того, что есть в моих шкафах. А у вашей учительницы задница и без того здоровая.

Прежде чем изобразить возмущение, Лора сдержала невольную улыбку.

— Кому-то здесь сейчас достанется за длинный язычок. Ну все, беги, а я, наверное, перезвоню Эрмине. Никак не решусь ей сказать, что отец собрал чемодан и отправился жить к Тале и их драгоценному ребенку.

— Не делайте этого, мадам! Месье скоро вернется, зачем причинять лишнее беспокойство нашей бедной Мимине?

— Я не нуждаюсь в твоих советах! Меня тоже нужно пожалеть, только никто этого не замечает. А теперь возвращайся на кухню.

— Хорошо, мадам, оставляю вас в покое, раз от меня все равно нет пользы.

Оставшись одна, Лора подошла к ближайшему окну. Ее пальцы коснулись шелковистой ткани занавесок из вощеного ситца, который она заказала в Лондоне пять лет назад. Мысли ее были полны горечи. «Я создавала роскошную обстановку для моей наконец-то объединившейся семьи. Но зачем мне все эти произведения искусства, красивая мебель, если я обречена жить одна, без своего мужа? У меня остались только мой нежно любимый сын и внуки. Неужели Жосс о чем-то догадался?..»

В ту же секунду маленький мальчик вприпрыжку вбежал в гостиную. Луи Шарден, отметивший свое восьмилетие четыре дня назад, бросился к матери и потерся о ее юбку своей головкой с тонкими светлыми волосами.

— Мама, Мукки плохой! Он сказал мадемуазель Андреа, что ты мне вчера помогала делать упражнения по математике. Теперь я наказан и должен переписывать слова.

— Ангел мой, ты не будешь ничего переписывать. Я все объясню

твоей учительнице. Но ты весь взмок! Пойдем наверх, я тебя помою и переодену.

— Мадемуазель Андреа водила нас на прогулку, и мне очень жарко.

— Я знаю, но у вас ведь был урок естествознания, не так ли?

— На черта мне сдались эти лягушки и водяные растения!

— Нельзя так говорить, — пожурила его мать.

— А Ламбер так говорит!

Ламбер, ужасный отпрыск Онезима Лапуэнта и Иветт, дочери бывшего местного кузнеца, выражался, как его родители. Поднявшись по социальной лестнице, Лора тщательно следила за речью детей, которые были на ее попечении. Она взяла сына за руку и отвела его в современную ванную комнату, стоившую ей немалых средств.

— Теплая вода тебя успокоит, милый, — с нежностью сказала она. — А потом ты наденешь свой новый фланелевый костюм.

— Мама, а почему папы не было на моем дне рождения? А пони? Вы же с папой обещали купить мне пони!

— Мы передумали, Луи. В следующем году будет видно. И не спорь со мной. Идет война, и ты должен быть благоразумным.

Она включила воду. Мальчик, раздевшись, подпрыгнул на месте и, громко крикнув, очутился в ванне. Лора смотрела на него теплым материнским взглядом. Супруга Жослина была страстной натурой, не признающей полумер. Из-за своего несдержанного темперамента она страдала амнезией несколько лет, и ее мозг отказывался признать, что они с Жослином бросили свою годовалую малышку Мари-Эрмину. Хотя сестры Нотр-Дам-дю-Бон-Консей с любовью воспитали подкидыша, Лора так и не смогла до конца оправиться от этой разлуки. Вот и сейчас ей тоже хотелось оказаться рядом со своей дочерью, обнять ее, взять под свое крыло.

— Луи, ты брызгаешь на меня. Вредный мальчишка! Мое платье все мокрое!

Но ее сын продолжал резвиться, по его обнаженному телу струилась вода. Она заворожено смотрела на мальчика, испытывая болезненное чувство. Луи немного похудел за последнее время, и его хрупкое тело, лицо с высоким лбом, изгиб бровей невольно напоминали ей одного человека. Была также похожа и улыбка, и ямочки на щеках. «Господи, сделай так, чтобы я ошиблась, — беззвучно молилась она. — Разве я это заслужила? Получить такое наказание за минутную слабость!»

Она тяжело вздохнула, удрученная жестокостью судьбы. Если бы у Лоры была верная подруга, достойная доверия, она могла бы поделиться с ней своими сомнениями и тревогой. «Я никогда не осмелюсь признаться в

этом Эрмине. Она будет меня презирать. Мне нужно просто забыть о том, что я совершила, и повторять себе, что этого не было. Тем более что, если Жосс меня бросил окончательно, проблема исчезнет сама собой».

Несмотря на попытку успокоить себя, Лора расплакалась, что случилось с ней крайне редко. Встревоженный, Луи замер на месте.

— Мама, почему ты плачешь? — спросил он.

— Потому что я люблю тебя, мое сокровище! Я очень сильно люблю тебя и хочу сделать тебя счастливым. Вылезай из ванны, скоро будем обедать.

Она завернула его в большое полотенце, посадила к себе на колени и закрыла глаза.

— Мой драгоценный мальчик!

Она снова увидела себя в конце августа 1933 года в номере отеля Шабора. Они с Жослином провели яркое лето, встретившись после долгой разлуки. «О да, это было прекрасное лето! Я считала Жослина погибшим, а накануне моей свадьбы с Хансом он появился. Поначалу он вел себя сдержанно и не приближался ко мне».

Но она сумела вновь покорить своего супруга и восстановить их семейную жизнь. Хансу Цале, не ожидавшему такого удара судьбы, пришлось смириться с неизбежным. «И 20 августа 1933 года я получила телеграмму от Ханса! Он окончательно покидал страну и просил меня о встрече. Жослина дома не было: он поехал с Жозефом Маруа на сахароварню. И я согласилась на это свидание! Онезим подвез меня на грузовике до Шамбора. Я хорошо ему заплатила, чтобы он никому не рассказывал о моей вылазке. Беднягу Ханса, открывшего дверь, сотрясала нервная дрожь. Похоже, он испытывал невыносимые муки».

Лора встряхнула головой, чтобы не думать о продолжении. Луи, любящий ласку, поудобнее устроился у нее на коленях.

— Еще немного, мам. Мне так хорошо!

— Да, мое сокровище.

Воспоминания вновь нахлынули сами собой. Ханс сказал, что понимает ее выбор, что она проявила преданность, вернувшись к своему мужу. Он добавил, что будет всегда ее любить, что она озарила его жизнь робкого, близорукого и неловкого музыканта. Тем не менее этот мягкий и нежный мужчина, чуть моложе ее, в течение двух лет был ее любовником. Оказавшись с ним наедине, она ощутила волнение. Было душно, надвигалась гроза. Когда Ханс Цале, подавив рыдания, стал целовать ее руки в перчатках, она почувствовала, что слабеет. Потом он обнял ее и прижал к стене.

— В последний раз, я хочу тебя в последний раз, — стонал он, лаская ее.

Она позволила довести себя до кровати, желая поскорее утолить свое желание и уйти. Ханс оказался не на высоте, но, когда он набросился на нее, у него было выражение потерявшегося ребенка, словно само удовольствие доставляло ему страдания.

Лора выскользнула из отеля со спокойной совестью. Она не думала, что у этой короткой встречи будут какие-то последствия. «Вечером я легла спать с Жослином и больше не вспоминала о Хансе, который сел на поезд до Монреала. В первые годы жизни Луи я ни на секунду не предполагала, что он может быть не от моего мужа. Но теперь это подозрение сводит меня с ума: Луи все больше становится похож на Ханса! В любом случае тот уже умер и никто не сможет меня выдать, никто. Если только Онезим? Но нет, ему не поверят на слово, к тому же он не знает, что я делала в тот день в Шамборе».

— Мама, не плачь, — попросил маленький мальчик. — Я тоже тебя люблю!

— Тогда у нас с тобой все будет хорошо, — ответила Лора, заставив себя улыбнуться.

Глава 4

Волчица

Северная часть Перибонки, вторник, 15 сентября 1942 года

— Я не знаю, где сейчас моя тетка, — повторил Шоган в третий раз, не удостоив взглядом своего собеседника, Жослина Шардена.

Тот сдержал раздраженный вздох. Он покинул Валь-Жальбер в середине мая, и эти последние недели, проведенные в бесконечных странствиях, его окончательно измотали. Все складывалось не так, как ему хотелось. После тщетных поисков Талы и Кионы в окрестностях Перибонки Жослин снова начал кашлять. Когда у него поднялась температура, его встревожила мысль, что, возможно, это рецидив опасной болезни, которой он переболел десять лет назад. Он обратился к врачу в соседнем городке, и тот посоветовал ему вновь поехать в туберкулезный санаторий Лак-Эдуарда, раз уж ему хорошо знакомо это заведение.

Раздосадованный и крайне обеспокоенный, Жослин был вынужден вернуться в Валь-Жальбер и сообщить Лоре о своем состоянии здоровья, после чего попросил необходимую сумму денег на свое лечение. У него не было никакого личного дохода, а последние сбережения он истратил на поиски. Лора была несказанно рада его возвращению и с энтузиазмом организовала поездку в санаторий.

— Это всего лишь небольшой сигнал тревоги, Жосс, — повторяла она, окидывая его почти материнским взглядом. — В твоём возрасте не очень-то благоразумно бегать по лесам.

Все лето ему пришлось провести в Лак-Эдуарде в основном в тягостных размышлениях. Местные врачи его успокоили — это были всего лишь пневмония и сильная усталость. Его поместили отдельно от остальных пациентов в довольно уютной комнате. Коротая время, он много писал Эрмине, в компании других пациентов санатория внимательно следил за тем, что творится в мире. В июле Вермахт^[20] взял Севастополь, а Париж стал свидетелем самой крупной полицейской операции, когда-либо проводимой во французской столице: облавы Зимнего велодрома. Более двенадцати тысяч евреев — мужчин, женщин и детей — были арестованы и депортированы. Эта новость потрясла Жослина.

В конце августа, почувствовав себя лучше, он покинул санаторий; в России в это время началась Сталинградская битва. «Мир сошел с ума, — думал он, сидя в поезде, везущем его в Роберваль. — На этот раз, невзирая на здоровье, я найду Талу и Киону».

Местный лесоруб дал ему необходимые сведения. Шоган, племянник индианки, разбил стойбище возле небольшого озера, чтобы наловить и накопить рыбы к зиме. На своем грузовике лесоруб подвез Жослина как можно ближе к нужному месту. Полный надежды, тот долго шел по лесной тропинке. Но Шоган встретил его холодно и отказывался отвечать на терзавший его вопрос.

— Где Тала и Киона? — снова спросил Жослин у него.

Сидевших друг напротив друга мужчин разделял круг камней, в котором горел огонь. Было уже темно, и в отблесках пламени лицо индейца выглядело угрожающе. Позади них возвышалась убогая хижина, сооруженная из стволов деревьев и натянутых на каркас шкур и покрытая корой.

— Прошу вас, не упрямитесь, — вздохнул Жослин. — Я прошел более трех километров, чтобы добраться сюда. Я устал. Без этого лесоруба, которого вы знаете, я бы еще долго бродил по местным тропам. Господи, ну почему вы не можете жить в резервациях, которые создало для вас правительство? У вас были бы комфортабельные дома.

Ему не нужно было этого говорить. Он тут же понял это по озлобившемуся лицу индейца.

— Я не нуждаюсь в вашем Боге и еще меньше в этих бараках, куда хочет нас загнать правительство! Моя жизнь здесь, в лесу. И потом, у меня было достаточно неприятностей из-за вашей семьи. Вам лучше убраться отсюда завтра же на рассвете.

— Спасибо, что позволили мне провести здесь хотя бы ночь, — ответил Жослин насмешливым тоном.

Не в силах пробиться сквозь упрямство Шогана, он потерял терпение.

— Черт возьми, я не виноват, что Трамбле хотели отомстить Тале! Ваш кузен Тошан сейчас, должно быть, уже прибыл в Европу. Я действую от его имени, а также от имени своей дочери Эрмины. Тала и Киона исчезли, я хочу их найти. Они мне очень дороги.

Шоган закурил сигарку, которую долго скручивал пальцами, заглубившими от работ в лесу. Из-под полуприкрытых век он внимательно разглядывал лицо своего гостя.

— Почему они вам-то дороги? — наконец проворчал он.

— Мне безразлично все, что касается моей семьи, — отрезал

Жослин. — Эрмина, которую вы называете Канти^[21], обожает Киону и очень привязана к Тале, матери своего мужа. Нужны ли другие объяснения? Мы все о них беспокоимся.

Рассчитывая, что это поможет взаимопониманию, он достал из внутреннего кармана куртки небольшую бутылку.

— Будете виски? — предложил он.

— Вы рассчитываете задобрить меня этой гадостью? Я не хочу ослабеть от алкоголя, как многие из моих братьев.

Быстрым движением мужчина схватил бутылку, открыл ее и вылил содержимое в костер. Белые языки пламени поднялись так высоко, что коснулись рук Жослина, который не смог сдержать негодования.

— Вы с ума сошли!

— Я всего лишь индеец, дикарь. И мне не нравятся ни ваши манеры, ни ваши лживые слова.

— Ладно, — надменно произнес Жослин. — Скажу тебе правду, Шоган. И не буду утруждать себя «выканьем». Киона — мой ребенок. Ты доволен? Несколько дней я делил ложе с Талой, когда меня съедала чахотка. Но Тала вылечила меня. И у нас родилась дочь, Киона! Слышишь? Киона — моя дочь!

Он почти прокричал эти слова, устремив сверкающий взгляд на индейца.

— Бледнолицый мерзавец, — выругался Шоган. — Я об этом догадывался. Клона похожа на Эрмину. Белые мужчины силой берут наших женщин, наплевав на последствия.

Жослин настороженно следил за малейшим движением индейца. Тот вполне был способен перерезать ему горло ножом и бросить труп в реку. Но тот лишь презрительно процедил:

— Убирайся! И больше никогда сюда не возвращайся. Я читаю страх в твоих глазах. Ты боишься, что я убью тебя. Но я не стану этого делать, потому что Тала, видимо, любит тебя всей душой, раз родила на свет твоего ребенка. Моя тетя — великая женщина. Она обладает бесценными знаниями и добрым сердцем. К тому же было бы неразумно убивать отца Кионы.

Едва нарушаемые потрескиванием огня, последние слова прозвучали странно в тишине ночи. Жослин вздрогнул. Он почувствовал себя потеряннным в этом сумраке, окруженным бескрайним лесом.

— Ты признаешь, что Тала меня любит, — сделал он еще одну попытку. — Почему же тогда утверждаешь, что я взял ее силой? Скажи мне, где ее найти. В конце весны, когда я покинул свою супругу и свой дом,

я собирался жить вместе с Талой. Но болезнь вновь сразила меня. Возможно, мне недолго осталось. Помоги мне!

— Хватит лгать! — внезапно рявкнул Шоган, поднимаясь. — Ты хочешь украсть у нее Киону, моя тетя сказала мне об этом. Чтобы отправить ее в ваши школы, где малышка забудет свой народ, где она будет сломлена и унижена. Ты ничем не лучше других бледнолицых! Убирайся отсюда!

Вдалеке протяжно завыл волк. Ему ответили другие. Шоган прислушался, показав пальцем в сторону склонов, ощетинившихся елями, и тихо произнес:

— Долгие годы все думали, что тебя разорвали волки. Не боишься, что это случится с тобой по-настоящему?

Чувствуя себя все более неудобно, Жослин снова бросил взгляд на хижину, стоящую в нескольких метрах.

— Это здесь вы все живете? Эрмина часто говорила мне, что ты приглашаешь к себе мать Талы, Одину, и ее дочь Аранк. Но здесь явно мало места...

— В этом месте я провожу лето один, — ответил Шоган, который, казалось, успокоился. — Рыбачу и охочусь в преддверии зимы. А теперь убирайся. Я тебе уже три раза это повторил.

Разозлившись в свою очередь, Жослин Шарден встряхнул головой.

— Я ищу свою дочь уже две недели. Сегодня я не сделаю больше ни шагу. Я буду спать вот под этим деревом, Шоган. Я вдвое старше тебя, и я устал. Когда Мадлен живет у нас в Валь-Жальбере, она всегда советует мне больше отдыхать и готовит для меня травяные настои. Почему ты относишься ко мне с ненавистью, когда твоя сестра так дружелюбна со мной?

— С ней ты тоже спишь? — вскричал индеец, вне себя от ярости. — Соканон заслуживает уважения! Она посвятила свою жизнь вашему Богу!

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился Жослин. — Когда мы с Талой зачали Киону, моя супруга Лора собиралась выйти замуж за другого. Я считал себя свободным, понимаешь? И должен тебе сказать, что я не из тех, кто может совершить насилие над женщиной. Все, что происходило между твоей тетей и мной, нравилось нам обоим. Твои предрассудки ослепляют тебя. Уверяю, мне ты можешь доверять. И если ты что-то знаешь, прошу, скажи мне. Я хочу их защитить, убедиться, что у них все хорошо.

В лесу вновь раздался волчий вой. Шоган внезапно сменил гнев на милость. Задумчиво глядя на языки пламени, он тихо сказал:

— Следуй за мной... Если ты добрался сюда, значит, так было нужно.

Индеец направился к хижине. Заинтригованный, Жослин не стал спорить. Вскоре он заметил слабый свет, пробивающийся сквозь ветки.

— Входи, — вздохнул индеец. — Моя тетя там. Она умирает.

Одной рукой он отодвинул широкую ороговевшую шкуру, служащую дверью. Сильно похудевшая Тала с восковым лицом лежала на медвежьей шкуре. Если бы не хриплое дыхание, приподнимавшее ее грудь, женщину можно было бы принять за мертвую. Это неожиданное зрелище потрясло Жослина. Он не решался переступить через порог.

— Подойди! Я знала, что ты здесь, — слабым голосом произнесла прекрасная индианка. — Вы с моим племянником галдите, словно стая ворон. Подойди. Каждое слово причиняет мне боль.

Он подчинился, задаваясь вопросом, где же Киона. Из-за своего высокого роста мужчина чувствовал себя неповоротливым гигантом, поэтому поспешно сел. Вблизи Тала показалась ему еще более худой. Он испугался.

— Тебя нужно отвезти в больницу, — с горячностью сказал он. — Ты заболела, потому что скрывалась в лесах, голодала... Почему ты мне не сообщила? Я или Эрмина...

— Помолчи, Жослин, мое время сочтено. Я больше не увижу бледного рассветного неба, не порадуюсь пению птиц. Я так тебя звала! Спаси нашу дочку, спаси нашу малышку Киону. Они украли ее у меня. Я не приняла должных мер предосторожности. А ведь я знала, что в это время года они забирают наших детей! Как только они ее увезли, мое сердце не выдержало. У меня не осталось больше сил. Я не смогла выследить их лошадей.

Он подумал, что она бредит, и спросил сочувственно:

— О ком ты говоришь? Я ничего не понимаю, моя бедная Тала! Кто забрал Киону?

— Конная полиция и сотрудник Бюро по делам индейцев. Соканон когда-то тоже отобрали у ее матери. Это закон, их закон. Наши восьмилетние малышки должны отправиться в пансион. Но этого нельзя допустить... Киона умрет там! Жослин, умоляю тебя, ты ее отец, ты белый человек, спаси ее! То, что творится в этих школах, хуже, чем смерть.

Ценой нечеловеческого усилия Тала взяла своего бывшего любовника за руку. Ее горячие изможденные пальцы вцепились в него.

— Если ты здесь, значит, ты любишь дочь, которую я тебе подарила. Найди ее и защити, Жослин. Вспомни о круге из белых камней, который я выложила вокруг своей хижины тогда, в июне 1933 года. Я любила тебя

всем своим существом. Любила до такой степени, что побудила тебя вернуться к твоей жене, хотя мечтала только о том, чтобы ты остался. Но я ни о чем не жалею. Ты сделал меня такой счастливой! Теперь тебе нужно спешить. Не дай умереть нашей маленькой Кионе, моей Золотистой Долине^[22]! Когда она родилась зимним вечером, в небе вспыхнул солнечный луч. Этот свет, отличающий ее от других детей, не должен погаснуть.

Встревоженный до крайности, потрясенный спутанной речью Талы, Жослин выругался в бороду, как делал всегда в драматических ситуациях.

— Но где она? Скажи мне, где она находится, и я сделаю все, чтобы привезти ее к тебе. Ты должна поправиться! Шоган поможет мне перевезти тебя в Перибонку. Оттуда мы доплывем на корабле до больницы Роберваля. И ты зря так терзаешься: с Кионой не случится ничего страшного в правительственном пансионе.

— Я знаю, какая ей грозит опасность! Мне известны вещи, о которых вы, белые, даже не подозреваете, — возразила индианка, пытаясь приподняться.

Сильный приступ кашля отбросил ее назад. На губах появилась розоватая пена.

— У тебя туберкулез? — спросил Жослин.

Раздался голос Шогана. Он все это время оставался поблизости. С трудом сдерживая гнев, он объяснил:

— Нет, одна из лошадей ударила ее копытом в грудь. Она пыталась помешать им увезти Киону. Я не смог ей помочь — в тот момент я был на рыбалке.

В голосе индейца слышалась глубокая скорбь. Шоган больше не был ни озлобленным, ни враждебным. Жослин был потрясен до глубины души. Внезапно он осознал плачевное положение индейского населения. Его былые предрассудки окончательно рухнули. Их основа уже давно была подорвана Эрминой и ее любовью к индейской семье мужа.

«Поначалу я осуждал брак моей дочери с Тошаном, потому что он был метисом, — поймал он себя на мысли. — В сущности, я был расистом. Но у индейцев есть все основания нас презирать. Они населяли Канаду за несколько веков до нас, колонистов, которые явились сюда с желанием захватить их земли, словно они были не в счет, а мы имели право их грабить. И что я узнаю сейчас? Детей силой увозят в пансионы, вопреки воле их родителей! Господи, в каком мире мы живем?!»

Тала продолжала держать его правую руку. Растроганный, Жослин склонился над умирающей.

— Я обещаю тебе позаботиться о Кионе, — тихо произнес он. — Я хочу верить, что ты выздоровеешь и будешь еще долго рядом с ней. Ты ранена, просто ранена, врачи смогут тебя вылечить.

Он сам не верил в то, что говорил. По взгляду Талы, лишенному иллюзий, он понял, что она тоже в это не верит. Она слабо улыбнулась и спросила:

— Я слышала твои слова. Ты правда хотел жить со мной и нашей дочерью?

— Да, я этого хотел! Не стану тебе лгать: это не было окончательным решением, но, уезжая из Валь-Жальбера той весной, я крикнул Лоре, что еду к тебе. Она никак не может смириться с тем, что я люблю Киону, и я предположил, что она помогла тебе ее спрятать. Это было глупо: тебе плевать на деньги, я это знаю. Вспомни, Тала, те несколько дней, которые мы провели вместе — ты и я. Мне было так хорошо с тобой! Я ничего не забыл. Ты отправляла меня на охоту, но чаще всего я возвращался с пустыми руками. Ты немного подтрунивала надо мной, я тоже смеялся. Ночью мы любовались звездами, и ты держала меня за руку, как сейчас.

Голос Жослина дрожал. Конечно, последние девять лет он редко виделся с Талой и, несмотря на рождение Кионы, совсем о ней не заботился. Тем не менее эта женщина и их общий ребенок много для него значили.

— Я помню каждую минуту, каждую секунду, — вздохнула индианка. — Это были самые лучшие дни и ночи в моей жизни.

— Да, благодаря тебе, Тала. Я очень грустил, когда ты меня прогнала. Я хотел жить внутри твоего круга из белых камней. Знаешь почему? Мне нравилось засыпать и просыпаться рядом с тобой. Если бы я остался, то в итоге узнал бы, что ты носишь моего ребенка. Я бы никогда тебя не оставил, клянусь тебе, хоть и слишком поздно. Что касается Лоры, то, считая меня мертвым, она бы вышла замуж за своего пианиста, Ханса Цале.

— Благодарю тебя, Жослин! Твои слова — как бальзам на раны моих сердца и души. Я с сожалением отправляюсь в мир иной. Я больше никогда не увижу своего сына Тошана, Эрмину, Мукки, Нутту и Нади. Если бы не война, мы бы не были разлучены.

— В этот момент Тошан, должно быть, уже в Европе. Дела там совсем плохи, как и во всем мире. Гитлер атакует по всем фронтам: в России, в Африке — повсюду. Японцы тоже не сидят смирно. Прости меня, Тала, я ничем не лучше нацистов, которые подвергают гонениям евреев, хотя наконец стал понимать страдания твоего народа.

— Ты вовсе не плохой, — завершила она. — Я бы никогда не полюбила

мужчину с нечистым сердцем, но я любила тебя и ненавидела с одинаковой силой. Жослин, ты можешь спасти Киону, потому что ты богатый и белый. Если ты потребуешь вернуть ее через суд, осмелившись сказать, что она твоя дочь, ее освободят. Киона, моя малышка Киона, свет моей жизни! Ее янтарные глазки, медовая кожа, волосы цвета солнца... Как мне всего этого не хватает! Жослин? Ты здесь? Я тебя больше не вижу, а ведь ты держишь меня за руку. Умоляю тебя, зажги керосиновую лампу, я хочу тебя видеть! И сожми крепче мою руку, ради Бога! Эта темнота меня пугает, она хочет меня забрать!

Огонь в хижине продолжал гореть. Жослин понял, что Тала постепенно погружается в небытие. Его горло сжалось от сдавленного рыдания.

— Тала! Не бойся, я здесь.

Он лег рядом с ней и обнял ее. Красавица индианка, казалось, обрела в нем убежище, продолжая страдать, но получив огромное утешение.

— Волки воют на холме, — с трудом произнесла она. — Волчица — это по мою душу [\[23\]](#). Они чувствуют, что здесь бродит смерть. Мне плохо, так плохо здесь, в сердце. Обними меня крепче, прошу тебя.

В эту секунду в жалкую хижину вошел Шоган. Он все слышал и наконец признал благие намерения Жослина. Свою тетку он жалел. Она любила этого мужчину долгие годы, ничего не требуя от него. Пряча свое волнение под маской безразличия, индеец опустил на колени с торжественно-серьезным выражением лица. Гортанным голосом он затянул старинную грустную песню народа инну.

— Тала, — тихо сказал Жослин, — Тала, позови нашу малышку Киону, чтобы попрощаться с ней, чтобы увидеть ее в последний раз. Она может использовать свой дар перемещения.

— Нет, нет, — отказалась Тала. — Моя девочка потеряла свои способности, и это к лучшему. Поезжай, прошу тебя, отправляйся на ее поиски.

Эта была последняя мольба прекрасной индианки. Жослин ощутил, как расслабились ее мышцы, как она слабо вздрогнула и застонала. Она тяжело задыхалась, снова закашлялась, затем началась агония. Ее хрупкое тело отказывалось уступать сотрясающему его предсмертному хрипу.

— Тала, Тала... — повторял Жослин, поглаживая лоб бывшей возлюбленной.

Внезапно он поцеловал ее в губы, преисполнившись сострадания к этой неукротимой женщине, близкий конец которой его пугал.

— Иди с миром, Тала, — пробормотал он, немного отстранившись,

чтобы посмотреть на нее. — Я буду хорошим отцом для Кионы. Знай: я любил тебя недостаточно долго, но, когда мы с тобой жили внутри круга из белых камней, под луной, я не обманывал тебя, прекрасная дикая волчица.

Слышала ли она его? Ее лицо вдруг преобразила блаженная улыбка. Она так и умерла, словно заснула с надеждой на прекрасное завтра.

— Все кончено: ее душа улетела, — резко сказал Шоган. — Ее убили законы белых. Если бы Киону не увезли, Тала не получила бы эту травму. Я ухожу. Мне невыносимо тебя видеть, Жослин Шарден, поскольку все это в конечном счете случилось по твоей вине.

Гордый индеец поднялся. Он взял рюкзак из оленьей шкуры и достал ружье, спрятанное под тростниковой циновкой.

— Подожди! — воскликнул Жослин, не решавшийся двигаться, поскольку по-прежнему прижимал к себе Талу. — Мы должны похоронить ее достойно. Ты ведь знаешь молитвы вашего народа?

— Вот уже долгие годы их пытаются заглушить, — презрительно ответил Шоган. — Наши дети скоро забудут наши обычаи, наши легенды, радость свободной жизни в лесах... Я не стану тебе помогать. Она мечтала стать твоей женой, вот и хорони ее сам.

С этими словами он вышел из хижины и растворился в ночи.

— Вернись! — закричал Жослин. — Мне даже нечем вырыть могилу! Шоган! Вернись!

Вскоре ему стало стыдно за свои крики, и он замолчал, считая недостойным повышать голос в присутствии покойной. С огромной осторожностью он положил неподвижное тело Талы на ее убогое ложе.

— Бедная женщина!

Но, взглядевшись в ее лицо, он упрекнул себя за этот порыв жалости. Покойная приобрела какую-то странную, возвышенную красоту, а нежная улыбка, застывшая на устах, сделала ее моложе; черты ее лица выражали невероятное, чарующее достоинство и безмятежность.

— Неужели мой поцелуй сделал тебя такой счастливой? — спросил он ее, не в силах сдержать слезы. — Тала, мне так жаль, что ты ушла...

Жослин встал, чувствуя какое-то странное оцепенение, горло его сжалось. Волки замолчали. Опустив руки, не в силах оставить индианку, он принялся с ней разговаривать.

— Ты могла бы жить еще долгие годы, — вполголоса произнес он. — Конечно, в святых книгах написано, что мы не знаем ни дня, ни часа своей смерти, но все же ты имела право видеть, как растут Киона и твои внуки. Им будет тебя не хватать. Они так тебя любили! Мне придется сообщить им эту грустную весть.

С сердцем, наполненным огромной печалью и горечью, Жослин вышел наружу. Поднявшаяся луна окутала дикий пейзаж своим призрачным светом. Трава покрылась серебристым сиянием, но под деревьями притаилась тень. Ему почудились глаза хищника, чьи-то осторожные движения.

— Волки? — тихо спросил он вслух. — Черт! Огонь гаснет!

Будучи на грани паники, он схватил охапку хвороста, видимо сложенного здесь Шоганом, и бросил ее в угли. Затем, присев на корточки, он дунул изо всех сил, чтобы разжечь огонь. За его спиной послышался шорох, словно там рыскало какое-то крупное животное.

— Кто здесь? — закричал он. — А ну, покажись!

В эту самую секунду огонь вспыхнул с новой силой. Темнота отступила на несколько метров. Жослин выхватил из костра еловую ветку, горящую с одного конца, и принялся ею размахивать. Он был готов ко всему, вообразив жаждущих отомстить индейцев или даже стаю волков, явившихся почтить память Талы.

— Идите сюда! — снова исступленно крикнул он. — Сборище трусов!

Его разум под воздействием страха и волнения рисовал самые мрачные картины. Ему казалось, что Шоган, полный ненависти, вернулся в сопровождении других индейцев, чтобы расправиться с ним.

— Выходите, я вас не боюсь! — кричал он, потрясая кулаком.

Но существо, которое наконец перед ним появилось, было всего лишь крупным дикобразом — безобидным и пугливым животным. Шарден встречал их более сотни за свою жизнь. Тем не менее он испуганно отпрянул назад.

«Народ Дикобразов^[24], — сказал он себе. — Этот зверь тут не случайно. Это знак! Душа Талы уже дает о себе знать».

Жослин пошатнулся, словно пьяный. Его лоб покрылся холодной испариной.

— Что со мной? — спросил он, уставившись на животное, которое держалось на безопасном расстоянии. — А тебе что от меня нужно, грязная тварь?

Он бросил свой импровизированный факел в сторону животного, длинные черные иглы которого тут же встали дыбом.

— Боже мой! — простонал Жослин. — О! Господи! Прости меня!

Странное зрелище представлял собой этот высокий мужчина, который рыдал, закрыв руками лицо и раскачиваясь из стороны в сторону. Единственным свидетелем происходящего был дикобраз.

— Тала! — снова закричал он. — Тала! Что я делаю здесь совсем

один? И моя дочь, моя малышка Киона, где она?

Он издал страшный стон и упал на землю. Она показалась ему теплой и удобной. Лежа на животе, раскинув руки в стороны, Жослин потерся щекой о траву. Вскоре он начал бредить. Перед закрытыми глазами мелькали картинки. Они то приближались, то отступали, словно волны возле берега.

Вначале он увидел прекрасную индианку обнаженной и очень молодой, какой ее никогда не знал. Она танцевала и громко смеялась, показывая свои маленькие перламутровые зубы. Ее грудь вздрагивала в ритме тамтамов, рождающих настойчивую, словно желание, музыку. Тала была сияющей, стройной и гибкой, как лиана. Ее волосы спускались до самого пояса, образуя водопад черных шелковистых волос. После этого он заново пережил один из самых трагических моментов своей жизни, случившийся около двадцати шести лет назад. Он убегал, оставляя Лору голодной, изможденной, обезумевшей. Она с ужасом смотрела на него, спрятавшись под скамьей в убогой постройке из досок. «Это было на отрогах гор Отиш в январе 1916 года. Я не хотел видеть, как она умирает от холода и голода. Я попытался ее убить, чтобы избавить от страданий, но не смог... Прости меня, Господи, прости! Но что со мной? Что со мной творится?»

Он впился ногтями в землю. Его сердце бешено колотилось в груди, он больше не чувствовал некоторых частей своего тела. И тогда в его голове раздался хрустальный голос Эрмины. Его дочь пела оперную арию, которую он никогда не слышал. Но чем выше ноту она брала, тем сильнее искажалось ее лицо. В итоге пение переросло в пронзительный крик, к которому добавился детский плач, очень тонкий, монотонный, но оглушающий. И среди этого хаоса возник образ Кионы, таинственной малышки с золотистым взглядом и волосами цвета заходящего солнца. Но что такое? Она рыдала в какой-то темной камере...

— Нет! — вскричал Жослин, пытаясь встать. — Нет! Киона!

Ему удалось только поднять голову, и он увидел дикобраза прямо рядом с собой.

— Убирайся прочь, чертова тварь! — задохнулся он. — Убирайся!

Язык его еле ворочался. Почти сразу же Жослин провалился в тяжелый сон.

При первых проблесках зари он еще спал. Над лесом, словно зацепившись за еловые ветви, повисла белесая дымка. Из оцепенения его вывел легкий топот. Олень со своими самками пересекал поляну.

— Где я? — спросил себя мужчина, открывая глаза.

Костер давно погас, дикобраз исчез. Внезапно он вспомнил все: смерть Талы, уход Шогана и все, что за этим последовало. Он удивился:

— Я опьянел, не выпив ни капли алкоголя. Что со мной было?

Продрогший, Жослин с трудом поднялся, сделал несколько шагов. Ночь была свежей. Бледный утренний свет вернул пейзажу привычный вид. Мужчина в замешательстве почесал бороду.

— Мне не раз доводилось проводить ночь в лесу или на темных окраинах городка, — проворчал он. — И по натуре я не из пугливых. Должно быть, на меня так подействовало зрелище умирающей на моих руках Талы.

Он нехотя подошел к хижине, не горя желанием вновь увидеть мертвое тело. В голове пронеслась ужасная мысль, и он замедлил шаг: «Вдруг ночью в хижину пробрались волки и растерзали ее? Этот мерзкий дикобраз мог выесть ей глаза или нос. Я должен был оберегать ее! Я не исполнил своего долга христианина...»

Несмотря на опасения, мужчина приподнял шкуру над входом и испытал облегчение: Тала лежала нетронутой. Она выглядела так безмятежно, что он на мгновение поверил в чудо. Сейчас она проснется и заговорит с ним своим низким, немного строгим голосом.

— Я должен ее похоронить, — произнес он, оглядываясь в поисках какой-нибудь лопаты или кирки.

Но никакого инструмента не нашлось, и это его совсем не удивило. Жослин вышел из хижины и осмотрел местность вокруг, но все было тщетно.

— Раз так, буду рыть землю руками, — проворчал он. — У меня нет выбора.

Он снял свою холщовую куртку и засучил рукава. Ему еще нужно было определиться с местом захоронения. Походив по поляне, он выбрал участок земли, показавшийся ему более рыхлым, возле березовой рощи.

— За работу! — воскликнул он.

Его взгляд упал на широкий плоский камень. Можно воспользоваться им. С напряженным лицом, чувствуя себя на взводе, он принялся рыть могилу. Этот изнурительный труд отвлекал его от горестных раздумий, и постепенно Жослин расслабился, но чем жарче припекало солнце, тем больше он потел. К полудню он снял с себя рубашку.

— Мне следует поторопиться, — громко сказал он. — Я обещал Тале разыскать Киону, мою красивую малышку, нашего ребенка...

Представив хрупкий силуэт девочки, он чуть не зарыдал от тревоги. Вчера все произошло так быстро, что он еще не до конца осознал смысл

последних слов индианки. «Я пришел сюда. Шоган долгое время игнорировал меня, отказываясь разговаривать. Затем он принялся обвинять меня и только после этого отвел к своей тетке, и она умерла у меня на руках. Но мне это не приснилось: она сказала, что конная полиция забрала Киону. Но зачем?»

Жослин не обращал внимания на свои израненные, черные от земли пальцы. Сломав ноготь, он даже не заметил этого. Земля была тверже, чем он ожидал, но он продолжал рыть, задыхаясь, торопясь, словно одержимый.

— Я ни о чем не жалею, Тала! — внезапно воскликнул он. — Разве можно о чем-то жалеть, имея такую дочь, как Киона? Судьба подтолкнула нас друг к другу, чтобы этот ребенок появился на свет. Ты согласна, Тала? Разумеется, согласна! И я хочу, чтобы ты знала, даже если я повторяюсь, что я бы с удовольствием остался с тобой восемь лет назад. Да! У нас было столько хорошего! Ты учила меня смотреть на звезды по вечерам и бросала в костер душистые травы. Твоя кожа была нежной, золотистой... Но с другой стороны, я ведь был женат. Да, женат на Лоре.

По его лбу струился пот. Жослин решил отдышаться. Это позволило ему услышать шум мотора. Он с недоумением оглянулся. По лесной тропе, подпрыгивая на кочках, ехал мотоцикл, за рулем которого сидел крупный мужчина в соломенной шляпе. Незнакомец остановился неподалеку.

— Эй! Вы что, клад ищете, дружище? — поинтересовался он.

— Я рою могилу, — торжественно ответил Жослин.

Ему совсем не хотелось отвлекаться, но в глубине души он надеялся на помощь. Мужчина слез с мотоцикла, вытер лоб носовым платком и подошел, чтобы поздороваться.

— Позвольте представиться: Морис Летурно. Я поставил палатку на берегу небольшого озера, к югу отсюда. Вы кого хороните? Собаку? Яма не очень глубокая.

Этот тип, поглядывавший в сторону хижины, не внушал доверия Жослину. В оценке людей интуиция его никогда не подводила.

— Я хороню индианку, которая недавно умерла, точнее, вчера вечером. Может, у вас есть в палатке лопата?

Морис Летурно мгновенно изменился в лице. Он презрительно скривился, прежде чем ответить:

— Лучше подожгите ее хижину вместе с ней! Все равно у этих дикарей нет религии. Еще один индеец бродит где-то поблизости, но мое ружье заряжено, можете мне поверить.

— Несчастный кретин! — закричал Жослин. — Эта индианка была

моей женой! Не болтай глупости, иначе я набью тебе морду! Убирайся отсюда!

Он выпрямился во весь рост, выставив кулаки. На него было страшно смотреть: мертвенно-бледный, мокрый, всклокоченный, с руками, по локоть испачканными в земле.

Мужчина предусмотрительно отошел на несколько метров, прежде чем плюнуть в его сторону. Он сел на свой мотоцикл и развернулся на сто восемьдесят градусов.

«Что я опять натворил? — встревожился Жослин. — Этот болван вполне способен доехать до первого полицейского участка и обвинить меня в убийстве индианки... Нет, ерунда. От него за версту несет трусостью».

Но инцидент заставил его задуматься. Он ни за что не успеет похоронить Талу до наступления ночи. Дрожа от бессильного гнева, Жослин снова вошел в печальную хижину. Над лицом усопшей роились мухи. Жара вот-вот начнет портить тело.

«Этот тип прав в одном: гораздо проще предать ее сожжению», — сказал он себе.

Его внимание привлекла миска, вырезанная из светлого дерева, стоявшая возле ложа Талы. Ее стенки покрывала черная мазь. Он взял миску, чтобы рассмотреть содержимое. Запах показался ему знакомым.

«Когда я поцеловал ее в губы, они пахли именно так, — вспомнил он. — Еще одно лекарство из трав. Несчастливая думала, что сможет вылечиться подобной микстурой!»

Он растер между пальцев немного мази, чтобы лучше почувствовать запах. В эту секунду в хижину вошел Шоган. Жослин вздрогнул от неожиданности.

— Ты передумал? — резко спросил он. — Немного опоздал: я не смог вырыть глубокую яму. Поэтому собираюсь сжечь хижину.

— Поступай, как знаешь, — высокомерно ответил индеец. — Советую тебе не трогать содержимое этой миски. Тала слишком сильно страдала, зная, что скоро умрет. И принимала эти травы, которые помогают общаться с миром духов.

— Как думаешь, в меня могло попасть это зелье, когда я целовал ее? Вчера вечером, после твоего ухода, я еле стоял на ногах и у меня начались галлюцинации.

— Разумеется, ты достаточно принял, чтобы войти в состояние транса, — сделал вывод индеец, несколько не удивившись его словам. — У Талы оно наверняка осталось на губах. Но это неважно. Я вернулся, потому что этой ночью мне приснилась Киона. Я спал на склоне горы и увидел

девочку. Она плакала и звала свою сестру Эрмину. Поэтому я решил тебе помочь, чтобы ты смог отправиться на поиски как можно скорее.

— Благодарю тебя, — вздохнул Жослин, озадаченный поведением Шогана. — Кстати, должен тебя предупредить: неподалеку отсюда остановился белый человек. Он вооружен и, думаю, способен палить по малейшему поводу.

Индеец презрительно рассмеялся.

— Я его не боюсь, — ответил он. — Я наблюдаю за ним с самого начала, когда он меня еще даже не слышал. Но спасибо, что предупредил.

Между ними пробежала искра симпатии. Шоган, казалось, смягчился, а Жослин был рад, что теперь не один.

Час спустя золотисто-красный костер вспыхнул в центре поляны. Бренные останки Талы сгорели в этом огне. Жослин положил ей на грудь два своих любимых предмета: серебряные часы и перочинный нож. Он хотел было покрыть ее тело лесными цветами, но это заняло бы много времени.

— Огонь очищает все, — сказал индеец. — Маниту позаботится о душе Талы. Теперь нужно спасти Киону. Как ты собираешься ее искать?

Жослин перекрестился, пробормотав молитву.

— Я буду действовать, как все белые. Вернусь в Перибонку, а оттуда сяду на корабль до Роберваля. Начальник полиции обязательно сообщит мне, куда отвозят детей твоего народа. Затем я расскажу о нашем родстве и сделаю все, что в моих силах.

— Я тебе доверяю. Меня бы никто и слушать не стал. Я бессилен против законов белых.

— У меня, возможно, есть шанс. До свидания!

С этими словами Жослин удалился. Он продолжит поиски, желая решить эту проблему как можно скорее, так как Эрмина собиралась вернуться в Валь-Жальбер в начале октября.

«У меня для нее печальное известие, — думал он, шагая по тропинке. — Но если со мной будет Киона, это ее немного утешит».

Киона сидела у стены карцера, где ее заперли. Она не сводила глаз с узкого окошка, через которое проникало немного света. Девочка знала, что на улице сейчас ярко светит солнце, а теплый июньский ветер ласкает листву деревьев. Здесь же земляной пол пропах мочой, а от каменных стен тянуло сыростью.

— Они забрали мои амулеты, — жалобно произнесла она, поднеся руку к шее.

Ее маленькое сердечко отчаянно стучало. Никогда еще Киона не испытывала такого сильного страха. Она даже не осмеливалась думать о своей матери из-за ужасного звука, с которым копыто лошади ударило ту в грудь. Все было похоже на кошмарный сон. Однако это не было сном.

— Бедная мамочка, — простонала девочка.

Уже больше двух лет Киона безмятежно жила с Талой, бабушкой Одиной и тетей Аранк. Их часто навещал кузен Шоган, приносил свежей рыбы или кусок мяса. Жизнь была спокойной, простой, с восхитительным ароматом полной свободы. Ее странные способности больше не беспокоили. Никакие видения не будоражили душу.

«Курум^[25] учила меня снимать кору с ивы и делать красивые цветы, — вспомнила она. — Я плавала в речке, а когда она замерзала, каталась по льду...»

Ее тонкие пальчики снова попытались нащупать кожаный шнурок, на котором были подвешены маленькие мешочки с крошечными предметами, призванными ее защищать и, главное, сделать из нее нормального ребенка. Тала попросила старого индейского шамана применить самые сильные чары, чтобы избавить ее дочь от сверхъестественных способностей.

Этого Киона не знала или притворялась, что не знала. Горестно вздохнув, она снова увидела толстую монахиню, неуклюжую в своем платье и капоре, которая склонилась над ней, чтобы сорвать с ее шеи амулеты.

— Завтра я остригу твою грязную шевелюру, — презрительно бросила она. — Вши в ней наверняка кишмя кишат.

— Нет, ты не отрежешь мне волосы! — закричала Киона. — И вообще, ты не настоящая сестра Иисуса! Настоящие сестры добрые!

После этого гневного заявления ей вlepили пощечину и бросили в эту темную вонючую дыру. Со вчерашнего дня она ничего не ела и не пила. Особенно сильно ее мучила жажда.

— Я сбегу отсюда, — решила она, бросив на дверь решительный взгляд. — А потом я пойду далеко-далеко и найду Мину, мою любимую Мину, потому что я знаю: мама уже умерла.

Эта чудовищная уверенность вызывала в ней тошноту, желание кричать, царапать каменную стену. Но она не поддавалась горю, которое сделало бы ее слишком слабой. Наделенная исключительным умом, а также необычной для восьмилетней девочки зрелостью, она попыталась привести мысли в порядок, чтобы использовать имеющиеся в ее распоряжении природные силы. После нескольких часов, проведенных без амулетов, она чувствовала, как на нее медленно накатывают волны ясновидения.

— Мама! Тала! — шепнула она, прикрыв глаза.

Среди синеватого тумана показался большой костер. Языки пламени извивались. Оранжевые, желтые, иногда лиловые... Ее мертвая мать сгорала в этом огне.

— Мама, — повторила она, не вытирая слез, струящихся по ее щекам. — Не нужно было мешать жандармам забирать меня, лошадь не нарочно ударила тебя копытом. Она просто испугалась, мама...

Киона сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Зловонный воздух наполнил ноздри, и ее затошнило.

— Нет, мне нельзя думать о маме!

Девочка изо всех сил сконцентрировалась на том, что увидела по прибытии в пансион: девочек в серых блузах, бритых наголо или с коротким ежиком черных волос — индианок ее возраста или на несколько лет старше. Ими занимались монахини. Она также видела с десятков мальчиков, тоже с бритыми головами, в изношенной холщовой одежде, за которыми следили трое кюре. Горе царило в этом месте — она ощущала его всем своим телом.

— Я должна отсюда сбежать, — тихо повторила она. — Я не могу здесь оставаться.

Киона боролась, стараясь держать глаза открытыми, но все же погрузилась в эту странную полудрему, которая позволила видениям нахлынуть на нее. Ужасные образы осаждали ребенка. Она увидела безжизненное тело девочки, лежащее под кустом. Ее губы посинели, ноги были босыми. Затем перед ней возникло лицо плачущего мальчика, над которым мужчина в сутане издевался таким отвратительным образом, что девочка вскрикнула, несмотря на свое состояние транса.

— Здесь было много смертей, — пробормотала она, встряхнув головой. — Дети... Как же они страдали! И какой дикий страх испытывали!

Ужас выдернул ее из оцепенения. Она вскочила и бросилась к двери.

— Мина, спаси меня! — слабо позвала она.

Ей не хотелось быть ни побритой наголо, ни избитой, а меньше всего не хотелось подчиниться воле этих людей, пропитанных ненавистью и презрением к ее народу, словно индейцы были животными.

По ту сторону двери послышался шум. Ей крикнули, чтобы она замолчала. Это означало, что за ней следят или, возможно, принесли хлеба и воды.

— Я хочу пить, — осмелилась сказать она.

— Пей свою мочу, маленькая безбожница, — ответили ей.

Испуганная, Киона неподвижно застыла. Теперь она боялась, что дверь откроется. Она съежилась возле стены, во рту у нее пересохло, живот свело от страха.

«Они забрали мои амулеты. И мою тунику из оленьей кожи, и сапоги, которые сшила мне мама...»

Ей хотелось сорвать с себя грубое платье, которое на нее надели, но она не делала этого из осторожности. Инстинкт диктовал ей, как выжить. Она могла замерзнуть предстоящей ночью, оставшись без одежды.

Сжав губы, широко раскрыв свои янтарные глаза, Киона всей душой призвала образ Эрмины — своей Мины, такой нежной и доброй. Она старательно сконцентрировалась на дорогом ей лице.

«Мама больше не сможет мне в этом помешать», — подумала она.

При этой мысли по ее щекам потекли крупные слезы, но воля от этого лишь укрепилась.

Капитолий Квебека, тот же день, тот же час

Эрмина в последний раз пела в «Стране улыбок». Одета в костюм китаянки и черный парик, она играла нежную Ми, влюбленную в европейца. Оперетта пользовалась огромным успехом, превзойдя по популярности «Веселую вдову». Ее партнер, дородный тенор, исполняющий роль ее брата Су-Шонга, затянул наиболее известный припев. Певица находила эти слова мучительно правдивыми.

Всегда улыбаться,
Хоть на сердце тяжело,
Насмехаясь над злодейкой судьбой.
Это наш девиз: идти по жизни с улыбкой.
А глаза пусть хранят свою тайну.

«Я тоже должна всегда улыбаться на этой сцене и в своей уборной, чтобы успокоить Шарлотту, которую пугает моя худоба, и сделать приятное Лиззи, оптимистично утверждающей, что война закончится в этом году. Но я думаю о папе, которому пришлось провести все лето в туберкулезном санатории и который вот уже три недели носится по лесам в поисках Талы и Кионы, переставших подавать признаки жизни. У меня также нет известий от Тошана. Возможно, мой любимый уже погиб, а я должна

продолжать петь! И потом, мне так не хватает моих детей, что это становится невыносимым! К счастью, совсем скоро мы возвращаемся в Валь-Жальбер, мой родной городок».

В эту самую секунду она увидела Киону, бледную, испуганную, сидящую на подмостках сцены с заплаканным лицом, одетую в серое платье без рукавов, больше напоминающее тряпку. Девочка протягивала к ней руки.

— Нет! — воскликнула она. — О, нет!

Тенор изумленно уставился на нее и запел громче, чтобы публика не обратила внимания на испуганный крик Эрмины. За декорациями отчаянно жестикулировала Лиззи. Она призывала молодую женщину продолжать петь.

— Я не могу! — воскликнула та. — Киона, я видела Киону!

Публика заволновалась. Каждый заплатил за свое место. По рядам партера пробежал недовольный ропот.

— Простите меня! — воскликнула Эрмина, убегая со сцены. — Мне очень жаль!

За кулисами ее схватила за руку Лиззи.

— Ты хочешь нас разорить, — проворчала она. — Я не знаю, что с тобой, но ты должна взять себя в руки. Поторопись! Через несколько секунд будет уже поздно. Нам придется возвращать всем деньги.

Подавленная, Эрмина была вынуждена вернуться на сцену. Оркестр пытался спасти ситуацию, повторив мелодию с того места, где прервался дуэт:

Всегда улыбаться,
Хоть на сердце тяжело...

Эрмина старательно пела, устремив взгляд голубых глаз на то место, где недавно сидела девочка. Слова лились сами собой, она знала их назубок, но мысли были далеко.

«Два года! Уже два года ничего такого не происходило. Если я увидела ее сегодня, значит, мы нужны ей. Где она? Моя сестренка, моя Киона... Завтра же я еду домой! Да, прямо завтра!»

Валь-Жальбер, тот же день, тот же час

Луи гладил пони, которого Лора все же купила. Это было послушное животное рыжей масти с черной гривой. Его бывший хозяин передал им также небольшую деревянную тележку, выкрашенную в зеленый цвет.

— Хороший Базиль, хороший, — напевал Луи.

Для детей было настоящим счастьем чистить пони щеткой, надевать на него искусно сделанное кожаное седло и ездить верхом. После уроков каждый по очереди катался по аллее, ведущей к улице Сен-Жорж. Мукки и Мари-Нутта, более отважные, чем Лоранс и Луи, иногда направлялись в сторону региональной дороги, за что получали нагоняй от бабушки.

— Смотри, Базиль, у меня для тебя есть черствый хлеб, — гордо сообщил он. — Знаешь, скоро приедет моя старшая сестра, и папа тоже.

Летние месяцы казались Луи бесконечными, хотя он много веселился и очень полюбил чтение.

— Этой зимой будет много снега, — продолжал он разговаривать с пони. — У тебя будут подковы с шипами — мама обещала.

Лора попросила Жозефа Маруа расширить сарай, чтобы обустроить в нем миниатюрную конюшню. Луи очень нравилось это место. Новые доски пахли смолой, от соломы тоже шел ароматный дух. Он протянул хлеб Базилю и обернулся, чтобы проверить, есть ли вода в ведре.

— Луи! Мне страшно!

Там была Киона. Она разговаривала с ним. Он тут же узнал ее, несмотря на спутанные волосы и очень грустное лицо.

— Киона! Что с тобой? — удивленно спросил мальчик.

Полный сострадания, а также вне себя от радости, что наконец видит ее, он бросился к ней, чтобы поцеловать. И ударился лбом о деревянную перегородку.

— Ты с ума сошел? — встревожилась Лора, только что вошедшая в конюшню. — Время полдника. Я повсюду тебя ищу. Луи, сокровище мое, мне не послышалось, ты сказал: «Киона»?

Он повернулся к матери, на его лице читалось разочарование.

— Мама, я видел Киону, вон там! Ей очень страшно.

— Прошу тебя, Луи, не болтай глупости, — оборвала его Лора. — Мой бедный мальчик, ты ушибся! Пойдем, я обработаю тебе рану.

Луи заплакал. Он показал пальцем на соломенную подстилку.

— Мама, она была там, клянусь тебе! — повторил он.

— Ты прекрасно видишь, что ее там нет. Там никого нет. Пойдем, иначе я рассержусь.

Лора стала очень раздражительной. Ей было ненавистно это лето, проведенное исключительно в обществе детей, учительницы и Мирей.

Лишившись ежедневного присутствия своего мужа, дочери и Шарлотты, женщина умирала от скуки.

— Не добавляй хлопот, Луи, — сказала она, увлекая сына в сторону дома. — Мне и так их хватает с карточной системой, да еще твоего отца нет рядом. И я запрещаю тебе рассказывать эту ахинею Мукки и девочкам. Киона живет в лесу со своей семьей, за много километров отсюда. Ты не можешь ее видеть! Мы договорились?

Луи проглотил слезы. С тяжелым сердцем он позволил себя увести.

— Просто ты не любишь Киону, — бросил он. — Поэтому хочешь, чтобы я всем врал. Ты прекрасно знаешь, что она приходила по-настоящему.

— Еще одно слово, и я тебя отшлепаю! — не выдержав, взорвалась Лора.

Она верила своему сыну, и именно в этом состояла проблема. Но пока лучше было все отрицать. Появление этой странной девочки не предвещало ничего хорошего.

Полицейский участок Роберваля, на следующий день

Сидя в кабинете начальника полиции, Жослин начинал терять терпение. Он прождал час, пока его приняли, и теперь чиновник с недоумением смотрел на него. Молча выслушав его рассказ, он наконец открыл рот:

— Месье Шарден, простите мне мою некомпетентность в этой области, но я ничем не могу вам помочь. Этим занимается Бюро по делам индейцев. Но почему вас это так беспокоит?

— Я же вам объясняю, что девочка, которую я разыскиваю, — метиска, к тому же крещеная! Она посещала школу здесь, в Робервале. Умеет читать и писать. Поэтому ей необязательно учиться в пансионе, предназначенном для индейских детей.

Он теребил свое обручальное кольцо, которое стало ему велико. Несмотря на все свои благие намерения, он так и не решился представить Киону как свою внебрачную дочь. «Старый трус, — молча упрекал он себя. — Давай же, скажи правду!»

— Вы что же, крестный отец этой Киолы? — поинтересовался полицейский.

— Кионы, — поправил его Жослин. — Да, я ее крестный отец. Ее мать умерла, и я хочу воспитывать свою крестницу. Я вам уже объяснял почему.

Моя дочь Эрмина, которую вы наверняка знаете, супруга Тошана Дельбо, сына индианки Талы. Мой зять сейчас сражается в Европе. Поэтому я — единственная опора для малышки.

— Да почему я должен знать вашу дочь? Я работаю здесь всего два месяца и не могу запомнить лица и имена всех жителей региона. Месье Шарден, мой вам совет: дождитесь следующего лета. Ведь у индейских детей тоже есть каникулы, как и у наших, так ведь? Киола вернется в свою семью.

— Черт возьми! — выругался Жослин, побледнев от гнева. — Ее зовут Киона.

— Мне легче запоминать католические имена, месье, — проворчал мужчина менее радушным тоном. — И прошу вас здесь не выражаться!

Жослин встал. По его лицу стекали крупные капли пота. Вспомнив о статье, рассказывающей об облаве Зимнего велодрома в Париже, он бросил:

— По сути, некоторые относятся к индейцам точно так же, как фашисты к евреям. Дайте мне адрес сотрудника, который занимается местными индейцами.

Но он зашел слишком далеко. Побагровев от возмущения, чиновник показал ему пальцем на дверь:

— Сейчас же покиньте помещение, месье! Вы только что оскорбили честного гражданина, сравнив его с гитлеровским нацистом! Вон отсюда! Я не знаю, где находятся пансионаты, о которых вы говорите, но убежден, что это единственный способ вырвать невежественных детей из их дикого существования. В глубине лесов нет ни религии, ни образования, ни дисциплины, месье.

— Эта девочка — моя дочь, — ответил Жослин, держась рукой за грудь, в которой поднималась глухая боль. — Да, моя дочь. И я имею право воспитывать ее, как считаю нужным, и заботиться о ней!

Он знал, что этим признанием навлечет на себя гнев Лоры, которой пообещал держать свое отцовство в тайне.

— Я не видел, как растет моя дочь, поскольку стыдился того, что она метиска, — признался он. — Однако, вот парадокс! Мои внуки тоже метисы! И я их люблю.

Жослин больше не смог ничего сказать. Его лицо исказила гримаса боли. Он открыл рот, чтобы позвать на помощь, и рухнул всем своим весом на стол, заваленный папками.

Пять минут спустя в Валь-Жальбере, в гостиной Лоры Шарден, зазвонил телефон.

Глава 5

Потерянный ребенок

Больница Роберваля, пятница, 18 сентября 1942 года

Испытывая опасение, Эрмина вошла в палату своего отца. Она боялась увидеть его постаревшим, ослабленным болезнью.

«Мы узнали друг друга девять лет назад. Этого недостаточно, чтобы создалась крепкая связь. Однако мне кажется, что мы очень близки, что я могу на него рассчитывать. Я не хочу его потерять... только не сейчас».

Она даже не догадывалась, что Жослин тоже страшится этой встречи.

— Здравствуй, папа! — весело сказала она. — Хорошо выглядишь!

— Моя дорогая доченька! Утром приходила твоя мать. Она сообщила мне, что ты приезжаешь.

— Я сошла с поезда полчаса назад и сразу побежала к тебе.

Эрмина успокоилась. Жослин сидел в кровати и держал в руке газету. Сдвинув очки на нос, он безмятежно улыбался ей, но она уловила выражение скорби в его темных глазах.

— Я испугалась за тебя, — призналась Эрмина, усаживаясь рядом с ним. — Сердечный приступ — это не шутки! К тому же мама мне не сообщила никаких деталей.

Жослин с жадностью разглядывал свою дочь. Эрмина была одета в голубое платье с широкой юбкой, сверху — белый шерстяной жилет. Это был достаточно простой наряд, удобный для путешествия в поезде. Ему нестерпимо захотелось погладить ее по золотистым волосам, которые, казалось, озарили его палату с белыми стенами.

— Да, мое сердце не выдержало, и это неудивительно, — сказал он, опустив глаза. — Мне придется пробыть здесь еще пару недель. А потом нужно будет принимать лекарства. И разумеется, не перенапрягаться и не нервничать.

Эрмина погладила его по щеке. Она испытывала явное облегчение.

— Мой дорогой папочка! Я буду о тебе заботиться. И Шарлотта с Мадлен тоже. Сейчас они ждут меня в городе. Мне хотелось побыть с тобой наедине.

— Спасибо тебе, дочка. Так даже лучше, учитывая то, что я должен

тебе сообщить.

— Что случилось? — тут же встревожилась она. — Папа, посмотри мне в глаза. У тебя плохая новость, я это чувствую. Господи, ты плачешь! Неужели что-то с Кионой?

— Да, я очень беспокоюсь за свою дочь, — подтвердил Жослин. — Но это не самое худшее, Эрмина. Тала умерла.

Он решил сказать ей это прямо, не тратя время на преамбулу.

— Что? Тала умерла? Но это невозможно! Что случилось? Несчастный случай?

— И да и нет. Она утонула от травмы груди. Ее лягнула лошадь, и, думаю, у нее были сломаны ребра, которые могли пробить легкое. Она харкала кровью. Без медицинской помощи у Талы не было шансов выжить.

Эрмина не могла в это поверить. Она вспомнила гордый силуэт своей свекрови, которая была небольшого роста, но всегда держалась очень прямо, с высоко поднятой головой. У нее были поразительные черты лица, пристальный взгляд и кожа цвета подгоревшего хлеба.

— О нет! Я так ее любила! А Тошан... Он больше никогда ее не увидит. Боже мой! Дети... Как же они будут плакать!

Она зарыдала. Жослин немного приподнялся и взял ее за руку.

— Будь мужественной, моя милая дочка. Мне тоже очень тяжело. Она умерла у меня на руках.

Эта важная деталь немного утешила молодую женщину. Дрожащим голосом она попросила его все рассказать. Когда Жослин закончил свой рассказ, они плакали оба, но каждый по своей причине.

— Боже, моя бедная Тала, вы ее сожгли! — возмущалась Эрмина. — Вы с Шоганом осмелились сделать это! Как вы до этого додумались? Ведь вы буквально стерли ее с лица земли, не оставив следа! Папа, нужно было похоронить ее и усыпать могилу дикими цветами. Что вы натворили!

— Девочка моя, но Шоган сам меня к этому подтолкнул. У нас не было никакого инструмента, чтобы выкопать могилу. А я пообещал Тале разыскать Киону. У меня была только одна мысль в голове — скорее найти ее и увезти с собой.

По бледным щекам Эрмины текли слезы. Ее красивые голубые глаза были устремлены на распятие, висевшее над кроватью.

— Киона! Бедная малышка Киона! Куда они ее увезли?

Женщину охватила тревога. Она вдруг вспомнила откровения Мадлен о том, что та пережила в возрасте Кионы. Не выдавая этой ужасной тайны, она добавила:

— Папа, я слышана, как обращаются с индейскими детьми в этих

пансионатах. Возможно, это не повсеместно, но монахини и кюре, которые воспитывают несчастных детей, напроочь лишены совести и позабыли о заповедях Христовых. Меня это уже не удивляет. Столько людей считают индейцев чем-то вроде животных! Я в ужасе от той ненависти, которая царит в нашем мире! Порой мне стыдно за то, что я принадлежу к белой расе. В прошлом мы обращали негров в рабов, и они до сих пор остаются в стороне. Мы подвергаем гонениям евреев, индейцев...

Жослин слушал ее, не перебивая и не возражая, чего бы никогда не сделал раньше.

— Пусть Тала покоится с миром, — добавила она. — Я найду Киону. Завтра же отправлюсь на ее поиски. Никто не посмеет ее тронуть, иначе я умру от горя. А мне нельзя умирать: у меня трое детей, я нужна им.

Она замолчала, пытаясь справиться с рыданиями.

— Тала не одобрила бы моих слез. Единственный способ почтить ее память — это защитить Киону.

— Прости меня, Эрмина. Я не выполнил своего долга. Смалодушничал с самого начала, а когда решил противостоять Лоре, было слишком поздно. Я люблю эту девочку, восхищаюсь ею. Нужно обязательно ее найти!

— Думаю, это будет не так сложно и не займет много времени. Мадлен в детстве уже побывала в одном из таких пансионатов. Она сможет меня сориентировать. Мне пора бежать, папа. Хочу поскорее обнять Мукки и дочек.

— Поцелуй своего глупого отца, — попросил Жослин.

Эрмина отреагировала неожиданно. Она поспешно вскочила, чтобы увернуться от его объятий.

— Прости, но я не могу. Я слишком разгневана. Не именно на тебя, но твоя вина в этом тоже есть. Тала столько страдала из-за твоего эгоизма и трусости! А что пережил Тошан, узнав, что ты был любовником его матери! Мне нужно успокоиться, и, пока не найду Киону, я не смогу тебя обнять.

С этими словами она вышла из палаты, даже не улыбнувшись на прощание.

— Эрмина, доченька! — воскликнул он.

Она сделала вид, что не слышит. В ее душе разыгралась настоящая буря. Смерть Талы казалась ей огромной трагедией. «Если бы только Тошан был здесь!» — с горечью подумала она.

Шарлотта и Мадлен ждали Эрмину возле больницы. По ее расстроенному лицу они сразу поняли, что случилась беда.

— Что случилось, Мина? Не молчи! Твоему отцу стало хуже? — всполошилась индианка.

— Тала умерла, — ответила молодая женщина, снова разрыдавшись. — Несчастный случай. Она пыталась помешать конной полиции забрать Киону в пансион. Лошадь лягнула ее в грудь.

Мадлен потрясенно перекрестилась и заплакала. Она нежно любила свою тетку. Взволнованная, Шарлотта протянула руки к Эрмине, и та позволила себя обнять.

— Господи! Как же тебе сейчас плохо, Мимина! Но зачем они забрали Киону? Она же не сирота!

— Я тебе потом объясню, — ответила молодая женщина. — Мадлен, мне понадобится твоя помощь. Я уезжаю завтра.

— Конечно, я помогу тебе.

Услышав гудок автомобиля, они замолчали. Онезим Лапуэнт припарковал свой грузовик неподалеку от троицы. Лора попросила его доставить их в Валь-Жальбер.

Валь-Жальбер, тот же день, час спустя

Онезим выключил двигатель машины и высадил Эрмину, Шарлотту и Мадлен рядом с домом Шарденов. Этот гигант с нежным сердцем был очень взволнован, вновь увидев свою сестру Шарлотту, которой искренне гордился. Он считал ее красивой, умной и элегантной.

— Идите в дом, барышни, — сказал он им. — Я принесу ваш багаж.

Ближе к вечеру небо приобрело невероятно нежный, фиалковый оттенок. Ветер, дувший с озера Сен-Жан, нес легкую прохладу, предвещающую первые осенние заморозки.

— Спасибо, Онезим, — ответила Эрмина. — Держите, купите игрушку сыновьям.

Она сунула ему в руку купюру. Времена были тяжелые, и мужчина счел это настоящей удачей. Лора тоже заплатила за эту поездку, и вообще, ему вполне удавалось сводить концы с концами, подрабатывая шофером.

— С возвращением в Валь-Жальбер! — воскликнул он, обнажив в широкой улыбке свои плохие зубы. — А ты, Шарлотта, заходи повидаться с племянниками, раз уж ты здесь.

Эрмине не хватило мужества улыбнуться простодушию их соседа. «Тала умерла, — повторяла она, по-прежнему недоверчиво и потрясенно. — Папа и Шоган посмели сжечь ее, словно она не заслуживала

лучшего, словно нужно было срочно избавиться от тела! Господи, я не должна больше думать об этом, мне нужно быть сильной, чтобы спасти Киону!»

При одной только мысли о том, что ее любимая младшая сестренка может оказаться во власти извращенного желания мужчины, Эрмина была готова разрушить все преграды. А пока что она застыла возле дома своей матери, не в силах сделать ни шагу, глядя в распахнутые настежь окна. Через несколько секунд выбегут ее дети и начнется безумный хоровод вокруг так долго отсутствовавшей матери.

— Мадлен, Шарлотта, идемте, — тихо сказала она.

Они направились к цветочной клумбе с одинаково удрученным видом. Смерть прекрасной индианки с неукротимым нравом омрачила радость их возвращения. Они едва обратили внимание на пышно цветущие кусты роз. Выжженная летним солнцем, трава хрустела под их ногами. Здесь все осталось по-прежнему. Эрмина заметила шезлонг своей матери на просторной крытой террасе, украшенной керамическими горшками с геранью и георгинами. Занавески в гостиной колыхались от легкого ветерка.

— Я думала, мои дети бросятся ко мне, — удивилась она. — Какая тишина! Однако время полдника уже прошло.

На крыльце показалась Лора и помахала им рукой. Своей бодрой походкой она устремилась навстречу дочери.

— Дорогая моя, наконец-то ты здесь! — воскликнула она драматическим тоном. — Если бы ты знала, как мне тебя не хватало!

Эрмина позволила обнять себя и приласкать. Она снова заплакала, вдохнув тонкий аромат белокурых волос матери.

— Мама! Мне тебя тоже не хватало, — призналась она. — Ты знаешь о смерти Талы?

— Да, разумеется, — вздохнула Лора. — Мне искренне жаль! Она была примерно моего возраста, и очень прискорбно умирать при таких обстоятельствах. Я тоже ею восхищалась, несмотря ни на что.

Она казалась искренней. Эрмина была тронута до глубины души. «У мамы взрывной характер, но она всегда сочувствует бедам других. Но осознала ли она, что означает смерть Талы? Ведь я найду Киону и она будет жить здесь, вместе с нами».

Но Эрмина пока не стала озвучивать свои планы: ей не терпелось наконец обнять своего сына и дочек.

— Что ж, надо держаться! — добавила Лора с ободряющей, как она надеялась, улыбкой. — Идите отдохните немного. Вы же столько тряслись

в поезде. Здравствуй, моя маленькая Шарлотта! У тебя бледный вид. А ты, Мадлен, молчишь, но я понимаю, как ты потрясена. Ведь Тала была твоей тетей.

Молодая индианка молча кивнула. Мирей встретила путешественниц в коридоре. Она звонко чмокнула каждую в щеку.

— Боже милосердный, я так счастлива, что вы здесь! Теперь нам будет не так одиноко. Правда, мадам?

— Надеюсь, — ответила Лора, снова с нежностью обнимая Эрмину. — Последние дни были не самыми легкими. Жослин покинул санаторий Лак-Эдуарда раньше положенного срока, чтобы бегать по лесам. У него, конечно, не было рецидива, но пневмония — тоже штука серьезная. И вот результат: я думала, что потеряю его! Какой шок я испытала после этого телефонного звонка! Начальник полиции сообщает мне, что у моего мужа случился удар... К счастью, это оказалось лишь сердечное недомогание, но впредь Жоссу нужно будет поберечь себя.

Растроганная взволнованным лицом своей матери, Эрмина обняла ее крепче.

— Мы здесь, мама, теперь ты сможешь отдохнуть. Мадлен займется детьми. Мне пришлось оставить их на тебя на целых три месяца. Кстати, где они? В доме так тихо!

— У них что, тихий час? — предположила Шарлотта.

Мадлен хранила молчание, несмотря на ураган чувств, распирающих ей сердце. Мысль о том, что она скоро увидит Лоранс и Мари-Нутту, заставляла ее забыть обо всем. Этих девочек она кормила грудью два года, охраняла их сон, обрабатывала их царапины и любила всей душой. «Мои малышки, — думала она, не сводя глаз с лестницы. — Теперь, когда Тала уснула крепким сном^[26], я буду рассказывать вам о народе монтанье, о ваших предках из племени Дикобразов».

— Они все наказаны, — ответила Лора. — Эрмина, я согласна, что это совершенно некстати, поскольку сегодня день твоего возвращения. Наказание будет отменено только к ужину. Дорогая, я не хочу лишать тебя их общества, но они совершили нечто серьезное. У нас одна виновная и трое сообщников. Я была вынуждена проявить строгость, иначе в следующий раз они придумают что-нибудь похлеще.

— Что они натворили? — всполошилась молодая женщина.

— Пойдем со мной, сама все увидишь!

— Подожди минутку, мама. Я очень несчастна. Моя свекровь умерла в убогой хижине из веток, вдали от меня, от своего сына и внуков. Я очень ее любила. Мне придется сообщить эту ужасную новость моим детям.

Отмени наказание прямо сейчас. Им и так будет несладко.

— Хорошо, — согласилась Лора. — Идем, на это стоит взглянуть.

Она начала подниматься по лестнице в сопровождении трех прибывших женщин. Посреди лестничного марша Эрмина снова остановила мать.

— Знаешь, мама, я получила письмо от Тошана как раз перед тем, как сесть в такси до вокзала. Его полк расквартировали возле Лондона. Он жив мама, с ним все в порядке. Он написал послания детям. Я прочту их перед тем, как сообщить о смерти бабушки.

— В самом деле, Тала была их бабушкой, — с некоторым удивлением заметила Лора. — Это постоянно вылетает у меня из головы. Но поверь мне, Мари-Нутта об этом не забыла.

Эрмина получила объяснение последним словам, войдя в чулан, где Мирей хранила веники, тряпки и бидоны с мастикой. Главная нарушительница спокойствия сидела здесь, прямо на полу.

— Но... О нет! — воскликнула молодая женщина. — Доченька, что ты с собой сделала? Твои волосы, кожа...

Девочка встала с непримиримым видом. Однако ее светлые глаза, унаследованные от северных предков, заискрились от радости.

— Мама! Ты вернулась!

— Хорошо же ты меня встречаешь, — раздраженно отрезала Эрмина, не в силах поверить своим глазам. — Разве можно подумать, глядя на тебя, что тебе исполнится девять лет в декабре? Что это еще за маскарад?

Мадлен и Шарлотта с изумлением разглядывали Мари-Нутту: ее черная шевелюра была липкой и разделялась на две косы, а красивая мордашка была похожа на странную маску из красной охры.

Лора резким тоном прокомментировала ситуацию:

— Эта барышня решила, что она чересчур белая. Мукки помог ей приготовить жуткую бурду на базе растительного масла и морилки. Флакон ее они купили тайком в скобяной лавке в Робервале на сбережения Лоранс, казалось бы самой благоразумной из всех. Что касается этого цвета, превратившего ее в маленькую дикарку, он, должно быть, состоит из украденного у меня дорогущего крема и, не знаю какой, краски. Луи похвастался, что принимал в этом участие.

— Мы измельчили бурый уголь, а потом я смешала порошок с топленным салом, — звонко сказала девочка. — Мама, учительница постоянно говорит гадости про мой народ монтанье! Я хотела ей показать, что я индианка. И мне надоело ходить блондинкой.

Эрмина не знала, плакать ей или смеяться. Мари-Нутта выглядела

довольно комично.

— Ты и так не блондинка, доченька, у тебя светло-русые волосы.

Она не смогла сдержать нервного смеха. Шарлотта присоединилась к ней, Мадлен с трудом удержалась. Экстравагантная выходка девочки вернула их всех в благословенный и невинный мир детства, где еще живет уверенность, что можно изменить ход вещей подручными средствами.

— Дай я обниму тебя, моя индейская подруга! — воскликнула Эрмина. — Ты правильно делаешь, что отстаиваешь свои индейские корни! Я поговорю с мадемуазель Дамасс. Она должна учитывать ваше происхождение.

Лора лишь всплеснула руками и отправилась освобождать Мукки, Лоранс и Луи, которые были заперты на ключ в бывшей детской комнате.

— Мама! Мама! — хором закричали они.

— Мина! — запрыгал Луи.

Молодую женщину атаковала целая ватага. Крошечные ручки вцепились в ее одежду, поцелуи щекотали руки и пальцы. Она по очереди прижала к себе детей.

— Мне вас так не хватало, — повторяла она, испытывая безумное счастье, оттого что может к ним наконец прикоснуться и поцеловать. — Мои любимые детки! Мукки, ты еще больше вырос! Как же ты похож на своего отца! Лоранс, девочка моя, не плачь, я вернулась и проведу всю зиму здесь, вместе с вами. А ты, Луи, мой маленький Луизон, я знаю, что ты уже хорошо читаешь.

Мари-Нутта не уступала своего места, тайно гордясь тем, что первая повисла на матери.

— Пойдемте вниз, — предложила Эрмина. — Мне так хочется выпить чашку чаю с оладьями Мирей! Я знаю, что они есть: их запах ощущается еще в коридоре.

Но дети с возбужденными криками уже бросились к Мадлен и Шарлотте.

— Жизнь прекрасна! — воскликнул Мукки. — Мама здесь, и няня, и Лолотта!

— Ах ты, озорник! — шутливо возмутилась девушка, смеясь от души. — Меня нельзя так называть!

Эти мгновения высшего счастья долго не продлились. После полдника Эрмина прочла детям строки, которые Тошан написал для них. Это очень тронуло их. Затем она сообщила о смерти Талы, стараясь сделать это как можно бережней, но тщетно: Мукки и девочки тут же разрыдались. Для них бабушка была нерушимой скалой, с которой ничего не могло

случиться.

— Курум обещала мне рассказать легенды нашего народа, — жалобно сказала Мари-Нутта, всхлипывая. — А следующим летом взять меня на стойбище к кузену Шогану. Я нарисовала для нее рисунок с орлом и каноэ на реке.

— Это несправедливо! — вторил ей брат. — Папа далеко, а бабушка умерла. Жизнь вовсе не так прекрасна! Мама, скажи, ты уверена, что она умерла?

— Да, сынок, — твердо ответила Эрмина. — Но у меня осталось несколько ее фотографий, которые я сделала прошлым летом в Перибонке. Я вставлю их в рамки и повешу в вашей комнате. Так вам будет легче думать о Тале, доверять ей свои маленькие тайны, говорить, как вы ее любите. Я долгие годы так же бережно хранила портрет одной монахини из монастырской школы, сестры Сент-Мадлен. Ее настоящее имя было Анжелика. Грипп «испанка» унес ее на Небеса. Мне было всего четыре года, но я помню о ней всю жизнь, а ее фотография долгое время служила мне утешением.

У Лоранс дрожали губы, но она до последнего пыталась сохранить достоинство. Не выдержав, девочка бросилась в объятия своей матери.

— Мама, как это грустно! Мы обязательно пойдем на ее могилу! Я соберу для нее цветы, последние лесные цветы.

Эрмина упрекнула себя в том, что не открыла им всей правды. Она сама была шокирована и удручена и не могла сказать детям, что случилось с телом Талы. «Пепел! От этой необыкновенной женщины остался только пепел», — с горечью подумала она.

Эрмина еще долго разговаривала с детьми. Луи несколько раз хотел ее перебить, но не решался, поскольку был хорошо воспитан. Наконец он воспользовался коротким моментом тишины.

— А что с Кионной, Мина? Я видел ее в стойле, где живет наш пони. Она сказала мне, что ей очень страшно.

Пылкое заявление брата потрясло молодую женщину. Это подтверждало ее худшие опасения. Она постаралась, чтобы голос звучал спокойно:

— Не волнуйся, Луи. Я завтра же отправляюсь на ее поиски.

Маленький мальчик вроде бы успокоился. Лора лишь молча подавила вздох. Отныне в ее доме не будет покоя.

Мирей хлопотала на кухне, мурлыча себе под нос. Ничто не доставляло ей такого удовольствия, как готовить настоящую трапезу на

несколько персон. Некоторое время назад французской певице Эдит Пиаф удалось затмить знаменитую мадам Больдюк, скончавшуюся от рака 20 февраля 1941 года в возрасте сорока шести лет. Экономка долго оплакивала смерть своего кумира, а потом прониклась симпатией к той, кого Париж называл «малюткой Пиаф». Откровенные слова, необычный голос певицы покорили ее сердце. Разминая комок белесого теста, она напевала один из куплетов «Аккордеониста»:

Она слушает танец яву^[27],
Но она не танцует его.
Она даже не смотрит на танцплощадку,
И ее влюбленные глаза
Следят за нервной игрой
И сухими и длинными пальцами музыканта.
Музыка проникает ей под кожу
Снизу, сверху,
Ей хочется петь.
Это что-то физическое:
Все ее существо напряжено,
Она затаила дыхание.
Она просто помешана на музыке...

Каждое слово вызывало яркие образы в голове Мирей, которая всем сердцем жалела проститутку, о которой говорилось в песне. Так и оставшись девственницей в свои шестьдесят с лишним лет, почти несведущая в вопросах любви, она чувствовала, как по ее телу пробегает дрожь от этих простых слов.

— Я не успела тогда на корабль, — пробормотала она, перестав петь. — Какая же я идиотка! Мне следовало броситься в воду, и я бы давно была замужем! Ладно, сейчас самое главное — чтобы удался мой мясной пирог. Пусть мясо хорошенько потомится, меньше уйдет времени на выпекание. Пусть сегодня не Рождество, но возвращение нашей Мимины следует отпраздновать. Даже если она в трауре.

Экономка искренне считала, что вкусные блюда помогают справиться с печалью.

— Лук у нас свой, с огорода. И не нужно предъявлять талон для его покупки. Благодаря месье Маруа, этому славному Жозефу, у меня есть курица и заяц. Он молодец, не растерялся: сохранил свой курятник, да еще

ходит на охоту! Правительству нечего на это сказать. Хорошо, что эта Дамасс не отведала моего пирога! Она как раз сегодня отправилась навестить свою мать.

Мирей мелко нарезала петрушку и прочую зелень с огорода, выложила слоями мясо и жареный лук.

— Не хватает утки или индюшки, зато я добавила кусок сала. Мадам права: на будущий год нам лучше откормить свинью. Война, похоже, не собирается заканчиваться.

Только приготовление теста, необходимого для этого традиционного местного блюда, стало для нее проблемой, поскольку приходилось экономить сливочное масло. Но она с гордостью улыбнулась:

— Пирог все равно будет вкусным! И Эрмина наверняка удивится. На десерт я подам торт с черникой, прекрасной черникой Лак-Сен-Жана.

С тех пор как Мирей заведовала кухней, она консервировала на зиму ягоды, фрукты и овощи. Черника не была исключением.

— С пирогом отлично пойдет фондю из красной капусты. Если бы месье не был в больнице, он бы попировал на славу, бедняга.

Она с нежностью относилась к Жослину, наверное, потому, что ему, так же как и ей, приходилось терпеть перепады настроения Лоры.

Проститутка грустит
На углу улицы.
Ее аккордеонист ушел на фронт...

Это было сильнее ее, песня не давала ей покоя. В эту секунду в кухню стремительно вошла Лора, сверкая глазами.

— Да замолчишь ты наконец, Мирей! Где уважение к горю моей дочери и внуков? Тебя слышно из гостиной. Налей мне лучше стаканчик.

— Мадам, это входит у вас в привычку.

— По одному стаканчику каждый вечер! Какое преступление! Мне это необходимо. Эрмина собирается привезти Киону сюда, ко мне, и, надо полагать, не на один год.

— В сущности, мадам, что плохого вам сделала эта малышка?

— Она — живое доказательство неверности моего мужа, его влечения к другой женщине, — сквозь зубы процедила Лора.

— Что вы придумываете, мадам! Месье не изменял вам, поскольку тогда еще не воскрес для вас, а вы были обручены с месье Цале.

Лора провела рукой по лбу. Она еле держалась на ногах. Ей пришлось

сесть. Облокотившись на стол, женщина задумчиво разглядывала свои пальцы, унизанные кольцами.

— Я все это знаю, Мирей, — мрачно призналась она. — Но я очень ревнива по природе, и ты меня не изменишь. В будущем будь любезна, не произноси больше имени Ханса. Что поделать, я не выношу вида Кионы! Эта девочка причиняет мне боль. Она слишком красива, слишком умна, слишком проницательна — все у нее слишком!

— Все слишком, — повторила экономка. — В таком случае почему это вас беспокоит? По мне, так лучше иметь вундеркинда, чем умственно отсталого дебила, к тому же уродливого.

— О! Ты невыносима, Мирей! Эрмина утверждает, что Киону поместили в пансион для юных индейцев. И что в этом плохого? Ее обучат, воспитают. Пусть там и остается!

* * *

Киону выпустили из карцера. За окнами столовой лил дождь. К ней подошли две монахини, вооружившись расческой и ножницами.

— Сиди спокойно, не дергайся! — велела ей одна из них. — Иначе мы можем тебя поранить.

Киона дрожала всем телом. Она вконец обессилела от голода. Совсем недавно она снова попросила пить, но тщетно. Сделав последнее усилие, девочка взмолилась:

— Прошу вас, не трогайте мои волосы! У меня нет вшей, к тому же я крещеная. У меня даже есть крестный, знатный господин, Жослин Шарден.

— У нее и правда какой-то странный цвет волос, — заметила вторая сестра. — Рыжий. Наверное, мать специально ее выкрасила.

— А еще я умею читать и писать, — добавила Киона. — Я ходила в начальную школу в Робервале.

— Замолчи, маленькая лгунья! — рявкнула самая импозантная из монахинь, та, которая сорвала с нее ожерелье с амулетами. — Мы проверим это, когда ты пойдешь в класс, но после того, как побреем.

Прядь светлых волос упала на каменный пол. Киона подавила яростный крик, чтобы избежать нового наказания.

— Вы плохие люди, — все-таки не удержалась она.

Тут же в ее голую руку впились ногти.

— Еще одно слово, и ты отправишься обратно в карцер, где будешь сидеть без хлеба и воды.

— Но я и так ничего не ела и не пила со вчерашнего вечера! — простонала девочка.

Она слышала, как ножницы с хрустом отрезают ее косы. Вскоре у нее на голове остался лишь золотистый ежик.

— Теперь машинкой. — В голосе монахини сквозило явное ликование.

Киона закрыла глаза. Она подумала о своей любимой Мине, которая обожала ее волосы.

«Они отрастут, — успокаивала она себя. — Пусть это будет самое худшее, что здесь со мной сделают...»

— Наверное, это метиска, к тому же внебрачная. Эти дикарки развращают порядочных мужчин своими постыдными нравами. Эй, рыжая мадемуазель, готова поклясться, что ты никогда не видела своего отца!

«Если бы я не боялась умереть, то схватила бы сейчас ножницы со стола и защитила себя, — подумала Киона. — Я их ненавижу!»

Ее красивое личико напряглось от чувства небывалого протеста. Ей хотелось обладать гораздо более сильными способностями, чем у нее были, чтобы вызвать пожар или удар молнии в крышу. Но она была всего лишь маленькой хрупкой девочкой, впервые столкнувшейся с ненавистью в чистом виде.

— Иисус не говорил в Евангелии, что нужно обрезать волосы индейским детям, — внезапно произнесла она. — Иисус говорил, что нужно любить ближнего своего как самого себя!

Эти слова сорвались с ее губ сами собой. Киона была удивлена. Ей показалось, что кто-то пришел ей на помощь.

Монахини переглянулись почти испуганно. Они с подозрением уставились на эту девочку с бритым черепом, кожа которой была светлее, чем у других обитателей пансиона. На ее руке выступили капли крови там, где ее оцарапали.

— Можешь налить себе стакан воды, — сказала одна из сестер.

— Я отведу тебя в класс, — добавила другая.

Киона поняла, что выиграла крошечную битву, наставляемая кем-то невидимым. Это ее немного утешило. Прохладная вода потекла в пересохшее горло, и это было восхитительное ощущение. «Благодарю тебя, Иисус», — с чувством подумала девочка.

Шикутими, Бюро по делам индейцев^[28], понедельник, 21 сентября 1942 года

Эрмина очутилась в точно такой же ситуации, как ее отец несколько дней назад. Она видела перед собой относительно вежливого чиновника, явно питающего к ней недоверие. Подробно изложив ему цель своего визита, она так и не получила удовлетворительного ответа.

— Мадам, у меня нет никакой информации о ребенке, про которого вы мне рассказали, — во второй раз заявил мужчина. — Прежде чем ехать сюда, вам следовало послать письменный запрос. К тому же нет никакого официального документа, подтверждающего вашу родственную связь с этой Кионой, что меня, впрочем, не удивляет, учитывая, что у индейцев вообще нет удостоверений личности.

Молодая женщина смерила своего собеседника холодным взглядом.

— Месье, в субботу я была в полицейском участке Роберваля, где мне посоветовали прекратить поиски. В воскресенье я села на поезд до Шикутими. Вчера вечером такси доставило меня в пансион, где одна из моих подруг, кузина моего мужа, училась в детстве. Я говорю «училась», но правильнее будет сказать «мучилась»! Меня приняли лишь потому, что я грозила устроить скандал. Увы! Кионы не было среди несчастных детей, которых я видела во дворе. А мне так нужно ее найти! Куда мне ехать теперь? Прошу вас, помогите мне, месье!

Чиновник, нахмурившись, закурил сигарету. Он полистал свой толстый журнал с притворно внимательным видом.

— Мадам, сожалею, но вам лучше послать письменный запрос в вышестоящую инстанцию в Монреале. К тому же вы, возможно, забыли, что сейчас идет война! Наши солдаты сражаются вдали от родины, бензин продается по карточкам, многие товары первой необходимости тоже. А вы не придумали ничего лучше, как колесить по региону в поисках какой-то дальней родственницы, к тому же метиски! Позвольте мне высказать свое мнение. Если эта девочка попала в правительственное учреждение, то это для ее же пользы. Она больше не будет умирать от голода и холода в лесах, когда наступит зима. Я хотел бы вам помочь, но прежде вы должны доказать, что ребенок действительно является сводной сестрой вашего мужа и крестницей вашего отца. Вы же явились сюда без единого документа, который мог бы подтвердить ваши слова.

Эрмина была вынуждена согласиться. Она покинула Валь-Жальбер поспешно, очень расстроив своих детей и даже не удосужившись запросить свидетельство о крещении Кионы. У кюре, крестившего ее в больнице, когда ей было всего девять месяцев, должны были остаться доказательства этого таинства.

— Признаю, что допустила промах, — согласилась она. — Я думала,

что все будет намного проще. Но я утверждаю, что моя сводная сестра была отправлена в пансион по ошибке.

«Какая же я идиотка! — подумала Эрмина. — Я буквально сбежала из Валь-Жальбера, считая, что нужно действовать без промедления. Мне так хотелось, чтобы со мной поехала Мадлен или Шарлотта! Но я чувствовала, что детям необходимо их присутствие. Они так опечалены смертью Талы!»

В глубине души ей нравилась эта поездка в одиночестве. Она вспомнила, как ехала в поезде из Лак-Сен-Жана. Небо было нежно-серого цвета. «Красивый пейзаж успокаивал мою тревогу и страх. Я всем сердцем молилась о Тале, чтобы ее душа нашла покой. Но какая мать будет спокойна, зная, что ее дочь в опасности?»

— Месье, вы могли бы, по крайней мере, сообщить мне адреса пансионатов, которые вам известны, — более мягким тоном сказала она. — Я готова их все посетить.

— Мне очень жаль, но я располагаю информацией лишь по своему округу, — ответил он.

Молодая женщина чувствовала, что он лжет. Она раздумывала, имеет ли смысл давать ему деньги. Именно это ей посоветовала Лора, снабдив определенной суммой на случай подобного отношения. «Пачка долларов откроет рот самым неразговорчивым, — уточнила ее мать. — Я вовсе не такое ревнивое чудовище, как считает твой отец. Я тоже переживаю за Киону. Мадлен рассказала мне о том, что ей пришлось пережить в пансионе...»

Вспомнив дрожащий от волнения голос Лоры, когда та произносила эти слова, Эрмина почувствовала, как к горлу подступили слезы. «Мама больше не вспоминает о своем прошлом^[29], но она очень чувствительна к таким вещам. Она не выносит насилия по отношению к женщине, тем более к ребенку. Когда отец Шарлотты начал распускать руки, она оказала мне неоценимую помощь».

— Месье, я позволю себе настаивать, — помолчав, заявила она. — У меня есть связи в Квебеке, в частности я знакома с одной журналисткой из «Пресс». Она может написать статью об истинных условиях жизни юных индейцев в этих пансионатах.

— Это ваше право, — ответил чиновник. — Но только скажите мне, кому это интересно? Кому? Мы вкладываем деньги, чтобы вытащить индейский народ из нищеты. Эти дети, которых вы так жалеете, научатся читать и писать, смогут найти себе работу, поймут, что должны отказаться от жалкого образа жизни своих родителей. А теперь я попрошу вас уйти. У меня много работы.

Исчерпав все аргументы, потеряв последнее терпение, Эрмина сдалась. Она бы с удовольствием встряхнула изворотливого чиновника за воротник его рубашки, высказав все, что о нем думает, но это было не самым лучшим выходом, учитывая, что в ближайшем будущем ей придется снова к нему обращаться.

Оказавшись на тротуаре улицы Жак-Картье, молодая женщина с облегчением вздохнула. После этих тягостных переговоров ей требовались свежий воздух и пространство. Она подняла задумчивый взгляд вверх, к колокольням собора Сен-Франсуа-Ксавье. Шикутими славился улицами с крутыми склонами. Не торопясь, она направилась в сторону отеля «Шикутими» на улице Расин.

На нее нахлынули чудесные воспоминания. Она вспомнила, как они катались на санях с Тошаном, затерявшись вдвоем среди огромного заснеженного пейзажа. Собаки лаяли, подгоняемые холодом. «Я всегда чувствовала себя счастливее на берегу Перибонки, возле своего мужа и Талы. Сейчас я это осознаю. Религия монтанье лучше всего соотносится с моим мироощущением».

Она шла, не глядя по сторонам. Моросил мелкий дождь, мостовые блестели. В бежевом плаще, с прикрытыми платком волосами, она чувствовала себя чужестранкой в незнакомом городе. Ничто не привлекало ее внимания: ни вывески магазинов, ни шум проезжающих автомобилей.

Из дома вышел мужчина, и его сердце забилось быстрее, когда он увидел, кто идет ему навстречу. Эрмина собиралась пройти мимо. Только от него зависело, заметит она его или нет.

— Мадам, — тихо позвал он. — Мадам Дельбо!

Она остановилась, подняла голову и бросила на мужчину отсутствующий взгляд.

— Простите, что окликнул вас, — сказал он. — Но я так удивился, встретив вас здесь.

— Овид Лафлер? — воскликнула она. — Вот это сюрприз! Я так редко бываю в Шикутими, что никак не ожидала встретить здесь знакомого!

Эрмина говорила быстро и казалась взвинченной. Она пожала руку учителю.

— Скоро будет три года, как ваша свекровь представила нас друг другу на платформе Перибонки, — заметил он.

— Да, действительно, — вздохнула молодая женщина. — Сколько всего произошло за эти три года! Простите меня, я немного не в себе. Мой муж уехал в Англию, и у меня от него так мало известий. Всего три коротких письма.

Овид Лафлер незаметно разглядывал ее. Эрмина Дельбо была все такой же красивой, как в его воспоминаниях, но от нее сейчас исходила какая-то непонятная лихорадочность. Было видно, что она страдает.

— Могу я вам чем-то помочь? — инстинктивно, почти не раздумывая, спросил он.

— Возможно, — ответила мадам Дельбо, словно очнувшись от дурного сна. — Я очень нуждаюсь в помощи. Я как раз возвращалась в свой отель. Вы меня проводите?

Предложение само по себе прозвучало странно. Эрмина это заметила. Она бросила полный отчаяния взгляд на молодого человека, которого прекрасно помнила. «Он мне нравился, но тогда я не смела себе в этом признаться. Я даже пела для него “Палому”, когда он приезжал в Валь-Жальбер».

— Скажите, что у вас случилось? — спросил Овид, обеспокоенный ее расстроенным видом.

— Пойдемте, я не могу стоять на месте, — перебила она его. — Вы все еще занимаетесь индейскими детьми?

— Да, когда мне это удастся! — воскликнул он. — Идите скорее под зонтик. Господи, вы выглядите такой взволнованной!

Открыв свой потрепанный черный зонт, он пошел рядом с ней. Она согласилась воспользоваться этим временным укрытием, но близость молодого человека смущала ее. Это было именно то, чего она желала, — опереться на мужчину, взять его под руку. Но она не стала этого делать.

— Овид, у меня плохие новости. Тала умерла. Я узнала об этом в пятницу, когда вернулась в Квебек. И теперь я должна разыскать Киону — ее дочь, мою сводную сестру. Я люблю эту малышку, а ее отправили в пансион. Я опасаюсь худшего.

Задыхаясь, она рассказала ему все, что знала. Овид Лафлер пришел в ужас.

— Теперь я понимаю, отчего вы так взвинчены, — сказал он с глубоким сочувствием.

— Этот сотрудник Бюро по делам индейцев с удовольствием выставил бы меня за дверь, если бы мог. Он солгал мне. Учитывая его должность, он не может не знать, где находятся эти позорные школы.

Эрмина распалилась, щеки ее порозовели. Взгляд прекрасных голубых глаз, затуманенных слезами, встретился с зелеными глазами Овида.

— Почему? — простонала она. — Почему люди так жестоки, так уверены в своей безнаказанности?

— Не все, — возразил учитель. — Не нужно обобщать. С самого

начала истории человечества были добрые и злые люди, более или менее добрые и более или менее злые. Прошу вас, успокойтесь, вы вся дрожите! Я обещаю помочь. Вам повезло: я сейчас без работы, поэтому располагаю своим временем. Я надеюсь получить должность учителя в какой-нибудь престижной школе Сен-Фелисьена. Моя супруга Катрин скончалась год назад. На моем иждивении мать, а времена настали трудные. Без моих скудных сбережений мы с мамой жили бы в нужде.

— Мне очень жаль! — воскликнула Эрмина. — Примите мои соболезнования. Я нагружаю вас своими проблемами, а вам самому столько пришлось пережить.

В первую же их встречу Овид искренне рассказал ей о своей жене, ставшей почти инвалидом после неудачных родов близнецов, которых не удалось спасти.

— Какая жалость! Вы без работы! А ведь моя мать наняла учительницу для обучения моих детей и младшего брата. Эта особа, несомненно очень компетентная, получает неплохое жалованье с проживанием и питанием. Лучше бы это место досталось вам!

— Не жалеете ни о чем, я все равно стараюсь чаще бывать с матерью, — успокоил он ее. — Но спасибо за заботу.

Немного успокоившись, Эрмина улыбнулась ему. Прошло всего несколько минут с момента их встречи, а ей уже казалось, что она находится в обществе давнего друга. «Так уже было раньше, когда он подвозил нас до Роберваля в повозке, запряженной крупной серой лошастью, в декабре 1939 года. Каждое слово Овида находило в моей душе отклик. Он высказывает свое мнение сразу, в довольно выразительной манере».

— Вы только что употребили очень точное слово, — внезапно произнес он. — Позорные школы! Эти пансионы не заслуживают другого названия. Помните, о чем я вам рассказывал три года назад? Я посвятил свой отпуск обучению маленьких индейцев, чтобы их не отправили в эти заведения, скрытой целью которых является сломать их, унижить. Их наказывают, если они произносят хоть слово на своем родном языке. И наказывают порой таким омерзительным способом, который я даже не осмеливаюсь вам описать. Поэтому как же я могу отказать в помощи? Я не знаю ни одной женщины, которая вышла бы замуж за метиса, не скрывая этого! Обратное встречается гораздо чаще. Но индианки, сочетающиеся браком с белыми, подчиняются их воле и принимают их религию.

Эрмину успокаивал голос Овида, мягкий, но уверенный. Горячность, с которой он говорил, лилась бальзамом на ее душевную рану. Они подошли

к элегантному фасаду отеля «Шикутими».

— Пойдемте, я угощу вас чаем. Возле ресепшена есть небольшой зал. Мне вас послало само Провидение! Я совершенно растерялась.

Вскоре они уже сидели за маленьким столиком. Небо было темным, розовые опаловые лампы распространяли приглушенный свет. Большие зеркала украшали стены, обитые зеленым бархатом.

— Лучший способ отыскать Киону как можно скорее — это опросить индейцев, живущих поблизости от того места, где забрали девочку, — вполголоса сказал Овид Лафлер. — Они наверняка будут более разговорчивы, чем чиновники.

— Какая же я глупая! — воскликнула Эрмина. — Я должна была об этом подумать. Но в таком случае Шоган, племянник Талы, возможно, тоже знает, куда увезли Киону.

— Думаю, вряд ли, иначе он направил бы вашего отца. Шоган не задерживается на одном месте больше года. Я слышан о нем. Он скрывает своего девятилетнего сына от конной полиции, поэтому постоянно меняет стойбище.

— Вы в этом уверены? — перебила его молодая женщина. — Папа сказал мне, что Шоган был один с моей свекровью. Я даже не знала, что у него есть ребенок и жена.

— Я имел в виду стойбище, где живут его женщина и сын, — уточнил Овид. — А также Одина и Аранк — члены его семьи.

— Да, мать и младшая сестра Талы. Обе эти женщины присутствовали при рождении Мукки, моего первенца. Господи, почему нельзя оставить индейцев в покое?

— Их отрезают от их прошлого, от их культурных корней, их образа жизни, и они деградируют, спиваются. Я просто вне себя от ярости!

Эрмина помолчала. Овид совершенно не походил на разгневанного человека. Из этого она сделала вывод, что он скрывает страстную натуру за спокойным лицом и размеренными интонациями. Но его зеленые глаза сияли странной энергией. Она невольно окунулась в этот взгляд цвета весенней листвы.

— Спасибо, что понимаете меня. Как мы будем действовать?

— Нам нужна машина, а лучше две лошади. Автомобиль не проедет по тропинкам.

— Может быть, мотоцикл? — предложила она. — Я могла бы взять его напрокат.

— Вы не умеете ездить верхом?

— Умею! Мой сосед в Валь-Жальбере может одолжить мне Шинука.

Это красивая лошадка рыжей масти, с кротким нравом, как у ягненка.

— Замечательно! Хотя я и беден, но лошадь у меня имеется. Нам лучше выехать в среду: мы как раз успеем съездить домой. Мадам, для вас не будет проблемой провести со мной наедине несколько дней? Люди судачат по любому поводу. А если с нами поедет кто-то третий, понадобится еще одна лошадь.

— Мне глубоко плевать на пересуды, — твердо ответила Эрмина. — Моя единственная забота — вырвать малышку Киону из пансиона, пока не будет слишком поздно. Вы сами сказали, что индейских детей истязают, покушаясь на их невинные души и тела. Мне сейчас не до соблюдения приличий.

По ее щекам потекли слезы. Овид вытер их тыльной стороной ладони. На Эрмину было больно смотреть. Ее светлые волосы, еще влажные от дождя, обрамляли красивое лицо, измученное тревогой.

— Не плачьте, — взмолился он. — Я вам уже говорил три года назад: у каждого своя война. Ваш муж уехал в Европу воевать с нацизмом, я предпочитаю действовать здесь, где свирепствует другая форма нетерпимости и беззакония.

Молодая женщина опустила взгляд на янтарный чай, дымящийся в ее чашке. Нежный жест Овида ее взволновал.

— Эти месяцы в Квебеке были такими долгими. Я подписала контракт на две оперетты, но сердце к ним совсем не лежало. Я пела, не испытывая радости, потрясенная смертью одного из моих друзей, Армана Маруа, погибшего на подбитом немецкой торпедой голландском грузовом судне. И думала о Тошане, который плыл через Атлантический океан, постоянно подвергаясь опасности.

Овид Лафлер молча кивнул. Эрмина доверилась ему, словно хотела освободиться от всех своих тревог. Она рассказала и об аресте Мадлен по доносу хозяйки прачечной на улице Сент-Анн.

— Эта женщина, видите ли, решила, что Мадлен — итальянская шпионка. Какая глупость! Выходит, достаточно иметь смуглую кожу и черные волосы, чтобы попасть под подозрение. Меня саму спасло чудо. Один полицейский, похоже, тоже принял меня за шпионку, немецкую разумеется. Но его начальник оказался более покладистым, узнав, что я знаменитая Эрмина Дельбо. Простите меня, я иронизирую. Моя так называемая слава мне ничем не помогла в Робервале, в этом Бюро по делам индейцев.

Она оживилась, описывая ему свою жизнь с Шарлоттой и Мадлен.

— После ужина мы даже не решались выходить на улицу. За это лето я

прочла больше книг, чем за всю жизнь. Я покупала французские романы в книжном магазине рядом с Капитолием. Мне очень понравился гонкуровский лауреат^[30] прошлого года «Мартовский ветер» Анри Пурра. А также «Ноль и бесконечность»^[31] Артура Кёстлера, не получивший премии.

— А я открыл для себя Полное собрание сочинений Рамю^[32], который так замечательно описывает горы и чувства, которые они вызывают у человека. Люсьен Надо, мой друг, прислал мне из Франции. Он живет в Лионе.

Они еще долго беседовали о литературе, что немного отвлекло Эрмину от ее тревог. На душе у нее стало чуть легче. «Наверное, Овид пытался таким способом утешить меня», — подумала она, когда они попрощались.

Они договорились о встрече, и теперь ей не терпелось скорее оказаться в Сент-Эдвидже, где он жил со своей матерью.

— Еще раз огромное спасибо! Благодаря вам я снова воспрянула духом.

— Никогда не теряйте надежды, мадам, — с улыбкой ответил он.

— Зовите меня Эрминой, прошу вас. Мы ведь с вами друзья, можно сказать, старинные!

— Вы правы. До свидания!

Он мило улыбнулся ей и удалился своей стремительной походкой, лавируя между столиками.

«Держись, Киона, — взмолилась она. — Я нашла тебе ангела-хранителя в потертом плаще, все богатство которого — его храбрость. Будь сильной, моя сестренка, сильнее всех бед! Я бы так хотела, чтобы ты явилась мне!»

Ей было очень страшно. Если девочка больше не просила ее о помощи, значило ли это, что ее уже нет в живых?

Валь-Жальбер, вторник, 22 сентября 1942 года

Эрмина только что приехала. В столовой, где сверкала хрустальная люстра, накрыли стол для ужина. Дом Шарденов, самый роскошный в полупустом городке, походил на волшебную гавань. Лора позаботилась обо всем: каждый кусочек ткани, каждая безделушка способствовали созданию очаровательной и уютной обстановки.

Мирей встретила путешественницу и звонко расцеловала в обе щеки.

— Моя дорогая Мимина, у тебя измученный вид! Иди наверх, переоденься и умойся. Я приготовила свиное рагу с картофелем и фасолью.

— Здравствуй, Мирей! Да, я очень устала. Поездка была долгой и хлопотной. А где дети?

— Они ухаживают за своим пони. Мадам следовало подумать, прежде чем покупать это животное. Зимой нам понадобится сено.

— Не волнуйся, мы его достанем. Пойду к ним.

Она снова вышла на улицу. Было ветрено, желтые кленовые листья с красными прожилками летали над лужайкой. Эрмина обогнула дом и подошла к сараю, приспособленному под конюшню. Увидев ее, Луи беззвучно рассмеялся. Ее младший брат был снаружи один. Он наливал в ведро воду из-под крана.

— Привет, Луи, — сказала она, целуя его. — Базиль хорошо себя чувствует?

— Да, Мина, — звонко ответил ребенок. — Сегодня я объехал поле, и никто не держал его за веревку. Я сам управлял им, представляешь?

— Это очень славный пони, — согласилась Эрмина. — Скажи мне, Луи, ты больше не видел Киону?

— Нет, не видел. Я обязательно скажу тебе, когда она вернется. А может, ты нашла ее? Привезла с собой и хочешь сделать мне сюрприз?

— К сожалению, нет! Но я встретила друга, который поможет ее разыскать.

— Если она больше не приходит ко мне, значит, ей уже не так страшно и она перестала грустить...

Слова ребенка проникли в душу Эрмины. Это было вполне логично, и она подумала, что Луи обычно лучше взрослых понимал непредсказуемые появления девочки.

— Будем надеяться, что так оно и есть, — вздохнула женщина, входя в конюшню.

Ее взору предстало очаровательное зрелище: Мукки чистил щеткой пони, а Лоранс с Мари-Нуттой расстилали на полу чистую солому.

— Мама! — воскликнул ее сын. — Как я рад, что ты здесь!

Мукки прижался к ней. Он был рослым для своих десяти лет. Она растроганно подумала, что через пару годков он станет выше ее.

Дочки тоже подбежали, чтобы обнять мать, подставляя свои очаровательные мордашки для поцелуя.

— У бабушки плохое настроение, — сообщила Мари-Нутта. — А мадемуазель Дамасс снова меня наказала. Мама, скажи ей, чтобы она отменила наказание, я не хочу по сто раз писать одно и то же!

— Посмотрим, — ответила молодая женщина.

Объяснение произошло во время ужина. Как обычно, Лора сидела во главе стола, Луи и Шарлотта — справа от нее, а Мукки — слева. Мадлен снова заняла место между Мари-Нуттой и Лоранс. Андреа Дамасс обедала вместе со всеми. Она села напротив Эрмины, которая незаметно ее разглядывала. Учительница сразу показалась ей неприятной, но она сделала над собой усилие и завела беседу.

— Рада наконец с вами познакомиться, мадемуазель Андреа, — начала она. — От мамы я узнала, что мои дети доставляют вам много хлопот. Прошу вас проявить понимание: они только что потеряли бабушку с отцовской стороны.

— Я пять лет преподавала в сиротском приюте Онтарио, — возразила та. — Многие мои ученики оплакивали смерть отца или матери, но это не мешало дисциплине. При этом хочу заметить, что у меня нет претензий к Мари Маруа, послушной девочке, желающей учиться.

Лора поспешила добавить:

— Ты ведь знала, что я взяла в свою частную школу Мари Маруа?

— Да, мама, ты рассказывала мне об этом в одном из своих писем.

— Луи также был бы примерным учеником, если бы Мукки и Мари-Нутта не подбивали его на глупости и небрежное выполнение домашних заданий, — заметила Андреа Дамасс.

— Выходит, только мои дети, в жилах которых течет индейская кровь, доставляют вам неприятности? — не выдержала Эрмина. — Может, вы поддерживаете политику государства, которое отправляет в пансионаты маленьких индейцев, чтобы усмирить их, сделать покорными?

— Эрмина, ты в своем уме? — возмутилась Лора. — Каким тоном ты разговариваешь с мадемуазель Дамасс? Она не имеет никакого отношения к этой грустной истории. Простите мою дочь, дорогая Андреа. Ее сводную сестру забрали в пансион. Полагаю, что с малышкой хорошо обращаются, но мы переживаем за нее. Ее мать недавно умерла, и она наверняка чувствует себя потерянной.

Лора бросила на Эрмину суровый взгляд, но та не собиралась успокаиваться.

— Мадлен, расскажи мадемуазель Андреа, что тебе пришлось пережить в пансионе, — настойчиво сказала она. — Удары железной линейкой по пальцам за малейшее слово, произнесенное на языке монтанье, обритые наголо головы, протухшая еда, вода, в которой плавали картофельные очистки, заплесневелый хлеб, карцер в случае непослушания...

Учительница пожала плечами, всем своим видом показывая, что не верит в это.

— Это чистая правда, — подтвердила Мадлен. — Летом нас возвращали в наши семьи, но мы не осмеливались рассказывать, что нам приходилось терпеть в пансионе. Если бы я призналась в этом своему отцу или дяде, они совершили бы что-нибудь противозаконное. Я не хотела, чтобы они попали в тюрьму. Родители радовались, что я умею читать и писать. Они так ничего и не узнали.

— С тех пор многое изменилось, — успокаивающим тоном подвела итог Лора. — А теперь давайте ужинать. Мирей старается изо всех сил приготовить нам достойную еду, несмотря на карточную систему. Так воздадим должное ее стряпне.

Дети набросились на рагу. Они всегда были голодными. Эрмина без удовольствия проглотила несколько кусочков, после чего вернулась к разговору.

— Как бы то ни было, мадемуазель Андреа, у вас скоро будет еще одна ученица. Я рассчитываю привезти сюда Киону к концу недели. Она очень способная, вам не придется жаловаться. Кстати, мама, завтра утром я отправляюсь отсюда на лошади. Сразу по приезде я отправилась к Жозефу, чтобы попросить у него на время Шинука. У меня пока не было возможности сказать тебе, но в Шикутими я встретила с Овидом Лафлером. Он поможет мне разыскать Киону.

После этого заявления в столовой повисла напряженная тишина. Мукки довольно быстро нарушил ее:

— Мама, можно я поеду с тобой? Верхом на Базиле. Мама, прошу тебя, скажи «да»!

— Об этом не может быть и речи, мой мальчик. Будь благоразумным: это не увеселительная прогулка, пони не справится с такой нагрузкой. Но когда я вернусь, мы покатаемся с тобой вдвоем верхом на Шинуке и Базиле.

Учительница до сих пор не раскрыла рта. Закончив ужин, она попыталась оправдаться.

— Мадам, — сказала она, глядя Эрмине в глаза, — я хотела бы уточнить, что у меня нет никаких предубеждений против индейского народа, тем более против ваших детей. Ваша мать оказала мне любезность, предложив эту должность, и я стараюсь быть достойной ее доверия. Заметьте, что я не сказала ничего плохого о Лоранс, в адрес которой у меня нет никаких нареканий. Она трудолюбива, вежлива и очень способна к рисованию.

— Я знаю, — вздохнула Эрмина. — И сожалею о своих словах. Просто

у меня душа не на месте.

Это заявление положило конец спору. Лора бросила на свою дочь подозрительный взгляд. «Господи, спаси и сохрани нас! Эрмина собирается скакать по лесам в обществе этого мужчины, который всегда смотрел на нее так, словно хотел бы вставить в оправу и поклоняться ей всю жизнь. Овид Лафлер! Он наверняка преследует свои интересы. Я не отпущу ее без предостережений».

Час спустя Лора отвела дочь в сторонку, чтобы высказать ей свое мнение.

Глава 6

Маленькая колдунья

Среда, 23 сентября 1942 года

Киона мыла посуду после обеда, что представляло собой тяжелый труд. Здесь были тарелки и приборы сестер и трех братьев, а также миски пансионеров. Она безмолвно напевала, музыка звучала в ее голове, где наконец воцарился порядок. Ей часто приходилось вставать на цыпочки, чтобы справиться с работой.

Луи был прав, когда сказал Эрмине, что Киона больше не является ему, потому что перестала бояться. Странный ребенок Талы, индианки монтанье, и Жослина Шардена, уроженца Пуатье^[33], чувствовал себя полезным в этом проклятом месте. С самого рождения она дарила людям утешение своей невероятно светлой улыбкой. В пансионе утешение требовалось многим. Глядя на эти худые, измученные лица, выражающие горе или стыд, Киона хотела вернуть им хоть немного света. И она начала поддерживать других девочек, возраст которых варьировал от восьми до шестнадцати лет.

Из видений, нахлынувших на нее в карцере, она знала, чему подвергаются ее подруги по несчастью. Три монахини были чудовищами, готовыми надругаться как над мальчиками, так и над девочками. Киона, до этого дня ничего не зная о сексуальных отношениях, мгновенно повзрослела.

Но она не жалела о том, что перестала быть ребенком. Ее мать умерла и больше не могла ее защищать. Во всем случившемся был определенный смысл. «Если мама отдала свою жизнь, чтобы я здесь не оказалась, но я все равно сюда попала, значит, это должно было случиться. Здесь живут такие несчастные дети!»

Она начала с Акали, двенадцатилетней девочки, которая беззвучно рыдала по ночам в своей кровати. Но эти молчаливые слезы Киона ощущала всем своим существом. Как-то ночью она встала и прошептала на ухо Акали слова утешения на языке монтанье:

— Не грусти, больше никто не причинит тебе вреда. И не нужно призывать смерть. Ты должна жить. Когда сестра захочет увести тебя в

свою спальню, просто скажи ей, что Иисус не желает, чтобы хоть волос упал с головы его детей. И перекрестись несколько раз.

Этот совет был плодом серьезных размышлений. Киона давно прочла Евангелие. Она также использовала знания, полученные от Мадлен, которая много рассказывала ей о религии белых. Киона добавила:

— У здешних братьев и сестер черная душа, но единственное, что может их напугать, — это их Бог! По крайней мере, попробуй. Пообещай, что повторишь несколько раз то, что я тебе сказала.

Акали сомневалась. Ей казалось, что ничто не может остановить монахиню, которая за ухо отводила ее к своей большой кровати за шторами.

И случилось чудо: повернув обратно, сестра с порочным правом буквально бежала впереди своей жертвы. Впервые за все время юная пансионерка осознанно произносила слова Христа, да еще крестилась при этом. Это простое действие вернуло на место далекие от религии мысли монахини, волнующие ее по вечерам, и напомнили ей о назначении креста, который она носила на груди. С тех пор Акали начала улыбаться. На улице, когда они мыли мощный двор и подметали листья, Киона подходила к другим девочкам. Она призывала их быть храбрыми, тихо разговаривая с ними на родном языке, расспрашивала, где живут их семьи. Даже самые недоверчивые в итоге открывали душу этой наголо обритой маленькой девочке с золотистым взглядом, которая, казалось, светилась в своем невзрачном сером платье.

Гораздо сложнее было помочь мальчикам. Половину дня они проводили на тяжелых работах: заготавливали дрова на зиму. Один из них особенно привлекал Киону, поскольку бунтовал по любому поводу. Она слышала, как он не раз спорил в столовой. Его звали Делсен^[34], и это был его первый год в пансионе, хотя ему было уже десять лет, как Мукки. Его тоже обрили наголо, и он поклялся отомстить. Не во весь голос, конечно, из страха быть наказанным, но он это сказал. Теперь девочка очень боялась за него. Она узнала от Акали, что противостоять братьям опасно, поскольку они используют особые методы наказания, чтобы укротить строптивых.

Делсен был крепким, рослым для своего возраста, с четко очерченными скулами, прямым носом, черным взглядом под бровями, похожими на крылья птицы. Киона находила в нем сходство с Тошаном, и, возможно, именно этим объяснялся ее интерес к нему. Было также еще кое-что. Она чувствовала в нем необычайно сильный характер.

— Не отлынивай, маленькая дрянь, — раздался голос за спиной Кионы, когда она ополаскивала кастрюлю, еще липкую от жира.

Толстая монахиня схватила ее за ухо и ущипнула изо всех сил. Девочка не смогла сдержать крика боли. Садистские наклонности сестры были удовлетворены. Она склонилась над раковиной с брезгливой гримасой и провела по ней пальцем.

— Начинай все сначала, жалкая грязнуля, — проворчала она. — Нужно отмыть это от жира. Мы же не свиньи, как вы, индейцы, которые едят прямо с земли! Я хочу, чтобы посуда блестела. Ты слышишь?

Киона не успела убрать руки из бака. Сестра схватила чайник, кипевший на плите, и плеснула воду прямо ей на пальцы. Маленькая жертва вскрикнула от боли.

— Давай, мой как следует, — приказала женщина.

Сердце девочки словно сжало тисками. Она была так ослаблена голодом, что казалось, сейчас потеряет сознание. Но ребенок изо всех сил стиснул зубы, хотя хлынувших слез сдержать не смог. Прикрыв глаза, малышка попросила Иисуса дать ей силы остаться стоять на ногах и не плакать слишком сильно. И тогда ей неожиданно явилось страшное видение. Она невольно вскрикнула:

— Вы очень плохая! Вы всегда такой были, даже в детстве, когда обожгли своего брата кочергой, чтобы наказать его! Он был совсем маленьким! Он не знал, что поступает неправильно! Вы отправитесь в ад!

Монахиня застыла на месте от изумления. Киона только что упомянула об инциденте пятидесятилетней давности, о котором никто на земле не знал, даже ее родители, скончавшиеся десять лет назад. Она открыла рот, чтобы не задохнуться, и заорала:

— Маленькая грязная колдунья! Ты одержима дьяволом! Как ты смеешь говорить такие вещи? Я тебя сейчас проучу...

Киона почувствовала, как ее хватают за талию, и, пролетев по воздуху, плашмя упала на каменный пол. Сильнейший удар оглушил девочку.

— Никогда такого не говори! — орала сестра. — Никогда, никогда!

С этими словами монахиня принялась бить ее ногами по ребрам и животу. Киона решила, что сейчас умрет и ей больше нечего терять.

— Злая женщина! — воскликнула она. — Вы уже убили одну девочку таким способом! Я знаю! Это вы колдунья, а не я!

После этого обвинения последовала пауза, затем удары посыпались с новой силой. Брат Марселлен, входивший в этот момент в столовую, счет нужным вмешаться. Он попытался утихомирить сестру.

— Успокойтесь, иначе вы ее убьете, — обеспокоенно сказал он. — Рано или поздно нам придется давать объяснения по некоторым смертям.

— Она назвала меня колдуньей! — возмутилась монахиня. — Но могу

вас заверить, брат Марселлен, эта девчонка — настоящая приспешница Сатаны! Она одержима дьяволом.

Киона не могла пошевелиться от боли. Наибольшее страдание ей причиняли руки. Она бы с удовольствием опустила их в снег, чтобы ослабить невыносимое жжение, распространяющееся до самых локтей.

— Ничего, посидит в карцере — поумнеет, — сказал брат.

— Мне кажется, она также подстрекает к бунту других пансионеров, — добавила женщина, еще красная от гнева.

В столовую вошла молодая монахиня, работающая здесь совсем недавно. Увидев Киону на полу, она испуганно прикрыла ладонью рот.

— Господи, она хотя бы жива?

— Девочка получила заслуженное наказание, — отрезал брат. — Это дерзкая бунтовщица!

— Я ее узнаю, — осмелилась высказаться вновь прибывшая. — Я обратила на нее внимание еще в тот вечер, когда ее сюда привезли. Возможно, она говорит правду. До того как ее обрили, у нее были золотисто-рыжие волосы. Она умеет читать и писать и, судя по всему, очень рано получила знания о Законе Божьем. Мне кажется, следует сообщить о ней сотруднику Бюро по делам индейцев. Если она крещеная и у нее белый крестный, мы можем отдать ее этому человеку.

— Да все это лживые бредни! — громко воскликнул брат Марселлен. — Я не отрицаю, что она метиска: мне редко доводилось видеть рыжих монтанье. Но это ничего не меняет, мы должны ее воспитать и привить ей истинную веру.

«Истинная вера, — подумала молодая сестра. — Какое лицемерие! Если бы я рассказала о том, что здесь творится, кое-кто мигом лишился бы духовного сана».

Она решила не вмешиваться и вышла за дверь, опасаясь ухудшить ситуацию. Когда Киона поднялась, брат Марселлен отправил ее на уборку двора.

— Листья осыпаются и загрязняют двор. Беги, ты еще хорошо отделалась. В следующий раз провинись — сразу окажешься в карцере.

Киона с облегчением вышла на улицу и сразу же направилась к крану, под которым стоял цинковый таз, всегда наполненный водой. Она быстро опустила руки в прохладную влагу.

«Мне нельзя звать Мину на помощь, — молча повторила она себе. — Я должна остаться здесь, чтобы спасти Делсена. Особенно его!»

Эрмине казалось, что она попала в другое время. Дом матери Овида, Сельвини, вдовы Лафлер, был довольно скромным, особенно по сравнению с роскошным жилищем Лоры. Но здесь было уютно и чисто. Молодой учитель готовил чай, присев возле очага, в котором горели три небольших полена.

— Мама пока не топит печь, — сказал он. — Она экономит дрова. Это ее навязчивая идея с тех пор, как умер мой отец. А ведь я все лето пополняю запасы. Вода никак не закипит. Вы не очень устали?

— Нет, совсем не устала, — солгала она. — Надеюсь, я не очень побеспокоила вашу маму. Она выглядела растерянной, увидев меня, и пришла в еще большее замешательство, когда вы ей сообщили, что я останусь у вас ночевать.

— Она, должно быть, ломает голову, что приготовить на ужин, — с улыбкой ответил Овид. — Держитесь, Эрмина, мы почти у цели. Я не хочу, чтобы вы провели еще одну ночь в заброшенном сарае лесоруба или в индейской хижине.

Молодая женщина массировала свои икры, затекшие от многочасовой езды на лошади. На ней были вельветовые брюки и пуловер из голубой шерсти. Она заплела свои светлые волосы в тяжелую косу, которую перекинула через плечо. Лично ей нравились их ночные посиделки у костра под открытым небом и возле окруженного камнями очага в хижине девяностолетнего индейца. Она лучше узнала Овида благодаря их оживленным дискуссиям на темы литературы, войны, детей. Она догадывалась, что он пытался тем самым отвлечь ее от грустных мыслей, и испытывала к нему горячую благодарность, которую пока не выразила словами.

Проскакав два дня верхом по юго-западной части Лак-Сен-Жана, Эрмина была рада оказаться в Сент-Эдвидже. Теперь они смогут отдохнуть, прежде чем отправиться в сторону Перибонки.

— Этот почтенный старей индеец оказался нам очень полезен, — заметила она. — Благодаря ему у нас появилась нужная информация. Он утверждает, что в районе Перибонки есть пансион. Если это так, то Киона вполне может там находиться.

— Мы выясним это послезавтра. На самом деле я бы не очень удивился. Этим объясняется неразговорчивость сотрудника из Шикутими. Он пытался скрыть от вас ближайший пансион, что доказывает одно: этому

типу наверняка известно, что там творится.

— Я хотела бы отправиться в путь прямо сейчас. Два дня — это так долго...

— Лошади изнурены. Отправляться в путь под дождем, в темноте довольно опасно. И потом, вы не держитесь на ногах, Эрмина. Вам нужно отдохнуть.

Она послушно кивнула с задумчивым видом. Овид умел ее успокоить и призвать к благоразумию. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Эти два дня и две ночи в его обществе казались ей одновременно естественными и необыкновенными. Она полностью доверяла ему, и ее ни на секунду не посещала мысль о том, что в их путешествии наедине может быть что-то предосудительное. «Мама напридумывала себе бог весть что. Господи, каких советов я от нее наслушалась накануне отъезда! Еще немного, и она отправилась бы с нами, чтобы убедиться, что я не упаду в объятия Овида. Иногда она бывает невыносима. Ведь он единственный, кто согласился мне помочь! И в любых обстоятельствах ведет себя как друг, как брат».

Жослин, которого она навестила в больнице перед встречей с учителем, оказался более покладистым, чем Лора.

— Если тебе предлагают конкретную помощь, соглашайся без колебаний, доченька, — сказал он. — Киону нужно найти как можно скорее. Пообещай мне привезти ее сюда, перед тем как вернуться в Валь-Жальбер. Я бы так хотел ее поцеловать!

Эрмина не стала ничего обещать, не зная, сколько дней будет отсутствовать.

— Ты едешь на этом славном Шинуке, — вздохнул Жослин, — как когда-то первопроходцы... Ты всегда меня удивляешь, дочка.

— Папа, будь реалистом: многие люди в наших краях до сих пор ездят на лошадях. Машины стоят очень дорого. А с введением талонов на бензин лошади вообще стали необходимостью.

С этими словами они расстались. Она чмокнула отца в лоб и быстро убежала, торопясь скорее приступить к делу. Участь Кионы не давала ей покоя.

Эрмина мечтала скорее обнять свою сводную сестренку и утешить ее. Вот и сейчас, устремив взгляд своих голубых глаз на огонь, она представляла себе, как бежит к девочке и поднимает ее на руки, чтобы расцеловать.

— У вас все в порядке? — спросил дребезжащий голос с ярко выраженным провинциальным говором.

Сельвини Лафлер спустилась из своей комнаты в длинном черном платье, ее белоснежные волосы были собраны в безукоризненный пучок. На худой груди красовалась серебряная брошь. Мать Овидия позаботилась о своем внешнем виде.

— Да, мама, не беспокойтесь. Я готовлю чай для нашей гостьи.

— Я ничего не поняла из твоего рассказа, сын. Эта красивая особа — твоя девушка? Рановато тебе снова жениться, Овид!

— Что вы, мама! Это моя знакомая! Только знакомая. Я просто ей помогаю.

Эрмина невольно покраснела и тут же упрекнула себя за это. Она также отметила, что Овид называет свою мать на «вы», что издавна было принято в простых семьях. «Мы, Шардены, совсем другие, — сказала она себе. — В сущности, мои родители — современные люди, и мне это нравится!»

Чтобы взять себя в руки, она принялась незаметно разглядывать комнату. Паркет был из еловых досок, которые требовали ежегодной покраски. Желтая эмалированная печь сияла чистотой, но стены были безнадежно пустыми. Ни одной картины, фотографии, даже календаря. Камин на колесиках, низкий и массивный, казалось, занимал собой все пространство. Посреди комнаты стояли стол и две скамьи, также из ели. Между дверью и окном возвышался буфет с двумя зелеными занавесками по бокам.

— Овид, нужно поставить варить картошку, — продолжила Сельвини. — По такому случаю отрежешь кусочек сала, но небольшой.

— Не беспокойтесь, мадам, — возразила Эрмина. — Я не голодна. Спасибо за гостеприимство!

Сельвини покачала головой, почти неслышно прошептала: «Боже правый!»

— Вы не из наших краев, мадемуазель? — спросила она.

— Мама говорит так, потому что у вас почти нет местного акцента, — тихо сказал Эрмине Овид, протягивая ей дымящуюся чашку.

— Что ж, мадам, я выросла в Валь-Жальбере, и я замужем, — ответила Эрмина, обращаясь к женщине приветливым тоном. — У меня даже есть трое детей.

— Всего трое? — удивилась Сельвини. — Хотя вы еще молодая. У меня их было девять. Овид — самый младший. Четверо умерли в раннем возрасте. А где же ваш супруг?

Подозрительная интонация вопроса говорила о многом. Будучи честной женщиной, набожной и заботящейся о приличиях, Сельвини

Лафлер давала понять, что со стороны Эрмины было неприличным разъезжать по здешним краям в обществе вдовца.

— Ее муж уехал воевать в Англию добровольцем, — объяснил Овид. — Мама, совсем необязательно устраивать нашей гостье допрос.

— Что, разве нельзя поболтать немного перед ужином, сынок? — возмутилась женщина.

Воцарилась тишина. Эрмина подавила вздох, подумав о Тошане. В последний раз она видела его в то утро, когда он в военной форме садился на корабль вместе с другими солдатами. Теперь их разделял океан.

— Пойду покормлю лошадей, — сказал Овид, надевая плащ на шерстяной подкладке.

Он бросил ободряющий взгляд на молодую женщину, которая предпочла бы пойти с ним. Но ей не хотелось шокировать Сельвини. Как только они остались вдвоем, вдова вернулась к интересующей ее теме.

— В чем вам помогает мой сын? Провожает к какому-то родственнику?

— Да, так и есть, — ответила Эрмина, не желая рассказывать об истинных причинах их похода. — Семейные проблемы.

— Разве у вас нет отца или брата, которые могли бы этим заняться? Овид из кожи вон лезет ради других, но лучше бы он нашел себе новое место в какой-нибудь школе. Времена сейчас тяжелые. А скоро зима.

Измощенное лицо Сельвини Лафлер несло на себе следы нелегкой жизни, проведенной в борьбе с нищетой и холодом, в которых ей приходилось растить своих детей. Об этом говорили горестный изгиб рта и глубокая морщина между бровей.

— Мой отец лежит в больнице в Робервале, а брату всего восемь лет, — ответила Эрмина, пытаясь определить возраст женщины.

— Мне нечасто доводилось выходить из дома, — сказала Сельвини, словно прочтя ее мысли. — Девять малышей, двенадцать беременностей... Наконец Господь меня пощадил: я перестала рожать каждые полтора года, а то и каждый год. Овид рассказывал вам о своем старшем брате Жаке? Это его лошадь. Мой Жак работал мастером на лесопильном заводе, но он утонул шесть лет назад. Тогда Овид пообещал мне заботиться о его лошади. Жак ею так гордился!

— Мне очень жаль, мадам. Я этого не знала. Но признаю, что это великолепное животное черной масти с каштановой гривой.

— Мужчины безрассудны. Жак поспорил, что доберется вплавь от Роберваля до Перибонки. И утонул. Ваш муж отправился воевать тоже из гордыни. Он вовсе не обязан был этого делать, имея троих детей и жену. Но

мужчинам необходимо доказывать, на что они способны, сражаться, пренебрегать опасностью. Господи, я никогда не знала, как удержать их дома!

После этой тирады она завязала на талии фартук и, поджав губы, принялась чистить картошку. Чувствуя себя неловко, Эрмина встала и предложила свою помощь.

— Лучше отнесите это ведро на конюшню. Овид его забыл. Он замочил в нем зерно для лошадей. Обычно он не такой забывчивый. У бедного мальчика голова не на месте, и одному Богу известно почему.

— Конечно, отнесу. Мне как раз нужно взять кое-что из своей дорожной сумки, привязанной к седлу, — поспешила согласиться Эрмина, которая чувствовала, что последние слова суровой Сельвини относятся к ней.

Она выскочила на улицу, не обращая внимания на порывы ветра с дождем, и побежала к соседней постройке, стараясь не рассыпать зерно. Овид как раз собирался выходить, когда она ворвалась внутрь. Они столкнулись лоб в лоб. Учителю ничего не оставалось, как схватить ее в охапку, чтобы не упасть и не увлечь ее за собой.

— Простите меня! — запыхавшись, воскликнула она.

— Это я виноват. Я собрался идти за этим ведром и натолкнулся на вас.

Но он не отпускал ее. Это было выше его сил. Он наслаждался ее близостью. Его руки касались ее спины. Эрмина с бешено бьющимся сердцем сопротивлялась желанию прижаться к груди Овида, уткнуться лицом в расстегнутый ворот его плаща. Внезапно он отстранился.

— Какой же я идиот! Давайте сюда зерно. Вы и так устали, а я вынуждаю вас бегать под дождем.

Эрмина подошла к Шинуку, который поприветствовал ее тихим ржанием.

— Мне это было совсем несложно. В детстве я ухаживала за коровой своих соседей Маруа. А потом они купили эту лошадь. С тех пор я начала ее чистить и кормить. Мы с Шинуком хорошие друзья. К тому же я хорошо себя чувствую в подобных местах. Аромат соломы и свежего сена вызывают во мне приятные воспоминания.

Она гладила Шинука, не решаясь посмотреть на Овида. Только что она видела на его лице такое выражение любви и желания, что до сих пор ощущала дрожь во всем теле. «Он, конечно, не красавец, но сколько обаяния! — говорила она себе. — Я чувствую к нему нежность. Он кажется хрупким и в то же время сильным. Его глаза меня зачаровывают. Я никогда

не видела таких зеленых глаз. Господи, дай мне силы! Ведь я люблю Тошана, только его».

Но ее муж был далеко. Молодая женщина, лишенная нежности и удовольствий, неосознанно реагировала на влечение, которое испытывала к Овиду.

— Я вас оставлю, — выдохнула она. — Думаю, мне лучше отправиться спать прямо сейчас, без ужина. Вы правы, я очень устала.

— Моя мать обидится, если вы не разделите с нами ужин. Но поступайте как знаете, Эрмина.

Она вышла, ничего не ответив, что выдавало ее волнение больше, чем какая-нибудь безобидная реплика. Овид это заметил. «Господи, что я натворил! Полюбив эту женщину, я поклялся, что она никогда об этом не узнает. Но теперь, я думаю, она все поняла».

С мрачным видом он прижался щекой к боку Шинука. Вот уже три года он бережно хранил образ Эрмины, вспоминая ее улыбку, звук ее голоса, когда она пела. Днем он запрещал себе думать о ее теле, о соблазнительных губах, но ночью он мечтал о том, как прикасается к ней, целует...

«Послезавтра мы вытащим Киону из пансиона и все будет кончено, — сказал он себе. — Мама не так уж права: мне пора снова жениться».

Сельвини окинула Эрмину пристальным взглядом, как только та вошла в комнату.

— Вы промокли! — воскликнула она. — Не нужно было выходить без куртки. Этот дождь — предвестник снега.

— О нет, только не сейчас! Мой сосед из Валь-Жальбера утверждает, что октябрь будет солнечным.

С этими словами она снова села в углу у камина, скрестив руки на коленях. Несмотря на свое взволнованное состояние после инцидента на конюшне, ее мысли вновь вернулись к Кионе. «Я ни на секунду не забываю о тебе, моя маленькая сестренка! Надеюсь, послезавтра мы наконец-то будем вместе. И я перестану чувствовать себя слабой и глупой».

Она вздохнула спокойнее, отнеся волнение, охватившее ее при близком контакте с учителем, на счет усталости и нервозности. «Что ты хочешь, моя Киона? Наше сердце иногда играет с нами злую шутку. Позже ты это поймешь. А может, уже знаешь».

Овид, вошедший в это время в дом, застал ее погруженной в свои мысли. Она показалась ему такой красивой, со слегка склоненной головой, большими голубыми глазами, наполненными грустью, что он не смог

сдержатъ вздоха. Мать бросила на него подозрительный взгляд.

— У тебя были какие-то проблемы на конюшне, сынок? — сухо поинтересовалась она.

— Никаких, мама, я просто устал.

— Ужин будет скоро готов. С таким парнем, как ты, нам не выбраться из нужды. Ты тратишь свое время на что угодно, только не на ферму своего отца, которая совсем развалилась. Не знаю, известно ли вам, мадам, но Овид из кожи вон лезет ради индейцев, которым никто не нужен, чтобы напиваться и обирать честных людей. Да, жить стало тяжело. Мой муж Фюльбер обрабатывал наши земли в поте лица. У нас был скот: три коровы и стадо овец. Мои старшие сыновья помогали нам в этом. Мы собирали урожай картофеля, фасоли, гороха, бобовых. А теперь у нас почти ничего не осталось!

— Мама, прошу вас, перестаньте жаловаться. У нас осталось десять овец, и в этом году они принесли ягнят. У нас есть молоко, я делаю сыр.

— Но масла-то у нас нет. А вы, мадам, на что вы живете в отсутствие вашего супруга?

Овид зажег керосиновую лампу и начал расставлять на столе тарелки и приборы. Внезапно Эрмине стало стыдно за свою обеспеченную жизнь и неистощимое богатство ее матери, которая всегда была готова потратиться на комфорт для своих близких.

— У меня есть сбережения, — призналась она тоном, в котором сквозило замешательство. — К тому же я работаю.

— Эрмина — оперная певица, мама, — отрезал Овид. — Это уважаемая профессия, приносящая солидный доход. Вы смущаете ее своими бесконечными расспросами.

Сельвини Лафлер изумленно оглядела гостью с головы до ног. Затем более мягким тоном добавила:

— Оперная певица? А я решила, что вы секретарша. Ну-ка, спойте нам что-нибудь!

Застигнутая врасплох, Эрмина не знала, как ей выбраться из затруднительного положения. Ей совершенно не хотелось петь. Ей казалось неуместным делать это в доме с угрюмой обстановкой, где скончалась супруга Овида. К тому же она считала себя в трауре по Тале и очень тревожилась за Киону.

— Мне очень жаль, мадам, но я не смогу.

Затем она вспомнила о том, что говорил ей Овид три года назад: «Мне кажется, артисты, даже когда им грустно, должны петь или играть комедию, чтобы отвлечься от своих забот».

— Впрочем, после ужина я попытаюсь, — добавила она, не сводя взгляда с молодого учителя. — Если это доставит вам удовольствие.

Эрмина обращалась к Сельвини, но ему хотелось надеяться, что она будет петь только для него. Ужин был молчаливым и быстрым. Картошка оказалась недоваренной, а сало, разделенное на три части, было очень жестким. На десерт вдова достала железную коробку с печеньем.

— С горячим чаем оно восхитительно.

Овид не заводил никакой беседы, видимо чувствуя себя неловко в присутствии матери. В комнате было темно и прохладно. Атмосфера казалась настолько тяжелой, что Эрмина все-таки решила спеть какую-нибудь арию из оперетты и отправиться спать.

— Этим летом в Квебеке, — с улыбкой сказала она, — я играла китаянку в «Стране улыбок» Франца Легара. Невозможная история любви, как это часто бывает в кино и театре.

Она тут же пожалела о своих словах. Овид мог увидеть в них намек, и его мать тоже.

— Боже правый! Я ни разу в жизни не была в театре! — воскликнула Сельвини. — Странная вы женщина: болтаете что вздумается, не заботясь о приличиях.

— Мама, прошу вас! — не выдержал Овид, который, похоже, испытывал невыносимые муки. — Я ведь приносил вам журналы и держал в курсе событий! Ручаюсь, если хорошенько поискать, мы обязательно найдем фотографию Эрмины в одной из газет, которые вы храните.

— Милый мой! Если твоя подружка знаменитость, я не понимаю, что она делает здесь, на лошади и в брюках! И не очень-то хорошо переодеваться в китаянку: китайцы ведь тоже воюют! Ты мне сам это говорил, Овид.

Эрмина не смогла сдержать тихого смеха, растроганная наивностью матери Овида.

— Думаю, будет разумнее исполнить какую-нибудь духовную песню, — предложила она. — Или «Ла Палому».

Она бросила взгляд на Овида, который слабо улыбнулся.

— Мне больше нравятся песни Нормандии, — отрезала Сельвини. — Мои предки родом оттуда.

Послушно кивнув, Соловей из Валь-Жальбера запела старинную французскую балладу:

Когда природа возрождается
И зима убегает прочь

Под красивым небом нашей Франции,
Когда солнце становится теплее,
Когда поля зеленеют,
Когда возвращаются ласточки,
Я люблюсь своей Нормандией,
В этих краях я родилась.
Я видела поля Гельвеции^[35],
Ее шале и ледники,
Я видела небо Италии,
Венецию и ее гондольеров.
Приветствуя каждую страну,
Я говорила себе: нет ничего прекраснее моей Нормандии!
В этих краях я родилась.

Эрмина пела негромко, очень проникновенно, хотя на некоторых нотах ее хрустальный тембр вибрировал в воздухе. Ее душевное исполнение во многом определяло успех ее выступлений. Сильвини стала тому доказательством, поскольку даже пустила слезу, которую быстро вытерла.

— Очень красиво, — пробормотала она.

— Если бы вы слышали, мама, как она поет «Аве Мария», — сказал Овид. — Не удивляйтесь, Эрмина, я был в церкви Сен-Жан-де-Бребеф накануне Рождества 1939 года. Вы тогда просто очаровали публику.

«В своем черном бархатном платье, с распущенными светлыми волосами, вы были похожи на ангела, а я, несчастный идиот, проделал этот путь только для того, чтобы вас увидеть», — подумал он, опустив голову.

Эрмина была искренне польщена, убедившись, что Овид полюбил ее с их первой встречи, о чем в глубине души она давно догадывалась.

— Чтобы отблагодарить вас за гостеприимство, дорогая мадам Лафлер, я исполню «Аве Мария», — решила она, вставая.

Прикрыв глаза, молодая женщина полностью отдалась божественной песне, которую знала с восьми лет. На этот раз ее невероятно чистый голос зазвучал во всю мощь в скромном жилище. Это было также молитвой Тале, которую она больше никогда не увидит, Кионе и всем тем, кто сейчас страдал на земле. Когда она замолчала, зеленые глаза Овида блеснули от волнения, а Сильвини беззвучно шевелила губами: судя по всему, молилась.

— Спасибо, — сказал учитель. — Я никогда еще не получал такого прекрасного подарка.

— А сейчас пора идти спать. Спокойной ночи, мадам.

Овид проводил ее до двери комнаты на первом этаже, которую показал ей по приезде.

— Обычно я сплю здесь, — уточнил он. — Мне не хочется пользоваться спальней Катерины. Она умерла, и у меня связаны с ее комнатой слишком страшные воспоминания. Поэтому я оборудовал эту бывшую кладовку для личного пользования.

Маленькая комнатка напоминала бы келью монаха, если бы не афиши, покрывающие стены. Это были анонсы фильмов, театральных пьес, а также яркая реклама местных горнолыжных и лодочных станций.

— Спокойной ночи, Эрмина.

— Мне кажется, моя «Аве Мария» не понравилась вашей матери, — тихо сказала она. — Она не пожелала мне доброй ночи и даже не взглянула на меня после пения.

— Не беспокойтесь, у мамы странный характер. Ей многое пришлось испытать в жизни, и мне самому непросто понять, когда она довольна, а когда нет. Мы отправляемся завтра ранним утром. Отдыхайте.

Овид оставил ее. Она вздохнула, без видимых причин чувствуя раздражение. Лежа в пижаме на шершавых простынях узкой железной кровати, она пыталась разобраться в реальных причинах своей нервозности. «Господи, дай мне силы не поддаваться искушению! — взмолилась она. — Мне так хотелось обнять Овида, прижаться губами к его губам. Я слишком одинока ночью и днем — вот мое несчастье! Если бы только я была беременна, но нет! Еще немного, и я начну думать, что стала бесплодной».

Она всей душой надеялась на беременность после отъезда Тошана. Они не принимали никаких мер предосторожности, и это решение исходило от Эрмины.

— Я хочу носить нашего ребенка, пока ты будешь далеко от меня, в Европе, — настаивала она. — Так мне будет казаться, что у меня есть частичка тебя, что я не одна. И если ты вдруг не вернешься, я отдам этому ребенку всю любовь, которую испытываю к тебе. А если вернешься, ты увидишь нашего сына или дочку. И наша жизнь продолжится, наша семейная жизнь.

Но Тошан смотрел на вещи по-другому.

— Я не буду чувствовать себя спокойно так далеко от тебя, от вас всех, зная, что ты беременна. Роды чреваты риском. Подумай о Бетти, которая умерла при родах.

Но ничего такого не произошло. Эрмина уже трижды получила доказательство тому, что не ждет никакого ребенка, и очень об этом

сожалела. Ее неудовлетворенное молодое тело требовало ласки, поцелуев и того восторженного опьянения, которое дарит разделенное удовольствие. Раньше она не была такой чувственной. Но в двадцать семь лет, более зрелая и познавшая секс без запретов, она вся истомилась в отсутствие своего мужа.

«Я вздрагиваю от странной радости, как только Овид приближается ко мне. Я не обращала на это внимания два прошлых вечера или не хотела этого признавать. Но сейчас мне так хотелось взять его за руки, притянуть к себе. Прости меня, Господи, прости, Тошан, любовь моя... Когда я привезу Киону домой, я буду держаться в стороне от этого мужчины. Даю себе клятву... Нет, нет, я не смогу. Я не знаю, что со мной происходит: мне кажется, что я схожу с ума, что это уже не я! Он ведь мой друг, замечательный друг! Зачем лишать себя его? Он единственный, кто может мне помочь».

Вконец запутавшись в противоречивых мыслях, Эрмина принялась читать молитвы «Отче наш» и «Пресвятая Дева Мария», но быстро это прекратила, ощутив еще большее раздражение. «Наверняка эти же молитвы читают те, кто насилует индейских детей, не снимая креста с сутаны, — возмущенно подумала она. — Мадлен была категорична: мальчики в возрасте Луи были осквернены братьями самым омерзительным образом. Я больше не хочу молиться. Господь не должен допускать подобных извращений».

Ее правая рука скользнула вдоль живота и остановилась между бедрами. Она вспомнила последние объятия Тошана в туалете офицерской столовой. Никак не наступавший оргазм пришел молниеносно, как только она представила такое милое лицо Овида Лафлера. Эрмина уснула, мучаясь от стыда.

В пансионе, тем же вечером

Под проливным дождем Акали и Киона убрали двор. Девочке было непросто с этим справиться: ее руки все еще болели. Но она упорно продолжала работать, опасаясь, что ее снова посадят в карцер, как пригрозил брат Марселлен.

— Тебе лучше ничего им больше не отвечать, — посоветовала Акали на языке монтанье. — Иначе тебя накажут еще сильнее.

— У меня все болит, — пожаловалась Киона.

— Боль — это еще ничего, — ответила ее подруга. — Другой брат,

лысый с большим животом, делал такие ужасные вещи с малышом Тобой... в рот...

Киона кивнула, дав понять, что знает об этом, не уточняя откуда. Она не хотела рассказывать о своих видениях. Ее золотистый взгляд был устремлен в глубину двора. Делсен и еще двое мальчиков носили поленья от навеса, под которым стояла дисковая пила, к дровяному сараю.

— Идем, Акали, — прошептала она. — Подойдем поближе. Мне очень беспокойно. Боюсь, сейчас что-то случится! Идем же, говорю тебе, я должна помочь Делсену.

— Нет, нам нельзя туда ходить, — выдохнула Акали. — И потом, за ними наблюдает брат, тот самый жирный боров, который мучает Тобу... Почему ты так говоришь, Киона? Что с тобой? У тебя странный вид!

Янтарные зрачки Кионы расширились и приобрели необычный блеск. Сердце ее колотилось так сильно, словно хотело выпрыгнуть из груди.

— Я не могу тебе объяснить, Акали, но мне нужно туда идти. Оставайся здесь.

В подтверждение ее предчувствия монах, следивший за передвижениями мальчиков, неожиданно разозлился.

— Эй ты, бездельник! — набросился он на Делсена. — Ты берешь вдвое меньше дров, чем остальные, а когда роняешь полено, даже не подбираешь его!

— Если бы твоя голова упала, я бы подобрал ее, чтобы поиграть, — ответил Делсен на монтанье недобрым тоном.

Остальные ребята поняли смысл, так же как и Киона. Раздался приглушенный смех, больше нервный, чем искренний. Брат выпрямился во весь рост, выпятив свой огромный живот.

— Думаешь, я не понял, что ты сказал? — заорал он. — Я научу тебя дисциплине. Иди за мной в сарай.

Делсен уже познакомился с особым наказанием на следующий день своего прибытия в пансион. Это привело его в такую ярость, что он был способен убить.

— Нет, жирное дерьмо, я не пойду! — выкрикнул он.

Не сводя глаз со своего врага, он отпрыгнул назад и наткнулся на Киону. Она схватила его за руку и прошептала:

— Спасайся! Беги быстрее, чем волки, перелезь через забор! Уходи в лес и скажи своим родным, чтобы они сменили стойбище. Ты будешь свободен!

Бунтовщик смотрел на нее несколько секунд. Этого хватило, чтобы убедить его послушаться. Он бросился вперед, полный надежды, но его

уже настигал брат. И тогда Киона подставила свою метлу под ноги мужчины, который растянулся во весь рост на мокрой дорожке.

— Ах ты, грязная дикарка! Ты мне за это ответишь!

Девочке было уже все равно. Она только что видела, как Делсен с проворностью белки взобрался на ограду и, прыгнув вперед, исчез из виду.

Десять минут спустя Киона уже была в карцере. Она дрожала, живот свело от страха, но ее не ругали и не били. Она вспомнила, что не слышала в свой адрес слова: «Эта девчонка одержима дьяволом, у нее пугающий взгляд!» Но больше ничего: ни угроз, ни оскорблений.

— Делсен спасен, — тихо повторяла она. — Это было необходимо. Все дети могли бы так убежать. Почему они этого не делают? Почему?

Шли часы. Ей не приносили ни воды, ни хлеба. Ночью Киона уснула, съездившись на полу, пропитанном мочой и усеянном экскрементами. Она так устала, что ее сон был глубоким, без снов и видений.

Брат Марселлен, не любивший развлекаться с мальчиками, не спал. Он вспоминал некоторые детали хрупкого силуэта маленькой индианки, которую сам отвел в карцер. Он снова видел ее мускулистые икры, тонкие руки, сочный рот. Он пообещал себе привести ее к послушанию завтра же утром, а также в последующие дни, поскольку она должна была провести в карцере не меньше недели. Он мог бы нанести ей визит прямо сейчас, но ожидание было частью садистского удовольствия, которым он упивался.

Дверь карцера открылась в десять часов утра. Киона по-прежнему лежала на полу в полудреме. Увидев брата Марселлена, она вскочила на ноги и прижалась к стене. По его сальной гримасе она сразу догадалась о его намерениях. В руках он держал табурет, который поставил на пол, чтобы сесть.

— Иди сюда, маленькая чертовка! Ты полна пороков, дочь моя, дьявол сделал тебя лживой и ленивой. Ты совершила слишком много грехов. Я покажу тебе, как можно получить прощение. Подойди!

Монах поднял сутану и выставил напоказ свой огромный пенис. Он довольно посмеивался, увидев выражение невероятного страха на лице своей будущей жертвы.

— Нет, нет! — взмолилась Киона. — Не надо!

— Я могу подняться со своего места и поймать тебя, но ты ведь будешь послушной и подойдешь сама. Это твое наказание, и оно вполне заслуженное. Ты помогла этому поганцу Делсену сбежать. Из-за тебя брат Роже повредил себе колено. Так что иди сюда!

Ощущение сильного холода сковало девочку. Она знала, чего

потребуется от нее этот мужчина, так как уже видела его в своих видениях. А если она не подойдет к нему, будет еще хуже. Никто не придет ей на помощь. Мысль о том, что придется подчиниться воле брата, повергла ее в шок. Ее глаза округлились, по всему телу пробежали судороги. Она рухнула на землю, забившись в конвульсиях и издав леденящий душу крик.

Брат Марселлен вовсе не хотел быть застигнутым врасплох. Здесь все развлекались с пансионерами тайком, стараясь ничем себя не выдать. Он предпочел обратиться восвояси.

Привлеченная пронзительным криком, раздавшимся в коридоре, одна из сестер пришла узнать, в чем дело.

— Похоже, у нее эпилептический припадок, — проворчал монах, принимая благостный вид, чтобы скрыть свою истинную природу. — Дайте ей успокаивающего, чтобы она нас не оглушила. Я хотел пожурить ее, научить молитвам. Даже принес с собой табурет. Сестра моя, сделайте что-нибудь, чтобы она замолчала!

Монахиня вошла в карцер. Она с отвращением взглянула на девочку, извивающуюся на полу с лицом, искаженным ужасом.

— Эта дрянь просто ломает комедию, — заявила она.

С этими словами монахиня подняла ребенка за грудки и дала ей несколько сильных пощечин. Воцарилась тишина. Дверь закрылась. Почти оглушенная, Киона погрузилась в состояние оцепенения, не лишенное сладости. Она решила умереть.

Возле Перибонки, понедельник, 28 сентября 1942 года

После того как Эрмина с Овидом выехали из городка Сен-Метод, где провели ночь в небольшой гостинице, молодые люди проехали верхом много километров. Дождь лил не переставая, и даже в плащах они вымокли насквозь. Эрмина не жаловалась, но у нее было странное ощущение, что она погрузилась в озеро Сен-Жан. Неужели ей придется провести еще несколько дней вот так, под проливным дождем, с липкими волосами, заледенелыми ногами в кожаных сапогах, потемневших от воды?

Вчера они преодолели расстояние между Сент-Эдвиджем и Сен-Методом, и погода была к ним благосклонна. Странно, но Эрмина и Овид большую часть пути молчали, погрузившись каждый в свои мысли. Вечером, уставшие до изнеможения, они отправились в свои комнаты, не слишком задерживаясь. Желание, овладевшее ими накануне, казалось, растаяло без следа, ослабевая с каждым проходящим часом.

Однако в этот дождливый и холодный понедельник они вернулись к своим обычным беседам, словно пытаясь справиться с тоской, навеваемой погодой. Вскоре они вновь понимали друг друга с полуслова.

— Смотрите! Слева от нас сеновал, — внезапно произнес учитель. — Лошади измотаны и вымокли не меньше нас. Нам нужно отдохнуть под крышей хотя бы полчаса. Да и дождь должен когда-нибудь прекратиться.

— Не стоит, мы почти у цели.

— Но вы дрожите от холода. У меня в сумке термос с горячим чаем, он нас согреет.

Она согласилась в основном из жалости к Шинуку. Ей казалось настоящим чудом, что где-то можно укрыться от ветра и проливного дождя. Овид спрыгнул на землю и подошел к ней, чтобы помочь спуститься с лошади.

— Просто небольшой привал, — сказал он. — Я уже пожалел, что навязал вам эту поездку верхом. Лучше бы мы взяли машину. Я просто идиот. К тому же как мы повезем Киону?

Овид снял свою промокшую кепку и встряхнул светло-русыми волосами, потемневшими от влаги. Лицо его было бледным и осунувшимся, но большие глаза сохранили свой блеск.

— Я совсем обескуражена, — призналась Эрмина, с наслаждением усаживаясь на сено. — Какое счастье просто иметь крышу над головой! Овид, не упрекайте себя ни в чем. Сегодня могла быть хорошая погода, и мне очень нравится ехать на моем старом Шинуке. Но проблема не в этом.

Он слушал ее, энергичными движениями обтирая пучками сена уже расседанных лошадей.

— Ничего не говорите, пока не выпьете чашку чаю, — остановил он ее. — Сейчас я вам налью.

Она растроганно вздохнула, чувствуя себя неловко от нахлынувших мыслей. «Это так волнующе — быть с ним наедине целых пять дней! Я помню, как мы с Тошаном убежали, чтобы обвенчаться в Сент-Антуане. Тогда я испытывала такое же возбуждение, считая, что переживаю самое захватывающее приключение в своей жизни. И здесь я чувствую себя совсем другой Эрминой, не той, которую все знают. Если бы я не тревожилась за Киону, то могла бы продолжать путешествие с Овидом хоть на край света».

Это признание ее расстроило. Она сняла платок с головы и выжала из него воду.

— Итак, в чем проблема? — спросил молодой человек, протягивая ей эмалированную кружку с чаем.

Она с тревогой посмотрела на него.

— Накануне нашей с вами встречи в Шикутими я ездила в один пансион на окраине города. Я никогда не забуду, какое там царило уныние и сколько отчаяния читалось на лицах индейских детей, которых я видела во дворе. Если нам повезет и мы совсем скоро найдем Киону, никто не сможет помешать нам ее увезти, а я сделаю все возможное, чтобы утешить ее, если ей причинили боль, но... другие пансионеры! Они так и останутся взаперти, во власти несправедливости и жестокости тех, кому вверили их судьбы. Как с этим смириться? Спасти одну девочку, бросив всех остальных... Овид, мое сердце будет разбито, даже если я смогу прижать к себе свою сестренку и вырвать ее из этого заведения. Я думаю, что Киона считает так же, как и я. Иначе я бы снова ее увидела.

— Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

— Овид, это необычный ребенок. Если бы вы знали, какими способностями она обладает!

Молодой человек недоуменно сдвинул брови. Эрмина взяла его за руку и пылко произнесла:

— Три года назад мы встретились с вами возле туберкулезного санатория в Робервале, и тогда я рассказала вам о билокации. Помните?

— Кажется, да...

— Киона может передавать свой образ в пространстве. Во время последнего представления «Страны улыбок» в Квебеке я увидела ее на сцене в слезах, одетую в убогое серое платье. Она плакала. В тот же день мой брат Луи тоже видел ее и слышал, как она сказала, что ей страшно. Овид, это мало кому известно, но Киону также посещают видения, она предвидит события. И ее улыбка служит окружающим утешением. Я так ее люблю! Стоит мне только подумать, что ее мать умерла... Величественная, прекрасная Тала! Мой священный долг — защитить эту девочку, мою любимую младшую сестренку.

Эрмина замолчала, стараясь не разрыдаться. Она еще сильнее сжала пальцы молодого учителя.

— Плачьте, если это принесет вам облегчение, — сказал он. — Я вам верю. Никогда я не подвергну сомнению ни единое ваше слово. В таком случае я, возможно, смогу вас хоть немного успокоить. Если Киона — кто-то вроде шамана, феи или волшебницы, значит, у нее должны быть силы победить своих врагов!

Свободной рукой он гладил ледяную щеку Эрмины с бесконечной нежностью, легонько вытирая слезы, текущие из ее красивых глаз.

— Прошу вас, — всхлипнула она. — Обнимите меня, пожалуйста.

Спасибо, что вы поддерживаете меня, верите мне. Я чувствую себя такой потерянной.

Овид осторожно обнял ее, исполненный уважения и любви. Молодая женщина положила голову ему на плечо. Для нее в это мгновение не было лучшего убежища. Они не испытывали никого желания, просто чувствовали себя счастливыми. Оба понимали, что поцелуй разрушит очаровательную чистоту этих целомудренных объятий.

— Ну что ж, нам пора отправляться дальше, — сказал он. — Надеюсь, ваши документы не слишком пострадали от этого ливня.

— Да, вы правы. Но, прошу вас, не сердитесь на меня за мою слабость.

— Сердиться на вас? Да для меня настоящий подарок судьбы ваше присутствие, ваше пение у меня дома, ваше доверие ко мне!

Овид улыбался ей. От него исходила странная притягательность, отличающаяся от той, что излучал Тошан. Эти двое мужчин были как день и ночь. Один — бескомпромиссный, авторитарный, иногда насмешливый или молчаливый, другой — внимательный, сопричастный, сдержанный.

— В путь! — ответила она, избегая его взгляда. — Мне не терпится добраться до цели.

Час спустя они подъехали к воротам пансиона. Возле внушительной постройки из красного кирпича с многочисленными окнами по бокам раскинулся мощный двор.

— Точная копия заведения на севере Шикутими, где я была в начале недели.

— Большинству этих зданий всего двадцать лет. Должно быть, их возвели поспешно, в преддверии знаменитого Закона 1920 года, обязавшего индейских детей в нашей стране учиться и забыть о своих корнях и культуре.

Учитель говорил тихо, но эмоционально. Потом добавил чуть громче:

— Вот уже два десятилетия маленьких индейцев загоняют в эти так называемые школы. Когда они выходят отсюда, им сложно восстановить связь со своими семьями, и многие начинают спиваться. Это меня возмущает. На самом деле наши соотечественники нашли тихое и эффективное средство истребить народ, взявшись за его детей.

— После исповеди моей подруги Мадлен и смерти Талы я осознала масштабы катастрофы, — призналась Эрмина.

Она наконец решилась и дернула за цепочку медного колокольчика, который тут же зазвенел. После нескончаемо долгих минут к воротам подошла монахиня.

— Здравствуйте, сестра, — любезно сказала молодая женщина. — Я бы хотела знать, есть ли среди ваших пансионеров девочка по имени Киона, Киона Дельбо. Ей восемь с половиной лет, у нее светло-рыжие волосы. Она не должна находиться у вас. Мой отец — ее официальный крестный, она умеет читать и писать. Я хочу забрать ее домой прямо сегодня.

— Нет, мадам, насколько мне известно, такой девочки у нас нет, — отрезала сестра, с подозрением разглядывая мужчину и женщину в непромокаемых плащах, держащих поводья своих лошадей.

Главная монахиня, которая как раз и истязала Киону, строго-настрого наказала никому не рассказывать о девочке, запертой в карцере.

— Я позволю себе настаивать, — продолжила Эрмина. — У меня есть официальные документы, доказывающие мои слова. Письмо от моего отца, подтверждающее, что он желает взять на себя расходы по воспитанию девочки, свидетельство о крещении и мой паспорт. К тому же есть все основания полагать, что Киону привезли именно к вам, поскольку она жила с матерью всего в шестнадцать километрах отсюда.

Монахиня сделала ошибку, бросив быстрый взгляд назад, во двор. Казалось, она в замешательстве.

— Мадам, я обучаю девочек этого заведения вот уже пять лет, и, если бы здесь была Киона, я бы об этом обязательно знала. Я немного понимаю язык монтанье. Ни у кого из здешних детей нет такого имени. Но наша начальница пошлет запросы в другие школы.

Овид начал терять терпение. Он был уверен, что сестра лжет. Имея опыт общения с разными людьми, он научился читать по взгляду, мимике. Нервным движением он привязал лошадей к воротам и, не ожидая приглашения, вошел в калитку, вынудив монахиню отступить. Эрмина поспешно прошла за ним.

— Послушайте меня, сестра! — воскликнул он. — Индейские дети, удерживаемые здесь насильно, отрезанные от своей семьи и привычной жизни, могут страдать расстройствами поведения на фоне пережитого страха. Поэтому Киона могла и не назвать своего имени. Поскольку у мадам Дельбо имеются все необходимые документы, будьте любезны, сестра, показать нам всех пансионеров.

В устах Овида обращение «сестра» прозвучало, словно удар кнута.

— Господь свидетель, что мы никогда не удовлетворяли подобные запросы, — проворчала монахиня. — Входите, наши подопечные в классе, кроме мальчиков, которые сегодня трудятся на улице. Я предупрежу начальницу. Извольте подождать во дворе, я быстро.

Терзаемая тревогой, Эрмина едва могла дышать. Везде царили порядок и чистота.

— Спасибо, Овид, — прошептала она. — Без вас я не смогла бы сюда проникнуть так, как это сделали вы. Я так надеюсь, что Киона сейчас появится и я смогу прижать ее к себе!

— Не радуйтесь раньше времени. У нас нет никакой уверенности, только уклончивые слова старого индейца.

— Киона должна быть здесь! — взмолилась женщина.

Она не могла устоять на месте от нетерпения. Наконец они увидели, как из здания вышли двадцать девочек и выстроились вдоль стены. Две сестры наблюдали за процессом. Одна из них, высокая, тучная, вполголоса раздавала указания.

«Это, должно быть, их начальница, — сказала себе Эрмина, придя в смятение от душераздирающего зрелища. — Боже мой! Бедные девочки! У всех острижены волосы и такая тоска в глазах... Но Кионы среди них нет. Мы проделали весь этот путь напрасно. Придется продолжить ее поиски и оставить здесь этих несчастных. Мадлен тоже жила в таком месте. Как мне ее жаль, как мне жаль их всех...»

Толстая монахиня подошла к ним со слащавой улыбкой на губах.

— Здравствуйте, мадам, месье! Видите ли вы здесь девочку, которую разыскиваете? — спросила она. — Киона, если я не ошибаюсь? У нас нет никого с таким именем.

— Увы, я ее не вижу.

Эрмина прикусила губу, чтобы не расплакаться от жалости и разочарования. Напрасно она вглядывалась в каждое лицо: нигде не было видно прелестной мордашки ее сводной сестры.

Во дворе стояла мертвая тишина. Овид поднял лицо вверх и увидел кусок голубого неба между тучами. Дождь закончился.

— Нет смысла здесь задерживаться, Эрмина. Кионы здесь нет, мне очень жаль. Мы бы ее уже увидели, у них нет никаких причин ее скрывать. Это место вызывает у меня отвращение. Пойдемте отсюда.

Но его спутница сделала вид, что не слышит, переведя взгляд на лица сестер. Она спрашивала себя, скрывают ли эти женщины в длинных черных платьях и белых капорах извращенные и садистские наклонности. Одна из них, самая молодая на вид, смотрела на нее как-то странно. «Должно быть, я похожа на искательницу приключений, на эксцентричную особу в своем мужском наряде, — решила она. — Овид прав: нет смысла здесь торчать. Нужно ехать дальше, но куда?»

Акали, держа руки за спиной, опустив голову, прекрасно знала, где

находится Киона. Она незаметно разглядывала лицо молодой светловолосой женщины, такой красивой, с невероятно голубыми глазами, и сделала вывод, что это и есть та самая Мина, о которой ей много рассказывала ее новая подруга. Маленькая индианка колебалась, раздираемая страхом перед наказанием и любовью к Кионе.

«Если никто ничего не скажет этой даме, Киона умрет, — в ужасе подумала она. — Но главная монахиня предупредила нас в классе, что нельзя разговаривать с этими людьми».

Монахиня, открывшая калитку посетителям, повела их обратно. И тогда произошло нечто непредвиденное: одна из пансионерок вышла из строя и подбежала к Эрмине.

— Киона в карцере, — сказала она по-французски. — Ее много били. Я не хочу, чтобы она умерла! Спасите ее, мадам! Вы ведь Мина? Да, я знаю, что это вы!

Если бы молодой женщине понадобилось доказательство, этого уменьшительного имени ей хватило бы с лихвой. Она посмотрела на начальницу с таким презрением и гневом, что та больше не думала скрываться.

— Их необходимо наказывать, — только и проворчала она. — Ваша Киона одержима дьяволом! Настоящая колдунья.

— Это еще надо выяснить, кто здесь колдунья! — воскликнула Эрмина. — Почему вы так поступили? Почему бессовестно солгали нам? Вы что, испугались последствий своих поступков?

Не утруждая себя выслушиванием аргументов сестры, она бросилась к главному зданию, Овид последовал за ней.

Акали стояла ни жива ни мертва. Она знала, что дорого заплатит за свой храбрый поступок, но гордилась тем, что спасла Киону.

Глава 7

Во имя невинности

Пансион Перибонки, тот же день

В коридорах пансиона царил паника. Небольшая группа монахинь тихо переговаривалась в вестибюле. Брат Марселлен беспокойно расхаживал взад-вперед.

Эрмина шла подлинному коридору за главной монахиней, учащенное дыхание которой выдавало сильную тревогу. Молодая женщина ничего не замечала: ни серого цвета стен, ни окон с решетками.

— «Карцер» — это сильно сказано, мадам Дельбо, — заявила мучительница Кионы, спускаясь по лестнице, ведущей в подвал. — Не будем ничего преувеличивать. Наши так называемые карцеры — это всего-навсего две бывшие кладовки. У нас непростая задача. Нам приходится воспитывать детей, у которых нет никакого понятия о религии и дисциплине. А любое воспитание предполагает наказание.

— Разве это причина наказывать их так жестоко? — спросил Овид. — Наказание! Было бы любопытно узнать подробности о применяемых здесь методах наказания. А также хотелось бы понять, почему вы нам солгали.

Вместо ответа монахиня лишь пожала плечами. Оказавшись на последних ступеньках, молодые люди почувствовали неприятный запах: смесь сырости, мочи и плесени. Сестра остановилась перед дверью, снабженной узкой квадратной щелью с заслонкой, и сунула ключ в замочную скважину. Когда она потянула на себя дверь, ее руки задрожали, поскольку на этот раз до компетентных органов могла дойти катастрофическая информация, особенно если девочка расскажет обо всем, что ей пришлось пережить.

— Упомянутая вами Киона здесь, вы можете ее забрать, — сухо сказала она, силясь придать себе уверенности. — Мы будем только рады от нее избавиться. Все две недели, что она провела у нас, от нее были одни неприятности. Она дерзкая, лживая, несдержанная. Позавчера она спровоцировала падение брата Рожера, который поранил себе колено. Так что мы не могли проявлять мягкость.

Услышав эти слова, Эрмина начала опасаться худшего. Она вошла

внутри, борясь с подступающей тошнотой: запах здесь стоял невыносимый.

— Киона? — позвала она, увидев маленькое тело, скрючившееся на полу. — Нет, это не она, это не может быть она...

Овид подошел к ней и инстинктивно поддержал за талию. Оба с ужасом смотрели на лежащего у их ног ребенка, повернутого лицом к стене, на бритый череп и бледные руки, покрытые синяками.

— Но эта девочка мертва! — испуганно воскликнула Эрмина. — Овид, я ее не узнаю. Это не моя Киона!

Потрясенная невыносимым зрелищем, она не могла ни плакать, ни кричать. Учитель, знаком попросив ее оставаться на месте, нагнулся и осторожно приподнял девочку, затем пощупал ей пульс.

— Эрмина, она жива! Замерзшая, грязная, но живая! Мы успели вовремя, — заметил он голосом, дрожащим от возмущения. — Не беспокойтесь, это действительно Киона. Я часто встречал ее с матерью в Перибонке и не могу ошибиться.

Молодая женщина вышла из своего оцепенения. Она наклонилась, чтобы разглядеть лицо своей сводной сестры, на котором тоже виднелись следы от ударов.

— Да здесь работают убийцы! — воскликнула она. — Господь не может этого допустить, нет, нет!

— Оставьте Господа в покое, — оборвал ее Овид. — Или же вспомните о том, что он дал свободу выбора людям, которые могут быть монстрами или ангелами.

Придя в себя от этого короткого нравоучения, Эрмина погладила лицо безжизненно лежавшей маленькой девочки.

— Моя Киона, любимая сестренка, прости меня! Прости, что приехала за тобой так поздно! Что они с тобой сделали?! Они истязали тебя! А твои красивые волосы...

Охваченная ледящим ужасом, она разрыдалась. Те, кто так издевался над девочкой, могли развлекаться с ней, как с игрушкой. Киона наверняка подвергалась сексуальному насилию. Овид снова призвал ее к действиям.

— Сейчас не время лить слезы. Нужно увезти несчастную подальше от этого ада и как можно скорее доставить в больницу. Надеюсь, что...

Он не договорил, но Эрмина поняла, что он подумал о том же, что и она.

— Вы правы, идемте. Почему она не просыпается, Овид?

С лицом, выражающим сомнение, он взял Киону на руки. Переживаемые им гнев и отвращение сделали его молчаливым. Будучи по

натуре человеком миролюбивым, он с трудом сдерживал желание наброситься с кулаками на братьев, которых неизбежно встретит на своем пути, или на тучную монахиню, которая пыталась их одурачить, а сейчас предпочла незаметно ретироваться.

Они поднялись по лестнице. Эрмина не могла отвести глаз от своей драгоценной сестренки, но ее потрясенное сознание медленно возвращалось к реальности. Она уже размышляла над тем, как лучше везти девочку и куда обратиться за медицинской помощью.

Когда они добрались до коридора, Эрмина заметила черное платье одной из сестер, метнувшейся в сторону столовой.

— Овид, не будем торопиться. В этом проклятом месте должны быть теплая вода, чистая одежда и мази. Будет более благоразумно осмотреть Киону здесь и согреть ее. И еще я хотела бы получить объяснение от главной монахини. Если она думает, что легко отделалась, удрав из подвала, то глубоко заблуждается. Мне, конечно, хочется разорвать ее на куски, но я ограничусь тем, что сообщу обо всем в прессу. Следует предупредить правительство о жестокости, которой подвергаются эти дети. Так не может продолжаться дальше!

Она в отчаянии выкрикнула последние слова. Учитель бросил на нее озадаченный взгляд, прежде чем ответить.

— Вы абсолютно правы. Займемся малышкой здесь. Нам также потребуется машина. А позже, да, нужно будет объявить войну этим пансионатам!

В этот момент кто-то подал им знак из приоткрытой двери. Это была сестра Аньес, молодая монахиня.

— Мадам, месье, прошу вас сюда, — тихо позвала она. — Я помогу вам с девочкой. У меня есть все необходимое в кухне. Входите скорее!

— Вам не кажется, что ваше милосердие несколько запоздало? — сурово отрезала Эрмина. — Зло свершилось! Киона не заслуживала такого обращения! Ни один ребенок его не заслуживает! Это невинные создания, будь то индейцы, чернокожие или евреи!

Молодая монахиня молча кивнула. Она бросила испуганный взгляд на девочку, по-прежнему не подающую признаков жизни. Овид спорить не стал. Он осторожно положил Киону на стол.

— Вы знаете, как только я попала сюда, я пыталась высказывать свое мнение, но мне тут же пригрозили увольнением. Я очень беспокоилась за эту девочку. Она несколько раз пыталась защищаться от такого обращения, говорила о вас, о своем крестном, который живет в Валь-Жальбере. Не далее как вчера я обращала внимание сестер на то, что она умеет читать и

писать, что она цитирует Священное Писание. Но это ничего не изменило.

Эрмина почувствовала, что молодая женщина говорит искренне. Смягчившись, она решила ей довериться. Вдвоем они обмыли Киону теплой водой, сняв с нее отвратительное серое платье, напоминающее тряпку.

— Что с ее руками? — возмутилась Эрмина. — Это ожоги! Кто это сделал? Кто посмел?

Овид, который отошел в сторону, когда они раздевали Киону, обернулся.

— Это начальница, — жалобно ответила монахиня. — Она вылила кипяток из чайника на ее руки. Эта женщина управляет с помощью насилия. Она применяет ужасные наказания. Могу вас заверить, что бедная Акали будет строго наказана, поскольку ослушалась, сказав вам правду.

Молодая женщина бросила на Овида взгляд, полный отчаяния. Именно этого она и боялась. Они вытащат Киону из лап палачей, но остальные пансионеры будут брошены на произвол судьбы. Тем временем, продолжая раздевать девочку, она обнаружила огромные синяки на ребрах и бедре. Это было уже слишком.

— Бог мой! — внезапно воскликнула она. — Нет, я не могу в это поверить. Нет...

Вне себя от гнева, она выбежала из комнаты.

— Телефон, здесь должен быть телефон! — закричала Эрмина, пытаясь найти кабинет главной монахини. — Нужно срочно вызвать врача!

Дверь одного из классов открылась, и путь ей преградил брат Марселлен.

— Мадам, прошу вас вести себя скромнее! Вы забыли, где находитесь? Вы нарушаете порядок, который мы с таким трудом устанавливаем.

Она смерила его презрительным взглядом сверкающих голубых глаз. Этот мужчина с румяным лицом, возможно, изнасиловал Киону. Не раздумывая, она сорвала крест с его шеи.

— Вы все здесь лицемеры! — воскликнула она. — Развратники, гнусные извращенцы! Вы надели сутаны, чтобы вам было удобнее удовлетворять свои постыдные наклонности. Я была воспитана монахинями, настоящими святыми женщинами, которые никогда бы не ударили невинного ребенка, отданного им на попечение. Никогда! Церковь не должна терпеть таких паршивых овец, как вы!

Мужчина побагровел. Он схватил Эрмину за плечи и уставился на нее угрожающим взглядом.

— Ко мне еще никто не проявлял подобного неуважения, мадам!

Истеричек вашего рода следует выставить вон!

Она плюнула ему в лицо в тот самый момент, когда совсем рядом раздался голос Овида.

— Не смейте ее трогать! — крикнул он. — Сейчас же уберите свои грязные лапы! Это вы к себе требуете уважения?!

Молодой учитель бросился между Эрминой и братом, оттолкнув того с неожиданной силой.

— Скажите, разве девочка, которую мы обнаружили полуживой в подвале, не заслуживала хоть немного уважения? И не говорите мне, что вы истязаете этих бедных детей во имя Христа!

Он держал его за воротник сутаны, судорожно сжимая пальцами ткань.

— Придет день, и вас разоблачат — вас и всех остальных! Думаю, на этой земле все же есть люди, верящие в справедливость, и скандал неминуемо разразится! Наконец-то все увидят ваше истинное лицо!

Эрмина наблюдала эту сцену с яростным ликованием. Она с трудом сдерживала себя. Не осталось и следа от скромной маленькой сиротки, которой она была когда-то, набожной и кроткой, от робкого подростка, никогда не повышавшего голоса в присутствии взрослых. Сжав кулаки, она смотрела на Овида с восхищением, граничащим с любовью. Учитель бросил на нее взгляд, и сердце его замерло. Он тут же отпустил брата.

— Вам лучше не попадаться мне на глаза до нашего отъезда! — сказал он ему неприязненным тоном. — Если вы трогали Киону, я задушу вас собственными руками, и пусть меня посадят в тюрьму! По крайней мере, в мире станет на одного подонка меньше!

— Но я ничего не делал, — пролепетал мужчина.

— Это засвидетельствует врач, — бросила Эрмина. — Овид, спасибо, возвращайтесь к девочке, мне нужно позвонить.

Он молча кивнул, все еще взволнованный яростью, внезапно проснувшейся в нем, а также тем, что он прочел в голубых глазах молодой женщины.

А она уже бежала дальше в поисках кабинета начальницы. «Они сломили, растоптали, осквернили мою Киону! Я схожу с ума, видя ее в таком состоянии!»

Вскоре она ворвалась в кабинет главной монахини, которая от неожиданности попятилась назад. Эрмина выглядела более чем странно — бледная, растрепанная, в плаще и сапогах. Увидев телефон, она кивнула в его сторону.

— Наверняка вы знаете номер ближайшего врача. Позвоните ему, чтобы он срочно приехал. У вас здесь есть какая-нибудь машина?

Она не могла выдать из себя слова «сестра», поскольку каждая монахиня вызывала подозрение и ей казалось невозможным применять к ним это слово, являвшееся для нее символом чистоты и самоотверженности.

— Доктор живет слишком далеко, — сказала монахиня. — Лучше обратиться к фельдшеру в Перибонке. У нас есть двуколка и мул. Можете ими воспользоваться. Но должна сказать вам, мадам Дельбо, что эта девочка бесноватая. Она несет вздор и страдает серьезным недугом. Думаю, что она поранилась во время приступа, случившегося с ней вчера утром. Настоящая фурия! Она билась о стены и так сильно дергалась, что, разумеется, вся покрылась синяками. Это зрелище могло напугать других девочек, поэтому мы ее и заперли.

— Замолчите! — оборвала ее Эрмина. — Вы постоянно меняете версии. Только что вы утверждали, что наказали ее за дерзость, а сейчас уже дело в эпилептическом припадке. Я вовсе не дура и не слепая! Синяки на теле Кионы — это следы от ударов! Вы только и делаете, что лжете, начиная с того момента, когда хотели отправить нас отсюда как можно дальше, лишь бы мы не обнаружили полумертвую Киону. Я обещаю вам, что подниму всю общественность! У меня в «Пресс» работает знакомая журналистка.

— Страна сейчас в состоянии войны, если вы забыли, мадам! Кто станет беспокоиться об индейцах — этих безбожниках, дикарях? И что плохого мы делаем? Эти дети — грязные, невежественные, у них нет никакого представления об истинной религии. Мы здесь для того, чтобы спасти их от жалкого существования!

Вне себя от гнева, Эрмина стукнула кулаком по столу.

— Мне прекрасно известно, что они гораздо счастливее чувствуют себя в лесу, со своими родителями! Я замужем за метисом. Он подарил мне троих детей, которых я обожаю! И горжусь ими! Так что избавьте меня от своей омерзительной пропаганды расизма. Вы должны стыдиться слов, которые произносите. У меня сейчас лишь одно желание — оказаться как можно дальше отсюда вместе с Кионой. К сожалению, у вас останутся другие невинные создания, которых вы будете продолжать истязать!

Молодая женщина сбросила на пол стопку папок и вышла из кабинета. Навстречу ей по коридору шел Овид. Он нес девочку, завернутую в одеяло. За ним семенила молодая монахиня.

— А, вот вы где. Сестра Аньес раздобыла сухие чулки, шерстяные носки и платье. Не будем терять времени, сегодня здесь врач не появится. Я положу Киону на лошадь перед собой. Нам лучше как можно скорее сесть

на корабль до Роберваля и поместить ее в больницу.

— Мы позаимствуем двуколку в пансионе, — решила Эрмина. — Шинук приучен к упряжке. Про врача мне известно, но мы можем проконсультироваться у фельдшера в Перибонке.

— Я хочу вам помочь, — произнесла молодая монахиня своим робким голосом. — Я покажу, где находится конюшня.

— Хорошо! Проводите туда месье Лафлера. Я вас догоню. Мне нужно еще кое-что уладить.

Она немного отстала от них и тоже вышла на улицу. Странно, но пансионерки с серьезными лицами до сих пор стояли во дворе, выстроившись в ряд у стены. Ни одна из них не сдвинулась с места. Эрмина подшла ближе и обратилась к самой старшей девочке, на вид лет пятнадцати:

— Чего вы ждете? За вами же никто не следит?

— За нами следят из окна, мадам. И нам велели не расходиться. Здесь нельзя не слушаться.

— Но где же Акали? Я ее не вижу! Ведь ту девочку, что сказала, где находится Киона, зовут Акали?

В голосе Эрмины слышался страх.

— Да, мадам, — подтвердила девочка. — Она побежала прятаться, но это не поможет, они все равно ее найдут.

— Скажите, где она, я хочу с ней поговорить. Мне так жаль, что я не могу вам помочь! Но я обещаю сделать все возможное, чтобы вытащить вас отсюда.

Со сжавшимся сердцем она смотрела на них. Некоторых девочек, по всей видимости, побрили наголо несколько месяцев назад, поскольку их жесткие черные волосы прикрывали затылок. В их взглядах читалось невыразимое отчаяние, а поджатые губы словно говорили о том, что лучше хранить молчание, чтобы избежать лишних страданий.

— Прошу вас, мне нужно поблагодарить Акали и предложить ей кое-что, — тихо сказала она.

— Акали наверняка в кладовке, прячется за бочками, — прошептала другая маленькая индианка. — Зеленая дверь, вон там.

— Спасибо, — выдохнула Эрмина.

Она направилась к указанному месту, не решаясь оглянуться. Ее сердце словно сдавило тисками. «Я должна думать о Кионе, прежде всего о Кионе», — говорила она себе, входя в помещение, в котором царил полумрак.

— Акали! — позвала она. — Не бойся, это Мина! Светловолосая дама.

Иди ко мне, Акали!

Ориентируясь на свистящий звук дыхания, она прошла вперед и склонилась над огромной бочкой. Дрожа всем телом, в углу съежилась Акали. Эрмина погладила ее по плечу.

— Акали, ты была очень храброй сегодня, — сказала она на языке монтанье. — Я хочу забрать тебя с собой, вместе с Кионой. С тобой не будут больше плохо обращаться, обещаю тебе. Ты можешь мне доверять. У меня трое детей, которые будут с тобой дружить. Знаешь, как их имена? Мукки, Нутта и Нади! А мою лучшую подругу зовут Соканон. Она потеряла свою маленькую дочку, которой сейчас было бы столько же лет, сколько тебе. Я уверена, что она будет счастлива позаботиться о тебе, Акали. Ты хочешь поехать со мной?

Девочка подняла к молодой женщине лицо, на котором читалось недоверие со слабым проблеском надежды.

— Вы увезете меня отсюда?

— Да, я не хочу, чтобы тебя наказали. Я не смогу спать, если уеду, зная, что тебе причинят зло, — тебе, которая спасла Киону. Я так люблю свою младшую сестренку! Скорее пойдем со мной.

Акали встала и взяла ее за руку. Они добежали вдвоем до двуколки, стоящей у ворот. В нее был запряжен Шинук. Овид привязывал свою лошадь сзади.

— Что вы задумали, Эрмина? — удивился он, увидев Акали.

— Я спасаю хотя бы одну невинную душу из этого ада, — ответила она. — Поспешим, боюсь, как бы все эти фальшивые монахини не выбежали, чтобы вернуть ее.

Сестра Аньес устроила Киону на заднем сиденье. Овид взобрался на узкое место кучера и взял в руки вожжи.

— Я был уверен, что вы ее здесь не оставите, — бросил он.

— Мадам, вы просто ангел, спустившийся с Небес! — воскликнула молодая монахиня. — У Акали больше нет семьи, она проводит лето в пансионе. И будьте спокойны, не думаю, что кто-то осмелится вам помешать.

Эрмина ничего не ответила, лишь рассеянно улыбнулась сестре Аньес, усаживаясь между Кионой и Акали.

— И вы тоже бегите отсюда, — посоветовал Овид хрупкой монахине.

— Нет, благодаря вашему появлению Господь меня просветил. Я принесу больше пользы здесь, пытаюсь хоть немного облегчить судьбу наших пансионеров. Отныне я буду смелее. До свидания!

Шинук припустил рысью. Эрмина бросила вызывающий взгляд назад,

на суровый фасад здания. Она только что одержала маленькую победу в долгом и трудном сражении, которое собиралась вести и дальше.

Двуколка двигалась в хорошем темпе. Овид часто оборачивался, чтобы взглянуть на своих пассажиров и перекинуться парой слов с Эрминой, вглядываясь в ее красивое лицо и восхищаясь решимостью, которую она только что проявила.

— Киона так и не проснулась? — забеспокоился он, проехав километр.

— Нет, но я не удивляюсь. Это ее способ укрыться от того, что ее пугает.

— Но опасности больше нет! Она должна почувствовать ваше присутствие, узнать ваш голос...

— Может, она просто измучена, особенно если у нее действительно случился эпилептический припадок. Киона придет в сознание, когда сама этого захочет. Ей же нужно будет есть и пить.

Акали жадно ловила каждое слово. Несмотря на свое желание рассказать обо всем, что ей было известно, она предавалась чудесному чувству безопасности, которое ее убаюкивало. Омерзительное лицо главной монахини больше не прижмется к ее губам. Вечером брат Марселлен больше не будет трогать ее под платьем.

— Отдохни, милая, — шепнула ей на ухо Эрмина. — Нам еще долго ехать.

— Хорошо мадам, — поспешно ответила маленькая индианка. «Милая!» Это слово отозвалось в ней как самая красивая музыка. Никто и никогда ее так не называл. Это было нечто новое, странное, соответствующее тому приключению, которое она переживала.

Несколько минут спустя Акали уже спала с улыбкой на губах. Бледное личико Кионы с закрытыми глазами было грустным. Теперь молодые люди могли разговаривать более свободно.

— Даже боюсь себе представить, что ей пришлось пережить, — сказала Эрмина Оvidу. — Я больше никогда ее не оставлю, буду нежить ее и холить, постараюсь стереть из ее памяти ужасные воспоминания.

— Вам придется сообщить ей о смерти Талы. Каким это будет для нее ударом! А как вы собираетесь организовать свою жизнь в Валь-Жальбере? Дом у вашей матери, конечно, большой, но ведь речь идет о двух девочках.

— Я кое-что придумала. К тому же мама вряд ли долго выдержит Киону.

Заинтригованный, Овид снова обернулся.

— Почему?

— О! Вам я могу доверить секрет, который со дня на день все равно

станет всем известен. Киона — не только сводная сестра моего мужа, но и моя тоже. Она родилась в результате короткой связи моего отца с Талой. Это не было адюльтером, нет! История нашей семьи такая сложная, Овид! Расскажу вам ее вкратце. Мои родители не виделись семнадцать лет с тех пор, как оставили меня на крыльце монастырской школы Валь-Жальбера. Сначала я нашла маму, которая потеряла память и все это время была замужем за богатым промышленником из Монреала — оттуда ее нынешнее состояние. Затем, когда она собиралась выйти замуж за музыканта Ханса Цале, появился мой отец, считавшийся погибшим. Однажды вечером он нашел нас, но не подошел, скрывшись в ночи, так как болел туберкулезом и считал себя обреченным. Он не хотел мешать счастью своей бывшей жены. С Талой он встретился как раз в ту пору, когда в отчаянии скитался по лесам. Она позаботилась о нем, утешила его и даже вылечила. Мне кажется, она страстно его любила, но пожертвовала собой, отправив к своей сопернице Лоре, моей матери. Теперь вы знаете все. Когда Киона родилась, Тала представила нам ее сиротой, которую взяла к себе.

— Да эта история достойна романа. А ваш отец? Он знает?

— Разумеется! Однако его отцовский инстинкт проявился очень поздно, около двух лет назад. Он пообещал моей матери хранить все это в секрете, оставаясь крестным Кионы. Но мне уже надоела вся эта ложь. Я хочу крикнуть на весь мир, что эта необыкновенная девочка — моя сестра.

Горло Эрмины сдавило, и она замолчала. Ошеломленный, Овид принялся насвистывать мотив «Паломы». Киона сделала вид, что еще спит. Судьба или случай распорядились так, что она очнулась в начале рассказа молодой женщины. За несколько секунд девочка поняла, что спасена, что ее голова лежит на коленях Мины и что сейчас она узнает, кто ее отец. Бесконечное удивление перевернуло все ее мысли. «Жослин! А я даже не догадывалась. Интересно почему? Жослин Шарден! Вот почему он так часто меня обнимал прошлым летом и дарил столько подарков! И поэтому меня ненавидит Лора. А Луи мой брат! Мой сводный брат, как Мина».

Еще очень слабая, она принялась представлять лицо Жослина, его голос, походку, движения, но ей пока не удавалось испытать радость.

«Если бы он действительно меня любил, то сказал бы мне, что я его дочь... Но я все же рада, что теперь у меня есть отец».

Пока она думала об этом, снова послышался голос учителя, который задал другой вопрос укоризненным тоном:

— Почему ваша семья это скрывает?

— Так решила мама. Она считает, что детям не нужно знать правду. Моя мать — сложная натура. Иногда она бывает жесткой и эгоистичной, но

способна и на огромную щедрость и искреннее самопожертвование. Увы! Со временем ее характер лучше не становится. Она упрямится, как только речь заходит о Кионе. Делать нечего, она все простила моему отцу, но при одном условии: малышка никогда не должна узнать о своем происхождении.

Слово «происхождение» показалось Кионе неприятным. Она предпочла сконцентрироваться на образе Делсена. «Надеюсь, он уже далеко и сможет продолжать жить в лесу. Делсен...»

Она вновь погрузилась в благодатную дрему. Сон, который был ей так дорог и благодаря которому она подтолкнула Делсена к побегу, не заставил себя ждать. Они вдвоем купались в небольшом озере, окруженном елями. Они смеялись и брызгали друг в друга прохладной водой. Это происходило в будущем, через несколько лет, когда они уже были взрослыми или почти взрослыми. И они бросались друг к другу, чтобы обменяться поцелуем. Этого видения Кионе хватило, чтобы осознать всю важность юного индейца в ее будущей жизни.

Эрмина, с тревогой разглядывающая девочку, увидела, как та улыбнулась во сне. Этот явный признак внутреннего спокойствия обнадежил ее. Она даже не догадывалась, что девочка слышала большую часть ее рассказа.

— Овид, — тихо сказала она. — Киона улыбнулась. Бедная малышка! Возможно, я глупая, но меня так удручает, что ее обрили наголо! У нее были потрясающие волосы. Золотисто-рыжий водопад.

— Они отрастут, — ответил учитель. — Это меньшее зло в сравнении с остальным.

— Да, я же вам говорила, что я глупая.

— Вы храбрая женщина, верная своим обязательствам. Когда я увидел вашу стычку с этим братом Марселленом, всем своим видом источающим порок, я еле сдержался, чтобы не ударить его.

— Могли бы и ударить. Я уверена, что он принимал участие в истязании детей.

— В таком случае я вас разочаровал, — пошутил он с легкой горечью.

— О нет, Овид, я никогда не забуду, до какой степени вы поддерживали меня в этом испытании. Ваше дружеское участие давало мне необходимую энергию, ведь я не чувствовала себя одинокой. Вы были рядом.

Безотчетно она вложила в эти последние слова нежные нотки. По телу Овида пробежала дрожь. «Спокойно, дружище, — внутренне приструнил он себя. — Она испытывает к тебе только благодарность, ничего больше. И

ты не должен пользоваться ситуацией».

Гостиница в Перибонке, тот же день

Эрмина оставила фельдшерицу наедине с Кионой в лучшей комнате гостиницы Перибонки. Это была крепкая дама лет сорока, очень приятная на вид. Она пообещала осмотреть ребенка как можно деликатнее.

Сходя с ума от тревоги, молодая женщина нервно расхаживала по коридору. Маленькое окно выходило на набережную. Она подошла к нему и сразу увидела Овида и Акали. Учитель держал за руку девочку. Они оба следили за чайками, парящими над водой.

«Только что, — подумала Эрмина, — Овид сказал мне, что я поставила себя вне закона, похитив Акали. С Кионой я могу оправдаться, предоставить документы, но эту девочку я увезла с собой, не имея на то права. Ну и что! Никогда она не вернется в этот ад. Там правят безумцы, и я не хочу, чтобы ей причинили боль. Тошан был бы со мной согласен».

Эрмина поймала себя на мысли, что впервые за два последних дня вспомнила о своем муже. «Прости меня, любимый! У меня просто не было времени: меня затянул водоворот событий и эмоций. Эти странствия на лошади, две ночи, проведенные у костра, изменили меня, я была не совсем твоей Миной, твоей маленькой женушкой-ракушкой».

Она встряхнула головой и пригладила свои растрепавшиеся волосы, словно хотела прогнать недавние воспоминания, вызывавшие в ней волнение. Овид Лафлер был в их центре. «Это нормально, что я испытываю к нему такие чувства. Он проявил себя настоящим другом, деятельным, смелым, надежным». Но она прекрасно понимала, что лжет самой себе.

Фельдшер вышла из комнаты и сделала ей знак. Эрмина бросилась к ней, сердце ее сжалось.

— Ну что?

— Не беспокойтесь, девочка не подвергалась сексуальному насилию, — заверила ее женщина, немного смущенная подобной темой. — Но у нее наверняка трещина в ребре. Она вскрикнула, когда я надавила на один из ее ушибов. Я наложила ей повязку. Не волнуйтесь, мадам, в ее возрасте кости быстро срастаются. В первые дни ей будет немного больно дышать. И нужно стараться избегать резких движений. Но, я думаю, она скоро поправится.

У Эрмины словно камень с души упал. Она рассказала женщине, откуда приехала девочка, и та преисполнилась сострадания. Дрожа от

негодования, она воскликнула:

— Это просто возмутительно, что там творится! Я уверена, что эти братья и сестры — отбросы духовенства, их направляют на эти должности, чтобы избавиться от них, не думая о том, какой вред они могут причинить.

Эрмина была рада найти в ее лице союзницу. Ей вдруг захотелось обнять женщину прямо здесь, в темном коридоре: редко в последнее время ей встречались душевные люди.

— Спасибо, спасибо вам большое, что приехали так быстро! Я безумно переживала за свою сестру! То есть мою сводную сестру, но я люблю ее как родную дочь.

— Входите, ваша Киона вас ждет. Сейчас она пришла в сознание и хочет видеть вас. Какой у нее светлый взгляд! Янтарный! Он проник мне в самую душу, и она мне улыбнулась. Поразительная улыбка, прекраснее, чем рассвет над озером. Мне хотелось плакать и одновременно петь от счастья.

Услышав эти слова, Эрмина поняла, что бояться больше нечего. Киона была спасена.

Несколько минут спустя, попрощавшись и расплатившись с фельдшером, молодая женщина вошла в комнату. Киона с серьезным лицом сидела на кровати.

— Мина! — позвала она. — Моя Мина!

Эрмина подошла, не в силах сдержать слез, брызнувших из ее глаз. Она обняла девочку и прижала ее к своему сердцу.

— Моя любимая малышка, наконец-то ты со мной. Я больше не хочу никогда с тобой расставаться.

Киона уткнулась лицом в плечо Эрмины, обхватив ее шею тонкими руками.

— Я должна была остаться там. Поэтому и не просила тебя приезжать за мной, — призналась она, тоже заплакав. — Но ты правильно сделала, потому что я была недостаточно сильной, чтобы помочь другим детям. Они наказывали меня. Я их ненавижу, всех!

Рыдания сотрясали ее тело. Эрмина догадалась, что Киона дошла до предела своих сил, ощутила собственную беспомощность и теперь ей было стыдно за это.

— Милая моя, все закончилось, ты должна забыть об этом ужасе. Теперь ты будешь жить со мной, потому что...

Она не знала, как сказать ей о смерти Талы. Девочка слишком много страдала, чтобы вынести эту страшную новость.

— Я знаю, мама умерла, — вздохнула Киона. — Я ее видела, она

горела. Именно так она хотела уйти: в большом огне.

Не решаясь ответить, Эрмина лишь крепче обняла свою сводную сестру. За эти два года они редко бывали вместе. Молодая женщина успела отвыкнуть от странных способностей Кионы.

— Толстая дама, самая злая, украла мое ожерелье с амулетами, — пожаловалась девочка. — И тогда, Мина, когда меня в первый раз заперли в карцере, я увидела столько отвратительных вещей!

— Ты можешь мне о них рассказать, и мы поговорим об этом.

— Нет, — отрезала Киона. — Не сейчас.

В дверь постучали, и в комнату вошел Овид в сопровождении Акали, которая держала в руках сверток.

— Взгляни-ка, кто здесь! — весело воскликнула Эрмина. — Наш очень хороший друг месье Лафлер и твоя подружка Акали. Благодаря ей я смогла тебя вытащить из пансиона. Она тебя спасла!

Изобразив удивление так же, как она делала вид, что спит в двуколке, Киона широко улыбнулась. Она знала, что Эрмина взяла с собой ее подругу, поскольку видела ту, приоткрыв глаза в дороге.

— Месье купил нам красивые платья, — сказала Акали. — И новые туфли, и платки на голову! Никто не увидит, что у тебя нет волос, Киона!

— О! Спасибо, месье, — вежливо ответила девочка, устремив на него свой лучезарный взгляд.

— Нужно благодарить Эрмину — это она дала деньги. Я просто выбрал платья на свой вкус. Надеюсь, они вам понравятся, барышни. А вот эти анисовые конфеты я купил на свои последние сбережения.

Веселый тон противоречил драматичности этого заявления. Киона тихо ответила:

— Вы очень добры, месье.

Акали взяла бумажный пакетик и робко затеребила его в руках. Эрмина поделила сладости между девочками, пригласив свою новую подопечную занять место на кровати.

— Сегодня вечером, — продолжил Овид, — у нас будет вкусный ужин. Официантка сообщила мне меню: суп с фасолью и капустой, жареная курица с картошкой.

— Нужно будет дать им небольшие порции, — посоветовала молодая женщина. — Они слишком долго голодали и могут почувствовать себя плохо.

Не сводя глаз с обеих девочек, с восхищенным видом пробующих сладости, они тихо переговаривались. Не озвучивая своих мыслей вслух, они знали, что в эту секунду испытывают одинаковую радость и волнение.

— Я пойду в комнату, которую вы мне великодушно предоставили, — наконец сказал Овид. — Мне очень хочется помыться и отдохнуть. И вы сможете примерить свои платья, не стесняясь меня.

— Хорошо, до скорой встречи! Мы закажем ужин сюда.

Эрмина была рада остаться наедине с Кионой и Акали, даже если общество учителя было ей очень приятно. Казалось, девочки забавляются от души, непринужденно смеясь и болтая. «Словно они не пережили всего этого ужаса и мерзости. Возможно, они специально стараются об этом не думать, поскольку чувствуют себя вне опасности».

Это было именно так. Касаясь пальцем цветастой ткани своего платья, Киона то и дело вспоминала огромный пенис брата Марселлена и всякий раз испытывала тошноту. Чтобы оттолкнуть от себя ненавистное видение, она повторяла, что теперь у нее есть отец, Жослин. Хотя он ей совсем не нравился. Она считала его слишком старым и зачастую суровым.

Акали, которая была старше ее на четыре года, откровенно наслаждалась своей свободой. Ей было так страшно, так плохо в пансионе! Ее заставляли делать такие отвратительные вещи, что простой факт ее присутствия здесь, вдали от пансиона, возле красивой светловолосой дамы и Кионы, вызывал у нее эйфорию. Ей казалось, что в течение нескольких месяцев она была мертва, а сейчас неожиданно воскресла.

— Тебе очень идет этот платок, — сказала Эрмина, повязав его на бритой голове Кионы. — Хочешь взглянуть на себя в зеркало в шкафу?

— Нет, Мина! Я хочу, чтобы у меня были волосы, — жалобно сказала она и заплакала.

— Они быстро отрастут. Ты заметила, что у Акали волосы уже прикрывают уши и скоро она сможет заплетать косы? Я понимаю твою печаль, твое огромное горе. Ты потеряла маму, и эти люди из пансиона мучили тебя. Но только вдумайся! Тошан остриг себе волосы, чтобы отправиться на войну, а у него они всегда были длинными. Ты просто говори себе, что тоже вела войну против главной монахини и тебе пришлось пожертвовать своими прекрасными волосами, чтобы победить.

Эта небольшая речь, кажется, успокоила Киону. Эрмина баюкала ее на коленях, закрыв глаза, чтобы не видеть синяков на ее щеках.

Сидевшая на стуле Акали наконец решила все рассказать. Рассеянно глядя перед собой, она детскими словами поведала подробности своего личного ада, иногда упоминая о том, что приходится переживать другим пансионерам — девочкам и мальчикам. С особым энтузиазмом она рассказала о том, как Киона помогла ей избежать извращенных происков главной монахини, посоветовав произнести слова из Евангелия и

многократно перекреститься. Закончила она свое повествование рассказом о страданиях Тобы, семилетнего сироты.

— Он любимчик братьев, — смущенно добавила она.

Эрмина побледнела, во рту у нее пересохло, она не могла вымолвить ни слова. Ей на самом деле казалось, что она теряет веру в Бога, в церковь и ее святых. Все, что она узнала от сестер Бон-Консея о католической религии, теперь казалось ей бессмысленным. А ведь кроткая Мадлен, изнасилованная в восемь лет жандармом, стала глубоко верующим человеком.

— Мне так жаль! Я бы очень хотела увезти и Тобу тоже, — наконец произнесла она. — Обещаю тебе, Акали, сделать все возможное и невозможное, чтобы ситуация изменилась и чтобы эти монахи были наказаны. Овид думает так же.

— Этот месье ваш муж? — спросила Акали.

— Не говори глупости! — возмутилась Киона. — Мина замужем за моим братом Тошаном. Он сейчас воюет в Европе.

Эрмина покраснела. Она встала несколько поспешно и начала рыться в своей дорожной сумке.

— Мне нужно позвонить в Валь-Жальбер. А вы укладывайтесь вдвоем в кровать и читайте эти журналы. Я специально привезла их для тебя, Киона. Они вымокли из-за дождя, но в них есть красивые рисунки и захватывающие истории. Мама выписала их для моих дочек Мари и Лоранс, то есть Нутты и Нади.

Она протянула им четыре номера известного французского журнала «Лизетт»^[36]. Эрмине очень нравилось это издание, и она была рада предложить девочкам мир доброты и невинности, где взрослые не мучают детей.

— Я скоро вернусь, и мы поужинаем здесь, в этой уютной комнате.

Эрмине хотелось бы обладать волшебной палочкой, чтобы стереть из памяти этих двух малышей все, что им пришлось пережить. От терзавшего ее отвращения нервы были на пределе. Направляясь к телефонной кабинке через холл гостиницы, она бросала подозрительные взгляды на сидевших за столиками людей, словно после того, как узнала правду о некоторых духовных лицах, угроза могла исходить от кого угодно. Овид пил чай, облокотившись на стойку бара. Он увидел, как она быстрым шагом прошла мимо в ореоле своих роскошных светлых волос, в тонком свитере, обтягивающем грудь.

— Черт! — выругался какой-то мужчина. — Вот это красotka!

Учитель вздохнул. С каждым часом он влюблялся в Эрмину все

больше. Смирившись со своим страданием, он поджидал возвращения молодой женщины. Она вернулась довольно быстро. Щеки ее покраснелись, чувственные губы приоткрылись, обнажив перламутровые зубы. Она без колебаний подошла к нему и коснулась рукой его руки.

— Дело сделано, — сказала она. — Я предупредила мать. Она передаст новость отцу, он еще в больнице. И я организовала наш приезд.

— Могу я узнать подробности? — шутливо спросил он с обезоруживающей улыбкой.

Она заметила, что он побрился и надел свежую рубашку. Даже его бледность казалась ей привлекательной. Овид не отличался особой красотой, но взгляд его зеленых глаз излучал такое обаяние, что у нее закружилась голова.

— Я расскажу вам о своих планах завтра на корабле.

— Я не поплыву на корабле, Эрмина. Мне предстоит неприятная задача доставить двуколку к воротам пансиона и вернуться домой верхом; я также должен привести вашего Шинука.

— И о чем я только думаю! Овид, если бы вы знали, что я только что услышала! Киона еще молчит, но Акали уже нужно было выговориться. Я чувствую себя совершенно уничтоженной и даже хуже. Повторить вам эти мерзости я не смогу.

— Дорогая Эрмина, я вижу, вы потрясены. Идите скорее к девочкам.

В полном смятении она покорно пошла, раздираемая желанием приглядеть за Кионой и Акали и настойчивой потребностью остаться с молодым учителем. «Господи, что со мной творится? — всполошилась она, остановившись посреди лестницы. — Я думаю только о том, чтобы оказаться в объятиях Овида, почувствовать его рядом с собой. Но ведь я люблю Тошана, своего мужа! Зачем он уехал?! Я уже ничего не понимаю!»

Прежде чем войти в комнату, она прислонилась к стене в коридоре. «Всего за несколько дней мой привычный мир перевернулся. Вернувшись в Роберваль, я узнала о смерти Талы, и папа умолял меня разыскать Киону. У меня не было времени ни оплакать свою свекровь, ни толком побыть с детьми. Эти три месяца в Квебеке с Шарлоттой и Мадлен прошли одновременно и быстро, и медленно. Я репетировала, пела, ужинала и ложилась спать. Когда я пыталась представить Тошана на корабле или в Европе, я видела его только со спины, похожего на других солдат. И он так мало мне пишет! Но разве это достаточный повод для того, чтобы потерять голову от обаяния и доброты первого встречного? Нет, Овид не первый встречный. Он образован и умен, увлекается литературой. И потом, вот уже несколько лет он посвящает себя индейским детям, ездит по резервациям,

чтобы обучить их грамоте и математике. И он так же, как и я, полон решимости бороться, чтобы добиться скорейшего закрытия этих ужасных пансионатов».

Она вздохнула, одновременно счастливая и удрученная. Овид был наделен массой достоинств, но, признавая их, она все же корила себя за излишний интерес к нему.

«Я не могу с собой справиться. Это сильнее меня. Я постоянно думаю о нем... Но этого нельзя делать!» Она вспомнила их первую встречу три года назад. Уже тогда она подумала, что, возможно, была бы счастливее с таким мужчиной, как он. И сегодня потрясенно думала то же самое. «Нет, нет, я возьму себя в руки. Это какой-то бред. Я слишком устала, чтобы мыслить здраво».

Немного успокоившись, Эрмина открыла дверь. Киона и Акали спокойно читали, забравшись под теплое одеяло.

— Я не надолго вас оставила? — спросила она.

— О нет, Мина! — ответила Киона. — Мне так нравится «Лизетт»! Ты позвонила в Валь-Жальбер? Скажи, с кем ты разговаривала? Со своим отцом или матерью?

— Я сообщила хорошую новость всей семье: ты цела и невредима.

— А ты сказала им, что Акали едет с нами? — встревожилась Киона. — Лора вряд ли будет рада. Мина, я не хочу жить у твоей матери.

С лукавым выражением лица молодая женщина присела на край кровати.

— Завтра вечером у нас троих будет свой дом.

— Это тот, который в Робервале? Он мне не нравится, Мина.

— В любом случае я больше не сдаю его семейству Дуне^[37]. Там теперь живет очень серьезная супружеская пара. Я попросила Шарлотту предоставить в наше распоряжение свой дом в Валь-Жальбере, в котором она сделала ремонт еще в начале войны.

Акали внимательно слушала, ошеломленная всеми этими именами. Она немного опасалась знакомства с таким количеством людей.

— А кто такая Шарлотта? — осмелилась спросить девочка.

— Одна красивая темноволосая девушка, которую мы с мамой взяли к себе, когда она была твоего возраста. Она тогда почти не видела, но операция помогла вернуть ей зрение. Для меня она как сестра.

— У тебя так много сестер и подруг...

— Этот дом Шарлотта обустроивала, собираясь жить там вместе со своим будущим мужем Симоном, но свадьба не состоялась. Никто там не живет, и это очень прискорбно. Там мы и поселимся, когда приедем. В доме

четыре комнаты на втором этаже. Мадлен с Шарлоттой приготовят их к нашему приезду.

Эрмина еще раз порадовалась, что ей пришла в голову эта идея, поскольку Киона тут же успокоилась. Даже похудевшая, с синяками на щеках, девочка казалась необычайно красивой в платке, подчеркивающим ее совершенные черты лица и открывающем лоб. Ее золотистые глаза казались еще больше.

— Я буду читать дальше, Мина, — важно сказала она.

Молодая женщина только сейчас поняла, до какой степени девочка была грустной. Она пообещала себе баловать ее, научить вновь быть счастливой.

Ужин, на который был приглашен Овид, прошел в довольно веселой атмосфере. Стараясь развлечь детей, учитель нашел интересную тему для разговора. Он перечислил всех диких животных этих мест, по очереди расспрашивая Акали и Киону.

— Видели ли вы волков?

— О да, месье, и не раз! — заверила его одна девочка.

— А медведей?

— Тоже. Они бродят по ночам в полнолуние, — воскликнула другая.

Список продолжили рыси и лоси. Эрмина рассказала, как однажды в рождественский вечер волки вплотную подошли к дому ее матери в Валь-Жальбере.

— Мы возвращались из церкви, где я пела, и пригласили к себе аббата Деганьона и наших соседей Маруа. Когда мы подошли к крыльцу, Мирей, наша экономка, испуганно вскрикнула. Она показала пальцем на двух крупных волков с густой серой шерстью клоками, которые стояли шагах в тридцати от нас, в темноте. Жозеф Маруа поднял свою палку и начал ею размахивать, громко крича. Волки убежали, но все очень испугались. А когда ты была еще младенцем, Киона, мне довелось встретиться с большим черным медведем, воровавшим у нас продукты на берегу Перибонки.

— Правда? — удивилась Киона. — И что же ты сделала?

— Я — ничего. Медведь, старый самец, встал на задние лапы и поднял свою черную морду, испачканную в муке. Наш славный пес Дюк угрожающе зарычал на него. Я была напугана, но знаете, кто прогнал непрошеного гостя?

— Нет, скажи, — попросила Киона.

— Пронзительные крики Мари-Нутты, которая требовала свою порцию молока! Мадлен пыталась ее накормить, чтобы она замолчала, но этой голодной малютке было всего несколько месяцев, и она визжала от

нетерпения. Черному медведю явно не понравились звуки такой высоты.

Обе девочки рассмеялись. Овид тоже выглядел довольным, так как он был рад узнать чуть больше о жизни Эрмины.

Акали ела с аппетитом, восхищенная всеми этими историями, приоткрывающими перед ней другой мир, полный красок и предстоящих сюрпризов, куда ее совсем недавно пригласили войти. Она никак не могла поверить, что с ней случилось такое чудо. Всю свою жизнь маленькая индианка будет вспоминать об этом ужине в гостинице Перибонки, где она лакомялась жареной курицей и блинами с кленовым сиропом, больше не опасаясь своих палачей.

Овид заказал себе пива. Эрмина тоже выпила несколько глотков.

— Благородные дамы не пьют алкоголь, — пошутил учитель.

Но он с удовольствием слушал ее тихий, мелодичный смех, смягченный присутствием девочек.

— Думаю, самое время ложиться спать, — сказал он после десерта. — Желаю вам доброй ночи, барышни, мадам!

Он склонился в реверансе и вышел.

— Какой он все-таки забавный, этот месье! — зевая, сказала Акали.

— Как бы я хотела иметь такого отца, как он! — вздохнула Киона, бросив печальный взгляд на Эрмину.

Молодая женщина, казалось, не обратила на это внимания. Она помогла девочкам раздеться, уложила их в кровать и закутала в одеяло. Затем погасила люстру, оставив гореть лампу на ночном столике.

— Сладкого вам сна, милые мои. Я буду спать рядом с вами, на этой раскладушке. Завтра мы сядем на корабль. Он отплывает от пристани в полдень. У нас еще будет время прогуляться по городку.

Она нежно поцеловала детей. Ей было неизмеримо приятно видеть их здесь, под своей защитой, вдали от того ада на земле, которым являлся пансион. Девочки уснули очень быстро. Эрмина подошла к окну. Ночное небо было ясным, с редкими вкраплениями звезд. Лунный серп отражался в темных водах реки Перибонки, по которой пробегала рябь. Пришвартованные лодки покачивались на волнах.

«Мой край, мой любимый край, — подумала она. — Сколько лет я люблюсь этими озерами, горами, а за ними Роберваль, Валь-Жальбер».

По набережной шел мужчина. Это был Овид. Он поднял голову и заметил ее у окна. Она отпрянула, потом, посчитав свой поступок глупым, вернулась назад, чтобы помахать ему рукой. Но учителя уже не было.

«Видимо, он вышел прогуляться, а теперь вернулся в гостиницу».

Она услышала звук шагов на лестнице. Сердце ее забилось сильнее, и,

подчиняясь скорее какому-то импульсу, а не рассудку, она тихо подошла к двери комнаты и выскользнула в коридор. Овид с ключом в руке стоял возле другой двери примерно в трех метрах от нее.

— Я хотела пожелать вам доброй ночи, — сказала она, приближаясь. — Погода наладилась, дождя нет.

— Я привык прогуливаться перед сном. Мне нравится это место, берег реки, аромат ветра, плеск воды у пирса.

Она сделала еще два шага и оказалась в опасной близости от мужчины. Его лицо было таким же грустным и серьезным, как у Кионы.

— Эрмина, вы измучены, ложитесь спать. Я сделаю то же самое в чересчур широкой для меня кровати.

— Я совсем не устала, — тихо возразила она. — Овид, я вас еще толком не отблагодарила. Без вас Киона могла умереть, и я оплакивала бы ее всю оставшуюся жизнь.

Она взглядывалась в лицо Лафлера, взволнованная его бледными губами, тонким носом, изгибом бровей... Светло-русская прядь закрывала его высокий лоб. Инстинктивным движением она отодвинула ее. Тело Эрмины дрожало от желания этого мужчины, а рассудок превратился в пустыню, где больше не было ни Тошана, ни Лоры и Жослина, ни ее детей — никого. Ей казалось, что она осталась одна, но не одинокая, а независимая впервые за всю свою жизнь и свободная, абсолютно свободная, на краю света, где не нужно ни перед кем отчитываться.

— Овид, — прошептала она. — Я не могу...

— Что вы не можете? — настороженно спросил он.

— Уйти от вас здесь, сейчас.

— Это будет более разумно. Сюда может подняться какой-нибудь постоялец и застать нас здесь, посреди коридора.

— Тогда давайте войдем в вашу комнату, только на одну секунду, прошу вас, — взмолилась она, положив руки ему на плечи. — Мне нужно с вами поговорить.

Он отрицательно покачал головой и попытался ее оттолкнуть. Однако это стоило ему нечеловеческих усилий. Эрмина была неотразима со своими опьяняюще-ясными глазами, розовым ртом, растрепанными волосами, мягкими, блестящими, белокурыми. Он старался не думать о ее теле, на секунду прижавшемся к нему, о ее груди, животе, об источнике наслаждения между бедрами. Еще немного, и он не сможет справиться со своей страстью, порывы которой сдерживал уже три дня.

— Пожалейте меня, Эрмина, перестаньте подвергать такой пытке, — простонал он. — Вы прекрасно знаете, что мы не должны этого делать!

Нам нельзя входить в мою комнату. Я не святой, а вы мне слишком нравитесь.

Потеряв голову от этих недвусмысленных слов, от того, как он отпрянул назад, она бросилась ему на шею и прижалась щекой к его щеке, затем, более дерзкая, чем он, поцеловала. Его губы были теплыми и нежными. Ему оставалось лишь ответить на этот поцелуй со сдержанной страстью, тем не менее ощутимой. Молодая женщина, закрыв глаза, почувствовала, как ее наполняет желание. Жаркие волны, похожие на электрические разряды, пробежали по всему ее телу.

— Эрмина, прошу вас, давайте остановимся, — сказал он, снова пытаюсь отстраниться. — Я мог бы завести вас в эту комнату и был бы счастливейшим из мужчин, обладая вами пусть даже только одну ночь. Возможно, вы получили бы удовольствие, но завтра... Зная вас, я уверен, что завтра утром вы пожалеете о своем временном помешательстве. Хуже того: если это произойдет, я запрещу себе с вами видеться. А на это я не могу пойти. Я предпочитаю остаться вашим другом и иметь право и удовольствие видеть вас, ужинать с вами, вести рядом с вами борьбу, на которую мы решились.

Овид сумел подобрать нужные слова. Она согласилась, что, если они пойдут на поводу своего желания, на следующий день их замучает совесть и, по обоюдному согласию, они перестанут видеться. Тем не менее он снова прижал ее к себе, положив ладони на ее округлые бедра. Эрмина вздрогнула всем телом от почти животного счастья. Но пальцы молодого учителя уже медленно поднялись по ее спине, чтобы погрузиться в шелковистые волосы. Наконец он погладил ее ладонью по лицу, как сделал бы слепой, желая навсегда запечатлеть в памяти любимые черты.

— Откройте свою дверь, — взмолилась она. — Кто-то поднимается по лестнице, я боюсь, что нас увидят вместе.

Он подчинился, охваченный таким сильным возбуждением, какого никогда еще не испытывал. Эрмина скользнула в комнату, где царил спасительный полумрак. Он вошел следом за ней. Они снова обнялись, пошатываясь, их губы слились в поцелуе. Ощущение одежды на теле было невыносимым, и она принялась расстегивать свой жилет. Ей не терпелось ощутить губы Овида на своей груди, животе, слегка округлившемся после нескольких беременностей.

— Теперь слишком поздно, я вас не отпущу, — выдохнул он голосом, изменившимся от возбуждения.

Она легла поперек кровати. Для вечера она надела юбку и чулки, с облегчением расставшись со своими промокшими от дождя брюками.

Молодой человек упал на колени и потерся лицом о ее бедра, опьяненный тонким женским ароматом. Она с трудом сдержала крик, но выгнулась еще больше, задыхаясь, просто умирая от желания.

— Вы красивы, вы так красивы, — тихо произнес он, выпрямляясь, чтобы полюбоваться ее грудью с сосками цвета клубники. — Как я мечтал о вас!

Он подкрепил это признание нежным, долгим поцелуем. Эрмина открывала его для себя кончиками пальцев. Его стройный торс покрывали мягкие курчавые волосы, кожа была шелковистой.

— Я тоже, — прошептала она, дрожа всем телом.

Овид не торопился входить в нее, щедро осыпая ласками. Она себя уже не контролировала, извиваясь под ним, горячая и ослабевшая. Ее дыхание стало прерывистым.

— Сейчас, да, сейчас! Сейчас! — взмолилась она.

В эту секунду тишину разорвал пронзительный крик. Он раздался совсем близко. Учитель встал, моментально отрезвленный. Молодая женщина последовала за ним. Крик повторился.

— Это кто-то из девочек, — пробормотала она. — Боже мой, а меня нет рядом!

Она быстро оделась и бросилась в коридор с растрепанными волосами. Акали кричала во сне, размахивая руками.

— Нет, нет, я не хочу, пожалуйста! — испуганно повторяла она.

Эрмина скользнула под одеяло. Она наклонилась к девочке и погладила ей лоб.

— Мама? — позвала Акали, щуря глаза.

— Нет, это я, Мина. Тебе нечего бояться, я с тобой.

Тут же успокоившись, маленькая индианка прижалась к ней, еще вздрагивая от рыданий. В эту секунду проснулась ничего не понимающая Киона.

— Акали приснился кошмар. Спи, моя дорогая! Все хорошо. Мы в гостинице Перибонки, ты помнишь?

— Да, я знаю, — ответила Киона. — А где ты была?

— Здесь, на раскладушке возле шкафа, — солгала Эрмина. — Но теперь я буду спать между вами. Подвигайся ко мне.

Сонная Киона послушно прижалась к ней, уткнувшись в подушку. Акали уже успокоилась. Эрмина повторяла:

— Все закончилось, никто не причинит тебе зла, я с тобой.

Сердце ее бешено колотилось, было трудно дышать. Она резко вернулась в реальность, туда, где нельзя бросаться в объятия другого

мужчины, стремиться к удовольствию, слушать свои чувства. Она взволнованно подумала об Овиде, который, должно быть, сожалел об инциденте. «Возможно, он будет меня ждать, — сказала она себе. — Нет, он прекрасно знает, что я не вернусь. И раз мы не сделали ничего плохого, я его еще увижу».

Это значило продолжать идти по опасному пути, но Эрмина на это решилась. Она будет играть с огнем, поскольку Овид того стоит.

«Он борется с несправедливостью, защищая невинные души, и я им восхищаюсь. Это не запрещено — восхищаться такими людьми!» Но в глубине души она испытала облегчение. Ее место сегодняшней ночью было здесь, в этой кровати, между Кионой и Акали.

Глава 8

Овид Лафлер

На озере Сен-Жан, вторник, 29 сентября 1942 года

Эрмина сидела на скамье, Киона рядом с ней. Белый корабль, везущий их в Роберваль, быстро скользил по синей воде широкого озера Сен-Жан. В этот день на борту было очень мало пассажиров, и, поскольку девочка в основном молчала, Эрмина смогла полностью погрузиться в свои мысли. Акали, опьяненная обретенной свободой, гуляла по палубе, пообещав быть осторожной.

Исполняя фигуры высшего пилотажа, за судном следовали чайки, и их распахнутые крылья четко вырисовывались на фоне неба.

«Овид выглядел очень грустным, когда мы с ним прощались. Простое рукопожатие и ничего больше, тогда как накануне я, полуобнаженная, наслаждалась его поцелуями. Как я могла до такого дойти? Ни один мужчина, кроме Тошана, не касался моей груди, не целовал мой живот. Боже мой! Похоже, вчера я совершенно потеряла голову! Видимо, во всем виновато пережитое волнение. За несколько часов я испытала столько потрясений, особенно когда обнаружила Киону в ужасающем состоянии и попыталась вытащить ее вместе с Акали из этого пансиона... И этот кошмар, который я услышала от бедной девочки. Перед Овидом, живым воплощением доброты, преданности, храбрости, нежности, я позволила растаять своему сердцу... и телу. И мне даже не стыдно. Это было так приятно, так восхитительно!»

Она подумала о Бетти Маруа, своей второй матери, трагически скончавшейся при родах три года назад. Эта серьезная, набожная женщина, прекрасная хозяйка, полностью преданная своей семье, совершила грех прелюбодеяния с неким Полем Трамбле — настоящим бандитом без чести и совести. «Бедная Бетти! Когда она мне в этом призналась, я сурово ее осудила. Несчастная пыталась оправдаться, она говорила мне о неконтролируемом влечении к этому грязному типу, а я, оскорбленная до глубины души, не хотела ее слушать! А ведь я ничем не лучше. У Бетти были на то свои причины. Жозеф далеко не подарок. Он скуп, резок, ворчлив и любит выпить».

— Мина, о чем ты думаешь? — внезапно спросила Киона, беря ее за руку.

— О! Я просто смотрю на птиц и приглядываю за Акали. Но она послушная девочка, далеко не уходит.

— Ты хорошо сделала, Мина, что забрала ее тоже, — тихо сказала девочка. — Но ведь за остальными детьми никто не приедет!

— Я знаю, Киона, и это меня очень огорчает.

— Да, я знаю. Меня тоже, — вздохнула девочка.

Она замолчала и задумалась. Эрмина не решалась расспрашивать ее о том, что ей пришлось пережить. Ее женская интуиция и чувствительность подсказывали, что Киона еще не была готова к разговору. Однако одна деталь ее заинтриговала, и она спросила непринужденным тоном:

— Ты посоветовала Акали, если к ней снова начнет приставать главная монахиня, процитировать ей слова Иисуса и перекреститься. Как ты до этого додумалась?

— Кто-то сказал мне это в моей голове. А Мадлен мне часто читала Евангелие зимними вечерами.

— Но ты тогда была совсем маленькой, — удивилась Эрмина. — А в последние два года Мадлен проводила с тобой мало времени.

— Ладно, я солгала, — сдалась Киона. — Я сама прочла историю Иисуса. Стащила книгу в школе Роберваля. Я несколько раз ее перечитывала тайком от мамы. Я люблю Иисуса. Думаю, что это он мне помог в пансионе. Ему просто пришлось это сделать, Мина, потому что сестрам и братьям было плевать на него и его слова. Они вовсе не священнослужители, а настоящие демоны!

Эти необычные слова взволновали молодую женщину. Ничто не могло быть простым и заурядным с Кионой, которая была слишком юна для того, чтобы контролировать свои видения и развитый не по годам интеллект. Девочка говорила об ужасных вещах с невозмутимым видом, что вызывало у окружающих дискомфорт.

— Демоны существуют, Мина, — добавила она. — Мой дед-шаман рассказывал мне об этом. Но Иисус может их оттолкнуть.

— Конечно, моя дорогая, — согласилась Эрмина, прижимая ее к себе.

Они замолчали, наслаждаясь этим моментом нежности. Прибежала Акали.

— Мадам, я видела, как рыба выпрыгнула из воды! Пойдем погуляем вместе, Киона. Волны такие красивые!

— Нет, мне не хочется. Лучше я останусь с Миной.

По щекам девочки потекли крупные слезы. Она вытерла их дрожащей

рукой. Теперь, когда опасность миновала, ее душу заполнила печаль.

— Мама умерла, — жалобно сказала она. — Я бы так хотела ее увидеть!

От этого душераздирающего признания сердце Эрмины сжалось. Глядя на маленькое страдающее личико, она тут же забыла о собственных сомнениях, сожалениях и угрызениях совести.

— Моя любимая девочка, иди ко мне! Плачь, ты имеешь право плакать. Ты потеряла свою маму, мне очень жаль. Мне тоже тяжело, ведь я так любила Талу!

Акали, наблюдавшей за этой сценой, стало стыдно за свою радость. Она села на скамейку и сложила руки на коленях.

— Ты была такой храброй, милая! — продолжила молодая женщина. — Тебя отобрали у матери и заперли в ужасном месте, а ты думала о том, как помочь другим детям. Ты никогда не забудешь свою маму, тебе долго будет ее не хватать, но я останусь с тобой, я тебя больше не покину. Скоро ты встретишься с Мукки, близняшками и Луи! Они сделают все, чтобы утешить тебя. Мы твоя семья, Киона.

Закрыв глаза, прижавшись к груди Эрмины, девочка беззвучно плакала. Она решила не отвечать, не рассказывать о том, что знала, что предвидела. «Ты все же покинешь меня, Мина. И тот, кто оказался моим отцом, Жослин, будет страдать из-за меня. И Луи тоже. Как бы мне хотелось прямо сейчас стать взрослой, чтобы найти Делсена и купаться с ним в том озере в лучах солнца! Только тогда я буду счастлива, но не раньше».

Валь-Жальбер, тот же день

Черный автомобиль Шарденов, сверкающий чистотой, с отполированными до блеска хромированными деталями, медленно ехал по улице Сен-Жорж. Лора отправила своего соседа и друга Жозефа Маруа в Роберваль, чтобы привезти домой Эрмину и девочек. Акали, никогда раньше не ездившая на машине, сидела, прилипнув носом к стеклу. Ей не терпелось увидеть дом, где она будет жить с Кионой и другими детьми.

«Мама прислала Жозефа, — подумала молодая женщина, растроганно созерцая свой любимый городок. — Могла бы и сама нас встретить. А папа? Я не сочла нужным навестить его в больнице. Боюсь, он испытает шок, увидев Киону в таком состоянии».

Обычно молчаливый, Жозеф разговаривал всю дорогу, в основном

расхваливая замечательную идею Лоры открыть частную школу для детей.

— Мадемуазель Андреа — квалифицированный преподаватель, — восторгался он. — Железная рука в бархатной перчатке, как говорят французы. Мари сильно продвинулась с тех пор, как ходит на ее уроки. Но сегодня детям дали выходной, чтобы они тоже могли вас встретить.

Эрмина объяснила Акали, кто такая Мари.

— Месье рассказывает про свою дочку. У нее такое же имя, как у одной из моих близняшек. Поэтому моя Мари решила называться Мари-Нуттой. А потом и просто Нуттой.

Машина проехала мимо монастырской школы, величественное строение которой прекрасно вписывалось в окружающий пейзаж. Погода стояла ясная, пурпурное солнце, предвещавшее бабье лето, озаряло холмы, поросшие елями и кленами. Решающий момент приближался.

— Мы сейчас зайдем к моим родителям, — сказала Эрмина Акали. — А потом отправимся к нам домой. Киона, ты хорошо себя чувствуешь?

Ее сестренка сидела бледная, с мрачным взглядом и поджатыми губами. Она молча кивнула.

— Держись, моя девочка, — подбодрила ее Эрмина. — Ты знаешь, что у нас теперь есть пони? Ты сможешь ездить на нем верхом.

Эта новость, похоже, воодушевила Киону. Она улыбнулась.

Лора поджидала прибытия автомобиля. Стоя у окна, выходящего во двор, она готовилась как можно приветливее принять Эрмину и обеих девочек. В доме каждый получил конкретные указания. Детям она порекомендовала не показывать свое удивление при виде Кионы.

— У нее бритая голова, на лице синяки, треснуло ребро. С ней нужно быть деликатнее. Я не хочу услышать ни одного слова, которое могло бы ее расстроить.

Мирей напекла оладий на полдник и заварила много чаю. Шарлотта и Мадлен должны были ждать в бывшей детской в компании мадемуазель Дамасс.

— Если их встретит слишком много народу, когда они войдут, — сказала Лора, — будет очень шумно, а я не хочу тревожить этих маленьких страдалец.

Несмотря на свой вспыльчивый нрав, она обладала бесценными качествами, зачастую незаметными за ее капризами. Она не выносила, когда кто-либо посягал на невинные души. Поэтому женщина искренне жалела Киону. Антипатия, которую она испытывала к странной девочке, объяснялась лишь одним, по ее мнению, важным пунктом: ребенок родился

от связи Талы и Жослина. Отчаянно ревнуя, она так и не смогла с этим смириться. Но теперь прекрасная индианка умерла, и все ее мысли были заняты здоровьем Жослина. Поэтому Лора сложила оружие.

— Ты просто ангел, дорогая, что вытащила меня из больницы, — раздался голос мужа за ее спиной.

— Это нормально, Жосс. В любом случае за тобой здесь лучше ухаживают. И Эрмина будет довольна, что ты здесь.

— Если только мое сердце выдержит шок от встречи с Кионой. Подумать только, ее били и держали в карцере!

Все больше нервничая, Лора покусывала ногти. Она с жалостью взглянула на своего мужа: он был так слаб...

— Держись, Жосс. Я люблю тебя и не хочу потерять. Везде война. Мы должны поддерживать мир хотя бы в нашем доме.

Услышав шум мотора, оба вздрогнули. Лора прижалась лицом к стеклу.

— Господи, вот они! Делаем, как договорились. Я выйду встречать их на крыльцо, одна.

Жослин согласно кивнул. Он все равно не мог сдвинуться с места от волнения, в горле стоял ком.

Эрмина вышла из машины первой. Она сразу же увидела под козырьком свою мать с копной светлых волос, в скромном платье из серой шерсти.

— Пойдемте, мои хорошие, — мягко сказала молодая женщина.

Она направилась к дому, держа девочек за руки. Жозеф Маруа не пошел за ними сразу, он закурил трубку.

— Добро пожаловать в Валь-Жальбер! — произнесла Лора с почти робкой улыбкой.

Мать Эрмины не смогла ничего добавить, охваченная безмерной жалостью. Она с трудом узнала Киону в этой маленькой изможденной девочке с бледной кожей, кровоподтеками на щеках. Под розовым платком угадывался бритый череп. Акали выглядела чуть лучше со своими черными, очень жесткими волосами, закрывающими затылок. Обе девочки были одеты в нарядные платья.

— Эрмина, дорогая, какой у тебя усталый вид! — наконец вымолвила она, обнимая дочь. — Входите! Здравствуй, Киона, здравствуй, Акали! Пойдемте в гостиную. Кое-кому не терпится вас увидеть.

Киона ничего не ответила. Ее сердце билось очень сильно. Она представляла Лору жестоким врагом, но ничего плохого от этой женщины не исходило. Акали еле слышно поздоровалась, ослепленная красотой

дома, в который она попала.

— Папа, ты здесь? — удивилась Эрмина, увидев своего отца. — А я еще раздумывала, не стоит ли заехать к тебе в больницу.

Жослин поднялся с кресла. На нем были халат из шотландской шерсти и мягкие домашние туфли. Эрмине показалось, что он постарел на десять лет всего за неделю. Он взволнованно обнял ее.

— Спасибо, доченька, что привезла Киону, — тихо сказал он, показывая взглядом на девочку. — Бог мой! Бедная малышка! Ее просто не узнать.

Стараясь дышать ровнее, он повернулся к девочке и знаком попросил подойти.

— Здравствуй, моя милая, подойди, поцелуй своего крестного! — попросил он неуверенным голосом. — Я ждал тебя с таким нетерпением и очень тревожился за тебя. Теперь ты здесь, и мы все будем о тебе заботиться.

— Здравствуйте, месье, — ответила Киона, не сдвинувшись с места.

Она смотрела на него холодно и недоверчиво. Он был потрясен этим безжалостным взглядом. Если что-то и осталось прежним в Кионе, так это ее янтарные глаза, порой такие же загадочные, как у волков.

Удивленная сдержанностью своей подруги, Акали робко улыбнулась Жослину. В гостиную вошла Мирей с блюдом оладий в руках. Улыбчивая, румяная, она одним своим видом могла разрядить обстановку.

— Полдник накрыт, барышни, — сообщила она, подмигивая обеим девочкам. — Теперь, когда вы здесь, мы можем позвать детей, а то они уже потеряли последнее терпение. Не так ли, мадам?

— Так, Мирей, — мягко ответила Лора. — Я этим займусь.

Она направилась к коридору. Воспользовавшись паузой, Эрмина расцеловала экономку.

— Ах! Моя Мими! — воскликнула та. — Ты выглядишь как побитая собака, вся бледная, с черными кругами под глазами. Но я поздравляю тебя, ты сделала все, что нужно. Ну что, мои хорошие, поцелуете старушку?

Киона всегда испытывала симпатию к Мирей. Она без колебаний подошла к ней и обняла под растерянным взглядом Жослина, который рассчитывал на такую же встречу. Акали переминалась с ноги на ногу, разглядывая безделушки, красивые гардины в цветочек, люстру с хрустальными подвесками, ковры, резную мебель. Топот, раздавшийся на лестнице, отвлек ее от восхищенного созерцания. Ее взору предстал темноволосый мальчик с золотистым цветом лица, крепкий и стройный, который радостно воскликнул:

— Мама! Киона!

За ним появились две девочки, очень похожие друг на друга, со светло-русыми волнистыми волосами и серо-голубыми глазами.

— Мукки, Нутта и Нади, то есть Лоранс, — произнесла Эрмина, обнимая своих троих детей и одновременно представляя их Акали.

Они расцеловали ее в обе щеки, затем в едином порыве устремились к Кионе. Вспомнив в последний момент о рекомендациях бабушки, Мукки тут же успокоился.

— Привет, я очень рад, что ты дома, — сказал он, лучезарно улыбаясь.

— Мы с Нуттой тоже, — добавила Лоранс. — Мы будем заботиться о тебе, Киона.

Добрая и преданная натура Лоранс проявлялась все очевиднее. А своенравная Нутта присмирела от сострадания, увидев Киону, которую считала своей сестрой.

— Теперь я буду тебя защищать, — заявила она. — Больше никто не посмеет тебя обидеть.

Появилась Лора, подтолкнув к девочке своего сына Луи. Дети посмотрели друг на друга и одновременно заплакали.

— Мой ангел, какая ты некрасивая, — удивленно и жалобно произнес он.

Для Луи с самой первой встречи Киона была ангелом, сотканным из золота и света. Ее сегодняшний вид так жестоко ранил его душу, что он не смог сдержать рыданий, бессильно опустив руки. Жослин, не в силах справиться с волнением, отвернулся.

— Ну-ка, перестаньте реветь! — воскликнула Мирей. — Вы что, хотите, чтобы мои оладьи стали солеными? Месье, садитесь за стол, я налью вам рюмочку бренди.

Эрмина приласкала Киону, и та улыбнулась Луи. В эту самую секунду Акали, глаза которой разбегались, заметила молодую женщину своего народа в сером платье с белым воротником, с волосами, заплетенными в две густые черные косы. Это была Мадлен. Они с Шарлоттой бесшумно спустились по лестнице и стояли у входа в гостиную.

— Ты Соканон? — осмелилась спросить Акали на языке монтанье.

— Да, ты угадала, — ласково ответила Мадлен. — Мне не терпелось с тобой познакомиться, Акали.

Обе испытывали странное чувство, словно встретились после долгой разлуки. При этом они были уверены, что никогда раньше не виделись. Счастливая Шарлотта бросилась к Эрмине.

— Bravo! Я была уверена, что ты справишься со своей миссией!

Сегодня вечером ты мне все расскажешь, обещаешь? А у тебя, Киона, очень красивое платье.

Девочка позволила себя поцеловать. Она любила Шарлотту. Среди этой суматохи никто не заметил отсутствия Андреа Дамасс. Стремясь доказать свое хорошее воспитание, та сочла уместным не присутствовать при этой встрече. От Лоры она узнала, что ее класс пополнится двумя новыми ученицами, и считала, что еще успеет быть представленной им. Поэтому она решила прогуляться во дворе, пока солнце не село.

Жозеф Маруа, куривший свою трубку, стоя у машины, увидел, как она идет в его сторону. Учительница поздоровалась с ним, склонив голову, так как считала этот жест сдержанным и элегантным.

— Добрый вечер, мадемуазель, — громко сказал он. — Вышли подышать воздухом? Внутри-то небось слишком оживленно! Я решил покамест не входить, чтобы им не мешать.

— Я подумала точно так же, как и вы, месье, — ответила она. — Ничуть не желая вас обидеть, призываю больше не употреблять слово «покамест». Ваша дочь Мари — моя лучшая ученица. В будущем она планирует стать учительницей. Не подавайте ей плохой пример.

Бывший рабочий растерянно почесал густую бороду с вкраплениями нескольких седых волосков. Андреа вызывала в нем робость.

— Если это доставит вам удовольствие, мадемуазель, я постараюсь. Моя покойная супруга, бедняжка Бетти, всегда бросала на меня косые взгляды, когда я говорил неправильно. Но с тех пор как я остался один с дочкой, мне становится все сложнее следить за собой.

Учительница сочувственно улыбнулась. Жозеф, считавший ее непривлекательной из-за слишком длинного носа и чересчур тонких губ, вдруг заметил ее светлые глаза и русые локоны. Затем он опустил взгляд на пышную, тяжелую грудь своей собеседницы, выпирающую из-под облегающей белой блузки. Неожиданно его бросило в жар. Он выбил трубку о каблук, и в этот момент его взгляд остановился на талии учительницы. Юбка обтягивала округлые ягодицы, тоже впечатляющих размеров. Внезапно он представил себя в постели с этой женщиной и ощутил нарастающее желание.

— Думаю, мне лучше пойти домой, — произнес он странным голосом, на лбу его выступила испарина. — Мари варит суп, а мне еще нужно подоить корову. До свиданья, мадемуазель Андреа!

— До свидания, месье Жозеф, — лукаво заметила она. — Нужно говорить «до свидания». И до завтра, если вы приведете Мари на занятия.

— Да, я к этому пристрастился, — признался он. — Это не так далеко,

и небольшая прогулка поднимает мне настроение.

Андреа Дамасс удалилась. Она заметила волнение мужчины, и в глубине души ей это польстило. Будучи девственницей и гордясь этим, она долгие годы отваживала от себя потенциальных ухажеров. Но сейчас произошло нечто необычное. «Такое ощущение, что он был готов наброситься на меня, — подумала она. — Мирей говорила, что ему пятьдесят восемь лет. Надо же, в таком возрасте ему в тягость одиночество! Он еще хорошо выглядит, высокий, крепкий, не очень седой. Должно быть, в молодости он был красивым мужчиной!»

Экономка не любила учительницу. Тем не менее она охотно болтала с ней за чаем, особенно когда Лора была не в настроении. В Валь-Жальбере было так мало жителей, что беды семейства Маруа часто становились темой разговоров. Андреа знала все, начиная от внезапной смерти красавицы Элизабет, которую все звали Бетти, при родах мертвого ребенка до трагической гибели младшего сына Армана несколько месяцев назад. Что касается Эдмона, третьего сына, экономка не уставала его нахвалять.

— Копия матери, что внешне, что по характеру, — повторяла она.

Узнавая эти сведения изо дня в день, Андреа проявляла особую мягкость и терпение по отношению к Мари Маруа, даже если в этом и не было необходимости, поскольку девочка по характеру была трудолюбивой и сдержанной. «Бедная малышка, как печально жить без матери, — подумала она, возвращаясь к дому. — Боже, как порой бывает жестока жизнь!»

Полдник в гостинной закончился. Теперь Мукки хотелось только одного — отвести Киону и Акали посмотреть на пони.

— Бабушка, можно мы пойдем на конюшню? — во второй раз спросил он. — Мне нужно проверить, есть ли у него чистая вода и сено.

— Если твоя мама не против, — ответила Лора.

— Конечно, я не возражаю, — подтвердила Эрмина.

— Только будьте осторожны, не напугайте Базиля, набившись всем скопом в стойло, — посоветовал Жослин. — Он может брыкнуться и поранить кого-нибудь из вас.

— Хорошо, дедушка, — крикнула Нутта.

— Я пойду с ними, — предложила Мадлен. — Не волнуйтесь, месье, я за ними пригляжу.

— Папа! — тихо воскликнула Эрмина, как только дети ушли. — Тебе необязательно было это говорить. Ведь именно так погибла Тала!

— Но Киона этого не знает. Почему я не могу предостеречь детей?

— Она знает, что ее мать умерла и как это произошло. Мне не

пришлось ей рассказывать: у нее было видение в карцере, куда ее бросили эти мерзавцы.

Мирей испуганно перекрестилась. Лора вздохнула. Способности Кионы теперь были общепризнанным фактом.

— Мы будем так ее баловать, что она быстро поправится, — воскликнула Шарлотта. — Мой дом в полной готовности. И я рада предоставить его вам на любой срок. Мне все равно не хочется там жить: каждая комната напоминает, какое счастье я испытывала в предвкушении свадьбы и как рухнули все мои мечты.

— Не нужно упрекать Симона в том, что он отправился воевать, — пожурил ее Жослин. — Он поступил порядочно, вернув тебе свободу.

— Знаю, — отрезала Шарлотта.

— Ты уже не в первый раз горюешь по этому поводу, — продолжил он. — Пора перевернуть страницу. И мне не нравится, когда ты разговариваешь со мной таким тоном!

— Прости меня, папа Жосс, — вздохнула девушка. — Мне очень трудно забыть свое разочарование. Так вот, Мимина, я говорила тебе, что мы с Мадлен трудились не покладая рук с самого рассвета. Проветрили все комнаты, вытряхнули ковры. Ни пылинки в доме не осталось.

— А я принесла туда продуктов, — вмешалась Мирей. — Шкафы заполнены, печка растоплена.

— Так что там есть все необходимое, — добавила Шарлотта. — Соль, перец, сахар, сгущенное молоко, которое Лора закупила на зиму... Мы также развесили одежду детей по шкафам.

— Я вам так благодарна, — вздохнула Эрмина. — Мы не смогли бы все разместиться здесь. Шарлотта, располагайся в моей комнате окончательно, раз уж мадам Дамасс заняла твою.

— О боже! — воскликнула Шарлотта с притворным жеманством. — Какое счастье! Мне досталась самая красивая комната! Я столько лет о ней мечтала.

Лору рассмешила мимика девушки. Такой вариант ее вполне устраивал.

— Со мной останется мой прелестный маленький клоун, — заметила она, — моя деточка. Правда, Шарлотта?

— Да, мама Лора! Ты пока не в курсе, Мимина, но я имею право называть так твою маму. А твоего отца — папа Жосс!

— Давно бы так!

С этими словами Эрмина встала, направилась к фортепиано и задумчиво коснулась клавиш. «Я чувствую себя странно. Мне трудно не

думать об Овиде. Сегодня утром мы едва перемолвились парой слов перед отплытием судна. Возможно, он считает меня легкомысленной, и я разочаровала его своим поведением».

Эрмина снова увидела себя в полумраке, с поднятой юбкой и обнаженной грудью. Ей казалось, что она до сих пор слышит учащенное дыхание молодого человека и ощущает под своими пальцами его бархатистую кожу. От воспоминаний об их поцелуях ее щеки залила краска.

— Кстати, дорогая! От Тошана из Лондона пришло письмо, — сообщила Лора. — Оно лежит на круглом столике.

— Я прочту его вечером, — вяло ответила Эрмина. — Ты же меня знаешь, мама, я люблю это делать в одиночестве.

Мать подошла к ней и вложила конверт в руки.

— Лучше открыть его прямо сейчас. Почта идет к нам долго. Твой муж мог сообщить что-нибудь очень важное. А если он получил увольнительную? Или его ранили?

В светлых глазах Лоры читалось недовольство. Она проворчала:

— Когда возвращаешься из пятидневного похода в обществе молодого вдовца, следует выказывать больше энтузиазма при получении весточки от своего мужа, к тому же солдата!

Чувствуя себя неловко, поскольку слова матери были более чем справедливы, Эрмина распечатала конверт. Лора отошла в сторону.

«Моя дорогая женушка-ракушка!

Пишу тебе из Лондона, пользуясь вылазкой, о которой не могу рассказать. Просто знай, что здесь происходят интересные вещи и что совсем скоро я полечу к новым горизонтам. Это будет Италия, или Африка, или что-нибудь поближе. Я не жалею о своем решении пойти в армию: теперь я наконец могу сражаться за справедливость.

Надеюсь, что ты уже вернулась в Валь-Жальбер к своим родителям и пробудешь там всю зиму. Передай Мукки, что его отец прыгнул с парашютом после упорных тренировок. Поцелуй сына крепко-крепко, мне очень его не хватает. Скажи Мари-Нутте и Лоранс, чтобы вели себя хорошо и прислали мне свои рисунки или вязаные шарфики. Посылка к Рождеству была бы очень кстати! Я разделю ее со своими товарищами, включая бравого Гамелена, который по-прежнему со мной.

Дорогая Мина, сообщи мне скорее новости о моей матери, о Кионе и, конечно же, о себе. Береги себя, свой красивый голос и все, что принадлежит мне и что я обожаю.

Поцелуй всех от меня,
Тошан».

Чувствуя глубокое разочарование, Эрмина сложила листок голубой бумаги. Она догадалась, что Тошан писал это письмо в спешке, сообщив о главном и не забыв напомнить о своих правах мужа.

— Ну, что там? — спросил Жослин.

— У него все хорошо, — безразличным тоном ответила она. — Никаких увольнительных не ожидается. А мне придется сообщить ему о смерти его матери. Каким это будет для него ударом! Господи, ну зачем он уехал так далеко? Ничто не вынуждало его стать солдатом, уезжать в Европу! Его место здесь, да, здесь, рядом со своей семьей! Тошан мог бы предотвратить это несчастье, защитить свою мать и сестру! Можно сражаться с тиранами и в своей собственной стране.

Молодая женщина почти кричала от гнева, повергнув всех в ступор. Мирей и Лора встревоженно переглянулись. Жослин буквально остолбенел, Шарлотта тоже.

— Перестаньте смотреть на меня так, словно я сошла с ума! Вот уже три года я успокаиваю себя, повторяя, что Тошан поступил так из лучших побуждений, но в глубине души я в этом сомневаюсь. У него трое детей, супруга и сестра, которых нужно беречь и защищать. Вы все видели Киону! Она не должна была провести эти две недели в жестокости и ненависти! Мы с Овидом спасли ее в последний момент. Да, в последний момент! Пока Тошан в Англии бездействовал!

Ее нервы не выдержали. Разрыдавшись, она выбежала из гостиной.

— Ты куда? — закричала Лора. — Не выходи из дома в таком состоянии!

— Мама, прошу, оставь меня, — взмолилась молодая женщина, которая была уже в конце коридора. — Я больше не могу...

Потрясенный, Жослин воздел руки к небу.

— Бедная Эрмина, — вздохнул он. — В ее словах есть доля правды.

Никто не осмелился ему перечить.

Молодая женщина, задыхаясь, выбежала на крыльцо. Ее сердце бешено колотилось в груди, ей казалось, что она сейчас лишится чувств. Как раз в это мгновение по деревянным ступенькам поднималась Андреа Дамасс.

— Вам плохо, мадам? — спросила она. — Вы такая бледная!

— Нет, все в порядке, просто устала, — отрезала Эрмина, недоверчиво глядя на нее. — Раз уж мы с вами встретились без свидетелей, хочу дать

вам один совет, мадемуазель. Завтра или послезавтра у вас появятся две новые ученицы — юная индианка и сводная сестра моего мужа. Я вас предупреждаю: в ваших же интересах обращаться с ними уважительно и не наказывать за малейшую провинность. Эти дети вернулись из ада, где с ними обращались как с животными, которых можно бить и унижать. Даже не думайте их изводить, иначе мигом окажетесь за дверью!

Андреа ошеломленно уставилась на Эрмину, взгляд которой был холоден как лед.

— Мадам Дельбо, прошу вас, успокойтесь! Я буду по-прежнему проявлять справедливость и действенность — качества, которые так ценит во мне ваша мать.

— Мне кажется, так бывает не всегда. Но теперь вы предупреждены.

Потрясенная этим инцидентом, учительница устремилась в холл. «Надо же, какая фурия! — подумала она. — Неудивительно, что она связалась с метисом. Несмотря на свои манеры, знаменитый Соловей, которого все боготворят, предпочитает язычников порядочным католикам».

Не в силах унять нервную дрожь, Эрмина направилась к сараю, обустроенному для пони. Дети столпились возле открытой двери, кроме Мукки, который расстилал внутри чистую солому. Базиль смиренно стоял в глубине небольшой постройки.

— Мина, этот пони такой милый! — заметив ее, крикнула Киона. — Завтра я поеду на нем верхом. Мукки будет идти рядом. Он пообещал научить меня держать поводья.

Девочка сияла от радости. В суматохе она не заметила, как потеряла свой платок, обнажив лысую голову, покрытую легким светлым пушком. Луи держал ее за руку и выглядел вполне довольным.

— Дорогие мои, нам пора устраиваться в доме Шарлотты, то есть... в нашем доме. У Базилия есть все необходимое. Идемте! А где же Мадлен?

— Не волнуйся, мама, — ответила Мари-Нутта, — она только что отошла, потому что Мирей позвала ее из окна кухонной подсобки.

Эрмина обняла Акали за плечи, в то время как Лоранс повисла на ее руке. В окружении своей маленькой оживленной компании она ощутила невероятное чувство комфорта.

«Вот где мое место, — подумала она. — Рядом с детьми, купаясь в их смехе, звонких голосах, оптимизме. Киона тоже нуждается в этом, как и я».

Полчаса спустя Шарлотта и Мадлен уже показывали им их новое жилье. Все действительно было безупречно: и выкрашенные стены, и сверкающий чистотой паркет. Букеты полевых цветов украшали возвышающийся между окнами буфет с короткими кружевными

занавесками. Белая фарфоровая ваза посередине стола была наполнена яблоками и сливами.

Киона оглядела обстановку с удовлетворенным видом. Акали бегала следом за Мари-Нуттой, с которой успела подружиться. Затем начались осмотр комнат и их распределение. Речь шла о четырех комнатах скромных размеров.

— Мадлен хочет взять Акали к себе, — объяснила Шарлотта. — Близняшки будут жить вместе. У Мукки, уже взрослого мальчика, будет своя комната. Ты, Мимина, поначалу можешь спать с Кионой. Если она захочет, позже переберется к Лоранс и Нутте. Достаточно будет передвинуть ее кровать.

— Замечательно, — согласилась Эрмина. — Мы словно попали в кукольный домик! Спасибо тебе еще раз, Шарлотта. Оставайся с нами ужинать, ты наша первая гостья. И мы откупорим бутылку черничного вина.

Валь-Жальбер, понедельник, 5 октября 1942 года

В маленьком доме, где поселилась Эрмина, примерно в двухстах метрах от дома своей матери, царило спокойствие. Молодая женщина месила тесто, собираясь испечь на ужин детям мясной пирог. Хлопоты по хозяйству были ей совсем не в тягость. Разминая муку, куда она добавила воду, топленое сало и яичный желток, Соловей из Валь-Жальбера увлеченно пела:

Чистые ангелы, лучезарные,
Придите ко мне с Небес!
Боже праведный, на тебя я уповаю...
Ты милостив, меня прости!

Несмотря на торжественность этих слов, Эрмина не забывала следить за шкварчащим на сковороде мясом. Она хотела, чтобы оно немного подрумянилось.

— Хвала Жо, нашему официальному поставщику, — тихо пошутила она, в перерыве между куплетами.

Жозеф Маруа, всегда стремящийся подзаработать, разводил кур. Лора была его лучшей клиенткой. Продуктовые ограничения в стране

ужесточались, но здесь, в рабочем городке, опустевшем пятнадцать лет назад, немногочисленные жители оказались в более выгодном положении. Огороды давали хороший урожай овощей. Люди продолжали откармливать свиней и держали коров, что гарантировало им ежедневное молоко и сливочное масло, ставшее дефицитом.

«Чистые ангелы, лучезарные!»

Эрмина дала волю своему голосу. Молодая женщина была одна и решила воспользоваться этим. Она чувствовала умиротворение, беря все более высокие ноты, модулируя звук и даже подражая патетическому выражению лица Маргариты. Это была одна из ее любимых ролей. «Мое первое выступление на публике в Квебеке!» — вспомнила она.

Чувствуя смутное волнение, женщина бросила взгляд на часы. Уроки мадемуазель Дамасс закончатся через час. Когда в дверь постучали, она вздрогнула, недоумевая, кто бы это мог быть.

«На улице моросит дождь и ветер ледяной. Мадлен и Шарлотта уехали в Роберваль вместе с мамой. А отец вряд ли вышел бы из дому в такую погоду».

Она торопливо вытерла руки о фартук.

— Иду! Одну секунду!

Испытывая досаду, она повернула задвижку и увидела перед собой Овида Лафлера, пытавшегося укрыться от непогоды под козырьком, которым было снабжено крыльцо каждого дома в Валь-Жальбере. В непромокаемом плаще и кепке, по которым ручьями стекала вода, он был похож на заблудившегося путника.

— Вы?! Входите скорее, — сказала она, чувствуя неловкость. — Что вы здесь делаете?

Она отступила назад, чтобы дать ему возможность вытереть сапоги о половик. Ее сердце бешено стучало.

— Я привел коня, Шинука. Простите, что так долго. К счастью, я встретил вашего соседа, месье Маруа. Он отвел свою лошадь на конюшню, а заодно и мою.

Овид явно был взволнован, снова увидев ее, и несколько смущен. Окинув взглядом уютную обстановку, он добавил:

— И этот господин любезно показал мне, где вы живете. Такой большой городок, и не видно ни души.

— Это мой городок-призрак, — пошутила Эрмина. — Выпьете чашку горячего кофе?

— Спасибо, но лучше чаю, — ответил он, снимая дождевик. — Я

испачкаю ваш паркет...

Они не решались смотреть друг другу в глаза. Воспоминание о мгновении сладострастного безумия, охватившего их в гостинице, воздвигло между ними барьер.

— А я занимаюсь стряпней, — сказала Эрмина. — Но мне приходится бороться с упрямой Мирей, нашей экономкой, которая все время норовит нам что-нибудь приготовить.

— А как себя чувствует Киона? Ее сейчас здесь нет?

— Нет, начиная с прошлой среды, они с Акали ходят на уроки мадемуазель Дамасс. Я считаю это правильным. Учеба поможет им отвлечься от пережитого горя. И дети все время вместе. Даже Луи, мой младший брат, постоянно прибегает сюда под любым предлогом.

Продолжая говорить, Эрмина накрыла миску с тестом и приготовила чай. Она принесла две чашки, сахарницу и жестяную банку, в которой хранилось печенье.

— С момента моего возвращения я почти все время здесь. В воскресенье мы переехали в этот дом, и я всю себя посвятила Кионе. Она вызывала у меня беспокойство в день нашего приезда. Я ощущала ее холодность, недоверие, в частности по отношению к моему отцу. И вы не поверите, Овид, я совсем забыла, что вы должны привести Шинука.

— Вы правы, я вам не верю, — с серьезным видом ответил он. — Это значило бы, что вы забыли и об остальном.

— Увы, нет! Но я прошу вас, давайте больше не будем об этом. Итак, насколько я поняла, вы приехали верхом на своей лошади, ведя за собой Шинука?

Учитель взял Эрмину за руку. Он немного наклонился вперед, чтобы взглядеться в ее лицо.

— Ради бога! Не уподобляйтесь тем женщинам, которые одним движением ресниц вычеркивают из своей жизни так называемый момент безумия. Они дарят вам поцелуй и ласки, а потом запрещают даже намекать на это. Мне ничего не приснилось, я знаю, что это было на самом деле. Мы уступили сильному взаимному влечению. Конечно, волшебство долго не продлилось, но я впервые в жизни ощутил такой порыв, такое лихорадочное счастье, экстаз перед экстазом.

Взволнованная, Эрмина молчала. Однако, когда он погладил ее по щеке, она запротестовала:

— Овид, в тот вечер я находилась в непривычно возбужденном состоянии. Да, не стану отрицать, меня влекло к вам. И если я не хочу об этом говорить, то только по конкретной причине. Я замужем уже десять лет

за мужчиной, которого люблю всей душой. Не умаляя своих чувств к вам, я обязана с уважением относиться к Тошану. Я уже и так достаточно поглумилась над ним, бросившись в ваши объятия и критикуя его перед своими родителями. Вчера наконец я набралась смелости и написала ему письмо. Совсем скоро он узнает, что его мать умерла, да еще при таких ужасных обстоятельствах. И меня не будет рядом, чтобы утешить. Овид, я очень дорожу вашей дружбой. Не портите все, требуя от меня невозможного.

— Я ничего от вас не требую, Эрмина, только искренности.

— Я искренна, сообщая вам о своем решении. Я буду счастлива встречаться с вами, как с другом... Мы ведь в состоянии поддерживать недвусмысленные отношения?

Учитель отпил глоток чаю и поставил чашку на стол.

— Простите, но мне эта затея кажется очень рискованной. Всю дорогу, пока ехал сюда, я дрожал от нетерпения, словно влюбленный подросток. Я воображал, что вы поджидаете меня у окошка. Что вы хотите — я неисправимый романтик! В тот памятный вечер в гостинице я поначалу вам сопротивлялся. И знаете почему?

Она отрицательно покачала головой.

— Потому что я хорошо себя знаю и не хотел страдать. Эрмина, я мечтатель, пылкий и увлеченный. Говорят, что мужчинам нужно удовлетворять свои физические потребности. Мне на это наплевать. Я ищу любовь! Настоящую любовь! Мне показалось, что такая женщина, как вы, не стала бы отдаваться, не испытывая таких же чувств. Я хочу вам сказать, Эрмина, хотя и не должен бы, я люблю вас уже три года. Да, три года!

Эрмина встала и подошла к окну. Так она пыталась защититься от себя самой. Признания Овида тронули ее сердце, и, если бы он сейчас подошел к ней и обнял, она бы снова потеряла над собой контроль.

— Умоляю вас, замолчите, не говорите больше ничего. Вы мой друг, и я бы хотела, чтобы вы дождались детей. Акали с Кионой будут очень рады вас видеть. Они уже скоро придут. Почему бы нам не поболтать всем вместе, не выпить еще чаю?

Она сбивчиво пыталась объяснить ему, чего бы ей хотелось.

— Мы собирались вместе добиваться закрытия этих гнусных пансионатов, — продолжила она. — Стоит ли отказываться от этого из-за ошибки с моей стороны? Да, это была ошибка. Я невольно причинила вам боль.

— Не оправдывайтесь, Эрмина. Я так глупо надеялся, что вы меня любите. Возможно, это прозвучит некрасиво, но я скажу вам, что о вашей

паре в Перибонке ходили определенные слухи.

Встревожившись, она вернулась на свое место и подняла на него вопросительный взгляд. Он продолжил:

— Говорили, что вы с мужем расстались восемь лет назад. И при нашей первой встрече вы выглядели очень несчастной — это когда Тошан пошел добровольцем в армию. Я сделал поспешный вывод, что вы готовы развестись.

Оправившись от изумления, она бросила на Овида по-женски сочувствующий взгляд.

— Боже мой, мне так жаль! Развестись? Нет, никогда! Конечно, у нас с Тошаном был период кризиса, но он уже прошел.

Эрмина была не до конца честна, утверждая это. Независимый, почти эгоистичный характер мужа часто тяготил ее. Тошан дорожил своей свободой, и, отплывая в мае в Европу, он не выглядел слишком расстроенным. То, что разбивало ей сердце, у него вызывало лишь раздражение и озабоченность.

— Овид, пожалуйста, будьте моим другом, моим драгоценным другом, — взмолилась она. — Я дам вам прочесть мои любимые книги, а потом мы поговорим о них. Вы будете приходить к нам на чай или на ужин. Вы так мне нужны!

Он долго смотрел на нее. Без следов макияжа, с молочно-белой кожей, приоткрытыми губами, молодая женщина была потрясающе красива. Она убрала волосы назад, надев повязку из голубой ткани.

— Если я люблю вас так, как утверждаю, — наконец произнес он, — то должен пойти на эту жертву. В конце концов, в Средние века благородные дамы заставляли годами томиться своих верных рыцарей. Во время турниров те имели право нести их флаг только по прошествии нескольких недель. Необходимо было доказать свою отвагу и любовь. Поцелуя они удостаивались лишь через год или два, да и то не всегда...

В этом и состоял особый шарм учителя. Его упоминания о какой-либо книге или старинных французских обычаях не были лишены выразительности и чувства юмора. Эрмина не удержалась от тихого смеха.

— Моя целомудренная дружба вам обеспечена, — подвел он итог, вознагражденный ее улыбкой. — Но я прошу об одной милости: если я буду вас навещать, вы будете петь для меня?

— Я вам это обещаю! — порывисто ответила она.

Эрмина чувствовала себя спасенной, избавленной от соблазна, отныне уверенная, что Овид будет вести себя более благоразумно. Снаружи слышались голоса. Дверь распахнулась, и в коридор ворвался Мукки в

брюках для верховой езды и резиновых сапогах. Сзади его подтолкнули близняшки, прижавшиеся друг к другу под одним большим плащом. Шествие завершали Киона и Акали.

— Здравствуйте, мои дорогие! — воскликнула молодая женщина. — А у нас гость. Месье Лафлер.

— Добрый вечер, месье! — вежливо сказал Мукки. — Я вас уже видел у моей бабушки. Вы были вместе с Пьером Тибо, приятелем моего отца.

Овид пожал руку этому рослому мальчику десяти лет, который вполне мог сойти за чистокровного монтанье. Он удивился, не найдя в нем никакого сходства с Эрминой. Лоранс и Мари унаследовали светлые глаза своей матери, а также красивые черты ее лица. Они грациозно его поприветствовали. Киона подошла не спеша, в зеленой вязаной шапочке и с шарфом в тон вокруг шеи. Овид с радостью убедился, что девочка хорошо выглядит и синяки исчезли с ее лица.

— Я рада вас видеть, месье Лафлер, — с улыбкой сказала она. — Сегодня после обеда у нас был урок геометрии и английского языка. Мадемуазель Дамасс поставила мне отличную оценку.

— По какому же предмету?

— По английскому.

— У Кионы хорошие оценки по всем предметам, — вмешался Мукки. — Это самая умная девочка на свете. Мама, я пойду оседлаю Базиля, Киона хочет проехаться верхом.

— Но на улице дождь, — возразила Эрмина. — И довольно холодно.

«Она просто прелесть!» — с отчаянием подумал Овид, восхищенный молодой женщиной, которая казалась беспомощной перед своим сыном. В это время кто-то постучал сзади по его плечу. Он обернулся и увидел Акали, глаза которой радостно блестели.

— Здравствуйте, милый месье! — воскликнула маленькая индианка. — Вы видели дом, где я теперь живу? Он мне очень нравится.

Искренний восторг Акали, ее счастливое возбуждение, чудесная улыбка Кионы — все это утешило учителя в его печали. Он почувствовал себя обновленным, веселым, освобожденным от страсти к замужней женщине.

— Я бы охотно выпил еще чаю, моя дорогая подруга. Я уже успел забыть, насколько общение с детьми делает нас лучше. А ведь я учитель, хотя и безработный, увы!

— Это дело времени, — заверила его Эрмина, которая поняла намек и была этому безмерно рада. — Я открою банку с вареньем из вкуснейшей черники Лак-Сен-Жана. Сегодня утром Мирей испекла бриошь^[38] и дала

мне половину.

Мукки и Киона убежали на улицу без полдника. Лоранс уселась за маленький столик и принялась рисовать. Она продолжала делать успехи и проводила все свободное время, делая наброски животных или людей. Мари-Нутта предложила Акали сыграть партию в шашки. Девочки очень хорошо ладили между собой.

— Овид, вы сегодня же вечером отправитесь в Сент-Эдвидж? — с беспокойством спросила Эрмина, протягивая ему чашку.

— У меня нет выбора, — со вздохом ответил он. — Жаль. Ваш дом — самый уютный из всех, что я знаю. Вы зажгли лампы, подбросили в печку дров, а варенье просто восхитительно. Здесь настоящий маленький рай, но мне придется его покинуть.

— Мама! — завопила Мари-Нутта. — Месье Лафлер придумал название для нашего дома: мы будем звать его «маленьким раем»!

— Не кричи так, милая, — пожурила ее мать. — Можно сказать то же самое, но гораздо тише. Но я с тобой согласна, мы назовем наше скромное жилище «маленьким раем».

— Потому что я дикарка! — буркнула девочка, обидевшись, что ее отчитали перед гостем.

Овид рассмеялся. Громкий крик, раздавшийся снаружи, прервал его смех. Пять секунд спустя кто-то уже барабанил в дверь.

— Мимина, это Жозеф! Пусть месье Лафлер срочно бежит к нам! У его лошади колики!

Молодой человек бросился на улицу. Там его встретил вымокший до нитки Жозеф Маруа, он был в панике.

— Мне пришлось вывести корову и Шинука из конюшни, — крикнул он. — Ваша лошадь катается по земле, месье! Идемте скорее!

Валь-Жальбер, вечер того же дня

Смеркалось. Овид продолжал выгуливать свою лошадь, держа ее за уздечку. Эрмина его сопровождала. Поскольку Мадлен вернулась домой, она оставила на нее детей и приготовление мясного пирога.

— Вашей лошади уже лучше? — спросила Эрмина.

— Надеюсь. У нее урчит в животе — это хороший знак. Мой старший брат хотел разводить лошадей, но смог купить только эту. Отец научил нас, как нужно действовать в случае колик. Прогулка расслабляет кишечник лошади, а главное, не позволяет ей кататься по земле. Ведь животное может

пораниться или спровоцировать грыжу.

— Боже мой! Я этого не знала, — ответила она. — Шинуку повезло: у него никогда не было коллик.

— Да, на страдания животных всегда тяжело смотреть. Эрмина, вы не обязаны со мной оставаться. Вы можете простудиться.

— Нет, я составлю вам компанию. Я же видела, до какой степени вы встревожились. Так что я хочу быть уверена, что животное больше ничем не рискует и вы спокойно переночуете у Жозефа. Видите, как все хорошо устроилось. Наш сосед приютит вас у себя, а ваша лошадь проведет ночь в стойле в моей конюшне, то есть в постройке, когда-то служившей конюшней Лапуэнтам. Вы только что встретились с Шарлоттой. Она получила в наследство дом, где я сейчас живу. У ее родителей была корова, но они продали ее еще до того, как она отелилась. Отец моей подруги был не очень достойным человеком.

Овид слушал молодую женщину, упиваясь мелодичными интонациями ее голоса и отвлекаясь от своей тревоги.

— Если б вы знали, каким оживленным был Валь-Жальбер, когда мне было десять лет! В школе я написала сочинение, уже после закрытия завода. Я описывала свой городок, людей, водопад — все, что находилось на самой прекрасной в мире земле, рассказывала о хоккейных матчах на катке, расположенном за товарным складом — вон тем высоким зданием... Я тогда получила «отлично», и сестра зачитала мое сочинение в классе. Жозеф и Бетти очень мною гордились.

— Почему они вами гордились? — удивился он.

— О! В ту пору я жила у них. Монахини отдали меня в семью Бетти. Маруа хотели меня удочерить, но этого так и не случилось. К счастью, моя мать нашла меня.

Молодая женщина подняла голову и взгляделась в небо. Дождь закончился, но над холмами висело плотное покрывало облаков. Лошадь фыркнула. Овид остановился и приник ухом к ее животу.

— Скоро можно заводить ее в конюшню, — сказал он. — Ей явно хочется спать. Кризис миновал. Еще один круг, и я буду спокоен.

— В таком случае пойдете до монастырской школы, — предложила Эрмина. — Моя судьба решилась на этом крыльце.

Она поведала ему свою историю подкидыша, сделав акцент на ее романтической стороне.

— Сестра Сент-Мадлен обнаружила меня, возвращаясь с товарного склада. Я лежала, завернутая в мех, у меня был сильный жар. Настоятельница уложила меня в свою постель и вызвала кюре, который

меня осмотрел. Сестры холили меня и лелеяли, дали мне образование и научили петь. Я им многим обязана.

Молодые люди одинаково задумчивым взглядом смотрели на элегантный фасад монастырской школы, колоколенку, возвышающуюся над крышей, балконы и высокие окна.

— Надеюсь, это великолепное сооружение будет неподвластно времени, — сказал Овид. — И нужно повесить медную табличку на дверь, указав, что здесь началась судьба великой Эрмины Дельбо.

— Вы надо мной подтруниваете! — шутливо возмутилась она. — В наказание я приглашаю вас на ужин.

— Месье Маруа это уже сделал, — ответил молодой человек. — Он обидится.

— Вы правы. Тогда приходите к нам на чай, заодно проверите, все ли в порядке с вашей лошадью.

Овид с улыбкой согласился. Его зеленые глаза светились невыразимой нежностью.

— Я приду.

— Я буду вас ждать.

* * *

На следующее утро, когда дети были на занятиях, Эрмину навестила мать. Лора, не снимая мехового манто, знаком попросила Мадлен оставить их вдвоем. Это не ускользнуло от внимания молодой женщины.

— Мама, что с тобой? Ты можешь говорить в присутствии моей подруги, мне нечего от нее скрывать!

— Я предпочитаю остаться с тобой наедине.

Мадлен поспешно поднялась на второй этаж. Она старалась никогда не досаждать вспыльчивой Лоре Шарден.

— Слушаю тебя, мама! И могу поклясться, что ты собралась читать мне мораль. Ладно, снимай свое манто, будем пить кофе.

Лора подошла к своей дочери и сказала ей на ухо:

— Я обеспокоена! Вчера вечером я видела тебя с Овидом Лафлером, когда вы прогуливались с лошадью. Дорогая, о чем ты только думаешь? Ты брала за руку этого мужчину, прижималась к нему. Ты что, совсем потеряла голову? Хочу тебе напомнить, что ты замужем, а супруга солдата не появляется на улице в обществе другого мужчины. Это я и хотела тебе сказать.

— Овид — мой духовный брат, бесценный друг. Ты напрасно сомневаешься в моей верности Тошану.

— Тогда объясни мне, почему он вышел от Жозефа после ужина, — прошептала Лора с насмешливой гримасой. — Дорогая, я пришла не отчитывать тебя, а предостеречь. Поклянись, что ты не спала с ним этой ночью!

— Но, мама! Ты сошла с ума! Совсем необязательно было шпионить за нами и следить за его поступками и жестами! Овид просто хотел убедиться, что у его лошади не возобновились колики. Уверяю тебя, он пробыл здесь лишь до полуночи, Мадлен может это подтвердить. Мы втроем трудились над письмами в правительство, в Бюро по делам индейцев. Мы хотим сообщить о том, что на самом деле творится в этих пресловутых пансионах, созданных для того, чтобы постепенно истребить народ монтанье. Я ведь уже объясняла все это тебе и папе! Бадетте я тоже написала письмо, попросив ее в своей статье рассказать о творящихся безобразиях. Я сообщила ей все необходимые сведения.

Они вызывающе и настороженно смотрели друг на друга. Лора вглядывалась в лицо дочери в поисках малейших следов, которые могла оставить ночь любви: распухшие губы, более красные, чем обычно, или круги под глазами. Но ей пришлось признать, что во внешности Эрмины не было ничего подозрительного.

— Неужели ты действительно считаешь меня способной изменить Тошану, мама? Мы с Овидом поклялись друг другу в дружбе, тебе не о чем беспокоиться. Даже во время нашего похода верхом ничего не случилось.

Она лгала, и на ее щеках выступил легкий румянец. Лора, внезапно смягчившись, обняла дочь.

— Девочка моя, я знаю, как слаба порой бывает плоть. И сердце тоже... Я была на грани паники. Я так испугалась, что ты разрушишь свой брак из-за минутного помешательства. Это будет катастрофой для детей, не забывай об этом никогда. Тошан страстно любит тебя, и ты его тоже, я в этом уверена, несмотря на его недостатки и былые ошибки. Прошу тебя, будь осторожна в будущем. Я допускаю, что ты хочешь изобличить мерзости, в которых виновны эти монахи из пансиона. Ты мне достаточно поведала о них, мне даже спились кошмары. Но местные люди не поймут твоих дружеских отношений с этим учителем!

Лора сделала акцент на слове «дружеских». Потом она добавила:

— Народ будет судачить здесь и в Робервале, а также в Сент-Эдвидже, и, когда Тошан вернется, пусть даже просто приедет в увольнительную, до него могут дойти эти слухи. Он оскорбится и начнет сомневаться в твоей

верности. Твой муж ревнивый собственник. Даже если ты сможешь убедить его, что ничего плохого не делала, его еще долго будут терзать подозрения.

Эрмина согласно кивнула. Слова матери были разумными и пугающе точными. Сраженная этой неумолимой логикой, она с трудом сдерживала слезы. Взволнованная, Лора нежно обняла ее.

— Доченька моя любимая, ты такая отважная! И такая хрупкая! Тебе приходится поднимать Киону, и ты была так великодушна, что взяла под свое крыло Акали. На твоих плечах столько ответственности, а Тошана нет рядом.

— Мама, мне приятно баловать эту малышку. С Кионой все по-другому: она должна войти в нашу семью официально. Если бы папа ее узаконил, она бы навсегда была избавлена от подобного обращения.

— С тобой ей тоже ничего не грозит, Эрмина. Она сводная сестра твоего мужа, — отрезала Лора, тут же отстранившись. — Зачем спешить? Позже будет видно. Я хорошо отношусь к Кионе и, повторяю, испытываю к ней искреннее сострадание. Но я не вижу необходимости в публичном признании отцовства.

— Мама, Шарлотта уже в курсе, Мадлен тоже, и Мирей наверняка догадалась. Это секрет полишинеля. И Луи будет приятно узнать, что она его сводная сестра. Ты же видишь, как он ее любит!

— Мы еще поговорим об этом, — вздохнула мать, направляясь к двери. — Я не могу остаться: Жослин должен отвезти меня в Роберваль. До свидания, дорогая!

Лора вздохнула свободнее, оказавшись одна на улице, под морозящим ледяным дождем. Она открыла зонтик и медленно пошла к своему дому. «Какая же я идиотка! — думала она. — Я дрожу от страха, как бы моя дочь не совершила адюльтера, тогда как сама отдалась другому мужчине без всяких оправданий. Господи, помоги мне, пошли мне знак! Сама я никогда не пойму, кто настоящий отец моего сына, моего любимого Луи! Жосс или Ханс? Сегодня мне кажется, что это один, завтра я уже уверена, что другой. Должна ли я говорить своему ребенку, что Киона его сводная сестра, если на самом деле это, возможно, не так? Боже, если бы только у меня появилось доказательство!»

Она заметила Жослина под широким козырьком, прикрывающим крыльцо. Он улыбался ей, держа шляпу в руке, одетый в выходной костюм.

«Мой Жосс, я люблю тебя, — подумала Лора. — И не хочу, чтобы моя Эрмина совершила такую же глупость, как я! Овид Лафлер больше к ней не приблизится, я об этом позабочусь».

Глава 9

Отец и его дочери

Валь-Жальбер, понедельник, 19 октября 1942 года

С момента визита Овида Лафлера прошло две недели. После холодных дождливых и ветреных дней, когда все местные жители уже решили, что зима на подходе, осень развернулась всей палитрой своих красок. Валь-Жальбер наполнила целая симфония красок, от золотисто-коричневой до темно-зеленой. Но красота пейзажа с каждым днем все больше подвергалась опасности. Иней припудривал серебром заросшие сорняками обочины пустых улиц, и ночи становились холодными. Повсюду землю устилали опавшие листья. Эрмина полностью погрузилась в повседневные хозяйственные хлопоты, чтобы занять себя и как можно меньше размышлять. У нее не было никаких известий от молодого учителя, и она повторяла себе, что так даже лучше. Наливая кипяток в таз, она думала: «Ни одного поцелуя! Я даже не поцеловала его на прощание. Когда он пошел убедиться, что его лошадь больше не страдает коликами, я проводила его в конюшню. Мы ощутили такое волнение, оставшись наедине, что я вся дрожала, и он тоже. Но ничего не произошло, ничего!»

Она решила перестирать все свои вещи, которые можно было высушить на улице. Сидя за столом, Мадлен лущила фасоль. В маленьком доме приятно пахло мылом и горящими дровами.

— Акали читает все лучше и лучше, — порывисто произнесла Эрмина. — Вчера она прочла целую страницу «Робинзона Крузо». Это любимый роман Мукки. Он дал ей почитать книжку.

— Да, она делает большие успехи, — ответила Мадлен. — Мина, милая моя, если бы ты только знала, сколько радости мне приносит этот ребенок! До сих пор я не могла говорить с тобой об этом откровенно, но у меня странное ощущение, что мы с Акали очень близки. С первой секунды, когда я увидела ее, мы понимаем друг друга без слов. Я больше не хочу с ней расставаться. И именно тебе я обязана этим счастьем.

Эрмина помешала свое белье старой деревянной ложкой. Подняв взгляд, она задумчиво смотрела перед собой.

— Ты ничем мне не обязана, Мадлен. Уже столько лет ты живешь

рядом со мной, терпеливая, сдержанная, неутомимая. Ты кормила моих девочек своим молоком, баюкала их и утешала, когда я была в разъездах. В тебе столько нерастроченной любви! Акали это чувствует. Бедной малышке потребовалось много мужества, чтобы послушаться главную монахиню и сказать мне, где эти изверги прячут Киону. Она пожертвовала собой, а для двенадцатилетней девочки это совсем непросто. Я бы никогда не оставила ее в лапах этих палачей. Я сразу же рассказала ей о тебе в сарае, где она пряталась за бочкой.

— Да, я знаю, — тихо рассмеялась молодая индианка, — от Акали. Она погладила меня по щеке и сказала, что будет мне теперь вместо дочери, которую я потеряла и которая сегодня была бы ее возраста.

Они собирались продолжить беседу, когда в комнату внезапно ворвался Мукки. Немного запыхавшись, он крикнул:

— Скорее, мама, папа позвонил! Бабушка записала телефон, чтобы ты ему перезвонила! Она послала меня за тобой!

— О боже, бегу!

Эрмина завернулась в шаль и выбежала на улицу в сопровождении сына. На ходу она расспрашивала Мукки:

— Что сказал отец? Откуда он звонил?

— Не знаю, мама, я был в классе. Бабушка попросила меня сбежать за тобой. Может, папа приедет сюда и мы вернемся в наш дом на берегу Перибонки? И он возьмет меня на охоту, как раньше!

— Я бы очень этого хотела, милый. Ты скучаешь по папе?

— Конечно, ведь его так давно нет с нами.

— Это все из-за войны! Твой отец хочет сражаться с несправедливостью. В Европе есть люди, которые решили покорить весь мир и истребить евреев. Я тебе уже объясняла ситуацию.

— Мадемуазель Дамасс нам тоже об этом рассказывала.

Они были уже на крыльце дома Шарденов, как называли его немногочисленные оставшиеся жители Валь-Жальбера. Мукки поцеловал мать и постучал в дверь класса.

— Учись хорошо, милый, — сказала она.

Родители ждали ее в гостиной. На их лицах читалось волнение.

— Скорее звони своему мужу, — посоветовал отец. — Ты же понимаешь причину его звонка: он получил твое письмо.

— И разумеется, он потрясен, — добавила Лора. — Как это должно быть ужасно — узнать о смерти своей матери, находясь в чужой стране, вдали от близких. Мы оставим тебя, милая, и не спеши, постарайся его успокоить. Жосс только что повесил трубку, и их объяснение показалось

мне несколько бурным.

Находясь во власти сильного волнения, Эрмина была не в состоянии задать ни одного вопроса. Как только ее родители вышли из комнаты, она сняла трубку и набрала цифры, которые Лора записала в блокноте. Ее сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Когда она услышала в трубке голос своего мужа, серьезный и такой родной, то чуть не лишилась чувств.

— Тошан? Это Мина, любящая тебя Мина, — с трудом выговорила она.

— Ты могла бы прислать телеграмму, — жестко перебил он ее. — Мама умерла больше месяца назад! Ты должна была сразу меня предупредить! Я имел право узнать об этом как можно скорее. Я не могу поверить, что потерял ее навсегда. Скажи мне, что это неправда, что вы все ошиблись.

Он замолчал. Испуганная Эрмина поняла, что ее муж плачет. И тут же вся любовь, которую она испытывала к нему, нахлынула на нее с новой силой, сметая все на своем пути. Она отдала бы десять лет своей жизни, только бы оказаться сейчас рядом с ним, прижать его к сердцу.

— Тошан, умоляю тебя, поговори со мной! Мне так жаль Талу! Я подробно написала тебе о происшедшем, чтобы ты знал всю правду. Прошу тебя, не молчи!

— У меня даже не было никакого предчувствия. Ни один сон не подготовил меня к этой смерти. Ты должна была защитить ее, приглядеть за Кионей. Но ты снова выбрала карьеру! Вместо того чтобы подписывать контракт в Квебеке, тебе следовало разыскать их обоих и жить вместе с ними на берегу Перибонки.

Сейчас он был несправедлив, почти жесток. Эрмина возмутилась.

— Я высказывала тебе свое беспокойство на их счет как раз в Квебеке, — напомнила она ему. — Ты успокаивал меня, утверждая, что твоя мать всегда знает, как поступать! Тошан, как ты можешь упрекать меня в ее смерти? Я не могла отказаться от этого контракта, ведь нам нужны были деньги. Я днем и ночью думаю о Тале, молча оплакивая ее. Я любила ее! И я спасла Киону. Это нужно было делать срочно, понимаешь? Я надеялась, что ты позвонишь, но никак не ожидала, что станешь обвинять меня!

Последние слова отозвались мрачным эхом в ее душе, поскольку она сразу вспомнила о том, как потеряла голову в гостинице.

— Когда тебе плохо, — заметила она, — ты нападаешь на меня: твоя печаль превращается в гнев, и от этого страдаю я!

— Сожалею! Ты меня хорошо изучила, — ответил он более

спокойно. — Не обижайся, я получил твое письмо сегодня утром. Можешь себе представить, какой день я провел, оглушенный этой новостью! Смерть мамы кажется мне чем-то нереальным. Я столько месяцев ее не видел! И не смог отдать ей последнюю дань уважения, когда она погрузилась в вечный сон. Ведь я так далеко, под Лондоном. Но к счастью, я пробуду здесь только одну неделю. А потом...

— Что потом? Ты вернешься? Тебе дали увольнительную? О, Тошан, дети скучают по тебе, они были бы так счастливы тебя видеть! А я хотела бы утешить тебя в твоём горе, прикоснуться к тебе, ощутить тебя рядом.

— Я не могу тебе сказать, куда отправляюсь. Одно известно наверняка: увольнительной не предвидится и домой я не возвращаюсь. Если твой отец по-прежнему следит за новостями, то наверняка сможет тебя просветить. Скажи ему, что я сейчас в Лондоне, там, где Шарль де Голль организовал сопротивление правительству Виши. Это вождь «Свободной Франции». Но мне лучше не распространяться на эту тему.

В это самое мгновение Эрмине было глубоко наплевать на военные тайны, на Виши и Шарля де Голля. Ее любимый повелитель лесов не проявил к ней никакой нежности, лишь огорчил своими обвинениями.

— Тошан, скажи мне, что ты меня любишь. Скажи мне, что я по-прежнему важна для тебя! Ты уехал в конце мая, сейчас середина октября, а я получила от тебя всего три письма. К тому же ты холоден и сдержан. Почему? Что я тебе сделала? Я вынуждена жить без мужчины, за которого вышла замуж. Я лишена его поддержки, его любви. Я страдаю от этого! У меня больше нет сил.

Воцарилась глубокая тишина. Она рыдала, раненная в самое сердце, измученная равнодушием мужа.

— Мне кажется, что наша любовь — признанный факт, о котором незачем все время твердить, — наконец сказал он. — Я только что узнал о смерти своей матери, я собираюсь вступить в новое сражение, которое может стать для меня роковым, а ты погрязла в романтизме, как наивная девушка! Я люблю тебя, Мина, часто вечерами мечтаю о тебе и дорого бы дал, чтобы ты оказалась рядом со мной. Но я не единственный в такой ситуации, и многие женщины испытывают то же, что и ты. Мы же не будем без конца причитать на эту тему! Будь сильной, наберись терпения. Что касается меня, я сделаю все возможное, чтобы почтить память Талы, Талы-волчицы, необыкновенной женщины. Это был не ее час, я в этом уверен. Нет, она не умерла, она будет жить во мне, пока я дышу. Я прощаюсь с тобой, милая, на время или навсегда. Крепко поцелуй детей, скажи им, чтобы они были послушными и честными, чтобы хорошо учились. И не

забывай, что я люблю тебя, моя женушка-ракушка.

— Нет, пожалуйста, Тошан, не клади трубку! — закричала она. — Не сейчас!

— Мина, мне нечего тебе предложить, кроме своей любви к тебе и к нашим детям. Поддерживай себя лучшими воспоминаниями о нас. Целую тебя.

Послышался характерный щелчок. Обезумев от горя, Эрмина держала в руках трубку, глядя на нее с гневом и отчаянием.

— Тошан, — позвала она, захлебываясь горькими слезами.

Молодая женщина выпустила трубку из рук и, не положив ее на место, бросилась на стоящую рядом софу. Она чувствовала себя разбитой, униженной. Лора подошла к ней на цыпочках и погладила ее по плечу.

— Моя бедная девочка! Поплачь, тебе станет легче.

— Оставь меня, мама. Тошан меня больше не любит, я в этом уверена. Он думает лишь о своей войне, об этой проклятой войне! Мужчины ценят нас только тогда, когда их головы не заняты ничем другим! Они развлекаются с нами, гордятся детьми, которых мы рожаем, и им плевать, если нас это убивает! Бетти умерла в родах! Я ненавижу Жозефа. Он мог бы сдерживать себя, чтобы она больше не беременела!

Никогда еще Эрмина не произносила таких откровенных слов, в которых ощущалось смутное недовольство своим уделом матери и супруги.

— Ну что ты, тише, — проворчала шокированная Лора. — Не дай бог, кто услышит... Мадемуазель Дамасс частенько выходит из класса, и Мирей внимательно следит за нашей личной жизнью.

— Пусть слушают, я говорю, что думаю! — не успокаивалась Эрмина.

— Не суди строго своего мужа, он потрясен смертью матери. Еще несколько недель назад ты бы не стала так реагировать. Но с тех пор как ты увлеклась этим учителем, я тебя не узнаю.

— Мама, не вмешивай сюда Овида. Он совсем другой!

— Разумеется, — насмешливо ответила Лора. — Я предпочитаю не дискутировать на эту деликатную тему. Лучше пойду в кухню к Мирей. Приходится проявлять фантазию с нынешним дефицитом продуктов.

В комнату вошел Жослин. Он все слышал из коридора. Странное возбуждение дочери его расстраивало. Но как ни странно, он лучше понимал ее, чем Лора.

— Пойдем, доченька, прогуляемся вдвоем.

Эрмина встала и взяла его за руку. Ей было хорошо рядом с отцом; его высокая фигура и ласковый голос действовали на нее успокаивающе. Они медленно вышли из дома под раздраженным взглядом Лоры.

— Взгляни на это мягкое октябрьское солнце, — тихо сказал Жослин, спускаясь с крыльца. — Как было бы хорошо с легким сердцем встретить приближающуюся зиму! Бедное дитя, тебе кажется, что твой муж тебя отверг, не так ли?

— Да, — всхлипнув, ответила она. — Даже хуже: мне кажется, что у меня больше нет мужа.

Жослин молча погладил ее по руке. Потом продолжил:

— Твоя мать поделилась со мной своими опасениями. Она боится, как бы ты не совершила глупость, привязавшись к Овиду Лафлеру. Мне непросто говорить об этом: я не привык обсуждать подобные темы с тобой. Однако, если ты поддашься терзающему тебя чувству одиночества, оказавшись вдали от мужа, может случиться беда. Подумай о последствиях.

На этот раз Эрмина не стала возмущаться. Спокойные слова отца обижали ее меньше, чем бурные предостережения Лоры.

«Если бы тогда, в гостинице, Акали не приснился кошмар, я бы занялась любовью с Овидом. От этого один шаг до зачатия. Какое безрассудство! Тогда я об этом не думала. Папа прав, это могло привести к ужасной трагедии!»

— Я ведь тоже чувствую себя несчастным, — добавил Жослин. — Я не хотел беспокоить тебя своими мрачными мыслями — у тебя и без того хватает забот. Но поведение Кионы приводит меня в отчаяние. Помнишь, несколько недель назад, в день вашего приезда, она отказалась со мной разговаривать. Во время ужина я пытался поймать ее взгляд, но она отводила глаза. А если решалась взглянуть на меня, я читал в ее глазах нечто вроде ненависти. Для девочки ее возраста это ужасно. Господи, в последние два года, встречая ее летом, я был с ней крайне доброжелателен и ласков и она платила мне тем же! Каждый день я жду окончания уроков мадемуазель Дамасс, чтобы поговорить с Кионой, но она убегает. Лишь одно меня утешает: учительница считает ее очень умной и способной к учению. Эрмина, попробуй ее спросить, в чем она меня упрекает?

Так, под ручку, они дошли до сарайчика, оборудованного под конюшню. В двадцати метрах от него располагался загон для собак.

— Бедные животные скучают без дела, — заметил Жослин. — Раньше я их выгуливал, но теперь у меня нет на это сил. Мукки предложил делать это вместо меня. Но я ему не доверяю. Вдруг они убегут...

— Папа, Мукки с девочками вполне могут этим заняться. По поводу Кионы я тоже сильно беспокоюсь. Я не осмеливаюсь ее спрашивать о том, что ей пришлось пережить в пансионе. Думаю, проблема именно в этом. Они били ее, но могло произойти и кое-что похуже.

— Ты сказала мне, что она не была изнасилована, — сказал он, чувствуя себя неловко. — Господи, применять это слово к девочке ее возраста! Какой ужас! Ведь ее осматривала медсестра из Перибонки. Вряд ли она солгала в таком важном вопросе.

Не имея привычки обсуждать подобные темы со своим отцом, Эрмина покраснела, но нужно было прояснить ситуацию раз и навсегда.

— Это серьезная женщина, — начала она. — Она не стала бы меня обманывать. Но увы! Акали поведала мне ужасные вещи простыми детскими словами. Папа, как рассказать тебе, что мне известно... Брат Марселлен, тот самый, который запер Киону в карцере, делал отвратительные вещи с детьми, даже с мальчиками.

С пылающими от смущения щеками она прошептала несколько слов на ухо Жослину, уточнив излюбленные приемы брата. Настала очередь покраснеть этому зрелому мужчине, много повидавшему в жизни.

— Черт побери! Если он проделал это с моей дочерью, я сам поеду к нему и кастрирую собственными руками! В конце концов, в этой стране существуют законы! Следует бросить в тюрьму этого мерзавца, прикрывающегося сутаной! Эрмина, почему ты не рассказала мне об этом раньше? Если Киона подверглась такому извращению, бедная девочка наверняка получила душевную травму.

— Я рассказала все маме. Она была потрясена до глубины души. Вот куда я клоню, папа. Возможно, Киона боится мужчин — всех мужчин, которые могут иметь над ней власть, включая тебя, ее крестного.

Жослин сел на скамейку, которую Лора установила для того, чтобы наблюдать за детьми, когда они ездят верхом на пони. Подавленный услышанным, он закурил сигару.

— Врачи запретили мне курить, — проворчал он, — но мне плевать! Боже всемогущий, какая мерзость! Послушай, как-то вечером Мукки сообщил мне, что Киона получила самую высокую оценку по географии. Чтобы поощрить ее, я хотел дать ей пять долларов, но она отпрянула назад. Я схватил ее за запястье, и она принялась вырываться, готовая закричать.

— Она не выносит прикосновений, — вздохнула Эрмина.

— Моих прикосновений, — поправил ее отец. — В четверг утром она столкнулась на крыльце с Жозефом. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и она улыбнулась ему и совершенно не выглядела испуганной. Ты ошибаешься, милая, она ненавидит именно меня! Может, я чем-то похож на этого брата Марселлена?

— Нет! Ему лет пятьдесят на вид, он лысый и полный. Достаточно высокий, как ты. И очень грубый! Если бы Овид не вмешался, он ударил бы

меня.

На следующий день после своего возвращения Эрмина рассказала самое главное об их визите в пансион, оставив за кадром некоторые перипетии, включая эту стычку с монахом.

— Я плюнула ему в лицо, — призналась она. — Он требовал, чтобы я относилась к нему с уважением. И я не смогла сдержаться. Папа, я сблизилась с Овидом только для того, чтобы добиться закрытия этих заведений, сообщить о творящихся там преступлениях. Ничего больше!

Она снова лгала, но Жослин поверил ей на слово. Он покровительственно обнял ее.

— Эрмина, что мне сделать, чтобы завоевать любовь Кионы? Умоляю, помоги мне!

— Лучше всего сказать ей, что ты ее отец. Мы не знаем, что ее сейчас тревожит. Ее мать умерла, она могла подвергнуться сексуальному насилию. Если ты расскажешь ей правду, есть шанс, что это повлияет на нее положительно. Папа, сейчас самый подходящий момент сделать это. Не забывай о способностях Кионы. Она может чувствовать твоё волнение, неловкость по отношению к ней.

— Если она обладает ясновидением, почему же до сих пор не догадалась, что нас с ней связывает кровное родство?

— Я тоже задавала себе этот вопрос, для Меня это загадка. Думаю, будь у нее хоть малейшее подозрение, она вела бы себя по-другому.

— Я бы предпочел, чтобы ей сообщила об этом ты, доченька. Меня она и слушать не станет. Просто убежит в очередной раз.

— А как же мама? Она так и не дала своего согласия. Я пыталась ее убедить, но она пока хочет подождать, опасаясь, что это взбудоражит Луи и детей.

— Поставим ее перед свершившимся фактом, — отрезал Жослин. — У нас больше нет выбора. Эрмина, я люблю Киону всем сердцем. Твое детство прошло мимо меня. Мне бы очень хотелось провести оставшиеся годы жизни в радости и покое. Я совершил столько ошибок! Хочу наверстать упущенное.

— Хорошо, папа, я поговорю с ней, обещаю.

Они замолчали, погрузившись каждый в свои грустные мысли.

Валь-Жальбер, полдень того же дня

Андреа Дамасс только что отпустила учеников на обед. Она убирала

тетради в свой стол, когда Мари Маруа вернулась в класс, порозовев от смущения. Десятилетняя дочка Бетти была очень робкой.

— Вам следует поторопиться, Мари, — ласково сказала ей учительница. — Вы что-то забыли?

— Нет, мадемуазель, просто мой отец попросил меня передать вам приглашение на обед. Он просит прийти вас к нам в полдень. Вчера вечером он забил курицу и поджарил ее. Если вы согласны, я должна вас подождать.

Андреа ощутила странное волнение. Она вспомнила жадный взгляд Жозефа в их последнюю встречу во дворе. С тех пор они просто здоровались на крыльце утром и вечером, но у бывшего рабочего больше не наблюдалось такого ощутимого напряжения, близкого к желанию. Прекрасно понимая, в чем дело, она покачала головой:

— Моя дорогая Мари, скажите своему отцу, что я не могу ответить согласием на его любезное приглашение. Экономка мадам Шарден готовит определенное количество приборов и соответственно блюд. Было бы невежливо с моей стороны нарушать этот обычай.

Мари молча кивнула. Некоторые слова сбивали ее с толку, такие как «соответственно» и «обычай».

— Хорошо, мадемуазель, тогда я побегу. Но папа будет расстроен. Он забил курицу специально для вас.

Улыбнувшись, Андреа чуть было не сказала, что основной рацион семейства Шарденов как раз составляли куры Жозефа Маруа и они успели ей надоесть, но она была слишком хорошо воспитана.

— Возможно, в другой раз, — сказала она.

— Мне бы это доставило удовольствие, — заявила Мари. — До свидания, мадемуазель!

С этими словами девочка выбежала из класса, оставив Андреа в замешательстве. «Бедное дитя! Конечно, не очень-то весело жить одной с отцом. Наверняка она до сих пор оплакивает свою мать, которая была очень достойной женщиной, судя по отзывам Мирей и мадам Лоры. Но прилично ли отпрапляться на обед к Жозефу Маруа?»

Сомнения терзали ее до самого десерта, отчего она была непривычно молчалива за столом. Жослину это было только на руку, поскольку ему нередко приходилось поддерживать с ней беседу. Когда экономка принесла кофе, девушка решила поделиться своей тревогой с хозяевами. Она тихо произнесла со смущенным видом:

— Уважаемые мадам, месье, мне хотелось бы услышать ваше мнение. Только что Мари, дочка Маруа, пригласила меня к ним на обед. Ее отец

забил курицу по этому случаю. Я, разумеется, отказалась, поскольку на меня накрывают стол здесь.

— Достаточно было нас предупредить, мадемуазель, — проворчал Жослин. — Это похвальное усилие со стороны Жо, который стал замыкаться в себе.

— Да, нас это ничем не ущемило бы, — добавила Лора, наблюдавшая за Луи.

Ее сын уже несколько минут играл с хлебным мякишем. Он слепил из него шарик и теперь катал его по скатерти.

— Прекрати сейчас же, милый! — воскликнула она. — Пища священна, особенно теперь. Мирей поднимается на рассвете, чтобы замесить тесто. Нельзя разбрасываться мякишем.

Мальчик откровенно скучал. Каждый день он тщетно просил разрешения обедать у Эрмины вместе с Мукки, близняшками, Акали и Кионой.

— Я могу поиграть на фортепиано? — спросил он.

— Ни в коем случае! — отрезала его мать. — У тебя грязные руки, и ты лупишь по клавишам как оглашенный. Сегодня после обеда мадемуазель Дамасс поведет вас в лес собирать опавшие листья. Иди отдохни немного в своей комнате, ты должен быть в хорошей форме для прогулки.

— Не хочу! — закричал Луи. — Лучше пойду налью воды Базилю.

— Нет! — раздраженно воскликнула Лора. — Ты не имеешь права входить в стойло к пони без Мукки. Луи, хватит спорить, иди в свою комнату.

Жослин не хотел вмешиваться. Он пожалел об отсутствии Шарлотты, которая поехала на велосипеде в Роберваль. Она умела успокоить ребенка, ставшего очень капризным в последнее время.

— Луи, нужно слушаться взрослых, — сочла должным сказать учительница.

— Не утруждайтесь, — сказала Лора, поднимаясь из-за стола. — Сейчас он сделает, что я прошу.

С этими словами она схватила сына за ухо, заставив его встать со стула.

— Уй-я! — завопил он. — Мне больно! Уй-я! Ты злая, мама! Злая!

Мирей уже собралась заступиться за малыша. Несмотря на свой суровый вид, она не выносила детского плача.

— Мадемуазель Дамасс тебя не раз наказывала за твою неправильную речь! — воскликнула его мать. — Нельзя говорить «уй-я»!

И под изумленными взглядами Жослина и экономки она отвесила мальчику пощечину. Лора ни разу не была своего сына. Она даже поклялась, что этого никогда не случится. Обещание это было дано зимой 1940 года, когда ребенка похитили и она думала, что никогда его больше не увидит.

— Лора, что на тебя нашло? — возмутился ее муж. — Луи тоже можно понять. Ты нянчишься с ним, как с младенцем, постоянно опекаешь. Пусть себе идет к пони или играет на фортепиано.

— О да! — закричала Лора. — Тебе вообще наплевать на воспитание сына!

Не желая присутствовать при ссоре, Андреа уже собиралась покинуть комнату, когда Луи принялся вопить, растирая покрасневшее ухо:

— Ты очень злая, мама, я тебя больше не люблю! Ты злая со всеми, даже с бедной Кионой! Из-за тебя папа не может ей сказать, что она его дочь! Да, я знаю, что Киона дочка папы! Она моя сестра!

В гостиной повисла мертвая тишина. Лора побледнела и бросила на Луи испуганный взгляд. Андреа поспешно ретировалась в свой класс, а Мирей выскользнула в коридор и направилась к кухне. Жослин с ошеломленным видом застыл на месте.

— Прекрасно, — сказала Лора. — Жосс, я вижу, тебе плевать на мое мнение, раз ты предал огласке эту тайну, видимо, для того, чтобы сильнее меня унижить. Все, хватит, это уже слишком! Настроить против меня сына — какая жестокость!

— Дорогая, — наконец возразил ее муж, поднимаясь из-за стола, — что ты себе напридумывала? Сегодня утром я действительно попросил Эрмину поговорить об этом с Кионой, но она просто не успела бы этого сделать. И даже если она сделала это во время обеда, как Луи узнал бы об этом?

Лора плакала, тихо всхлипывая. Ее плечи под серым бархатным платьем вздрагивали в почти детских рыданиях, на нее было жалко смотреть. Жослин хотел ее обнять, но она отстранилась.

— Я знала, что никто не будет меня здесь любить из-за этой девчонки. Я не могу этого вынести, нет!

Увидев, что натворил, потрясенный Луи тоже заплакал. Он проводил взглядом свою мать, которая быстрым шагом вышла из комнаты, прислушался к ее шагам на лестнице.

— Что ты наделал, маленький идиот, — проворчал его отец. — Ты сам это выдумал или кто-то тебе сказал? Только не лги, Луи, мне нужна правда!

— Это Киона, — признался испуганный мальчик. — Она нам все

рассказала, мне и остальным: Мукки, Лоранс, Нутте и Акали. Мы все знаем, что она твоя дочь. И что ты стыдишься ее, потому что она индианка!

— О господи! — простонал Жослин, опускаясь на стул. — Вот, значит, почему она так холодна со мной! Луи, быстро беги наверх и проси у мамы прощения. Она очень расстроена. Ты был неправ, проявив к ней неуважение и послушавшись ее. Сходи также к мадемуазель Дамасс и предупреди ее, что Киона не вернется в класс после обеда. Поторопись.

Ребенок вытер слезы тыльной стороной ладони и вышел из комнаты. Тут же в нее проскользнула Мирей, держа под мышкой бутылку хереса.

— Месье, — вполголоса позвала она, — я подумала, что рюмочка вам не помешает.

— О да, моя славная Мирей! Мне это необходимо. Представляешь, на секунду я подумал, что это ты не удержала язык за зубами! Ведь я не сомневаюсь, что ты обо всем догадалась...

— Я, месье, не вмешиваюсь в жизнь своих хозяев и, даже если бы что-то и знала, ни за что не стала бы болтать об этом направо и налево. Желаю вам удачи!

Жослин остался сидеть один, положив локти на стол. Он тщетно ломал себе голову, пытаясь понять поведение Кионы. «Значит, она знает, что я ее отец, но относится ко мне с ненавистью. Почему? Я не виновен в смерти Талы и в том, что она попала в этот проклятый пансион! Мне нужно идти к Эрмине как можно скорее. И собрать в кулак все свое мужество».

Он налил себе еще одну рюмку хереса и залпом проглотил ее.

«Маленький рай», Валь-Жальбер, тот же день

Эрмина и Мадлен убрали со стола после обеда. Пятеро детей с аппетитом поели наваристого супа: вкусной смеси картофеля, лука, репы и фасоли. Это был один из любимых рецептов Эрмины, даже если ей сейчас пришлось добавить немного сала вместо ветчины.

— На полдник я напеку оладий по рецепту Мирей. Здесь мне нравится заниматься стряпней.

— У нас почти не осталось сахара, — заметила Мадлен, — но зато хорошие запасы кленового сиропа.

Обе женщины прислушались. На втором этаже было очень шумно. В этом галдеже преобладал голос Мукки. Он упрекал Мари-Нутту в том, что она взяла его майку.

— Перестаньте ссориться! — крикнула их мать. — Вам осталось всего

полчаса до возвращения в класс. Проведите их с пользой!

В эту секунду в дверь кто-то постучал. Эрмина открыла, вопреки всякой логике надеясь, что это Овид.

— Папа! — удивилась она. — Хочу думать, ты пришел не затем, чтобы снова меня утешать. Моя милая Мадлен тоже меня успокаивала. Тошан мне перезвонит, я в этом уверена. И не переживай по поводу Кионы: я поговорю с ней вечером, в своей комнате.

Жослин вошел внутрь и усталым жестом снял шляпу.

— В этом нет необходимости. Где она? Позови Киону, доченька, и отправь детей к нам. Нам нужно поговорить, всем троим. Мадлен, не хочу тебя обидеть, но, если бы ты смогла нас оставить, я бы чувствовал себя свободнее.

— Разумеется, месье, — с улыбкой ответила она. — Пойду наверх наведу порядок: дети что-то слишком расшумелись. И скажу Кионе, чтобы она спустилась.

— Что с тобой, папа? — встревожилась Эрмина, когда они остались одни. — У тебя удрученный вид.

— Она все знает, — грустно сказал он. — Киона знает, кто я, и рассказала об этом твоим детям и Луи. Мой сын бросил это в лицо Лоре в конце обеда, в присутствии учительницы. Можешь себе представить результат! Твоя мать в слезах убежала в свою комнату, оскорбленная до глубины души. К тому же Луи назвал ее злой.

Эрмина была ошеломлена. Но она не успела ничего сказать. Мадлен сбежала по лестнице и ворвалась в кухню.

— Кионы наверху нет, — встревоженно сказала экономка. — Мукки утверждает, что она отправилась прогуляться, выйдя через дверь кухонной подсобки. Пойду отыщу ее, месье, и приведу к вам.

Она бросилась на улицу. Жослин всплеснул руками:

— Должно быть, она увидела меня в окно и сбежала. Я же не могу пробираться к тебе тайком!

— Я разрешаю им гулять на улице, пока погода еще не испортилась, — сказала Эрмина. — Киона могла выйти без задней мысли. Бедный папа, вот так история! Это означает, что она уже несколько дней знает о вашем родстве и даже рассказала детям. Не могу в это поверить! Но почему она не поговорила со мной?

— Я не понимаю, кто открыл ей тайну, которую мы все так тщательно хранили! — негодовал Жослин. — Или она узнала ее благодаря своим способностям? Да, скорее всего.

— Нет, папа, — вздохнула Эрмина. — Мне кажется, я понимаю, откуда

ей это известно.

Ноги подкашивались от волнения, и женщине пришлось сесть. «Наверняка это случилось в двуколке пансиона, когда мы с Овидом ехали в Перибонку, — подумала она. — Акали уснула. Киона еще не пришла в себя с тех пор, как мы обнаружили ее в карцере. По крайней мере, я так думала. Я рассказала Оvidу обстоятельства ее рождения, поскольку была уверена, что она ничего не слышит. Но я могу и ошибаться. Возможно, у нее возникло видение, когда она начала жить рядом со своим настоящим отцом».

— Эрмина, скажи что-нибудь, — терял терпение Жослин.

И она призналась ему во всем.

— Мне очень жаль, папа! Я была так счастлива, что мы ее спасли, но также шокирована, потрясена. В тот день мне захотелось рассказать всю правду о Кионе.

— Черт возьми! Что на тебя нашло? А твои дети, мой сын — какая банда скрытников! Они вели себя со мной так же, как прежде! Господи, я лишился последней надежды. Моя маленькая дочка меня ненавидит...

Мукки и Акали спустились по лестнице в сопровождении Лоранс и Мари-Нутты.

— Еще раз здравствуй, дедушка, — крикнула последняя.

Эрмина уловила насмешливые нотки в ее звонком голосе. Она вскочила со стула и встала перед ней.

— Нутта, стой на месте. Вы тоже, Мукки и Лоранс. Выражаясь вашим языком, Луи проболтался. И я вами недовольна, всеми, за исключением тебя, Акали, ты здесь ни при чем.

— А! Предатель! — презрительно бросил Мукки. — Луи не имел права нарушать договор! Он поклялся Кионе молчать.

— Чем дальше, тем лучше! — воскликнула Эрмина. — В ваших же интересах все мне рассказать. И в интересах Кионы тоже.

Жослин пришел к ней на подмогу. Он навис над внуками всей своей внушительной фигурой. Его темные глаза сверкали от грусти и гнева.

— Нет нужды продолжать ломать комедию, дети, — сухо сказал он. — Мы с бабушкой хотели подождать, прежде чем раскрыть вам тайну, столько лет тяготившую всю нашу семью. Это взрослые истории, и вас они не касаются, но я очень разочарован вашим поведением. Очень. Особенно твоим, Мукки. Ты самый старший и должен был довериться своей матери, если не хотел разговаривать со мной.

Лоранс шагнула вперед первой, еле сдерживая слезы.

— Прости, дедушка, но Киона попросила нас дать клятву. Мы так за

нее переживаем! Поэтому не посмели ей отказать.

— И не очень-то хорошо было бросать ее в этом пансионе, — агрессивно добавила Мари-Нутта.

Рассерженная, Эрмина холодно взглянула на своих детей.

— Замолчите сейчас же, я больше ничего не хочу слышать! А ты, Нутта, не смей разговаривать с дедушкой таким тоном. Нельзя никого осуждать, не зная всех деталей. Мадемуазель Дамасс вас ждет. Бегите! Я вами очень недовольна.

Дети вышли из дома, виновато понуриив головы. Жослин проводил их взглядом, пока они шагали в сторону улицы Сен-Жорж. Он также увидел бегущую им навстречу Мадлен, которая что-то спросила у них с обеспокоенным видом.

— Месье! — крикнула она с крыльца. — Я дошла до вашего дома. Киона взяла пони тайком, не оседлав его. Уздечки нет. Мирей думает, что малышка сбежала вместе с Базилем.

— О нет! Господи, только не это! — простонала Эрмина. — Папа, нужно срочно ее разыскать! Она не могла уйти далеко, ведь прошло не так много времени.

Вцепившись в руку отца, она увлекла его на улицу. Оба внимательно огляделись по сторонам. Мадлен сделала то же самое.

— Вон там! — почти сразу воскликнула индианка. — Я ее вижу! На тропе, идущей вдоль водопада, в том месте, где она возвышается над заводом!

— Но это же опасно! — воскликнул Жослин. — Я пойду за ней!

— Нет, папа, — возразила Эрмина. — Ты недостаточно крепок, чтобы ее догнать. Подумай о своем сердце. Еще две недели назад ты лежал в больнице. Я хожу быстрее тебя.

Он схватил ее за руку, глядя со странным выражением, которого она раньше никогда не видела.

— Доченька, я должен пойти к Кионе. Один! Я чувствую это в себе, как если бы она сама меня об этом попросила. Это мой последний шанс. Окажи мне услугу, сходи к Лоре и объясни, что моей вины в случившемся нет. Успокой ее. Сделай это для своего отца, Эрмина, прошу тебя!

Молодая женщина вынуждена была уступить. Она поцеловала Жослина в щеку, полная сострадания к нему.

— Будь осторожен, папа, я тебя очень люблю, — прошептала она. — А я пойду к маме.

Жослин Шарден пошел вперед решительным шагом, не сводя взгляда с крошечной точки, передвигавшейся по соседнему холму. И эта точка,

розовое платье Кионы, непреодолимо влекла его к себе, придавая силы ушедшей юности. Это был его любимый ребенок, столько раз им отвергнутый! Он должен догнать ее, поговорить с ней, чтобы успокоить терзавшую ее боль.

Валь-Жальбер, дом Шарденов, тот же день

Эрмина несколько раз постучала в комнату своих родителей, но так и не добилась ответа. Наконец она позвала:

— Мама, я могу войти? Мама, прошу тебя, открой.

Она тщетно поворачивала ручку двери. Лора заперлась на ключ. Через несколько нескончаемых минут Эрмина начала волноваться.

— Мама, ты можешь кричать, рыдать, оскорблять меня, но ты должна мне открыть, — настаивала она. — Иначе я попрошу Онезима выломать дверь. Нам необходимо поговорить. Мама, открой, это уже становится нелепым!

С огромным облегчением она услышала приглушенный звук шагов, затем раздался щелчок в замочной скважине. Лора приоткрыла дверь. Комната была погружена в полумрак.

— Я не собираюсь тебя слушать, Эрмина, — заявила она. — Слишком поздно: самое плохое уже случилось. Я так хотела это предотвратить!

— Я знаю, мама, но все не так ужасно. Боже мой, ну и денек! Ну,пусти же меня. Где Луи?

— В классе, на уроках в моей частной школе. Еще один ничтожный повод для радости: я ни на что не годна, я плохая, злая.

Она рыдала. Эрмина мягко увлекла мать в сторону кровати. Поперек лежала диванная подушка в темных пятнах от слез.

— Бедная моя мамочка, ну зачем ты так переживаешь? Не изводи себя из-за глупых слов восьмилетнего ребенка. Луи любит тебя и будет любить всегда. Он совершил ошибку, спровоцировав тебя и открыв эту тайну. Но теперь, когда правда вышла наружу, мы сможем дышать свободнее. Киона продолжит жить у меня. Когда Тошан вернется, он займется воспитанием своей сводной сестры. Дети устроили заговор за нашей спиной, но совершенно не выглядели взволнованными. Главное — это правда, мама.

Эти слова, призванные успокоить Лору, вырвали у той жалобный стон. Она заплакала еще сильнее, и это ошеломило Эрмину. Чувствуя себя неспособной утешить свою мать, она обняла ее.

— Мама, ты поговорила с Луи? — спросила она.

— Да. Он, мое сокровище, извинился передо мной, тогда как я ущипнула его за ухо и отвесила пощечину. Я ничем не лучше этих сестер из пансиона, которые истязают невинных детей. Мой Луи ни в чем не виноват. Он ничего не понял в силу возраста. Я, как смогла, объяснила ему все.

— Ну вот видишь, все налаживается! Мама, прошу тебя, не сравнивай себя с этими людьми, так называемыми священнослужителями. Многие дети получают оплеухи, но при этом не становятся жертвами.

Лора растерянно заметила:

— Он просто хотел поиграть на фортепиано.

— Кто?

— Луи! Я ему запретила, а потом не разрешила пойти к пони.

— Мама, ты все правильно сделала. Мы запретили всем детям трогать фортепиано. У них не всегда чистые руки, а я очень дорожу этим инструментом. Что касается пони, я снова с тобой согласна, ведь Луи мог раздражить Базеля, и тот бы его укусил.

Она подумала о Кионе, которая без колебаний взобралась на неоседланное животное. Лора достала из своего ночного столика батистовый носовой платок и промокнула им глаза.

— Мадемуазель Андреа не должна была об этом знать. Я не знаю, можно ли ей доверять. Если она начнет болтать без разбору, скоро все узнают, что у моего мужа была связь с индианкой... О! Прости меня, Эрмина. Мне плевать, индианка это или японка, я хотела сказать, с другой женщиной. В Робервале мне и так многие завидуют из-за моего состояния. А теперь я стану всеобщим посмешищем для почтенных домохозяек и злых языков.

— Какое это имеет значение, мама? Главное — это наша семья. Здесь, в Валь-Жальбере, нам не грозит война. То есть я на это надеюсь. Несмотря на дефицит продуктов, мы питаемся лучше большинства наших соседей. Вы с папой любите друг друга. Тебе повезло: твой муж рядом с тобой ночью и днем. Знаешь, я тебе завидую, ведь мой Тошан так далеко! Киона не угроза для тебя, а растерянная маленькая девочка, которая лишилась мамы и, возможно, подверглась сексуальному насилию.

Лора выпрямилась, глаза ее были сухими. Она с нежностью взглянула на Эрмину.

— Я не сержусь на Киону, доченька. Я даже корю себя за то, что считала ее опасным врагом. Спасибо, что ты пришла ко мне! Но где же Жосс?

Молодая женщина пустилась в очередные объяснения. Она очень

хотела восстановить в семье гармонию, невзирая на хаос, царящий в ее собственном сердце.

— Какой странный ребенок! — подвела итог Лора, узнав, что произошло. — Только бы с ней ничего не случилось возле водопада! Это убьет твоего отца.

Они с задумчивым видом взялись за руки. Эрмина вспомнила себя в пятнадцатилетнем возрасте, когда она сама была готова броситься в бурлящую пропасть Уиатшуана: незнакомые ей бабушка и дедушка без обиняков сообщили в письме, что ее мать, Лора, таинственная дама в черном из замка Роберваля, с которой она наконец вновь встретилась после долгих лет разлуки, занималась проституцией...

— Господь этого не допустит, мама, — заверила она.

* * *

Киона уселась как можно ближе к водопаду. Она слушала его пение, суровое, мощное, вечное. Гигантские потоки воды разбивались о крупные черные камни, блестящие от воды. Брызги долетали до девочки, и она протягивала руки к шальным каплям, похожим на серебристые жемчужины.

— Спасибо, Уиатшуан! — каждый раз кричала она. — Ты мой друг, спасибо!

Невидимый свидетель вряд ли смог бы понять, от чего было мокрым лицо девочки — от слез или от прозрачной воды, — но он наверняка бы различил в ее золотистых глазах глубокую печаль. Освобожденный от уздечки, пони бродил по склону, пощипывая сухие листья и пучки травы.

— Он идет, — тихо сказала себе Киона. — Мой отец идет. У меня еще есть время убежать. Он наверняка накажет меня за то, что я рассказала все ребятам. А Лора давно об этом знала, поэтому и ненавидела меня.

Головокружительная бездна, куда устремлялась река, притягивала ее к себе так же, как еловые леса на вершине холмов. Она вскочила на ноги и подошла к самому краю, где был небольшой выступ.

— Я должна изгнать страх из своего сердца. Мама, помоги мне! Тала-волчица, помоги мне!

Раскинув руки в стороны и прикрыв глаза, Киона принялась читать молитву, которой ее научила мать, когда она уже могла понять смысл. Ее тонкий голос был словно легкий вздох среди гула водопада:

О Великий Дух,
Голос которого я различаю в ветре
И дыхание которого дает жизнь всему существу!
Услышь меня, маленькую и слабую.
Дай мне силы и мудрости.

Жослин увидел ее, такую хрупкую в своем светлом платье, стоящую на краю бурлящей пропасти, и начал звать ее, боясь, что не успеет вовремя и не помешает ей прыгнуть.

— Нет, Киона, нет! Не делай этого! — закричал он, взбираясь еще быстрее по крутому неровному склону. — Моя дорогая доченька, не делай этого! Твоя жизнь слишком драгоценна! Если ты бросишься вниз, я последую за тобой! Я умру вместе с тобой! Ты слышишь? Я умру вместе с тобой!

Он действительно решил, что она хочет броситься в Уиатшуан, бурное течение которого разбило бы ее и унесло, словно невесомую соломинку. Обезумев от ужаса, он кричал это изо всех сил. Несмотря на оглушающий шум, Киона поняла смысл его слов.

«Я умру вместе с тобой!» — повторила она про себя. Эти слова отдались радостным эхом в ее сердце.

Она продолжала неподвижно стоять на месте. Вне себя от тревоги, Жослин подбежал к ней и схватил за талию. С неожиданной силой он поднял девочку и отнес на безопасное расстояние от пропасти.

— Спасибо, Господи! Спасибо! — простонал он. — Доченька моя любимая, почему? Почему тебе причинили столько боли? Прости, прости меня тоже, твоего отца, я обидел тебя!

Он упал на землю, не выпуская Киону из рук. Она не вырывалась, но он не заметил этого сразу, будучи оглушенным и испытывая облегчение от того, что успел предотвратить самую ужасную трагедию в своей жизни. Прижимая ее к себе изо всех сил, он целовал ее щеки, лоб.

— Не нужно умирать, малышка, нет! Тебя ждет долгая и счастливая жизнь, а я, твой отец, буду с тобой, чтобы защищать тебя. Больше никто не посмеет тебя тронуть, обидеть. Я пообещал Тале заботиться о тебе, и даже без обещания я сделал бы это, потому что люблю тебя, моя доченька. Господи, если бы я тебя потерял, то, поверь мне, не смог бы жить без тебя!

От сухого рыдания у него перехватило горло. Наконец он добавил:

— Славу Богу, я успел вовремя!

— Но я вовсе не хотела умирать, — удивленно ответила девочка. — Я

молилась Великому Духу, как мама. Я просила его сделать меня сильной и мудрой, каковой не являюсь. Я не смогла защититься от сестер в пансионе, и мне все время хочется делать глупости. Иногда я ненавижу здесь всех, и меня это пугает. Скажи, ты правда меня любишь?

— Люблю ли я тебя? — воскликнул он. — О да! Я не смог тебе этого доказать, но я люблю тебя всем сердцем. Так ты действительно не собиралась прыгать вниз?

— Конечно нет, — подтвердила Киона. — Я должна стать взрослой, это я знаю.

Они осмелились посмотреть друг другу в глаза, немного отстранившись, что вынудило Жослина ослабить объятия. И тогда он заметил, что его дочь продолжает обнимать его за шею. От этого проявления доверия, почти нежности, на его глазах выступили слезы.

— Что ты себе напридумывала, малышка? — тихо спросил он. — Представляю, какие глупости! Ты думала, что я отвергаю тебя, потому что в тебе течет индейская кровь? Ты решила, что я тебя стыжусь. Но я знаю, почему ты ошиблась на мой счет. Не так давно ты узнала, что я твой отец, и судила меня по прошлому. Однако я столько раз пытался доставить тебе радость! Когда Тала привозила тебя в Роберваль, мне хотелось баловать тебя, покупать тебе одежду, сладости, и это был мой способ доказать тебе свою любовь. Я пообещал Лоре и Тале открыть тебе правду только тогда, когда ты станешь взрослой. Эта ситуация была деликатной, очень запутанной, поскольку твоя мать тоже хотела сохранить все в тайне.

Этой главной детали Киона не знала. Она пристально вгляделась в темные глаза отца, чтобы убедиться, что он не лжет.

— Мама говорила мне, что мой отец умер, — вздохнула она. — Я просила Великого Духа показать мне во сне моего отца. Однако я никогда тебя не видела.

Она с любопытством разглядывала Жослина, а потом улыбнулась, сначала робко. Вскоре ее лицо осветилось безграничной радостью. Он тоже не сводил с нее глаз, очарованный необычным блеском ее янтарного взгляда. Она казалась ему очаровательной, со своим бритым черепом совершенной формы, на котором уже переливались немного отросшие очень тонкие золотистые волосы, со своим задорным носиком и кожей цвета меда.

— Доченька моя, — повторил он. — Моя маленькая доченька! Ты моя гордость и радость! Я столько лет был лишен моей нежной Эрмины. Я не видел, как она росла, и до сих пор страдаю от этого. Я бы так хотел видеть тебя рядом каждый день!

— Больше не надо плакать, — возразила она. — Ты обрел Мину и меня, я очень хочу, чтобы ты был моим отцом.

— Я тебе хоть немного нравлюсь? — попытался пошутить он. — Я уже не так молод, у меня седые волосы и морщины, но я буду стараться изо всех сил, чтобы увидеть, как ты станешь красивой молодой женщиной.

— О! Ты это увидишь, — сказала Киона, словно это было признанным фактом.

Взволнованному Жослину хотелось целовать свою обретенную дочку вновь и вновь, но он сдерживал себя, боясь отпугнуть ее. Она спокойно сидела у него на коленях — это уже было маленьким чудом.

— Я бы так хотел сделать тебя счастливой, облегчить твою горе, а главное — стереть из твоей памяти все, что ты пережила в пансионе, — убежденно сказал он. — Ты должна мне столько всего объяснить, Киона! Как ты узнала правду? Когда ты рассказала об этом Мукки, Луи и девочкам? Ты также можешь мне сказать, что с тобой сделал брат Марселлен. Я отправлю его в тюрьму, все равно каким способом. И расскажи мне, почему ты сбежала вместе с пони.

Погрузившись в свои мысли, Киона опустила голову и секунду помолчала.

— В полдень, во время обеда, я увидела, что происходит у тебя дома. Луи нарушил клятву. Я испугалась наказания, особенно от Лоры. Поэтому решила вернуться в лес, к моей бабушке Одине и тете Аранк. Но меня позвал Уиатшуан. Он пел для меня, и я пришла его послушать. И здесь я уже не знала, нужно ли мне ехать дальше. Я позвала тебя, потому что уверена, что в глубине души ты совсем не злой. Ты не кричишь так громко, как Лора. И если бы я нашла бабушку Одину, возможно, она попросила бы шамана сделать мне другие амулеты. Главная монахиня, та, что остригла мне волосы, сорвала с меня ожерелье, и ко мне вернулись видения. Как только я задремала, я сразу увидела, что творилось в карцере, и это было ужасно. Там убивали детей моего народа. У меня больше нет моих волшебных амулетов. Они защищали меня от страшных картинок, которые приходят ко мне в любое время.

Тонкий голосок Кионы задрожал, потом прервался. Жослин прижал ее к себе и принялся баюкать.

— Я съезжу за ними с моим другом Жозефом, нашим соседом.

— Она бросила их в печь. Вместе с моей туникой с бахромой, вышитой красным и синим бисером, и брюками. Их сшила мне мама. Мина очень добрая, и я не хочу ее расстраивать, но она одевает меня в платья, а я хотела бы носить свою одежду из оленьей шкуры, которую шила мне мама.

Я индианка, а не белая!

— Да, я понимаю...

Он осознал, до какой степени на девочку повлияло все, что ей пришлось пережить за последние недели.

— Я рассказала им вчера, в воскресенье, то, что я узнала о тебе и обо мне. Близняшкам, Мукки и Луи. Они были очень удивлены. Луи меня поцеловал. Он был так рад, что я его сестра! Перед рассказом я попросила их поклясться, что они никому об этом не скажут. Они поверили мне, потому что я слышала, как Мина рассказывала об этом месье Лафлеру в двуколке. У Мины не было никаких причин для лжи.

Жослин поцеловал Киону в бархатную щечку. Она тихо рассмеялась хрустальным смехом, от которого вздрогнуло его сердце.

— Бедная малышка! Не пугай нас больше своими побегами. Завтра же я отправлюсь в Пуэнт-Бле и постараюсь привезти тебе одежду твоего народа. А по поводу амулетов у меня есть одна идея.

Он порылся во внутреннем кармане своей куртки и достал оттуда кожаный футляр, содержимое которого вытряхнул на ладонь своей левой руки.

— Помнишь, Киона, этот золотой кулон на цепочке? Я хотел тебе подарить его два года назад, в день похорон Бетти, нашей соседки. Ты отказалась и бросила мой подарок в траву. Эрмина его подобрала. Это украшение, медальон, принадлежало моей прабабушке Альетт, которая покинула Францию, чтобы поселиться здесь. На ее родине люди считали ее колдуньей. Но это была очень добрая, великодушная и красивая женщина с золотистыми волосами и янтарными глазами, как у тебя.

— Да, я помню. Ты рассказывал мне о ней, когда я болела и лежала в большой кровати Эрмины. Но почему люди считали ее колдуньей?

— Потому что она тоже могла предвидеть будущее и умела лечить болезни растениями, а главное — своей душой. Ты унаследовала ее доброту и свет, моя девочка, и поэтому я хочу, чтобы ты носила это украшение. А дама, изображенная на кулоне, — это Мария, мать Иисуса. Верь мне, Киона, я уверен, что он будет тебя оберегать.

Не дожидаясь ответа, Жослин застегнул цепочку на шее девочки. Она погладила медальон, сияя от счастья.

— Сегодня я принимаю твой подарок, — радостно сказала она. — Я могу называть тебя папой?

— Конечно, ты просто обязана это делать! Ну-ка, скажи прямо сейчас, доставь мне удовольствие!

Киона улыбалась, восхищенная, очарованная тем, что она ощущала в

глубине своего сердца. Это было благодатное тепло, невероятное облегчение.

— Папа?

— Да?

— Папа, брат Марселлен не смог ничего со мной сделать! Когда он поднял свою сутану, я увидела... то, что видела в своих дурных снах. Я изо всех сил попросила Иисуса, и он забрал меня в красивое место, полное цветов и птиц. А потом я проснулась в двуколке, и Мина гладила меня по щеке.

— Ты меня успокоила, — произнес Жослин.

«Тот самый эпилептический припадок, о котором твердила главная монахиня, — подумал он. — Оказавшись перед этим мерзким боровом, бедняжка так испугалась, что потеряла сознание. А что, если Иисус, наш Господь, возмущенный поступками своих лживых служителей, действительно пришел ей на помощь?»

Охваченный сильным волнением, он перекрестился, готовый бежать в ближайшую церковь, чтобы восхвалить Христа и выразить свою глубокую благодарность.

— Папа?

— Да, мой ангелочек?

— А как же Лора? Возможно, она так разгневется, что я больше не смогу ходить в ее частную школу.

— Тебе нечего опасаться. Лора совсем не злая, но у нее очень сложный характер. Она научится тебя любить. Киона, мы все должны приложить усилия, чтобы жить в мире. Теперь у нас не осталось никаких тайн. И пора возвращаться домой и привести назад Базиля. Смотри, он около завода.

— Хорошо, папа. Скажи, ты правда меня любишь?

— Правда! Пойдем, моя доченька.

Жослин поднялся и взял за руку Киону. Он больше не хотел задавать себе вопросов. Будущее само предоставит все ответы, в которых он уже не нуждался. В этот день он был самым счастливым человеком — отцом, достойным этого звания.

Эрмина поднималась по улице Сен-Жорж, покинув Лору, которая уснула, измученная слезами. Ощущая легкое беспокойство, она решила пойти в сторону бывшей фабрики. Ее прошлое неотступно следовало за ней. Она взглянула на фасад товарного склада, куда прежде не раз приходила покупать сахар и свечи для сестер монастырской школы. Величественное здание выглядело таким же заброшенным, как дома,

выстроившиеся вокруг. На нее нахлынуло самое дорогое ей воспоминание, когда однажды зимним вечером, привлеченная таинственным насвистыванием, она пошла в сторону катка. Там она встретила Тошана. Его грациозные и быстрые движения заворожили ее. Позабыв о наставлениях сестер, она не могла сдвинуться с места, заинтригованная, восхищенная. Когда он приблизился к робкой девочке, какой она тогда была, они обменялись парой слов и она тут же влюбилась в него.

«Господи, верни мне его! — взмолилась она. — Верни мне красивого и дикого Тошана, каким он был тогда, со своими длинными черными волосами и пылким взглядом».

Эрмина ускорила шаг, бросив меланхоличный взгляд на крыльцо, где пятнадцать лет назад часто стояла очаровательная старушка, вдова Мелани Дуне, с волосами, собранными в безупречный пучок. «Я приносила ей травы, высушенные сестрой Викторьен, и готовила из них чай. Я всегда должна была петь ей “Странствующего канадца”. Но эта песня вызывала у нее слезы, поскольку ее обожал покойный муж, а я расстраивалась, видя, как она плачет».

Поддавшись ностальгии по своей ранней юности, Эрмина принялась напевать:

Странствующий канадец, изгнанный из дома,
Скитался в слезах по чужбине.
Однажды, сидя на берегу реки,
Печальный и задумчивый,
Он сказал быстрому течению:
«Если ты увидишь мою страну,
Мою несчастную страну,
Передай моим друзьям,
Что я вспоминаю о них».

Продолжая тихо петь, она приближалась к заводской площади. Неожиданно перед ней возникли две фигуры. Жослин и Киона шли, держась за руки. Они улыбались друг другу, за ними послушно следовал пони.

— Папа! Киона! — позвала она.

— Мина! — закричала девочка. — Мина! Мой отец меня нашел!

В это мгновение молодая женщина поняла, что очередная страница их истории перевернута. Она подбежала к ним, смеясь и плача одновременно.

Жослин обнял обеих.

— Мои доченьки! — воскликнул он. — Мои родные доченьки!

Глава 10

Головокружение

Валь-Жальбер, среда, 11 ноября 1942 года

Шел снег. Прижавшись лбом к стеклу, Эрмина любовалась белым пушистым пейзажем. Она испытывала ту же радость, что и в детстве, когда первые хлопья возвещали о веселых играх на улице Сен-Жорж в компании Симона, Армана и маленького Эдмона. Элизабет разрешала им лепить огромного снеговика, и заканчивалось это обычно смехом и шутками.

«Мы брали старую соломенную шляпу Жозефа и морковку для носа. Однажды Симон стащил у отца трубку и сунул снеговiku в рот, нарисованный углем. Было еще не очень холодно, и мы были такие счастливые».

Теперь им на смену пришли ее дети. Мукки, видимо подражая своему отцу, попросил на Рождество пару коньков. И теперь с нетерпением ждал морозных ночей, когда вокруг реки появится импровизированный каток.

— Все наладилось, — вполголоса произнесла она. — У мамы замечательное настроение, и я вижу, как она часто улыбается Кионе. Она опасалась сплетен и пересудов, но у людей полно других забот.

— Мина, ты разговариваешь сама с собой? — с улыбкой спросила Мадлен, которая вышивала салфетку, сидя у печки.

— Да! Я размышляла, как замечательно у нас все устроилось. Мадемуазель Дамасс эффективно обучает детей. Они даже становятся прилежными. Папа с Кионой прекрасно ладят. А когда мы отправляемся в Роберваль, я с удовольствием представляю этого ребенка как свою сводную сестру. По сути, это немного меняет: все и так знали, что она из семьи моего мужа. Но мне этого достаточно для счастья.

— Ты в этом уверена? — спросила ее подруга. — В последние несколько дней ты мне кажешься довольно нервной.

— Тошан мне не перезвонил и не написал. Я не знаю, где он и чем занимается. И у меня нет никаких известий от Овида Лафлера. Тем не менее я прекрасно помню, как месяц назад, в день своего отъезда, он пообещал нам скоро вернуться, чтобы показать письма, которые мы вместе составили, но уже отпечатанные на машинке.

— Да, так и было. Он хотел позаимствовать пишущую машинку у мэра Сент-Эдвиджа. Не волнуйся, возможно, он получил место и у него нет времени приехать.

— Это не помешало бы ему отправить мне письмо, чтобы держать в курсе, — отрезала Эрмина. — Я не понимаю, мне он казался серьезным.

Мадлен склонилась над вышивкой, не решаясь затрагивать деликатную тему.

— Я считала его своим другом, — добавила молодая женщина, отходя от окна.

— Мина, ты можешь мне довериться, я умею держать язык за зубами, когда это нужно. Мне кажется, у Овида к тебе чувства. И поскольку ты замужем, он решил держаться в стороне. Я даже спрашивала себя, не было ли это решение обоюдным.

Эрмина вернулась к прерванному занятию: она чистила яблоки, которые уже немного увяли от долгого хранения. Ей хотелось испечь пирог детям на полдник.

— Я просто испытывала к нему уважение и чувство привязанности, — после долгого молчания ответила она. — Но возможно, так даже лучше. Мама очень переживала, уже воображая меня падшей женщиной, изгнанной из общества. А ведь я не способна изменить Тошану. Хотя мне понятно твое беспокойство: я же супруга твоего кузена.

Мадлен молча кивнула, не осмеливаясь смотреть на Эрмину, которой внезапно стало стыдно. «Я не должна ей лгать, — сказала она себе. — То, что я пережила в гостинице Перибонки, не дает мне покоя, а я даже не могу никому довериться. Мои мысли без конца возвращаются к этому. Я совершенно себя не контролировала. Я вся дрожала от желания. Мне хотелось оставаться обнаженной в объятиях Овида, покрывавшего меня поцелуями. Больше ничего не имело значения. Я растоптала свои обещания в вечной верности Тошану. Я вела себя так же бесстыдно, как течная кошка».

Напрасно она корила и бичевала себя: от живота к груди поднялась горячая волна. Закрыв глаза, она представила продолжение этих объятий, тот особый и невероятно волнующий момент, когда мужчина проникает в женщину, чтобы сделать ее своей и подарить наслаждение. Ее соски затвердели. Она с трудом сдержала стон.

— Мина, тебе плохо? — забеспокоилась Мадлен.

— Нет, все нормально! Может, небольшой жар или начало мигрени. Пойду отдохну полчаса.

— Ты права, так будет лучше, — согласилась ее подруга.

Эрмина с облегчением вошла в свою спальню, которую она делила с Кионой. В комнате было темно и достаточно тепло. Почти ненавидя себя и свое тело, игравшее с ней такие злые шутки, она раздраженно сняла с себя одежду. Оставшись обнаженной, женщина замерла перед зеркалом. Волосы, собранные в пучок на затылке, ее нервировали. Она распустила их и рассыпала по плечам.

— Тошан, — прошептала Эрмина. — Ты должен вернуться! Я хочу, чтобы ты был здесь, со мной.

Она внимательно взгляделась в свое отражение, почти заинтригованная красотой своих форм. Ее грудь показалась ей прекрасной и упругой, округлой, как два красивых яблока, с сосками клубничного цвета и шелковой кожей. Она коснулась руками стройных бедер, и взгляд ее голубых глаз опустился к тонкой талии и золотистому треугольнику между ног.

— Я так больше не могу, — простонала она. — Тошан, вернись ко мне, сделай мне ребеночка! Иначе я сойду с ума. Я не знаю, что со мной. Я чувствую себя шлюхой, потаскухой...

Она ударила себя по животу, рыдая от отчаяния. Желание отдаться мужу или Овиду превратилось в навязчивую идею, но она отказывалась удовлетворять себя сама, как делала иногда в ванной, тщательно заперев дверь.

— Я ненавижу тебя! — крикнула она своему отражению. — Я тебя презираю! Ты сучка, мерзкая шлюха!

В дверь постучали. Это была Мадлен, напуганная ее воплями.

— Мина! Мина, что с тобой? Я слышала, как ты кричишь, и это ужасные вещи! Милая моя, прошу, скажи мне, что тебя так мучает?

Тяжело дыша, Эрмина завернулась в атласный пеньюар и открыла дверь.

— Входи, — сказала она. — Прости, у меня просто сдали нервы. Я собиралась лечь в кровать.

Мадлен бросила взгляд на одежду, разбросанную по полу. Не говоря ни слова, она подняла вещи и повесила на спинку стула. В это время Эрмина скользнула в постель. Дрожа всем телом, она натянула одеяло до подбородка.

— Как у тебя получается все время быть спокойной и безмятежной? Я завидую тебе, Мадлен, что ты так хорошо переносишь одиночество! Должна тебе признаться, мне очень не хватает Тошана и нашей близости. Неужели тебе никогда не хотелось мужских объятий, ласк? О, прости меня! Я знаю, даже если ты не ушла в монастырь, ты все равно посвятила себя

Господу.

Молодая индианка с задумчивым видом села на край кровати, скрестив руки на коленях.

— Меня изнасиловали в девять лет. С тех пор я испытываю к физической близости глубокое отвращение. Муж, которого выбрали мне родители, был очень грубым, я не знала, что такое нежность. А когда я родила дочь, он разозлился на меня за то, что это не мальчик. И мне снова пришлось терпеть эти мучения. Он надеялся, что я быстро забеременею. Тала спасла меня, посоветовав спрятаться у сестер из Шикутими. Там я научилась любить Бога Отца и Иисуса. Остальное тебе известно: мой приезд сюда, моя роль кормилицы и любовь, которую я испытываю к твоим дочкам и к тебе. Как-то вечером Шарлотта задала мне те же вопросы, что и ты. Она томится без мужчины, ей хочется семью, детей. Я не чувствую в себе такой потребности. Но если быть честной до конца, три года назад в течение нескольких недель мое сердце билось быстрее, когда я видела вашего друга Пьера Тибо. Ты это заметила?

— Да, и это меня тогда встревожило. Теперь я могу тебе сказать, что это очень ненадежный мужчина. Он обманывает свою жену, и все знают о его похождениях.

Она не сочла нужным рассказывать Мадлен о том, как два года назад пьяный Пьер пытался ее изнасиловать. С тех пор он стал ей очень неприятен, и она старательно избегала его, если им приходилось сталкиваться в Робервале.

— Почему ты говорила такие ужасные вещи только что? — настаивала ее подруга.

— Мне стыдно за себя. И порой я боюсь того, что чувствую. Я, я...

— Говори без опасений, вдруг тебе это поможет. Если озвучивать некоторые проблемы, они порой теряют свою силу.

— Я солгала тебе насчет Овида. Я боюсь влечения, которое толкает меня к нему, боюсь той части себя, о существовании которой я даже не подозревала!

Тихо всхлипывая, она рассказала ей о том, что случилось в гостинице.

— Я сама его спровоцировала, Мадлен, я умоляла его впустить меня к себе в комнату. Он не хотел. Как я могла пасть так низко, да еще желать повторения этого?! С первой же нашей встречи, когда Тошан пошел добровольцем в армию, я подумала, что была бы счастливее с таким мужчиной, как Овид. Это уже было предательством по отношению к моему мужу, которого я обожаю. Господи, я думала, что со мной такого никогда не случится!

— Успокойся, Мина, дорогая, в этом нет твоей вины! С начала войны твоя жизнь изменилась, ты часто остаешься одна, без поддержки и любви своего мужа. Тошан доверился мне, прежде чем отправиться в Европу. Ты его знаешь, он ужасно ревнив! Он опасался как раз подобной ситуации и даже попросил меня следить за тобой.

— Какая наглость! — ошеломленно произнесла Эрмина. — И ты согласилась?!

— Нет, я сказала ему: «Кузен, если хочешь караулить свою жену, самую красивую и восхитительную женщину в окрестностях Лак-Сен-Жана, тебе лучше уйти из армии и остаться дома».

Мадлен лукаво улыбнулась, показав ямочку на своем пухлом подбородке. Она начала полнеть, но это только добавляло ей шарма.

— Ты правда так сказала? Правильно сделала! Так ему и надо! Сам отправляется на край света, а я должна избегать других мужчин. Если бы я только была беременна от него, все стало бы проще. Но нет, мое тело отказывает мне и в этой радости.

На секунду повеселев, она снова впала в отчаяние.

— Я бы так хотела иметь еще одного ребенка! Это лучшая защита от глупых мыслей. Когда городок был полностью заселен и походил на улей, женщины из Валь-Жальбера рожали по младенцу каждый год или каждые полтора года. В Робервале тоже некоторые семьи могли похвастаться десятком детей, а то и больше. Я не способна на такие подвиги. Моему бедному малышу Виктору исполнилось бы три года в этом месяце, если бы он выжил. Я часто думаю о нем. На кого бы он был похож? На Тошана или на меня? Как бы я была сейчас счастлива с ним!

— Господь посылает нам испытания, чтобы сделать нас сильнее или лучше, Эрмина, — подвела итог Мадлен. — Смерть Виктора — это одно испытание, а твое влечение к Овиду — другое, не такое жестокое. Если ты его больше не увидишь, тебе ничего не грозит. А если он вернется, я постараюсь не оставлять тебя с ним наедине... Боже, как холодно в твоей комнате! Сегодня же вечером растоплю печку. А сейчас одевайся и заканчивай свой яблочный пирог. Внизу нам будет уютнее.

Они улыбнулись друг другу. Странно, но Эрмина почувствовала себя лучше. Впредь она будет делиться переживаниями со своей подругой, не смущаясь и не испытывая неловкости. Это действительно отличное средство изгнать своих внутренних демонов. По крайней мере, ей так казалось.

— Спасибо, Мадлен, забудь все, что ты слышала. Пообещай мне больше не вспоминать те ужасные слова, которые я кричала, — попросила

она.

— Обещаю. А когда мой кузен вернется с войны, ты сможешь спокойно смотреть ему в глаза, не краснея и не дрожа от страха. Я буду хранительницей твоей нравственности, но с твоего согласия, а не по приказу Тошана.

Ферма семьи Манн, Германия, район Гессен, суббота, 14 ноября 1942 года

Лежа в кровати, Симон Маруа смотрел в потолок тесной комнаты, где он жил. Белая штукатурка напоминала ему снежные просторы его страны. Он бы дорого дал за то, чтобы оказаться сейчас на берегу озера Сен-Жан под ледяным северным ветром, грозным посланцем зимних бурь. «Я чертовски скучаю по своим родным местам», — подумал он, взволнованный тем, что даже в мыслях употребляет манеру разговора своих соотечественников.

Он представил свой дом в нижней части улицы Сен-Жорж, между монастырской школой и товарным складом, где маленьким мальчиком покупал себе шарики жевательной резинки. Чуть дальше возвышался красивый дом Шарденов, построенный для отдыха сюринтенданта Лапуэнта во времена расцвета Валь-Жальбера.

«Как там мой старый отец? А мой брат Эдмон? Нравится ли ему в семинарии? Мари, должно быть, выросла. После смерти мамы я видел ее всего раз. Получают ли они мои весточки? Неизвестно. Письма идут по несколько месяцев, если не теряются в пути».

Старший сын Маруа порылся в кармане брюк и вынул пачку табака. Он скрутил себе сигарку и закурил ее.

«Я в плену у немцев, — с горькой усмешкой подумал он. — Какой парадокс! Не так давно я присматривал за пленными в Монреале, а теперь сам работаю на фрицев».

Симон потянулся, загадочно улыбнувшись. Он считал, что ему повезло, поскольку его отправили работать на молочную ферму. Это была завидная участь, даже очень завидная, по сравнению с судьбой тех его соотечественников, которые нашли смерть на французском побережье во время операции «Юбилей»^[39], обернувшейся кровавой бойней.

Симон отплыл из порта Квебек в конце июля в составе канадского военного контингента. Он не захотел сообщать об этом ни отцу, ни Эрмине. Освобожденный от службы в лагере пленных на острове Сент-Элен, он

смог попасть на корабль в качестве простого солдата, поскольку уже отслужил в армии два года. В Атлантическом океане, наивно радуясь приключению, он уже представлял, как встретится с адъютантом Тошаном Дельбо на английской земле.

Но разочарование наступило быстро. Тот, к кому он испытывал тайную страсть, постыдную в глазах общества, оказался в другом округе.

Неделю спустя он принял участие в первом амфибийном наступлении, проводимом британскими и американскими союзниками Франции, задумавшими крупномасштабную атаку на один из портов Ла-Манша. Выбор пал на Дьепп, населенный пункт среднего значения, побережье которого позволяло высадку значительного десанта и постоянное авиационное прикрытие. Но после ожесточенных боев на земле и в воздухе Вермахт одержал победу. «Это был хаос и ужас», — подумал Симон, вспоминая те кошмарные события, из которых он чудом выбрался живым, но попал в плен к немцам вместе с двумя тысячами своих товарищей по оружию.

Итог битвы 19 августа 1942 года был трагическим: около тысячи восьмисот солдат сложили головы менее чем за десять часов. Говорили, что на побережье и в порту было убито более девятисот канадцев, не считая раненых. Симон с невольным уважением вспомнил тех, кто геройски сражался в тот день рядом с ним. «Каким же я был идиотом, когда хотел повеситься после смерти мамы! К счастью, Эрмина не спускала с меня глаз. Все эти солдаты погибли в считанные часы. Черт возьми, жизнь слишком ценна, чтобы добровольно расставаться с ней! Если Господь уберег меня, значит, у него были на то причины».

В комнату вошел мужчина лет тридцати, среднего роста, хорошо сложенный, с правильными, мягкими чертами лица, короткими светлыми волосами и серо-голубыми глазами. Это был Хенрик, польский заключенный, также отправленный немцами на работы.

— Симон, пора отправляться на дойку, — сообщил он на хорошем французском. — Поднимайся, иначе мы опоздаем и хозяйка будет злобно коситься на нас.

Они заговорщицки рассмеялись, посмотрев друг на друга. Тут же Хенрик бросился на кровать и лег на Симона. Они страстно поцеловались.

Пути судьбы неисповедимы. Понадобились меры Третьего рейха, использовавшего военнопленных в качестве замены огромному числу мобилизованных немцев, чтобы наконец подарить Симону возможность познать любовную связь, соответствующую его природным склонностям. Когда он под охраной прибыл на ферму Маннов, Хенрик жил там уже

месяц и обдумывал план побега. По, увидев этого высокого темноволосого парня с задумчивым взглядом, он испытал шок. Поначалу они были просто хорошими товарищами, которые с удовольствием беседовали по вечерам после тяжелого трудового дня. Однако, постепенно переходя к более серьезным темам, они поняли, что могут пойти дальше.

— Чего нам здесь будет не доставать, — как-то утром бросил Симон, — так это красоток. В наших краях их много, и блондинок, и брюнеток.

Это была бравада с его стороны. С момента своего поступления на военную службу сын Маруа приписывал себе многочисленные любовные романы с женщинами, чтобы отвести от себя подозрения.

— Здесь у нас есть только красивые коровы, но они не в моем вкусе, — ответил поляк.

Квебекский акцент его товарища сильно забавлял Хенрика, и он часто в шутку передразнивал его. Затем молодой человек тихо добавил удрученным тоном:

— Впрочем, твои блондинки мне тоже не нужны. Я гомосексуалист, Симон. Надеюсь, ты не станешь презирать меня за то, что я сказал тебе правду? В юности я вынес достаточно унижений и даже побоев.

— Не волнуйся, я не вижу в этом проблемы, — ответил молодой человек. — У меня на родине есть подруга, почти сестра, Эрмина. Она оперная певица, и в ее среде к таким людям относятся нормально. Так что не бойся, Хенрик, я все понимаю.

Эти дружеские отношения сблизили их еще больше. Но Симону приходилось скрывать то, что он испытывал в глубине души, буквально одержимый общением с поляком, вызывавшим в нем все большее желание. Они жили в одной комнате с побеленными известью стенами, где стояли две узкие железные кровати. У них была прекрасная возможность незаметно разглядывать друг друга по утрам, когда они по очереди мылись в единственном цинковом тазу, который был в их распоряжении.

Ни один, ни другой больше не думали о побеге. Их хозяин следил за ними, и каждый вечер им надлежало являться в деревню, чтобы расписаться в журнале у чиновника Рейха, который удостоверял их присутствие на ферме.

Месяц назад, в середине октября, Симон перестал ломать комедию. Когда они заканчивали доить коров, Хенрик получил удар копытом от одной из них, самой беспокойной. Он согнулся пополам от боли, держась руками за пах.

— Пойдем в комнату, я тебя осмотрю! — воскликнул Симон. — Если у

тебя идет кровь, я попрошу этих поганых хозяев позвать врача.

— Поганых, — простонал поляк, передразнивая своего товарища, несмотря на боль. — Да, поганые фрицы!

Корчась от боли и смеха, Хенрик спустил брюки и лег на кровать. На внутренней части ляжки красовалась огромная гематома.

— Слава богу, ничего страшного, — произнес Симон, почувствовав, как горит все его тело и путаются мысли. — Я немного помассирую.

— Не стоит, — прерывисто дыша от волнения, ответил его друг. — У тебя нет ни мази, ни спирта. Слушай, я бы сейчас не отказался от рюмочки водки. У нас дома ее делают не хуже, чем русские.

Симон его больше не слушал. Он напрочь забыл красавца метиса, о котором столько мечтал, и его руки стали блуждать по молочно-белой коже Хенрика, спускаясь от бедер к коленям, затем поднимаясь к животу.

— Я солгал тебе, — признался он дрожащим голосом. — Я такой же, как ты. Три года назад я чуть не покончил с собой от стыда. А мой отец, ограниченный мужлан с каменным сердцем, задушил бы меня, если бы узнал, или вышвырнул бы из дому.

Охваченный недоверчивой радостью, поляк направил пальцы Симона к своему пенису, набухшему от желания. Затем, сгорая от нетерпения, он поднялся, чтобы поцеловать прекрасного любовника, упавшего на него с неба в затерянной долине Германии.

С тех пор оба пленника жили в полной гармонии. Никогда еще Симон не чувствовал себя таким счастливым. И в этот дождливый вечер они никак не могли оторваться друг от друга.

— Вставай, лодырь! — во второй раз сказал Хенрик. — Фрау Манн пожалуется своему мужу, если ты сейчас же не выпустишь меня из кровати. У нас будет полно времени ночью.

— К черту коров и молоко! И этого бульдога из деревни, который готов нас расстрелять, отдавая нацистское приветствие. Мерзавец высшей пробы.

Симон, оттолкнув Хенрика, вскочил. Он выпятил грудь, вскинул руку вверх и воскликнул:

— Хайль Гитлер! Хайль грязный фюрер!

— Ты с ума сошел? Не так громко!

Но поляк не мог справиться с приступом смеха. Гордый своей выходкой, старший сын Маруа принялся маршировать по обветшалому полу. Возбужденный и хохочущий Хенрик подошел к нему и обнял его для последнего поцелуя, лаская нижнюю часть спины. Фрау Манн, вошедшая без стука, обнаружила их в этой недвусмысленной позе.

— *Mein Gott!*^[40] — тихо воскликнула она и убежала.

— Теперь она расскажет об этом своему мужу, — встревожился Симон, тут же растеряв всю веселость. — Ну и пусть, им-то какая разница?

— Не знаю, — вздохнул Хенрик. — Пойдем вниз.

Сорок восемь часов спустя за ними пришел патруль. Им не предоставили никаких объяснений. Когда Симон залезал в грузовик, он получил удар прикладом ружья по спине. Солдат, ударивший его, презрительно бросил на хорошем французском:

— Мужчина, предающийся противоестественным развратным действиям с другим мужчиной, подлежит аресту.

Хенрик испуганно плакал под равнодушными взглядами фермеров. Он не осмелился рассказать своему любовнику, как нацисты относятся к гомосексуалистам. Подобно евреям и цыганам, последние считались низшими существами, от которых надлежало очищать арийское общество.

Любовников отправили в лагерь Бухенвальд, где на их полосатые куртки нашили перевернутые розовые треугольники, указывающие на их гомосексуальную ориентацию.

Симон Маруа переступил порог ада с гордо поднятой головой, взволнованно думая о единственной женщине, которая сумела пробудить в его сердце любовь, — об Эрмине, Соловье из Валь-Жальбера.

Сент-Эдвидж, четверг, 19 ноября 1942 года

Эрмина слезла с лошади возле дома Лафлеров, расположенного в километре от Сент-Эдвиджа. Она опять взяла старого Шинука у Жозефа. Снег шел с перерывами, было около двух градусов мороза, что вполне комфортно для молодой женщины, привыкшей к куда более суровым холодам.

«Что я здесь делаю? — упрекнула она себя. — Я безрассудно отправилась сюда, потому что больше не могла выносить молчание Овида. Но его, возможно, нет дома. Что скажет его мать, если я побеспокою ее без уважительной причины?»

Она никак не могла решиться постучать, но дверь вдруг открылась, и в проеме показался учитель. Увидев ее, он побледнел.

— Эрмина? Но...

— Я хотела узнать, как ваши дела, — призналась она. — Вы можете уделить мне несколько минут?

На нем были черный свитер и вельветовые брюки. Судя по всему, он начал отпускать бороду.

— Я подойду к вам в конюшню, — сказал Овид. — Только сапоги надену. Дорогу вы знаете...

Эрмина сочла такой прием несколько прохладным. Она была разочарована и подумывала о том, чтобы вскочить в седло и уехать отсюда как можно скорее.

«Слишком поздно, — усмехнулась она про себя. — Ладно, раз уж я здесь, нужно все выяснить».

Она привязала Шинука в пустом стойле. Конь Овида громко заржал, словно узнал своего собрата. Молодая женщина расстегнула кожаную куртку, подбитую овечьей шерстью, сняла с головы шапочку и встряхнула волосами.

— Я была неправа, сто раз неправа, — упрекнула она себя.

Молодой человек был уже здесь, на пороге конюшни. Он сделал два шага в ее сторону.

— В чем вы были неправы? — спросил он. — Что решили навестить друга? Думаю, вы правильно сделали. Я уже смирился с тем, что больше никогда не увижу свою воплощенную мечту.

— О, не надо громких слов, Овид! Я приехала, чтобы обсудить наши планы, которые, похоже, вам уже не интересны. Я больше месяца ждала писем, которые вы обещали отпечатать на машинке и в которых рассказывалось о судьбе индейских детей в пансионатах. Помните? Мы собирались вести борьбу вместе.

Овид опустил голову. Эрмина взглянула на него, и он показался ей похудевшим, еще более хрупким, чем она себе его представляла. Когда он в свою очередь поднял на нее необыкновенные зеленые глаза, она смутилась.

— У меня не было выбора, Эрмина. Но пойдёмте в дом, я могу хотя бы предложить вам чашку чаю.

— О чем вы? — встревожилась она. — Я не понимаю ваших намеков, вы ведете себя странно. Если я вам помешала, скажите об этом.

Он не ответил, повернулся и вышел во двор. Ей ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ваша мать чувствует себя хорошо? — спросила она.

— Скажем, у нее был сильный насморк, и мне пришлось отвезти ее к моей сестре Режине, которая живет в деревне. Я редко бываю дома, и в это время года мне спокойнее, когда я знаю, что она не одна.

Нейтральная, почти безразличная интонация учителя задела за живое Эрмину.

— Мне не нужен ваш чай! — возмутилась она. — Я чувствую, что у вас нет ни малейшего желания общаться со мной. Напрасно я приехала.

Он удержал ее за запястье, когда она отпрянула назад, собираясь убежать.

— Входите, прошу вас, — настойчиво сказал он. — Вода закипает, это не займет много времени.

Овид закрыл дверь и подошел к печи, чтобы помешать угли. При этом он не произнес ни слова. Молодая женщина имела достаточно опыта, чтобы понять, что он ведет себя неестественно.

— Что я вам сделала? — рискнула спросить она. — Вы меня игнорируете. Я ничего не понимаю.

— Ваши родители в курсе, что вы здесь? — сухо поинтересовался он.

— Нет, я не обязана перед ними отчитываться!

— Я был уверен в обратном. В таком случае можете мне объяснить, по какому праву ваша мать, Лора Шарден, позволяет себе распоряжаться моей жизнью и как она вообще посмела предлагать мне деньги? За мое молчание, за то, чтобы я держался подальше от вас. Заметьте, я упоминаю об этом только для того, чтобы ответить на ваши упреки.

Растерявшись, Эрмина не знала, что сказать. Она смотрела на Овида с изумлением.

— Мама предлагала вам деньги? — наконец вымолвила она. — Что за чушь вы несете? Я не понимаю, о чем вы говорите!

— Мне стоило больших трудов отказаться от такого выгодного предложения. Но я не выношу, когда оказывают давление на бедных, когда пытаются купить их при помощи пачек долларов. И все это ради того, чтобы сохранить ваше целомудрие и пощадить вашу чрезмерную чувствительность!

Оскорбившись, молодая женщина встала. Она с трудом сдерживала слезы.

— Значит, теперь вы унижаете и отвергаете меня. Вы, Овид, бросаете мне в лицо обвинение в чрезмерной чувствительности. Назовите меня сразу шлюхой, чего уж там! А я-то считала вас особенным, не таким, как другие мужчины! Повелась на ваши красивые речи. Прощайте, месье Лафлер, и простите за назойливость!

— Эрмина, не уходите! — взмолился он. — Простите, если я вас обидел!

— Да, обидели, и совершенно незаслуженно! Мне было грустно, и я подумала о вас, как о верном и надежном друге. Я говорила себе, что вы будете рады узнать новости об Акали и Кионе.

— Почему вам было грустно?

— Это уже неважно, — отрезала она. — Но прежде чем покинуть ваш

дом, я хотела бы подробней узнать о роли, которую сыграла моя мать во всей этой неразберихе.

Овид достал из кармана листок бумаги, сложенный вчетверо. Он протянул его Эрмине, затем, передумав, решил сам прочитать послание Лоры Шарден.

— «Месье Лафлер, я решила вам написать, повинуюсь просьбе моей дочери Эрмины, у которой не хватает смелости сделать это самой. Выслушав ее признания, я сделала вывод, что вы пытаетесь соблазнить ее любыми средствами, которыми располагает мужчина вашего возраста, холостой и образованный. Оставшись из-за войны в одиночестве, которое ей тяжело выносить, она боится, что не устоит перед вами, а мой долг матери — защитить ее от нее самой и от вас. Поэтому я прошу вас больше не навещать ее ни в Валь-Жальбере, ни где-либо еще. Вы не должны ей писать, искать с ней встреч. Подумайте о ее репутации, о ее достоинстве замужней женщины и пожалейте моих внуков, которые и так достаточно страдают из-за отъезда их отца, солдата Ее Величества, как вам известно. В качестве награды за ваше молчание, за ваш отказ от моей дочери я готова выплатить вам тысячу долларов наличными. Деньги окажутся в вашем распоряжении, когда вы ответите мне письменным обещанием больше не беспокоить мою дорогую девочку. Всем своим материнским сердцем надеюсь, вы поймете, что я действую в ваших же интересах... и в интересах Эрмины. Лора Шарден».

Эрмина вырвала письмо из рук Овида и пробежала его глазами, чтобы убедиться, что она не ослышалась.

— Чудовищная бестактность! — воскликнул он. — Прямо какая-то дешевая мелодрама.

— И вы хотя бы на секунду посмели допустить, что я сама заварила всю эту кашу?! — оскорбилась Эрмина. — Господи, это уж слишком! Вам было достаточно получить это нелепое письмо, чтобы ополчиться на меня? Если вы отказались от денег, почему не написали мне? Овид, отвечайте! Моей матери удалось осуществить задуманное, не дав вам ни цента.

Разгневанная молодая женщина выскочила из дома, хлопнув дверью. Она в слезах добежала до конюшни, сгорая от стыда, страдая от чувства несправедливости. «Мама, я никогда тебе этого не прошу, никогда! Ты перешла все границы!» Дрожащими руками она затянула подпруги седла Шинука.

— Эрмина!

Овид подбежал к ней и обнял. Он прижал ее к себе так сильно, что она задохнулась.

— Письмо вашей матери лишь позволило мне понять, как сильно я вас люблю. То, что она мне предлагала деньги, было омерзительно, но в этом есть доля правды: я не имел права марать вашу честь, вредить вашим детям, угрожать вашей семейной жизни. Эти жалкие строки позволили мне взять себя в руки. Узы брака, гражданского или церковного, священны для меня. И я был готов их попать, чтобы добиться вас, а это так на меня не похоже... Да, я решил воспользоваться ситуацией! Каждое утро я повторял себе: «Овид, забудь ее, вычеркни из своей жизни!» И какой же шок я испытал, увидев вас перед собой! Я истязал себя, чтобы отречься от вас, а вы приехали сюда.

Сотрясаясь от рыданий, Эрмина едва осознавала, что прижимается к груди молодого человека.

— Жозеф, наш сосед, сегодня утром узнал, что его сын Симон считается пропавшим без вести после битвы за Дьепп, унесшей столько жизней наших соотечественников, — всхлипывая, выпалила она. — Почти три месяца пребывать в полном неведении, чтобы в итоге узнать такую ужасную новость! «Пропал без вести» — то же самое, что «погиб», только в более вежливой форме. Симон был моим братом, многие воспоминания связаны с ним. Мы выросли в Валь-Жальбере. Он был красивым, молодым, но таким несчастным и измученным! Я даже помешала ему покончить с собой два с половиной года назад. И зачем? Смерть все равно подстерегала его. Он искал ее, так и не познав любви...

— Моя бедная маленькая подруга, успокойтесь, — прошептал Овид. — Вы приехали ко мне за поддержкой, а я встретил вас сарказмом. Простите меня.

Он поцеловал ее волосы, затем лоб. Эрмина продолжала плакать, возмущенная, опьяненная горем.

— Сначала Арман, утонувший в начале мая из-за немецких торпед, теперь Симон. Бедный Жозеф не держался на ногах. Он рыдал в голос. Это было ужасно!

— Я жалею его всем сердцем. Потерять двух сыновей за несколько месяцев — настоящая трагедия. Несмотря ни на что, я слежу за ситуацией. Мы имеем дело с беспощадным врагом, лучше нас оснащенным и подготовленным к войне. Немецкий военно-морской флот стал еще сильнее. У них двести подводных лодок. Мы же потеряли три эсминца, два из которых — в сентябре^[41]. А недавно «Сагений» был выведен из строя случайно протаранившим его торговым судном, спровоцировав тем самым взрыв глубинных бомб^[42]. Мой младший брат на прошлой неделе приезжал

в увольнение. Он лейтенант, и некоторые точные сведения я получаю от него.

— Когда все это кончится? Сколько людей еще погибнет? Мой отец считает своим долгом рассказывать мне о международной ситуации, но я ничего в этом не понимаю! Он утверждает, что от нас многое скрывают, что пресса публикует новости таким образом, чтобы не вызвать панику. Но что это меняет? Арман покоится на дне Сен-Лорана. От Симона, возможно, осталось лишь искромсанное тело, затерянное в океане. А меня упрекают в слабости одинокой женщины. Мать выставляет меня на посмешище, не считаясь с моими чувствами.

Теперь Овид нежно баюкал Эрмину. Ему бы хотелось никогда не выпускать ее из объятий.

— Прошу вас, простите меня, — сказал он ей на ухо. — Простите за то, что я так люблю вас, за то, что полюбил вас сразу, в тот самый вечер, когда расстался с вами в Робервале. Моя белокурая, милая, такая хрупкая и такая сильная. Женщинам это свойственно. Напрасно мы считаем их неспособными себя защитить, полагая, что наша роль доминирующего самца состоит в том, чтобы их оберегать. Однако они зачастую бывают непобедимыми, дерзкими, смелыми. Я видел, какой растерянной вы казались с Мукки, не желая навязывать ему свою волю, но при этом были готовы наброситься на этого мерзкого брата Марселлена, глумившегося над невинными детьми. Я мог бы петь вам дифирамбы день и ночь, Эрмина. Для меня было невыносимой пыткой отказаться от нашей дружбы, не навещать вас в вашем городке-призраке. Мне все там мило сердцу: ваш дом, присутствие преданной Мадлен, улыбка Кионы...

— Киона! Моя дорогая Киона! Сегодня утром, пока родители хлопотали вокруг Жозефа, который пришел сообщить горестную весть и рухнул на софу, моя маленькая сестренка взяла меня за руку. Она тихо сказала мне, что не нужно плакать, что я еще встречу с Симоном. У меня появилось хотя бы немного надежды. Киона редко ошибается.

— Но все-таки ошибается? — спросил учитель.

— Однажды она сказала Шарлотте, что видит ее в белом подвенечном платье рядом с Симоном, а это невозможно.

— Но почему? Если он не погиб, а попал в плен, он еще может вернуться и жениться на ней.

— Нет, Симон гомосексуалист. Он скрывал свою истинную природу несколько лет, и это его терзало. По крайней мере, теперь он обрел покой. Прошу вас, отпустите меня.

Эрмина попыталась высвободиться, хотя ей этого совсем не хотелось.

Она испытывала восхитительное ощущение безопасности в объятиях Овида, чувствуя его теплое тело. Он снова поцеловал ее в щеку, затем в шею... Она слишком много ему позволяла.

— Я также хотела вам сказать, что в нашей семье наконец-то все наладилось. Больше нет никаких тайн, теперь у Кионы есть отец, который ее балует и потакает всем капризам. Она одевается как индианка-монтанье и молится Великому Духу посреди гостиной мамы. У нее даже будет собственный пони на Рождество. Я очень рада за нее!

— А ее волосы? Они отросли?

— Немного отросли, конечно. Вы об этом прекрасно знаете.

— Я пошутил, — сказал он, с любовью глядя на нее. — Вы ведь так переживали, что ее обрили наголо! Зато ваши волосы по-прежнему красивые и шелковистые.

Молодой человек погрузил пальцы в белокурую шевелюру Эрмины. Она воспользовалась этим, чтобы ускользнуть от него.

— Я запрещаю вам подобные жесты! Не думайте, что ласками вы сможете заслужить прощение. Я вам прощаю гнев, поскольку письмо моей матери вполне могло вас шокировать и огорчить. Но не следовало отыгрываться на мне: я здесь ни при чем, и, если бы вы любили меня так, как утверждаете, вы бы не стали меня оскорблять. Это подло, говорить о моей чрезмерной чувствительности! Я едва не дала вам пощечину.

С легкой улыбкой на губах Овид направился к ней. Она попятилась, споткнулась о стоявшую вертикально доску, поддерживавшую большую кучу сена, и упала навзничь.

— О нет! — возмутилась она. — Вы специально это сделали!

— Я ничего не делал!

Чем больше Эрмина старалась выбраться, тем глубже увязала в мягком душистом сене с пьянящим ароматом лета.

— Помогите мне! — попросила она. — Должно быть, я выгляжу жалко.

Но учитель подошел к двери конюшни и запер ее на засов. Сразу стало темнее. Затем он лег в сено рядом с ней, к великому отчаянию молодой женщины.

— Вы заметили, как здесь хорошо, рядом с лошадьми? — вполголоса спросил он. — Эрмина, позвольте мне вас утешить, вернуть вам веру в жизнь.

Она покачала головой, выражая свой отказ. Овид снова обнял ее.

— Мужчины обожают женщин с чрезмерной чувствительностью, — со смехом сказал он. — Вы не истинная канадка, не дама из Лак-Сен-Жана,

вы — женщина, которая срывает с себя одежду, чтобы заняться любовью. Я никогда не видел свою супругу полностью обнаженной. Как-то летней ночью, когда я попытался снять с нее длинную ночную рубашку, она обозвала меня извращенцем. Это был союз по договоренности. Я был очень молод и гордился тем, что даю свое имя девушке из наших краев. Я дал клятву верности в церкви, поскольку тогда еще верил в Бога. Когда я похоронил своих сыновей, близнецов, проживших всего несколько дней, я перестал наивно верить всякому вздору, который мне вдалбливали с детства, о справедливом, милостивом, всемогущем Боге. Он проигнорировал мои молитвы. Бедняжка Катрин умерла, перебирая свои четки. А вы, Эрмина, — я почувствовал это — в любви свободны, открыты и восхитительно бесстыдны.

— Это не так! В тот вечер я просто выпила в гостинице. Вы напоили меня пивом.

Вместо ответа он наклонился над ней и поцеловал в губы, но так коротко, что она даже не успела его оттолкнуть.

— Это для того, чтобы заставить вас замолчать, Эрмина. А сейчас послушайте меня. Вы должны разрешить мне ласкать вас, восхищаться вами, утешить ваше прелестное тело, такое же печальное, как ваше сердце. Позвольте мне это сделать; я обещаю быть почтительным и уверяю, что вы ничем не рискуете.

Она изумленно уставилась на него. Он уже снимал с нее сапоги.

— Но... — запротестовала Эрмина.

— Ни слова, закройте ваши прекрасные глаза, я теряю из-за них голову.

Она подчинилась, решив ни о чем не думать. Ей показалось, что она вновь услышала жесткий голос Тошана, его резкие упреки — совершенно несправедливые. В голове пронеслись картинки, когда ее муж был высокомерным, всегда торопящимся с ней расстаться.

«Он попросил Мадлен следить за мной, потому что совсем не доверяет мне. Разве я устанавливала за ним слежку всякий раз, когда он пропадал где-то неделями, не считая нужным сообщать о себе? По телефону он практически распрощался со мной и не казался очень расстроенным при мысли, что может никогда больше меня не увидеть. Когда он далеко от меня, я ничего для него не значу».

Эти мысли мелькали одна за другой, мимолетные, похожие на знакомый припев, в то время как ловкие руки Овида стягивали с ее бедер трикотажные брюки, которые она надевала для верховой езды.

— Нет, не надо, — тихо сказала она.

— Надо, вы в этом нуждаетесь.

С бесконечной нежностью учитель расстегнул ее шерстяной жилет, затем блузку.

— Умоляю вас, остановитесь, — выдохнула она, по-прежнему с закрытыми глазами, расслабившись на уютной подушке из сена.

Вскоре ее розовый атласный бюстгальтер тоже оказался расстегнутым. Странно, но Эрмине совсем не было холодно. Казалось, ее кожа горела под ласкающими пальцами Овида. Через несколько секунд, словно по мановению волшебной палочки, она оказалась полностью обнаженной.

— Это так приятно, и мне тепло, очень тепло, — призналась она, всхлипнув, поскольку вспомнила свою первую брачную ночь.

Тошан тогда также раздел ее, положив на медвежью шкуру возле большого костра, который он разжег посреди поляны, в окружении столетних лиственниц. Он тоже полностью разделся, и она не осмеливалась смотреть на него, сгорая от стыда и смущения... Но когда она наконец подняла глаза, ее молодой муж показался ей самым воплощением чувственности, с его прекрасным телом цвета бронзы. Стоял сильный мороз, было начало января. Однако Эрмина чувствовала то же самое, что в этот ноябрьский день: удовольствие быть полностью освобожденной от одежды, предоставив себя взгляду влюбленного мужчины.

Стоя на коленях, Овид наслаждался очаровательным зрелищем. Он с восторгом подумал, что она оказалась еще прекраснее, чем в его воображении. Ее округлые формы были молочно-белого цвета, с перламутровым сиянием. Высокая грудь вздрагивала в такт учащенному дыханию. Эта женщина была совершенством. «Ее прекрасные стройные ноги... А бедра! И какая тонкая талия! Идеальный живот, слегка выпуклый...» Неподвижно застыв, учитель обвел восхищенным взглядом маленькие ступни с розовыми ногтями, плавный изгиб плеч.

— Я маг, прибывший с Востока и преклоняющийся перед вами, — торжественно продекламировал он.

— О! Перестаньте, прошу вас! — воскликнула она, выпрямляясь. — Вы не маг, а колдун, белый шаман! Вы используете свои чары, чтобы сделать меня послушной. Я совсем потеряла голову, красуюсь перед вами в таком виде.

Молодая женщина схватила свою блузку и белье, но Овид быстрым движением отобрал их у нее.

— Я еще не закончил. Между прочим, я мог бы сказать вам, что вы должны мне тысячу долларов. Я поддался шантажу вашей матери, не взяв с нее денег, и это вы, вы, Эрмина, явились сюда, чтобы меня провоцировать.

За вами должок!

— Но, но... — ошеломленно пробормотала она. — Это что, очередная шутка?

Он рассмеялся и снова обнял ее. Обхватив ладонью ее левую грудь и нежно помяв ее, он погладил темно-розовый сосок, затем поцеловал его, покусывая и посасывая. Женщина сдержала стон, охваченная блаженством, смешанным со стыдом.

— Нет, нет, не надо!

— Только поцелуй и ласки, ничего больше, — прошептал он, целуя ее в шею, трепещущую от волнения.

Овид был похож на служителя древнего культа первых цивилизаций, которые преклонялись перед богиней-матерью, женщиной с широкими бедрами и плодородным чревом, обеспечивающим выживание вида.

Его руки касались каждой частички тела Эрмины: спины, поясницы, ягодиц, которые он осмелился разминать, словно в предвкушении изысканного блюда.

— О, нет! — повторяла она, не в силах сопротивляться.

Под его легкими прикосновениями она возвращалась к жизни. Ее кровь быстрее бежала по жилам, волны изысканного удовольствия разливались по животу, между слегка раздвинутыми ногами, где виднелся треугольник золотистых курчавых волос. Когда молодой человек коснулся губами ее лобка, она вскрикнула от нетерпения. Тогда он подарил ей более интимный поцелуй, который вплотную подвел ее к границе наслаждения. Он приподнялся, чтобы увидеть ее лицо. Эрмина прерывисто дышала, приоткрыв губы в блаженной улыбке и широко раскрыв глаза.

— Возьми меня! Я этого хочу, очень хочу.

Однако он остался глух к ее мольбе. Не раздеваясь, он все же вошел в нее, сложив вместе три пальца, чтобы удовлетворить ее, как мужским пенисом. Охваченная почти безумным упоением, она исступленно двигалась, приподнимая таз, чтобы получить большее наслаждение. Каждый ее крик эхом отдавался в возбужденном мозгу Овида, в свою очередь отдававшемуся во власть неистовой страсти.

Наконец красивое тело женщины напряглось, сотрясаемое долгими спазмами, затем обмякло, умиротворенное.

— Бог мой! — по привычке вздохнула Эрмина, но вовсе не для того, чтобы воззвать к Творцу.

— Сколько прекрасных одалисок^[43] призывают Бога в такие моменты! — заметил учитель. — Мне всегда было забавно слышать «бог мой» во время оргазма.

Смутившись, она прикрыла свою наготу шерстяным жилетом и брюками.

— Если я правильно поняла, вы стали вольнодумцем, с тех пор как отреклись от веры... Отвернитесь, мне нужно одеться.

Ей хотелось бы почувствовать обжигающий стыд или даже оскорбить Овида, бросить ему в лицо резкие упреки. Но то, что случилось только что в полумраке конюшни, уже казалось ей сном наяву, после которого она чувствовала себя отдохнувшей, безмятежной, повеселевшей. Единственной фальшивой нотой прозвучало слово «оргазм», которое она считала немного варварским и встречала пару раз во французских романах, никогда не произнося его вслух.

— А вы? — тихо спросила она. — Вы ведь не получили удовольствия? То есть, возможно, я об этом ничего не знаю. Я хочу сказать, что вы мне столько дали, ничего не получив взамен.

— Я получил все, чего желал, — ответил он. — Половой акт сам по себе, обладание женщиной, удовлетворение, которое получает от этого мужчина, — сегодня мне это было не нужно. Если это может вас успокоить, я еще долго буду получать удовольствие, вспоминая о вашем прелестном забвении.

Эрмина залилась краской. Она быстро опустила голову и добавила встревоженным тоном:

— Так мы по-прежнему друзья?

— Разумеется! Я только что вел себя как преданный друг, даже если вам так не кажется. Индейцы рекомендуют сексуальные игры для достижения гармонии по обоюдному согласию взрослых партнеров — это важное уточнение. Умоляю, не позволяйте чувству вины грызть вас ни сегодня вечером, ни завтра. У меня было два возможных варианта: удовлетворить вашу чрезмерную чувствительность или напоить вас до беспамятства. Эрмина, вокруг нас и во всем мире смерть уносит жизни людей. Но никогда не забывайте, что вы живая, красивая, благородная и никто не имеет права вас в чем-либо ограничивать. Ни ваша мать, ни ваш муж.

— Не говорите о нем сейчас! — воскликнула она. — Тошан действительно особенный человек, но со своими достоинствами и недостатками, как и все мы. Я бы также сказала, что с ним бывает нелегко, с его перепадами настроения, взрывами холодной ярости или необъяснимыми приступами смеха. Он нравится женщинам. Я видела, как многие заигрывают с ним или провожают заинтересованным взглядом, который выводит меня из себя. В общем, если бы вы его знали, то лучше

поняли бы меня. Можете поворачиваться, я готова.

Он повернулся к ней, засунув руки в карманы, с насмешливой улыбкой на лице.

— Не нужно было говорить о Тошане. Однако вы это сделали. Кстати, кто вам сказал, что я его не знаю?

Заинтригованная, Эрмина пожала плечами.

— Вы бы наверняка об этом упомянули...

— Ну что вы, подумайте хорошенько! Кто не знает красавца метиса Тошана Клемана Дельбо? Полагаю, что учитель, который живет в Сент-Эдвидже, таскает свои стоптанные сапоги вокруг озера Сен-Жан и порой ужинает в гостинице Перибонки, неизбежно должен был встретить вашего мужа, если он, конечно, не глухой и не слепой. К тому же у нас есть общий друг, Пьер Тибо. Однако я ни разу не заговаривал с Тошаном.

— Когда он вернется, умоляю вас, не подходите к нему! У него волчье чутье. Бог мой, он вполне способен убить вас, если узнает, что вы сделали!

Эрмина растерянно покачала головой. В эту секунду она осознала, что тщательно скрывала от своего мужа попытку изнасилования, жертвой которого она чуть не стала три года назад. И это был тот самый Пьер — верный друг, который попытался взять ее силой. «Без вмешательства Симона этот пьяница, к тому же жуткий бабник, добился бы своего. Я тогда очень испугалась, почувствовала себя грязной, оскверненной теми жестами, которые он делал. Я должна бы презирать Овида, как презираю Пьера, но не могу. Возможно, он говорит правду, что просто хотел вернуть мне веру в себя, утешить меня».

Молодой человек открыл дверь конюшни. Хлопья снега еще летали в воздухе, но небо очистилось.

— Эрмина, сделайте мне одолжение, научитесь мыслить более оригинально, чем другие женщины. Я не толкаю вас к распутству или разнузданному образу жизни, но чувство стыда или страха еще никому не помогало выполнять повседневные задачи. Скоро наступит зима, несущая с собой скуку. Вам нужно будет развлекать своих детей, готовить им вкусные и полезные блюда, следить за их учебной... Не забывайте читать новые романы, чтобы открыть для себя новые литературные течения. Я люблю свою страну. Однако менталитет здесь зачастую ограниченный, обращенный к прошлому, полностью подчиненный религии. Что плохого в том, что вы позволили себе сегодня расслабиться, поддаться порыву? За это вы не попадете в ад, я вас уверяю. Мы оба знаем, кто достоин гореть в очищающем огне, если он вообще существует: это такие типы, как брат Марселлен или Гитлер! Я ни в чем не уверен, но меня беспокоят облавы,

проводимые в Германии с момента его прихода к власти. Все, кто не соответствует его арийскому идеалу, таинственно исчезают. Во Франции, где живет мой кузен, евреев арестовывают и вывозят в лагеря, на работы. В сравнении с подобными бесчинствами, разве имеют значение эти короткие моменты так называемого распутства?

— Спасибо, что пытаетесь меня оправдать. С этой точки зрения признаю, что чувственное удовольствие, нежность, ласки не заслуживают порицания. Но все же я отчасти изменила своему мужу. Он такой ревнивый!

Погрустнев, Эрмина застегнула свою кожаную куртку и надела шапочку.

— Значит, вы уезжаете, — вздохнул учитель.

— Да, мне придется проделать часть пути в сумерках. В ноябре дни короткие. Овид, прошу вас, не оставляйте меня! Я имею в виду как друг. Не лишайте меня удовольствия угощать вас чаем и пирогом с изюмом, который мне прекрасно удается. Лоранс покажет вам свои рисунки — она очень способная. Зима в Валь-Жальбере будет слишком длинной и мрачной, если вы не оживите ее своим присутствием. Я ведь сюда больше не приеду.

Представив Эрмину одну на региональной дороге, в сумерках, Овид принял решение.

— Я вас провожу. Жакобу надо прогуляться. Только дам сена овцам и зерна курам и буду готов служить вам эскортом. Не могли бы вы пока оседлать мою лошадь?

Она с улыбкой согласилась, с трудом сдерживая желание прижаться к нему и поцеловать.

— Овид, вы сделали мне столько комплиментов, я могу ответить вам тем же, — сказала она, чтобы избавиться от этого наваждения. — Тала описывала вас как робкого, неразговорчивого человека. Но это неправда: вы красноречивый, интересный и такой необычный! Я счастлива, что встретила с вами.

Явно польщенный, он склонился в легком поклоне. И тогда Эрмина поняла, почему он ей нравился. Он тоже был особенным, как и Тошан.

Валь-Жальбер, тот же день

На городок опустилась ночь. Шарлотта, решившая навестить Мадлен, заодно сопровождала пятерых учеников мадемуазель Дамасс. Ей нравилось

идти за ними следом, слушая их забавную болтовню. Акали распустилась, словно дикий цветок, с которым до этого плохо обращались: теперь она держалась прямо, часто смеялась, купаясь в нежности и наслаждаясь невинными играми. Невысокая для своих двенадцати лет, она с радостью надевала платья, которыми пренебрегала Киона. Та сейчас шла впереди, в своей одежде из оленьей кожи, украшенной бахромой и разноцветным бисером. С тех пор как начал идти снег, она носила меховую шапку, что делало ее еще более живописной.

Мукки тоже требовал одевать его как индейца, но Эрмина отказывалась. В этот вечер он снова высказал свой протест против того, что называл вопиющей несправедливостью. Слово «вопиющая» приводило его в восторг.

— Скорее бы папа вернулся! Он-то разрешит мне показывать всем, что во мне течет кровь монтанье. И позволит отрастить длинные волосы. Бабушка Лора остригает их слишком коротко.

— Хватит болтать попусту, — посоветовала Шарлотта. — Уверяю тебя, Мукки, ты просто копия своего отца! Твоя индейская кровь видна невооруженным глазом. А монтанье из Пуэнт-Блэ одеваются, как мы с тобой.

— Тогда почему Киона имеет право так одеваться?

— Потому что я дочь Талы-волчицы и внучка могущественного шамана, — ответила девочка. — Я знаю молитвы своего народа и легенды предков.

— Ты становишься чересчур самодовольной, — упрекнула ее Лоранс. — Если бы мама слышала, как ты хвастаешься, она бы тебя отчитала.

— Мина меня никогда не ругает!

— Лоранс, как тебе не стыдно! — возмутилась Шарлотта. — Это не самодовольство, она права. Думаю, ты просто завидуешь ей, как и Мукки.

Мари-Нутта шепнула что-то на ухо Акали, которой доверяла все свои тайны. Девочки прыснули со смеху.

— Что вас рассмешило? — поинтересовалась Шарлотта.

— Мы только что заметили, что Киона, оказывается, моя тетья, — сказала Мари-Нутта. — Ну да, ведь она сестра моей матери. Мне кажется это забавным — иметь тетю своего возраста!

— Согласна, — признала девушка.

Они подошли к крыльцу дома. Дети потопали ногами на первой ступеньке, чтобы стряхнуть налипший на подошвы снег. На знакомый звук выглянула Мадлен.

— Наконец-то вы пришли, — с облегчением произнесла она. — На улице уже так темно! Хорошо, что ты проводила их, Шарлотта. Я приготовила полдник, но Эрмина еще не вернулась.

Маленькая ватага ринулась в дом, забыв обо всех разногласиях. Печка уютно гудела. Сладкий аромат меда и печеных фруктов витал в теплом воздухе.

— Надевайте домашнюю обувь и мойте руки, — велела Мадлен своим кротким голосом.

Она ласково коснулась щеки Шарлотты, лицо которой осунулось, глаза опухли.

— Ты заплакала весь день из-за ужасной новости, которую мы узнали сегодня утром. Я молилась за Симона.

— Спасибо, Мадлен. Сначала Арман, которого я так глупо отвергла, теперь Симон, которого я тщетно любила столько лет, с самого детства. На Жозефа больно смотреть. Лора боится, как бы он не тронулся умом, настолько он потрясен очередным несчастьем.

Шарлотта села за стол, накрытый скатертью в красно-белую клетку. Она не могла смириться со смертью Симона и цеплялась за официальную формулировку: «Пропал без вести».

— Жослин утверждает, что его могли взять в плен и отправить в какой-нибудь лагерь в Германии, — добавила она. — В таком случае у нас еще есть надежда увидеть его. А куда поехала Эрмина, да к тому же на лошади?

— Она чувствовала себя очень несчастной, — ответила Мадлен. — Думаю, ей захотелось побыть одной. В последнее время у нее совсем сдают нервы. Я посоветовала ей больше двигаться, не сидеть взаперти. Так ей будет крепче спать. Надеюсь, она уже скоро приедет. У меня тут возникла одна проблема.

— Какая? — поинтересовалась Шарлотта в надежде отвлечься.

— Ты же знаешь, я не закрываю кухонную подсобку раньше ночи, поскольку она сообщается с дровяным сараем. Все наши продукты разложены по полкам, а некоторые хранятся в холодильнике. Сегодня днем, около трех часов, мне послышался какой-то шум. Я как раз молилась и не придавала этому значения. И напрасно. Шарлотта, нас обокрали! Взяли кусок сала, шесть банок сардин и сухой хлеб, который я оставила для пони.

— Ты в этом уверена? Виновный наверняка оставил следы на снегу. Ты проверяла?

— С введением карточной системы я постоянно пересчитываю наши запасы. А на улицу мне выходить было страшно.

— Наверняка это какой-нибудь бродяга, к тому же голодный. Увы,

людям сейчас не хватает самого необходимого. Отныне нужно закрывать дверь на ключ раньше. А еще возьмите сюда одну из собак и оставьте в загоне, который Симон соорудил для кур.

Мадлен кивнула с задумчивым видом. Киона, слушавшая их разговор, подошла к столу и улыбнулась.

— Никакой опасности нет, — заявила она.

— Это что, одна из ваших шуток? — оскорбилась Мадлен. — Хотя вы в это время учились... У тебя было видение?

— Нет, у меня больше нет видений благодаря кулону, который подарил мне отец, — солгала девочка. — Но бояться все равно нечего. Вот.

Она пристально смотрела на Шарлотту, глаза ее хитро блестели. Затем она покинула кухню, прыгая на одной ноге, как любила делать в последнее время.

— Эта малышка насмехается над нами, — сделала вывод Мадлен.

Но Киона никогда ни над кем не насмехалась. Она хотела, чтобы мир и счастье царили на всей земле и, особенно, в Валь-Жальбере — городке-призраке, который был так дорог сердцу ее Мины.

Глава 11

Зимние сцены

Валь-Жальбер, четверг, 10 декабря 1942 года

Было где-то около полудня. Мадемуазель Андреа Дамасс сидела под лампой в кухне Жозефа Маруа. Она только что привела Мари домой, поскольку девочка плохо себя чувствовала. Причина ее прихода вызывала у учительницы крайнее смущение.

— Я оставила других учеников на попечение няни, — тихо сказала она. — Мадам и месье Шарден уехали на четыре дня и взяли с собой Луи. Кажется, они каждый год ездят в Шикутими перед праздниками, чтобы сделать покупки к Рождеству. А мадемуазель Шарлотта сейчас в Робервале, не знаю зачем. Что касается мадам Дельбо, я к ней сходить не успела. Лоранс сказала мне, что она сейчас принимает гостя — одного из моих коллег-учителей, месье Лафлера.

Жозеф согласно кивнул, тоже чувствуя себя неловко.

— Хороший парень, — заметил он. — Если бы мои сыновья стали учителями, они женились бы и поселились здесь. Но скажите, что случилось с Мари? Вы долго пробыли с ней в комнате, я уже начал беспокоиться. Надеюсь, у нее не насморк...

Андреа сняла очки и принялась протирать их носовым платком. Это давало ей возможность видеть отца девочки в успокаивающей пелене и оттого чувствовать себя увереннее.

— У нее менструация, — быстро произнесла она, полная решимости больше никогда не употреблять этого слова.

— Что?! — воскликнул бывший рабочий. — Однако она ранняя! Десять с половиной лет и уже... эти дела?

— Говорите тише, месье Маруа, — пожурила его Андреа. — Бедная девочка чуть не умерла от стыда. Она не понимала, что с ней случилось. Сначала мы пошли за помощью к Мирей, которая все ей объяснила. Но я решила освободить Мари от занятий: у нее очень болит живот.

Выражение изумления на лице Жозефа внезапно сменилось грустью. Он отвернулся, сдерживая рвущееся из горла рыдание.

— В такие минуты особенно не хватает матери. Моя Бетти нашла бы

правильные слова, помогла бы ей привести себя в порядок. Черт возьми! Это могло бы подождать еще года три-четыре! Я ничего в этом не смыслю. У меня ведь были только парни до Мари.

Учительница была вынуждена снова надеть очки. Она откашлялась и положила свои пухлые руки на клеенку.

— С завтрашнего дня мадам Дельбо и ее экономка будут поддерживать Мари. Я сделала все, что могла, месье Маруа, и сочла необходимым вас предупредить. Поверьте, мне это было нелегко! Я не привыкла обсуждать подобные темы с мужчиной.

— Благодарю вас, мадемуазель, это очень любезно с вашей стороны, — ответил он. — С самого начала войны на меня сыплются одни несчастья. Я похоронил жену — самую лучшую женщину в мире, потерял двух сыновей. Еще неизвестно, что готовит мне третий сын, Эдмон. В свой последний визит он рассказывал, что собирается стать миссионером. Мне следовало подчиниться воле моей Бетти и снова жениться. Умирая, супруга просила меня найти вторую мать для Мари. Но я хотел сохранить ей верность.

Андреа Дамасс еле слышно поддакивала. Темные глаза Жозефа пристально смотрели на нее.

— Вы очень миленькая без очков. Не сочтите за неуважение, но меня это поразило. Ведь ничего плохого нет в комплименте, когда он искренний?

— Разумеется нет! Я бы с удовольствием обходилась без очков, но у меня близорукость. Что вы хотите, месье Маруа: Господь не всем раздает козырные карты, — к своему собственному изумлению, изрекла учительница. — Матушка-природа была ко мне не слишком щедра.

Впервые в жизни Андреа так откровенничала. Перед этим вдовцом с горящим взглядом она внезапно ощутила потребность пожаловаться на свою внешность, зная, что некрасива. Застигнутый врасплох, Жозеф попытался найти достойный ответ:

— Вы крепкая женщина! И к тому же ученая, вежливая, воспитанная. Мари очень вас любит. Бог свидетель, будь я лет на двадцать моложе, я бы приударил за вами!

От этого неожиданного заявления старая дева залилась краской. Она уткнулась носом в чашку чаю, которую налил ей Жозеф.

— Месье, прошу вас! — дрогнувшим голосом сказала она. — Я дорожу своим именем. Мое призвание — обучать детей, я посвятила этому свою жизнь. Я работала у крупных буржуа в Монреале и Квебеке, у меня безупречная репутация.

— Не вижу связи, — перебил ее бывший рабочий.

Андреа предпочла бы сейчас исчезнуть, ускользнуть от этого зрелого и опытного мужчины, в последнее время слишком часто занимавшего ее мысли.

— Я совершенно не хочу, чтобы за мной приударяли. Ни вы, ни другой мужчина... Вынуждена вас оставить, месье Маруа. Позаботьтесь о вашей дочери Мари.

Она встала и надела свой твидовый пиджак. При этих движениях ее пышная грудь заколыхалась под тканью серого жилета. У Жозефа перехватило дыхание. Он представил, как обхватывает ладонями эту грудь, сжимает ее и ласкает. На его лбу выступила испарина. Когда учительница наклонилась, чтобы взять сумку, черная юбка натянулась на внушительных ягодицах.

«Черт возьми! Я обязательно должен на ней жениться!» — решил он.

Валь-Жальбер, дом Шарденов, тот же день

Тепло укутанная, Мадлен постучала в дверь кухонной подсобки Шарденов, служившей кладовкой, как и в большинстве местных домов. Там всегда было прохладно, но не морозно.

Мирей поспешила ей открыть. Индианка сияла обувью и аккуратно поставила ее возле стены.

— Нечасто ты меня навещаешь, — удивилась экономка. — Пойдем попьем кофейку, ветер на улице неприятный. Ночью опять намело полные улицы снегу.

— Эрмина отправила меня к вам за топленым салом и мукой, если у вас их достаточный запас, — пояснила Мадлен, следуя за ней в кухню, где, как ей показалось, стояла ужасная духота.

— Боже милосердный, опять! — воскликнула Мирей. — Я знаю, что у вас семеро едоков, но все же следует быть поэкономнее. Мадам правильно говорит: вам лучше приходить ужинать сюда, вместе с нами. Я всегда стараюсь готовить супы и рагу. Сейчас посмотрю, смогу ли я вас выручить. Садись и не смотри на меня виноватыми глазами. Поболтаем с тобой немного. Скажи, долго еще Мимина собирается дуться на мадам? Никто не знает, какая кошка между ними пробежала, но каждая стоит на своем. И знаешь, что случилось с малышкой Маруа?

Экономка никогда не упускала случая посплетничать. Она постоянно твердила своим хозяевам, что было бы лучше перебраться в Роберваль, где гораздо оживленнее и много магазинов. Она продолжила:

— У нее пришли месячные! Мадемуазель вела урок английского, когда бедной девочке показалось, что она описалась. Ее платье под попой было все в крови. Как мне ее жаль: с десяти с половиной лет мучиться каждый месяц! Сколько у нас, женщин, хлопот с этим!

Целомудренная Мадлен молча покачала головой. Она выглядела озабоченной.

— Мирей, простите за беспокойство. Эрмина хотела испечь бисквиты с корицей на полдник. У нас в гостях месье Лафлер.

— Бисквиты! — воскликнула экономка. — Но я передала вам две коробки позавчера, с апельсиновым ароматом.

— В этом-то и проблема! Они исчезли. Коробки тоже.

— Мои красивые жестяные коробки? Боже милостивый, я ими так дорожила! Но послушай, Мадлен, ты же закрываешь подсобку на ключ после той истории с кражей в ноябре. Я могу понять, когда бродяге удалось один раз стащить сало и хлеб. Но если дверь закрыта, здесь пахнет чьими-то проделками. Дети играют на втором этаже, в комнате Луи, ты должна их расспросить. Эти маленькие монстры дурачат вас! Я уверена, что это их рук дело. Поройся в их шкафах или поищи под кроватями — наверняка найдешь пропажу.

— Мы с Эрминой уже проверяли.

Мирей налила себе в чашку кофе и тяжело опустилась на стул.

— А я все продолжаю толстеть! Чем больше хлеба вынимает у нас из рта государство, тем жирнее я становлюсь. Так значит, месье Лафлер все еще здесь? Эрмина играет с огнем.

— Они друзья, ничего больше, — сухо ответила индианка. — Овид привозит нам французские романы или те, что были переведены с английского. Могу вас заверить, что он никогда не остается наедине с Миной. Мы готовим материал для журналистки из Квебека, этой очаровательной дамы, Бадетты. Почта работает медленно, но в своем последнем письме она пообещала написать громкую статью о пансионах, где истязают детей моего народа.

— Никогда не остаются наедине... — проворчала Мирей. — А сейчас они, по-твоему, что делают, раз ты здесь? Ладно, поболтаем о другом. Ваши продукты куда-то исчезают, и это очень серьезно! Шарлотта права: привяжите одного из псов за домом. Это быстро отведит воришек.

— Киона считает, что это бесполезно. Не беспокойтесь, мы с Миной в субботу поедem в Роберваль и купим все, что нужно, на оставшиеся талоны.

— Девчонка насмехается над вами, — заявила Мирей. — И потом, не

ей решать! Если она не советует вам брать собаку, значит, я права. Она защищает виновного, и я думаю, что это Мукки, любитель вкусно поесть.

В эту секунду в кухню вошла мадемуазель Дамасс. Лицо ее покраснелось, она выглядела растерянной.

— Здравствуйте, Мадлен. Мирей, не накрывайте на меня, я не буду обедать. Беседа с месье Маруа меня взволновала. Ему не хватает его покойной жены, и это нормально. Больше всего мне жаль Мари. Она призналась мне у себя в комнате по поводу своих месячных: «Как я буду подмываться так, чтобы папа меня не видел?!» Боже мой, как это трогательно!

С этими словами, произнесенными дрожащим голосом, Андреа выскользнула из кухни, оставив экономку в недоумении.

— Идем, Мадлен, я дам тебе муки и сала. Если хочешь услышать мое мнение, то Жозефу лучше снова жениться. Знала я одного такого вдовца в Тадуссаке, который принялся бегать за женщинами до потери пульса. Я тогда была совсем юной, и мать советовала мне и моим кузинам обходить его стороной. В итоге он изнасиловал тринадцатилетнюю девочку.

— Месье Маруа не такой, — оборвала ее кормилица. — Мне он кажется порядочным мужчиной.

Мирей состроила гримасу. Накинув шаль на плечи, она разглядывала свои запасы, разложенные по порядку, — паштеты, рыба в масле, фасоль, горошек... В холщовых мешках, стоявших на деревянных решетках, были рис и картофель. На самой верхней полке выстроились банки с вареньем и бутылки с кленовым сиропом.

— Боже милосердный! У меня было тридцать банок черничного варенья, а теперь осталось только двадцать пять! — вскричала Мирей. — И не хватает двух банок яблочного компота, который я закрывала в прошлом месяце!

— Значит, это происходит не только у Мины, — заметила Мадлен. — Кто-то питается за наш счет.

— Я поняла, — проворчала гувернантка. — Это Лапуэнты, то есть разбойник Онезим. Мадам ему платит за то, чтобы летом он рубил дрова, колот их и складывал в сарае. Он спокойно может подобраться к нашей провизии. То же самое и у вас.

— Да, Онезим действительно заготавливает нам дрова на зиму, — признала Мадлен. — Месье Жослин не может этим заниматься, у него слабое сердце. Но мы не можем голословно обвинять нашего любезного соседа. И потом, Онезим кажется мне честным.

— Для тебя, наивная ты душа, все эти люди честные: Маруа, Лафлер,

Лапуэнт... Как только мадам вернется, я сразу ей об этом расскажу. Во всяком случае, в последние дни собаки не лаяли. Значит, это кто-то из знакомых. Тебе повезло, что вор не стал брать муку и сало.

— Спасибо большое, Мирей. Не мерзните, возвращайтесь в кухню.

— До свидания, Мадлен, и будь осторожна! Городок теперь словно вымер.

Киона слушала их разговор из кухни. Она проворно попятилась, выскользнула в коридор и с досадой вздохнула.

«Придется прекратить, — подумала она. — Поначалу это было незаметно, но теперь есть риск, что они вызовут полицию».

Девочка на цыпочках поднялась на второй этаж так же бесшумно, как это делал ее сводный брат Тошан.

«Это уже неважно, сейчас у него достаточно еды», — успокоила она себя.

Мукки играл со своими шариками на ковре в спальне. Лоранс, Мари-Нутта и Акали разыгрывали партию «желтого карлика»^[44].

— Где ты была, Киона? — спросил Луи. — Я выиграл тебе красивый агатовый шарик.

— Ходила в туалет, — ответила она. — Покажи мне его.

Киона с задумчивой улыбкой смотрела на крошечный стеклянный шарик. Никто ее не подозревал, и это было хорошо.

«Маленький рай», тот же день

Эрмина и Овид просматривали стопку документов, которые им удалось собрать за две недели. Они устроились за столом в кухне, где молодая женщина проводила большую часть своего времени, в кругу света от люстры из розового опалового стекла. В помещении было тепло, из чугунной кастрюли вырывалась аппетитно пахнущая струйка пара.

— Этот запах сводит меня с ума! — воскликнул учитель. — Никак не могу понять, что там у вас варится.

— Это заяц. Сначала он был поджарен кусочками, теперь тушится в бульоне со специями, которые придадут мясу нежность. Это рецепт Мадлен, доставшийся ей от матери. Только не спрашивайте, откуда взялся заяц: я не могу вам этого сказать. Жители Лак-Сен-Жана снова достали свои охотничьи ружья и тайком продают дичь.

— Очень интересно, — улыбнулся Овид. — Буду приезжать к вам почаще. Пока ваша мать не подстрелит меня как гигантского зайца.

Эрмина рассмеялась, затем снова посерьезнела. Она внимательно разглядывала фотографию.

— Я смотрю, вам пригодился мой фотоаппарат.

— Мне пришлось схитрить, чтобы получить этот снимок. Я переоделся! Надвинул кепку на уши и надел солнцезащитные очки. Я бродил вдоль ограды пансиона в то самое время, когда мальчики обычно пилят дрова странным приспособлением на основе старого стационарного мотора, вышедшего из строя. Я уверен, что многие из них часто ранятся, так как агрегат далеко не безопасен. Взгляните, какие несчастные эти дети.

— Да, если этот снимок появится в «Пресс», мы достигнем своей цели.

Эрмина не могла оторвать глаз от худых силуэтов, столпившихся вокруг пилы, в дырявых ботинках на босу ногу, с бритыми головами.

— Мощный двор блестит, всюду лужи воды, — сказал Овид. — Понятно, что идет дождь. Пансионеры не должны работать на улице в такую погоду. На другой фотографии девочки выстроились в ряд; все с отсутствующим взглядом, в плохой одежде. Ничто не указывает на жестокое обращение, которое мы изобличаем, но только человек с каменным сердцем может остаться равнодушным к отчаянию, написанному на их лицах.

— Моя подруга Бадетта точно будет потрясена. В тот вечер, когда я с ней познакомилась, она сказала мне, что борется за права детей и всех тех, кто страдает. Это случилось на железной дороге, немного не доезжая до станции Лак-Эдуард. Локомотив потерпел аварию, и всем пассажирам пришлось покинуть поезд. Я ехала в Квебек вместе с Шарлоттой и Мукки, который был тогда младенцем.

— Расскажите еще, — попросил Овид. — У вас жизнь такая захватывающая!

— Я решила пройти прослушивание в Капитолии, но только Мирей, наша экономка, была в курсе моей затеи. Какой я была тогда юной, робкой и наивной! Нас приютили в туберкулезном санатории, и я спела для больных в помещении столовой. Там я и познакомилась с Бадеттой, которая обожала мой голос, поскольку — еще одно совпадение — она слышала мое пение в Шамборе на рождественской мессе. Она представилась мне в поезде, который вез нас в безопасное место.

— А прослушивание в Квебеке? Надеюсь, вы всех там поразили?

— Нет, по той простой причине, что на следующий день я решила вернуться домой. Но эта авария, моя безумная идея уехать тайком от всех — все это должно было случиться. Если бы я подчинилась своему мужу, то,

наверное, так никогда бы и не нашла своего отца... Но это такая длинная история! Я не могу все рассказать вам сегодня.

— Ну хотя бы вкратце! — с улыбкой взмолился Овид.

— Мы думали, что папы нет в живых, об этом я вам, кажется, уже говорила. Но он, оказывается, был болен туберкулезом и находился в санатории. Он назвался Элзеаром Ноле — это имя его деда. Разумеется, он понял, что я его дочь, и попытался со мной заговорить, но я испугалась его вида. Представьте себе изможденного, бледного мужчину в слезах... С тех пор он сильно изменился, слава Богу! На следующий день он сбежал. Я вам все это рассказывала в двуколке пансиона. Судьба бывает так непредсказуема! Без этого злключения моего отца, возможно, сейчас уже не было бы с нами и Киона не родилась бы. Вы увидите ее на полднике. Она так преобразилась! Веселая, сияющая и такая красивая! И волосы у нее отросли.

— Если я правильно понял, ваш муж не разрешал вам проходить прослушивания.

— У Тошана были на то свои причины. Он считал меня слишком юной, к тому же нашему ребенку было всего несколько месяцев. Дело было зимой. И я была наказана за свою глупость: обратная дорога спровоцировала выкидыш. Господи, как же я жалела об этой поездке!

Она замолчала, погрузившись в воспоминания. Вошла Мадлен, ее капюшон был засыпан снегом.

— Я принесла то, что ты хотела, Мина: муки и топленого сала.

Молодая индианка сняла пальто, быстро повязала фартук вокруг талии.

— Начну делать тесто для бисквитов. А вы оба продолжайте работать. И не забудьте, мой рассказ нужно подписать именем Соканон, а не Мадлен!

— Не беспокойся, — успокоила ее Эрмина. — Ты правильно сделала, что описала все, что с тобой произошло в детстве. Это обязательно найдет отклик у читателей газеты.

Овид дружески подмигнул индианке. Они очень сблизилась все трое, пока трудились над дорогим их сердцу делом.

«Как нам хорошо сегодня здесь, в нашем маленьком раю! — подумала Эрмина. — Это и правда странно, но, после того что произошло в конюшне Овида, я освободилась от желания, которое испытывала к нему. Такое ощущение, что меня вылечил доктор, очень необычный доктор, тогда как любой человек, заботящийся о приличиях, счел бы мое поведение непристойным. Но мне все равно. Кто об этом узнает? Зато теперь мы хорошие друзья».

Со своим умением общаться на любую тему, своими шутками, широким взглядом на вещи и анархистской жилкой, Овид Лафлер внес в жизнь молодой женщины важное дополнение. Она научилась терпимее относиться к собственным слабостям и иметь свое мнение, не поддаваясь влиянию других людей. Благодаря ему она стала оптимистичнее смотреть на жизнь и часто не боялась отказываться следовать общепринятым нормам. Ее внутренний мир раскрывался, и это приводило в восторг учителя.

— Вы еще сердитесь на вашу мать?

— Да. Я помирюсь с ней накануне Рождества, чтобы не расстраивать детей. Мама заслужила это наказание. А папа никак не поймет, что она натворила. Я не стала объяснять ее проступок всем, поскольку на меня это тоже бросает тень. Только Мадлен в курсе.

— Мадам Лора написала это письмо, чтобы защитить тебя, Мина, — вмешалась индианка. — Это долг каждой матери. Знаешь, должна тебе сказать, что из подсобки твоих родителей тоже пропадают продукты. Мирей испытала настоящий шок. Не хватает банок с вареньем и компотом. Она думает, что это Онезим Лапуэнт, потому что собаки его хорошо знают и не лают.

— Онезим! Но это невозможно! Нужно пролить свет на эту тайну как можно скорее. У нас могут возникнуть проблемы зимой, если кто-то продолжит таскать у нас съестные припасы. Вряд ли это медведь!

— Медведь оставил бы после себя погром, — заметил Овид. — Меня заинтриговало это дело. Если речь идет о бродяге, можно пойти по его следам. Они наверняка остались на снегу. Возможно, это какой-нибудь дезертир, который прячется в лесах на холме и готовится пережить зимние месяцы. Он мог поселиться где-нибудь в охотничьем домике или хижине дровосека.

— Киона утверждает, что опасности нет, — сказала Эрмина. — Я ей доверяю.

— Ваша вера в этого ребенка меня восхищает. А ты, Мадлен, тоже доверяешь Кионе?

— Да. Думаю, что виновники как раз дети. Они не всегда у нас под присмотром и могут без труда обвести любого вокруг пальца. Мирей тоже так считает. Но если это правда, значит, и опасности нет.

Она была далека от истины, но Эрмина присоединилась к ее мнению.

— Это какая-нибудь новая игра. Дети сейчас увлечены приключениями Робинзона Крузо. Думаю, они спрятали все, что стащили, в каком-нибудь укромном месте. К счастью, сегодня они обедают у Мирей,

и нам не придется их допрашивать. Я займусь этим вечером или во время полдника.

Овид сложил в стопку бумаги, разбросанные по столу. Аромат рагу из зайца не давал ему покоя. Четверть часа спустя они втроем с аппетитом пообедали.

В это время в какой-нибудь сотне метров от них Киона доедала свой ванильный флан^[45]. Внезапно она закрыла глаза, неподвижно застыв с ложкой в руках. Мадемуазель Дамасс, которая спустилась из своей комнаты, чтобы выпить чашечку кофе, удивленно посмотрела на девочку.

— Что с вами? — спросила она.

— Тише, — сказал Мукки. — Не отвлекайте ее. Это она молится, произносит заклинания нашего народа.

Мирей, присутствовавшая при этой сцене, подошла к мальчику и дернула его за ухо.

— Не болтай глупости!

Но Киона их не слышала. В ее голове пронеслось видение, и она пыталась понять его смысл. Ее любимый сводный брат Тошан летел по небу. Он планировал, словно орел в темном ночном небе. «Я знаю, — сказала она себе. — Должно быть, он спрыгнул с парашютом! Мина объясняла мне, как это работает... а иногда не работает!»

Ее маленькое сердечко испуганно сжалось. Она не решалась открыть глаза в надежде увидеть что-нибудь еще. Лоранс погладила ее по руке.

— Киона, нам пора идти в класс. Мы будем рисовать гуашью. Ты не забыла?

— Нет, я иду.

В этот день Киона, не имевшая способностей Лоранс, неумело изобразила на белом листе огромную птицу с раскинутыми крыльями. Андреа Дамасс долго изучала рисунок, пытаясь понять, почему у птицы человеческое лицо.

— Вы не хотите мне объяснить, Киона? — в итоге спросила она.

— Это Тошан, мой брат, сын Талы-волчицы. Он прыгал с парашютом, но я не знаю, где он приземлился.

Мукки и близняшки встревоженно переглянулись. Речь шла об их отце.

— Скажи нам, где он, — тут же встряла Мари-Нутта. — Киона, скажи!

— Но я ничего не знаю!

Учительница испуганно перекрестилась. Потом, упрекнув себя в том, что поддается детским фантазиям, подрывая свой авторитет, хлопнула в

ладоши.

— А теперь отложите свои рисунки и возьмите ручки. Мы будем писать диктант, причем в тишине, прошу вас.

Киона пообещала себе впредь быть осторожнее. После уроков она скажет всем, что выдумала историю про Тошана и парашют. «Это их папа. Они за него переживают. Я бы тоже расстроилась, если бы мой отец ушел на войну!» Чтобы оградить от волнений тех, кого она любила, странная девочка стала спецом в искусстве лжи. Перед сном она просила Иисуса простить ее и была уверена, что он это делает.

В то самое время, когда ученики мадемуазель Дамасс писали диктант в своих тетрадях, адъютант Дельбо приземлился на французской земле после головокружительного прыжка с самолета. Старый дуб спас ему жизнь, задержав купол парашюта, раскрывшегося в последний момент. Но дерево, растущее на земле провинции Лимузен, взяло свое. Кровь красавца метиса оросила серую кору. Почувствовав, как пах пронзила острая ветка, сломавшаяся под его весом, Тошан подумал, что пришел его последний час.

Валь-Жальбер, тот же день

Шарлотта вернулась домой. Онезим привез ее из Роберваля в своем грузовике, на колеса которого он на зиму надел цепи. Девушке была необходима эта поездка. Она помолилась в церкви Сен-Жан-де-Бребёф за упокой Симона и Армана Маруа. Гибель этих двух парней с интервалом в несколько месяцев привела ее в отчаяние. Одетая во все серое, она зажгла свечу и долго плакала.

Сняв пальто и шарф, Шарлотта отправилась в кухню к Мирей, которая радостно встретила ее.

— А! Вот и ты, моя милая! Наконец-то! Без мадам и месье в этом большом доме так пусто! Детей даже не слышно, настолько мадемузель Дамасс загружает их в последние дни. Хочешь чашку горячего чая?

— Да, я замерзла.

Мирей заметила припухшие глаза Шарлотты и покрасневший кончик носа, но не прокомментировала это. Желая отвлечь девушку, она поведала ей о своих тревогах.

— Боже милосердный! Тебе известно, что кто-то таскает наши продукты, как и у Эрмины? Нужно найти вора или воровку. Дети не выйдут из дома, пока я не узнаю правду!

— Что же у тебя украли, моя бедная Мирей?

— Варенье, компоты... и мыло. Я заметила это после ухода Мадлен, которая приходила за мукой и топленым салом. Целый брусок мыла! Не для того же, чтобы его съесть! Здесь творятся странные вещи.

В эту секунду в комнату ворвался Мукки в сопровождении своих сестер и Акали.

— Как раз вовремя, вы, трое. Прежде чем убежать, я хочу получить ответы на волнующие меня вопросы. А Киона где?

— Она захотела прокатиться на пони, как и каждый день после уроков, — сказала Лоранс. — Но мы, Мирей, зашли пожелать тебе доброго вечера.

— Что-то вы подозрительно любезны! А вы в курсе, что из моей подсобки пропадают продукты? Представьте себе, на мои банки тоже покушаются! Я уверена, что вы знаете виновного. И не надо мне рассказывать, что это Вендиго^[46]!

Девочки недоуменно переглянулись, а Мукки рассмеялся:

— Вендиго? Это еще кто?

— Только взгляните на этого маленького невежду! Я могу рассказать тебе о Вендиго. Когда я была в твоём возрасте, то не выходила на улицу с наступлением темноты из страха встретить его. Нас с сестрой предостерегла наша мать. В окрестностях Сен-Адельф-де-Шамплена, где жили мои бабушка и дедушка с материнской стороны, все знают Вендиго! Это невидимый зверь, который передвигается быстрее ветра и может бежать по поверхности озера и не тонуть. Огромный зверь и всегда голодный! Чтобы выжить, ему нужно съесть в день в семь раз больше еды, чем весит он сам. Он крадет дичь из капканов охотников, а также бродит вокруг курятников и таскает яйца и кур.

— Нет никакого Вендиго, Мирей, — заявил Мукки. — Но когда Луи вернется из Шикутими, я его напугаю. Он-то наверняка поверит в твоего невидимого зверя!

Шарлотта вмешалась в разговор:

— Я запрещаю тебе пугать Луи, особенно перед Рождеством! Мукки, ты самый старший и должен показывать всем пример. Но прежде всего ответь Мирей. Кто стащил варенье? И мыло?

— Вендиго, — прыснула Мари-Нутта. — Он проглотил мыло и, когда попьет воды, будет пускать пузыри!

Акали расхохоталась, а вслед за ней и Лоранс. Разъяренная Мирей схватила половник и погрозила детям.

— Убирайтесь отсюда, маленькие монстры! — завопила она. — Не очень-то умно с вашей стороны злить нас за две недели до Рождества!

Завтра я хотела напечь вам оладий, но теперь передумала. Тем хуже для вас.

Это не сильно расстроило маленькую ватагу, которая развернулась и, перешептываясь и смеясь, двинулась к выходу. Шарлотта посмотрела в окно над раковиной.

— Мирей, у меня идея! Ты слышала, как Лоранс сказала, что Киона каждый вечер катается на пони? Я об этом не знала. Интересно, кто ей это разрешил: Мимина или папа Жосс?

— Да месье на руках готов ходить ради Кионы! Теперь у нее здесь все права. Я предупредила Эрмину: они испортят ребенка и она станет капризной и надменной.

— Пойду немного прогуляюсь.

— Куда ты на ночь глядя?

— Посмотрю, куда поехала Киона. Я уверена, что она от нас что-то скрывает. Снег твердый, немного осевший от мороза. Я еще не снимала сапоги. Скоро я все выясню, моя славная Мирей.

Шарлотта испытала облегчение, оказавшись на улице, в ватной вечерней тишине. Опускались сумерки, и снег казался голубоватым. Ветер стих. Она смотрела на окружающий пейзаж, знакомый ей до мельчайших деталей. Все было на своих местах: деревья, монастырская школа — внушительная темная масса с возвышающейся наверху колоколенкой под белой шапкой снега. Впав в меланхолию, она вспомнила, как бегала к дому Маруа, начиная с двенадцати лет и до двадцати, всегда с одной надеждой — увидеть красавца Симона.

«Скоро я стану такой же старой девой, как Андреа Дамасс, — подумала она. — Либо мне катастрофически не везет, либо я слишком глупа!»

Она повернула за угол дома Шарденов и направилась к сараю, обустроенному для пони. Там не хватало седла и уздечки. «Киона почти одного возраста с Луи, разница всего в три месяца, и она может одна ездить верхом на Базиле! Я бы еще поняла, если бы это была Мари-Нутта или Мукки, но Киона...»

Копыта пони оставили на снегу вполне четкие следы. По всей видимости, девочка каждый раз выбирала один и тот же маршрут. «Киона не едет по улице Сен-Жорж. Она сворачивает на старую дорогу, ведущую к заводу и на улицу Сент-Анн».

В те времена, когда сестры Бон-Консея преподавали в Валь-Жальбере, они запрещали своим ученикам — и девочкам, и мальчикам — ходить в эту часть рабочего городка, представлявшую собой большой пустырь, поросший кустарником, где могли произойти нежелательные встречи:

несмотря на бдительность и проповеди аббата Деганьона, среди служащих завода находились те, кто напивался и дебоширил.

В этот вечер пустырь казался таким заброшенным, таким темным, что Шарлотта ощутила в груди тревогу. Восемилетнему ребенку требовалась недюжинная храбрость, чтобы разгуливать здесь, особенно зимой. Позади домов вполне могут бродить волки. «Если я не возьму себя в руки, то начну бояться встречи с Вендиго, о котором рассказывала Мирей. Боже, какая странная легенда!»

Внезапно ей почудилось ржание лошади. Она ускорила шаг, чувствуя себя неуютно. «Я уже начинаю думать, что мама Лора права, — думала она, почти переходя на бег. — Мимина забывает обо всем, как только приезжает Овид Лафлер. Еще один привлекательный мужчина, для которого я как будто не существую. Да, в его глазах я такая же невидимка, как этот Вендиго! Мне следовало родиться со светлыми волосами и голубыми глазами». Едва сдерживая слезы от накопившихся обид, разочарований и сожалений, Шарлотта вскрикнула от неожиданности, увидев перед собой Киону.

— Господи, как ты меня напугала! — простонала она. — Я искала тебя, Киона. Тебе не следует ездить верхом на Базиле в это время года, тем более так поздно! Это небезопасно. Я скажу об этом Мимине.

— Обещаю, больше не поеду, — с улыбкой сказала девочка. — Это было в последний раз.

Шарлотта внимательно осмотрела животное со всех сторон, но не увидела ничего подозрительного. Затем она перевела взгляд на Киону.

— У тебя нет с собой сумки?

— Нет, а зачем мне сумка? — удивилась девочка.

— Выслушай меня спокойно, Киона. Я уверена, что это ты таскаешь продукты у Мирей, то есть у Лоры и своего отца, а также у Эрмины. Я требую немедленно мне все объяснить! Может, вы — я думаю, что Мукки и близняшки твои сообщники, — прячете свою добычу где-то в городке? А потом играете в какую-нибудь игру в своем тайнике?

— Ты ошибаешься, — ответила Киона кротким голосом. — Это не игра. Тебе я открою свою тайну, только тебе, но ты должна поклясться, что никому об этом не расскажешь. Прошу тебя, это очень важно!

В интонации ребенка чувствовалась глубокая искренность. Однако Шарлотта отнеслась к этому несерьезно, забыв, что речь идет о Кионе.

— Клясться нехорошо, но, если ты доверишься мне, обещаю, что это останется между нами.

— Я спасаю одного несчастного, — заявила девочка. — Иисус тоже

помог бы ему. Он был так голоден...

Моментально встревожившись, Шарлотта принялась озираться по сторонам. Ее воображение нарисовало страшные вещи: какой-то бродяга вызвал симпатию Кионы и побудил ее обворовывать свою семью. Подобный тип мог в итоге злоупотребить невинностью девочки... Но она быстро спохватилась. После того что Киона пережила в пансионе, она наверняка с недоверием отнеслась бы к мужчине зрелого возраста с подозрительной внешностью.

— Пойдем, я тебе его покажу. Только не шуми, умоляю тебя. Если он тебя увидит, бросится бежать, и это может его погубить. Здесь он в безопасности.

Быстрыми ловкими движениями Киона привязала пони к ветке кустарника, наполовину засыпанного снегом. Она показала Шарлотте дом, который та сразу узнала. Это было красивое здание, построенное для одного из бригаиров завода на окраине улицы Сент-Анн.

Пройдя вдоль ограды, потускневшей от непогоды, они молча подошли к дому.

— Сядь на корточки, — посоветовала Киона. — И посмотри вон туда.

Шарлотта различила почти у самой земли крошечное окошко, затянутое паутиной, за которым угадывался едва различимый огонек.

— Он поселился в подвале, там, где раньше была бойлерная, — прошептала девочка.

Заинтригованная, но вместе с тем все более беспокоясь, Шарлотта увидела мужской силуэт, который немного сутулился, по всей видимости закуривая сигарету.

— Я взяла их у тебя вчера, — шепнула ей на ухо Киона.

Незнакомец выпрямился. Его голова касалась потолка. Походка и движения выдавали в нем молодого человека, как и его очень светлые вьющиеся волосы.

— Кто это, Киона? Ты ведешь себя безрассудно, помогая этому человеку прятаться!

— Тихо! Не так громко!

Они отпрянули от окна и спрятались за дровяным сараем — такие сараи были во дворе каждого дома в городке.

— Он сказал тебе, как его зовут? Это дезертир? Мне очень жаль, Киона, я не смогу сдержать свое обещание. Нужно сообщить о нем властям. А ты больше не вздумай носить ему еду и тем более мои сигареты!

— Ты же обещала! — запротестовала девочка. — Я тоже дала клятву

помогать ему. Даже плюнула на землю!

— Нет, Киона. Мы быстро возвращаемся домой, и я все рассказываю Эрмине, поскольку папа Жосс в отъезде.

— Прошу тебя, Шарлотта! Это немец, немецкий солдат! Если ты расскажешь о нем, он вернется в лагерь и ему будет очень плохо!

Шарлотте показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Ужаснувшись, она задрожала всем телом.

— Что?! — вскричала она. — На этот раз все слишком серьезно! Ты сошла с ума, моя бедная девочка! Немец! Это же наш враг! Они погубили Армана, торпедировав судно, на котором он плыл, и Симона в Дьеппе убили они! И ты надеешься, что я буду молчать?!

— Он ничего не сделал! — запротестовала Киона. — Он не убивал людей!

— Откуда ты знаешь? Что он делает здесь, в Валь-Жальбере? Папа Жосс говорит, что нацисты отправляют шпионов на побережье Квебека и, возможно, дальше, в глубинку.

Охваченная настоящей паникой, Шарлотта схватила девочку за руку и потащила ее назад, к пони, который смирно стоял на месте.

— Нужно позвонить в полицию, чтобы они приехали и арестовали этого грязного боша, — сквозь зубы добавила она. — Во Франции их называют именно так, бошами!

Киона отказывалась следовать за Шарлоттой, вцепившись в ее пальто.

— Ты не можешь его выдать, — тихо настаивала она. — Его зовут Людвиг. Он не хотел этой войны! Его привезли в Канаду на корабле, потому что он попал в плен. Но он оттуда сбежал!

— Ну конечно, и все это он рассказал тебе по-немецки, а ты его поняла! Даже если он говорит по-французски, он солгал тебе.

— Он немного говорит по-английски и на языке монтанье. Шарлотта, есть вещи, которые я узнаю по-другому, и ты об этом знаешь!

— Как же, помню твои знаменитые видения! — совершенно вышла из себя девушка. — Ты видела меня в белом платье и фате рядом с Симоном! И все это ложь, свадьбы никогда не будет! Гроша ломаного не стоят твои видения, маленькая задавака! Пойдем домой, ты невыносима. Тебя следует наказать!

Неожиданно Киона отпустила Шарлотту, и та, потеряв равновесие, пошатнулась. Вне себя от гнева и страха, она взглянула на девочку, угрожающе направив на нее палец.

— Идем, иначе...

Но тут произошло нечто странное: янтарные глаза девочки приобрели

золотистый оттенок, лицо стало сияющим, невероятно безмятежным; она будто стала выше ростом, чем была на самом деле, и старше своего возраста.

— Ты не можешь его выдать, Шарлотта, — повторила она. — Только не сегодня вечером. Дай ему еще один день, во имя Господа нашего Иисуса Христа. Людвиг должен остаться здесь, в Валь-Жальбере. Если ты донесешь на него, станешь несчастной!

С этими загадочными словами Киона бросилась бежать. Быстрая, словно молния, она отвязала пони, взобралась в седло и пустила его галопом. Совершенно растерявшись, Шарлотта осталась стоять на месте, опустив руки.

— Она сумасшедшая! Господи, какой же странной она была только что! Как будто... это был кто-то другой!

По ее спине пробежали мурашки. В полном замешательстве, не зная, что делать дальше, она вернулась к дому, чтобы в последний раз взглянуть на чужака, врага ее страны. Она опустилась на колени и приникла к крошечному окошку. С другой стороны стекла, почти вплотную к ней, виднелось лицо.

Шарлотта вскрикнула от неожиданности, не решаясь пошевелиться. Никогда еще она не видела выражения такого отчаяния, как в этих светлых глазах, похожих на воды Уиатшуана. Опасный Людвиг больше напоминал ангела, в ореоле светлых кудрей. Он казался таким юным, таким хрупким, что у нее сжалось сердце. И тогда она поняла Киону.

Это длилось от силы десять секунд. Девушка выпрямилась, не зная, что делать дальше. По ту сторону стекла уже никого не было.

— Боже мой! — прошептала она.

Подчиняясь неосознанному импульсу, она обогнула дом и поднялась по ступенькам, ведущим в кухню. Все дома Валь-Жальбера были однотипными. Если Киона смогла сюда войти, она тоже сможет. Девушка бесшумно проникла в ледяное жилище, сохранившееся в довольно хорошем состоянии.

«Что я делаю? — подумала она. — Я теряю рассудок! Я же не собираюсь с ним разговаривать!»

Но она открыла дверь возле лестницы, ведущую в подвал. Ее сердце отчаянно стучало, во рту пересохло.

«Я скажу ему, чтобы он уходил отсюда ночью, что это его единственный шанс», — решила она.

В прошлом году Эрмина рассказывала ей об этих лагерях, разбросанных по канадской территории, где содержались немецкие

военнопленные — офицеры и простые солдаты, — которых английское правительство переправило за океан. Тошан тоже коснулся этой темы как-то за ужином в Квебеке. «Он утверждал, что некоторые заключенные даже сбегали, рискуя умереть от холода в лесу», — вспомнила девушка.

Ее зубы стучали, она боялась упасть в обморок. Тем не менее она спустилась вниз. Людвиг стоял посреди комнаты, подняв руки на уровень груди, как бы показывая, что он не вооружен.

— Вы не бояться, — отрывисто произнес он. — Сорри, сорри! Я уходить!

Он смотрел на нее безумным взглядом, в то же время испытывая явное облегчение, что это она. Когда он увидел ее за узким окошком с металлической решеткой, ему сначала показалось, что у него галлюцинации. Его еще преследовал ее образ, когда он увидел перед собой реальную девушку. Такой же напуганный, как Шарлотта, он закрыл глаза, чтобы, открыв их, снова увидеть овал лица, красивый розовый рот в форме сердца, курносый нос, темные вьющиеся локоны, обрамляющие щеки и лоб. У нее было одновременно наивное и нетерпеливое выражение лица.

— Да, нужно уходить! Уходить далеко отсюда! — велела она.

— Да, я быстро уходить, фройлен, — ответил он, щуря глаза.

Немного успокоившись, Шарлотта быстро огляделась по сторонам. В одном из углов комнаты она увидела толстую соломенную подстилку и одеяло. Ящики служили полками, и на них были нагромождены банки Мадлен и Мирей, рыбные консервы и хлеб.

— Мне все это давать девочка, — произнес Людвиг, проследив за ее взглядом.

— Я знаю, я шла за ней сегодня вечером, — ответила она слишком быстро, так как он жестом показал, что не понимает.

Она показала на себя рукой и повторила то же самое медленнее. Он покачал головой, по-прежнему не двигаясь с места.

— Я немец, — сказал он. — Но не враг!

Шарлотта заворуженно кивнула. Перед ней стоял человек. Он прерывисто дышал, напуганный тем, что его обнаружили. И он плакал, возможно не осознавая этого, поскольку даже не вытирал слез, текущих по щекам. Парень ее возраста, оказавшийся вдали от дома...

— Сигарету? — предложила она, доставая пачку из кармана своего пальто.

Киона осторожно открыла дверь. В некоторых обстоятельствах ее дар предвидения не проявлялся и интуиция давала сбой. Поэтому она не знала, что ее ждет. Шарлотта могла ее опередить и все рассказать Эрмине. Она в этом сомневалась, но сомнение само по себе вызывало в ней нервозность.

— Вот и моя маленькая сестренка! — воскликнула молодая женщина, увидев ее.

Мина протянула к ней руки, лицо ее было взволнованным. Мадлен дома не было, не было также ни Мукки, ни близняшек, ни Акали.

— Почему ты одна? — удивилась девочка.

— Овид только что уехал. Он хотел попрощаться с тобой, но не мог задерживаться. Мадлен наверху с Нуттой и Лоранс. Она объясняет им, что случилось с Мари Маруа сегодня утром, и я хотела поговорить с тобой об этом без свидетелей. Мирей и ваша учительница не думали, что это может вас напугать, и мы решили вас подготовить. Это по поводу пятна крови на платье Мари.

Чувствуя себя неловко, Эрмина подвела, Киону к стулу. Сев на него, она взяла девочку на колени.

— Я знаю, что это, — довольно сухо перебила она Эрмину. — Мама рассказывала мне летом. И потом, я не слепая!

Уже не в первый раз девочка отвечала ей резким, раздраженным тоном. Молодой женщине это не нравилось, но она воздерживалась от нотаций.

— Раз ты все знаешь, закроем эту тему. Мукки также поведал мне о том, что произошло сегодня на уроке рисования. Киона, милая, судя по всему, ты увидела, как Тошан прыгает с парашютом. Прошу тебя, расскажи мне, как это было, хоть что-нибудь, любые детали! Я так беспокоюсь за него!

— Я все придумала, Мина, — вздохнула девочка. — Я закрыла глаза за столом просто потому, что хотела посмеяться над мадемуазель Дамасс. Она часто закрывает глаза, когда ест! А как прыгают с парашютом, ты сама мне объясняла. Думая об этом, я сделала этот рисунок.

— Нутта и Лоранс, а также Мукки уверены, что ты видела их отца и не решаешься сказать нам правду!

Эрмина хотела приласкать свою сестренку, но Киона отстранилась и, еле сдерживая слезы, возразила:

— У Тошана все хорошо. Я ничего не видела! Я стала нормальной с тех пор, как мой отец подарил мне этот кулон. Раньше он принадлежал его прабабушке, Альетте Шарден. Разве я не могу развлекаться, как все, нарисовав птицу с человеческой головой?

— Ладно, я тебе поверю, — нехотя сдалась Эрмина. — У меня остался один маленький вопрос, и ты сможешь пойти наверх переодеться. Ты ведь знаешь наши правила на зимние месяцы? Все в ночных рубашках, тапочках и халатах на ужине, а потом быстро в кровать с правом почитать полчаса.

Киона не сводила глаз с входной двери, опасаясь вторжения Шарлотты в сопровождении ее брата-здоровяка Онезима. Чем больше проходило времени, тем сильнее ее обуревали сомнения. «Имела ли я право прятать немецкого солдата? Но это же не настоящий солдат! Я сердцем почувствовала, что он добрый и очень грустный».

— Милая моя, ты сегодня выглядишь странно, — встревожилась Эрмина. — Мадлен и Мирей подозревают тебя в том, что ты таскаешь у них продукты. Но я не верю, что это ты. У тебя нет никаких причин для этого, но мы должны найти виновного. А если ты действительно замешана в этой истории, скажи мне, я не стану тебя ругать.

Попав в ловушку, Киона расплакалась окончательно.

— Я очень устала, Мина, — пожаловалась она. — И хочу спать. Я замерзла, когда каталась на Базиле.

Эрмина прижала девочку к себе, шепча ей на ухо извинения. Она уже начала забывать, что пришлось пережить ребенку в пансионе, и в очередной раз упрекнула себя за то, что проявила излишнюю настойчивость.

— Скоро станет очень холодно. Выпадет слишком много снега для твоих прогулок на пони. Разумеется, ты устала, моя дорогая. Пойдем, я уложу тебя в кровать и принесу тебе тарелку супа.

Проявляя заботу, она отнесла девочку на второй этаж. Радуюсь тому, что так легко вышла из затруднительного положения, Киона промурлыкала:

— Не бойся, моя Мина! Тошан жив. Если бы его не было в живых, я бы знала. И если бы ему грозила опасность, я бы тоже это почувствовала. Я еще чувствую какие-то вещи, меньше, чем раньше, но все же немного.

— О, ты меня успокоила! Спасибо, моя родная!

Киона позволила себя раздеть, помыть и уложить. Она с улыбкой устроилась под толстым розовым одеялом. Лампа у изголовья излучала приятный свет. Чугунная печка мирно гудела.

— Как ты думаешь, Мина, Шарлотта придет сегодня вечером? — неуверенно спросила девочка.

— Думаю, да... Наша Лолотта любит поболтать за чашкой чаю! Она поднимется тебя поцеловать, если ты еще не будешь спать. Сейчас принесу тебе ужин.

Эрмина вышла, легкая и грациозная. Киона с облегчением вздохнула.

Она была почти уверена, что Шарлотта не выдаст Людвига, поскольку иначе быть не могло. «Если за мной сегодня пошла именно она и никто другой, значит, так должно было случиться!» Никогда бы Киона не стала показывать крошечное окошко Мадлен и даже своей Мине, и еще меньше Мукки и близняшкам. Только Шарлотта имела право увидеть молодого немца.

«Завтра я все узнаю, — сказала она себе, коснувшись золотого медальона на своей груди. — Завтра».

Тем временем Шарлотта входила в роскошный дом Шарденов. Мадемуазель Дамасс играла на фортепиано в гостиной, и музыка соответствовала мечтательному настроению девушки. Она направилась в кухню, подавляя робкое желание танцевать. Экономка бросила на нее сердитый взгляд и заворчала:

— Где ты так долго бродила? Я уже начала беспокоиться. Киона вернулась час назад. И даже не зашла пожелать мне доброго вечера! Надеюсь, она хорошо закрыла дверь сарая.

— Да, я проверила. У Базиля достаточно воды и сена. Мне нужно с тобой поговорить, Мирей. Но мне бы хотелось, чтобы ты не распространялась на эту тему.

— Боже милосердный! Какие тайны? Хватит меня интриговать, переходи к делу!

— Продукты у тебя действительно таскала Киона, — тихо призналась Шарлотта.

— Да? Но зачем?

— Я взволнована до глубины души! Она хотела приготовить посылку для своей бабушки Одины и тети Аранк. Монтанье сейчас тоже голодают. Малышка объяснила мне, что Тала всегда делилась своими запасами с родней, когда жила на берегу Перибонки. В общем, Киона все организовала. Она прятала все, что ей удавалось стащить, в дровяном сарае на соседней улице. Она также отнесла туда деревянный ящик и упаковочную бумагу. Мне пришлось ей объяснить, что она не сможет донести это в одиночку на почту. К тому же посылка никогда не дойдет до места назначения, поскольку почтальоны в лес не ходят. Завтра же пойду и все принесу обратно. А также расскажу об этом Эрмине, хотя она наверняка сильно расстроится.

Экономка опустила на табурет.

— Вот, значит, как! Какая добрая девочка! Я даже прослезилась. Она добрее всех нас! Послушай, Шарлотта. Раз эти продукты уже покинули нас,

тебе лучше попросить своего брата отвезти тебя в Роберваль и раздать все это нуждающимся в городе. Киону это утешит. В любом случае мадам привезет из своей поездки в Шикутими массу разных вкусностей. Я ее знаю, она достанет все, что ей захочется, даже на черном рынке, как говорят французы!

— Мне бы хотелось услышать мнение Мимины, — ответила Шарлотта.

— Твоей Мимине сейчас не до наших запасов. Овид Лафлер здесь, Овид Лафлер там! Мадам права, что так беспокоится, но ты же видела результат. Она высказала свое мнение о месье учителе, и теперь Эрмина с ней не разговаривает.

Запахло горелым, Мирей вскочила и бросилась к плите.

— Боже милосердный, моя фасоль! Я забыла про бульон! Она пришкварилась ко дну кастрюли!

Экономка засуежилась, пытаясь спасти ужин и стыдясь своей оплошности. Мадемуазель Дамасс продолжала играть какую-то грустную мелодию, и Шарлотта погрузилась в сладостную задумчивость. Она снова увидела детскую улыбку Людвига, когда они выкурили последнюю сигарету, сидя рядышком на соломенной подстилке. Им удалось понять друг друга, смешивая французский и английский язык. «У себя на родине он работает столяром. Он показал на мыло и жестами изобразил, как умывается, растопив немного снега на спиртовке, которую принесла ему Киона. Ох уж эта Киона! Маленькая скрытница. Настоящая мышка, снующая повсюду, не привлекая нашего внимания».

— Чему это ты улыбаешься? — проворчала Мирей. — Словно увидела младенца Иисуса в пеленках. Помоги мне лучше накрыть на стол.

— Я думала о Кионе. Она пообещала мне, больше ничего не брать.

Шарлотта оживленно носила тарелки. Людвиг был красивым, его голос — низким и мягким. Он был немцем, но это уже не имело никакого значения. «Завтра вечером я отведу его на мельницу Уэлле. Там он будет в большей безопасности... Завтра вечером я снова его увижу. Завтра!»

Глава 12

Миссия Лоры

Валь-Жальбер, понедельник, 14 декабря 1942 года

Лора, Луи и Жослин наконец вернулись. Они ускорили свой отъезд из Шикутими, не дав четкого объяснения. Все собрались в гостиной, под искрящимся светом люстры с хрустальными подвесками.

— Это такое счастье гулять по настоящему городу! — воскликнула Лора, усаживаясь на софу и удовлетворенно оглядывая внимательно слушающую аудиторию. — Дефицит товаров там ощущается гораздо меньше, особенно если раздобыть нужные адреса. Война войной, но Рождество мы встретим достойно! Не правда ли, Луи, сокровище мое?

Сокровище кисло улыбнулось. Ребенок умирал от скуки в окружении своих родителей и мечтал лишь об одном — скорее вернуться к своей обычной жизни, урокам мадемуазель Дамасс, к игре в шарики с Мукки и, конечно, чудесному обществу Кионы. С тех пор как он узнал об их родственной связи, он постоянно называл ее своей дорогой сестренкой, что выводило из себя Лору.

— Что касается меня, я очень рад, что наконец-то вернулся домой, — вздохнул Жослин. — Там я ходил в десять раз больше, чем здесь! Не знаю, сколько раз истоптал улицу Расин вдоль и поперек! Никогда я еще не видел столько витрин и не посещал столько магазинов. Некоторые наши покупки придут поездом, так что можете себе представить, какие безрассудства совершала моя супруга!

Это рассмешило Лору, сияющую в своем новом платье из красного бархата с плечиками по парижской моде. Ее припудренное лицо обрамляли очень короткие локоны, по-прежнему ее любимого платинового цвета.

— Я постриглась у известной парикмахерши и снова покрасилась. Этого хватит, по крайней мере, на полгода. А мое платье: согласитесь, что оно божественно! Я нашла его в большом магазине Пьера Абраама, на улице Расина, разумеется. Жоссу был нужен новый костюм, и я потащила его к Лафламму. Это шикарный магазин с огромным ассортиментом! Во время примерок месье ворчал, но я попросила его потерпеть ради меня. Представляете, каждый вечер мы ходили в «Кафе де Пари» пропустить по

рюмочке хереса! Ах, Париж...

Эрмина сдержала улыбку. Ей было забавно и одновременно грустно. Она согласилась прийти поприветствовать своих родителей. Она даже решила помириться с матерью сегодня вечером — на десять дней раньше предусмотренного срока, о чем Лора не догадывалась. Ее окружали дети: Лоранс и Мари-Нутта в полосатых платьях, с заплетенными в косы волосами, Мукки в твидовом костюме и белой рубашке.

Киона, в своем индейском одеянии, сразу же бросилась к отцу. Жослин поднял ее на руки и расцеловал.

— Папа, — с радостным смехом сказала она. — Я хорошо себя вела, у меня отличные оценки по всем предметам, и я слушаюсь Мину!

— Я горжусь тобой, доченька! С каждым днем все больше и больше!

Шарлотта тоже присутствовала при этой встрече. Ее пышную грудь обтягивал пуловер из тонкой шерсти, осиную талию подчеркивал ремешок, а широкая юбка из коричневого сукна открывала икры в шелковых чулках.

— Ты само очарование! — сказал Жослин, окидывая ее взглядом с головы до ног. — Ты просто вся светишься, Шарлотта!

— Спасибо за комплимент, папа Жосс!

Она робко поцеловала его в щеку. Акали держалась в стороне из скромности, а также чтобы в очередной раз полюбоваться красотой большой гостиной, которой она никак не могла насытиться. Мадлен только что сказала ей на ушко, что очень скоро Лора попросит своего соседа Онезима Лапуэнта срубить в лесу елку.

— Ты увидишь, как это будет красиво! У мадам Лоры есть две коробки с блестящими украшениями и серебристыми гирляндами. Она также развешивает на рождественской елке маленькие разноцветные лампочки.

Предвкушение такого чуда погружало в мечтательность бывшую маленькую пансионерку. Она каждый вечер благодарила Бога, которому поклонялась Мадлен и которого теперь она сама обожала.

— Вот чай, мадам, — сообщила Мирей, раскрасневшаяся от возбуждения. — И яблочный пирог, и оладьи! Я так рада, что вы вернулись, мадам! В доме слишком тихо без вас! Никто не отправлял меня на кухню... Мне было не по себе!

— О, Мирей, какие глупости ты иногда говоришь! — жеманно прыснула со смеху ее хозяйка. — Ты жалуешься на мои срывы настроения, но, когда я уезжаю, тебе тоже не нравится.

Несмотря на это замечание, Лора с экономкой обменялись понимающими взглядами.

— А где мадемуазель Андреа? — спросил Жослин, устроившийся в

своём кожаном кресле с Кионой на коленях.

— Мадемуазель Дамасс повела Мари Маруа домой, — поспешила ответить Мирей. — Так уже несколько дней. У бедняги Жозефа болит левая нога и спина. Он целую неделю никуда не выходит.

— Жосс, нужно будет его навестить. Ему, должно быть, совсем тоскливо! — воскликнула Лора. — Что ж, теперь, когда мы все в сборе, я хочу вам кое-что сказать. Успокойтесь, ничего серьезного. В поезде у меня было достаточно времени, чтобы обдумать встречу Рождества. Я испытала такое облегчение, когда смогла достать все, что хотела, у «Ганона и братьев»! Боже мой, даже в эти тяжелые времена в этом магазине есть все, о чем только можно мечтать! Мирей, у меня есть копченый лосось, белый сахарный песок и даже консервированная спаржа — дорогуший французский продукт. Ты снова сможешь продемонстрировать свой кулинарный талант, а дети помогут. Тебе известно, что в последнее время меня привлекает все английское? Я купила кекс, да, уже готовый кекс, ароматизированный специями, с добавлением сухофруктов, цукатов, вишни и изюма.

— До войны я тоже такое пекла, — оскорбилась Мирей.

— Не совсем такое. Этот кекс, который привозят из Лондона в жестяных коробках, нужно покрыть слоем марципана, и я сумела его раздобыть! После этого его заливают сахарной глазурью, которая готовится из яичных белков и сахарного песка. В итоге он становится похож на свежесвыпавший снег и его украшают маленькими фигурками и сахарными жемчужинами. Вы увидите это завтра, дети! Я так счастлива, что смогу представить настоящий рождественский кекс своим гостям!

— Каким гостям, мама? — удивилась Эрмина. — Нас и без того много! Двенадцать человек вместе с Мирей и детьми...

— О, я смотрю, ты снова со мной разговариваешь! Да это просто маленькое чудо, — насмешливо произнесла ее мать. — Ты больше не сердись?

— Соблюдаю рождественское перемирие раньше срока, — с лукавой улыбкой ответила Эрмина. — Нужно же подать пример! Я вместо папы слушала радио и узнала, что ситуация в Европе продолжает ухудшаться. Во Франции немцы оккупировали свободную зону в прошлом месяце.

— Да, увы! — подтвердил Жослин. — Это не сулит ничего хорошего.

— Что такое свободная зона? — спросила Киона.

— Это очень сложно для ребенка твоего возраста, — ответил он. — Как тебе вкратце объяснить? Немцы захватили часть Франции, включая столицу Париж. Но, по договоренности с правительством Виши,

возглавляемым маршалом Петеном, они оставили свободной одну зону, где все осталось так, как до войны. Там была линия границы, которая, полагаю, охранялась патрулями. А теперь вся страна оккупирована нашими врагами, немцами. Понимаешь?

— Кажется, да, папа, — ответила девочка, бросив взгляд в сторону Шарлотты, щеки которой порозовели.

— Больше ни слова о войне! — запротестовала Лора. — Что касается меня, то я почтила память наших дорогих усопших. Я ходила в собор Сен-Франсуа-Ксавье, зажгла четыре свечи за упокой нашей Бетти, покинувшей нас уже два года назад, Армана, Симона и Талы.

— Спасибо за мою тетю, мадам, — прошептала Мадлен.

Жослин сильнее прижал к себе Киону. Девочка растроганно ему улыбнулась.

— Ах, этот собор, какое красивое сооружение! — продолжала Лора. — Я восхищалась им в каждый свой приезд, но ни разу не заходила внутрь. Мы выбрали прекрасное время, правда, Жосс? Солнце уже садилось и золотило белые камни на фронтоне и его величественные скульптуры. Я ощутила себя совсем маленькой, любуясь двумя высокими колокольнями, вырисовывающимися на сиреневом небе.

— Мама, да ты стала поэтом! — с улыбкой воскликнула Эрмина.

— Смейся-смейся, вредная дочь! Можешь спросить у своего отца! При одном взгляде на этот собор я почти потеряла рассудок, а уж когда оказалась внутри... Я ощутила странное волнение, словно попала в действительно священное место, где божественное присутствие было очевидным. Свет казался сверхъестественным, витражи купола сияли, и все эти колонны нежно-желтого цвета тоже переливались. Кто-то играл на органе, и это было потрясающе! Ах, моя дорогая, если бы однажды ты смогла там спеть, как было бы чудесно! Я поговорила о тебе со священником, которого мы с Жоссом встретили. Исключительно образованный мужчина! Он прочел нам настоящую лекцию по истории.

— Без которой я бы прекрасно обошелся, — проворчал Жослин. — У меня болели ноги, и мне не терпелось вернуться в отель.

— Ты ничего не понимаешь, Жосс, — сказала Лора раздраженно, подкатив глаза. — Это было очень интересно, и детям пошло бы на пользу. Я узнала, что первый собор, построенный в 1878 году, сгорел в 1912-м. Второй, сооруженный на том же месте и торжественно открытый в 1915 году, также сгорел четыре года спустя. Слава богу, нынешнее здание собора, законченное в 20-х годах, не было разрушено огнем. Этот священник также говорил о стиле. Жосс, ты не помнишь, какой это

архитектурный стиль?

— Помесь романского стиля и итальянского Возрождения — нечто очень классическое, — ответил тот без энтузиазма.

— Существует одна трогательная история по поводу фресок на куполе, действительно потрясающих. В результате несчастного случая у художника, работавшего над ними, парализовало обе ноги. Каждое утро его приходилось поднимать наверх при помощи специального приспособления, чтобы он мог закончить работу! У меня прямо мурашки по телу пробежали. Потом этот любезный священник показал мне надпись на латинском языке, выгравированную на арке над алтарем, и перевел ее: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». И тут меня словно озарило! Мне пришла в голову гениальная мысль. Предупреждаю вас, вы все будете в этом участвовать!

— Какой же ты диктатор в юбке, мама! — пошутила Эрмина. — Мы слушаем тебя, но, надеюсь, ты не собираешься везти нас в Шикутими?

— Конечно нет, — ответила Лора. — Речь идет о проекте, который не может вам не понравиться. Мы много страдали в этом году — в этом печальном и долгом 1942 году, — оплакивая наших друзей, тревожась о Тошане, моем любимом зяте. Я интуитивно почувствовала, что нужно завершить этот год весело, красивой мечтой. Поэтому я решила создать живые рождественские ясли. Так делают на юге Европы. Это будет так интересно!

Несмотря на свой энтузиазм, она натолкнулась на всеобщее непонимание. Лишь Жослин и Луи казались безучастными, явно смирившись с безумной идеей Лоры.

— О чем идет речь, мадам? — поинтересовалась Мадлен.

— Ты же такая набожная, должна бы знать! — упрекнула ее та. — Слова говорят сами за себя. В яслях есть осел, вол, овцы, Иосиф и Мария, маленький Иисус, не стоит забывать и о волхвах. Я уже распределила роли! Базиль будет ослом. Корова Эжени сойдет за вола. Овец нарисует на картоне и раскрасит Лоранс, а потом наклеит сверху шерсть. На чердаке валяется старый матрас. Мы вскроем его и вытащим содержимое.

Придя в восторг от предстоящего развлечения, девочки-близняшки захлопали в ладоши и засмеялись.

— Бабушка, какая хорошая идея! — воодушевился Мукки. — А кто будет Жозефом?

— Ты, мой мальчик, — ответила Лора. — В ближайшие дни я сошью для вас наряды. Если Мадлен и Шарлотта захотят мне помочь, я не откажусь.

— О да, мадам, я буду работать даже по вечерам! — загорелась индианка. — Ваши живые ясли должны удасться на славу.

Не думая противиться своей матери, Эрмина задала смущающий ее вопрос:

— Мама, ты же не собираешься привести пони и корову Жозефа в гостиную?! Где ты собираешься ставить свои декорации, когда так холодно на улице?

— Именно это я ей и сказал, — вмешался Жослин. — Но твоя мать утверждает, что нашла решение.

— Именно так, — сказала Лора, встав и положив руки на бедра.

Подняв голову, она принялась кружиться в своем красном с переливами платье, старательно держа осанку.

— Какая же вы красивая, мадам! — не выдержала Акали.

— Спасибо, моя девочка! Надеюсь оставаться такой же красивой до ста лет!

Эта шутка заставила всех улыбнуться. Эрмине самой захотелось обнять мать и вдохнуть ее аромат. Эта женщина была непредсказуемой, часто невыносимой, но бесконечно обворожительной и трогательной.

— Да, у меня есть решение, — повторила Лора. — Замечательное решение! Мне понадобится Онезим, но я ему, естественно, заплачу. Он проложит дорогу своим грузовиком до руин мельницы Уэлле. Если понадобится, мы отвезем туда солому и фонари. Только представьте себе: перед ужином мы отправимся туда процессией и персонажи займут свои места! Эрмина споет одну или две рождественские песни, а затем мы вернемся сюда, к вкусной трапезе! Это станет нашей рождественской мессой. А в церковь мы сможем пойти на следующий день.

— Конечно, бабушка! — восторженно закричал Мукки. — А Мария, кто будет играть Марию? Надеюсь, не одна из моих сестер: это было бы странно.

— На эту роль прекрасно подходит Мари Маруа, — ответила Лора. — Она самая послушная и серьезная из вас всех.

Шарлотта побледнела. Ей пришлось спрятать дрожащие руки в складках юбки. Киона пристально смотрела на нее, словно призывая к действию.

— Думаю, с этим могут возникнуть проблемы, мама Лора, — наконец произнесла девушка. — Мельница Уэлле старой постройки, и крыша наполовину обрушилась^[47]. Внутри проросли кустарники. Я ходила туда осенью во время прогулки. Дети могут там пораниться. Если вы хотите устроить приятную прогулку перед ужином, почему бы не установить эти

ясли в одном из ангаров завода? Там металлические конструкции и вполне безопасно.

Хозяйка дома медлила с ответом. Когда она наконец собралась что-то сказать, на помощь Шарлотте, сама того не подозревая, пришла Эрмина.

— А мне будет очень грустно вернуться на мельницу Уэлле: мое первое свидание с Тошаном произошло на лугу рядом с ней.

— Bravo, Шарлотта! — пришла в восторг Лора. — Один из ангаров, тот, куда ведут рельсы, вполне подойдет. И подход к нему удобнее. Так, теперь волхвы! Акали будет Бальтазаром, поскольку у нее такая же смуглая кожа. В качестве дара у него было миро. Это такое благовонное масло. Луи будет Гаспаром, который преподносит в дар ладан. Мари-Нутте мы прицепим длинную белую бороду, и она станет Мельхиором — самым старшим из волхвов, который дарит Иисусу золото.

— А я, бабушка? — спросила Лоранс. — Это несправедливо, если для меня не найдется роли!

— Не волнуйся, вы с Кионой будете пастухами. Они тоже пришли поклониться Иисусу.

Девочки выглядели довольными. Счастливая Лора хлопнула в ладоши.

— Господи, как же я рада! Нужно будет сделать фотографии, Эрмина.

Молодая женщина одолжила свой фотоаппарат Овиду Лафлеру. Тем не менее она утвердительно кивнула, уверенная, что увидит своего друга-учителя до праздников. Она признала:

— Ты хорошо придумала, мама, это нас развлечет. Но ты мне так и не ответила. Кого ты пригласила?

Лора немного смутилась. Она встала рядом с Жослином, словно маленькая девочка, нуждающаяся в поддержке.

— Мадемуазель Андреа не может вернуться домой на рождественские праздники. Я предложила ей остаться здесь, с нами. Также я планирую позвать Жозефа: несчастный так плохо переносит свое вдовство.

— Сжался, — простонал ее муж. — Только не Андреа Дамасс! Не понимаю, что удерживает ее вдали от родных. Уж точно не финансы, учитывая жалованье, которое ты ей платишь. А дети имеют право на каникулы!

— Но, Жосс, они будут отдыхать! Из Шикутими я также позвонила нашей дорогой Бадетте. Она постарается приехать, тем более что ей нужно переговорить с тобой, Эрмина, по поводу документов, которые ты ей отправила.

— Бадетта! Будет замечательно, если она сможет выбраться и провести с нами Рождество! Мама, ты гений!

Она порывисто обняла мать и шепнула ей на ухо:

— Я прощаю тебе то ужасное письмо, которое ты написала Овиду. Ты руководствовалась благими намерениями — теми самыми, которыми выслана дорога в ад.

— Как я должна понимать твои последние слова?

— Никак, мама, это шутка!

Эрмина прошла в прихожую и взяла свое пальто и шапку. Ее настоящим домом теперь был «маленький рай», и ей не терпелось туда вернуться.

— Пойдемте, дети, — сказала она. — Бабушке и дедушке нужно отдохнуть после поездки.

Мадлен тоже оделась. Обе женщины вышли из дома в сопровождении Мукки, Акали и близняшек. Киона задержалась в гостиной, к великой радости Жослина. Он не уставал любоваться дочерью, считая ее обворожительной в одежде из оленьей шкуры, расшитой разноцветным бисером.

— Твои волосы становятся все длиннее, — заметил он, глядя ее короткие локоны, сияющие в свете люстры. — Ты похожа на ангелочка! Послушай, Лора! Киону можно одеть в костюм ангела, ангела Габриеля! Не очень хорошо переодевать ее в пастуха!

— Жосс, — возразила его жена, вытянувшись на софе, — я решила обойтись без ангела в моих яслях. Ты подумай, как сложно будет сделать крылья! Я не собираюсь ощипывать всех кур Жозефа.

— Я сам этим займусь. Не ощипыванием кур, конечно, а изготовлением крыльев. Моя дочь будет ангелом-провозвестником, и никем другим.

Шарлотта воспользовалась этим, чтобы ускользнуть в свою комнату. Она еще не оправилась от шока. Никогда еще девушка не испытывала такого острого страха, как несколько минут назад, когда Лора заговорила о мельнице Уэлле. «Слава Богу, я сумела ее переубедить! Людвигу пришлось бы перебираться в другое место, тогда как здесь он уже обустроился». Ей с трудом удалось успокоиться.

В дверь поскреблись. В комнату вошла Киона, оживленная и улыбающаяся. Одним прыжком она оказалась на кровати Шарлотты.

— Чуть не попались, — весело прошептала девочка.

— Это совсем не смешно, Киона. Только представь, как это серьезно! Если кто-то обнаружит Людвига, это будет трагедия для него и для меня.

— Но он пообещал не называть твоего имени, даже если его арестуют!

— Говори тише, прошу тебя. Киона, я хочу, чтобы ты забыла об этой

истории и больше ею не занималась.

— Но я ведь правильно сделала, что помогла ему, правда? Он такой милый. Теперь-то ты узнала его получше?

— Да, этот молодой человек, он чуть старше меня, стал солдатом против своей воли! Сражения напугали его. Он признался мне, что плакал, закрыв глаза и молясь о том, чтобы никого не убить. Очень скоро он попал в плен, и его переправили в Канаду. Мне так жаль его! Похоже, в лагере с ним обращались как с собакой, потому что по ночам он звал свою мать. Я сделаю все возможное, чтобы носить ему еду всю зиму.

Шарлотта взволнованно замолчала. Киона взяла ее за руку.

— Не бойся, на мельнице он в безопасности.

— Надеюсь.

Они немного помолчали, находясь под впечатлением от этой ужасной тайны, которую разделяли вот уже несколько дней. Киона быстро поняла, что Шарлотта не выдала Людвига. Весь вечер после их ссоры возле дома на улице Сент-Анн девочка прислушивалась к малейшему шуму, ожидая услышать шаги на крыльце, но ничего не произошло. «Шарлотта пришла за мной после уроков и привела сюда, в свою комнату. Она вполголоса рассказала мне о своем решении. Теперь она сама будет носить еду Людвигу и переселит его на мельницу». Киона также узнала о выдумке Шарлотты по поводу кражи продуктов, которую она изложила Мирей и Эрмине. Теперь девочка спала спокойнее и больше не каталась на пони по вечерам.

— Ты пойдешь к нему сегодня вечером? — спросила Киона.

— Нет, у него есть все необходимое. Я не могу рисковать слишком часто. Самая большая проблема — это огонь. Сейчас еще не очень холодно, но, если температура опустится, он не выдержит.

— Ему нужно разжигать огонь ночью, когда все спят, а днем оставлять только угли. Мама всегда так делала. Раскаленные угли не дают дыма, но держат тепло.

— Хорошо, я ему об этом скажу, а теперь спускайся вниз, Киона. Это может вызвать подозрение: мы уже так долго болтаем наедине.

— Подозрение? Но почему? — возмутилась малышка. — Ну ладно, раз я тебе надоела, пойду.

Блеск ее янтарных глаз опровергал эти слова. Киона пользовалась полной свободой. Она ужинала то у своего отца, то у Эрмины. Жослин сам ввел это правило. Никто не смел чинить препятствий его младшей дочери.

И сейчас он снова подхватил ее на руки с последних ступенек лестницы.

— Девочка моя любимая, можешь остаться здесь сегодня вечером. А потом я провожу тебя до «маленького рая». Я хотел поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Да, папа. Я тебя слушаю, — ответила она, подняв к нему свое красивое личико цвета дикого меда.

— Я очень сожалею, но мне пришлось отказаться от затеи подарить тебе пони на Рождество. Будет лучше дождаться весны. Сено стало дефицитом, нам едва его хватит для Базиля на зиму. Мне также привезут зерно для него. Но если заводить еще одно животное, могут возникнуть проблемы. Ты не расстраивайся — это дело времени.

— Я понимаю, папа, — заверила она, одарив отца одной из своих особенных улыбок. — Я подожду, и, даже если ты не сможешь купить мне пони весной, я тоже не расстроюсь. Я и так счастлива, что у меня такой добрый отец!

Жослин чуть не прослезился. Он сдержался, исполненный гордости, видя, какими достоинствами наделена его дочь.

— Ты и вправду ангел, — прошептал он, целуя ее в лоб.

Спрятавшись за застекленной дверью, отделяющей гостиную от коридора, Лора наблюдала за происходящим. Она раздраженно поджала губы.

«А как же Луи? — подумала она. — Жосс, за все время нашего пребывания в Шикутими ты ни разу не приласкал своего сына. Ты бранил его по пустякам, без конца отчитывал. Боже мой, неужели это мое наказание?»

Сердце ее сжалось. Похолодев, она отошла от двери.

Валь-Жальбер, вечер того же дня

Дом Шарденов погрузился в тишину. Затаив дыхание, Шарлотта на цыпочках вышла из своей комнаты, держа в руках обувь. Она осторожно двинулась вперед, прислушиваясь к малейшим звукам.

«Папа Жосс храпит, как обычно, — сказала она себе. — А мама Лора наверняка засунула себе в уши вату, чтобы уснуть. На первом этаже свет нигде не горит, путь свободен».

Она тепло оделась для своей ночной вылазки: шерстяные брюки, толстый свитер с воротником, непромокаемая куртка на меху. Теплая шапка закрывала лоб. Девушка медленно спустилась по лестнице, поскольку некоторые ступеньки скрипели. «Я выйду через кухонную подсобку: там

можно бесшумно отодвинуть засов. Господи, только бы снег не прекращал идти, чтобы не было видно моих следов!»

Наконец она оказалась на улице, держа в руках керосиновую лампу Жослина, в которую залила керосин еще утром. Не отличаясь особой храбростью, Шарлотта легко пугалась, особенно ночью. Но чтобы вновь увидеть Людвига, она была готова пренебречь темнотой, ветром и собственными страхами. Быстро шагая к мельнице Уэлле, девушка сосредоточилась на мыслях о молодом немецком солдате. Так она чувствовала себя словно в защитном панцире, оставаясь безразличной к окружающему ее пейзажу.

«Когда он улыбается, на его правой щеке появляется ямочка. Всякий раз, заговаривая о своей матери, он начинает плакать. Фрау Бауэр... Фрау Герда Бауэр. Это для нее он носит свое второе имя Людвиг, тогда как его отец предпочитает первое — Хайнер. И у него такой необычный акцент! По сути, девушкам повезло больше: их не призывают насильно в армию, они могут пойти туда только добровольцами. Людвиг не хотел уезжать из своего городка. Он работал там столяром. Жил у своей матери, с маленькой сестренкой, которых пришлось внезапно покинуть. Я не могу видеть в нем врага, нет, не могу. Он такая же жертва войны, как Симон и Арман. Но он живой, и я должна ему помочь любой ценой».

Погруженная в свои мысли, видя перед собой только лицо Людвига, Шарлотта оступилась и провалилась в канаву, чуть не выронив лампу. Она тихо вскрикнула и не без труда выбралась из глубокого снега.

— Вот идиотка! — разозлилась девушка сама на себя.

В следующую секунду она уже забыла об этом инциденте. Темная масса старой мельницы возвышалась прямо перед ней. Сердце забилось так быстро, так сильно, что ей пришлось остановиться. «Господи, я сошла с ума! Видел бы меня сейчас мой брат или Мимина! С самого утра у меня только одно желание — пройти по этой дороге и вновь увидеть Людвига».

Пытаясь успокоиться, она заставила себя сделать глубокий вдох, затем преодолела последние метры. Мельница казалась пустой. Нигде не пробивался свет, не чувствовалось ни малейшего запаха дыма.

«А вдруг он ушел? — встревожилась Шарлотта. — Нет... Зачем ему уходить?»

Неожиданно рядом с ней возник силуэт. Кто-то коснулся ее руки.

— Шарлотта? Я видел, вы приходите, — медленно произнес молодой человек на ломаном французском. — Нет опасности выходить поздно?

— Нет, все в порядке, — прерывисто ответила девушка. — Все уже спят.

— Тогда пойдёмте, — весело продолжил он. — Я хорошо устроиться!

Он повел ее в одно из помещений мельницы, над которым полностью сохранилась крыша. Девушка с удивлением обнаружила приятную обстановку и была в недоумении, как Людвигу удалось оживить столь мрачное место. Глинобитный пол был тщательно выметен, в нише стены горел огарок свечи. В углу, на грубом матрасе из старой соломы, было расстелено одеяло. В железном тазу пламенели угли. Консервы и банки выстроились вдоль стены.

— Мой канадский дом! — с беззвучным смехом бросил он. — Я еще раз говорить вам спасибо, Шарлотта. Такая красивая Шарлотта!

Покраснев от смущения, но все же чувствуя себя польщенной, девушка не осмеливалась ни принять комплимент, ни возразить. Она отдавала себе отчет в том, что находится наедине с парнем своего возраста ночью, на окраине городка. Все эти неподобающие обстоятельства относили ее к разряду распутниц.

— Я принесла вам сигареты, — сказала она, не глядя на него. — И шоколад. Я купила это две недели назад в Робервале. Я очень рада, что могу что-то сделать для вас. У меня еще есть немного хлеба, я взяла его после семейного ужина. Дети часто небрежно с ним обращаются.

Людвиг взял пачку американских сигарет и плитку шоколада. Он не скрывал своего восторга.

— Спасибо, Шарлотта, вы такая добрая, очень!

— Вы не мерзнете? — забеспокоилась она.

— Нет, все хорошо!

— Да, здесь неплохо, но я принесу вам еще одеяла и старое пальто своего брата. Мой брат очень большой и сильный!

Шарлотта изобразила гиганта, показав руками его размеры. Людвиг рассмеялся, чем подчеркнул свое обаяние и молодость.

— Мне нужно идти, — сказала она, взволнованная красотой своего подопечного.

— Не сейчас, вы курить сигарету со мной.

— Хорошо, но потом я уйду, — выдохнула она, радуясь, что может задержаться.

Он предложил ей присесть на импровизированное сиденье — обрубок бревна средних размеров.

— Мой стол, — уточнил он.

Она осторожно села, уступив настойчивому желанию отвлечься, перестать думать о необычности ситуации. Молодые люди принялись болтать, несмотря на возникающие сложности из-за плохого знания

Людвигом французского языка, а также из-за привычки Шарлотты говорить слишком быстро. И все же они понимали друг друга, прилагая к этому взаимные усилия в виде жестов.

— Время будет тянуться для вас медленно, так как вы один с утра до вечера, — подвела она итог, вставая. — Я могу принести вам книги.

— Лучше не книги, а нож, — ответил он. — Чтобы сделать подарок вам, фройлен Шарлотта!

— Хорошо, нож, но только небольшой.

Людвиг согласно кивнул. Девушка встряхнула своими черными кудрями, перед тем как надеть шапочку и шарф.

— До свидания. Быть очень осторожны. Днем не приходите никогда!

Он не сводил с нее глаз, плененный ее очаровательным лицом, волнистыми волосами, живым взглядом темных глаз. В его уединении беглеца она была лучезарным воплощением женственности и сострадания. Их лица оказались в опасной близости. «Я бы хотела, чтобы он поцеловал меня, — подумала Шарлотта. — Нет, об этом не может быть и речи, он не должен этого делать, нет!»

Она осторожно отступила на шаг, он сделал то же самое. Но их юные тела, лишенные удовольствия, переполненные молодыми соками, вздрагивали от одинакового желания.

— Ну все, я пошла! Если получится, приду завтра или послезавтра вечером.

— Я вас всегда жду, — ответил он.

Имел ли он в виду только то, что сказал? Шарлотта не была в этом уверена. Она нерешительно посмотрела ему в глаза. Вот уже несколько лет она мечтала о настоящем поцелуе, который скрепляет любовное желание. Девушка застыла на месте, ей вдруг захотелось плакать. Если бы Людвиг сказал что-нибудь сейчас или хотя бы просто улыбнулся, она смогла бы выйти и спокойно вернуться домой. Но он смотрел на Шарлотту с таким восхищением, что внутри у нее что-то дрогнуло.

— Я приду завтра, — бросила она. — Да, завтра!

Она не смогла бы объяснить, что толкнуло ее вперед. Какая-то странная сила, внутренняя уверенность, что у нее нет выбора. Словно во сне, она прижалась губами к губам молодого человека. Тот вздрогнул от неожиданности, но не отказался от такого восхитительного подарка. В течение нескольких бесконечных секунд их робкие губы привыкали друг к другу. Это была легкая игра с едва уловимой дерзостью. Потом, опьяненные, они полностью отдались своим ощущениям. Людвиг просунул язык между зубами Шарлотты, которая ответила на его возбуждающий

призыв. Они целовались не в силах остановиться, держась за руки и даже не замечая этого.

Где-то вдалеке послышался лай собак. Вернувшись на землю, Шарлотта отпрянула.

— Господи, мне надо идти! — простонала она. — Возможно, это меня ищут.

— Да, уходить, быстро! — обеспокоенно воскликнул Людвиг.

Девушка бросилась на улицу, забыв про керосиновую лампу. Небо расчистилось, и ее следы было прекрасно видно. Испуганная, еле сдерживая слезы, она побежала по тому же маршруту, придумывая на ходу, что сказать, если обнаружится ее отсутствие.

Поравнявшись с загоном для собак Тошана, она заметила, как в сторону леса метнулась серая тень. Вот что вызвало беспокойство своры! «Лисица, волчонок или заяц? — запыхавшись, предположила она. — По крайней мере, если папа Жосс проснулся, у меня будет объяснение. Я скажу ему, что вышла угомонить собак».

Однако в доме все спали. За задернутыми шторами не было видно ни огонька. Наконец Шарлотта ввалилась в свою комнату и рухнула на кровать. И только тогда она смогла в мельчайших подробностях вспомнить этот потрясающий поцелуй, которым они обменялись с Людвигом в развалинах мельницы Уэлле, пережить его заново, дорожа им, словно сокровищем. Это был ее первый поцелуй любви!

Валь-Жальбер, следующее утро

Лора барабанила в дверь Шарлотты, удивленная, что ее не было за завтраком. Та встала и, толком не проснувшись, повернула ключ в замке.

— Что за манеры! С каких это пор ты запираешься на ключ и спишь одетая? Ты что, куда-то ходила утром?

— М-м-м... Да, мама Лора, около четырех утра. Собаки устроили такой шум! Я видела, как от дома отбежал какой-то зверек.

— Мы никогда не узнаем, кто это был. Опять намело снегу, наверное, в последние часы ночи. Нас засыпало по самую макушку!

— Как хорошо!

— Хорошо? Да лучше бы это произошло после праздников. Онезиму придется несколько раз проехать по улице Сен-Жорж, чтобы проложить нам дорогу до завода. Ты что, забыла про мои живые ясли?

— Нет, конечно. Прости, я еще не проснулась.

— Там остался чай. Поторопись, сегодня начинаем шить костюмы. Для нашего представления!

Шарлотта с улыбкой кивнула. Лора, стуча каблуками, вышла в коридор. Оставшись одна, девушка сняла шерстяной свитер и брюки. Затем она провела пальцами по губам, которые показались ей более сочными и мягкими. «Мне не приснилось, мы поцеловались!» — восторженно подумала она.

Ее тело тоже казалось ей другим. По нему пробежала дрожь, на сердце накатывали волны радости. Томная, опьяненная счастьем, она легла поперек кровати. «Как это должно быть приятно — заниматься любовью! Принадлежать мужчине, которого хочешь, отдаться ему... Его поцелуй с языком уже был потрясающим, представляю, каким бывает остальное...» Она положила ладони на живот, туда, где из-под атласных трусиков выглядывали черные курчавые волоски. Прерывисто дыша, она представила себе, как мужской пенис проникает в глубь ее тела... «Я девственница, но мне кажется, я знаю, какие при этом возникают ощущения. Я достаточно долго была одна, лишая себя этого удовольствия. Мне плевать на всех, и, если Людвиг попросит меня, я это сделаю, да, да! Еще неделю назад я даже не подозревала о его существовании, а теперь он стал мне так близок, и я думаю только о нем! Он прекрасен, нежен, обаятелен и, по крайней мере, интересуется мною. Он говорит, что я красивая!»

— Шарлотта! — раздался голос за дверью. — Ты что, заболела? Мадам прислала тебя поторопить.

Это была Мирей. Девушка раздраженно крикнула, что сейчас приведет себя в порядок и спустится.

Но она еще некоторое время нежилась в постели, погружившись в мечты. Но ее мысли были не только любовного характера: она также обдумывала, как доставить Людвигу одеяла и простыни. Взять это из сундуков на чердаке не составляло труда, но гораздо сложнее было донести объемные пакеты, не привлекая внимания. Что касается еды, Шарлотта наловчилась таскать ее незаметно, в отличие от Кионы, потому что брала понемногу.

— У меня нет выбора, буду ходить к нему только ночью, — решила она.

Фонтанируя идеями, девушка вошла в кухню полчасика спустя. Экономка бросила на нее подозрительный взгляд.

— Если будешь лентяйничать, мадам потеряет терпение.

— Всего один раз поспала подольше! — возразила девушка, наливая

себе чаю.

— Ты одна бездельничаешь! Дети на уроке математики, мадам уже начертила выкройку для туники Мельхиора, а я вылущила три фунта гороха.

— А папа Жосс что делает?

— Месье пошел навестить беднягу Жозефа.

С тех пор как их сосед овдовел и потерял двух сыновей на войне, она говорила о нем только с добавлением жалостливого эпитета. Это было либо «несчастный Жозеф», либо «бедняга Жозеф», или еще «месье Жозеф, обезумевший от горя». Отрезая себе кусок хлеба, который она намеревалась намазать вареньем, Шарлотта сочувственно кивнула:

— Попробуй-ка лучше английские бисквиты, которые мадам раздобыла в Шикутими. Целую коробку!

— Я уже съела три, Мирей. Они восхитительны!

Девушка невинно улыбнулась. Бисквиты были спрятаны в кармане ее юбки. Людвигу будет чем полакомиться.

В это время в сотне метров от них, под крышей дома Маруа, Жослин и Жозеф беседовали за рюмочкой хереса. Мужчин связывала крепкая дружба, которая обычно проявлялась вдали от женских глаз. Они радовались, что могут разговаривать спокойно, не опасаясь порицаний, если вдруг их слова выйдут за рамки приличия.

— Утром столько снегу навалило, — заметил бывший рабочий. — Еще одна зима... Как ее пережить?

— Вы совсем пали духом, — пожурил его Жослин. — Как ваша спина, нога? Я пришел вас проведать, узнав, что вы практически не можете двигаться.

— Ну, это слишком сильно сказано! Осенью было много дождей. Должно быть, у меня ревматизм. Но я очень рад, что вы вернулись. Вы так долго пробыли в Шикутими!

— У моей супруги свои капризы. Я не имею права голоса, ведь это она владеет состоянием, я-то беден!

— У вас хотя бы есть жена. К тому же богатая, да еще и красивая. Не считите за бестактность, но Лора — настоящая красавица, мой дорогой Жослин!

— Согласен с вами, — ответил польщенный собеседник. — Но скажите, Жо, что мешает вам снова жениться?

— Эх! Да кому нужен такой старый ворчун, как я, да еще с десятилетней дочкой? Однако я об этом подумываю, да-да, подумываю!

Жозеф замолчал, набил трубку табаком и раскурил ее. Он сидел, опустив голову, не решаясь приступить к волнующей его теме. Жослин, умиротворенно скрестив руки на животе, смотрел в окно, за которым шел сильный снег.

— Я кое-кого присмотрел, — отважился рабочий. — Но хотел бы услышать ваше мнение.

— Вот как! — засмеялся Жослин. — Вы все ходите вокруг да около, старина. Это дама из Роберваля, тоже вдова? Погодите, сейчас вспомню ее имя, она ваша ровесница...

— Не утруждайтесь напрасно, она живет здесь, в Валь-Жальбере! Я потерял сон из-за нее.

— Здесь?! Вы шутите! Я не знаю здесь незамужних женщин!

— Мадемуазель Андреа, — почти робко произнес Жозеф. — Только не смейтесь надо мной, ладно? Это серьезная, образованная особа, которая хорошо относится к Мари. Вчера они вместе поменяли у нас шторы. Я разрешил им порыться в бельевом шкафу моей Бетти.

— Андреа Дамасс! — удивился Жослин. — Господи, но она же младше вас на двадцать лет! И она отвратительна! Не хочу вас расстраивать, Жо, но, насколько я понял, она старая дева.

Жозеф не обиделся. Он выпил вторую рюмку хереса, а затем и третью. Язык его развязался.

— Жослин, мы одни, поговорим как мужчина с женщиной. У Андреа Дамасс самая красивая грудь, какую я когда-либо видел! И задница умопомрачительная! Так что все зависит от того, что нам нравится в женщине. Ваша немного худовата, на мой вкус, Бетти тоже не отличалась пышными формами. А я при одной только мысли о том, что коснусь груди Андреа, теряю рассудок.

Чувствуя себя несколько неловко, но в то же время забавляясь ситуацией, Жослин ограничился недовольной гримасой. Разгоряченный хересом, он попытался представить учительницу обнаженной. Это ему не удалось, поскольку он ежедневно видел ее в блузке с высоким воротником и достаточно широкой юбке. То, что оставалось на виду — некрасивое лицо и толстые лодыжки, — его совершенно не вдохновляло.

— А что она? — поинтересовался он. — Думаете, она что-то к вам чувствует?

— Не знаю, — признался Жозеф. — Но как-то утром я ощутил ее волнение, когда помогал нести коробку с книгами на вашем крыльце. Мой локоть коснулся ее руки, и она покраснела. Это ведь что-то значит, правда?

— Это значит, что она закончит жизнь в монастыре, — пошутил

Жослин. — Ни один мужчина не касался ее до вас. Разумеется, она разволновалась! Я циничен, дружище Жо, но это для вашего же блага. Не привязывайтесь к этой неприступной и властной женщине!

— Я хочу, чтобы она оказалась в моей постели, Жосс, — отрезал захмелевший рабочий. — А для этого мне нужно на ней жениться. И если она согласится, это будет достойная мать для моей дочери. Если бы вы могли представить меня в выгодном свете за ужином, сказать ей, что я честный и порядочный, умею зарабатывать на жизнь... Но как бы мимоходом, чтобы она не догадалась о моих чувствах.

— О ваших чувствах к ее округлостям, — прыснул со смеху его друг. — Хорошо, раз вы так этого хотите, я стану сводником.

Жозеф почесал бороду и заявил:

— Я женюсь на ней в апреле, если она согласится.

Жослин распрощался с ним, уверенный, что этой свадьбы никогда не будет. Тем не менее, сочувствуя одиночеству своего соседа, он не стал ему этого говорить.

Валь-Жальбер, суббота, 19 декабря 1942 года

Всю неделю шел снег, и безмятежный хоровод пушистых хлопьев умиротворяюще действовал на некоторых обитателей городка-призрака. Стоя у окна, Эрмина говорила себе, что этот мягкий снег без сильных морозов и бурь призван украсить пейзаж, знакомый ей до мельчайших деталей. Белые, блестящие сугробы скрыли развороченные крыши и сломанные изгороди, придав Валь-Жальберу почти его прежний облик. Не хватало лишь струек дыма, поднимающихся из труб, а также света ламп за оконными занавесками.

Мадлен сидела над шитьем, напевая медленную и монотонную индейскую песню. Рядом с ней орудовала иглой Акали. Мукки, его сестры и Шарлотта отправились в Роберваль в грузовике Онезима Лапуэнта, всегда готового оказать услугу.

Эрмина судорожно скрестила пальцы. Она пыталась справиться с нервозностью и нетерпением. Сегодня был последний день, когда она еще могла надеяться на визит Овида. «Завтра, в воскресенье, он уезжает с матерью к одной из своих сестер в Сен-Станислас на все праздники. Я должна его увидеть, поговорить с ним. Я не хочу, чтобы дети почувствовали, как я волнуюсь за Тошана. От него давно нет известий, и только один Овид может меня успокоить».

Из ее груди вырвался вздох. Мадлен подняла лицо от своего шитья.

— Мина, что с тобой?

— Просто немного скучно, вот и все, — солгала она.

— Ты хотела повторить рождественские псалмы, которые будешь петь у живых яслей. Мадам Лора сделала свой выбор. Я с удовольствием тебя послушаю, уверена, что и Акали понравится.

У Эрмины не было никакого желания петь. Это началось после отъезда мужа в Европу. Она выполнила условия контракта с Капитолием, выступив в двух опереттах, но у нее было странное ощущение, что она утратила страсть к пению. «Настоящий год траура, — подумала она. — Неужели я одна об этом помню? Арман, Тала, Симон... Может, и Тошан тоже погиб где-то на чужбине. А я должна петь...»

— Открой хотя бы письмо от месье Дюплесси, — укоризненно сказала Мадлен. — Еще летом ты беспокоилась о его судьбе, а сейчас, когда он написал тебе, ты лишь бросила взгляд на конверт.

— Наверняка он прислал мне свои поздравления. Я была разочарована, прочитав его имя на конверте. Всей душой я надеялась, что это письмо от Тошана. Но нет!

Она прошлась по комнате, которая служила кухней и столовой. Прилегающей к ней маленькой гостиной редко пользовались, но печка в ней была растоплена. Мадлен сушила там белье, которое впоследствии тщательно утюжила.

Акали незаметно наблюдала за Эрминой. Для нее она была незаурядной личностью. Сегодня, одетая в черные брюки и шерстяной розовый пуловер, со светлыми волосами, собранными в пучок, она казалась маленькой индианке одной из тех красивых женщин, которых та видела в модных журналах у Лоры.

— И все-таки прочти это письмо, — настаивала Мадлен. — И напиши ответ месье Дюплесси. Хоть займешь себя до приезда Овида.

— О, перестань! — проворчала Эрмина.

Но она все же решила распечатать конверт, который пересек океан и добрался до Валь-Жальбера. В нем действительно оказалась почтовая открытка с изображением зимнего пейзажа, украшенного фальшивым инеем. Она с вызовом прочла текст вслух:

— «Мой дорогой Соловей! Могу сказать Вам только одно: Париж Вас ждет! Я заполучил для Вас контракт, не во Дворце Гарнье^[48], конечно, в более скромном зале. Мои соотечественники будут счастливы наконец-то Вас услышать! Я вышлю Вам авиабилет. Вылет из Нью-Йорка. Вы не сможете мне в этом отказать! К тому же это в Ваших же интересах — как

профессиональных, так и личных. Надеюсь, Вы меня понимаете! Искренне Ваш, Октав».

Помолчав немного, Эрмина воскликнула:

— Да он совсем с ума сошел! Мне ехать в Париж! Да никогда! Какая глупость! Ты слышала, Мадлен, Октав потерял голову! Париж оккупирован! Не может быть и речи о том, чтобы я там пела, и уж тем более летела на самолете! Гражданские рейсы так ненадежны, постоянно происходят аварии. И потом, это очень дорого. Вот видишь, я была права, что не торопилась распечатывать этот конверт.

Снаружи послышалось конское ржание. Накинув куртку, Эрмина выскочила из дому. Овид слезал с лошади. Она бросилась к нему, по щиколотки увязая в снегу.

— Наконец-то вы приехали! — запыхавшись, сказала она. — Я так боялась, что больше вас не увижу! Овид, мне так плохо, помогите мне снова, помогайте мне всегда! Она прижалась к нему, не заботясь о приличиях. На нем были тяжелая кожаная куртка, рукавицы, кепка и шарф. Но Эрмина видела лишь взгляд его изумрудных глаз и взволнованную улыбку.

— Успокойтесь, — прошептал он, легонько ее отстраняя. — Мне очень жаль, моя дорогая подруга, но, если нас кто-нибудь увидит, ваша репутация пропала.

Молодая женщина взяла поводья и повела лошадь к сараю. Стиснув зубы, еле сдерживая слезы, она снова была готова все послать к черту, включая свою пресловутую репутацию и любовь к Тошану. Учитель последовал за ней и закрыл тяжелую дверь сарая. Внутри царил полумрак, но Эрмина, казалось, освещала его своими светлыми волосами и молочно-белой кожей.

— Овид, обнимите меня! — взмолилась она. — День за днем я делаю нечеловеческие усилия, но я совершенно потеряна. Мне больше не хочется ни петь, ни готовить — мне ничего не хочется, кроме как быть рядом с вами. Молчание моего мужа рождает во мне ужасное ощущение, что я уже вдова.

Он распахнул свою куртку и мягко притянул ее к груди. Она скользнула руками по его худощавому торсу и потерлась щекой о его щеку.

— Эрмина, в ближайшем будущем я больше не смогу утешать вас по своему ни здесь, ни где-либо еще. Обещаю, я останусь вашим другом, но я решил снова жениться.

— Как? — изумленно воскликнула она, отшатнувшись. — И почему? Вы тоже хотите меня бросить?

— Нет, вовсе нет, — заверил он. — Но то, что тогда произошло у меня в конюшне, больше не должно повториться. Если бы вы были свободны, я бы на вас женился. Мне очень нравится ваше общество, я даже счастлив всякий раз, когда приезжаю в Валь-Жальбер, но я хочу установить между нами крепкую, непреодолимую преграду. Я много думал и пришел к такому выводу. Я должен жениться. Помолвка намечена на Новый год.

— Так значит, вы меня не любите! — бросила она. — Все ваши громкие заявления ничего не стоят.

Чувствуя себя уничтоженной, Эрмина отошла к лошади. Сраженная новостью, женщина дрожала всем телом. Овид не сводил с нее глаз. Сейчас она казалась ему особенно красивой за счет этой слабости, исходящей от нее.

— И кто это? — холодно спросила она. — Вы проповедовали преимущества холостяцкой жизни, свободы... и вдруг находите родственную душу, свою судьбу!

— Это образованная девушка, разделяющая мои идеи. Я давно ее знаю. Она подруга моей сестры, тоже вдова и мама шестилетнего мальчика. Неужели вы меня ревнуете?

В ответ Овид услышал лишь сдавленное рыдание. Эрмина плакала, прислонившись к перегородке. Она молча смотрела на него с таким потеряннным и отчаявшимся видом, что он рассердился.

— Но что я могу сделать для вас, в конце концов? — воскликнул он. — Мне нужен этот брак, чтобы обрести покой, научиться любить свою жену. Разве вы согласитесь на развод? Нет! Никто не разводится с солдатом, сражающимся вдали от родины! Или, может быть, вы любите меня больше своего мужа? Нет, я так не думаю. И если однажды я смогу на вас жениться, это будет означать, что красавец метис, ваш Тошан, мертв. Какая роль мне достанется в этом случае? Держать в объятиях Эрмину, убитую этой потерей, спать рядом с ней, когда ее душа, сердце и тело будут без конца звать того, кого она любила, единственного мужчину на свете! Я уверяю вас, как только объявится ваш муж, вы навсегда забудете обо мне. Да признайтесь же в этом! Я всего лишь запасное колесо, спасательный круг, за который вы ухватились.

Он бросился к ней и встряхнул ее за плечи.

— Эрмина, это ультиматум! Если мое намерение жениться так вас ранит, скажите об этом прямо. Мы станем любовниками, а когда Тошан вернется, вы разведетесь.

Она принялась вырываться, сбитая с толку и разозлившаяся в свою очередь.

— Нет, я люблю его, разумеется, я люблю только его! — закричала она, рыдая в голос. — Но я завидую этой девушке, о которой вы говорите, потому что у нее будет настоящая семья, мужчина рядом ночью и днем, кто-то замечательный, нежный и забавный. Вы будете принадлежать ей, Овид, и перестанете приезжать сюда.

Он отпустил молодую женщину, в замешательстве глядя на нее.

— И все же я приеду. Наша дружба дорога мне, даже необходима. Жениться для меня также лучший способ не потерять вас навсегда, Эрмина. Если бы я поддался желанию, которое вы у меня вызываете, любви, которую я испытываю к вам, заранее зная, что она обречена, это разлучило бы нас. Поэтому перестаньте плакать! Лучше пойдемте в тепло и выпьем чаю.

— У меня и так не было желания праздновать Рождество. Из-за вас этот праздник станет и вовсе невыносимым. Вам необязательно было говорить о своей женитьбе именно сейчас. Вы жестокий, безжалостный человек! Мысль о том, что вы меня любите, хотя и напрасно, что я дорога вам... была для меня утешением.

— И после этого я — жестокий, — насмешливо сказал Лафлер.

— Вы разочаровали меня, Овид. Будет ли счастлива с вами ваша жена, если, как вы утверждаете, вы все еще меня любите и желаете?

— Полагаю, да! Она хочет того же, что и вы: стабильной семьи, отца для своего сына, мужчину в своей постели.

Эрмине захотелось дать ему пощечину. Но он был прав. Внезапно она сдалась, осознав очевидное. Овид только что освободил ее от гнетущих сомнений. Никто не сможет занять место Тошана. В эту же самую секунду она поняла, что поедет в Париж. Пересечь океан, приземлиться в Европе значило приблизиться к своему любимому и единственному, которого унес от нее суровый ветер войны.

— Идемте, дорогой друг. Мадлен, должно быть, уже приготовила чай. Надеюсь, вы не забыли привезти мне мой фотоаппарат?

— Конечно нет, — ответил Овид тем же бесстрастным тоном.

Она пошла перед ним, легкая и грациозная. Ему захотелось схватить ее за талию и овладеть ею, сделать своей прямо здесь, на земляном полу, но он понимал, что это бессмысленно. Интуиция подсказывала ему, что Эрмина только что ускользнула от него навсегда.

В грузовике своего брата, в километре от «маленького рая», Шарлотта предавалась мечтам, безразличная к тряске и радостным крикам Мукки и близняшек, сидевших сзади. В машине возникла поломка двигателя, когда

они еще не доехали до Роберваля, и это задержало их.

Закрыв глаза, Шарлотта заново переживала каждую минуту своих визитов на мельницу Уэлле. Снег стал ее сообщником, замечая следы, которые она оставляла ночью. «Я ходила туда во вторник вечером, в четверг вечером и вчера тоже. Мне удалось отнести ему два одеяла, постельное белье и мольтоновое покрывало. А еще бисквиты, свежий хлеб и горячий кофе! Господи, как же он был счастлив, когда пил кофе! Мирей задвинула в глубину шкафа термос, слишком маленький на ее вкус, а мне он очень даже пригодился. Людвиг был так удивлен!»

— Шарлотта, ты спишь? — крикнул Онезим. — Могла бы и поболтать немного со своим братом. Я не так часто тебя вижу.

— Извини, — ответила она, открывая глаза. — У меня от запаха бензина разболелась голова.

— Машина без бензина не поедет. И тебе повезло, что я еще могу его раздобыть! Правительство твердит, что бензин нужно экономить, но вам с мадам Лорой всегда нужно куда-то ехать — то в Роберваль, то в Шамбор.

Шарлотта вздохнула, коснувшись рукой лба. Онезим не стал настаивать.

«Да, я пойду к нему сегодня вечером, потому что я хочу, чтобы он снова поцеловал меня. Как же это приятно — целоваться в губы!» — думала она, порозовев от удовольствия.

Они оба были робкими новичками в любви, поэтому подходили к этому серьезно. Людвиг встречал Шарлотту с широкой улыбкой, которая наполняла ее счастьем, но поцелуй они оставляли на момент прощания. До этого они ограничивались разговорами, но это уже было не так увлекательно. «Как только я встаю, чтобы пойти домой, он начинает нервничать, пожирая меня глазами. Но не решается сделать первый шаг. Я сама подхожу к нему. О! Я люблю его! Как же я люблю его!»

Внезапно Онезим засигналил, к великой радости Мукки, который обожал этот звук, казавшийся Шарлотте очень неприятным. Мальчик ухватился за спинку переднего сиденья.

— Что, лось выбежал? — спросил он, вглядываясь в засыпанную снегом дорогу, идущую вдоль озера.

— Нет! Просто хочу разбудить свою сестру. Она без конца вздыхает как влюбленная барышня.

Мари-Нутта и Лоранс расхохотались. Оскорбленная, Шарлотта выпрямилась.

— Вовсе я не спала! У меня болит голова, а вы устроили тут галдеж. А ты, Онезим, постыдился бы говорить такие вещи при детях.

— Не сердись, Лолотта, — попросил Мукки, поддразнивая ее.

— Еще раз так меня назовешь, и поедем обратно домой, — пригрозила она. — Твоей бабушке нужны нитки, ленты и голубая материя. Если я скажу ей, что ты вел себя плохо и что я не купила всего этого из-за тебя, ты будешь наказан.

Мукки наклонился вперед и чмокнул ее в щеку.

— Прости, — шепнул он ей на ухо.

— Маленькое чудовище, — со смехом ответила девушка.

Шарлотта была слишком счастлива, чтобы притворяться сердитой. Еще никогда она не ждала Рождества с таким волнением и восторгом. Черные моменты ее прошлого ушли в небытие.

Валь-Жальбер, воскресенье, 20 декабря 1942 года

За всю жизнь Лора никогда столько не шила. Она горько пожалела о том, что в свое время не купила швейную машинку, несмотря на настойчивые просьбы Мирей, утверждавшей, что любая уважающая себя хозяйка должна иметь в доме это чудесное приспособление.

— Вы покупаете готовую одежду даже детям, — говорила экономка, когда они заводили разговор на эту тему.

— Было бы глупо с моей стороны не пользоваться моим состоянием! Я и так много шила в детстве. Мне постоянно приходилось штопать простыни своим братьям...

Сейчас же, когда она угодила в ловушку своей честолюбивой затеи с живыми яслями, ее пальцы то и дело немели и ей приходилось откладывать иголку в сторону и разминать их. Каждый вносил свою лепту в подготовку к празднику, но лишь одна Мадлен была достаточно умелой, чтобы помогать ей шить костюмы для представления.

— Я бы с удовольствием помогла вам, — сетовала экономка, видя, как ее хозяйка сидит, склонившись над шитьем в то время, когда обычно отдыхала после обеда. — Но мне совершенно некогда с этой готовкой и уборкой.

— Ничего страшного, Мирей, я успею закончить в срок.

Шарлотта и Эрмина отправились благоустраивать ангар завода, опять-таки с помощью Онезима и его незаменимого грузовика, приспособленного для передвижения по снегу. Они взяли с собой различные принадлежности: старые шторы темно-синего цвета, которые закроют кирпичные стены и железную крышу, а также большое количество соломы, чтобы застелить

пол.

Жослин решил организовать репетицию. Все юные актеры должны были собраться в своих костюмах в бывшей детской, которая теперь стала комнатой Луи. Мадлен поднялась наверх, чтобы помочь детям облачиться в наряды, потому что некоторые их детали были лишь наметаны и с ними следовало обращаться осторожно.

— Наверху все забавляются, — проворчала Лора, прислушиваясь.

С верхнего этажа доносились смех и крики. Раздраженная сложной работой, которую сейчас выполняла, хозяйка дома вздохнула, подняла голову и сняла очки. И только тогда она заметила Киону, стоявшую возле ее кресла.

— А, ты здесь! — удивленно воскликнула она, почувствовав себя неловко.

Девочка старалась ее избегать, что вполне устраивало Лору.

— Почему ты не вместе с другими?

Киона не ответила, но в ее янтарных глазах загорелся веселый огонек.

— Ах да, я поняла! — продолжила Лора. — Я еще не закончила твой костюм ангела! А ведь я начала его еще вчера утром. Мне недоставало лент и голубой материи. Понимаешь, я хочу, чтобы костюм получился красивым. Твой отец вложил столько труда, чтобы сделать крылья!

Это было еще мягко сказано. Жослин, не отличавшийся особым мастерством, умудрился соорудить довольно красивые крылья, изогнув железную проволоку и обклеив ее упаковочной бумагой. За неимением перьев он посоветовал Лоре натянуть на этот каркас какую-нибудь блестящую ткань.

— Я тороплюсь, как могу, — добавила она, взглянув на неподвижно застывшую девочку.

В спешке она уколола себе палец. Выступила капелька крови и испачкала прозрачную ткань цвета лазури.

— Черт! — вполголоса выругалась Лора. По ее щекам потекли крупные слезы.

— Не плачь, — попросила Киона. — Тебе больно?

— Немного, но дело не в этом. Я изо всех сил стараюсь над твоим костюмом, иначе твой отец решит, что я нарочно его испортила. С этой тканью очень трудно работать, поверь мне, она выскальзывает у меня из рук. А теперь я еще ее и испачкала!

— Не волнуйся, заметно не будет, — заверила ее девочка. — Смотри, это как раз в том месте, где крылья крепятся к моей спине. Знаешь, Лора, я бы с удовольствием переделалась в пастуха. Тебе было бы намного легче.

— О да! — согласилась та. — И намного практичнее. Я решила, что будет двое пастухов — Лоранс и ты, поскольку это позволяло укрыть вас под широкими плащами из фетра. Ты же замерзнешь в своем костюме! Жосс не подумал об этой детали. А ведь он знал, что я буду вынуждена организовать представление на улице или в каком-нибудь неотопливаемом помещении. Но мы с Эрминой нашли решение. Ты наденешь под платье тонкий шерстяной жилет.

Она говорила быстро, убедительным тоном, в то время как по ее лицу продолжали струиться слезы. Киона вынула свой носовой платок, ситцевый, с кружевами, и осторожно промокнула лицо Лоры.

— Не расстраивайся, — прошептала девочка. — Это будет очень красиво: рождественская ночь, ясли, песни... Ты забыла про младенца Иисуса в пеленках. Лоранс даст тебе свою куклу. Мадлен завернет ее в белую шаль.

— Бог мой, ты права, о чем я только думала!

С этими словами Лора взглянула на Киону, чего обычно никогда не делала. Она с удивлением увидела ее мягкие черты, напомнившие ей лицо Эрмины, красиво очерченные губы, тонкий нос, медовый цвет лица и большие таинственные глаза с золотистым отблеском. Короткие светлые кудряшки теплого оттенка придавали ей облик ангела, но этот ангел совершенно не походил на тех, что обычно рисовали на картинах. Он был не розовым и пухлым, а светящимся и очень серьезным. Впервые Лора вдруг до конца осознала родственные узы, связывавшие Киону с Эрминой и, возможно, с Луи. «Как я могла ее ненавидеть, проклинать, желать, чтобы она исчезла навсегда?» — ужаснулась женщина.

— Прости, — прошептала она, подчиняясь спонтанному порыву. — Прости меня, Киона! Ты еще так юна и так много страдала! Должно быть, ты считала меня злой и черствой.

— Да, часто, — ответила девочка, не считая нужным лгать. — Но ты была рассержена, а я знаю, что это такое. Я тоже могу быть злой, когда сержусь. Я очень люблю тебя, Лора, несмотря ни на что.

Киона подкрепила эти слова широкой доверчивой улыбкой, безмятежной и полной нежности. Потрясенная, Лора погладила ее по волосам, затем робко поцеловала в лоб.

— Дорогая моя девочка, тебе больше не нужно меня бояться, — тихо сказала она. — Я счастлива, что ты встречаешь с нами Рождество, действительно счастлива.

Лора снова вернулась к своему шитью. Она чувствовала себя намного лучше, словно очистилась от грехов. Киона вприпрыжку побежала к

лестнице, такая легкая, что могла бы взлететь, с крыльями или без них.

Глава 13

Рождество Шарлотты

Валь-Жальбер, четверг, 24 декабря 1942 года

Все было готово. Стараясь справиться с волнением и страхом, Лора затаила дыхание. Она считала, что ее живые ясли удались на славу, но все же опасалась мнения своих гостей и важных лиц, которых она пригласила на представление. Она мысленно пересчитала тех, кто в эту секунду должен был подниматься по улице Сен-Жорж в сторону завода.

«Месье мэр с супругой, почтальон, Онезим со своим семейством, мадемуазель Дамасс, Мирей, Жозеф Маруа и Бадетта — милая Бадетта, которая сумела выбраться к нам!»

Приезд журналистки усиливал атмосферу праздника. Особенно радовалась Эрмина, поскольку она рассчитывала задать ей множество вопросов о Франции, ее родине. Эрмина планировала отправиться в Париж к назначенной ее импресарио дате. Это не было ни капризом, ни даже соблазном спеть на маленькой сцене. Она смогла связаться с Октавом Дюплесси по телефону, и тот дал ей понять, что у него есть веские причины требовать ее присутствия в столице и что это связано с ее мужем.

— Вы увидите во Франции с дорогим вам человеком, Эрмина! — убедительным тоном сказал он. — Иначе я не стал бы просить вас отправляться в такой далекий путь.

— Вы говорите о Тошане? — воскликнула она.

— Разумеется! Я свяжусь с вами позже...

С тех пор Эрмине хотелось, чтобы скорее пролетели недели и месяцы, отделявшие ее от дня отъезда.

— Только бы ветер не поднялся, — прошептала Лора Жослину.

Ее муж следил за тем, чтобы не погасли десятки свечей, расположенных между яслями и местом, отведенным для публики.

— Дорогая, ничего не бойся, погода сегодня спокойная. Посмотри, как смиренно ведут себя дети! Ты совершила настоящее чудо с этими костюмами!

Он повернулся к Эрмине.

— Можно начинать фотографировать прямо сейчас. Бадетта одолжила тебе свой фотоаппарат со вспышкой.

— Да, папа, я как раз собиралась это сделать. Скажи детям, чтобы они пока не двигались, иначе изображение будет размытым.

Родители улыбнулись ей. С трудом подавляя нетерпение, они держались за руки, оба очень элегантные в своих нарядах.

— Ты сегодня просто божественна! — заявила ее мать. — Шарлотта замечательно укладывает тебе волосы. Эти косы, заплетенные вокруг лба и украшенные жемчужинами, настоящее произведение искусства!

— Я повторяюсь, — добавил Жослин, — но ты как кинозвезда!

— О! Папа, перестань!

Но, несмотря на возражение, она почувствовала себя польщенной. На ней было черное бархатное платье, которое так нравилось Тошану, и накидка из собольего меха. Поскольку снег обсыпал, она надела сапоги на меху, как и все остальные.

— Мама, — позвал Мукки, — у меня борода отклеивается!

Мадлен бросилась к нему и все поправила. Акали воспользовалась этим и положила подушку, на которой был вышит флакон, якобы наполненный миром.

— Я хочу в туалет, — жалобно сказала маленькая индианка.

— Мы не можем вернуться домой. Пойдем, я отведу тебя за ангар, — предложила Шарлотта.

Мари-Нутта захихикала под своими усами и длинной белой бородой. Сидя на соломе, Лоранс бросила укоризненный взгляд на свою сестру.

Самыми невозмутимыми были Мари Маруа и Киона. Осознавая значимость своих персонажей, девочки молча ждали прихода гостей. Первая, в голубом платье под белой вуалью, склонилась к кукле, лежащей в корзине. Изображать Пресвятую Деву Марию — это вам не пустяки! Ангел-провозвестник выглядел впечатляюще, со своими огромными крыльями с голубым отливом, в шелковой тунике цвета слоновой кости и с нимбом из золотистой бумаги, закрепленным повязкой на ее коротких светлых кудрях.

— Я слышу голоса! — воскликнула Лора. — Жосс, возьми свою губную гармошку, пусть звучит музыка! Мукки, встань в позу, скрести руки. Лоранс, гладь своего ягненка. Не забывай: ты пастух и это маленькое животное — твой дар.

Речь шла о нарисованной на картоне и раскрашенной самой Лоранс овце с наклеенными клочьями шерсти, что создавало видимость животного. Акали вернулась в последнюю минуту, взволнованная до слез.

Голоса приближались. С помощью Жозефа Жослин быстро зажег шесть керосиновых ламп, развешанных на стенах ангара. Но его суэта не

понравилась Эжени, которая обеспокоенно замычала. Корова Маруа, имевшая более чем почтенный возраст, явно не понимала, зачем ее вытащили из стойла в столь непривычное время. Внезапно пони, которому прицепили бумажные уши осла, заржал и слегка натянул веревку, привязанную к стойке яслей, сооруженных Онезимом.

— Тише, Базиль, — сказала Киона.

— О боже, если животные начнут беспокоиться, все пойдет насмарку! — всполошилась Лора.

Эрмина заметила силуэты гостей, медленно приближающиеся к ним. Она глубоко вздохнула и запела «Ангелы в наших полях» — песнь, которую выбрала ее мать для встречи долгожданной публики:

Ангелы в наших полях
Поют радостные песни,
И эхо с наших гор
Вторит этому мелодичному пению.
Слава Господу, слава...

Бадетта первая увидела очаровательную мизансцену, придуманную Лорой. Проведя ночь в поезде, затем час в ожидании между станциями Лак-Бушетт и Шамбор-Жонксьон, поскольку локомотив столкнулся с крупным лосем, журналистка была измучена, но все равно бесконечно рада своему приезду в Валь-Жальбер.

— Это потрясающе! — сказала она Мирей.

Празднично одетая экономка молча кивнула. Она редко куда-либо выходила, особенно в снежное время года, и дорога до заводской площади показалась ей бесконечной.

— Это и вправду шикарно, — раздался грубый голос Онезима. — Смотри, Иветта! Очень похоже на настоящие ясли.

— Мой бедный дурачок, — ответила его жена, известная своим вздорным характером. — Иосиф и Мария были гораздо выше ростом!

Это замечание заставило улыбнуться мэра, поспешившего отойти подальше от Лапуэнтов.

Отнесясь к своим ролям со всей серьезностью, маленькие актеры на один вечер скрупулезно следовали указаниям Лоры и Жослина. На лице Луи был восторг, словно он действительно считал себя волхвом. Но, неожиданно чихнув, он чуть не выронил из рук кожаный мешочек с ладаном.

Эрмина видела только персонажей яслей, и это вдохновляло ее вкладывать в пение всю душу. Она перешла к следующей песне «Родилось дивное дитя», хотя до полуночи было еще далеко.

Родилось Дивное Дитя!
Играй, свирель, звени, волынка:
Родилось Дивное Дитя!
Споем все в несть Его пришествия!
Четыре тысячи лет нам обещали Его пророки,
Четыре тысячи лет мы ждали этого счастливого часа!
Хлев — Его дом, солома — Его постель.
Хлев — Его дом... Какое унижение для Бога!
О Иисус, о Всемогущий Властитель!
Царствуй вовеки над нами...

Скрестив руки на груди, Киона благоговейно слушала. В эту секунду она обожала Иисуса — всемогущего властителя, младенца, родившегося для спасения людей. Чистый и сильный голос Эрмины наполнял ее странным счастьем. Этот хрустальный голос сегодня соперничал с глухим ворчанием Уиатшуана. Никто не заметил этой важной детали. Ангар находился достаточно далеко от водопада, но сюда все же доносилось его шумное дыхание, словно аккомпанемент дикого органа, созданного самой природой, которая как будто бросала вызов представителям хрупкого человеческого рода, собравшимся у яслей.

О Иисус, о Всемогущий Властитель!
Царствуй вовеки над нами...

Молодая женщина замолчала, но Жослин тут же заиграл «Нежную ночь» на своей губной гармошке. Настал черед юных актеров. Мукки немного наклонился над корзиной, где лежала кукла, и важно произнес:

— Смотрите, гости, вот наш сын Иисус!

Мари наклонила голову, затем протянула материнскую руку к целлулоидному новорожденному и погладила ему лоб. Лора решила, что Пресвятая Дева из скромности должна молчать. Акали, дрожа от волнения, подошла к ней и опустилась на колени.

— Я принес миро, — очень тихо произнесла она.

Луи сделал то же самое, сообщив, что принес в дар ладан. Мельхиор выглядел более элегантно, что было связано с личностью самой Мари-Нутты. Девочка встряхнула широкими рукавами с золотистой каймой, быстрым движением поправила красный тюрбан, грозивший сползти с ее волос, затем громко сказала:

— Я Мельхиор, я принес золото!

Стоявшие зрители начали ощущать ночной холод, но им явно нравились зрелище и уверенность маленьких актеров. Жозеф осмелился шепнуть на ухо Андреа Дамасс:

— Мадемуазель, вы заметили, как красива Мари в этом наряде?

— Просто прелесть, — не раздумывая, ответила учительница, растроганная песнями, которые только что слышала.

Тем не менее она отметила, что Жозеф стоит к ней слишком близко. При малейшем движении он касался ее. Но она не стала отстраняться. Именно в эту секунду Киона начала бегать между главными действующими лицами рождественских яслей, вполне убедительно изображавшими благоговейность. Девочка приподнимала руки, чтобы ее крылья шевелились.

— Какая прекрасная рождественская ночь! — звонким и радостным голосом произнесла она. — Слава Господу, слава!

От избытка чувств она погладила шею пони и почесала морду коровы. Среди присутствующих пробежал сдержанный смешок. Эрмина таяла от нежности, глядя на детей, которые выглядели так трогательно. Их серьезное отношение к своим ролям было для нее настоящим бальзамом на сердце.

Шарлотта похлопала ее по плечу. Эрмина вздрогнула. Она совсем забыла про последнюю песнь!

Слава Тебе, о Воскресший Христос!
За Тобой победа на века!
Сияющий светом ангел спустился,
Он отодвигает камень от могилы.
Слава Тебе, о Воскресший Христос!
За Тобой победа на Века!
Смотри: это Он, Иисус,
Твой Спаситель, твой Владыка, о, не сомневайся более!
Возрадуйся, народ Господа,
И повторяй без устали: «Христос — победитель!»
Слава Тебе, о Воскресший Христос!

За Тобой победа на века!»

Прижавшись к Жослину, Лора самозабвенно слушала прекрасный голос своей дочери. Каждое слово находило отклик в ее душе. Она пообещала себе чаще ходить на мессу, молиться, восхвалять Бога, который осыпал такими благами ее, обычную грешницу. Когда молодая певица поклонилась, раздался шквал аплодисментов. Базиль испугался, и, если бы не Мукки, пони разнес бы хрупкую декорацию.

— Большое спасибо! — воскликнула Лора. — Спасибо, мои дорогие друзья! Спасибо, что пришли! Я так рада, что смогла представить вам наши живые ясли в честь празднования конца 1942 года! Я всем сердцем надеюсь, что скоро наступят лучшие времена. Разумеется, вы все приглашены к нам, чтобы достойно отметить это событие. Полагаю, Мирей приготовила горячего вина с корицей по рецепту нашей подруги Бадетты, почтившей нас своим присутствием по случаю Рождества.

Все взгляды устремились к молодой женщине, которая была для них иностранкой и которая, оказавшись в центре всеобщего внимания, смущенно и растерянно улыбалась. В черном берете на светло-русых волосах до плеч, одетая в элегантное габардиновое пальто, она выглядела достаточно своеобразно для Валь-Жальбера.

Облегченно вздохнув и начав вести себя более свободно, бегать, смеяться и болтать, дети принимали поздравления от гостей. Мадлен задувала свечи. Шарлотта с корзиной следовала за ней и собирала их. Незаметно некоторые свечи оказывались в карманах ее пальто.

— Завтра придем сюда и снимем шторы со стен, — сказала Эрмина, беря под руку Бадетту.

Жослин раздавал гостям керосиновые лампы.

— Так наше возвращение будет похоже на рождественское шествие, — весело сказал он. — Месье мэр, держите! Онезим, Мирен, Жозеф, мадемуазель Андреа...

Избавившись от своей фальшивой бороды, Мукки вел пони, держа его за веревку. Мари-Нутта настояла на том, чтобы сопровождать корову, тыкая ее в бок прутиком.

— Перестань мучить бедное животное, — проворчал Жозеф. — Она прекрасно знает дорогу и будет дома раньше нас.

Все двинулись друг за другом по улице Сен-Жорж. Киона шла между Лорой и Жослином. Эрмина не верила своим глазам: девочка держала за руку не только отца, но и Лору! «Это настоящее чудо! Слава богу, я не пила

и это мне не снится. Мама и Киона... Они улыбаются друг другу и болтают, как две подружки!»

Бадетта заметила ее ошеломленный взгляд и, прижавшись к ней, тихо спросила:

— Что вас так удивило, Эрмина?

— Я расскажу об этом позже, Бадетта. Я едва успела поблагодарить вас за то, что приехали к нам, проделав такой путь.

— Да я ни за что не отказалась бы от такого приглашения! — весело ответила журналистка. — Рождество в городе-призраке! Согласитесь, что атмосфера этого места действительно особенная. Возможно, сейчас за нами наблюдают глаза тех, кто раньше жил здесь и умер. За всеми этими темными окнами я представляю себе лица.

— О нет, у меня от ваших слов мурашки бегут по коже!

— Мне очень жаль, моя дорогая подружка, но эти пустые, заброшенные дома совсем не внушают доверия. К счастью, ваш отец снабдил нас керосиновыми лампами! И дети создают достаточно шума, чтобы прогнать духов.

Внезапно погрузнев, Эрмина кивнула. «Может, Симон и Арман наблюдают за нами из другого мира? — задалась она вопросом. — И Тала тоже видела наше представление... И Бетти... Нет, я не могу поверить, что умершие бродят вокруг нас, как неприкаянные души, возможно завидуя, что мы продолжаем жить, вкусно есть и любить».

Она испытала облегчение, оказавшись в теплом и светлом доме Шарденов. Козырек над крыльцом украшала гирлянда электрических лампочек, что было безумием, по мнению Жослина, но безмерно радовало Лору. В гостиной возвышалась традиционная елка, украшенная золотом и серебром. Ветви сгибались под лакомствами, которые Шарлотта развесила перед уходом, не забыв в очередной раз стащить несколько штук. Она твердо решила навестить Людвига, пусть даже посреди ночи. Молодой немец обещал бодрствовать. «Он будет меня ждать! Мой возлюбленный будет меня ждать!» — молча напевала она, вне себя от радости.

Лора ликовала. Более пятнадцати человек стояли посреди гостиной, восторженно оглядываясь по сторонам. Камин был украшен еловыми ветками, перевязанными красными атласными лентами. На стенах висели гирлянды в виде звезд. В многочисленных зеркалах отражались малейшие отблески света, а из кухни доносились умопомрачительные запахи.

— Жосс, налей всем шампанского! — воскликнула хозяйка дома.

Она сняла свое тяжелое мантио из чернобурки и осталась в бархатном платье темно-синего цвета и потрясающем колье из сапфиров вокруг шеи.

Некоторые сочли подобное выставление напоказ своего богатства дурным вкусом, в частности Иветта Лапуэнт и мадемуазель Дамасс. «Шампанского, только и всего! — подумала учительница. — Бог мой, мадам Шарден не должна была проявлять такую расточительность и безудержность! Покупать французское шампанское в разгар войны, когда наша страна лишена самого необходимого... Интересно, откуда у нее столько денег? Я, конечно, не сетую, учитывая размер жалованья, которое она мне платит, это позволяет мне помогать родителям. Но на ее месте я вела бы себя скромнее. Черничного вина было бы вполне достаточно, или даже пива». Тем не менее она приняла бокал шампанского, который протянула ей Мирей.

«У этих Шарденов совсем нет совести, — говорила себе Иветта Лапуэнт. — Ведь они не унесут с собой в рай все свои доллары! И потом, эта мадам Лора не захотела взять моего Ламбера в свою частную школу! Где же ее пресловутое милосердие?».

Лицо Иветты приобрело недовольное выражение. Единственная дочь Озеба, бывшего тележника Валь-Жальбера во времена, когда рабочий городок еще кишел повозками с лошадьми, она сменила множество любовников, прежде чем выйти замуж за Онезима. Теперь она остепенилась и стала хорошей матерью, но все-таки от природы была завистливой и вспыльчивой.

— Онезим, — позвала Шарлотта, — что ты вцепился в моих племянников? Пусть подойдут и возьмут конфеты с елки! Ламбер, не бойся, иди сюда!

Красный от смущения мальчик восьми с половиной лет, опустив голову, направился к своей молодой тетке. Он держал за руку младшего брата. Оба получили по длинному сахарному батончику с красными и белыми полосками.

После этого взрослые и дети с восторгом стали разглядывать рождественский кекс, торжественно возвышавшийся на комодке рядом с камином. Все ахали и охали, глядя на это произведение искусства. Кекс был покрыт белоснежной глазурью, нанесенной вилкой, чтобы создать иллюзию неровности снега, и украшен сахарными серебристыми жемчужинами и крошечными красно-зелеными елками и, конечно же, фигуркой Деда Мороза в традиционной одежде.

— Какая прелесть! — воскликнула Андреа Дамасс. — Даже жалко его есть!

— Тем не менее его придется разрезать и, разумеется, попробовать, — ответила Лора, довольная успехом своей затеи с рождественским кексом.

Бадетта устроилась в уютном кожаном кресле. Журналистка отдыхала, наблюдая за собравшимися. Ее всегда интересовала человеческая природа во всех ее проявлениях. Она с удовольствием изучала лица, мимику и жесты, прислушивалась к обрывкам разговоров. Сейчас она сравнивала Лору и Эрмину. «Как это странно! Они похожи, но в то же время сразу заметна разница в их характерах по манере разговора, по движениям. Лора кажется сильной и авторитарной, таких называют “железная леди”, но чувствуется, что она способна сломаться от пустяка. Сегодня она очень веселая. И какая красавица, в ее-то возрасте! Эрмина выглядит несколько мягче, само ее тело более округлое и нежное. Я чувствую, что она напряжена. Она старается соответствовать всеобщему хорошему настроению. Однако гложущие ее тревога и неудовлетворенность бросаются в глаза. Ее я тоже еще не видела такой красивой! Черты лица стали более утонченными и возвышенными. Когда я встретила ее в Лак-Эдуарде, она была совсем юной и ее улыбка не была такой грустной. Как и каждому из нас, на ее долю выпали испытания, которые сформировали ее, сделав еще более обворожительной. Какой мужчина перед ней устоит?»

Она вспомнила о коротких откровениях Лоры сразу после своего приезда. Женщины пили чай в гостиной, наедине.

— Моя дорогая Бадетта, — говорила хозяйка, — спасибо, что приехали к нам. Умоляю вас, сообщите мне свое мнение об Эрмине! Она так изменилась в последние месяцы! Я опасюсь худшего. Моя дочь увлеклась молодым учителем, Овидом Лафлером. Видит Бог, в этом парне нет ничего особенного. Банальная внешность, только глаза довольно впечатляющие, к тому же зеленого цвета. Попытайтесь узнать об этом побольше, милая! Я сделала все возможное, чтобы помешать им видеться! В результате Эрмина несколько дней со мной не разговаривала.

Журналистка сильно в этом сомневалась. Будучи очень романтичной, она не допускала мысли о том, что молодая певица может предать свою страстную любовь к Тошану, повелителю лесов. Так назвала Бадетта красавца метиса в тот вечер, когда он впервые появился в высшем обществе Капитолия в Квебеке, в черном костюме, с длинными темными волосами, собранными в хвост. «Он был прекрасен, необычен, притягателен, — вспомнила она. — Несмотря на светский наряд, в нем чувствовалось нечто дикое, необузданное. Ни один мужчина не мог соперничать с ним!»

Бадетта вздохнула, наслаждаясь своим пребыванием в Валь-Жальбере в такой блестящей компании и в то же время тревожась за Эрмину. «У нас еще будет возможность поговорить. Но не сегодня вечером. Бог мой,

отличное шампанское!»

Киона прошла мимо в сопровождении Акали. Девочки смеялись, держа в руках лакомства, которые сами сняли с елки. «Маленькие жертвы пансиона, — отметила про себя журналистка. — Они выглядят такими счастливыми! Мне сложно поверить во все эти ужасы, фигурирующие в материалах, которые мне прислала Эрмина. Бедные дети! Завтра я их сфотографирую. У меня есть идея по поводу статьи...»

Жослин подошел к своей гостье, чтобы предложить ей тосты с копченым лососем.

— Рекомендую вам отведать их, дорогая Бадетта, — ласково сказал он. — Нужно перекусить, чтобы вино не ударило в голову.

Они обменялись любезностями, и их беседа влилась в общий шум, царивший в гостиной. Эрмина общалась с мэром. Лора и Мадлен слушали сетования Иветты, язык которой развязывался по мере того, как она выпивала все больше шампанского. Мукки позвал к себе Акали, чтобы угостить ее черной икрой.

Никто не видел, как пошатнулась Киона. Приложив руку ко лбу, девочка спряталась за бархатными шторами, окаймлявшими окно. Ее сердце колотилось в груди, внезапно она ощутила сильную жажду.

— Что со мной? — прошептала она. — О нет, нет, я не хочу... Только не сейчас!

Но ее ноги подкосились. Она упала на колени и легла на пол, не в силах справиться с невыносимым головокружением.

Руффиньяк, Франция, тот же день

Тошан прищурил глаза, прежде чем открыть их полностью. Сначала его внимание привлек свет керосиновой лампы. Он оторопело уставился на нее, затем перевел взгляд на стену с обоями в цветочек. Наконец он посмотрел на потолок, покрытый широкими бурыми пятнами.

«Где я?» — удивился он.

Его беспокоил неприятный запах, но он быстро понял, что это дезинфицирующее средство на основе фенола или чего-то еще, может акарицида. Он хотел встать, но тело отказывалось слушаться. «Мне не хватает воздуха, — подумал он. — Надо открыть окно».

Его черный бархатный взгляд скользнул по комнате. Он тут же увидел маленький силуэт в углу и решил, что у него галлюцинации. Там стоял ангел с золотыми кудрями, в лазурно-голубой тунике с серебристыми

крыльями, торчащими из-за худеньких плеч. Тошану понадобилось несколько секунд, чтобы узнать прелестное видение.

— Киона! — закричал он. — Киона!

Лицо девочки озарила улыбка, полная нежности, а также облегчения. Потом она исчезла. Некоторое время спустя дверь в комнату открылась. Тошан увидел молодую женщину с округлыми формами и бледным лицом. Ее темные кудрявые волосы были убраны назад гребешками.

— Слава Богу! — прошептала она. — Наконец-то вы пришли в себя! Месье, вы меня понимаете?

— Да, — удивленно выдохнул он.

— Я так и думала. Иногда в бреду вы говорили по-французски.

Она подошла и прикоснулась ко лбу Тошана непринужденным жестом медсестры. Он почувствовал себя неловко.

— У вас больше нет жара. Это хорошая новость! Теперь вам остается набраться сил. Позвольте представиться: Симона Штернберг! Я ухаживала за вами последние недели. Два года назад меня приютила у себя подруга. Мы спрятали вас в этой комнате на чердаке. Из осторожности мы замаскировали окно, ведь мне нужна лампа, чтобы обрабатывать вашу рану, даже днем. В принципе, здесь вы ничем не рискуете.

Она говорила быстро и тихо. Тошан попытался собраться с мыслями. Он вспомнил, как прыгнул с парашютом в темноту ночи. Затем он оказался пленником ветвей дерева. «Дерево... Я поранился, у меня шла кровь, мне было больно. Что было дальше, не помню», — подумал он.

— Меня и мою подругу Брижитт предупредили, что в этом секторе должны высадиться наши союзники. Кое-кто рассказал нам, где вы упали. Я не называю имен, так как следует соблюдать осторожность. Меньше знаешь...

— Благодарю вас, — прервал ее Тошан. — Значит, я во Франции?

— Да, — ответила Симона с грустной улыбкой, — в Дордони, департаменте, который еще два месяца назад находился в свободной зоне. Но теперь это уже не так. Прошу вас, не двигайтесь, вы еще очень слабы. Вы потеряли столько крови! Несколько дней вы провели на грани жизни и смерти.

Тошан молча кивнул. Он пришел в сознание, и на него тут же нахлынули воспоминания, старые и совсем недавние. Он мысленно перебирал их, и его охватывало отчаяние. «Я был в Лондоне, когда узнал, что моя мать умерла. Тала-волчица, гордая и прекрасная! Я был несправедлив к Мине. Милая Мина! А мои дети, как они там?»

— Какое сегодня число? — спросил он, вглядываясь в красивое лицо

Симоны.

— 24 декабря 1942 года. Для христиан это канун Рождества. Брижитт с мужем пойдут сегодня вечером на мессу.

— 24 декабря! — удивился он, с ужасом осознав, сколько времени провел в беспамятстве. — А как же вы? Не лишайте себя мессы из-за меня.

— Я еврейка, — ответила молодая женщина. — Я стараюсь не выходить из дома, когда в деревне много народу. Брижитт опасается за нашу безопасность — мою и моего сына Натана, ему шесть лет.

— У меня на родине остался десятилетний сын, — вздохнул Тошан. — И две девочки-близняшки девяти лет.

— Вы ведь не американец и не англичанин? — предположила она.

— Я канадец, — уточнил он.

Симона села на стул возле кровати. Она смотрела на мужчину, за которым ухаживала столько недель, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом его темных глаз. Конечно, ей были знакомы черты его лица и даже тело, но его обжигающий взгляд все же немного ее смущал. Они с Брижитт задавали себе множество вопросов о национальности этого парашютиста, смуглая кожа которого их заинтриговала. В бодрствующем состоянии он показался молодой женщине еще более необычным. Тошан догадался о том, что ее беспокоит.

— Я странный канадец, не правда ли? — произнес он не без иронии. — Мой отец был ирландцем, а мать — индианкой народа монтанье. Так что я метис.

— Но это не имеет никакого значения! Главное, что вы солдат армии союзников, который чуть не погиб во время выполнения задания. Вы проголодались? Пойду вниз принесу вам миску супа.

— Да, я действительно хочу есть, — признался Тошан.

Симона бесшумно вышла из комнаты. Он смотрел на узкую дверь, которая только что закрылась. Она была едва заметна, поскольку не имела ни рамы, ни наличников и была оклеена теми же обоями, что и стены.

«Я видел Киону, — внезапно вспомнил он. — Она была в костюме ангела! Или она стала ангелом? Нет, это абсурд. Эрмина вытащила ее из пансиона, где издеваются над детьми моего народа, а также еще одну девочку, Акали... Да, именно так ее зовут. Моя жена рассказала мне все это в своем последнем письме, да...»

Тошан не мог знать, что Лора организовала живые ясли, поэтому не понимал смысла своего видения. Он приподнял простыню и два покрывала, укрывавшие его. Повернувшись на бок, он ощутил глухую боль в области паха.

— Я в пижаме, — вполголоса произнес он. — Помню, ветка пробила мне верхнюю часть ляжки.

Его пальцы наткнулись на широкую повязку сантиметрах в десяти от пениса. И тогда он понял, что Симона и наверняка ее подруга не раз видели его обнаженным. Это его очень смутило. «В конце концов, у них не было выбора и они спасли мне жизнь!» Тошана наполнило чувство глубокой благодарности. Когда Симона вернулась, держа в правой руке парующую миску, он взял ее левую руку и коснулся ее губами.

— Благодарю вас, мадам, — произнес он своим низким голосом. — Я в долгу перед вами. А я привык отдавать долги любой ценой.

Опешив от такого галантного жеста, молодая женщина не знала, что ответить. Ее щеки порозовели, и она смущенно улыбнулась.

Валь-Жальбер, вечер того же дня

Гости Лоры уселись за стол. Мэр с супругой откланялись, поскольку хотели поужинать с семьей, прежде чем отправиться на мессу в Роберваль. Онезим с Иветтой тоже ушли. Это не мешало Мирей быть загруженной работой.

— Четырнадцать приборов, — ворчала она на своей кухне. — Вот уже три года, как я не обслуживала столько народу! Мадам плевать на мои старые ноги. А ведь я должна сидеть вместе с ними! Но это бессмысленно, я все равно не смогу проглотить ни кусочка!

Мадлен и Шарлотта присоединились к ней как раз в ту секунду, когда она выкладывала на фарфоровое блюдо пирамиду из спаржи.

— Мы пришли тебе помочь, Мими, — весело сказала Шарлотта. — Ты ведь тоже имеешь право на рождественский ужин!

— Да, мадам, я могу подавать на стол вместо вас, — добавила молодая индианка.

— Мадлен, когда ты уже перестанешь называть меня «мадам»? — возмутилась экономка. — Мы знакомы девять лет! Хватит церемоний!

— Хорошо, мадам.

— Так, идите отсюда обе. Я путаюсь, когда вокруг меня кто-то вертится. Ты, Лолотта, можешь отнести спаржу... Да, если ты называешь меня Мими, значит, будешь Лолоттой, моя девочка! А ты, Мадлен, неси соусник. Мне пора доставать из духовки мясной пирог.

Предлагая свою помощь, Шарлотта была не совсем бескорыстна. Во время подачи блюд на стол она надеялась незаметно забирать из них часть

для Людвига. Для этой цели она спрятала под столом корзину с крышкой, которую стащила у Мирей, и туда собиралась складывать все, что ей удастся раздобыть.

Стенные часы в коридоре, представлявшие собой величественную композицию из бронзы, пробили девять часов. «Мне нужно уйти до полуночи», — сказала себе Шарлотта. Она обдумывала разные варианты, как это сделать незаметнее, но не находила решения.

За столом царило веселье. Лора решила, что ужин пройдет в столовой, поскольку людей было слишком много, чтобы расположиться возле елки, как в предыдущие годы.

— А в гостиной мы будем пить ликер и есть десерт! — объявила она.

Дети были исключительно послушны, настолько им не терпелось увидеть свои подарки. Акали едва могла есть, думая только о свертках, разложенных под елкой. Она спрашивала себя с легким беспокойством, предназначен ли ей хотя бы один из них.

Все попробовали спаржу, политую белым соусом, приправленным уксусом. Верная традиции, Мирей потребовала от хозяйки, чтобы в меню фигурировали сочные кретоны^[49], которые так ценят квебекцы зимой.

— Какое пиршество! — жеманно воскликнула Андреа Дамасс.

Сидевший слева от нее Жозеф тут же отреагировал:

— Сюрпризы только начались, мадемуазель. Мирей в стряпне нет равных.

Бывший рабочий внимательно следил за своей речью, дабы не оскорбить чувствительные уши старой девы и ее хорошее воспитание. «Похоже, Жослин сумел представить меня в выгодном свете. Сейчас она мне кажется не такой отстраненной».

Он незаметно оглядел туалет Андреа: серое платье с кружевным воротником и небольшим декольте, достаточно облегающее. В очередной раз пышная грудь, вздрагивающая под тонкой тканью, вызвала у него прилив возбуждения. На его лбу выступила испарина, и он поспешно глотнул вина. В придачу к шампанскому у Шарденов был замечательный запас дорогих французских вин.

Эрмина выглядела очень веселой. Ее настроение резко изменилось с начала вечера. Лора не совсем понимала, что так повлияло на ее дочь, но искренне радовалась, видя, как она шутит и с каким аппетитом ест.

Зато Киона прекрасно знала причину. После своего недомогания, продлившегося всего с полминуты, она с трудом поднялась, запутавшись в своих крыльях, и подошла к Эрмине.

— Мина, я хочу переодеться в свою индейскую одежду. Она осталась в

комнате Луи.

— Конечно, пойдем, дорогая, я освобожу тебя от твоего костюма. Ты права, в этом не очень удобно играть.

Киона не могла ждать. Посреди лестницы она возбужденно воскликнула:

— Мина, я только что переместилась далеко отсюда и видела Тошана! Он жив! Уверяю тебя, я его видела и он тоже меня видел! Он прокричал мое имя, но я не смогла там остаться. Это была маленькая комната, там стояли керосиновая лампа и железная кровать. Должно быть, Тошан болеет: он лежал на кровати в пижаме.

— Но где же он? — пыталась выяснить Эрмина, испытывая невероятное облегчение. — В какой стране? Во Франции? Я уверена, что он во Франции!

— Я этого не знаю.

— Зато у меня есть причины так думать, милая моя. О! Спасибо, спасибо тебе тысячу раз! Ты сняла такую тяжесть с моей души! Тошан жив. Дай я обниму тебя, мой ангел!

Она нежно прижала девочку к своей груди. Прежде чем вернуться за стол, они еще какое-то время оживленно шептались в комнате.

Блюда сменяли друг друга. Мирей и Мадлен принесли каждая по блюду с мясным пирогом с золотистой корочкой. Столовую наполнил аромат специй, овощей и тушеного мяса.

— Пришлось применить фантазию, похвасталась экономка. — Топленое свиное сало вместо сливочного масла и больше куриного мяса, чем свиного, вместо говядины. А картофель вырос здесь, в Валь-Жальбере.

— Я уверена, твои пироги оценят по достоинству, Мирей, — перебила ее Лора. — А теперь хватит сновать взад-вперед, садись с нами за стол.

— Хорошо, мадам! Боже милосердный, мои бедные ноги! Только я забыла принести блюдо с жареной картошкой.

Шарлотта вскочила со стула и бросилась в кухню. Она давно поджидала благоприятного момента. За рекордно короткое время она побросала в свою корзину куски хлеба и банку с остатками черной икры. В кухню девушка прибежала со своим бокалом шампанского, словно по рассеянности. Она использовала эту уловку уже в третий раз, чтобы вылить содержимое бокала в бутылку из-под лимонада, снабженную надежной пробкой.

— Шарлотта! — позвала Лора. — Шевелись, мы тебя ждем!

Девушка прибежала в столовую, держа в руках блюдо с картофелем. Жослин не мог оторвать от нее глаз. Он раньше и не замечал, до какой

степени она красива, чувственна и грациозна. «Бог мой! Этой малышке срочно нужен муж, — подумал он. — У Эрмины в ее возрасте уже было трое детей. Не понимаю, почему Овид Лафлер не стал за ней ухаживать? Лора утверждает, что для него существует только наша дочь».

Бадетта старалась отдать должное угощению, чересчур обильному, на ее взгляд. Она была не единственной, кто так думал, поскольку пироги были очень сытными. Мадемуазель Дамасс оставила на тарелке две трети своей порции.

— Мне очень жаль, Мирей, — с улыбкой сказала она. — Должно быть, я переусердствовала с тостами с копченым лососем и черной икрой. Для меня это нечто новое, я такого никогда не ела. А сейчас я больше не могу съесть ни кусочка.

Жозеф, который с удовольствием доел бы содержимое тарелки своей соседки, счел нужным сделать то же самое. Он не хотел выглядеть в ее глазах обжорой.

— Рискую вас шокировать, мои дорогие друзья, — сказала Лора, — но остатки мы отдадим собакам. Они тоже имеют право на рождественское пиршество. Я знаю, что в этот период всеобщего дефицита мы должны быть экономными, но наши славные животные слишком отощали. Дети отнесут им еду прямо сейчас.

Никто не осмелился возмутиться или высказать свое мнение. Бадетта поморщилась, подумав о нуждающихся людях из бедных кварталов Квебека, но предпочла промолчать.

— Мама, может, перейдем в гостиную? — предложила Эрмина. — Сегодня вечером мне хочется петь. Но не церковные песни, а французские новинки. Бадетта еще не слышала песен малютки Пиаф в моем исполнении.

— Не называй ее так! — возмутилась ее мать. — Нужно говорить «Эдит Пиаф». «Малютка» звучит слишком фамильярно.

— Как скажешь, мама, — ласково согласилась она.

Шарлотта подтолкнула экономку в сторону гостиной. Она рассчитывала убрать все со стола без свидетелей.

— Мимина сейчас будет петь. Ты не должна этого пропустить, Мирей! Пусть это будет моим подарком тебе на Рождество: я приготовлю кофе, чай и все, что нужно. А ты отдыхай. Ты тоже, Мадлен, — я справлюсь без вашей помощи. Мне слегка нездоровится, поэтому лучше двигаться, чем сидеть на месте. Так я забываю о боли.

Она показала на свой живот тем многозначительным жестом, который понимали только женщины. На самом деле это было неправдой. У нее не

было никакой менструации, зато изобретательный мозг работал на полную катушку.

С ловкостью, достойной фокусника, Шарлотта обрезала начатые куски пирога и сложила их в банку, затем взяла кусок свежего хлеба, испеченного сегодня утром Мирей. К ней на цыпочках подошла Киона, держа в руках тарелку с рождественским кексом. Она прошептала:

— Ты собираешься отнести все эти вкусности Людвигу? Держи, передай ему этот кекс. Мне его не хочется. И давай побыстрее: Мирей не сидится на месте. Она утверждает, что ты не сможешь приготовить кофе так, как она, потому что это самый лучший кофе, который Лора смогла купить в Шикутими.

— Ой, да ладно! Я справлюсь с этим не хуже ее. А теперь, моя милая Киона, лучше оставь меня одну. Ты больше не должна вмешиваться в эту историю. Это слишком серьезно. Спасибо за кекс, я скажу, что это от тебя.

— Это необязательно, — вздохнула девочка. — Я бы так хотела иметь возможность передать хоть немного рождественского угощения Делсену!

С тех пор как она стала жить в Валь-Жальбере, еще ни разу это имя не срывалось у нее с губ. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержать слезы.

— Кто такой Делсен? — спросила Шарлотта, заливая кипятком кофейный порошок.

— Один мальчик из пансиона. Каждое утро я прошу Иисуса защитить его. Он сбежал, но я не знаю, смог ли он найти своих родителей. Не рассказывай о нем никому, прошу тебя!

Шарлотта посмотрела на Киону с искренним сочувствием, спрашивая себя, сколько еще тайн скрывает в себе эта странная девочка, наделенная такой необычной красотой.

— Обещаю, — ответила она. — У нас у каждой свой секрет. О! Слышишь, тебя зовет Эрмина. А я только возьму поднос для кофе и чая и тоже приду.

В гостиной Андреа Дамасс уселась за фортепьяно. Она объяснила, что любая уважающая себя учительница имеет представление о сольфеджио и может аккомпанировать на уроках пения, если родители ее учеников пожелают обучать свое чадо музыке.

— Вы сможете играть с листа, мадемуазель? — спросила Эрмина. — Смотрите, у меня есть несколько партитур. Я хочу устроить небольшой импровизированный концерт в честь всех присутствующих, а также моего мужа. Мое сердце говорит мне, что он жив и что я его увижу.

Эти слова заинтриговали Лору. Жослин тихо ввел ее в курс дела:

— Наша дочь только что мне все рассказала. Киона посредством биллокации увидела Тошана живым и невредимым.

— Бог мой! Так вот в чем дело! А я-то удивлялась, видя Эрмину такой сияющей! Спасибо, что пролил свет на эту тайну, Жосс.

— Ты не подвергаешь сомнению рассказ Кионы?

— Нет! Почему я должна это делать?

И Лора с достоинством удалилась. Мадемуазель Дамасс касалась клавиш своими короткими толстыми пальцами, Эрмина тихонько ей напевала. Гости и дети молча ожидали начала концерта. Наконец голос Соловья из Валь-Жальбера зазвучал в полную силу, по-прежнему чистый, хрустальный, чарующий.

Незаметно вы скользнули в мою жизнь,
Незаметно поселились в моем сердце.
Поначалу вы были мне подругой, сестрой,
Мы шутя говорили о счастье.
Незаметно чувство нас увлекло,
Незаметно вы заняли все мои мысли;
Мы говорили друг другу нежные, безумные слова
И увидели, как в нас рождается
Незаметно, незаметно любовь... [\[50\]](#)

Текст показался Мадлен и Лоре двусмысленным. Эрмина вполне могла бы спеть это Овиду Лафлеру. Но когда она назвала имя автора и уточнила, что во Франции песня пользуется огромной популярностью, они решили, что это просто случайность.

— А сейчас мадам Дельбо исполнит «Аккордеониста», — объявила новоиспеченная пианистка, польщенная своей значимостью. — Эта песня сделала Эдит Пиаф знаменитой.

Названия следовали одно за другим, к великой радости Бадетты, родителей певицы, Мирей и Жозефа. Столпившиеся возле елки дети не понимали смысла некоторых слов. Но они не сводили восторженных глаз с Эрмины, прекрасной в своем черном бархатном платье, со светлыми волосами, сияющими в свете люстры. Поначалу очень довольная, Шарлотта вскоре забеспокоилась: времени было уже много, а церемония вручения подарков еще не началась. К счастью, Луи зевнул и потер глаза.

— Думаю, пришло время посмотреть, что в свертках, — сказала Лора. — Наши маленькие актеры хотят спать.

— Только не я, я уже взрослый, — запротестовал Мукки. — Спой еще одну песню, мама, пожалуйста.

— Завтра, — с улыбкой ответила Эрмина. — Бабушка права, вы устали.

Киона скользнула к Шарлотте и, делая вид, что ластится к ней, тихо посоветовала:

— Тебе нужно пойти спать, скажи, что у тебя разболелась голова, а сама выйди через подвал. Я могу принести тебе корзину к низу лестницы.

— Нет, что ты, это очень рискованно!

— Что вы там замышляете? — поинтересовалась Лора. — Невежливо шептаться вдвоем, когда вокруг столько людей.

— Прости, мама Лора, — поспешила ответить девушка. — Я просто жаловалась на ужасную мигрень, а Киона меня утешала.

— А, теперь понятно! Скорее идите открывайте свои подарки!

Вопреки утверждению Жослина по их возвращении из Шикутими его супруга совершила не так уж много безрассудств.

— Я выбрала для вас сладости и то, чем заполнить долгие зимние вечера, — пояснила она.

Взрослые получили большие коробки с отличным английским шоколадом и романы в кожаном переплете. Для детей были приготовлены иллюстрированные издания книг графини де Сегюр^[51].

Лора уточнила:

— Здесь полная коллекция, и вы сможете обмениваться друг с другом.

Луи и Мукки получили каждый по мешочку со стеклянными шариками, поскольку они их коллекционировали и часто в них играли. Лоранс с восторгом обнаружила под оберточной бумагой коробку с красками и кисточками. Она бросилась обнимать Эрмину.

— Спасибо, дорогая мамочка, спасибо! — воскликнула она, еле сдерживая слезы.

Мари-Нутта любовалась набором для шитья, о котором давно мечтала. Несмотря на свой авантюрный и немного бунтарский склад характера, девочка любила вышивать и шить. Акали гладила свою книгу графини де Сегюр «Мемуары осла». Маленькая индианка аккуратно свернула оберточную бумагу и блестящую ленту и положила их в карман. Она также получила в подарок небольшую куклу с фарфоровым лицом и комплект одежды к ней. Никогда еще у нее не было такой прекрасной игрушки, и, не в силах справиться с волнением, она плакала от радости в объятиях Мадлен. Помимо книги, Киона вынула из розовой коробки нефритовую статуэтку лошади. Эту ценную вещь выбрал для нее Жослин, как бы

символизируя пони, приобретение которого было отложено.

— Я так рада! — воскликнула девочка. — Обожаю лошадей, даже если мама умерла от удара копытом. Но лошадь в этом не виновата — просто полицейский, увозивший меня, ударил ее. Лошадь испугалась, а мама как раз стояла сзади.

— Не очень удачный подарок, — тихо сказала Лора своему мужу. — Ты должен был об этом подумать!

— Но она же мечтала о собственном пони! А между лошадью и пони нет большой разницы.

— Спасибо, папа! — добавила Киона, бросаясь Жослину на шею. — Я буду хранить твой подарок всю свою жизнь! С ним я больше ничего не буду бояться.

Потрясенный ее нежным порывом, он крепко обнял дочь. У Эрмины на глаза навернулись слезы. К счастью, ее внимание быстро переключилось на других. У всех — и взрослых и детей — осталось еще по одному нераскрытому свертку цилиндрической формы. Вскоре гостиную наполнили изумленные крики и смех. Лора подарила каждому по калейдоскопу. Этот необычный предмет оказался самым удачным подарком. На несколько минут в гостиной воцарилась тишина. Слышались лишь восхищенные вздохи тех, кто смотрел в волшебную трубу.

— Какое замечательное изобретение! — воскликнула Андреа Дамасс. — На уроке я объясню детям принцип его действия.

Шарлотта решила, что это самый подходящий момент для того, чтобы покинуть развеселившуюся компанию, не вызывая подозрений.

— Мама Лора, Мимина, я едва держусь на ногах, — сказала она, отозвав их в сторонку. — Мигрень и еще кое-что... Пойду спать. В постели мне точно будет лучше. Простите меня. Поздравляю вас всех с Рождеством! Я держалась, сколько могла, но сил больше нет. Приму таблетку, выплуюсь и завтра буду как новенькая.

Она удалилась под сочувственные улыбки. Мирей, которая слишком много выпила и съела, осталась сидеть на софе с калейдоскопом в руках.

«Скорее, скорее, мне нельзя терять ни минуты!» — думала Шарлотта, поднимаясь к себе в комнату. Она поправила макияж и натянула теплые брюки, оставив юбку. «Сапоги, куртка... Я выйду через кухонную подсобку. Если не создавать шума, никто не увидит меня из гостиной. Я погасила свет в коридоре».

Она беспрепятственно спустилась в кухню, взяла тяжелую корзину и наконец оказалась на улице. На мгновение она ощутила пронизывающий холод, но ей было все равно. В своем нетерпении снова увидеть Людвига и

сконцентрировавшись только на этой цели, она не замечала ничего вокруг. «Скорее, господи, скорее! — повторяла она. — Я задыхалась дома, не могла веселиться вместе со всеми. У меня было лишь одно желание — увидеть его! Его, только его...»

Накануне снега выпало немного, и она могла двигаться достаточно быстро. Но это не помешало ей пожалеть об оставленных снегоходах. «Ну и пусть, меня ничто не остановит! В Рождество он остался один, без родителей, без своей младшей сестренки... Я иду к тебе, Людвиг, иду!»

Чем ближе она подходила, тем жарче ей становилось. Разгоряченная кровь бежала по жилам, тело наполнилось невероятной энергией. Никогда еще ее грудь не казалась ей такой твердой и набухшей, а живот таким расслабленным. Она была воплощением нетерпения, невысказанного желания.

— Я вижу мельницу! — воскликнула она. — Господи, скорее!

У нее было странное ощущение, что в нее вселилась другая Шарлотта, все чувства которой были обострены до предела. Запах елей, хотя и едва уловимый, ее опьянял. Ветер казался наполненным тысячей новых ароматов, которые он доносил лишь до нее одной с необитаемых просторов Крайнего Севера.

Возле стены ей пришлось остановиться. Только теперь она поняла, какой тяжелой была корзина. Это вызвало у нее улыбку.

«Я была словно в трансе!» — сказала она себе, уверенная, что сейчас, как обычно, из разрушенной мельницы появится Людвиг.

Но ей пришлось пройти дальше, поскольку он не показывался. С бешено бьющимся сердцем, она предположила, что он либо спит, либо сбежал. «А если его кто-нибудь обнаружил?» — ужаснулась она.

Охваченная невыносимой тревогой, Шарлотта проскользнула в первое здание, где лежал снег, поскольку там наполовину обрушилась крыша. Оттуда она осторожно приблизилась к расшатанной двери, ведущей в берлогу молодого немца. Сначала она испытала огромное облегчение: он был на месте. Но тут же ее красивое личико залила краска. Несмотря на свое смущение, она не могла ни отвести взгляда, ни отойти от двери.

Полностью обнаженный, Людвиг мылся, стоя в старом тазу и поливая себя водой из консервной банки. На его худощавом, очень белом теле местами виднелась мыльная пена. Прикрыв глаза, он, похоже, наслаждался этим импровизированным душем.

«Лучше мне отойти и подождать немного, пока он закончит и оденется, — сказала себе Шарлотта. — Иначе он будет слишком смущен».

Но она не могла сдвинуться с места, с любопытством и удивлением

разглядывая пенис Людвига — эту часть мужской анатомии, являющуюся для нее полной загадкой. Дрожая всем телом, с пересохшим ртом, она позволила буре чувств заполнить себя. «Я хочу его целовать, касаться губами его спины, живота... И я тоже хочу быть обнаженной, совершенно обнаженной!»

Эти два слова сами по себе казались ей неслыханно дерзкими, таящими в себе восхитительную нотку запрета. Женщины, которые не боялись полностью обнажаться, считались распутницами и шлюхами.

Сейчас Людвиг вытирался одной из тряпок, которые принесла ему Шарлотта. Наконец он натянул длинные хлопчатобумажные кальсоны, изъятые из запасов зимнего белья Жослина, затем майку.

«Будь что будет, я вхожу!» — решила девушка.

Тем не менее она отступила на несколько шагов от двери и покашляла.

— Шарлотта? — позвал Людвиг.

— Да, это я, — ответила она, не входя в комнату.

— Вы ждать еще! — воскликнул немец. — Ich bitte Sie darum!^[52]

Шарлотта терпеливо ждала, лукаво улыбаясь. В конце концов, в этой ситуации было что-то забавное. Она поддалась этой безудержной радости, свойственной юности, ведь она так много страдала в прошлом.

— Входите, — сказал он наконец, полностью одевшись.

Девушка вошла, стараясь сохранять серьезный вид, и поставила корзину на пол.

— С Рождеством, Людвиг, — тихо сказала она. — Я принесла вам угощение!

— Угощение? — повторил он.

Чтобы придать себе уверенности, Шарлотта показала ему содержимое своей корзины.

— Мы можем устроить настоящий рождественский ужин! В этой бутылке из-под лимонада — шампанское. Вот еще мясной пирог, хлеб, немного черной икры, рождественский кекс. Шоколад, горячий кофе...

— Спасибо, вы так добры! Это хорошее Рождество для меня. Смотрите...

Он взял ее за руку и сделал вместе с ней два шага в угол комнаты, где она увидела маленькую елочку, украшенную серебристой звездой и узелками из белой ткани. Возле елки стояли три свечи, которые уже почти догорели.

— Как красиво! — воскликнула она.

— Вы еще больше красивая, — ответил Людвиг.

Он отпустил ее руку, чтобы повесить одним из одеял дверь. От

раскаленных углей, за которыми он постоянно следил, шло приятное тепло и красивое свечение. «Как ему удалось сделать это обшарпанное помещение таким уютным?» — подумала она.

К глазам Шарлотты подступили слезы. Людвиг обладал качествами, которые она считала редкими у мужчин, и это трогало ее до глубины души. Она подошла к елке ближе. Молодой немец, должно быть, отрезал полоски от простыни, чтобы смастерить украшения. Звезду он, судя по всему, сделал из фольги, которой была обернута плитка шоколада.

— У вас есть подарок, — медленно произнес он.

Девушка обернулась. Он протягивал ей сверток из газеты. Она взяла его с глазами, полными слез.

— Почему плакать? — спросил он, нежно глядя ее лицо.

— О, потому что я люблю тебя, я так тебя люблю! — прошептала она, бросаясь ему на шею. — Людвиг, поцелуй меня прямо сейчас.

Он наклонился и прильнул к ее раскрытым губам. Она положила ладони ему на спину, чтобы сильнее прижать к себе. Их поцелуй был бесконечным. Оба возбуждались все больше, осмеливаясь на ласки, которых себе еще не позволяли. Людвиг робко коснулся груди Шарлотты, затем поясницы. Внезапно, прерывисто дыша, он отстранился.

— Нужно открыть подарок, — тихо сказал он.

— Да, конечно, — ответила девушка, разрывая газету.

Вскоре она держала в руках деревянную фигурку птицы.

— Как красиво! — восторженно воскликнула она, не понимая, где он мог достать эту вещь.

— Я сделал это для вас! Ножом. Я хочу нож для этого. Работать каждый день для вас.

Несмотря на прогресс в овладении французским языком, он часто делал ошибки. Но Шарлотте было все равно. Она с обожанием смотрела на молодого немца.

— Спасибо, это очень красиво!

— Вы не рады? — забеспокоился он.

— О! Что ты! Я так счастлива, что мне хочется плакать. Ты настоящий мастер! Я этого не знала.

Она еще раз его поцеловала, после чего увлекла к корзине.

— Ты, наверное, голоден! И больше никаких «вы» между нами! Ну же, попробуй! Скажи мне: «Шарлотта, я тебя люблю!»

Она смеялась, опьяненная счастьем, изнемогающая от желания. Должно быть, он испытывал то же самое, поскольку обнял ее и прошептал на ухо:

— Ich liebe dich!^[53]

Некоторые слова не нуждаются в переводе, возможно, благодаря интонации. Шарлотта поняла их смысл и повторила несколько раз. Она не знала, до какой степени была обольстительной в этот вечер, со своей пышной грудью под облегающей кофточкой из красной шерсти и своим хорошеньким оживленным личиком, с которого не сходила счастливая улыбка. Ее влажные, припухшие от поцелуев губы так и манили к себе, а карие глаза были особенно выразительными.

Сидя вокруг таза, наполненного пламенеющими углями, они выпили шампанского из одной оловянной кружки, которую принесла Шарлотта. Людвиг съел немного хлеба и попробовал рождественский кекс, но, казалось, у него совсем нет аппетита.

— Что с тобой? — спросила девушка.

Он пристально смотрел на нее. В его серо-голубых глазах она прочла, какое сильное желание вызывает в нем. Тем не менее он был нежен и почтителен. Она знала, что он ни к чему не будет ее принуждать.

Словно во сне, она молча кивнула и протянула к нему руки. Людвиг помог ей встать и повел к своей импровизированной кровати. Шарлотта старалась ни о чем не думать, чтобы не испугаться. Вскоре она уже лежала рядом с молодым немцем, по воле судьбы оказавшимся здесь, в Валь-Жальбере.

— Красивая, такая красивая, — шептал юноша ей на ухо.

Он уже расстегнул ее красную кофту и бюстгальтер. Впервые в жизни мужские руки касались ее груди, обхватывали ее и сжимали. Потом обжигающие губы с языком приникли к ее темным соскам и принялись целовать их и посасывать. Она забыла обо всем на свете, чувствуя, как по всему телу разливается волна наслаждения. Все было словно в тумане. Единственное, что она ощущала, — это горячий лоб Людвига, касающийся ее груди. Он ее уже частично раздел, и ей не терпелось тоже дотронуться до него, ощутить прикосновение его тела.

— Я люблю тебя, люблю, — бормотала она. — Прошу поцелуй меня!

Он подчинился и, оставив грудь, впился в ее губы. Его поцелуи становились все более лихорадочными, страстными. Внезапно Шарлотта оттолкнула его, чтобы самой снять с себя сапоги и юбку. Тяжело дыша, он встал на колени, чтобы насладиться восхитительным зрелищем, которое она ему предоставила, подняв широкую юбку и обнажив ноги в серых чулках. С вызывающим видом она приспустила свои шелковые трусики. Он замороженно провел пальцем по атласной коже с розовыми полосками от пояса для подвязок.

Они больше не разговаривали, отдавшись во власть этой сладострастной бури, сделавшей их глухими и слепыми к окружающему миру.

Шарлотта снова легла, раздвинув бедра. Она столько ждала этого момента. С пятнадцати лет ее темпераментная натура не давала ей покоя. Если бы она не была так отчаянно влюблена в Симона Маруа, то давно бросилась бы в объятия первого встречного мужчины. Но этой рождественской ночью, несмотря на полный сумбур в голове, она была рада, что досталась Людвигу девственницей.

Он ласкал ее тело совсем рядом с сокровенным местом. По-прежнему деликатный и терпеливый, он использовал руки и губы, чтобы воздать должное этому красивому телу, поклоняясь его нежности, бархатистости и страстности. Когда он коснулся маленького бугорка любви, спрятанного у каждой женщины в сердце драгоценной чаши, Шарлотте показалось, что она сейчас лишится рассудка. Никогда она не представляла себе, что можно испытывать такое удовольствие, почти нечеловеческое, близкое к божественному, таинственному. Наконец приблизившись к ощущению полета, она осознала внутри себя невероятную пустоту, которую мог заполнить только Людвиг.

— Иди ко мне, иди! — взмолилась она. — О, иди!

Эта настойчивая потребность в нем вновь вернула ее к реальности, и она осмелилась посмотреть на него. Он тоже был почти обнажен. На нем осталась лишь рубашка. Девушка заметила его набухший пенис и растерялась. Это не имело ничего общего с тем, что она видела совсем недавно, когда Людвиг мылся.

— Я девственница, — жалобно сказала она.

— Тогда нет, — растроганно ответил он. — Нет, не надо. Так неправильно...

— О! Нет, я хочу, прошу тебя! Иди ко мне!

Шарлотта схватила его за плечи и вынудила лечь на себя. Ее правая рука неуверенно нащупала эту мужскую часть тела, о которой она ничего не знала. Когда она коснулась ее пальцами, Людвиг застонал. Он больше не сопротивлялся и тут же попытался проникнуть в нее. Но это было не так просто. Ее напряженная девственная плоть перекрывала проход.

— Не бойся, — прошептал он. — Тебе больно?

— Да, немного, но все же продолжай, — попросила она.

Он желал ее до крика и уже не мог остановить процесс, взбудораживший все его тело. Но Шарлотта, лишенная опьяняющего удовольствия, больше всего хотела избавиться от своей девственности,

пусть даже путем страданий. «Похоже, это больно, — подумала она. — Девчонки на заводе в Монреале как-то разговаривали об этом. Я молча слушала их, поскольку такого опыта у меня не было. Но это всего лишь неприятный момент, который нужно пережить!»

Людвиг склонился над ее животом. Опешив, Шарлотта собралась уже отстранить его рукой. Она вздрогнула, когда он принялся целовать ее там, словно речь шла о поцелуе в губы. Не зная, куда деться от смущения, с пылающими щеками, она закрыла лицо рукой. Ее наполнило чувство острого, доводящего до безумия удовольствия.

— Да, да, да, — монотонно бормотала она, словно молитву.

Как только она выгнулась навстречу ему с затуманенным взглядом, он сменил позицию и направил свой пенис между ее бедер. На этот раз он был настойчивее, несмотря на вырвавшийся у нее крик. Его воля, усиленная исступленным желанием обладания, позволила ему прорваться сквозь хрупкую преграду.

— Прости, прости, милая! — бросил он, погружаясь в нее.

После этого он замер, закрыв глаза и прерывисто дыша. Шарлотта всхлипывала от боли и разочарования. Ей сейчас было слишком плохо, чтобы надеяться на малейшее наслаждение. Людвиг вышел из нее и лег рядом.

— Не надо плакать, — повторил он. — Прости меня.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы успокоиться. Постепенно она придвинулась к нему, испытывая почти детское желание быть утешенной. Людвиг гладил ее, осыпая легкими поцелуями лоб, влажные веки, щеки и волосы.

— Прости, — снова сказал он.

— Ты не виноват, — вздохнула она. — Просто я думала... я думала, что все будет по-другому, что я буду счастлива до смерти.

Он не ответил, думая о том, как успокоить ее и приободрить. Ему не хватало слов, поэтому в итоге он перешел на немецкий язык. Шарлотта ничего не понимала, но нежный и пленительный голос ее любовника действовал на нее успокаивающе. Внезапно он прильнул к ее губам, и она вновь ощутила опьянение от этих объятий, не приносящих боли. Людвиг снова воспламенился. Он повторил каждую ласку, жадно касаясь ее налитой груди, нежного живота, наслаждаясь сладким вкусом ее тела. Несколько секунд спустя он вошел в нее с хриплым криком. Не пытаясь его остановить, смирившись с неизбежным, Шарлотта вдруг поняла, что у нее больше нет неприятных ощущений. Медленные и размеренные движения твердого горячего пениса очень скоро начали странно действовать на ее

тело. Оно податливо принимало их. Людвиг внимательно вглядывался в ее лицо, подстерегая малейшие реакции. Когда ее дыхание участилось, а взгляд стал отрешенным, он сделал над собой усилие, чтобы задержать собственный оргазм.

— О! О! — удивленно стонала она.

— Не больно? — спросил он, переводя дыхание.

— Нет, нет, продолжай... Еще, да, еще!

После этого признания Шарлотта полностью отдалась своим ощущениям. Она положила руки на бедра своего любовника, чтобы побудить его двигаться быстрее и глубже. Словно пьяная, она поворачивала голову то влево, то вправо, восхищенная волнами удовольствия, которые продолжали расти, поднимая ее к небесам. Ей казалось, что она растворяется в пространстве, при этом сохраняя остроту ощущений каждым нервом своего тела. Ее грудь словно жила сама по себе, наполненная соком любви. Ее ноги дрожали. И внезапно, унесенная вихрем блаженства, достойного райского, она едва не лишилась чувств.

Людвиг ощутил состояние транса, когда она забилась и закричала, приоткрыв рот. Он резко навалился на нее, сотрясаемый долгими спазмами наслаждения. Какое-то время они лежали, прижавшись друг к другу, даже не думая о том, чтобы разделиться.

«Это было то, о чем я мечтала!» — подумала Шарлотта чуть позже. Она почувствовала, что больше не сможет обходиться без этого волшебного слияния тел и душ. Любовь, наполнявшая ее, выходила за пределы моральных норм, она была в этом уверена. Хотя она и стала женщиной, но еще ничего не знала о силе плотской связи, об инстинктивной привязанности, рождающейся от разделенного удовольствия.

— Я люблю тебя, — снова сказала она. — Я никого еще так не любила.

— А я люблю тебя еще больше, — отрезал Людвиг, целуя девушку.

Шарлотта смотрела на него, пьяная от счастья. Она разглядывала его тонкие черты лица, светлые волосы, красиво очерченные губы. Для нее он был единственным мужчиной на земле.

— Это Рождество — самое лучшее в моей жизни, — прошептала она.

Глава 14

Вдали от родины

Валь-Жальбер, пятница, 25 декабря 1942 года

Переполненная неизведанным ранее ощущением счастья и одновременно испытывая вполне обоснованную тревогу, Шарлотта направилась в сторону дома. Было шесть часов утра; скоро начнет светать. Она двигалась вперед почти наугад, поскольку шел очень сильный снег — настоящая завеса из густых хлопьев, подгоняемых ледяным ветром.

«Если мне повезет, Мирей еще будет спать, — думала она. — Мне следовало уйти раньше, но я не могла». Она с нежностью улыбнулась, вспомнив, как было приятно лежать рядом с Людвигом, в уютном гнездышке под одеялами. Они долго разговаривали короткими фразами, смешивая французский и английский. Несмотря на свои опасения быть замеченной экономкой, Шарлотте не терпелось скорее вернуться к своему любовнику.

«Он прав. Мне лучше приходить к нему днем. Я могу придумать что-нибудь, например какую-либо работу в Шамборе или в Робервале. А еще я хочу провести с ним целую ночь!»

При каждом шаге по свежевывавшему снегу тело напоминало ей о любовных утехах, которым она предавалась ночью. Ноги были усталыми и слегка болели, словно она прошла много километров.

— Господи, прости меня, но я люблю его, я так его люблю! Оставь мне его, прошу!

Шарлотта, устав, на секунду остановилась. Внезапно ее охватил гнев. Зима только началась, впереди были сильные холода, суровые морозные ночи. «Я не смогу каждый день ходить к Людвигу. Мне не нужно было отдавать свой дом Эрмине! У меня есть свое собственное жилье, а я не могу им воспользоваться! Если бы я жила одна в «маленьком раю», как его окрестили дети, я могла бы там прятать своего любимого и заботиться о нем».

Ей хотелось плакать от досады. Все было бы намного проще, если бы молодой немец поселился у нее. «У него была бы своя комната, хорошо отапливаемая. Никто не заподозрил бы его присутствия. Днем я закрывала

бы его на ключ, а вечером мы могли бы вместе ужинать и спать в нормальной кровати. Что же мне делать? Эрмина не поймет меня, если я передумаю и потребую назад свой дом, чтобы жить в нем одной».

Шарлотте пришлось признать, что решения этой проблемы нет. Она успокаивала себя, вспоминая поцелуи Людвига и его нежность. Он умел быть очень нежным, опьяняя ее милыми словами. Благодаря ему она чувствовала себя красивой и желанной.

«Я ни о чем не жалею, нет! Сначала мне было очень больно, но потом... просто волшебно, да! В третий раз я чуть не потеряла сознания от удовольствия». Некоторые подробности их последних объятий заставили ее покраснеть. Мороз мог быть сколь угодно сильным: внутренний жар согревал ее.

— Мой любимый, мой дорогой мужчина! — прошептала она. — Самое ужасное испытание для меня — это то, что я не смогу прижаться к тебе, обнаженной, Сегодня вечером.

Шарлотта продолжила свой путь, полная решимости обмануть весь мир. Но когда она наконец добралась до дома Шарденов, ее ожидал неприятный сюрприз: дверь кухонной подсобки была заперта на ключ. Девушка пришла в ужас.

«Бог мой, почему? О нет, только не это!»

Это была расплата за ее вчерашнюю поспешность. Обычно она уходила из дому, когда все уже спали глубоким сном, поэтому, возвращаясь, спокойно попадала внутрь. «Должно быть, Мирей заперла дверь перед тем, как лечь спать, — сказала она себе, охваченная паникой. — Боже милостивый, я пропала!»

В этот момент из кухни донеслись звяканье кастрюли и сухой кашель. «Мирей уже встала! Что же мне делать?!»

Напуганная до смерти, Шарлотта с тревогой посмотрела на корзину, которую держала в руках. «Я могу постучать и сказать, что относила остатки еды собакам. Нет, дети наверняка сделали это вчера вечером, прежде чем отправиться в кровать... В таком случае я скажу Мирей, что у меня есть любовник, что я назначила ему свидание в сарае с пони... Нет, это глупо. Она не станет меня прикрывать. Она расскажет Лоре и Жослину, что меня не было дома всю ночь».

По ее лицу струились слезы. Внутренний жар, оберегавший ее от мороза во время утомительного пути от мельницы до дома, уступил место ледяному холоду. Она продрогла всего за несколько секунд. «Господи, соверши чудо, сжался надо мной, над всеми влюбленными! Может быть, главная дверь не заперта на ключ?»

Не переставая молиться и всхлипывать, Шарлотта обошла внушительное строение в отчаянной надежде проникнуть в дом незамеченной. Но ее ждало очередное разочарование: дверь на крыльце также была закрыта. «Что мне делать, Господи, что делать?»

Дальнейшее развитие событий ее пугало. У нее не оставалось выбора, как попросить экономку открыть ей дверь, и это будет позор... Оскорбительные вопросы Лоры о ее ночной вылазке...

«Главное — отвести подозрения от Людвига, — решила Шарлотта. — Тем хуже для моей репутации, пусть обо мне говорят что угодно. Придется выдумать любовника, который приезжает за мной на машине и отвозит в отель в Роберваль. И плевать мне на свою честь!»

Хранить честь — это значило лишить себя умопомрачительных радостей, которые дарит физическая любовь. Шарлотта достаточно настрадалась от своего целомудрия, чтобы с легкостью расстаться с надоевшими принципами и условностями. Она сделала глубокий вдох, чтобы придать себе смелости, и уже собралась вернуться назад и постучать в дверь кухонной подсобки. Возможно, ей повезет, и она сможет разжалобить Мирей и попросить ее молчать.

Характерный щелчок заставил ее замереть на месте. Кто-то повернул ключ в замке. «О! Нужно скорее уходить! Если это папа Жосс, я точно пропала!»

— Шарлотта, подожди, — раздался чей-то тихий голос.

Дверь приоткрылась, и в нее просунулась встревоженная мордашка Кионы. Девочка запуталась в занавеске из шерстяного сукна, прикрывающего вход от сквозняков.

— Быстро поднимайся в свою комнату. А я побегу в кухню и скажу Мирей, что меня тошнит.

Чудо произошло! Шарлотта не стала выяснять, что здесь делает Киона, которая обычно ночевала у Эрмины.

— Спасибо, милая моя, спасибо, — прошептала она, не в силах поверить, что опасность миновала.

— Тише! Пока я не войду в кухню, не шевелись.

Девочка тоже выглядела встревоженной. Шарлотта помогла ей закрыть дверь. Она проследила за ней взглядом, пока та шла по коридору, затем услышала ее жалобные стоны:

— Мирей, у меня болит живот, я хочу пить!

Сняв сапоги, Шарлотта бросилась к лестнице. Она нырнула в свою комнату и с удивлением перевела дух.

— Мой милый ангелочек! Киона, клянусь, я всю жизнь буду помнить,

что в долгу перед тобой!

Не в силах до конца поверить, что все закончилось хорошо, девушка села на край кровати. Затем, придя в себя, она поспешно разделась, натянула пижаму и нырнула под одеяло. Странно, но на некоторое время она забыла о Людвиге, думая о Кионе. Было что-то необычное, магическое в поведении ребенка. За три года Шарлотта ни разу не задалась вопросом о так называемых способностях девочки. А ведь Эрмина часто ей о них говорила. «На самом деле я в это не верила. Иногда мне даже казалось, что все это было лишь случайностью, что она никак не могла перемещаться в пространстве, быть одновременно в двух местах. Кто способен поверить в подобное?»

Чем больше Шарлотта об этом думала, тем сильнее становилась ее уверенность в том, что Киона действительно обладала особым даром, не поддававшимся никакой логике. «Словно фея из сказок, которые я читала в детстве. Всегда появляется в нужное время, в нужном месте. Красивая, лучезарная, беспокоящаяся о счастье своих подопечных. Господи, я схожу с ума! Фей не бывает, увы! Но как Киона узнала, что я стою под дверью? Эрмина и Мадлен утверждают, что у нее бывают видения и предчувствия... Это означает, что она почувствовала мое отчаяние и проснулась, чтобы помочь мне? Мне также кажется, что этот маленький ангел подтолкнул меня к Людвигу, что она была готова на любые уловки, лишь бы я была с ним. Почему?»

Навалившаяся усталость положила конец всем этим вопросам, толпящимся в голове Шарлотты. После бессонной ночи и всех пережитых волнений она погрузилась в сон.

В кухне Мирей в халате обеспокоенно смотрела на Киону. Она дала девочке стакан воды с кленовым сиропом.

— Тебе лучше? Я уже не пойду спать. Я ведь встала, чтобы тоже попить воды. А теперь мне придется начать работу на час раньше, да еще и в Рождество.

— Прости меня, Мирей! Мне очень жаль, — грустно сказала Киона. — Но у меня так разболелся живот! А Луи во сне издает какие-то звуки, меня это немного напугало.

— Тебе следовало послушать Эрмину и вернуться вместе с ней в «маленький рай». У тебя там свои вещи, привычки. Здесь тебе не так комфортно.

— Я знаю. Но мой отец хотел, чтобы я провела эту ночь в его доме.

— В его доме! — насмешливо повторила экономка. — Мадемуазель

разговаривает как принцесса! Скорее уж в доме мадам! Все, теперь беги и ложись в кровать.

Киона послушно покинула кухню, еще раз поблагодарив Мирей. Растроганная женщина приготовила себе чашку черного кофе. «Бедная малышка! Непонятно, откуда месье и наша Мимина берут эти истории с видениями, даром и прочей дребеденью. Их Киона — всего лишь славная девочка с красивой улыбкой».

Даже не подозревая о том, что ее только что ловко одурачили, Мирей пожалала плечами. А славная девочка тем временем устало поднималась по лестнице, засыпая на ходу. Утомительное это занятие — быть доброй феей!

Лагерь Бухенвальд, тот же день

Симон не знал, который час, но надеялся, что уже больше полуночи. Даже здесь, в этом аду, все знали, что сегодня Рождество. Старший сын Маруа взглянул на свою руку, туда, где раньше — в другом мире, в другое время — он носил часы. Рука была костлявой, с выпирающими костяшками. За один месяц он потерял десять килограммов.

«Черт побери! Сколько я так еще протяну!» — выругался он про себя только ради того, чтобы ощутить жалкое удовольствие от воспоминания бранных слов своей родины.

До сих пор он не осознавал, до какой степени любит родной Квебек. Лежа на настиле из досок, служащем ему постелью, прикрыв исхудавшее тело тонким одеялом, он закрыл глаза и стал с тоской вспоминать родные места. Этой ночью у него будет только такой подарок: картинки из прошлого, которое теперь стало ему дороже всего на свете, включая самые тяжелые моменты. «Когда я вижу себя, готового повеситься в тот ужасный день, когда умерла мама, я говорю себе, что я несчастный глупец, дурак. Сейчас я ни за что такого не сделал бы! Бог мой, если бы я только знал! Господь всемогущий, помоги мне, вытащи меня отсюда!»

На его глазах выступили слезы, которые он раздраженно вытер. Розовый треугольник, нашитый на его полосатую куртку, сразу поместил его в разряд местных отбросов. Другие заключенные презирали его и не стеснялись свое презрение показывать. Но все это Симон мог бы выдержать.

В своем отчаянном усилии забыть зловонный барак, холод и голод он стиснул зубы. «Я в Валь-Жальбере! Не здесь! Здесь даже снег грязный. Не такой, как у нас! В это время года колоколенка монастырской школы,

которая видна из окна нашей кухни, наверняка накрылась белой шапкой. А отец? Чем он, интересно, занимается? Черт, он наверняка считает меня мертвым, как Армана. Нет, папа, я еще не сдох, но это не за горами».

В грузовике, куда их затолкали немецкие солдаты, Хенрик поспешил ему все объяснить вполголоса, пока не получил прикладом в лицо.

«Гиммлер объявил гомосексуалистов чумой, которую нужно истребить. До войны нас сажали в тюрьму на долгие годы. Сейчас, думаю, просто пристрелят, как больных животных».

Симон в этом сомневался даже после того, как их с Хенриком разлучили, когда в переполненном вагоне поезда среди других заключенных везли в лагерь Бухенвальд. Но, прибыв на место, он все понял. Капо^[54] резкими интонациями и жестами направил его к деревянному барaku. Слева от двери были свалены в кучу изможденные трупы в полосатой одежде. Никто не обращал на них внимания.

«Подлый капо! Будь он проклят!» — повторял юноша, не в силах сдержать глухое рыдание. Здесь называли так заключенного, который имел власть над остальными, но при этом отвечал за выполнение возложенных на него обязанностей ценой собственной жизни. Капо пользовались привилегиями, но в итоге их нередко убивали наряду с другими.

«Мой бедный папа! Ведь я порой ненавидел тебя за твою жесткость и суровость! Господи, да ты был ягненком в сравнении с этими бешеными псами, которые за нами следят: бригадиры каменоломни и эти чертовы охранники СС! Если бы я рассказал тебе, что видел с тех пор, как нахожусь здесь, со своим розовым треугольником на груди, даже не знаю, поверил бы ты мне. Нормальному человеку такое трудно вообразить...»

Симон очень быстро понял, что условия работы бесчеловечные. Несчастные случаи, приводившие к смертельным травмам, были в порядке вещей. Каждый день один или несколько заключенных не возвращались в свои бараки: их расстреливали после того, как капо передавал дежурным солдатам список тех, от кого следовало избавиться.

«Сегодня они убили Марсея, который был почти ровесником моего отца. Только за то, что он потерял сознание от слабости!» Симон не мог избавиться от образа изможденного мужчины, лежащего в луже крови. Он стоял всего в двух метрах, когда в несчастного выстрелили, и ему показалось, что эти пули пробили его собственную плоть. После едва заметных судорог, длившихся несколько секунд, жизнь француза Марсея, также отмеченного позорным треугольником, завершилась здесь, в Бухенвальде. Измученное лицо среди тысяч таких же лиц... «Он был хорошим человеком! Поэтом! Еще вчера он рассказывал мне о своей жене,

сыне и внучке Ноэми, которой исполнится пять лет на Новый год».

Ряды решеток и колючей проволоки, а также сторожевые вышки на фоне серого неба давали понять, что убежать отсюда невозможно. Симон цеплялся за свою жизнь. Он так боялся умереть, что ему снились кошмары. Был лишь один способ унести от этого места как можно дальше — мечтать, вспоминать свою страну и дорогих людей, которых так ему не хватало.

Прекрасный взгляд лазурно-голубых глаз рассеял гнетущий сумрак, затем появились розовые щеки и женская улыбка, полная сострадания, — драгоценное видение, наполненное мягкостью и нежностью. «Мимина, сестренка моя, милая подруга! Думаешь ли ты обо мне? Сегодня рождественская ночь, ты проснешься в Валь-Жальбере, нашем городке-призраке. Мирей приготовит тебе кофе или чай. Твои родители соберутся в гостиную, вокруг большой елки, сияющей огнями. Как вы там все поживаете?»

Крупные слезы текли по изможденному лицу Симона. Ему показалось, что он слышит робкий смех своей младшей сестры Мари, с которой никогда не был особенно близок.

«А ты, Эдмон, малыш Эдмон! Надеюсь, что ты в безопасности в своей семинарии или в каком-нибудь коллеже по другую сторону этого проклятого океана. Если ты носишь сутану, понятно, что ты не продолжишь род Маруа, но, по крайней мере, ты будешь жить! Каким же ты был красивым парнишкой! Вылитый портрет мамы: кудрявые волосы, такие же светлые, как у нее, и ямочка на подбородке... Мама, моя милая мамочка!»

Он впился зубами в тыльную сторону ладони. Перед глазами возникла Бетти, совсем молоденькая... Жозеф тогда работал на заводе. В ту пору дом на улице Сен-Жорж всегда был чистым, теплым и словно пропитанным ароматом овощного супа и теплых оладий, посыпанных сахаром.

«О! Каким прекрасным было Рождество, когда мы подарили Мимине проигрыватель! Эд не мог усидеть на месте. Мама занималась стиркой с самого утра. Мимина тогда окончательно поселилась у нас. Для нее мы переделали гостиную в спальню. Она была очень удивлена, получив такой подарок. После ужина мы слушали пластинки с рождественскими песнями».

Он невольно застонал. Тут же послышался хриплый голос:

— Эй! Канадский педик, хватит хныкать! Еще немного, и ты позовешь мамочку! Хочешь, я утешу тебя, моя цыпочка?

Это был Густав, баварец, помеченный зеленым треугольником^[55]. Он

бегло говорил по-французски, поскольку вырос возле Страсбурга. Он мечтал только об одном — получить статус капо, чтобы спасти свою шкуру. Само воплощение грубости, он при малейшей возможности демонстрировал свою ненависть к педерастам, как он называл гомосексуалистов. Подчиняясь инстинкту самосохранения, обостренному слухами, переходящими из барака в барак, Симон попытался защититься, утверждая, что стал жертвой ошибки. Уже на второй день после своего прибытия он громко заявил своим соседям по бараку, что он не должен был носить розовый треугольник.

— Фрицы ошиблись, говорю вам, — утверждал он. — Я люблю девушек, красивых девушек с округлостями там, где надо, и у меня их было немало!

Некоторые были склонны верить этому высокому парню с фигурой атлета. Но только не Густав, который постоянно называл его канадским педиком и передразнивал его акцент.

— А может, ты плачешь по Марселю, этому старому педерасту? — не успокаивался баварец. — Он доставлял тебе удовольствие, моя маленькая киска?

Внезапно Симон вскочил со своих нар. Было темно, но он уже привык к темноте. Он слышал звуки музыки, доносившиеся издалека. Врачи и коменданты лагеря, должно быть, праздновали Рождество без всякого зазрения совести — эти палачи, дьяволы во плоти...

— Лучше тебе заткнуться, — пригрозил старший Маруа. — И оставь меня в покое, иначе я заставлю тебя замолчать навсегда как-нибудь ночью. Тебе недостаточно, что все мы обречены подохнуть здесь один за другим десятками, сотнями? Во имя чего? Интересно знать, чем ты заслужил свой зеленый треугольник? Если я педик, то ты, возможно, изнасиловал какую-нибудь девчонку или убил свою жену.

— Тише вы, — шикнул на них по-польски другой заключенный.

Густав беззвучно поднялся. Симон скорее угадал массивный силуэт, метнувшийся к нему. Он получил удар, затем еще, дав наугад сдачи. Их растащили, опасаясь прихода капо или его заместителя.

«Вот он, ад на земле, — подумал молодой человек, снова вытягиваясь на своих нарах. — Мама, я попал в ад. Молись за меня, мама...»

Валь-Жальбер, тот же день

Семейство Шарден отправилось в Роберваль на мессу. Жослин повез

туда свою супругу и сына Луи, а также экономку и мадемуазель Дамасс, пекущуюся о спасении своей души.

Но Эрмина отказалась ехать с ними, Бадетта тоже. Несмотря на то что была верующей, журналистка предпочла остаться в тепле большой гостиной, сияющее убранство которой ей очень нравилось.

В отсутствие хозяев и бойкой Мирей роскошный дом, казалось, дремал, совсем как Шарлотта, которая до сих пор спала, и Лора решила ее не трогать, думая, что она заболела.

— Как замечательно, моя дорогая подруга, что вы пришли выпить со мной чаю! — сказала Бадетта Эрмине. — А как же ваши дети?

— Мадлен прекрасно с ними справляется. К тому же они уже все погрузились в чтение книг графини де Сегюр. Я хотела переговорить с вами без посторонних ушей. Это идеальный момент.

Они сидели друг напротив друга за круглым столиком. От елки исходил приятный аромат, светящиеся гирлянды наполняли комнату разноцветными бликами. Из носика чайника поднималась струйка ароматного пара.

— Я принесла из кухни бисквиты, — продолжила Эрмина. — Какая тишина!

— И правда, здесь так уютно! Так о чем вы хотели меня спросить? Ручаюсь, что это связано с моей будущей статьей об этих ужасных пансионах.

— Все нет. Мы к этому перейдем, но чуть позже. Бадетта, вы будете второй, кто об этом узнает: моя подруга Мадлен уже в курсе. В апреле, или даже раньше, я собираюсь поехать во Францию. Октав Дюплесси, мой импресарио в Квебеке, настаивает на этой поездке.

— Как это, настаивает?! Это чистой воды безумие! Париж и вся Франция находятся в руках немцев. Эрмина, у вас трое детей, вы же не собираетесь покинуть это безопасное место, чтобы броситься в пасть к волку, простите за такое сравнение? И потом, навигация откроется только весной.

— Я полечу самолетом из Нью-Йорка. Бадетта, я могу на вас положиться?

— Ну разумеется!

— Мне удалось связаться с моим бывшим импресарио Октавом Дюплесси по номеру телефона, который он написал на оборотной стороне поздравительной открытки. Казалось бы, самое обычное поздравление, но что-то мне показалось странным. И я была права, поскольку завуалированными фразами он объяснил мне, что я должна обязательно

приехать к нему в Париж. Это связано с Тошаном! Вы ведь знаете, что во Франции организуется Сопротивление, с подачи Шарля де Голля и благодаря помощи Лондона. Мой отец утверждает, что этот военный — достойнейший человек, который борется за свободу своей родины. В общем, вопрос решен, я должна ехать и хотела бы попросить вас сопровождать меня. Разумеется, я оплачу все ваши расходы. С вами я буду чувствовать себя менее одиноко. К тому же вы француженка, мне это поможет.

Ошеломленная, журналистка налила себе чаю. От ее душевного спокойствия не осталось и следа.

— Я считаю, что все это абсурд, Эрмина. Подумайте: Канада воюет с Германией. Вас будут рассматривать как врага нацистов, если ваша личность раскроется. Я бы очень хотела оказать вам услугу, поддержать вас, но... я не могу принять ваше предложение. И потом, у меня работа. Директор «Пресс» не даст мне отпуск, особенно в такое время. Милая моя, откажитесь от этой затеи, умоляю вас! Это просто безумие, других слов я не нахожу.

Эрмина была готова к такой реакции. Она не обиделась. Эта поездка казалась ей одновременно близкой и далекой, а также несколько нереальной.

— Тогда, раз уж вы пробудете здесь до Нового года, посоветуйте мне что-нибудь. Как разговаривать с вашими соотечественниками, где поселиться в Париже...

— В этом я вам с удовольствием помогу. Но когда ваши родители узнают о ваших планах, они сделают все, чтобы помешать поездке, и будут правы. Этому Дюплесси хотя бы можно доверять? Почему вы думаете, что он как-то общается с вашим мужем?

Эрмина задумалась. Ее действия основывались на двусмысленных словах, которые импресарио произнес со странной, настойчивой интонацией.

— Октав сумел пробудить мое любопытство и одновременно предупредить, — пояснила она, прежде чем откусить от одного из бисквитов с нежным медовым вкусом. — Он сказал, что во французских лесах живут забавные птицы и что мое пение сможет их приручить.

— Бог мой, но это же полная чушь!

— Только не для меня! Леса вокруг Перибонки были владением Тошана, который называл меня своей певчей птичкой. Что касается слова «приручить», признаю, с ним я не разобралась.

Они замолчали, погрузившись каждая в свои мысли. В большой

чугунной печке потрескивал огонь. За стеклами кружились мелкие хлопья снега. К утру сильно подморозило и снег стал легким, как бы хрустальным.

— Я поговорю об этом с родителями после обеда, — решила Эрмина. — Мне нужно, чтобы они одолжили мне денег. Мама, конечно, будет кричать и охать, но в итоге она согласится на это безумие, как вы говорите.

Бадетта пригладила свои светло-русые волосы кончиками пальцев. Одетая в теплое шерстяное платье с цветными узорами, она, тем не менее, зябла, но главное, ей было не по себе.

— Милая моя, прошу вас, откажитесь от этой безумной поездки, — снова сказала она, стараясь быть убедительной. — А что, если вы из нее не вернетесь? Что станет с вашими детьми и малышкой Кионой, которую вы так нежно любите? Если бы Тошан был в курсе, он бы запретил вам пересекать океан! Франция переживает смутные времена, травля евреев усиливается, правительство Виши пресмыкается перед немецким сапогом. Господи, если я буду знать, что вы уехали в Париж, я этого не переживу!

— Певица может ездить по миру, не вызывая подозрений, — ответила молодая женщина, начиная выходить из себя. — Октав Дюплесси наверняка просчитал все риски. Он не стал бы просить меня приехать, если бы мне грозила опасность.

— Вижу, что вы не измените своего мнения. Храни вас Бог!

— Я готова на все, лишь бы увидеть Тошана. Мне так его не хватает! Интуиция подсказывает мне, что, как только я окажусь во Франции, быстро его найду.

— Если бы все солдатские жены вам подражали, Гитлеру пришлось бы опасаться высадки грозного женского десанта, — пошутила журналистка. — Дорогая моя подружка, как же вы меня расстроили! Решиться на такую авантюру!

Эрмина мечтательно улыбнулась. В глубине души она понимала, что ступает на путь, полный опасностей, но ей нужно обязательно победить, чтобы быть достойной любви своего мужа. «Я искуплю свою вину, когда полечу к нему, преодолев все преграды, — воодушевленно думала она. — Мне не следовало увлекаться Овидом, как выразилась моя мама. Я предала Тошана, когда кричала от удовольствия под ласками другого мужчины. Но я докажу ему, что мы неразлучны, что он мой муж на веки вечные».

Бадетта наблюдала за подругой, любуясь ее красотой и грациозностью движений. Металлический звук, донесшийся из кухни, заставил ее вздрогнуть.

— Вы слышали, Эрмина? Что это? Ведь внизу никого нет!

— Оставайтесь здесь, я схожу посмотрю.

— Прошу вас, будьте осторожны! Ваша экономка днем не запирает дверь на ключ. Кто угодно мог проникнуть в дом!

Эрмина была уже в коридоре. Из кухни снова послышался шум, словно кто-то звякал железной посудой.

— Шарлотта? — удивилась Эрмина. — И как давно ты спустилась? Что за манеры! Ты должна была зайти в гостиную и поздороваться с нами.

— Нет, я ужасно выгляжу. Ночью мне было плохо. Посмотри, я в халате и у меня синяки под глазами. Не хочу, чтобы твоя подруга Бадетта видела меня в таком состоянии! Мне захотелось выпить чего-нибудь горячего, но только не чай и не кофе. Я готовила себе какао.

— Ты действительно выглядишь плохо. Тебе следовало позвать меня, я принесла бы тебе все, что нужно.

Растрепанная Шарлотта хлопотала, дрожа всем телом. Не осмеливаясь взглянуть в лицо Эрмине, охваченная паникой, она наконец заявила:

— Предупреждаю сразу: даже не думай просить меня сопровождать тебя во Францию. Я никогда не сяду в самолет и придерживаюсь мнения Бадетты, что здесь, в Валь-Жальбере, мы в большей безопасности.

— Ты что, подслушивала?

— Я не нарочно. Ты говорила достаточно громко, я слышала тебя даже с лестницы. Мимина, я же не могла заткнуть уши!

— Какая же ты дурочка! Я и не собиралась увозить тебя отсюда, девочка. Бадетта — совсем другое дело. Я предложила ей поехать, потому что она француженка и журналистка.

— Я не девочка, — простонала Шарлотта. — Боже мой, ни секунды покоя! У меня болит живот, поднялась температура, и у меня даже нет своей кухни, чтобы приготовить себе какао! О, это просто наказание божье — жить не в своем доме!

Это жалобное причитание ошеломило Эрмину. Она тут же ощутила себя виноватой в том, что заняла дом своей подруги.

— Да что с тобой, Шарлотта! Сегодня Рождество, а ты в таком мрачном настроении! И упреки твои беспочвенны, ведь ты сама решила поселиться здесь, у моей матери. Можешь успокоиться: в таком случае мой скорый отъезд тебе только на руку. Пойдем выпьешь свое какао в гостиной, и мы все обсудим.

Заинтригованная, Шарлотта позволила себя увести. Ей уже было очень стыдно за свое поведение. Однако, едва проснувшись, она начала скучать по Людвигу, с горечью представляя его рядом с собой, обнаженного, страстного, ласкового.

— Итак, в связи с моим предполагаемым отсутствием, — продолжила Эрмина, — нужно как следует все продумать. Я планирую пробыть во Франции до конца лета. Заключу другие контракты. Поэтому я не хочу, чтобы дети были изолированы с Мадлен. Мама будет счастлива взять их к себе.

Вдохновившись, Эрмина усадила Шарлотту на софу. Обеспокоенная Бадетта внимательно слушала ее.

— Я все предусмотрела. Мукки с Луи могут взять себе комнату мадемуазель Дамасс. Четыре девочки прекрасно разместятся в бывшей детской вместе с Мадлен. А ты, Шарлотта, можешь вернуться в «маленький рай», если хочешь. В этом случае учительница поселится в моей розовой комнате, которую ты сейчас занимаешь.

— Правда? — воскликнула Шарлотта. Лицо ее порозовело, и она больше не дрожала. — Я не решалась заговорить с тобой об этом, Мимина, но я сожалела о нашем соглашении. Здесь я чувствую себя все более неуютно. Я не могу пригласить своего брата на ужин, побыть с племянниками.

— Но, мадемуазель Шарлотта, разве вам не будет страшно одной в доме зимой? — спросила журналистка. — Или у вас есть поклонник, быть может, жених?

— Что вы такое говорите, Бадетта! — воскликнула Эрмина. — Даже если бы Шарлотта с кем-нибудь встречалась, она не стала бы принимать его с глазу на глаз!

— Разумеется нет, — подтвердила девушка, стараясь держаться как можно увереннее. — Я действительно считала, что мне будет лучше у мамы Лоры, в семье. Но увы! Я ошиблась. Мне нужно хоть немного независимости. В любом случае по соседству живет мой брат, к тому же я смогу взять к себе старого Мало. Я люблю эту собаку. Ты не возражаешь, Мимина?

— Это замечательная идея, и Тошану будет приятно, ведь он считает этого пса очень умным и хорошим охранником. Нам предстоит много работы, но, если ты довольна, одной проблемой уже меньше. Не знаю, как вам объяснить, но я бы уехала в Париж прямо завтра, если бы это было возможно. Я ощущаю нечто вроде призыва, притяжения, которое не поддается логике. И это позволяет мне чувствовать себя по-настоящему взрослой, и я смогу избавиться от порой тягостной опеки своих родителей. Что касается моих детей, я знаю, что они будут в надежных руках.

— А Киона? — спросила Шарлотта. — Она спит вместе с тобой. Наверняка ее очень расстроит твой отъезд!

— Во-первых, у нее теперь есть отец и мама, похоже, относится к ней с любовью. Во-вторых, Киона сама мне посоветовала ехать на поиски Тошана...

Руффиньяк, тот же день

Тошан был один в маленькой комнатке в мансарде, где прятался. Стояла ночь, судя по кусочку темно-синего неба в квадратном окошке с ржавой решеткой.

«В доме не слышно ни звука, — подумал он. — С трудом верится, что Симона с сыном живут здесь, а также семья ее подруги Брижитт. Либо меня засунули слишком высоко, либо она мне лжет».

Ему казалось довольно странным, что он ничего не знает о месте, куда его привезли тяжелораненым, на волоске от смерти, если верить Симоне. Метис был уверен в одном: он прыгнул с парашютом над территорией Франции.

«Мне хотелось бы выйти на улицу, вдохнуть воздух полной грудью. Что это за городок? Или деревня?»

С тех пор как пришел в себя, он не переставал страдать от того, что находится взаперти. Он чувствовал, что его крепкий организм скоро поправится и тогда у него будет лишь одно желание — оказаться на свежем воздухе, в лесу.

«Я должен был связаться с человеком, возглавляющим местную организацию Сопротивления. Я помню все указания, но мне нужна карта, чтобы сориентироваться на местности». Испытывая все большую нервозность, Тошан закрыл глаза, чтобы не видеть серый потолок в бурых пятнах, освещаемый пламенем керосиновой лампы.

— Страны мало чем отличаются друг от друга, — прошептал он, удивившись звуку собственного голоса в тишине.

Он уже сделал такой вывод, прогуливаясь по Лондону, значительно пострадавшему от вражеских бомбардировок. Разрушенные дома обнажили свои осыпавшиеся стены и повисшие в пустоте камни. Повсюду люди строили себе жилье одинаково. «Тесный камень, бетон, балки, доски, — перечислял он про себя. — Но дерево — благородный материал. Мои братья-деревья отдают нам свою плоть, чтобы мы делали себе мебель и несущие конструкции».

Его индейская душа не давала ему покоя. Он тосковал по запаху влажной земли, по зеленой поросли и огромному небу. От нахлынувшего

приступа меланхолии ему захотелось курить. Но сигарет у него не было. Странно, но в этом замкнутом пространстве, где он был предоставлен самому себе, наибольшее страдание ему причиняла смерть Талы. Она снилась ему, когда он забывался даже на несколько минут. «Моя мать... Уезжая из Квебека, я и предположить не мог, что больше никогда ее не увижу. И как же было ужасно узнать о ее смерти из письма! Целая жизнь уместилась в нескольких строчках... Эрмина пыталась щадить меня, но каждое слово разрывало мне сердце».

Он ожесточенно стиснул челюсти, пытаясь вызвать в памяти гордое лицо Талы-волчицы. Словно наивный ребенок, он считал ее непобедимой, способной преодолеть любую болезнь и даже смерть. Образы из прошлого нахлынули на него.

...Его отец, Анри Дельбо, колосс ирландских кровей, просеивает песок Перибонки. Стоит жара, поверхность воды искрится на солнце. Шестилетний Тошан играет в рыбака, держа в руках палку, к которой привязал веревочку.

— Сынок, ты вытащишь нам из реки гигантского лосося, — со смехом говорит Тала.

Она молодая и такая красивая, со своей атласной кожей медно-золотистого цвета и длинными иссиня-черными косами. Она разжигает небольшой костер на берегу, чтобы поджарить ломтики сала...

«Мои отец и мать! Оба погрузились в вечный сон с интервалом в несколько лет. Возможно, они там встретились?» Этот вопрос занимал его несколько минут, затем он сосредоточился на своих детях, чтобы избавиться от боли, гложущей его душу.

«Сегодня Рождество. Мукки с сестрами, наверное, играют под елкой в гостиную Лоры. Как бы я хотел увидеть их, услышать их разговор! Мне так не хватает моих малышей! Лоранс, такой кроткой, склонившейся над листом бумаги и что-то рисующей, с этой ее постоянной манерой грызть кончик карандаша... А моя отчаянная Мари-Нутта наверняка была гордой воительницей в прошлой жизни. В своем предпоследнем письме Эрмина рассказала, как наша дочь перекрасила себе волосы морилкой и вымазала лицо охрой. А Мукки, мой большой мальчик! Ему уже десять лет! Мина утверждает, что он очень на меня похож. Мина...»

С самого утра Тошан запрещал себе думать о своей маленькой жenuшке-ракушке. Он назвал ее так после их брачной ночи в окружении вековых лиственниц, воздав должное ее перламутровой коже, гладкой, свежей и шелковистой.

— Мина, дорогая... — простонал он.

Ему казалось, что он не видел ее уже несколько лет, а не месяцев. Сделав над собой усилие, он сосредоточился на отдельных деталях. Он увидел, как Эрмина приподнимает свои белокурые волосы по утрам, завязывая их лентой. У нее нежная, лучезарная улыбка и роскошное медово-молочное тело...

Легкий щелчок резко прервал его воспоминания, все более и более интимные. В комнату своей бесшумной походкой вошла Симона. В одной руке она держала круглый поднос с чайником, чашкой и пирожным.

— Добрый вечер, месье, — тихо сказала она. — Простите, что бросила вас почти на весь день, но Натан слишком возбудился. Он получил в подарок на Рождество игрушку и безумно обрадовался, так что я не могла оставить его ни на секунду. И надо было помочь Брижитт с посудой после обеда.

— Не оправдывайтесь, — успокоил ее Тошан. — Мне все равно ничего не было нужно.

Симона подошла к кровати с несколько смущенным видом. Она ухаживала за тяжелораненым мужчиной без всякого стеснения, когда он этого не осознавал, но теперь, когда он пришел в себя, все изменилось.

— У вас нет жара? — спросила она. — Прежде я проверяла это, касаясь вашего лба. Теперь я не решаюсь этого сделать. Глупо, но факт.

— Некоторые вещи я теперь могу делать сам, без вашей помощи. Я обнаружил небольшую уборную вон там, за дверью. У вас больше не будет этой заботы. И, по правде говоря, раз уж я пришел в сознание, не хочу, чтобы вы обращались со мной как с инвалидом.

Он показал на небольшую дверцу, оклеенную обоями, поэтому почти незаметную.

— Что? — прошептала Симона, испуганно глядя на него. — Вы вставали? Но это очень неосмотрительно с вашей стороны. Если бы вы упали, рана могла открыться, а шум выдал бы ваше присутствие!

— Но ваша подруга и ее муж в курсе... То есть я хочу сказать... они знают, что я прячусь в этой комнате. И не волнуйтесь так, я держался за стену на всякий случай. У меня лишь слегка закружилась голова, и все.

Дрожа всем телом, Симона опустилась на стул, где провела столько часов, дежуря возле постели этого необычайно красивого иностранца.

— Вы подвергали себя напрасному риску, — тихо произнесла она жалобным голосом. — Думаю, вы недостаточно хорошо оцениваете свое состояние. Когда вас принесли сюда ночью, я решила, что вы обречены. Ваша рана загноилась, и вы потеряли много крови. Я боролась столько дней, чтобы вас спасти, а вы... Как только я отвернулась, вы тут же встали!

Казалось, она сейчас заплачет. Тошан разглядывал ее изящные черты. Симона была красивой женщиной: тонкие алые губы, черные миндалевидные глаза на лице цвета слоновой кости, темные вьющиеся волосы до Плеч.

— Простите, что причинил вам столько хлопот. Но скажите, почему вы? Почему этот дом?

— По профессии я медсестра. У меня было больше возможностей вас спасти. Должна также сказать, что местный врач симпатизирует оккупантам, поэтому мы не могли прибегнуть к его помощи. А зачем вам знать больше? Главное правило — держать язык за зубами. Это позволяет не подвергать опасности других, если кого-то арестуют. Гестапо использует ужасные методы, чтобы вырвать информацию у тех несчастных, на кого пало подозрение.

— А где же ваш муж?

— Увы, я этого не знаю! Исаак исчез. Он отправил нас с Натаном в свободную зону, к Брижитт, моей давней подруге. Мы познакомились с ней в санатории в Орлеане. Мой муж решил остаться в Париже. Один из наших коллег, обеспокоенный его долгим отсутствием, отправился к нам на квартиру. Она оказалась опечатанной. А недавно в ней поселились незнакомцы, вопреки закону. Хотя о каком законе сейчас можно говорить!

Симона порывисто встала, нервным движением сложив руки на груди.

— Я приготовила вам чай и принесла кусок торта. Вы должны набираться сил, а я трачу время на разговоры.

Она извиняюще улыбнулась, прежде чем налить ему чая. Тошан немного приподнялся, опираясь на руки. Симона бросилась к нему, чтобы поправить подушку.

— Будьте осторожны, прошу вас, — выдохнула она. — Сегодня вечером, когда мой сын уснет, я приду сменить вам повязку, нравится вам это или нет. Повторяю, я медсестра, и я ассистировала Исааку, который работал врачом. Забудьте о своей стыдливости: мне нужно видеть, как идет процесс заживления. Рана была очень скверной.

Молодая женщина задумчиво смотрела на него, пока он пил чай и ел пирожное.

— Вам не нравится? — с улыбкой спросила она. — Я заметила, как вы поморщились!

— Слишком жирно. И приторно...

— Если бы вас слышала Брижитт, она бы обиделась. Вы критикуете ее ореховое объедение, как она это называет. Мы смогли купить сливочного масла у фермера по соседству. Завтра Брижитт придет с вами знакомиться.

Она порадовалась, узнав, что вы наконец-то вышли из летаргии. Но поскольку сегодня Рождество, она принимает гостей.

Расслабившись и начав улыбаться, Симона стала совсем другой. Тошан посочувствовал этой очаровательной женщине, семейную жизнь которой грубо нарушила война. Скорее всего, ее муж стал жертвой очередной облавы в Париже. Никто не знал, куда девались тысячи евреев, которых арестовывала французская полиция по указу нацистов.

— Я уйду отсюда, как только смогу, — заверил он ее. — Вам не поздоровится, если узнают, что вы спасли меня и спрятали в доме. Кстати, позвольте представиться: адъютант Тошан Клеман Дельбо.

— Тошан, — задумчиво повторила она. — Какое странное имя. Оно индейское?

— Да, моей матери пришлось окрестить меня Клеманом, поскольку она венчалась в церкви с ирландским золотоискателем, моим отцом Анри. Он планировал обратить ее в католическую веру, но втайне от него она звала меня Тошаном, что означает «удовлетворение».

Симона молча кивнула и взяла у него поднос.

— Мне пора спускаться, месье. Натан такой непоседа, что я всегда волнуюсь, когда оставляю его на друзей. Отдыхайте, пока у вас есть такая возможность. Я вернусь после ужина.

— В этом доме есть телефон?

— Нет, что вы! Нужно идти на почту. Сюда электричество-то не так давно провели, что уж говорить про телефон...

— Разумеется. Но если будет возможность, я прошу вас передать весточку моей жене. Она живет в Квебеке, в районе Лак-Сен-Жана. Нужно звонить Шарденам в Валь-Жальбер. Эрмина уже два месяца не получала от меня известий.

— Вы женаты, — тихо сказала Симона. — Эрмина тоже необычное имя.

— У нас трое детей, — гордо сообщил он. — Мальчик и две девочки-близняшки.

— В таком случае что вы здесь делаете?

— Я пошел в армию добровольцем, — с вызовом бросил метис. — Из стремления к справедливости и желания сделать мир лучше. Вы имеете полное право считать меня идеалистом или круглым идиотом.

Симона пожала плечами, собираясь открыть дверь.

— Звонить в Канаду слишком опасно. И я считаю вас отважным идеалистом.

Тошан не смог сдержать улыбку. Симона быстро отвернулась, словно

эта улыбка ослепила ее.

Валь-Жальбер, тот же день

— Я этого не выдержу, уверяю вас, я умру! Я ощущаю это здесь, в своем бедном материнском сердце!

Лора подтвердила жестом свои слова, положив руку на грудь. Она действительно была очень бледной, и встревоженный Жослин бросился к ней, чтобы отвести к софе. Все свидетели сцены — дети и взрослые — затаили дыхание.

— Ты не можешь так со мной поступить, Эрмина, — продолжила Лора, вытянувшись на софе. — И ты сообщаешь мне эту ужасную новость в Рождество, когда мы вернулись с мессы! Это жестоко! В прошлом я виновата перед тобой, но если бы ты меня хоть немного любила, то пощадила бы меня.

— Мама, не нужно себя так изводить. Поскольку мы все в сборе, я посчитала уместным поговорить о своем отъезде во Францию.

Жослин бросил на старшую дочь укоризненный взгляд. Он тоже осуждал ее решение и то, как она сообщила им эту новость.

— Твоя мать вся ледяная и еле дышит. Не дай бог, с ней случится удар!

— Не волнуйтесь, месье, — вмешалась Бадетта. — Как правило, удары происходят молниеносно, без всякого предупреждения. Думаю, у Лоры просто нервное потрясение и она находится в состоянии шока.

Экономка принесла своей хозяйке рюмочку виски.

— Есть от чего лишиться чувств, мадам, — проворчала она достаточно громко, чтобы ее услышали. — Боже милосердный, нужно быть сумасшедшей, чтобы ехать в Париж, в лапы к фрицам!

— Ах, ты согласна со мной, моя славная Мирей! Жосс, используй свой отцовский авторитет, чтобы отговорить нашу девочку от этой безумной затеи. Ведь мы можем больше ее никогда не увидеть!

— Мама, ну в самом деле! Ты преувеличиваешь! — возмутилась молодая женщина. — Говорить такие вещи при детях! Они будут считать меня недостойной матерью, которой плевать на своих детей. Ты должна мне доверять! Не из-за чего так волноваться. Я буду петь в Париже, а Октав Дюплесси присмотрит за мной. Это надежный друг. Без него я никогда бы не стала знаменитой. Война не останавливает артистической деятельности: фильмы продолжают сниматься, в театрах дают спектакли... Актеры, актрисы, певцы и все остальные путешествуют без особых проблем, как

мне кажется...

— Если ты не собираешься менять своего решения, будет лучше, если я поеду с тобой, — предложил Жослин. — Конечно, немцы оккупировали Францию и столицу, но сражений там нет, все спокойно. Отец может сопровождать свою дочь, известную певицу, в этом нет ничего странного.

Взбодренная алкоголем, Лора приподнялась с софы, вне себя от возмущения.

— Нет, этого я не допущу! — возопила она пронзительным голосом. — Жосс, ты осмеливаешься покинуть нас в разгар войны?! Немецкие подводные лодки свирепствуют в водах Северной Атлантики, а самолет легко может стать мишенью для вражеского истребителя! Говорят, нацистские шпионы рыскают по Квебеку, а ты, Жосс, собираешься бросить слабых, незащищенных женщин одних здесь, на краю света! В конце концов, нам всем грозит опасность!

Шарлотта опустила голову, чувствуя себя не в своей тарелке. Лора окончательно лишилась бы чувств, если бы узнала, что в развалинах мельницы Уэлле живет немецкий солдат. «Но Людвиг больше не солдат, — подумала она. — И если бы не война, мы бы никогда не встретились».

Скрестив руки на груди, Эрмина нервно расхаживала по гостиной. Стройная, подвижная в своем облегающем шерстяном платье, она казалась очень взвинченной.

— Мама, ты должна меня понять. Если я заговорила с тобой о своем отъезде сегодня, после праздничного обеда, то только потому, что у меня не было выбора. Вы просто всего не знаете. Октав Дюплесси ясно дал мне понять, что я увижусь с Тошаном. Он не стал вдаваться в подробности, но я чувствую, что это важно, — возможно, что-то серьезное. Поэтому я хочу организовать все наилучшим образом и вылететь из Нью-Йорка в конце февраля. Но я с тобой согласна, что папе лучше остаться здесь, с вами. Я справлюсь сама.

Бадетта вздохнула, переживая и за Эрмину, и за Лору, к которой испытывала искреннюю симпатию.

— Никто не помешает нашему Соловью улететь, — произнесла журналистка, пытаясь разрядить обстановку. — И если вас это утешит, моя дорогая Лора, я поеду вместе с Эрминой. Сегодня утром она предложила мне сопровождать ее. Вначале я отказалась, но теперь понимаю, что буду жалеть всю свою жизнь, если не составлю ей компанию.

— О! Спасибо, Бадетта! — воскликнула Эрмина. — С такой очаровательной француженкой, как вы, со мной не случится ничего плохого!

Андреа Дамасс тоже присутствовала при разговоре, но воздерживалась от комментариев. Учительница считала себя умной и здравомыслящей. В очередной раз она позволила себе осудить семейство, приютившее ее, за шумность, экстравагантность и несоблюдение приличий.

— Слышите, в главную дверь стучат? — воскликнула Мирей. — Кто бы это мог быть? Еще и чайник в кухне засвистел! Ох, мои бедные ноги!

— Я открою, — вызвалась Андреа. — Полагаю, это малышка Мари Маруа пришла поиграть со своими друзьями.

Старая дева поднялась со стула с чопорным видом и направилась в коридор своей походкой вразвалку, обязанной чересчур пышным формам. Она не ошиблась.

— Здравствуйте, мадемузель! — звонко сказала девочка. — Меня пригласили к себе Мукки и девочки.

— Ты немного не вовремя. У месье и мадам Шарден серьезный разговор с мадам Дельбо, но можешь войти. Было бы жаль напрасно проделать такой путь.

— Спасибо, мадемуазель Дамасс, — произнесла Мари, снимая сапоги, облепленные снегом. — Я принесла свои вязаные тапочки. Так я не запачкаю пол.

Андреа сочла это достойным поощрения. Она вынула из кармана жилета монетку и протянула ее девочке.

— Держи, сегодня Рождество, и ты это заслужила. Ты очень хорошая ученица: послушная, трудолюбивая, дисциплинированная. Твоя мама гордится тобой на Небесах.

Мари еле слышно поблагодарила ее, затем чуть громче добавила:

— Мне так не хватает моей мамы! Я бы очень хотела иметь вторую маму! Было бы не так грустно возвращаться домой после уроков. И моему отцу тоже плохо одному...

Учительница подавила вздох. Эта маленькая речь уж очень походила на урок, выученный наизусть. Она заподозрила, что это Жозеф Маруа подговорил Мари, и ласково сказала:

— Ты скоро вырастешь. Через пять-шесть лет выйдешь замуж и создашь свою семью. Твоя жизнь изменится, будь уверена.

— Нет, я хочу быть учительницей, как вы, — заявила Мари более твердым тоном. — Я не хочу ни мужа, ни детей. А вторая мама мне нужна именно сейчас. Кстати, мадемуазель, отец сказал мне, чтобы я пригласила вас к нам на чай. У него для вас есть подарок, потому что я делаю успехи. Знаете, он очень хороший, мой отец! Я помогла ему постелить красивую скатерть на стол.

«Ну вот, он хочет встретиться со мной наедине», — подумала Андреа Дамасс, испытывая волнение и легкую досаду. Она несколько сухо ответила:

— Беги к своим друзьям. И развлекайся, сегодня Рождество. Я должна подумать и переобуться, если соберусь выходить.

Девочка ушла, красная от смущения. Она всем сердцем надеялась, что учительница и ее отец в конце концов поженятся. Заметив ее, Мукки подбежал к ней. Они были одного возраста и прекрасно ладили.

— Идем скорее, Мари, сыграем в желтого карлика. Мирей испекла оладий на полдник. Бабушка плохо себя чувствует, но нам разрешили остаться в гостинной.

Лоранс и ее сестра расцеловали свою соседку. Все четверо устроились за маленьким столиком. Киона и Акали играли в сторонке, спрятавшись за нижними ветками елки. Они примеряли гардероб восхитительной куклы, которую маленькая индианка получила в подарок от Мадлен.

Взрослые продолжали свой разговор, но уже спокойнее. Лора все еще плакала в объятиях Жослина. Огорченная отчаянием матери, Эрмина села рядом с ней, пытаясь ее успокоить.

— Мама, не плачь, я пока еще с тобой. Ты же не собираешься рыдать все оставшиеся два месяца!

— Нет, ты не со мной, не так, как раньше! Потому что ты променяла меня на свой «маленький рай»! Я тебя совсем не вижу. Если ты собираешься давать концерт в Париже или играть в оперетте, тебе нужно поработать над голосом. Андреа Дамасс хорошо играет на пианино. Она могла бы посодействовать тебе в твоих упражнениях, гаммах и так далее. Если бы ты только вернулась сюда, в мой дом! Наверняка можно все устроить.

Шарлотта напряженно следила за их беседой. Она сочла нужным добавить:

— Моя дорогая мама Лора, если тебе это доставит удовольствие, я могу очень быстро переехать в свой дом. Расскажи ей, Мимина, что мы решили сегодня утром.

Мирей подобралась ближе к софе, чтобы не пропустить ни слова. Узнав, что задумали две молодые женщины, Лора, словно по волшебству, пришла в хорошее расположение духа.

— Ну что ж, так и сделаем! — с ликующим видом заявила она. — Если я смогу наслаждаться обществом своей любимой дочери еще два месяца, то я отпущу птичку в полет, как только что подметила наша дорогая, незаменимая Бадетта. Так, а где же Андреа Дамасс? Это и ее

касается.

— Мне кажется, она пошла на улицу, — ответила Шарлотта, еле сдерживая счастливую улыбку.

— Давайте обсудим переезд, — начала сияющая Лора. — Эрмина, ты займешь свою комнату, разумеется. Киона будет спать вместе с тобой. Наша учительница поселится в бывшей комнате Шарлотты. Но у нас еще остаются Мадлен, Акали и трое детей! Я вижу только одно решение: использовать комнату, которую мы держим закрытой, для мальчиков. Мукки и Луи будут рады жить вместе. Если Мадлен согласится снова спать в самой большой комнате, в детской, вместе с тремя девочками: Акали, Лоранс и Мари-Нуттой...

— О да, мадам! Пока я с Акали, меня все устраивает, — ответила молодая индианка.

— Нам повезло, что ты такая богатая, моя дорогая Лора, — с улыбкой сказал Жослин. — Иначе мы не смогли бы установить центральное отопление. Правда, мы все равно сожжем весь запас дров.

— Ну и что! Здесь было слишком спокойно в последние недели. Я так счастлива!

Шарлотта едва сдерживалась, чтобы не захлопать в ладоши. Излишняя радость могла показаться неуместной и вызвать подозрения. Тем не менее Лора подмечала все. Она прочла на лице девушки восторг, на ее взгляд никак не связанный с одиноким проживанием в доме на окраине улицы Сен-Жорж.

— Скажи мне, Шарлотта, ты уверена, что хочешь жить в «маленьком раю», вдали от нас всех? Тебе же будет страшно по ночам.

— Нет, мама Лора, уверяю тебя! Я просто мечтаю готовить сама, заниматься хозяйством. И я возьму домой пса, старого Мало. Можешь спросить у Мимины, я как раз поделилась с ней, что хотела бы жить более независимо. И потом, я буду к вам часто приходить.

Вскоре атмосфера в гостиной стала гораздо приятнее. Мирей принесла чай, стопку блинов и кленовый сироп. Бадетта с облегчением вздохнула. Вечер обещал быть прекрасным, особенно если Соловей из Валь-Жальбера согласится спеть для них.

Журналистка также подумала, что принесла себя в жертву общему благополучию, но ей это нравилось. Теперь женщине казалось, что она тоже в некотором роде стала частью необычной семьи Шарден-Дельбо.

Андреа Дамасс радовалась, что не присутствовала при скандале, который, должно быть, достиг своего апогея в богатом доме Лоры Шарден. Одетая в пальто из шотландской шерсти, шапочку в тон и тяжелые ботинки на меху, она медленно шла в сторону монастырской школы. Мороз не доставлял ей неудобств, ведь она так часто повторяла своим ученикам, что трудности закаляют характер.

Впервые за долгие годы представитель мужского пола проявил к ней интерес, и она предавалась романтическим мечтам. Жозеф Маруа по возрасту мог быть ей отцом, но он еще был красивым мужчиной. «Он держится прямо, хотя волосы его седеют. Однако у него не так много морщин. И его взгляд меня интригует. Боже, какой жгучий и выразительный взгляд! Почему он всегда так пристально смотрит на меня?»

Сердцебиение старой девы участилось, что совсем ей не нравилось. Она видела в этом признаки определенного интереса к бывшему рабочему, поскольку Андреа все же была однажды влюблена в возрасте восемнадцати лет.

«Какая же я идиотка! Мне следует быть холодной как камень, как говорится. Рядом с этим мужчиной я теряю хладнокровие. Господи, и зачем он использует свою дочь, чтобы разжалобить меня?»

Порыв ледяного ветра заставил ее вздрогнуть. Она поджала губы и подняла шарф до самого носа. Каждую зиму между домом Шарденов и Маруа образовывалась утоптанная тропинка.

— Но что мне ему ответить, если он решит приударить за мной, начнет делать мне намеки? — тихо спросила она себя.

По ее спине пробежал тревожный холодок, и дело было вовсе не в морозе. Андреа осознала, что Жозеф вот уже несколько дней занимает все ее мысли. Он старался попадаться ей на глаза как можно чаще, заговаривал с ней после уроков.

— Так, нужно держать себя в руках. Я сумею поставить его на место.

Учительница замедлила шаг. Увидев дом Маруа, она уже хотела развернуться назад. Но в ушах снова раздался тонкий голосок Мари: «Я бы так хотела иметь вторую маму!» «Бедная малышка! — подумала Андреа. — Ей не хватает женской ласки. Не очень-то весело каждый день видеть только отца».

Охваченная сомнениями, путаясь в мыслях, мадемуазель Дамасс недоверчиво смотрела на фасад дома Маруа. «Может, я зря терзаюсь? Вполне возможно, Жозеф просто хочет побеседовать со мной за чашкой чаю и подарить какую-нибудь безделицу в честь Рождества. Я пойду туда

из вежливости, из чистой вежливости. Нужно соблюдать приличия».

Городок, укрытый слоем свежеснеженного снега, показался ей мрачным. С озера Сен-Жан со свистом, как дикий зверь, дул порывистый ветер. Андреа быстро поднялась по ступенькам крыльца. Она уже хотела постучать в дверь, но в эту секунду услышала чей-то громкий голос. Испытав смутное разочарование, девушка подумала: «У него гости! Ну что ж, тем лучше, так будет еще проще: “Здравствуй” — “До свидания”, и я уйду».

В следующее мгновение она поняла, что в доме кто-то ходит взад-вперед, и различила слова, которые заставили застыть ее на месте:

— Моя дорогая, милая Андреа! Нет, это слишком дерзко. Моя дорогая мадемуазель... Нет, так я буду выглядеть стариком. Дорогая Андреа, не буду ходить вокруг да около, я хотел бы на вас жениться... Так совсем неплохо — сразу перейти к делу.

Она прижалась ухом к двери. Жозеф Маруа был один, иначе он не стал бы говорить вслух такие вещи. Испытывая одновременно любопытство и шок, она решила послушать продолжение.

— Итак, сначала. Приветливо улыбаясь, я говорю ей: «Дорогая Андреа! Спасибо, что пришли. Как вам известно, жизнь меня не баловала в последнее время. Я потерял жену при родах, а война забрала у меня двух сыновей. Я пригласил вас для того, чтобы попросить сжалиться над моей малышкой Мари, которая считает, что обрела мать в вашем лице». Черт, я буду выглядеть глупо! Обычно я не говорю так красиво. Ладно, лучше выложить все карты на стол. «Моя дорогая Андреа, вы мне нравитесь! Такую, как вы, образованную и приличную, нечасто встретишь. Поэтому я хотел бы поговорить с вами о браке. Мы оба взрослые люди, и я знаю, что старше вас на двадцать лет, но я могу предложить вам достойное существование. У меня есть сбережения, мне принадлежат дом и земли. Мы с дочкой ни в чем не нуждаемся, кроме любви матери и супруги».

Андреа Дамасс, продрогшей на улице, хотелось и плакать, и смеяться. Теперь она не решалась постучать, но и боялась отойти от двери из страха быть замеченной.

— «Моя дорогая Андреа, — продолжал Жозеф, — брак со мной имеет для вас только выгоду. Обещаю вам больше не притрагиваться к спиртному. Пьют ведь обычно для того, чтобы забыть свое горе, но, если я женюсь на такой прекрасной женщине, как вы, мне больше не нужно будет пить. И я все обдумал. Я куплю еще одну корову, у нее будет теленок и молоко. Масло в наше время дефицит из-за этой проклятой войны. От старушки Эжени я не решаюсь избавиться, хотя пользы от нее не так много...» Черт

возьми! Как тяжело... Проще было бы написать ей письмо, но так Мари придется исправлять ошибки: мадемуазель Андреа наверняка щепетильна в орфографии. К тому же вряд ли она придет в такой ветер и холод.

Раздосадованный, Жозеф надолго замолчал. Андреа воспользовалась воцарившейся тишиной и дважды постучала в дверь, сделав вид, будто она только что пришла. Нервным движением бывший рабочий пригладил волосы и поправил ворот рубашки.

— Войдите! — крикнул он.

Он не знал, что его тайные монологи, такие сбивчивые, достигли своей цели: учительница узнала достаточно. Жозеф не мог притворяться, поскольку был один.

— С Рождеством! — с улыбкой сказала она.

— Да, с Рождеством! Садитесь, мадемуазель, чай готов. Значит, Мари передала вам мое приглашение?

— Иначе меня бы здесь не было, — жеманно ответила учительница.

— Нам нужно поговорить, дорогая моя Андреа, — вздохнул бывший рабочий, тщательно следя за своей речью. — Это касается моей дочери. Я бы очень гордился ею, если бы она стала учительницей. Но думаю, в следующем году ей нужно поступать в коллеж.

Жозеф скороговоркой задавал вопросы, не решаясь посмотреть в лицо объекту своего вожделения. Андреа слушала его и отвечала со странным выражением нежности на лице. Наконец она решилась его перебить.

— Месье Маруа, вы хотели поговорить со мной именно об этом? — уточнила она.

— И да и нет. Моя милая Андреа, я думаю о вас с утра до ночи. Если бы вы согласились выйти за меня замуж, я был бы чертовски счастлив!

Этим было все сказано. Жозеф тяжело вздохнул и почесал бороду.

— Такого я не ожидала услышать! — с удивленным видом ответила учительница.

Глава 15

"Маленький рай"

Валь-Жальбер, воскресенье, 27 декабря 1942 года

Было три часа пополудни. В снегоходах, с сумкой через плечо и железной палкой в правой руке, Шарлотта торопливо двигалась в сторону мельницы Уэлле. Она не навещала Людвига с рождественской ночи, — той самой ночи, которая навсегда останется в ее памяти, ведь именно тогда она стала женщиной.

«Надеюсь, с ним все хорошо, он не мучается от голода и холода!» — с тревогой думала девушка, не сводя золотисто-карего взгляда с развалин мельницы, едва различимых в белом безмолвии. Никто бы не догадался о предыдущих передвижениях Шарлотты — столько за эти дни насыпало снега.

«Спасибо, Господи, спасибо! — произнесла она про себя. — Как неожиданно Эрмина решила отправиться во Францию и освободить «маленький рай» — мой дом, принадлежащий только мне, да еще и ускорила свой отъезд! Я вижу в этом знак. Это означает, что Бог с нами, что он благословил нашу любовь и защитил ее, что мы не делаем ничего плохого. Я иду, мой Людвиг, мой любимый! Эта суббота была такой длинной без тебя! Вечером, ложась спать, и, проснувшись утром я думала только о тебе».

Она приближалась к мельнице с ликующим сердцем, опьяненная радостью при мысли, что снова увидит его, прижмет к себе, а главное, сообщит замечательную новость: теперь он будет жить в настоящем доме, теплом и уютном, и больше их ничто не разлучит. Еще каких-то десять метров, и она будет на месте.

— О нет, что это? — спросила себя Шарлотта.

Из елового леса, окружающего широкое заснеженное поле, слышались выстрелы. Она сразу же подумала о самом плохом: Людвига обнаружили, он попытался убежать, и теперь за ним гнались.

— Нет, нет, только не это, — простонала она, оглядывая окрестности.

В лесу действительно были люди. Их голоса и крики отдавались эхом в ледяном воздухе. Сходя с ума от тревоги, Шарлотта прикусила губу.

«Может, мне лучше уйти? — подумала она. — Если конная полиция обнаружит меня здесь, мне устроят допрос. И они могут обыскать мою сумку».

Ни жива ни мертва, она неподвижно стояла на месте, когда из леса вдруг метнулся бурый зверь и бросился в сторону реки, которую постепенно сковывал лед, начиная с берегов и превращая их в нагромождение торосов.

— Молодой лось, — прошептала Шарлотта. — Это не полицейские, а браконьеры. Они просто хотят убить это бедное животное, чтобы бесплатно получить мясо.

Немного успокоившись, она осторожно скользнула в развалины. Опасность еще не миновала. Возможно, эти люди захотят укрыться на мельнице. Но она все же решила пойти к Людвигу, который наверняка тоже встревожился. Ее встретила странная тишина, словно место было необитаемым. В тазу, служившим очагом, остался только пепел вперемешку с кусочками угля. В комнате стоял жуткий холод. Несмотря на сумрак, поскольку в это время года темнело очень рано, она разглядела постель, на которой было навалено несколько одеял. Ей показалось, что она видит очертания тела.

— Людвиг? — тихо позвала девушка.

Положив сумку на пол, она опустилась на колени возле соломенной подстилки. Из-под одеяла виднелись лишь светлые волосы ее любовника, настолько он был укутан.

— Людвиг, я здесь! Это я, Шарлотта.

Должно быть, он крепко спал. Она склонилась еще ниже и, опустив одеяло, поцеловала его в лоб.

«Боже мой, он весь горит! У него жар. Об этом я не подумала!»

Все шло не так, как она задумала. Но сетовать было некогда. Она с нежностью взгляделась в бледное лицо своего возлюбленного.

«Он похож на ангела! Я буду за ним ухаживать, если он сможет прийти до дома сегодня ночью».

Людвиг, должно быть, почувствовал чье-то присутствие, поскольку приоткрыл глаза.

— Шарлотта, милая моя! — выдохнул он.

— Что с тобой? — спросила она. — Кашель, головная боль?

— Nein, nein, — прервал он ее, пытаясь сесть.

— Прошу тебя, не говори по-немецки! — взмолилась она. — В лесу были люди, я не знаю, ушли они или нет. Здесь оставаться небезопасно.

— Очень холодно ночью и утром тоже, — произнес он с измученным

видом. — Дров не осталось, все сгорело на Рождество. Со вчерашнего дня я лежу, так теплее.

— В любом случае ты не смог бы пережить зиму в этих развалинах. Мне не терпится тебе сказать: я получила назад свой дом. Сейчас я тебе все объясню.

Шарлотта сняла сапоги, скользнула под одеяло и легла рядом с ним. Она положила голову на плечо Людвига; ей было приятно чувствовать его тело рядом со своим. Крики из леса больше не доносились.

— Охотники, похоже, ушли. Слушай меня внимательно, это очень важно.

Он молча кивнул, но уже в следующую секунду поцеловал ее. Их губы встретились, нежные и настойчивые.

— Какой ты горячий! — снова встревожилась она.

Это не помешало ей засунуть свои прохладные руки под свитер своего любовника, чтобы коснуться его кожи. Он вздрогнул с тихим смехом.

— У меня любовная лихорадка, — шепнул он ей на ухо. — Я умираю без тебя, без твоих поцелуев, ласк.

Он потихоньку начал ее раздевать. Шарлотта с сожалением остановила его.

— Не сейчас! Людвиг, в середине ночи я приду за тобой. Я спрячу тебя в своем доме. Там тебе ничего не грозит, и никто ничего не узнает. Мы все время будем вместе, будем спать обнявшись. Когда ко мне кто-нибудь будет приходить, ты просто будешь подниматься на чердак.

Она говорила быстро и очень тихо, так что он с трудом ее понимал. Когда она замолчала, рассказав, как они все устроят с минимальным риском, он с отчаянием взглянул на нее.

— Нет, это невозможно, Шарлотта! Слишком плохо для тебя и твоих друзей, если придет полиция. Нет, не надо. Я могу остаться здесь.

— Зимы у нас очень суровые! Я уверена, что ты уже простудился, так как весь горишь. Обещаю тебе быть осторожной. И пойми: я не смогу приходить сюда часто, скоро все завалит снегом и морозы усилятся. Да, конечно, я бы все равно приходила, чтобы приносить тебе еду и воду, даже дрова, если нужно. Но как раз это для меня и опасно! А если ты будешь жить в моем доме, хорошенько спрятавшись, мне больше не придется проделывать весь этот путь.

В его взгляде читалось сомнение, а также восхищение. Она уже столько сделала для него!

— Да, ты права. Я согласен.

— О, Людвиг, я так счастлива! — воскликнула Шарлотта, прижимаясь

к нему. — Тогда мне не следует здесь задерживаться: еще столько всего нужно подготовить! Вечером я лягу рано и поставлю будильник. Погоди, у меня есть чай в термосе, я его подсластила. Наш сосед продал нам немного яиц, и Мирей испекла бриошь. Я принесла тебе два кусочка. Но у меня дома ты больше ни в чем не будешь нуждаться! Я приглашаю тебя в свой «маленький рай»!

— «Маленький рай»? — переспросил он.

— Это название моего дома, — с улыбкой уточнила она.

Дрожа от холода, она поднялась, взяла сумку и снова нырнула под одеяла.

— Господь на нашей стороне. Здесь ты мог бы умереть от холода. Мне так не терпится скорее увидеть тебя в своей кровати!

Людвиг смотрел на нее, не веря до конца своему счастью.

— Ты мой ангел-хранитель!

— Нет, это ты мой ангел; ты такой красивый!

— Я не красивый, но ты очень красивая!

Он глотнул горячего чая. Шарлотта воспользовалась этим, чтобы оторваться от него. Если она еще немного пробудет с ним под одеялами, ей не удастся совладать со своим страстным желанием заняться с ним любовью, еще раз пережить эти потрясающие эмоции.

— У Шарденов — я рассказывала тебе о них прошлой ночью — еще полно народу. Я ускользнула тайком. Теперь мне пора уходить. Но я очень скоро вернусь. Нам нужно будет все убрать здесь, чтобы не оставалось никаких следов твоего пребывания.

Молодой немец молча кивнул и добавил:

— Но на снегу останутся наши следы! Кто-нибудь может их увидеть.

— Я скажу, что это те люди, которые загоняли лося.

— Я знаю, кто такой лось! Они большие, сильные. Я держался от них подальше в лесу.

Девушка надела свои снегоходы. Она впервые задумалась о том, как Людвиг жил до того, как добрался до Валь-Жальбера и спрятался в подвале дома бывшего бригадира на улице Сент-Анн. «У него еще будет время все мне рассказать, когда мы окажемся в безопасности у меня дома. По вечерам, в нашей комнате, я буду учить его французскому языку. Господи, я не могу поверить, что мы будем жить вдвоем, как настоящая семейная пара!»

— До свидания, милый, — сказал он ей.

— Нужно говорить «милая», а не «милый», — растроганно поправила она его. — Не вставай, набирайся сил.

Шарлотта вышла, оставив сумку, которая понадобится ей ночью. Она двинулась вперед с такой энергией, что на этот раз расстояние показалось ей намного короче. Но при входе в деревню ее поджидал Онезим. С надвинутой на самые брови красной шапкой, в огромной меховой куртке, ее брат показался ей гигантом, возникшим ниоткуда, чтобы напугать ее до смерти.

— Черт побери, где ты шляешься? — рявкнул он. — Я за тебя волновался! Я пошел к Шарденам, чтобы пригласить тебя на ужин к нам, потому что Иветте хочется с тобой поболтать, но тебя нигде не было. Ты что, идешь от старой мельницы?

Шарлотта едва не лишилась чувств. К счастью, ее шарф, поднятый до самого носа, и капюшон, опущенный на лоб, скрыли от Онезима ее залившееся краской лицо.

— Я что, не имею права прогуляться? Господи, я так больше не могу! Все за мной следят, я и шагу свободно не могу ступить! Ты, как Лора и Жослин, считаешь меня десятилетним ребенком. У Шарденов сейчас слишком много народу. Там Бадетта, журналистка, она пробудет у них все праздники, да еще Жозеф Маруа обедал с нами. Ты не знаешь новость? Они с мадемуазель Дамасс объявили о своей помолвке! Представляешь? И у меня тяжело на сердце, Онезим, потому что даже эта старая дева, не отличающаяся красотой, скоро выйдет замуж, а я по-прежнему одинока. Мне захотелось выйти на воздух, несмотря на мороз.

Смутившись, ее брат покачал головой. Он вовсе не был сентиментальным, но вполне понимал свою сестру, которая не могла найти себе мужа.

— А ведь ты красивая, — заметил он. — Значит, Жо женится на учительнице... Однако смельчак! Ведь он уже не так молод.

— Это не мешает им прекрасно ладить, — жалобно протянула Шарлотта, несколько преувеличивая свою скорбь. — Уверяю тебя, у меня на глаза слезы навернулись. Я надела снегоходы и сказала себе, что пойду прогуляюсь до мельницы Уэлле, это успокоит мне нервы. И знаешь, там произошло что-то странное, Онезим. Раздались выстрелы, и я увидела лося, совсем молодого, который спасался бегством.

— Э, не нужно в это вмешиваться! — воскликнул он. — Ты правильно сделала, что быстро вернулась, Шарлотта. Я не хочу знать, чем занимаются эти парни. Я неплохо зарабатываю, получая жалованье на вокзале Роберваля и подрабатывая водителем у мадам Лоры. Есть на что купить сала моим спиногрызам.

— До скорого, Онезим! Скажи Иветте, что я приду на ужин через два

часа, и хорошенько растопите печь, а то я продрогла.

Чтобы до конца доиграть свою роль несчастной девушки, Шарлотта поцеловала брата. Немного взволнованный, он похлопал ее по щеке. Они расстались возле монастырской школы.

«Как же я испугалась! — подумала она. — Я решила, что он что-то заподозрил. Надеюсь, я навешала ему достаточно лапши на уши».

Это вызвало у нее улыбку. Ради Людвига она будет использовать все свое женское оружие: немного лжи, оскорбленной невинности и недюжинную смелость при любых испытаниях или если кто-то осмелится встать на ее пути. Ее истинная сущность постепенно проявлялась. Шарлотта Лапуэнт прежде всего была великой любовницей.

Валь-Жальбер, тот же день

В гостиной роскошного дома Шарденов Лора и Жослин все еще разговаривали с Андреа Дамасс о ее помолвке с Жозефом Маруа. Последний только что с ними распрощался, окрыленный надеждой, которую ему подарила учительница. Они планировали пожениться в конце апреля.

— Вот это новость! Я еще не пришла в себя от удивления, — заявила хозяйка дома, стараясь говорить как можно любезнее. — Теперь, когда Жо ушел, я хотела бы узнать, намерены ли вы продолжать вести уроки. Признаюсь, я была бы очень разочарована, если бы вы меня покинули. Дети делают заметные успехи. Мукки исполнится одиннадцать в следующем сентябре. Он сможет поступить в коллеж Нотр-Дам в Робервале при церкви Сен-Вилатер. Ваша будущая падчерица тоже отправится в коллеж, поскольку она хочет стать учительницей.

— Мари получит свой диплом без труда, — с гордым видом завершила Андреа.

— Но это не отвечает на мой вопрос, мадемуазель.

Эрмина молча присутствовала при разговоре. «Как быстро летят годы! — подумала она. — Действительно, Мукки скоро одиннадцать. Я даже не заметила, как он вырос. Хотя почти с ним не расставалась. Лоранс и Мари-Нутта тоже растут. Они скоро станут девушками. Господи, как бы я хотела родить еще ребеночка! Но для этого я должна разыскать Тошана, встретиться с ним, где бы он ни был. Бог мой, может, я и вправду сумасшедшая, как говорит Бадетта, раз надеюсь найти его во Франции?»

Женщина взглянула на свое обручальное кольцо — простое золотое

колечко. Она купила его в Квебеке в мае, перед отъездом мужа. Он носил такое же. Таким способом они снова поклялись друг другу в верности.

«Так хочется еще раз позвонить Октаву Дюплесси! Если ему что-то известно, он мог бы рассказать мне больше, даже завуалировав правду. Когда я звонила ему, он казался озабоченным. Вернее, не совсем естественным».

Мирей прошла рядом с ней и ласково погладила ее по волосам, сообщив:

— Чай с бергамотом. И пирог с черникой: я открыла банку. Очень полезно делать заготовки на зиму! Черника, даже в сиропе, вкусная вещь.

— Спасибо, — вздохнула Эрмина. — Ты же знаешь, я это обожаю.

Проголодавшаяся мадемуазель Дамасс наконец ответила Лоре:

— Я ни в коем случае не собираюсь отказываться от преподавания, мадам Шарден. Это было бы неблагодарностью с моей стороны — разорвать нашу с вами устную договоренность и тем самым не оправдать вашего доверия. Кстати, у меня к вам просьба. Почему бы не принять старшего сына Онезима Лапуэнта в вашу частную школу? Хотя бы на зимние месяцы. Этот мальчик кажется мне достаточно непоседливым, я заметила это, наблюдая за ним в Рождество, но ему необходимо получать знания и научиться правильно разговаривать. Его отец оказывает вам множество услуг. И я подумала, что...

— Вы подумали, что я веду себя неблагодарно, — сердито перебила ее Лора. — Онезим ничего не делает бесплатно, мадемуазель! Я плачу ему так же, как и вам. Тем не менее, если вам доставит удовольствие обучать такого хулигана, я не возражаю. А теперь давайте пить чай, я люблю его горячим, а не теплым.

Жослин не произнес ни слова за все время разговора. На самом деле внутри он ликовал, поскольку его друг Жозеф добился своего. «Брачная ночь будет бурной, — с хитрой улыбкой подумал он. — Жозеф наконец-то уложит эту старую деву в свою постель. Интересно, как он дотерпит до весны?»

— Что тебя так забавляет, Жосс? — сухо спросила его жена. — Мне не нравится твое насмешливое выражение лица.

— Ничего, ничего, — пробормотал он в бороду.

Эрмина взглянула на своего отца и тоже улыбнулась. Она правильно догадалась, что помолвка Жозефа и Андреа Дамасс потешала его. В эту секунду в гостиную вошла Шарлотта, раздумывая от мороза. Она поздоровалась со всеми и мелодично рассмеялась.

— О! Пирог с черникой! — воскликнула она. — Мой любимый!

Мими, ты дашь мне рецепт, я хочу научиться печь его сама.

— Это совсем несложно, Лолотта, — поддразнивая ее, ответила экономка. — Замеси тесто и, если у тебя нет сливочного масла, добавь топленого свиного сала, но тогда нужно больше подсластить. Одно яйцо, вода, и взбивай. Только не слишком долго. Потом украсишь пирог черникой, нашей замечательной черникой Лак-Сен-Жана, тоже с сахаром. До войны я клала под ягоды немного взбитых сливок, но сейчас они стоят так дорого!

— Спасибо, я буду об этом помнить, — пообещала Шарлотта, усаживаясь за маленький стол, предназначенный для полдников в гостиной. — А где же Бадетта?

— Она отдыхает в своей комнате, — ответила Эрмина. — То есть в будущей комнате Луи и Мукки. Ты могла бы дождаться, Шарлотта, пока наша подруга вернется в Квебек, прежде чем переезжать в «маленький рай». Мадлен вынуждена спать с двумя мальчиками и тремя девочками. Хорошо, хоть я делю постель с Кионой.

— Но это мама Лора захотела, чтобы ты вернулась сюда прямо сейчас! Ты сама вчера вечером говорила, что очень рада снова поселиться в этом доме.

Эрмина подавила раздражение. Разумеется, она ценила легкость повседневной жизни под этой крышей, где она пережила столько чудесных, а также беспокойных моментов. У Мирей все было под контролем. У детей появилось больше места для игр, а после Нового года они смогут ходить на уроки прямо в домашней обуви, не высовывая носа наружу. Но все же Эрмина немного сожалела о том ощущении свободы, которое она испытывала в «маленьком раю», где так часто навещал ее Овид. У нее не было от него никаких известий. «Должно быть, он готовится к свадьбе, — с грустью подумала она. — Мы даже друзьями больше не будем, я в этом уверена. Даже лучше, что теперь я здесь, рядом со своими родителями».

Обиженная Шарлотта больше не раскрывала рта. Лора ущипнула ее за щеку.

— Какая же ты стала красавица! С каждым днем расцветаешь все больше! Правда, Жосс?

— Да, я тоже это заметил.

— Я уверена, моя девочка, что ты тоже будешь помолвлена до наступления лета, — продолжила Лора. — Ты правильно сделала, что переехала в свой дом. У меня есть для тебя работа по шитью и вязанию. Это принесет тебе небольшой доход. Я хочу поддержать наших солдат, отправляя им жилеты, шарфы и носки через Красный Крест. Но увы! Мое

зрение садится. Нужно будет как-нибудь съездить в Шикутими, подобрать очки. Правда, Жосс?

— Да, конечно, — рассеянно ответил ее муж, только что бросивший заинтригованный взгляд на огромную грудь Андреа Дамасс.

Он начинал понимать навязчивое желание Жозефа оголеть эту феноменальную часть ее тела.

— Это замечательно, мама Лора! — пришла в восторг Шарлотта. — Я также решила изучать английский язык. Так что у меня куча планов. Сегодня я ужинаю у Онезима, меня пригласила Иветта. Оттуда я сразу пойду в «маленький рай», чтобы провести вторую ночь в своем доме. Я так хорошо спала прошлой ночью! Но мне было жаль закрывать старого Мало в загоне на улице. Этот славный пес выбрал себе место под лестницей. Я свернула вчетверо одеяло и положила ему, он выглядел довольным.

— Неудивительно, что ты хорошо спала, — заметила Эрмина. — Ты потратила столько сил, помогая нам переехать! Мой гардероб, одежда детей, книги... Но признаю, что это отвлекает от грустных мыслей. Прости меня, Шарлотта, за мои упреки. Я здесь очень счастлива! И я собираюсь осваивать фортепьяно вместе с Андреа. И играть свои гаммы! Я не хочу разочаровать парижан.

Она слегка растянула последние слова. Всем было очевидно, что она думала о своей будущей поездке.

— Я провожу тебя до Нью-Йорка, — заявила Лора. — Мне так нравится этот город! А на обратном пути заеду в Монреаль, на мой завод, проверю с управляющим счета. Сейчас мы изготавливаем боеприпасы для армии. Поэтому я считаю, что вношу свой вклад в обороноспособность нашей страны.

— Дорогая мамочка, — с нежностью сказала Эрмина, — я буду счастлива, если ты поедешь со мной в Нью-Йорк, но только смотри не вздумай в последний момент лететь со мной во Францию!

Они рассмеялись. Андреа Дамасс подавила вздох. Еще недавно она была гвоздем сегодняшнего вечера, а теперь на нее не обращали внимания, лишь Жослин слишком часто поглядывал в ее сторону.

«Бог мой, что я наделала? — подумала она. — Нужен ли мне этот брак? Я не единственная незамужняя женщина даже здесь. Подруге мадам Шарден, Бадетте, скоро уже сорок пять, и, по ее признанию, она не захотела выходить замуж. Индианка, которую они называют Мадлен, отказывается связывать свою жизнь с мужчиной и даже хотела уйти в монастырь. Мирей мне рассказала об этом. Господи! Как было неловко сидеть за столом рядом с Жозефом, словно мы семейная пара! Хотя мадам

Шарден открыла бутылку французского вина в нашу честь. И радость Мари доставляет удовольствие. Моя падчерица... Я бы хотела, чтобы она называла меня мамой. Это звучит так нежно, красиво: “Мама...”».

Шарлотта поднялась из-за стола первой. Она звонко чмокнула Мирей в напудренную щеку.

— Спасибо за пирог, пойду проведу детей. Что-то они расшумелись. А ведь с ними Мадлен.

— Беги, красавица. Я не могу везде поспеть.

Девушка взбежала по лестнице. Наверху она столкнулась с Луи, за которым гнался Мукки. Оба мальчика держали в зубах по деревянной линейке, что мешало им кричать.

— Вы с ума сошли! — возмутилась она.

— Мы играем в пиратов, — объяснил Мукки. — Они нападают на корабли, держа в зубах нож, вот так. Я прочел книжку про пиратов. У тебя в «маленьком раю» коридор не такой длинный, там мы не могли бегать.

— Ладно, развлекайтесь, — сказала она, толкая дверь детской.

Здесь атмосфера была намного спокойнее. Мадлен вышивала очередную салфетку, Лоранс рисовала, а Нутта вязала с сосредоточенным видом. Сидя на своей кровати, Акали читала.

— Добрый вечер! Какие вы молчаливые! А где Киона?

— В комнате Эрмины, она устала, — откликнулась Лоранс. — Не стоит ее беспокоить.

— Мне все равно нужно с ней поговорить, — ответила Шарлотта.

Она обнаружила девочку стоящей на коленях и читающей молитву, скрестив руки и закрыв глаза. Ее пальчики сжимали крест. Вначале опешив, Шарлотта тихо позвала ее. Киона повернула голову и бросила на нее сердитый взгляд.

— Что тебе нужно? Я молилась Иисусу!

— И поэтому ты так неучлива и груба! Насколько я помню, Иисус проповедовал милосердие, доброту, мягкость... Киона, мне нужно тебе кое-что сказать, и это не может ждать. Иди сюда!

Она взяла девочку за плечо и нагнулась к ней.

— Прощу тебя, выслушай меня внимательно. Этой ночью я приведу Людвига к себе, в «маленький рай». С каждым днем становится все холоднее, он не может оставаться в развалинах мельницы. Я надеюсь, что ты не выдашь его, Киона, ведь ты первой позаботилась о нем. Возможно, мне понадобится твоя помощь. Не так-то просто всех обманывать. Я могла бы солгать тебе, сказать, что он ушел, но ты заслуживаешь знать правду. Я все предусмотрела. Когда ко мне будут приходить гости, он будет прятаться

на чердаке. Я обустрою для него удобное место, где он сможет лежать и ждать, пока я освобожусь. Чтобы отвести подозрения, сюда я буду приходить часто. Скажи, ты не видела ничего неприятного про Людвига? Ему не грозит опасность? С ним не случится несчастья?

Киона смотрела на Шарлотту своими янтарными глазами, и никогда еще они не были так похожи на волчьи. Девушка невольно вздрогнула.

— Спасибо, что доверяешь мне, — ответила девочка тоном, в котором не было ничего детского. — У меня больше нет видений, Шарлотта, то есть они стали совсем редкими. Ты правильно поступаешь, иначе он действительно мог бы умереть от холода.

— Почему ты молилась здесь одна, в этой комнате?

— Можно молиться где угодно. Но я хочу извиниться: я не должна была разговаривать с тобой таким тоном. Это не всегда моя вина. Я становлюсь злой, когда мне очень сильно не хватает моей мамы или когда вспоминаю о пансионе.

Растроганная, Шарлотта опустила в кресло и усадила девочку к себе на колени.

— Бедная моя, — ласково сказала она. — Мы все время забываем, сколько страданий выпало на твою долю всего три месяца назад. Я была почти в твоём возрасте, когда умерла моя мама. Её звали Аглаэ, и я её очень любила. Почти целый год она не вставала с постели, её ноги распухли. Но я была почти слепой и не могла помогать ей по хозяйству. Я до сих пор помню, какое горе испытала, когда Онезим сказал мне, что наша мамочка отправилась на Небеса. Чтобы не сильно меня шокировать, он подбирал слова, бедняга. Затем меня приютила Бетти Маруа, и обо мне заботилась Эрмина. Но это не помешало моему отцу, который слишком много пил, причинить мне зло.

— Он тебя бил? — спросила Киона.

— Нет, хуже! Он хотел вести себя со мной так, словно я была его женой, понимаешь? Как эти братья из пансиона, которых следует бросить в тюрьму! Но Эрмина спасла меня в последний момент... Мой отец трогал меня там, где нельзя, целовал в губы...

— Правда? — пробормотала девочка. — Твой отец?!

Шарлотта кивнула, прижав к себе Киону. Её сердце наполнилось огромным состраданием к этой необычной девочке, приводящей в замешательство, порой даже вызывающей беспокойство. Но по сути, это был всего лишь ребенок, к которому жизнь была сурова, в частности, из-за этого мучающего её дара.

— Нужно помнить о тех, кто оставил нас, но кого мы всегда будем

любить, и попытаться вычеркнуть из памяти плохие воспоминания, прогнать их, как назойливых мух летом. Обещаешь мне попробовать?

— Да, я часто это делаю, — вздохнула Киона. — А когда мне страшно, я изо всех сил молюсь Иисусу.

— Почему тебе страшно? Теперь ты в безопасности. У тебя есть папа, который тебя обожает, и вся семья готова встать на твою защиту.

— Я боюсь невидимых существ, Шарлотта! Они приходят ночью, когда я сплю. Мина говорит, что мне снятся кошмары, но я знаю, что люди по всей земле страдают. Они тоже боятся, голодают и мучаются от холода. Многие из них умирают, и их души летают над землей. В такие моменты я умоляю Иисуса помочь мне быть нормальной девочкой, как Нутта и Лоранс или как Акали и Мари Маруа. Если бы у меня были мои амулеты, я бы ничего этого не видела.

Вконец растерявшись, Шарлотта смогла лишь поцеловать Киону в лоб.

— Мне очень жаль, моя девочка. Если я скажу тебе один секрет, тебя это хоть немного утешит? Мы с Людвигом любим друг друга! На Рождество он подарил мне птицу, которую сам вырезал из дерева. Он такой милый... и я считаю его очень красивым.

— Я так и думала, — прошептала девочка, заметно повеселев.

— Расскажи мне, как ты узнала, что он прячется в Валь-Жальбере?

— Как-то вечером, когда я выехала на прогулку с Базилем, мы направились к водопаду. Я так люблю наш Уиатшуан! Возвращаясь, я свернула на улицу Сент-Анн и издали заметила, как кто-то упал в снег за изгородью. Мне бы следовало уйти, но я не смогла. Я почувствовала, что этот человек очень напуган. Я пустила пони галопом и остановилась рядом с ним. У него был потерянный и очень грустный вид. Я улыбнулась ему. А потом мы поговорили. Я поклялась ему хранить тайну и пообещала помогать, приносить еду. Бедняга вначале все твердил: «Нет, нет, не говорить родителям!»

Задумчиво глядя перед собой, Киона словно заново переживала эту встречу. Она прижалась к Шарлотте, которая обняла ее еще крепче.

— Я познакомилась с Людвигом только благодаря тебе. Спасибо, милая моя! Ты правильно сделала, что доверилась мне и показала, где он прячется.

В дверь постучали. Это была Эрмина. Похоже, она была удивлена, обнаружив их уютно сидящими в одном кресле с заговорщицким видом.

— И что здесь происходит?

— Ничего, просто болтаем. Но мне пора возвращаться домой, иначе печка погаснет.

Она оставила Киону своей подруге, расцеловав их обеих.

Руффиньяк, Франция, тот же день

Тошан набирался сил со скоростью, обескураживающей Симону. Она достала ему трость, поскольку он настаивал на том, чтобы встать. С Рождества он мог один ходить в уборную, не опасаясь головокружения. Это была наскоро оборудованная комната. Но он даже не думал жаловаться, испытывая огромное чувство благодарности к этим людям, которые спасли ему жизнь и сильно рисковали, укрывая его в своем доме.

Церковные колокола городка били десять ударов, и их глубокий звук отдавался эхом в мансарде, где томился метис. Он ждал прихода своей медсестры с нарастающим нетерпением. «Мне нужны сигареты и книги, — думал он. — Иначе я сбегу отсюда прямо в таком состоянии».

Послышалось характерное царапанье, словно в дверь скребся грызун. Так Симона давала о себе знать. Она считала, что будет вежливее предупредить своего больного, что она собирается войти.

— Здравствуйте, — с очаровательной улыбкой произнесла женщина. — Брижитт с мужем отправились на мессу. Они взяли с собой Натана, которого мы называем Жаном, чтобы не вызвать подозрений.

Казалось, она испытывает облегчение и гордость от того, что принесла ему теплое молоко с цикорием. Проголодавшийся Тошан поспешил сесть.

— Смотрите, у вас сегодня круассаны. Булочник ухитряется изготавливать их по воскресеньям. Должно быть, он покупает сливочное масло на черном рынке. Я съела один и словно вернулась в довоенный Париж. Ах, парижские круассаны, какое наслаждение! Я также принесла вам варенье и стакан воды.

— Спасибо, я доставляю вам столько хлопот, — мягко произнес Тошан. — Симона, сколько мне еще здесь оставаться? Я хочу услышать ваш медицинский прогноз. Мне нужно выполнить задание, которое я получил в Лондоне. Если бы не это дурацкое происшествие, я был бы уже далеко... Думаю, меня считают погибшим или попавшим в плен к немцам.

— Не могу ничего вам сказать: с пятницы вы не позволяете мне осмотреть рану. Я оставила вам дезинфицирующее средство, мазь и чистые бинты, но я не знаю, насколько вы способны судить о ее состоянии. И дело не только в этом. Мне кажется, что вы также получили сотрясение мозга. Вас нашли под дубом, вы лежали лицом вниз. Мне сказали, что падение произошло с пятиметровой высоты. Тошан, будьте благоразумны: дайте

своему организму восстановиться. Вы были без сознания, обескровлены, с высокой температурой. Господь свидетель, я вообще не понимаю, как вы выкарабкались!

— Благодаря вашей заботе, — тут же нашелся метис.

Они быстро поладили и начали обращаться друг к другу по имени. Симона оказалась женщина с веселым и легким характером. После первого осторожного контакта она не обременяла себя условностями, разговаривала много и откровенно. Ее искренность и даже некоторая фамильярность действовали успокаивающе на нервы Тошана.

— У меня для вас сюрприз! — воскликнула она. — Я вам его отдам, если вы позволите мне обработать вашу рану.

— Об этом не может быть и речи! Я знаю, вы сейчас начнете твердить, что я целый месяц находился в ваших опытных руках и ничего не замечал, что вы видели множество других, ассистируя вашему мужу. Но я сам в состоянии о себе позаботиться. Знайте только, что рана мне кажется чистой и заживающей. Однако при ходьбе я испытываю сильную боль.

Симона покачала головой, на ее лице отразилось беспокойство. Наконец, словно нехотя, она вынула из кармана пачку табака и листы папиросной бумаги.

— Я не смогла достать американских сигарет, — с сожалением сказала она. — Свернете мне папироску?

Тошан уже проглотил два круассана с молоком и теперь смаковал варенье. Он чуть не поперхнулся, увидев табак.

— Да вы просто ангел!

— Тише, не кричите!

— Но ведь в доме никого нет!

— Никогда не знаешь, чего ждать. Нужно быть предельно осторожными. И вам следует привыкать разговаривать тише. Ну, так что с папиросой?

Она выложила все необходимое на покрывало. Тошан замешкался.

— Вы что, курите? Моя жена никогда не пробовала, и я этому рад. Это занятие для мужчин, особенно простой табак!

Симона тут же принялась напевать, прикрыв глаза:

Берешь табак пальцами и разминаешь.
У него сильный и острый аромат, как древесный,
Он опьяняет и оставляет во рту
Почти двусмысленный привкус
Крови, любви и отвращения.

— Что это за песня? — с осуждением в голосе спросил Тошан. — Пошлость какая-то.

— Я знаю только припев. Но в Париже она была очень популярна. Мой голос, конечно, не так красив, как у Берт Сильвы. Вы такой строгий, Тошан! С вами дамы не имеют права ни курить, ни петь.

Он наконец решился свернуть ей папиросу, думая об Эрмине.

— Тут вы ошибаетесь. Моя жена — певица. Она пела во многих операх в Квебеке, Монреале и даже Нью-Йорке. В наших краях ее прозвали Соловьем из Валь-Жальбера. Это городок, где она выросла. Некоторые, более поэтичные, предпочитают называть ее Снежным соловьем. Кстати, снег уже выпал? Сколько сантиметров?

Ошеломленная тем, что только что узнала, а также его вопросом, Симона широко раскрыла глаза.

— Не выпало ни единой снежинки. Значит, ваша жена — оперная певица... Она записала пластинки?

— Нет, это было в планах до войны. У нее необыкновенный голос. Журналисты сравнивают его со звучанием хрусталя, но в ее манере исполнения есть кое-что другое. Мина вкладывает частичку души во все свои песни.

Тошан замолчал, к его горлу подступил ком. Он закурил, рассердившись на себя за то, что поддался эмоциям.

— Я глупец! Как и с этим снегом. Полагаю, во Франции не такие снежные зимы, как в Канаде.

— Возможно, мы увидим снег в январе или феврале, — предположила Симона. — Мне очень жаль, вы так погрустнели! Я имела неосторожность напеть эту песенку и напомнила вам о вашей жене, о семье.

— Я не нуждаюсь в песенках, чтобы думать об этом, — сухо отрезал он.

Женщина сильно побледнела и собралась встать.

— Нет, останьтесь, — попросил он. — Простите меня, Симона! Вы балуете меня круассанами, приносите табак, а я веду себя как мужлан. Эрмина часто упрекала меня в том, что мое плохое настроение распространяется на других. Но мне невыносимо сидеть тут взаперти. Вы ничего не знаете о моей прошлой жизни, и это нормально. В наших краях я занимаюсь охотой. Я не могу сидеть дома целыми днями. Зимой я использую любой предлог, чтобы запрячь своих собак и отправиться куда-нибудь на санях. Я могу проехать много миль. Мне нравятся ледяной ветер,

мороз, кусающий лицо. Я нуждаюсь в свободе, в просторе...

Зачарованная пылом, с которым Тошан рассказывал о своей родной земле, медсестра села на место и принялась его слушать.

— Мой отец, ирландский золотоискатель, купил разрешение на добычу золота на берегу Перибонки, нашей реки. Это название переводится приблизительно как «песочные берега». Я унаследовал дом, который он построил для нас с матерью. Моя мать умерла в сентябре, когда я жил в казарме под Лондоном. Несчастный случай. Она была такой красивой! Тала-волчица, гордая, высокомерная, но мудрая и щедрая. Скажите, если я вас утомил...

— Вовсе нет, продолжайте. Я словно вырвалась из этих четырех стен. В прошлом веке на мансарде жила прислуга.

Он машинально кивнул, одержимый потребностью воскресить в памяти всех тех, кто был ему дорог и остался далеко, на другом континенте. Симона с интересом слушала его. Тошан описал ей свою бабушку Одину — болтливую толстушку, которая любила выпить в сильные морозы, потому что это ее согревало. Он упомянул о своем кузене Шогане, воинствующий дух которого порой заставлял его нарушать законы белых.

— Монтанье становятся все более зависимыми от спиртного. Им приходится отказываться от своего образа жизни, складывавшегося веками, от охоты, рыбалки, стойбищ в лесу якобы для того, чтобы стать цивилизованными. Когда я слышу, как какие-то умники несут подобный вздор, просто выхожу из себя!

— Монтанье... Какое интересное название, — заметила Симона.

— Это мой народ. Раньше он был известен как «инну». Но все меняется, не так ли? Меня не раз называли дикарем, безбожником из-за цвета моей кожи или моих взглядов. Религиозные убеждения действительно достались мне от матери и моих индейских предков. Что предосудительного в том, чтобы жить на природе, считать деревья и животных своими братьями, наделять душой облака или воду в реках? Расизм процветает повсюду, и он очень опасен. Вам ли этого не знать!

— Да, Гитлер и его свора бешеных псов объявили, что евреи — существа второго сорта. По какому праву они судят нас? С начала марта мы обязаны носить желтую звезду, нашитую на одежду. Я этого не сделала, поскольку никто в городке не знает, что я еврейка. Брижитт представила меня всем как свою кузину. На людях она называет меня Симон. А еще ее муж Роже сказал, что в префектуре Периго нацисты поставили стенд с приметами, позволяющими людям выявлять евреев. Получается, нас можно

распознать по размеру нашего лица, треугольнику из невидимых линий между носом, ушами и бровями, характерному для нашей расы. Антисемитская пропаганда омерзительна. Это просто позор! Я не понимаю. Мой муж не был верующим, я тоже. Мы не храним культовые предметы наших родителей. У нас нет семисвечника, и Исаак никогда не носил ермолку — нечто вроде маленькой шапочки, которую мужчины надевают на голову перед молитвой.

— У вас нет никаких известий от вашего мужа? — спросил Тошан. — Я знаю, что в Париже и других городах были многочисленные облавы; но куда же отправляют всех этих арестованных людей?

— Говорят, в трудовые лагеря и на стройки. Все немцы воюют на фронте, а Гитлеру нужна рабочая сила. Один из юных братьев моей подруги, Мартин, попал в Службу отправки на принудительные работы. На самом деле никто не знает, что будет дальше. Вы не находите это странным? Мы разговариваем с вами сейчас, в этом городке Дордони, тогда как до войны у нас была совершенно другая жизнь. Я родилась в Париже и люблю столицу, ее кафе, бульвары, набережные Сены... Я бы так хотела снова оказаться там, где у меня были друзья и уютная квартира! Но Исаак настоял на том, чтобы мы с Натаном отправились сюда. У меня есть деньги. Мартин попытается достать нам фальшивые документы, чтобы я могла уехать в Англию или Швейцарию.

— Вам, наверное, не хватает вашего мужа.

Она некоторое время раздумывала, прежде чем ответить. На ее лице появилась грустная улыбка.

— Я не видела его почти два года. Иногда мне кажется, что я уже стала вдовой. Исаак старше меня на пятнадцать лет. Я вышла за него замуж, потому что восхищалась им и уважала. Он талантливый врач.

Смутившись, Симона встала и принялась ходить по маленькой комнате. Тошан смотрел на нее. У нее были узкие плечи, достаточно короткое тело и широкие бедра. От нее исходила ощутимая чувственность. Это было связано с ее плавными движениями, медлительной походкой, а также низким грудным голосом. Внезапно он подумал о том, что она видела его голым, поскольку должна была мыть его и переодевать. Обработывая его рану, расположенную с правой стороны паха, она наверняка касалась его пениса. При этой мысли он невольно ощутил жар внизу живота.

— Пожалуй, я немного посплю, — пробормотал он.

— Я вас оставлю, — ответила она, не глядя на него.

Шарлотта в последний раз оглянулась по сторонам. В «маленьком раю» все было готово для встречи Людвига. Тем не менее ее не покидало чувство, что она стоит на краю пропасти, через которую ей предстоит перейти без надежды вернуться обратно. Если, не дай бог, кто-нибудь узнает, что она прячет у себя пленного немецкого солдата, последствия будут для нее ужасающими.

— Будь что будет! — сказала она себе дрожащим голосом. — Я не боюсь!

Мало, один из самых старых ездовых псов Тошана, смотрел на нее, виляя хвостом.

— Я рада, что ты здесь, — прошептала она. — Надеюсь, ты будешь продолжать лаять, как только кто-нибудь приблизится к дому. Веди себя хорошо, я скоро вернусь.

Она вышла и тщательно закрыла дверь на ключ. Когда Эрмина решила поселиться в этом доме, стоящем в некотором отдалении, Жослин настоял на том, чтобы поставить крепкий замок и даже засов, поскольку городок был почти пустынным.

Шарлотта натянула капюшон, прикрываясь от ветра, ледяные порывы которого швыряли снег в лицо. Она подумала: «Двадцать лет назад я бы вряд ли смогла пройти незамеченной поздно вечером — так много было соседей. Но двадцать лет назад я еще не думала о любви. Я была совсем маленькой девочкой, к тому же полуслепой».

Набравшись смелости, девушка двинулась в путь, захватив с собой еще одну пару снегоходов для Людвига и палку с железным наконечником. Она также взяла керосиновую лампу. Требовалась немалая решимость, чтобы пробираться сквозь пургу и мороз. «Я должна идти, не думая о том, что это невозможно. Тот, кого я люблю, нуждается во мне, в тепле и нежности! Мне так нравятся слова: “Тот, кого я люблю”! Мой любимый, милый мой! Как нам будет хорошо, когда мы будем лежать в нашей кровати обнаженными и целовать друг друга! Утром я согрею ему молока и приготовлю тосты с черничным вареньем».

Она убаюкивала себя сладкими мечтами до самой мельницы Уэлле. Дорога утомила ее, но одна мысль о том, что она снова увидит Людвига и приведет его в безопасное место, придавала ей энергии. Увидев свет керосиновой лампы, молодой немец застонал.

— Шарлотта? — позвал он. — Мне плохо, у меня жар, сильный!

Он тяжело дышал, лицо его было мертвенно-бледным. Девушка коснулась его лба.

— Господи, у тебя температура поднялась еще больше! И все же тебе придется пойти со мной. Дома у меня есть аспирин, тебе станет легче. Что с тобой?

— Не знаю, — пробормотал он. — Не могу идти.

Его тело сотрясала сильная дрожь. Растерявшись, Шарлотта заплакала.

— Умоляю тебя, ты должен встать! Я была так счастлива! Тебе будет намного лучше у меня! Это не очень далеко, — солгала она. — Ты как следует укутаешься. Я хотела забрать продукты, чтобы никто не узнал, что здесь кто-то жил, но ничего, я приду за ними завтра. Людвиг, пожалуйста, вставай!

Казалось, молодой человек ее больше не слышит. В отчаянии она откинула одеяла, под которыми он пытался согреться. Он лежал прямо в ботинках, старых и дырявых. Вынудив его повернуться на бок, Шарлотта сумела натянуть на него снегоходы.

— Ты обопрешься на меня! — воскликнула она. — Я уверена, что ты сможешь, любимый мой, дорогой... Если ты останешься здесь еще на день, ты просто умрешь. Мороз крепчает.

— Да, я попробую, — прошептал юноша.

Она помогла ему встать, напрягая все свои силы. Счастье, которое она себе пообещала, не могло от нее ускользнуть. Наконец Людвиг, пошатываясь, встал. Его зубы стучали.

— У меня есть с собой немного спиртного. Сделай большой глоток, хуже не будет.

Он машинально подчинился. Шарлотта заставила его надеть старое пальто Онезима, висевшее на гвозде. Затем она натянула ему на лоб шерстяную шапку.

— Видишь, ты не упал, ты держишься — уже хорошо, — твердым голосом произнесла она. — У нас все получится, я это чувствую. Сделай это для меня, для своей Шарлотты!

Она пыталась справиться с охватившей ее паникой. Все могло закончиться катастрофой. Если Людвиг рухнет посреди дороги, ей ни за что не удастся поднять его и дотащить до дома.

— Возьми мою палку для опоры. Я здесь быстренько немного приберу.

Лампа давала достаточно света. Шарлотта почти взмокла, пока переключивала консервы и банки под заплесневелую солому постели Людвиг. Наконец она свернула одеяла и спрятала их там же. Железный таз с золой она просто задвинула в угол. Кто угодно мог укрываться в

развалинах мельницы и разжигать огонь. Людвиг время от времени покачивался, но удерживал равновесие.

— Идем скорее, — наконец сказала она. — Держись за мое плечо, милый.

Она с наслаждением его называла так, несмотря ни на что. Ее сердце не раз сжималось, когда она слышала Эрмину и Тошана, обменивающимися этими нежными словами влюбленных. «Когда я считала себя невестой Симона и однажды решила его так назвать, он одарил меня мрачным взглядом. Я уже тогда должна была понять, что он ничего ко мне не чувствует».

Людвиг был выше ее почти на голову. Девушка ощущала его тяжесть, и с первых же метров ее охватила паника, когда ветер ударил им прямо в лицо. Каждый шаг давался с великим трудом.

— Держись! — крикнула она. — Прошу тебя, держись!

Людвиг цеплялся за нее. Они продвигались вперед, пошатываясь, крепко держась друг за друга.

— Боже, помоги нам! — громко взмолилась Шарлотта.

Она ориентировалась по следам, которые оставила, когда шла на мельницу, но мерцающая пелена из мелкой ледяной пыли ослепляла ее. Ей казалось, что они попали в самую гущу снежных туч, прибывших с Крайнего Севера специально для того, чтобы сбить их с пути и погубить.

«Это самое ужасное испытание в моей жизни, — подумала девушка. — Если мы доберемся до дома, он действительно будет заслуживать названия “маленький рай”. А мы должны туда добраться, чтобы получить свою долю счастья на земле! Это станет нам наградой».

— Еще далеко? — внезапно спросил Людвиг.

— Нет, не думаю, — ответила Шарлотта, не в силах определить расстояние, которое они преодолели. — Как ты?

— Чуть лучше, — признался он.

Успокоенная этой новостью, она снова дала ему глотнуть спиртного. На этот раз он поперхнулся и закашлялся. Но убрал руку с ее плеча. Шарлотта ощутила прилив бодрости.

— Мне хватит палки, — добавил Людвиг. — Бедная маленькая фройлен!

— Наверное, у тебя упала температура, — громко сказала она.

Девушка подумала о Мирей. Экономка утверждала, что при сильном жаре следует охладить больного либо открыв окно, либо растерев его прохладной водой. Лора с Эрминой считали этот метод варварским.

«Кто знает? Холодный воздух и алкоголь могли его взбодрить и, да,

понизить жар. У нас все получится, иначе и быть не может. Спасибо, Господи!»

Уверенная, что они почти у цели, Шарлотта пыталась различить очертания какого-нибудь дома или постройки, но в слабеющем свете лампы не было ничего видно. Она повернулась к Людвигу и не увидела его рядом.

— О нет! Людвиг?

Молодой немец свалился в канаву, заполненную снегом. Падая, он схватился за колышек, торчащий из сугроба у дощатой стены.

— Людвиг, — прошептала она, помогая ему подняться. — Господи, какая удача! Я сбилась с пути, но теперь я узнаю этот колышек и эту стену. Нам нужно свернуть направо, и скоро мы будем дома.

— Больше не могу, — с трудом выдохнул он.

— Нет, можешь, — простонала девушка, еле сдерживая слезы от усталости и напряжения. — Еще несколько минут — и все закончится.

Ей пришлось снова поддерживать его еще добрые пятьдесят метров. Увидев три ступеньки своего крыльца и входную дверь, она не выдержала и разрыдалась в голос. Изнутри Мало отозвался коротким лаем.

— Заткнись, пес, — сказала она.

Рукавицы мешали ей держать ключ. Она сняла их и окоченевшими пальцами сумела открыть дверь «маленького рая». Ее встретила удушьящая волна тепла.

— Людвиг, мы на месте! Ты спасен! Спасен!

Она закрыла дверь и задвинула засов. Молодой немец тяжело опустился на скамью. Мало подошел и обнюхал ноги незнакомца, больше с любопытством, чем с недоверием.

— Сейчас сниму с тебя снегоходы и помогу подняться в мою комнату, — ликующим голосом сказала она. — Опасности больше нет. Смотри, занавески задернуты, они двойные, через них ничего не видно. И сейчас около пяти утра. Все в Валь-Жальбере спят. Но из осторожности я не включаю свет.

Шарлотта наслаждалась своей победой над стихией и собственной женской слабостью. Каждое ее движение выглядело как некий ритуал: погасить лампу, зажечь свечу, растереть ледяные руки своего любовника, дать ему две таблетки аспирина... Он то и дело щурил глаза, словно борясь со сном.

— Ты совсем измучился! Пойдем, я тебя уложу, нужно еще подняться по лестнице.

Наклонившись к нему, она увидела, что по его щекам струятся слезы. Людвиг тихо плакал.

— Милый мой, любимый, — прошептала она.

Он широко открыл свои светлые глаза и с восхищением посмотрел на нее.

— Спасибо, Шарлотта! Ich liebe dich! Твой «маленький рай» прекрасен, и ты даришь мне такой красивый дом и себя.

Переполненная нежностью, девушка наклонилась и стала покрывать поцелуями его лоб, щеки, губы.

— Пойдем, — повторила она. — Я буду любить тебя так сильно, что ты благословишь Небеса за то, что оказался здесь, в Валь-Жальбере.

Четверть часа спустя Людвиг уже лежал в постели во фланелевой рубашке, когда-то принадлежавшей Онезиму. Шарлотта раздела его, и он с наслаждением вытянулся на простынях, подогретых резиновой грелкой. Без всякого стеснения она растерла его тело теплой водой с уксусом.

— Моя мать делала так, когда я возвращалась из школы вся заледеневшая, — с улыбкой сказала она.

Печка гудела с легким потрескиванием. В комнате с бежево-розовыми стенами — любимого цвета Шарлотты — было уютно. Здесь лежали подушки, стояло кресло, накрытое красным пледом, висели картины с пейзажами Лак-Сен-Жана.

— Какая приятная тюрьма, — произнес Людвиг, который, казалось, выздоравливал на глазах.

— Да, — со смехом согласилась она. — Смотри, эта дверь тоже закрывается на ключ. Если ко мне кто-нибудь придет, просто повернешь ключ.

С этими словами, стоя возле кровати, она спустила брюки и расстегнула кофту. Вскоре она предстала перед ним в трусиках и бюстгальтере, ее молодое тело золотилось в пламени свечи. Девушка забыла о всякой стыдливости в своем неистовом желании скорее оказаться обнаженной под его сияющим от радости взглядом. Это произошло очень быстро.

— Ты такая красивая, — выдохнул он.

Людвиг обвел взглядом ее округлую перламутровую грудь, тонкую талию, плавный изгиб бедер и темный треугольник курчавых волос на лобке. Она нырнула к нему под одеяло, в уютное гнездышко из подушек и свежего постельного белья.

— Как же мне хотелось, чтобы ты скорее оказался здесь, рядом со мной! — шепнула она ему на ухо.

— Я здесь. И это настоящий рай после ада.

Они были слишком счастливы и измучены, чтобы уступить

поднимающемуся в них желанию. Уже было чудом лежать вместе в теплой кровати, прижавшись друг к другу, и знать, что они проснутся и смогут свободно предаваться любви, даже если для этого придется лгать и обманывать, держать оборону каждый день. У них будут ночи на то, чтобы лучше узнать друг друга, шепча полные страсти слова по-немецки, по-французски и на вечном и неизменном языке жестов и прикосновений.

Война, сеющая горе по всему миру и играющая судьбами людей, подарила им эту встречу.

Глава 16

Воздух Парижа

Валь-Жальбер, четверг, 25 февраля 1943 года

Лора и Эрмина были почти готовы. Завтра они собирались сесть в поезд до Шамбор-Жонксьона. Дочь брала с собой только один чемодан, поскольку мать планировала купить ей новые туалеты в Нью-Йорке.

— Ты должна быть очень элегантной в Париже, — твердила Лора, и в ее глазах читалось сожаление, что она не может посетить знаменитую французскую столицу. — В марте там уже довольно тепло. Тебе понадобятся красивые весенние платья.

Эта поездка перевернула дом Шарденов вверх дном. Дети стали невыносимыми. Мирей беспрестанно плакала.

— Боже милосердный! Я могу тебя больше никогда не увидеть, моя дорогая Мимина!

Жослин не отставал от других и пребывал в отвратительном настроении. Он ворчал уже целую неделю, считая, что Лоре не следует уезжать.

— Тебя не будет около двух недель, — упрекал он свою жену. — Я сам мог бы проводить нашу дочь в Нью-Йорк и, в отличие от тебя, сразу бы вернулся. Я тебя знаю: ты снова будешь швырять деньгами направо и налево. Шикарный отель, рестораны, бутики... И потом, я тебе не доверяю. Ты вполне можешь сесть на этот проклятый самолет! И если он рухнет в воды Атлантического океана, я потеряю сразу и жену, и старшую дочь. Какое несчастье!

Эрмину мало беспокоили сетования отца. Все ее мысли были заняты только предстоящей поездкой, тем мгновением, когда она ступит на французскую землю. Киона видела странный сон. Она присутствовала при разговоре между Тошаном и темноволосой женщиной, происходившем в маленькой темной комнате.

— Они разговаривали, как мы, Мина, — утверждала девочка. — Тошан выглядел рассерженным. Он твердил, что должен примкнуть к макиزارам.

Это откровение потрясло Эрмину до глубины души. Она тут же

позвонила Октаву Дюплесси, который ограничился объяснением термина «макизары». Так называли участников Сопротивления — подпольного движения, противодействующего режиму Виши, — которые совершали диверсии на немецких военных объектах и занимались антифашистской пропагандой. Разумеется, импресарио говорил уклончиво, не прямым текстом.

Эрмина подошла к родителям.

— Киона не могла придумать этого слова! — заявила она. — Значит, во сне она видела реальность. Тошан, должно быть, прыгнул с парашютом где-то во Франции, или его самолет подбили. Он спрятался, судя по всему, при помощи этой темноволосой женщины. Но он жив, и я его найду.

— Но послушай, милая, если он ушел в партизаны, как ты узнаешь, где он? — возразил Жослин.

— Папа, в Париже я в любом случае буду ближе к нему, чем здесь. Я даже предполагаю, что он ждет меня там вместе с Дюплесси.

— Очень на это надеюсь! Иначе это все равно что искать иголку в стог сена! — воскликнула Лора. — Эрмина, пообещай мне вернуться в Квебек до наступления зимы, в октябре!

— Разумеется, мама! Я не собираюсь расставаться с детьми надолго.

Тем не менее накануне великого отъезда Эрмина испытывала тревогу. У нее состоялся долгий разговор с детьми, в котором она попросила их слушаться бабушку и дедушку, еще раз объяснив причину своей поездки.

— Во-первых, мне предложили выгодный контракт на выступление в парижском театре. Во-вторых, я хочу разыскать вашего отца. Возможно, это безумие, но я чувствую, что должна спасти его от какой-то опасности, угрозы. Киона поддержала мое решение, а вы знаете, что я ей доверяю.

Они молча выслушали мать, затем все трое прижались к ней.

— Родные мои, любимые...

Это было час назад. Сейчас, сидя за фортепиано, она боролась с необъяснимым страхом, действующим на нее угнетающе. «Думаю, паника в такой ситуации вполне обоснована, — сказала она себе. — Ведь я совершенно не знаю, что ждет меня во Франции. В январе Гитлер объявил тотальную войну^[56]. Париж в руках наших врагов. Возможно, мне даже придется петь для нацистских офицеров... Нет, Октав меня предупредил бы».

В разгар эти грустных размышлений в гостиную вошла Шарлотта. Она была укутана от мороза, и из-под одежды виднелись лишь кончик носа и карие глаза, немного подкрашенные.

— К тебе пришли, Мимина. Овид Лафлер! Он не знал, что я вернулась

в свой дом, и поэтому сначала зашел в «маленький рай». Я возвращаюсь, у меня там рагу на огне.

Учитель, должно быть, ждал в коридоре. Держась немного скованно, он подошел, попрощавшись с уходившей Шарлоттой. Ошеломленная, Эрмина порывисто встала.

— Овид! Какой сюрприз! — дружеским тоном воскликнула она. — Рада вас видеть!

Он пристально смотрел на нее, словно хотел вдоволь насытиться ее лицом, улыбкой — всей ее по-прежнему волнующей красотой.

— Я попрошу Мирей приготовить нам чай. Дети сейчас на уроках с мадемуазель Дамасс, а родители отдыхают после обеда. Вы приехали на лошади?

— Да, у меня нет другого средства передвижения. Ваша подруга Шарлотта сказала мне, что вы завтра уезжаете. И куда? Во Францию?! Я правильно сделал, что решил заехать вас проведать. Наверное, уже слишком поздно отговаривать вас от этого безумия. Эрмина, вся Европа в крови и в огне!

— Не нужно преувеличивать, — раздраженно сказала она. — Ни в Париже, ни на остальной территории страны не ведется никаких военных действий. Прошу вас, Овид, садитесь возле печки, я сейчас приду.

Эрмина была рада хотя бы на несколько секунд укрыться от полного нежности взгляда зеленых глаз учителя. «Боже мой, какой шок я испытала, увидев его! Я не думала, что буду так потрясена». Она не торопясь пошла в кухню, где экономка с мрачным лицом чистила картошку.

— Мирей, не могла бы ты принести чай и бисквиты? На две персоны. К нам заехал Овид Лафлер.

— А! — проворчала Мирей. — Если мадам увидит его под этой крышей, снова напридумывает себе бог весть что.

— Мне все равно, понравится это маме или нет. Я не могу принимать его на улице в такой мороз!

С этими словами она вышла из кухни и вернулась к Оvidу. Тот задумчиво разглядывал роскошную обстановку, отличавшуюся очень хорошим вкусом.

— Почему вы живете у матери? — поинтересовался он. — У меня сложилось впечатление, что я побеспокоил вашу подругу, постучав в дверь «маленького рая». Она даже непустила меня внутрь.

— Шарлотта в последнее время так дорожит своей независимостью, что больше напоминает отшельника. И потом, мама нагружает ее работой: вязанием и шитьем. Иногда я завидую ей, что она живет одна со старым

Мало — он такой хороший пес! А мой отец купил ей радиоприемник. Но отвечаю на ваш вопрос: я просто уступила просьбе матери. Когда она узнала, что я уезжаю в Европу, то попросила меня поселиться здесь. Я не могла ей отказать, тем более что это она финансирует мою поездку. Да и дети были рады. Они быстро ко всему привыкают, лишь бы быть вместе. Вы не представляете, как расцвела Акали! Она хорошо учится, и всякий раз, когда слышу ее смех, я радуюсь, что нам удалось вызволить ее из пансиона. Кстати, я отправила вам статью из «Пресс», написанную нашей дорогой подругой Бадеттой. Что вы об этом думаете?

— Замечательная статья, точное изложение ситуации! И очень трогательная, только, думаю, она ничего не изменит. Это безобразие будет продолжаться... Нет, я не опускаю руки, но что делать?

Мирей принесла им поднос с чаем. Эрмина коснулась пальцем чашки из тонкого китайского фарфора. Это был ее любимый сервиз, и она улыбкой поблагодарила экономку.

— Очень красиво, — заметил учитель. — Идиллическое убранство: эти красные цветы, пагоды, кривые ветви деревьев... Но мне это напомнило Японию, которая присоединилась к Гитлеру. Исход войны становится совсем непонятным. Неделю назад, 18 числа, Йозеф Геббельс^[57] произнес речь в берлинском Дворце спорта перед многотысячной восторженной аудиторией. Он призывал к «тотальной войне ради победоносной войны». Закончил он свою речь такой фразой: «А теперь вставайте и пусть грянет буря!» Вот такая сейчас ситуация во Франции, а вы, которая мне так дорога, решили петь в Париже, содрогающемся под сапогами эсэсовцев!

— Да, — с достоинством подтвердила Эрмина, уже начавшая сожалеть о своей аванюре.

— У вас только этот аргумент, неуверенное «да»?

— Я больше не могу быть в разлуке с Тошаном. Можете считать меня идеалисткой, но я надеюсь встретить его там. А вы? Я надеюсь, вы женились?

— Вовсе нет! Мне пришлось разорвать помолвку. Я никогда не смог бы дать своей супруге то, чего она вправе желать: любви, преданности, детей... Я не способен обманывать. Попытался, но не смог. В моей жизни есть только вы, Эрмина.

Она отпила глоток чая, подумав, что была бы счастлива услышать это признание в декабре, когда связь между нею и Тошаном таинственным образом оборвалась. С тех пор все изменилось. Ей не терпелось уехать в Европу.

— Мне очень жаль. Что касается меня, то я похоронила нашу нежную дружбу. Но теперь я уеду не с таким тяжелым сердцем, потому что имела удовольствие повидаться с вами.

— Не играйте словами: я хотел бы подарить вам другое удовольствие, неважно где, — тихо произнес он почти ей на ухо.

Эрмина бросила обеспокоенный взгляд в сторону коридора: Мирей наверняка была где-то недалеко. Она испуганно встала и подошла к окну. Овид тут же оказался рядом. Он осмелился положить руку ей на плечо и прошептать:

— Это голубое бархатное платье вам очень идет. И я обожаю, когда вы распускаете волосы! Они восхитительные, такие светлые... Кажется, будто они живут собственной жизнью. Эрмина, я приехал, одержимый страстным желанием наконец овладеть вами. Соглашайтесь, ведь завтра вы уедете. Пойдемте отсюда, прошу вас!

Она отстранилась и смерила его взглядом, в котором сквозило презрение.

— Вы с ума сошли? — как можно тише сказала она. — Овид, такие речи вам совсем не к лицу! Что вы себе напридумывали? Что я послушно последую за вами в первый же дровяной сарай деревни и лягу на землю?

Под ее ледяным взглядом он отступил назад.

— Разумеется нет! Я тешил себя надеждой, что вы испытываете то же, что и я. Неисправимый глупец! Ну что ж, мне остается снова сесть в седло и вернуться в Сент-Эдвидж. До свидания, Эрмина. В глубине души я завидую вам: вы увидите Париж. Главное — берегите себя. Кто знает, может, после войны, если она когда-нибудь закончится, мы сможем дружить втроем: Тошан, вы и я.

Эрмина еле сдерживала слезы. Овид по-прежнему ей очень нравился. Он отрастил короткую каштановую бородку. Его глаза цвета молодой листвы были невероятно притягательны. Она снова увидела себя обнаженной рядом с ним в конюшне Лафлеров. Этот мужчина помог ей справиться со своей печалью, а также научил ее размышлять, отстаивать свое мнение.

— До скорого, — пробормотала она, пытаясь проглотить стоявший в горле ком.

— Вот вы уже разговариваете по-квебекски, — с насмешливой улыбкой сказал он. — Смотрите, не делайте этого при немцах. Иначе они поймут, что вы канадка, их грозный враг.

— Подождите, я надену пальто и сапоги. Провожу вас немного.

Она также завернулась в шаль, прикрыв голову и нижнюю часть лица,

и натянула черные кожаные перчатки.

— Я два дня никуда не выходила. Какой стыд! Словно я боюсь морозов!

Овид медленно шел рядом, наслаждаясь ее обществом, несмотря ни на что.

— Моя лошадь в старом хлеву «маленького рая» — в том самом темном сарае, который был свидетелем вашего гнева. Мне было приятно видеть вас в таком состоянии из-за моей предстоящей свадьбы. Я думал, что вы умираете от ревности.

— В этом была доля правды, — со смехом призналась Эрмина. — Даже сейчас я испытала облегчение, узнав, что вы не женились. Хорошо, что вы решили меня проведать, я хоть вышла прогуляться. Воспользуюсь этим, чтобы выпить еще одну чашечку чаю у Шарлотты. Этой ночью сильно подморозит, зато ехать будет легче. Онезим, наш постоянный водитель, хорошо оснащен. Каждый год он использует какое-нибудь новое изобретение, чтобы иметь возможность ездить зимой.

Перед входом в сарай, где царил полумрак, благоприятный для последнего поцелуя, Эрмина замедлила шаг.

— Не бойтесь, — тут же сказал Овид. — Я не стану злоупотреблять вашим одиночеством. И очень жаль.

Черная лошадь поприветствовала их коротким ржанием. Эрмина растроганно погладила ее.

— Мне дороги воспоминания, связанные с вами. Наша поездка в индейское стойбище, ночь в гостинице Перибонки и все остальное... Вы заняли свое место в моем сердце, Овид.

— Маленькое место — это уже хорошо, я буду этим довольствоваться, моя дорогая подруга.

Она бросилась к нему в объятия. Молодой человек крепко прижал ее к себе.

— Умоляю вас, возвращайтесь, Эрмина! Чтобы я хотя бы иногда мог встречать вас в Робервале, слышать ваш голос! Знайте также, что я восхищаюсь вашей храбростью.

Она всхлипывала, поддавшись ощущению невероятного комфорта, которое приносило ей лишь одно его присутствие. Было так приятно укрыться в его объятиях, почувствовать бесконечное желание, которое он к ней испытывал. Их губы соприкоснулись, но Овид отстранился.

— Я должен ехать! Пришлите мне открытку из Парижа.

С поспешностью, выдававшей его волнение, учитель вывел лошадь из стойла и оседлал ее. Эрмина помахала ему рукой. Через несколько минут

он уже исчез из виду.

— Овид, — простонала она, расстроенная, что они даже не поцеловались на прощание.

Походкой раненого зверя она направилась к крыльцу «маленького рая». Постучав три раза, она позвала:

— Шарлотта, открывай быстрее, я замерзла!

— Да, я иду! — крикнула девушка. — Одну минуту!

Минута показалась Эрмине бесконечной. Наконец она услышала, как в замочной скважине повернулся ключ, затем раздался звук отодвигаемого засова.

— Что ты так долго? Я вся заоченела.

— У меня руки были в мыльной пене, пришлось их вытирать. Иди погрейся возле печки. Я смотрю, Овид не стал задерживаться!

— Да, у печки хорошо, — согласилась Эрмина. — У него были дела в Робервале, и он решил заехать ко мне, чтобы узнать последние новости. В такой мороз ему лучше отправиться в путь до темноты.

— Можешь быть со мной откровенной, Мимина. Овид проскакал бы сотни миль ради одной секунды в твоём обществе. Он влюблен в тебя — это бросается в глаза.

Пес подошел обнюхать сапоги посетительницы. Она почесала ему лоб между ушами.

— Ты здесь как король, старина Мало, — с грустью сказала она. — Ведь раньше ты круглый год жил на улице. Конечно, у собак есть загон, но это не защищает их от ветра и мороза. Тошану бы не понравилось, что пес привык к комфорту. Мне кажется, он поправился.

— Тем не менее я даю ему только остатки, — сухо ответила девушка. — Ладно, приготовлю тебе чай. Хотя я мыла посуду.

— За одним человеком помыть посуду несложно, — заметила Эрмина. — Тебе еще повезло, что вода не замерзла, учитывая, какой на улице мороз. В свое время завод следил за состоянием водопровода. Просто чудо, что зимой обходимся без проблем.

Эрмина могла бы часами болтать о пустяках, чтобы хоть ненадолго забыть о своем неумолимо приближавшемся отъезде и перестать думать об Овиде, о его нежных губах и надежных мужских объятиях. Шарлотта в это время была как на иголках. Их с Людвигом застал врасплох приход учителя, постучавшего в дверь. Вот уже два месяца она скрывала у себя молодого немецкого солдата, и часто, даже днем, он находился на первом этаже дома. Им достаточно было просто проявлять бдительность. А когда в дверь постучала Эрмина, они как раз целовались за задернутыми шторами.

«К счастью, Людвиг ходит в носках и не производит никакого шума. Он поднялся наверх и наверняка лежит в нашей кровати, нашей чудесной кровати!» — думала Шарлотта, разыскивая банку с чаем.

С порозовевшими щеками, поскольку эта самая кровать была свидетелем их все более дерзких любовных игр, она поспешила налить чаю своей гостье.

— Вот, я добавила тебе немного молока. Но печенья у меня нет.

— Ничего страшного, милая, — рассеянно ответила Эрмина. — Ты придешь сегодня на ужин?

— Конечно, Лора попросила меня прийти. Смотри, какой я сейчас вяжу шарф. У меня получился этот сложный узор. Я хотела бы закончить его до завтра.

— Можешь вязать при мне; я просто хотела немного поболтать с тобой: в последнее время у нас было немного таких возможностей. Я очень боюсь садиться в самолет. Папе удалось меня напугать, рассказав столько ужасных историй об авариях. Шарлотта, если со мной случится несчастье, позаботься о детях, помоги маме их вырастить.

Казалось, Эрмина совсем отчаялась. В ее голубых глазах плескался безотчетный страх.

— Ты еще можешь отменить поездку, — сказала Шарлотта. — Никто не заставляет тебя уезжать.

— Нет-нет, я не могу! Если бы только Бадетта смогла сопровождать меня, как было договорено! Но к сожалению, она сломала ногу на террасе Дюфферен в Квебеке.

— Это все гололед!

Усевшись внизу лестницы, старый Мало тихо заскулил. Пес пристально смотрел на ступеньки, виляя хвостом. Его поведение удивило Эрмину.

— Что с ним? Ты же не позволяешь ему подниматься на второй этаж, я надеюсь?

— Господи, нет, конечно! — заверила Шарлотта. — Наверное, печка в моей комнате слишком сильно шумит: я только что бросила в нее очень сухое полено. Мало начинает беспокоиться, когда гудит огонь. Пей чай, я схожу проверю.

Она вскочила со стула, шлепнула пса и поднялась на второй этаж. На ее лице появилась улыбка: эта ситуация ее одновременно тревожила и возбуждала. Она быстро скользнула в комнату, где Людвиг читал, вытянувшись на кровати. Он обеспокоенно взглянул на нее, поскольку она приложила палец к губам, чтобы он ничего не говорил. Но, поправив

задвигну в печке, она подбежала к нему и поцеловала. Постоянный риск и пренебрежение запретами придавали остроту их отношениям.

— Ну, что там? — спросила Эрмина, увидев, как она спускается.

— Так и есть! С Мало мне не грозит пожар. Я и так натерпелась страху три года назад.

— Боже мой, было бы очень жаль, если бы тогда сгорел «маленький рай»! Мне пора идти, милая. Я вышла, никого не предупредив. Уроки уже должны закончиться, а я хочу провести как можно больше времени со своими детьми.

Эрмина ушла, ни на секунду не заподозрив, что находилась всего в нескольких метрах от немецкого военнопленного.

«Какой красавицей стала Шарлотта! — думала она, направляясь к дому по улице Сен-Жорж. — Просто прелесть! Не понимаю, мужчины слепы или глупы? Я бы хотела, чтобы ее любили так, как она того заслуживает!»

Ее желание уже осуществилось, но она узнает об этом гораздо позже и при весьма трагических обстоятельствах.

Руффиньяк, Франция, суббота, 27 февраля 1943 года

Симона лежала в постели уже час. С тяжелым сердцем она смотрела на месяц, сияющий за окошком. Расположенная на втором этаже комната выходила в сад. Молодая женщина вздохнула, пытаясь справиться с мучительным чувством одиночества.

Ее сын спал в этой же комнате. Брижитт поставила для него старую детскую деревянную кроватку, которую принесла с чердака. Радужная провинциалка была готова на все, чтобы создать хоть немного комфорта для своей подруги и ее ребенка, поскольку считала антисемитскую политику нацистов омерзительной.

«Интересно, где сейчас Тошан? — спрашивала себя Симона. — Надеюсь, человек, который должен был отвести его к группе подпольщиков, достоин доверия».

Ее раненый, как она его называла, покинул городок в конце января. «Он считал, что уже выздоровел, хотя мне казался еще слабым. Или просто мне не хотелось его отпускать...» Она часто задавала себе этот вопрос, особенно по вечерам, лежа в кровати. Время, которое она провела, ухаживая за Тошаном и готовя ему подкрепляющие блюда, было для нее увлекательным. Они много разговаривали, иногда довольно откровенно,

что позволило им лучше узнать друг друга.

«У него необычный характер. Он может быть нежным и терпеливым, а в следующую секунду — уже жестким и резким. Если он принял решение, ничто не сможет его остановить. Но мы много смеялись, потихоньку, конечно. Постепенно наши разговоры стали затягиваться допоздна. В доме было тихо. Мне не хотелось оставлять его одного в мансарде».

Симона заметила, что по ее лицу текут слезы. Она смахнула их кончиками пальцев, упрекнув себя за этот приступ слабости.

«Я должна быть сильной, ради своего сына. Скоро мне сделают фальшивые документы и переправят в Швейцарию. Брижитт утверждает, что здесь нам небезопасно оставаться», — подумала она, не сводя своих темных глаз с месяца.

Неделю назад гестапо арестовало девушку из Руффиньяка, заподозрив ее в связи с партизанами. Затем прошел слух, что несчастную замучили до смерти. Это случилось в Периго, главном городе департамента. Симона не могла избавиться от ощущения, что у нацистов везде свои шпионы и что на нее с сыном вот-вот могут донести. И тогда их отвезут в какой-нибудь лагерь во Франции или в Германии, как это было в Марселе. Месяц назад в Старом порту города произошла облава. Немцы в сопровождении национальной полиции под руководством Рене Буске арестовали четыре тысячи евреев, после чего, по указанию Гимmlера, стерли с лица земли весь квартал.

«Я не хочу, чтобы Натан пострадал, нет, нет!» Судьба ее ребенка была важнее всего, но это не мешало ей сожалеть об отсутствии Тошана. Она успела привязаться к метису. Возможно, даже испытывала к нему чувства. Брижитт открыла ей на это глаза, когда наконец была представлена раненому перед Новым годом.

— Какой красавец! — шепнула она на ухо своей подруге, спускаясь по узкой лестнице, ведущей в мансарду. — А какая улыбка — святая не устоит! Я не обратила на это внимания ночью, когда его принесли. Он был тогда совсем плох. Будь я помоложе и не замужем... Теперь я понимаю, почему ты проводишь столько времени у его постели! Повезло же тебе!

Они заговорщицки рассмеялись. Брижитт приближалась к своему сорокадвулетию и обожала своего супруга.

«По сути, даже хорошо, что он ушел!» — успокаивала себя медсестра, взволнованная одним воспоминанием: она снова увидела стоявшего перед ней Тошана, переодетого в почтенного жителя городка, в шляпе, готового раствориться в лесу, навсегда исчезнув из ее жизни. Он взял ее руки и поцеловал их.

— Вы спасли мне жизнь, я вам очень благодарен, моя дорогая Симона! Я никогда вас не забуду.

Она дрожала от волнения, и тогда он растроганно погладил ее лицо. Она еле сдержалась, чтобы не броситься к нему в объятия. И теперь сожалела о своей сдержанности.

Из грустных раздумий ее выдернул какой-то звук, словно что-то ударило в стекло. Моментально встревожившись, она встала, подошла к окну и отодвинула штору. Ей показалось, что она различила чей-то силуэт в листве лавровых деревьев.

— Кто это? — выдохнула она.

Похоже, внизу ее заметили. Незнакомец вышел из-под дерева и махнул рукой. Это был Тошан, Симона сразу его узнала. Она быстро надела мягкие туфли и спустилась вниз в абсолютной тишине. Ее сердце бешено колотилось.

«Боже всемогущий! Что он здесь делает?» — задавалась она вопросом. Вне себя от волнения, женщина открыла застекленную дверь кухни и подала ему знак. Тошан скользнул внутрь, держась левой рукой за грудь.

— Вы ранены? — прошептала она.

— Ничего серьезного, — ответил он. — Нужно просто обработать рану и перевязать.

Несмотря на полумрак, царящий в комнате, Симона увидела, как он измучен и встревожен. Его лицо казалось посеревшим. На лбу виднелась засохшая кровь.

— Надеюсь, за вами нет слезки? — всполошилась она. — Это было бы ужасно для моих друзей!

— Уверяю вас, нет. Я бы предпочел умереть, чем подвергнуть всех вас опасности.

— Пойдемте, нужно подняться в мансарду. Вы расскажете мне все позже.

Они медленно направились к лестнице, похожие на призраков. Тошан коротко вздохнул, снова оказавшись в четырех стенах комнаты для прислуги, где он томился пять нескончаемых недель и где единственным развлечением были визиты Симоны.

— Вам повезло, я не спала. И к тому же я оставила свою аптечку в этом шкафу. Что случилось?

Она была так взволнована, что голос ее дрожал. Радость смешивалась с безумным страхом.

— Диверсионная операция сорвалась: нас заметил патруль. Пуля задела мне плечо. Возможно, я единственный, кто спасся. Не стану

рассказывать, как мне это удалось. Это было вчера вечером. Я отсиделся в лесу, а когда стемнело, пришел сюда.

— Вы правильно сделали, — подтвердила Симона.

Тошан сел на кровать, прямо на матрас, поскольку постельное белье было сложено на стуле.

— Вы белый как простыня, — обеспокоенно заметила она.

— Меня впервые в жизни назвали белым, — пошутил он.

Его бросало то в жар, то в холод, перед глазами мелькали черные точки. Медсестра поддержала его, когда он начал падать вперед.

— Вы сумасшедший, — прошептала она, укладывая мужчину на кровать.

Это было горькое счастье — снова видеть его без сознания, предоставленным ее умелым рукам. Симона зажгла керосиновую лампу, затем с трудом сняла с него куртку, чтобы расстегнуть рубашку, испачканную кровью. Она то и дело бросала взгляд на его гордое изможденное лицо, полные, красиво очерченные губы.

«Мой прекрасный индеец, — мысленно произнесла она, погладив его по подбородку. — Ты вернулся!»

Но забытье Тошана длилось недолго. Он пришел в себя, когда ее нежные прохладные пальцы стали касаться его тела и лица. И это не было медицинским осмотром... Он догадался об этом и продолжил лежать с закрытыми глазами. Дыхание Симоны участилось, она пробормотала едва различимые слова:

— Наконец ты здесь, как раньше. Наконец-то!

Тошан знал о том, что нравится женщинам. В юности он даже этим пользовался, пока не встретил и не полюбил Эрмину.

Сейчас, чувствуя неловкость, ведь он считал Симону преданной подругой, он, тем не менее, не спешил показать ей, что пришел в сознание. Он наслаждался этими ласками, которых его тело было лишено уже несколько месяцев, чувствуя, как внутри зарождается и растет пламя желаний.

«Пошевелись, не дай ей продолжить, — говорил он себе. — Она лишена своего мужа, но это не повод. Я не имею права, я не должен обманывать...»

Аргументы, за которые он пытался уцепиться, тут же разлетались в прах. Симона в слезах наклонилась к нему и поцеловала в губы.

— Я снова буду заботиться о тебе, Тошан. Увы! Потом ты уйдешь.

Он кашлянул и приоткрыл глаза. Молодая женщина тут же отпрянула и повернулась к нему спиной, начав пропитывать дезинфицирующим

средством большой кусок ваты. Она тихо произнесла:

— Я ждала, пока вы придете в себя, чтобы осмотреть вашу рану. Кровотечения больше нет. Не знаю, хорошо это или плохо.

— Простите, но я ничего не ел сегодня. Мне так не хватало вашей вкусной еды!

— Когда я вас перевяжу, схожу посмотрю, что осталось в кухне. К счастью, в сельской местности мы всегда имеем мясо и овощи.

Тошан внимательно смотрел на нее. За месяц она похудела, и сквозь ее белую ночную рубашку просвечивали плавные изгибы живота и ягодиц. Из-под тонкой ткани выпирали соски. У него пересохло во рту и начал твердеть пенис.

— Вы должны меня выслушать, — сухо произнес он. — Моя рана — не самое главное. Пуля прошла навылет, ее не придется вынимать. Зато вашим друзьям, Брижитт и ее мужу, грозит опасность: их должны арестовать. Точно не знаю когда, возможно завтра. На них поступил донос. Вы скрыли от меня, что они печатают и распространяют листовки, призывающие к борьбе с оккупантами.

Она бросила на него встревоженный взгляд, но ответила не сразу:

— Да, я скрыла это от вас, потому что каждый должен владеть лишь своей частью информации. Чем меньше людей знает о деятельности подпольной организации, тем безопаснее для каждого из нас. Тошан, вы уверены в том, что сейчас сказали?

— Почтальон^[58] перехватил письмо. Подобные послания вызывают отвращение. Кто-то информировал гестапо о подпольной деятельности Рожера Прессиньяка, супруга вашей подруги Брижитт. Но тот, кто написал эту гадость, обязательно сообщит это фрицам другим способом. Лучше не рисковать и не задерживаться здесь.

— Боже всемогущий! Я должна их предупредить. У них еще есть время скрыться. А как же мы с сыном?

— Лучше будет уйти сегодня же ночью. Всем! У вас есть фальшивые документы?

— Пока нет! Полицейский, который пообещал мне их достать, был арестован три недели назад. Брижитт как раз искала другой выход.

Симону охватила дрожь. Она торопливо обработала и перевязала рану Тошана.

— Поторопитесь! И берите только необходимое, чтобы не обременять себя.

Она растерянно кивнула и вышла из комнаты. Надев куртку, скрывавшую револьвер в кобуре, он последовал за ней.

— Слава богу, вы вооружены! Я заметила это, когда осматривала вас. Несмотря на всю серьезность ситуации, Тошан едва заметно улыбнулся.

Руффиньяк, Франция, воскресенье, 28 февраля 1943 года, 00 часов 20 минут

Симона сложила в чемодан самое необходимое под встревоженным взглядом Тошана. Теперь она не решалась будить своего сына.

— Он спит так крепко! Бедняжка, он ничего не поймет! Вырвать его из теплой кровати, увести в ночь... На улице еще холодно. И куда мы пойдём?

— Главное сейчас — покинуть этот дом и этот городок. И самое время предупредить ваших друзей. Где их спальня?

Медсестра внезапно стушевалась. Затем она все же решила заговорить:

— Думаю, в этот час они в подвале. Роже печатает листовки по ночам, и кто-то приходит за ними до рассвета. Я никогда их не беспокоила. Брижитт хотела, чтобы я знала об этом как можно меньше.

— Тянуть больше нельзя, Симона, — отрезал он. — Отведите меня туда, я сам объясню им ситуацию. Эти люди согласились прятать меня в своем доме, они поверят мне и...

Тошан не закончил фразу. Тишину спящего городка нарушил звук мотора. Почти сразу захлопали дверцы, раздался сильный стук в дверь. Симона замерла на месте от ужаса. Дальнейшие события разворачивались с пугающей быстротой. Они услышали быстрые шаги на лестнице, и в комнату ворвалась Брижитт.

— Гестаповцы, — тихо сказала она. — Симона, быстро прячьтесь с Натаном на чердаке. Я везде говорила, что ты уехала, они пришли не за тобой.

Она увидела Тошана, но не стала спрашивать, что он здесь делает.

— Спасите их, месье! — бросила она, выходя из комнаты.

Такой они видели Брижитт в последний раз: с рыжими волосами, переливающимися в свете, падающем из коридора, и в цветастом платье, открывавшем несколько полноватые икры. Снизу послышался голос Роже. Он впустил своих зловещих гостей. Тошан поднял из кровати Натана, приложив руку к его губам. Знаком он велел Симоне следовать за ним. Каждое движение, осторожные шаги казались им нереальными, словно все происходило во сне. Их не покидало ощущение, что они двигаются

невероятно медленно, тогда как сердце буквально выпрыгивало из груди.

В доме раздались глухие удары и крики, даже прогремел выстрел.

Внимательно прислушиваясь к каждому звуку, Тошан провел Симону в уборную мансарды, которую тут же запер на задвижку. Поскольку маленький мальчик, которого он крепко прижимал к груди, отчаянно вырывался, испуганно тараща глаза, он передал его матери.

— Тихо, Натан, — еле слышно велела она. — Не плачь, прошу тебя!

Ребенок кивнул и прижался к ней. Тошан держал револьвер в руке. Он знал, что дверь в уборную была почти неразличима, а в мансарде не было электрического освещения. Но он понимал, что у них нет шансов, если кто-то решит обыскать чердак. Симона думала о том же. Она оставила на кровати кусок окровавленной ваты. Липкий страх и тревога за судьбу своих друзей буквально парализовали ее. Они простояли так несколько минут, не шевелясь, затаив дыхание.

«Хоть бы они ушли! Свалили отсюда, да поскорее», — твердил Тошан, готовясь к худшему.

Оружие ему не поможет: Симону и ее сына арестуют или убьют на месте. На лбу выступила холодная испарина. Ступеньки сотрясались от тяжелых шагов.

«Они поднялись на второй этаж, — сделал он вывод, ощущая в глубине души неприятное чувство смирения. — Глупо было прятаться здесь: мы в ловушке. Нужно было выбраться через кухню, убежать в сад...»

Симона закрыла глаза, прижавшись губами ко лбу Натана. Она обнимала сына изо всех сил, убежденная, что он погибнет из-за нее.

«Прости меня, малыш!» — беззвучно молила она.

Но крики вновь раздались на первом этаже. Прогремел второй выстрел, затем послышался лающий приказ. Гестаповец, осматривавший комнаты, сбежал вниз по лестнице. Несколько секунд спустя дверцы снова захлопали, заревели моторы. Наконец вернулась тишина, гнетущая, пугающая. Оставаясь настороже, Тошан опустил револьвер. Он выждал еще десять минут, не решаясь поверить, что опасность миновала. Симона всхлипывала, съездившись в углу уборной.

— Оставайтесь здесь, я схожу посмотрю, свободен ли путь, — сказал он ей.

— Нет, пожалуйста, не оставляйте меня!

— Прошу вас, наберитесь мужества, я сейчас вернусь.

Не дожидаясь ее ответа, Тошан отодвинул задвижку и приоткрыл дверь. Он выскользнул в мансарду, вышел в другую дверь и оказался

наверху лестницы.

В доме было темно. Метис ощутил запах пороха. Он тихо крался по коридору второго этажа, словно кот, подбирающийся к добыче. Напрягая все органы чувств, он вскоре убедился, что в доме никого нет. Брижитт и Роже, должно быть, арестовали. «Их повезут в Периго и будут пытаться», — подумал он, страдая от бессильного гнева.

Ему хотелось бы заглянуть в подвал, но из осторожности он не стал этого делать. Нельзя было включать свет, а фонарика у него не было. Поднимаясь обратно на чердак, Тошан столкнулся с Симоной, которая несла Натана, обхватившего ее за шею.

— Я же велел вам оставаться наверху, — прошептал он. — Ладно, идемте, пора уходить. Где ваш чемодан? Вы взяли с собой деньги?

— Мой чемодан наверху, но мне нужно переодеться, — ответила она жалобным голосом. — Я зайду в свою комнату. Не волнуйтесь, я быстро.

Тошан понял, что произошло: сильный страх спровоцировал естественную реакцию организма.

— Хорошо, — спокойно ответил он. — Я схожу за вашим чемоданом. Возьмите также пальто для сына и удобную обувь. Я знаю, где мы сможем спрятаться до завтрашнего вечера.

Четверть часа спустя они уже шли по грунтовой дороге. Метис посадил ребенка Симоны себе на плечи. Женщина двигалась, не говоря ни слова. Наконец они вошли в лес, где царил непроницаемый мрак, который словно поглотил их и отрезал от мира живых.

Валь-Жальбер, тот же день

Жослин Шарден слушал радио, но этим утром сигнал был таким плохим, что он раздраженно выключил приемник. Сидевшая на ковре Киона бросила на него задумчивый взгляд.

— Ты расстроен, папа? — спросила она.

— Нет, доченька, не волнуйся, — ответил он со вздохом, опровергавшим его слова.

— Ты скучаешь по Лоре и Эрмине? — настаивала девочка. — Они звонили тебе вчера вечером. Зачем?

— Чтобы сообщить, что прибыли в Квебек. Больше ничего.

Киона встала и подошла к креслу отца. Под пристальным взглядом ее золотистых глаз он почувствовал себя неуютно.

— Что ты так на меня смотришь?

— Я знаю, что тебе страшно, папа. Вчера вечером, за ужином, ты говорил Мирей, что очень рискованно ехать во Францию из-за войны.

Он пожал плечами и раскурил свою трубку. Пока Лоры не было, он позволял себе курить сколько угодно.

— Поскольку мы с тобой вдвоем, я попробую объяснить тебе ситуацию, Киона. У немецкой армии есть хорошо оснащенные подводные лодки и боевые истребители. Поэтому сейчас небезопасно везде: и в океане, и в небе. Да, мне очень страшно. Эрмине не следовало затевать эту поездку. Я даже надеюсь, что у нее не получится добраться до Парижа. Суда реквизируются для перевозки войск, и они обходят стороной воды Северной Атлантики. Что касается гражданских самолетов, полагаю, все французские аэропорты находятся в руках врага.

— Но у нее все получится, папа, — с улыбкой заверила девочка.

— Я молюсь с утра до вечера, чтобы она вернулась к нам живая. Кстати, Киона, похоже, это ты побудила Эрмину принять такое решение. Не морщи носик, я узнал это от Шарлотты. Какая муха тебя укусила, что ты отправила свою сестру в страну, подчиняющуюся немецким законам, к нацистам?

— Это было необходимо. Иначе...

— Иначе что?

— Мина должна помочь Тошану, папа, я видела это во сне. И не бойся, она вернется, потому что Иисус хороший. Он не может забрать у меня и мать, и старшую сестру, которую я так люблю.

Потрясенный Жослин усадил девочку к себе на колени. Ему казалось, что он ежедневно сталкивается с чем-то сверхъестественным, которое, однако, родилось от его плоти и крови.

— Сны не всегда имеют буквальный смысл. Они также могут подтолкнуть нас к неправильным действиям. Тошан рассердился бы, узнав, что Эрмина ввязалась в такую глупую авантюру. Но ты правильно делаешь, что веришь в нашего Господа Иисуса Христа.

Киона молча прижалась к нему щекой. В объятиях отца она чувствовала себя в полной безопасности. Жослин поцеловал ее в лоб.

— Нам с тобой хорошо вдвоем, — тихо признался он. — Здесь стало так тихо!

Это была невинная шутка по поводу непривычной тишины, царящей в доме в отсутствие Лоры. Несмотря на сварливый характер, Мирей все же было далеко до своей хозяйки.

Мадлен находилась на втором этаже с Луи и Мукки. Каждое воскресенье зимой мальчики играли в оловянных солдатиков, используя

большой восточный ковер в качестве поля битвы. Близняшки и Акали ушли играть к Мари Маруа. Киона не пошла с ними, желая побыть наедине со своим отцом.

Шарлотта, вошедшая в дом через дверь кухонной подсобки, нарушила их приятное уединение.

— Всем привет! — воскликнула она. — Простите, что помешала! Вы здесь так уютно устроились.

— Чем обязаны твоему визиту? — шутливо спросил Жослин. — Мы тебя видим все реже. Надеюсь, ты останешься на завтрак.

— О нет! Я просто хотела взять несколько книг из библиотеки. Когда выпадает столько снега, мне нравится читать в тепле...

— Ты скоро прочтешь все наши книги, милая.

Со своего места Киона лукаво улыбнулась Шарлотте: она часто интересовалась, как поживает Людвиг.

— После обеда я ему читаю — так он быстрее осваивает французский, — рассказала ей Шарлотта. — Мы так счастливы вместе! Он пообещал жениться на мне, когда закончится война. Я готова переехать в Германию, если понадобится.

Девушка могла говорить об этом бесконечно. Она также расспрашивала Киону, пытаясь обрести уверенность в завтрашнем дне.

— Скажи, Киона, у тебя не было видений по поводу нас двоих в будущем? Ты не видела меня в белом платье?

Девочка утверждала, что нет, добавляя, что теперь у нее почти не бывает видений.

— Папа Жосс, ты же не станешь меня попрекать моей тягой к знаниям, — вздохнула Шарлотта, разглядывая полки высокого застекленного шкафа из темного дерева. — Лучше посоветуй мне какой-нибудь захватывающий роман.

— Для этого тебе лучше дождаться Лору. Лично мне хватает газет и радио. Киона, сходи в кухню и скажи Мирей, что на завтрак я хочу омлет с салом и жареным луком.

Как только она вышла из гостиной, Жослин встал и подошел к Шарлотте. Он окинул ее испытующим взглядом. Девушка изобразила удивление:

— Со мной что-то не так?

— Твоя потребность в уединении начинает мне казаться несколько странной. Ты так изменилась за два месяца! Шарлотта, надеюсь, что ты серьезная девушка и не встречаешься с кем-то тайком. Это было бы прискорбно, и ты бы меня очень разочаровала.

Ценой невероятных усилий ей удалось сохранить невинный вид, хотя внутри все задрожало от тревоги.

— Папа Жосс, ты меня обижаешь! Я дорожу своей честью так же, как и все. И моей вины нет в том, что мне нравится быть в своем доме хозяйкой, ни перед кем не отчитываясь. В двадцать два года я еще не замужем. И в ожидании идеального мужчины наслаждаюсь своей свободой, но не нужно считать меня распутницей! До свидания!

С ожесточенным лицом и мрачным взглядом она вышла из гостиной, так и не выбрав книги. Жослин решил не догонять девушку. Он считал, что правильно поступил, решив ее предостеречь.

«Женщины такие чувствительные!» — подумал он, усаживаясь на место.

Шарлотта ворвалась в кухню к Мирей и Кионе с горящими щеками и поджатыми губами. Она молча надела свою меховую куртку и сапоги.

— Выпей хотя бы чаю, — предложила экономка.

— Нет, я возвращаюсь в «маленький рай», — надменно ответила та.

Киона не проронила ни слова, но проводила Шарлотту до двери кухонной подсобки. Высокомерный вид девушки тут же сменился выражением глубокого отчаяния.

— Мне кажется, папа Жосс что-то подозревает, — прошептала она на ухо девочке. — Господи, если кто-нибудь узнает правду, мне останется только умереть!

— Не говори так, прошу тебя! Возвращайся скорее, надвигается буря.

— И слава богу! По крайней мере, никто меня не побеспокоит. Киона, ты поможешь мне? Пообещай!

— Да, я обещаю.

Девочка подкрепила эти слова лучезарной улыбкой. Надев снегоходы, Шарлотта вышла из дома. Вскоре она уже шла по улице Сен-Жорж, где свирепствовал сильный ветер, бросая в лицо острые крупинки снега. «О! Защити меня, буря! — молилась она. — Моя холодная страна, не выдай меня! Я не могу потерять свою любовь, своего милого! Я и не знала, что можно любить так сильно, всей душой, всем своим существом!»

Ей приходилось идти, согнувшись почти пополам; лицо онемело от порывов ледяного ветра со снегом. Но она думала только о том благословенном мгновении, когда руки Людвига сомкнутся на ее талии, о том восхитительном моменте, когда они лягут в постель, обнаженные, сгорающие от желания.

«Я иду к тебе, мой ангел, моя любовь, — шептала она со слезами. — Никто не причинит тебе зла, никто нас не разлучит».

Девушка упала на колени на первой ступеньке своего крыльца. Ей не без труда удалось повернуть ключ в двери, нажать на ручку. Ее тут же окутала волна тепла. Из последних сил она задвинула засов.

— Моя красивая женушка, — тихо позвал Людвиг. — Наконец-то ты здесь!

Он подбрасывал в печку дрова, но в мгновение ока очутился рядом с ней, снял с нее шапку, шарф и куртку.

— Я так испугалась! — воскликнула она, бросаясь ему на шею. — Обними меня крепче, поцелуй меня.

— Что случилось? Неприятности?

— Нет, не знаю, но я представила, что ты ушел, что конная полиция ищет тебя, и чуть не сошла с ума. Людвиг, поклянись, что возьмешь меня с собой, если тебе придется бежать! Поклянись!

Он с тревогой взглянул на нее, тут же ощутив возбуждение. Она казалась ему восхитительной, но главное, он был в нее влюблен как никогда.

— Шарлотта, не проси меня об этом. Но я клянусь, что буду любить тебя до самой смерти.

Прижавшись к нему, она заплакала. Он гладил ее по шелковистым темным волосам.

— Теперь я так хорошо тебя знаю. Ты добрый, честный, нежный! И я не хочу, чтобы тебя наказали только за то, что ты родился в Германии, а в мире идет война! Ты виноват не больше меня, Людвиг, любимый мой!

Он убаюкивал ее, шепча слова утешения.

— Нет никакой опасности, шторы задернуты, ветер шумит, — твердил он. — Сегодня нам ничто не грозит. И мы вместе.

Шарлотта в слезах отыскивала губами его губы, пьянея от нежного, страстного поцелуя. От безумного шквала ветра внезапно затрясся дом, труба на крыше зашаталась.

— Пойдем, нам будет лучше в кровати, — прошептала она. — Только мы с тобой в нашей комнате.

Она отступила на шаг, чтобы полюбоваться им. Со своими большими серо-голубыми глазами и удивительно гармоничными чертами лица в окружении коротких светлых кудрей, Людвиг показался ей невероятно красивым. Они улыбнулись друг другу, готовые забыть обо всем на свете, отдавшись во власть удовольствия, в котором они совершенствовались с каждым днем.

Этот день, подобно многим другим, будет наполнен безумными объятиями и разговорами вполголоса под одеялом. Старушка зима

оберегала их счастье.

Аэропорт Бурже, суббота, 6 марта 1943 года

Эрмина ступила на французскую землю с чувством огромного облегчения. Она только что покинула самолет, спустилась по железному трапу, и это было великим счастьем. Сейчас могло произойти что угодно, но она чувствовала, что сможет преодолеть все, только не еще один перелет.

Очень бледная, она окинула взглядом людей, собравшихся возле самолета. Элегантный мужчина помахал ей рукой. Октав Дюплесси был на месте. Он бросился к ней с букетом роз в руке.

— Моя дорогая! — нарочито громко воскликнул он. — Какая радость принимать такую артистку! Париж ждет вас! Что я говорю, он вас заждался!

Молодая певица играла заранее намеченную роль. Из своего отеля в Нью-Йорке она смогла связаться с Октавом, и тот дал ей последние указания по-прежнему в завуалированной форме.

— Я уже вижу день вашего прилета! — с пафосом говорил он. — Яркая звезда во всей своей красе: белокурая, красивая, как ангел, шикарная, как обычно!

Это несомненно означало, что Эрмина должна была выглядеть как настоящая знаменитость, по примеру таких кинозвезд, как Грета Гарбо, Рита Хейворт или покойная Кэрол Ломбард, скончавшаяся в прошлом году.

Она не чувствовала себя способной достичь их уровня, но сделала все, что смогла. На ней было небесно-голубое платье с глубоким вырезом под меховым манто из чернобурки. Ее выющиеся от природы волосы ниспадали на плечи, переливаясь в лучах солнца. На молочно-белом лице выделялись большие голубые глаза с искусно нанесенным макияжем.

— Вы восхитительны, очаровательны! — добавил Октав, целуя ее руки в перчатках.

Эрмина улыбнулась немного устало. Она смотрела на него, и ей было сложно узнать в нем прежнего Октава. От него исходила какая-то озадачивающая ее лихорадочность. Он похудел, постарел. Но одно в нем не изменилось: мужчина по-прежнему был уверенным в себе, привыкшим к роскоши и безупречно воспитанным человеком.

— У меня есть аусвайс для вас, — шепнул он. — Иначе говоря, пропуск. Прошу вас, не удивляйтесь ничему, что я могу сказать или

сделать! Сейчас вы встретите первых немцев, будьте с ними любезны. Я все объясню вам в свое время.

Ошеломленная и ужасно встревоженная, она легонько кивнула головой.

— Аэропорт под надзором Вермахта, разумеется!

Дюплесси обмял ее за талию и повел в холл. Возле дверей стояла группа солдат в серо-зеленой униформе с красными повязками с изображением черной свастики. На головах у них были фуражки. Октав пожал руку одному из них, по всей видимости имеющему самое высокое звание, и этот жест неприятно поразил Эрмину.

— Полковник Рибер фон Леебе, я счастлив представить вам лучезарную Эльзу моего «Лознгрена», — произнес импресарио. — Рихард Вагнер^[59] одобрил бы мой выбор, не так ли?

— У меня просто нет слов, — ответил военный с отрывистым акцентом, показавшимся Эрмине очень необычным. — Мадам, я счастлив познакомиться с вами и в ближайшем будущем вам аплодировать. Месье Дюплесси показывал мне ваши фотографии, и я надеялся с вами встретиться. Я потрясен!

Он склонился, чтобы поприветствовать ее. Ни жива ни мертва, Эрмина замерла на месте. Октав перекинулся парой фраз с немецким офицером, и через несколько минут она наконец смогла укрыться в роскошном автомобиле с бежевым кузовом и сияющими хромированными деталями. Там она дала волю своему волнению и гневу.

— Я послушала вас, Октав, — начала она. — Я никак не отреагировала, но я возмущена. Что означает весь этот маскарад?! Никогда бы я не приехала во Францию, если бы знала, что вы вынашиваете этот гнусный и позорный замысел заставить меня петь для немецких солдат! Я отказываюсь. Я никогда не совершу подобного предательства; хуже того, теперь у меня появились серьезные сомнения в вашей моральной чистоплотности. Надеюсь, вы хотя бы скоро отвезете меня к Тошану...

— Сожалею, но не в ближайшем будущем.

Дюплесси закурил сигару, крепкий аромат которой окончательно рассердил певицу.

— О! Я совсем забыла о вашей гадкой манере курить гаванские сигары, не беспокоясь о моем комфорте! — воскликнула она. — Где Тошан? Отвечайте сейчас же!

— А вы, милое дитя, сумеете выслушать меня, не расстреливая своими прекрасными голубыми глазками? Опустите лучше стекло и вдохните этот теплый воздух. Мы скоро въедем в Париж. Наслаждайтесь зрелищем, моя

маленькая канадка!

— Пока я не вижу ничего особенного, — раздраженно отрезала Эрмина. — Но здесь действительно тепло, признаю. Меня это удивило сразу, как только я вышла из мерзкого самолета.

— Вам не понравился самолет? — насмешливо спросил он.

— Не понравился?! Это еще мягко сказано! Я сто раз прощалась с жизнью, уши болели, мучила тошнота. Из десяти пассажиров самолета я была единственная, кто летел в первый раз. Этот вид транспорта бесчеловечен, чудовищен! Я только и делала, что молилась, — это помогало. Я была уверена, что обречена, и думала о своих детях и родителях. Господи, это действительно было ужасно! Как только появится возможность, я тут же отправлюсь обратно, но на корабле. Я совершила ошибку, слепо доверившись вам, и теперь об этом жалею — если бы вы только знали, до какой степени! К тому же вы ничего не говорите мне о моем муже...

Эрмина разрыдалась. Дни, проведенные в Нью-Йорке с матерью, были тяжелыми, омраченными их обоюдным страхом перед предстоящим авиаперелетом. Лора сумела раздобыть билет на нужный рейс, что тоже было совсем непросто.

«И все это ради такого плачевного итога, — подумала Эрмина. — Октав сотрудничает с нашими врагами и рассчитывает втянуть меня в свои постыдные махинации. Нет и нет! Я хочу вернуться домой. Я уверена, что он солгал насчет Тошана!»

— Эрмина, — наконец произнес Дюплесси, — не делайте поспешных выводов на основе увиденного и услышанного. Есть разные способы вести войну. Я бы не хотел распространяться на эту тему, но, думаю, другого выхода у меня нет. Вы нужны мне. Поэтому я буду говорить откровенно и прямо. Я непримиримый противник режима Виши, поддерживающего антисемитскую пропаганду Гитлера. Для меня это недопустимо, отвратительно. Моя бабушка из очень богатой еврейской семьи. Это была удивительная женщина, и в память о ней я сражаюсь с нацистами. По Европе ходят страшные слухи о судьбе депортируемых евреев. Я веду борьбу в строжайшей тайне, изображая преданность оккупантам. Вы приехали из Канады и даже не представляете, что здесь творится. Чтобы быть кратким, скажу вам: моя должность директора театра дает мне огромные преимущества. Тем более что немцы одобряют публичные развлечения, включая кабаре-шоу, они финансируют кинопроизводство в стране. Эта тактика, наряду с другими, позволяет побежденным думать, что они могут жить и развлекаться так же, как и до войны. Пение сейчас

вообще на пике волны. Иногда в куплетах передаются зашифрованные сообщения... Этот полковник, Рибер фон Леебе, которого я вам представил, снабдил меня множеством аусвайсов, и он такой любитель красивых женщин, в частности певиц, что буквально ест у меня с рук. Я попросил вас приехать во Францию по двум причинам: покорить немецких офицеров, чтобы иногда вечером у меня были развязаны руки, и поддержать вашего мужа. Смотрите, милое дитя! Вон Эйфелева башня!

Эрмина увидела знаменитое парижское сооружение, стройный силуэт которого вырисовывался на нежно-голубом небе, усеянном пушистыми облаками. Она ощутила странное волнение.

— Но она такая маленькая! — удивилась Эрмина.

— Это потому, что мы еще далеко.

Молодая женщина опустила стекло и высунула руку из машины. Вдоль тротуара выстроились начинающие цвести деревья.

— Такое ощущение, что уже весна!

— Да! А в Валь-Жальбере наверняка еще метровые сугробы и все сковано льдом, — предположил Октав.

Она бросила на него задумчивый взгляд, прежде чем покаяться.

— Простите меня, дорогой друг, — серьезно произнесла она. — Было глупо сомневаться в вас. Просто я ощутила такую панику, выйдя из самолета и оказавшись перед немецкими солдатами! Вам следует рассказать мне больше, чтобы избежать оплошностей с моей стороны. Что касается вашего полковника, то, надеюсь, его восхищение не будет переходить границы. Не рассчитывайте на меня, если понадобится соблазнить этого мужчину! Я правильно поняла, Октав: вы — участник Сопротивления? Мой отец рассказывал мне о тех, кто присоединился к генералу де Голлю, к «Свободной Франции».

Дюплесси невольно вздрогнул. Он дружески похлопал по руке молодую певицу.

— В будущем больше не произносите этого имени, Эрмина. Уверяю вас, здесь следует быть предельно осторожными. Да, я состою в крупной подпольной организации Сопротивления, я даже один из ее шефов, но, ради бога, забудьте об этом. Если дела пойдут плохо — а мы никогда не чувствуем себя в безопасности, — лучше, чтобы вы знали как можно меньше. Однако могу уточнить сразу, чем вы можете мне помочь. Повторюсь, но я попросил вас пересечь океан вовсе не из глупой прихоти. Я должен выполнить задание в провинции и для этого планирую организовать турне после нескольких концертов в столице. Поэтому мне нужна настоящая оперная певица, способная убедительно спеть в опере

Рихарда Вагнера. Немцы преклоняются перед этим гениальным композитором, который был большим другом короля Людвига II Баварского. Говорят, этот монарх, восхищенный поэзией и магией «Лоэнгрина», велел построить замок, достойный волшебных сказок, назвав его Нойшванштайн, что означает «новый лебединый утес». В общем, вы прочтете либретто оперы и сами все поймете.

— По сравнению с вами, я чувствую себя совершенно дремучей, — призналась Эрмина. — Я интересовалась многими композиторами и музыкантами, но только не Вагнером. Октав, я буду сражаться вместе с вами, и, если мой голос может быть вам полезен, я только рада. Но как же Тошан?

— Немного терпения!

Он подмигнул ей. В его взгляде читалась благодарность, но также и удивление. Эрмина возмужала и выглядела более решительной и менее впечатлительной, чем раньше.

— Вы потрясающая женщина! Теперь, может быть, выпьем чаю в восхитительном кафе-кондитерской? Я хочу показать вам Париж. Не обращайтесь внимания на нацистские флаги и военные машины. Смотрите! Представляю вам Сену во всей ее красе, сверкающую в солнечных лучах. Вон там виднеются башни Нотр-Дам, а слева от вас — сад Тюильри и дворец Лувр.

Эрмина жадно смотрела по сторонам. Она никогда еще не видела такого красивого города. Обилие старинных сооружений, анфилады мостов, красивые фонари — все ее восхищало. Грациозным движением она подставила свое очаровательное лицо теплому ласкающему ветерку.

— Воздух Парижа, — прошептала она. — Я его никогда не забуду...

Глава 17

У каждого своя война

Дордонь, Франция, суббота, 6 марта 1943 года

— Где мы? — спросила Симона, когда поднялась луна осветила призрачным сиянием странные развалины, которые окружали просторный двор, заросший колючим кустарником.

— В укрытии, которое мне показали. Оно хорошо известно местным подпольщикам, — ответил Тошан. — Как вы могли убедиться, это старый заброшенный замок, как и ферма по соседству. Кажется, он называется Эрм, и в прошлом здесь было совершено множество злодеяний.

Молодая женщина вздрогнула. Мрачный пейзаж вполне соответствовал ее настроению. В это мгновение с криком проснулся малыш Натан.

— Успокойте его, ради бога, — велел метис. — Мальчик должен научиться молчать, иначе рано или поздно мы из-за него погибнем.

— Он всего лишь ребенок, ему страшно, — возразила Симона. — Мне тоже страшно.

Тошан пожал плечами. Он бы измучен, но это не помешало ему устроить их как можно удобнее в комнате, вход в которую скрывал куст бузины, обвитый плющом. Пламя зажигалки осветило стены, высеченные в скале, глинобитный пол и крепкий свод.

— Здесь есть чистая солома. Другие тоже используют это место в случае необходимости. Отдыхайте, Симона. Утром мы решим, как действовать дальше.

Эти слова были произнесены неделю назад. И они до сих пор не покинули развалины замка, словно стали пленниками этого уединенного места. Сидя на солнышке, Симона боролась с этим ощущением. Ее сын играл в двух метрах от нее с простой деревяшкой, подбрасывая ее вверх и ловя на лету.

Было очень тепло. Серые ящерицы бегали по ближайшей стене. Тошан отправился на рассвете на поиски пищи, так как съестные припасы, которые они взяли с собой в вечер побега, уже закончились.

«Что он рассчитывает найти в это время года? — задавалась вопросом

молодая женщина. — Даже если он поймает дичь или рыбу, мы все равно не сможем ее приготовить».

Тем не менее она в него верила. В течение этих дней, проведенных вместе, метис проявил себя приятным компаньоном. На складе фермы он нашел джутовые мешки, которые служили им одеялом, а чтобы развлечь их, по вечерам он рассказывал древние легенды своего народа. Натан засыпал, слушая истории, в которых бобры разговаривали, а гигантский ворон создавал мир одним взмахом крыла.

Наблюдая за Тошаном, Симона открыла для себя другую грань его личности. Это был человек природы, созданный для открытого пространства, свежего воздуха, леса. Даже в этой незнакомой ему стране он распознавал лекарственные травы и чувствовал приближение лисы. Она улавливала то ощущение дикого счастья, которое он испытывал, пробираясь ночью между деревьями, срывая только что раскрывшийся маленький цветок или попросту касаясь земли или камней.

«Это его индейская кровь, — думала она, одновременно растерянная и очарованная его необычностью. — Такое ощущение, что он везде чувствует себя дома. Я никогда не слышала об этом разрушенном замке, но он привел нас сюда, не сбившись с пути, словно знал дорогу».

Ей не хотелось снова отправляться в путь. У них был почти первобытный образ жизни, и ее это устраивало. Сейчас, подставив солнцу лицо, она размышляла: «По утрам мы по очереди ходим к ручью умываться. Пока у нас было сухое молоко, Натан выпивал по стаканчику на завтрак. Затем Тошан осматривает окрестности, забираясь в одну из башен. После обеда мы все складываем в одном месте на случай, если вдруг придется срочно уходить. Вечером, съев по кусочку хлеба, мы укладываемся спать, и он говорит, говорит, и его голос успокаивает меня и ободряет».

Конечно, когда Натан крепко спал, они разговаривали о войне. Судьба Брижитт и Роже беспокоила их больше всего. В первую ночь Симона могла лишь молча плакать, но потом взяла себя в руки.

— У каждого своя война, — звучал в темноте тихий голос Тошана. — Ваши друзья сделали свой выбор, решив бороться с врагом, с нацистами. Не все немцы разделяют идеи Гитлера. Этот изверг — хитрый, изворотливый тиран. Он избавился от всех тех, кто противился ему. Его приход к власти организован темными силами — демонами, согласно верованиям моего народа. Недавно я узнал, что среди подпольщиков Сопротивления есть немцы, здесь, во Франции. Это либо солдаты, которые дезертировали, испугавшись масштаба преступлений, совершаемых

эсэсовцами, либо гражданские, пожелавшие примкнуть к угнетенным народам и сражаться вместе с ними. Это заставило меня задуматься. Нужно судить каждого человека по его поступкам и доблести, а не по военной форме или цвету кожи.

Симоне оставалось лишь соглашаться, даже если некоторые утверждения метиса, слишком привлекательного адъютанта Тошана Клемана Дельбо, наполняли ее тревогой или ужасом. Однажды вечером, когда она умоляла его пойти в Руффиньяк, предположив, что хотя бы Брижитт, возможно, вернулась домой, он рассказал ей то, что ему было известно.

— Вы с сыном в опасности! Может быть, вы полагаете, что гестапо просто отправит вас во французский концлагерь в Дранси? Евреи туда попадают лишь на время. Потом их быстро переправляют в Германию целыми составами в вагонах для перевозки скота. Какова их дальнейшая судьба? Те, с кем я смог связаться, утверждают, что депортация вполне может превратиться в массовое уничтожение. Я знаю, это кажется безумным, невыносимым, и все же... Союзники в курсе некоторых вещей, но они не решаются действовать, они тоже сомневаются. Я поклялся себе спасти вас с Натаном.

Должно быть, Тошан считал, что они в безопасности в этих развалинах. Деревья вокруг замка — вековые дубы и огромные каштаны — частично скрывали его. Дорога, ведущая к нему, заросла резедой, глинистая почва не позволяла проехать на машине. Илистые канавы заполонили камыш и осока, а единственная дверь в здание скрывалась под густой завесой из плюща.

— Это проклятое место, — заявил метис на второй вечер. — Но я не боюсь колдовства. В случае гонений и угроз такие места служат прекрасным укрытием. Мы спим там, где, судя по всему, раньше был хлев, но укрытые от дождя и ветра. Так что все хорошо.

Симона со временем в этом убедилась. Натан не жаловался на эту жизнь на свежем воздухе. С расцарапанными о колючие кустарники ногами, покрасневшими щеками, малыш сам находил себе развлечения.

Днем во дворе царил удивительное спокойствие. Медсестра не уставала любоваться дымоходами из белого камня и красивыми скульптурами, украшавшими северную стену замка. Казалось, они висят в воздухе, и Симоне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что на самом деле они указывают местонахождение бывшего пола. Она не осмеливалась подниматься в башни, но Тошан их все обследовал. Он утверждал, что в одной из них, среди мусора, устилающего землю, был

колодец, и запретил Натану к нему приближаться.

«Рано или поздно нам придется отсюда уйти, — подумала Симона, бросив взгляд на свои часы. — Где же Тошан? Уже больше полудня».

В эту секунду к ней подбежал Натан.

— Мама, я хочу есть!

— Я оставила для тебя печенье, — ласково сказала она. — Пойдем, я дам тебе одно. Но только одно!

— Тебе нужно просто сходить к тете Брижитт и взять у нее еды! — воскликнул ребенок.

— Тише, не кричи так громко. Ты же знаешь, шуметь нельзя.

Над развалинами с пронзительным криком пролетел ястреб. Внезапно Симона испугалась. Впервые Тошан отсутствовал так долго. Она представила себя с Натаном одну перед неотвратно приближающимся немецким патрулем.

— Подождем Тошана в хлеву. Идем со мной, быстро!

Мальш, встревоженный испуганным видом матери, беспрекословно подчинился. Молодая женщина тщательно расправила заросли плюща, благославляя это зеленое растение. Ее сердце громко билось в груди. «Господи, защити нас! Что будет со мной и Натаном, если с Тошаном случится несчастье?»

Дрожа всем телом, она легла на их импровизированную постель и крепко обняла сына, предварительно накрывшись мешками, источавшими слабый запах пыли и зерна.

— Мама, ты споешь мне песенку? — спросил мальчик.

— Нет, я не могу, Натан. Прошу тебя, будь послушным! Мне показалось, что я услышала голоса вдалеке. Ты же помнишь, что я тебе сказала: нам следует избегать встреч с местными жителями и солдатами.

Она ничего не слышала, кроме громкого крика хищной птицы, но ей хотелось, чтобы сын вел себя смирно. Так прошел день. Они лежали неподвижно, испытывая почти животный страх. Когда опустились сумерки, Симона, терзаемая тревогой, дала ребенку последнее печенье и немного воды. Она осыпала его ласками так, словно его могли отобрать у нее в любую минуту.

— Пора спать, милый. Прошу тебя, засыпай. Мама тебя не оставит. Она всегда будет с тобой.

С наступлением ночи Симона отважилась выйти во двор. Лунный свет бросал тусклые отблески на неровные стены, разъеденные временем. Замок принял угрожающий вид.

— Господь всемогущий, пусть Тошан вернется поскорее! — тихо

взмолилась она.

Натан наконец заснул. Медсестра решилась выйти за круглые ворота, ведущие к узкому мосту, возведенному над водяным рвом. Высокие деревья с редкой листвой протягивали к небу свои длинные извилистые ветви. Где-то ухала невидимая сова. Молодая женщина с тревогой взгляделась в темную массу соседней фермы. Она испытывала ужасающее чувство одиночества. Внезапно послышались шаги, а также шелест травы. Это не было похоже на походку одного человека, скорее, их было несколько.

«О нет, нет!»

Вскоре она различила в темноте стадо кабанов: шесть тяжелых бурых животных бежали рысцой, опустив морды вниз. Симона выросла в Париже, сельская местность была для нее чужим миром. Она испуганно отпрянула, готовая закричать. В эту секунду кто-то обхватил ее за талию, зажав ладонью рот. Все ее тело напряглось, замерев от ужаса.

— Я здесь, все закончилось, я здесь, — раздался тихий голос Тошана у нее над ухом. — Простите меня, я опоздал.

Женщина обернулась в страстном порыве, испытав такое облегчение, что из ее глаз хлынули слезы. Он продолжал обнимать ее, и она, задыхаясь, обвила его шею руками.

— Ах! Я так испугалась, так испугалась! — всхлипывала она. — Я подумала, что вы меня бросили, то есть меня и моего сына, или что вы погибли! Слава Богу, вы здесь!

— Как вы могли такое подумать? — возмутился он. — Разве я могу бросить вас одну с ребенком?

— Но с вами могло случиться несчастье, — жалобно добавила женщина.

Это было сильнее, чем все ее целомудрие и нравственность: она поцеловала его теплые полные губы, глядя его лицо. Ничего не могло оторвать ее от него — ее спасителя, ее защитника. К благодарности, близкой к безумию, примешивалось лихорадочное желание, которое она сдерживала уже несколько недель.

Тошан сначала пытался сопротивляться, но он ощутил мягкое прикосновение ее груди и живота. Губы Симоны были умелыми, податливыми, влажными и теплыми. Он ответил на ее призыв, и их поцелуй был бесконечным, предвещавшим более дерзкие объятия, к которым стремились их изголодавшиеся по наслаждению тела.

— Идем, — сказал он наконец, прерывисто дыша.

Опьяненная страстью, она, пошатываясь, двинулась вперед, всем телом прильнув к Тошану. Он повел ее к входу в одну из башен,

освещенную лунным светом. Это было потребностью у красавца метиса — наслаждаться зрелищем обнаженного женского тела, готовящегося к любви.

— Я хочу тебя увидеть.

Он сбросил на землю кожаную сумку и револьвер и начал неторопливо ее раздевать. Симона сразу поняла, что это было частью его удовольствия, и вела себя пассивно, несмотря на бушующую в ней сладострастную бурю. Тошан снял с нее серую кофту и белую блузку, затем спустил бретельки ее шелковой комбинации. Его руки мимоходом ласкали ее крепкое матовое тело, слегка касаясь его пальцами, словно крыльями бабочки. Наконец он ловко расстегнул бюстгальтер и тут же обхватил ее грудь, тяжелую и мягкую, с очень темными сосками. На секунду он невольно вспомнил грудь Эрмины, более высокую и упругую, прелестные соски которой, даже твердея от возбуждения, сохраняли аппетитный цвет спелой клубники. Но Эрмина была далеко отсюда, по другую сторону Атлантического океана. Желание, которое он испытывал в эту секунду, ни в чем не умаляло его безусловной любви к жене.

«Я не знаю, увижу ли ее снова, — промелькнуло у него в голове. — Завтра или послезавтра я могу умереть. Сейчас имеет значение только это мгновение, эта ночь и эта женщина, истосковавшаяся по мужчине».

Симона тихо постанывала, поскольку он снимал с нее юбку и трусики. Дыхание его участилось в предвкушении приближающегося действия.

— Ты красивая! Очень красивая! — выдохнул он, не сводя глаз с тени между ее округлыми бледными бедрами. — Ты тоже меня хочешь?

— О да! Уже несколько недель я мечтаю о тебе, Тошан.

Его палец скользнул в теплую и влажную плоть, осторожно исследуя ее. Из его груди вырвалось глухое ворчание хищника во время гона, а внизу живота стало очень горячо. Все шло не так, как планировалось, но отступить он уже не мог. Позже они обсудят это, примут решение. Позже...

Она потянулась к нему, бесстыдно покорная, откинув голову назад, подставив шею, словно жертва палачу. Все ее тело дрожало в ожидании его. Она хотела только этого — принять его в себя, принадлежать ему. Тошан сумел сдержаться. Он целовал ее грудь и плечи, не переставая возбуждать пальцем, умело и настойчиво. Симоне пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

— Прошу, возьми меня, — прошептала она ему на ухо. — Вдруг Натан проснется. У нас мало времени!

Этот внезапный призыв к реальности не охладил пыла метиса. Он насмешливо улыбнулся и ответил:

— Твой сын настоящий дьяволенок днем, но спит он очень крепко. Не волнуйся.

Она молча кивнула, с затуманенным от страсти взглядом. Тошан сдался и вошел в нее нарочито медленно, чтобы лучше ощутить охватывающее его наслаждение. Закрыв глаза, он проник глубже. Не было ничего прекраснее в мире, чем акт любви, теперь он об этом вспомнил. После жестокости, пролитой крови, тревог и одиночества он вновь возвращался к самой сути жизни. Он мог бы оставаться до рассвета в глубинах сокровенной плоти этой женщины, нежной и горячей. В состоянии полного блаженства он чередовал быстрые движения с более медленными, выходил, чтобы снова овладеть ею. Симона, прикрыв рукой рот, чтобы не закричать от наслаждения, переходящего в исступленный восторг, умело и неумолимо двигалась, чтобы чувствовать его как можно лучше.

Они испытали сильнейший оргазм, оба лихорадочно возбужденные, потерявшие ощущение реальности. Обнявшись, дрожа всем телом, они еще несколько минут не отпускали друг друга.

— Мне холодно, — наконец сказала она.

Тошан выпрямился и помог ей одеться. Он казался смущенным, но был крайне предупредителен, что очень ее тронуло.

— Ты сожалеешь? — обеспокоенно спросил он.

— Нет, что ты, — откликнулась Симона. — Я была так напугана и испытала такое счастье, увидев тебя!

Она улыбнулась ему в мягком свете луны. С растрепанными черными волосами, сияющими глазами, она была очень красива. Тошан растроганно погладил ее по щеке.

— Мы никого не предали, — сказал он. — Когда жизнь висит на волоске, а опасность подстерегает на каждом шагу, дозволено нарушать определенные границы и обязательства.

Симона догадалась, что он имеет в виду их спутников жизни. Она удивилась, что почти не испытывает угрызений совести по отношению к Исааку, своему мужу.

— Думаю, он меня простил бы, — задумчиво произнесла она. — Исаак часто советовал мне следовать своему инстинкту, не считая себя виноватой. Он знал меня лучше всех, и моя чувственная натура его забавляла.

Эти слова поразили Тошана. Он задумался о судьбе еврейского врача, почти не сомневаясь, что несчастного депортировали в Германию.

— Ты чувственная и обворожительная, — прошептал он, целуя

Симону в губы.

Он прогнал внезапно возникший в мыслях образ Эрмины. Если однажды ему повезет вновь увидеться с ней, тогда он и решит, как поступить. «Зачем заставляю ее страдать, рассказывая о том, что произошло? Когда я вернусь на родину и обниму ее, эта ночь исчезнет из моей жизни».

— Симона, мне нужно с тобой поговорить, — серьезным тоном сказал он. — Пойдем ближе к Натану. Я принес с собой чем согреться.

Она последовала за ним, полная нетерпения и любопытства, но с тревожно бьющимся сердцем, поскольку его расстроенное лицо не сулило ничего хорошего. Они уселись под бузиной, возле входа в хлев, где спал ребенок.

— Я сумел встретиться с человеком из нашей организации, почтальоном из Руффиньяка. Он налил мне кофе в термос. У меня еще есть сыр, свежий хлеб и паштет. Ты, должно быть, проголодалась!

— Что-нибудь известно о моих друзьях? — прервала она его.

— Они не вернулись в деревню. Наверняка их бросили в тюрьму.

— Тошан, будь со мной откровенен! Ты опустил голову. Скажи правду!

— Мне очень жаль, Симона. Помнишь, той ночью, когда их арестовали, я рассказывал тебе, что мы пытались взорвать состав на железной дороге? Операция провалилась, и немцы произвели аресты, казнив многих людей. Среди них был Роже. О судьбе Брижитт нам ничего неизвестно.

— Боже всемогущий! Бедный Роже, он был таким великодушным, таким смелым! Зачем провоцировать гнев нацистов? Подпольщикам не следует совершать акции, за которые вместо них расплачиваются ни в чем не повинные люди! Эта тайная борьба ни к чему не ведет! Я предостерегала своих друзей, но они отвечали, что нужно любой ценой сражаться с оккупантами.

Ее голос задрожал. Закрыв лицо ладонями, Симона заплакала от бессильного горя.

— Ты говоришь так сейчас, — возразил Тошан. — Однако, когда я пришел в сознание на мансарде, где вы меня прятали, ты была на стороне Сопротивления. Ты даже сама участвовала в этой рискованной операции.

— Я знаю, и ты не первый, кого я выхаживала. Просто я по-своему поддерживала Брижитт и Роже, оказывая им услугу. Но это не мешало мне жить в постоянном страхе, что однажды мы попадем в лапы гестапо.

Он налил ей кофе. Она выпила его, всхлипывая, похожая на ребенка в своем горе.

— Что нам теперь делать? — спросила она. — У меня никогда не будет фальшивых документов, а прятаться здесь месяцами мы не можем.

— Я отведу тебя в Бордо — это ближайший порт. Мы будем идти ночью, избегая населенных пунктов. Почтальон дал мне карту и адрес одного чиновника, противника режима Виши. Этот человек выдает официальные документы, позволяющие евреям отплыть в Америку или Англию. Я выдам себя за твоего мужа. Мне нужно попасть в Лондон. Мы расстанемся в Бордо.

— Но я никого не знаю в Соединенных Штатах! Я бы хотела остаться во Франции или перебраться в Швейцарию, как советовал мне Роже.

— Будет лучше, если ты послушаешь меня. Самое важное сейчас — выжить и защитить Натана. Нам понадобятся недели, чтобы добраться до Швейцарии, и нет никакой гарантии, что мы сможем перейти границу, тогда как в Бордо мы будем уже дней через десять.

Он взял ее руки и нежно сжал. Симона растерянно покачала головой.

— Мы никуда не сможем попасть без фальшивых документов! Нужно обязательно их достать. Я уверена, что почтальон нам поможет: я могу дать ему денег или свои драгоценности.

— Они понадобятся тебе за границей, — отрезал метис. — Не зацикливайся на фальшивых документах.

— Роже утверждал, что только с ними можно передвигаться по Франции. Тошан, я верю тебе, но я так боюсь!

Он притянул молодую женщину к себе. Она в слезах прижалась к нему. Никто из них не вспоминал о недавних безумных объятиях при лунном свете, об охватившем их неистовом возбуждении. Чувственное удовольствие, жадные поцелуи — все это постепенно исчезало, вытесняемое горькой реальностью. Война с новой силой напомнила о своей власти, жестокой и разрушительной.

— Мы отправимся в путь послезавтра... А теперь идем спать.

Они легли возле ребенка, крепко обнявшись. Тошан услышал крик совы в деревьях, окружающих развалины. «Я мог бы сейчас быть на берегу Перибонки, в своем лесу, — сказал он себе. — Мама! Помоги мне! Тала-волчица, моя прекрасная неукротимая волчица, укажи мне путь! Быть может, этот разрушенный замок тоже представляет собой магический круг из камней, который мы не должны покидать? Мама, у меня священная миссия — спасти эту женщину и ее ребенка. Но я боюсь ошибиться и тем самым обречь их на смерть. Тала, ответь мне, прошу!»

Немая мольба вызвала у него ностальгическую улыбку. Родная земля была далеко, а его мать умерла. Сердце Тошана сжалось, и до самой зари

он не сомкнул глаз.

Париж, воскресенье, 7 марта 1943 года

Открыв глаза после крепкого сна, Эрмина с удивлением обнаружила себя лежащей в незнакомой комнате с восхитительной обстановкой. Она спала с приоткрытым окном, и до нее доносился шум столицы: обрывки разговоров, автомобильные гудки и воркование голубей на крыше. «Это правда, я действительно в Париже, во Франции. Но сегодня я отдыхаю, так велел мой импресарио. Вчера вечером я даже не смогла выйти на ужин, настолько была измучена».

Ощувив странное возбуждение, она встала и босиком подошла к окну, выходящему на маленький балкон из кованого железа. Ее комната находилась на четвертом этаже, и отсюда открывался замечательный вид. Она сделала шаг вперед. Между мощеными берегами набережной текла Сена. Утреннее солнце золотило колокольни собора Нотр-Дам — величественного сооружения с обилием скульптур на фасаде.

— Какая красота! Сегодня обязательно пойду туда помолиться за тех, кто мне дорог, живых и ушедших.

Теплый ветерок коснулся ее лица. Мягкость французского климата поражала Эрмину. Она с трудом могла себе представить, что в Валь-Жальбере сейчас стоят сильные морозы.

«Как далеко остались мои родные места! — подумала молодая женщина с легкой грустью. — Надеюсь, я смогу дозвониться домой».

Она подумала о своих детях, родителях, своей дорогой малышке Кионе, не забыв про Мадлен и Акали, а также о бойкой Шарлотте. Попытавшись представить расстояние, которое их разделяло, она ощутила легкое головокружение.

В дверь постучали.

— Одну секунду! — крикнула Эрмина.

Она быстро накинула пеньюар из небесно-голубого атласа и сунула ноги в туфли без задников. Женщина в черном платье и белом фартуке внесла в номер поднос с завтраком. Она поставила его на круглый столик, стоявший в углу комнаты в окружении трех стульев. Октав Дюплесси следовал за ней по пятам. Как только официантка вышла, он запер дверь на ключ.

— Эрмина, я пришел вас поприветствовать и выпить чашечку кофе в вашем прелестном обществе! — громко воскликнул он с присущим ему

пафосом. — Ну как, вы хорошо устроились?

— Замечательно! Эта комната просто восхитительна! Я не ожидала такого простора и комфорта. Но у французов есть вкус, мама мне постоянно об этом твердит.

Она окинула взглядом мебель из темного дерева, розовые занавески, картины, украшающие стены, оклеенные обоями в пастельных тонах с растительным орнаментом.

— Какая хорошая мысль — составить мне компанию за моим первым парижским завтраком! — наконец сказала она, тем не менее несколько смущенная, что принимает Октава в пеньюаре.

— Со своей стороны, я безмерно счастлив, что вы теперь рядом со мной. И мне не терпится вас снова услышать. Ах, мой дорогой Соловей! Никогда не забуду того далекого Рождества, когда я впервые наслаждался вашим волшебным голосом в церкви Шамбора! Я оказался там совершенно случайно, и тут появились вы, хрупкая, белокурая и такая красивая... Ангельское личико, лазурно-голубые глаза... Я все ждал какой-нибудь фальшивой ноты, оплошности — но нет, вы брали высокие ноты без колебаний, достигая совершенства с неслыханной легкостью. У меня множество планов на вас, и парижане будут вам аплодировать, став вашими поклонниками так же, как и я с того Рождества!

Дюплесси восторженно вздохнул и налил себе чашку кофе, разглядывая свою звезду.

— Даже при пробуждении вы лучезарны, трогательны и невероятно красивы. Но я отвлекся. Хорошо ли вы спали?

— Да, и только что я любовалась собором. Он великолепен! Я могла бы часами стоять у окна. Этот отель хорошо расположен, я вам за это благодарна. Сердце Парижа, как вы вчера сказали.

— Я заказал вам чай. Вас это устроит? И круассаны — дивные парижские круассаны, которые некоторые булочники еще продают, несмотря на всеобщий дефицит продуктов! А вот варенье и молоко. Я хочу вас холить и лелеять, моя дорогая!

Эрмина не стала обижаться на Дюплесси за фамильярность. Восемь лет назад, когда она репетировала «Фауста» в Квебеке, ей пришлось быстро адаптироваться к своеобразной артистической среде. Нередко Лиззи, местный режиссер в юбке, входила в ее уборную и заставляла ее полуголой. Что касается Октава, он мог без колебаний поцеловать ее в губы за кулисами, чтобы помочь справиться с волнением.

— Я разрешу вам меня холить и лелеять, — с улыбкой ответила она, — но при одном условии.

— Каком же?

— Я хочу знать правду о причинах своего присутствия здесь. Всякий раз, когда мы разговаривали по телефону, меня не покидало странное ощущение. Вчера вечером я слишком устала, чтобы вас расспрашивать, но сегодня утром умоляю: будьте со мной откровенны. Так вот, насколько я поняла, вы знаете, где мой муж, но обходите эту тему стороной.

— Прошу вас, Эрмина, говорите тише. У стен иногда бывают уши, даже в этом заведении, которое в некотором смысле является моей штаб-квартирой. Что касается вашего мужа, да, я знал, где он находился, но с некоторых пор потерял его след. И признаюсь, я вам немного солгал, чтобы заманить вас сюда.

— Значит, я была права! В глубине души я подозревала, что вы меня обманываете. Умоляю, расскажите хотя бы, что вам известно о Тошане! Я ни за что не отправилась бы в эту поездку, если бы не надежда его увидеть. В самолете я повторяла себе, что он будет ждать меня в Париже вместе с вами.

— Но это невозможно, Эрмина! Полагаю, вы не очень хорошо представляете себе ситуацию во Франции. Вчера я пообещал вам предоставить некоторые объяснения. Съешьте круассан, милая, вы так побледнели!

Молодая женщина покачала головой. Она не сможет проглотить ни кусочка, пока не узнает, что случилось с Тошаном. Октав смирился. Внезапно лицо его посерьезнело. Этот любитель тонких острот и изящных насмешек был наделен своеобразным юмором. Эрмина испытала его на себе еще в начале их сотрудничества. Это был поразительный, непредсказуемый человек. Он устремил на нее свои кошачьи желто-зеленые глаза. Эрмина нетерпеливо смотрела на него, отметив про себя, что он выглядит постаревшим. Его темно-русые волосы на висках слегка тронула седина, а в уголках рта появились мелкие морщинки. Однако, со своим крупным носом и квадратным подбородком, он был гораздо привлекательнее любого молодого красавца.

— Хорошо, я расскажу вам основное, — начал он немного суховато. — Я встретил вашего мужа в Лондоне, где обосновались лидеры «Свободной Франции». Полковник представил нам его как отличного воина. Поскольку я моментально узнал вашего повелителя лесов, я подтвердил слова его начальника, что позволило мне привлечь адъютанта Дельбо в свою организацию. Десять дней спустя он получил чрезвычайно сложное задание, в котором проявил себя героем. Я не стану сообщать вам имя человека, который спас его во время операции. Имена запрещены в военное

время, когда все друг друга подозревают. В ноябре Тошан вызвался добровольцем на новое задание, еще более опасное. И вот здесь мы его потеряли, решив, что он либо погиб, либо попал в плен. Но благодаря нашей разведке ближе к Рождеству я узнал, что он был тяжело ранен во время парашютного прыжка в намеченной зоне. Подпольщики спрятали его у себя дома, в Дордони. Его выходили. Я отправил вам поздравительную открытку, поскольку решил, что вы, Эрмина, тоже должны приехать во Францию, чтобы быть рядом с ним, если он выживет и нам удастся отправить его в Канаду. Наше руководство действительно сочло необходимым предоставить ему длительный отпуск, поскольку у него жена и трое детей. После этого планировалось присвоить ему звание лейтенанта и отправить на службу в военный гарнизон Квебека. Но для этого Тошана нужно разыскать. И вы единственная сумеете уговорить его отказаться от борьбы. Судя по всему, он очень упрямый...

Эрмина еле сдерживала слезы. Рассказ Дюплесси напугал ее и одновременно обрадовал.

— Слава Богу, Тошан жив! И он сможет вернуться на родину, в нашу страну снегов. Это будет справедливо. Его мать умерла в сентябре прошлого года. Он не смог проводить ее в последний путь. Я знаю своего мужа: ему необходимо ходить по своей родной земле. Он должен вернуться в свои леса и в наш дом на берегу Перибонки. Мне так его не хватает, Октав!

Сдавленное рыдание заставило ее замолчать. Импресарио, смутившись, замахал руками.

— Эрмина, наберитесь мужества! Вы не единственная женщина, оказавшаяся в подобной ситуации. Сейчас таких, как вы, тысячи. Служба отправки на принудительные работы опустошила дома. Матери оплакивают своих сыновей, жены тоскуют по своим мужьям. Отсюда и успех песни «Я одна в этот вечер». Лео Маржан исполнила ее так талантливо, что некоторые считают название песни идеальным символом мрачного периода оккупации.

— Я слышала ее как-то раз по радио...

Дюплесси принялся напевать, устремив взгляд в пустоту:

Я закрыла окно:
На город опустился ледяной туман.
Он проникает в мою комнату,
Наша комната плачет по прошлому.
Я одна в этот вечер

Со своими мечтами.
Я одна в этот вечер
Без твоей любви.
Моей радости пришел конец,
Все разбито, на сердце тяжело.
Я одна в этот вечер
Со своим горем,
Я потеряла надежду вновь увидеть тебя.
И все же я буду любить тебя всегда.
Не оставляй меня одну без твоей любви.

— «Я одна в этот вечер», — подхватила Эрмина. — «Я потеряла надежду вновь увидеть тебя». О, Октав, это так трогательно! Просто и в то же время правдиво.

Вы будете петь ее в кабаре, и у вас появится толпа поклонников, спешащих вас утешить, — пошутил он. — Эрмина, вы мне нужны: именно такая прекрасная певица сможет привлечь многочисленную публику, иногда немецкую, и этим вы будете мне полезны. Когда господа из СС приходят аплодировать хорошенькой женщине, как я вам уже вчера говорил, мы можем проводить за их спиной некоторые операции.

— А Тошан? Как мы его найдем?

— Мы надеемся, что он еще в Дордони. Я как раз собирался организовать турне по провинции, как я вчера уже упоминал. Это позволит мне встретиться с некоторыми связными под благоприятным прикрытием. Заодно мне нужно забрать и вывезти другого человека. А теперь, Эрмина, поговорим о работе. Лучший способ встретиться с вашим мужем — это помогать мне своим голосом и красотой. Так что съешьте лучше круассан, вместо того чтобы лить слезы.

— Хорошо, мой дорогой друг! Я полностью полагаюсь на вас и буду петь от всей души, обещаю! Октав, спасибо, что были со мной откровенны. И все же меня не покидает ощущение, что вы злоупотребили моим доверием... Я должна была бы на вас сердиться, но не могу, учитывая, что вашей начальной целью было все-таки соединить нас с мужем и отправить его на родину.

Женщина встала и обогнула стол. Наклонившись, так что он увидел ее грудь в вырезе пеньюара, поскольку ночная рубашка была очень открытой, она в порыве благодарности поцеловала своего импресарио в обе щеки. Это его взволновало, но он не подал виду и поспешил вернуться к своим

артистическим заботам.

— Я принес вам либретто «Лоэнгрин». Но этой ночью я хорошенько все взвесил и подумываю сменить тактику. Я должен наилучшим образом использовать ваше присутствие в Париже. Вместо того чтобы ставить эту оперу Вагнера, которая потребует огромных затрат, почему бы не предложить публике концерт из известных оперных арий, включая отрывок из «Лоэнгрин»? Мы обсудим это сегодня. Я вывожу вас в свет, маленький Соловей! Вы должны быть очень красивой, шикарной. А завтра — за работу! Надеюсь, у нас будут интересные встречи, несмотря на то что многие артисты покинули столицу. Даже Фернандель был мобилизован, но продолжает снимать фильмы. Вы знаете Фернанделя, Эрмина?

— Только понаслышке. Я знаю, у вас это популярный актер и певец. Моей матери очень нравится Морис Шевалье. Она купил одну из его пластинок.

— Он в Париже, но в данный момент больше не выступает. В 1939 году он пел для наших войск Восточного фронта, и название у песни было достойное: «Отличные французы». Месье Шевалье ведет себя тихо, ведь его жена — еврейка. Он прячет ее, а также ее родителей. Некоторые считают его благосклонным к режиму Виши, но это полная чушь. Это великий артист и честный человек. Я бы с удовольствием вам его представил. Но увы! Это невозможно. А теперь, моя дорогая, вынужден вас оставить; я вернусь за вами в полдень.

Он поцеловал ей руку и вышел. Эрмина осталась одна в состоянии крайнего возбуждения.

— Тошан тоже во Франции, — тихо сказала она, уставившись на чайник из белого фарфора. — Но мне придется ждать еще несколько недель до отъезда в турне. За это время с ним может случиться несчастье. Боже, защити его, верни его мне! Если мы снова окажемся с ним вдвоем в нашем доме в лесу, с нашими детьми, я больше ничего не буду требовать от жизни. До самой смерти я буду благославлять Небо за то, что мне даровано такое счастье.

Она глубоко вздохнула и встала со стула, решив одеться и отправиться в собор Нотр-Дам. «Я не хочу выделяться. Надену платье и кофту, а голову повяжу платком».

Десять минут спустя она сдавала ключ на ресепшене отеля. Служащий приветливо с ней поздоровался.

— Я скоро вернусь, — сказала она. — Полагаю, собор открыт в этот час.

Мужчина взглянул на нее с улыбкой. Казалось, его что-то позабавило,

и это ее заинтриговало.

— Я сказала что-то не то? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, мадам, но у вас такой интересный акцент, без обид будет сказано.

— А! — поняла она. — В наших краях считается, что у меня нет акцента. Я канадская француженка.

— Знаменитая певица! Месье Дюплесси мне о вас говорил. Хорошей прогулки, мадам!

Чувствуя себя немного оскорбленной, Эрмина молча вышла из отеля и пересекла улицу. Прислонившись к парапету, ограждающему Сену, она залюбовалась солнечными бликами на воде и высокими домами на противоположном берегу реки.

«Неужели я действительно во Франции, в Париже? — говорила она себе, испытывая одновременно восторг и тревогу. — Кажется, что все это мне снится и я проснусь в Валь-Жальбере».

В ее сторону ехал грузовик цвета хаки, сопровождаемый автомобилем того же цвета, — по всей видимости, немецкий патруль. Со сжавшимся сердцем она быстро направилась к Нотр-Дам. Ей было жаль, что она знакомилась с Парижем при таких печальных обстоятельствах. Город ее очаровал, даже если она мало что видела. «Я обязательно вернусь сюда позже, когда война закончится... С Тошаном и детьми».

Ее охватило сильное волнение, когда она очутилась возле величественного сооружения, возведенного несколько веков назад сотнями строителей. Огромный труд этих людей внушал молодой женщине чувство глубокого уважения. Она подняла голову к колокольням, разглядывая водосточные трубы странной формы, а также черные силуэты воронов, вырисовывающиеся на фоне бледно-голубого неба. Наконец, еще более взволнованная, она вошла внутрь, толкнув тяжелую дверь, обитую кожей.

«Бог мой! Какая красота!» — восторженно подумала Эрмина.

Гармоничные пропорции гигантских колонн, витражи и клирос поражали воображение. Здесь царила торжественная тишина, словно все звуки извне умирали внутри этого прекрасного храма. Потрясенная, Эрмина перекрестилась и робко направилась к скамье. Справа от себя она заметила двух женщин, но из вежливости бросила на них лишь короткий взгляд. Потом она принялась молиться.

«Господь Всемогущий, Владыка Небесный, защити тех, кто мне дорог! Я не образцовая христианка и нечасто хожу на мессу, сожалею об этом. В детстве я столько раз взывала к Тебе! Я молила Тебя вернуть мне моих родителей, и несколько лет спустя Ты исполнил мою просьбу. Я благодарю

Тебя, Господи, за все счастье, что Ты мне дал! И за Твой чудесный дар — мой голос... Пусть этот голос отныне служит правому делу. Я должна подарить хоть немного утешения угнетенным людям, даже если для этого мне придется петь перед нашими врагами, перед теми, кто служит тирану, жаждущему разрушений. Господи, я, несчастная грешница, вверяю себя в Твои руки! Да, я согрешила, я нарушила клятву верности, данную моему мужу. Наш союз был благославлен в маленькой церквушке в моей снежной стране, и Ты, Боже, конечно, об этом знаешь. Мне стыдно за то, что я поддавалась обаянию другого мужчины, да, мне стыдно. Я хочу искупить свою вину, и я это сделаю. Господь Всемогущий, Господь Любящий, если бы я могла, я спела бы прямо здесь и сейчас во славу Твою!»

Эрмина еле сдерживала рыдания, целиком отдавшись самой искренней молитве в своей жизни. Она думала о своей дорогой Бетти, скончавшейся при родах, о ее сыновьях Армане и Симоне, которых забрала война. «Я любила Бетти как свою вторую мать, а эти погибшие ребята, такие красавцы, были мне как братья. Бог мой, прими их души под свою святую защиту, а также душу моего сыночка Виктора, маленького ангелочка! Я вверяю Тебе также душу Талы, моей свекрови».

По ее спине пробежала дрожь. В соборе было очень свежо. Она встала со скамьи. Как можно осторожнее, смущаясь стука своих каблучков по широким черно-белым плитам, она направилась к железному подсвечнику, где горел десяток свечей. «Я поставлю шесть! Одну за то, чтобы увидеть Тошана целым и невредимым, остальные за упокой Бетти, Талы, Виктора, Армана и Симона».

Она еще помолилась, глядя на зыбкое пламя, на его тонкие переливы с любовью и печалью. После долгих минут отрешенности она наконец решила уйти. Женщины, которые были неподалеку, тоже направились к выходу одновременно с Эрминой. Обе показались ей очень маленького роста, а ведь она сама не была высокой.

— Идем, Симон, — тихо сказала одна из них. — Малышка Тереза заботится о моей бедной Марсель, я знаю это, чувствую.

Эрмина внимательнее взгляделась в лицо незнакомки, и ей показалось, что она его уже где-то видела, а также слышала этот немного хриловатый голос. Она даже остановилась в нерешительности, чтобы подумать. В эту секунду входивший в собор немецкий офицер в сопровождении трех солдат заставил ее отступить. Увидев врага так близко перед собой, она забыла обо всем на свете. Офицер вежливо поприветствовал Эрмину, не сводя с нее восхищенного взгляда. «Нет, я этого не вынесу, — ужаснувшись, сказала она себе. — Эти нацисты считают, что им все дозволено!»

Ее возвращение в отель больше напоминало бегство. Она не знала, что только что встретила саму Эдит Пиаф, которая тоже пришла помолиться в Нотр-Дам в обществе своей подруги Симон.

Поднявшись в свой номер, Эрмина налила теплую ванну, по-прежнему испытывая смутную тревогу. «Я должна быть сильной и смелой, чтобы не разочаровать Октава. Если я увижу Тошана, то это только благодаря ему. Тошан, любимый мой, мне кажется, что я не видела, не касалась тебя целую вечность! Ради Бога, останься в живых, вокруг нас уже и так достаточно смертей!»

Лагерь Бухенвальд, тот же день

Симон Маруа даже не подозревал, что в Париже Эрмина поставила свечку за упокой его души. Он ждал капо, который должен был отвести его в санчасть. Отправляясь на стройку, расположенную на территории лагеря, его товарищи по бараку бросали на него сочувствующие взгляды. Даже Густав, демонстрировавший столько презрения «канадскому педику», как он выражался, испуганно перекрестился.

Заклученных изнуряли бессмысленными работами, единственной целью которых было вымотать их до предела. Так накануне их заставили перетаскивать без конкретной цели на пятьдесят метров огромную груду камней. Их палачи внимательно следили за ними, убивали самых слабых автоматной очередью или забирали раненых, которые служили потом подопытными кроликами для лагерных врачей.

Несмотря на нечеловеческие условия, заключенным удавалось обмениваться информацией, и то, о чем рассказывали в Бухенвальде, было дико и ужасно.

— Это случится сегодня, — прошептал Симон, глядя на свои изможденные руки.

Жители Валь-Жальбера и Роберваля вряд ли узнали бы старшего сына Маруа, признанного красавца с фигурой атлета, если бы увидели его сегодня. За время пребывания в лагере с конца декабря он страшно похудел, хотя еще и не стал похожим на скелет, как те, кто пробыл здесь на несколько месяцев дольше. Обритый налысо, мертвенно-бледный, с черными кругами под глазами, он был лишь тенью прежнего Симона. Тем не менее в последние недели он боролся из последних сил, стараясь держать голову высоко и оставаться человеком, достойным этого звания. У нацистов не было недостатка в идеях, как унижить людей, набивая их в

загоны, как скотину, но что-то помогало ему держаться.

Четыре дня назад ему показалось, что он узнал Хенрика среди сгорбленных фигур в карьере, где их заставляли дробить каменные глыбы, а затем переносить голыми руками с одного места на другое. Он не был в этом уверен до конца, несмотря на розовый треугольник на куртке и внешнюю схожесть. Но все же Симон решил подобраться поближе, хотя сердце его сжималось от страха при воспоминании о чудовищных слухах, распространяющихся по лагерю. Говорили, что гомосексуалистов нередко кастрировали или вскрывали им мозг, чтобы понять, чем они отличаются от остальных. Рассказывали также, что собаки эсэсовцев были обучены нападать по короткой команде и что они уже загрызли насмерть немало заключенных.

К тому же все заключенные были на одно лицо: мертвенно-бледные, с одинаково отрешенным взглядом. Тем не менее это был действительно Хенрик. Молодой поляк заметил его и пожирал глазами, едва заметно улыбаясь. Что произошло потом? Симон не переставал об этом думать, тщетно пытаясь забыть жестокую сцену, лишившую его сна. «Думаю, он осмелился махнуть мне рукой или пойти в мою сторону. Он позвал меня, а я еще колебался. Он так изменился, что мне никак не удавалось увидеть в нем своего любовника — моего первого и теперь уже последнего любовника».

Он вспоминал Хенрика таким, каким увидел его впервые во дворе фермы Маннов: крепкого, со здоровым цветом лица в обрамлении светлых волос, с серо-голубыми глазами и мягким, мечтательным взглядом. Они были бесконечно счастливы в те теплые октябрьские ночи, когда могли целоваться и любить друг друга под покровом темноты.

«Возможно, это были единственные счастливые часы в моей жизни!» — без горечи подумал Симон.

Так оно и было. Он отказался жениться на Шарлотте в начале войны и в конечном счете пошел добровольцем в армию, преследуя несбыточную мечту по имени Тошан. Очень быстро в дело вмешалась судьба, играя Симоном Маруа как с марионеткой. После ужасов сражения за Дьепп он оказался в самом настоящем аду. «Другого слова не подобрать, это ад! И даже оно недостаточно сильное. Здесь — царство монстров и безумцев».

По его щекам текли крупные слезы. У него осталось мало времени, а нужно было привести в порядок мысли, хаотично мечущиеся в голове.

«Хенрик позвал меня, он поднял руку, и тут же один из охранников отдал команду на немецком. Люди вокруг меня бросились на землю, я тоже, но не Хенрик. Я услышал лай, крики. Где прятались это чертовы собаки?»

Проклятые псы... Трое, их было трое, и все они набросились на Хенрика. Этот звук... этот ужасный звук, я не хочу его больше вспоминать!» Однако зловещий хор криков ужаса и боли, приглушенный рычанием и клацанием зубов, звучал в нем с невероятной силой.

— Нет, нет! — простонал Симон, закрыв руками уши. — Нет!

Вечером Капо объяснил, что один из псов был натаскан хватать именно за яички — справедливое наказание для тех, кто совершал извращения, идя против природы.

— А я даже ничего не сделал, — вполголоса упрекал себя Симон. — Я должен был подняться и подбежать к Хенрику. Наверняка один из этих мерзких фрицев выстрелил бы в меня, но так было бы лучше, да! Я просто трус!

Он снова увидел себя лежащим лицом вниз, в ужасе от леденящих душу предсмертных криков молодого поляка. Один из солдат смеялся. И Симон понял, что не имело смысла цепляться за жизнь еще несколько дней или несколько недель. Он надеялся вырваться отсюда, чтобы рассказать о чудовищных по своей жестокости преступлениях, совершаемых нацистами, но теперь все было кончено. Некоторым заключенным удавалось повеситься; у него был другой план.

«Эрмина, если бы ты только знала, — мысленно произнес он, внезапно успокоившись. — Если бы ты знала хотя бы десятую долю того, что происходит в этом лагере, твоя прекрасная и нежная душа померкла бы навсегда. Моя маленькая Мимина, надеюсь, что ты сейчас в безопасности на берегу нашего озера Сен-Жан и что иногда думаешь обо мне. Я прощаюсь с тобой, моя маленькая сестренка, но в Бога я больше не верю. Он не смог бы допустить такое. Как человек может смеяться над тем, что собаки терзают другого человека?! По какому праву с нами обращаются подобным образом?! Если бы ты только знал, папа! Они отправляют женщин и детей в душ, но вместо воды там идет газ, и затем их тела сжигают. Как-то утром я ощутил запах этой гари и никогда его не забуду!»

Симон коснулся своей ноги через ткань, залитую кровью. Вчера, обезумев от негодования, он искалечил себя острым камнем до самого мяса. Капо, самый гнусный мерзавец в лагере, сообщил ему, что завтра Симон отправится в санчасть.

«Значит, все случится сегодня, — подвел итог старший Маруа. — Но они не притронутся ко мне, я не стану лабораторной крысой в их грязных лапах!» Он дрожал всем телом.

Закрыв глаза, стараясь сконцентрироваться, он вызвал в памяти лица всех тех, кто был ему дорог. «Прощай, отец, я больше не буду тебя

разочаровывать! Прощай, мой славный Эдмон, будущий кюре, ты, по крайней мере, не попадешь в этот ад. Прощай, Мари, моя младшая сестренка, прощай, моя Мимина, и ты, Шарлотта, тоже. Надеюсь, ты найдешь себе в наших краях хорошего мужа».

В пустой барак вошел капо. Так было условлено. Симон не пошел сегодня на стройку и должен был дожидаться его здесь.

— Пошли, — приказал мужчина по-немецки.

— Иду.

Ощув в груди холод от своего предстоящего последнего поступка, Симон Маруа встал и направился к двери. Он взглянул на серое, затянутое тучами небо и грязную землю с вкраплениями пятен сероватого снега. «У них даже нет здесь нормального снега, черт возьми! — подумал он, ощутив ком в горле. — Где он, белоснежный снег моей родины? Где Уиатшуан, так красиво поющий весной?»

Симон окинул взглядом зловещие ряды колючей проволоки, усеянной острыми металлическими шипами. Он заметил также двух вооруженных солдат на одной из сторожевых вышек. Все было на своих местах. Его план должен сработать. Симону показалось, что его тело стало легким, бесплотным. Вся энергия отхлынула куда-то в глубину души. Ему почудился величественный рев водопада, сопровождавший все его детство, и он убедил себя, что его ледяное и чистое дыхание ласкает ему лоб.

— Двигайся, — проворчал капо, на этот раз по-французски.

Симон внезапно отпрянул от него, широко раскинув руки.

— Нет, сволочь, я за тобой не пойду! Я, проклятый розовый треугольник, плюю тебе в лицо. Я презираю тебя!

Он преувеличивал акцент своей потерянной родины, земли, где он появился на свет. Опешив, капо огляделся по сторонам. Симон держался прямо, с высокомерным видом продолжая выплескивать накопившееся возмущение:

— Вы все здесь палачи! Демоны! Черти! Я, квебекец, больше не могу жить среди вас! Грязные эсэсовцы, подлые нацисты! Меня зовут Симон Маруа, я парнишка из Валь-Жальбера, дитя Лак-Сен-Жана!

С этими словами он бросился к колючей проволоке, словно собираясь взобраться по ней. Тут же послышались автоматные очереди. На какую-то секунду Симон спросил себя, что он почувствует, когда пули разорвут его плоть, затем на него посыпались удары, такие сильные и многочисленные, что он тут же погрузился в абсолютную черноту, где больше не было ни страданий, ни горя, ни любви.

Группа заключенных наблюдала за происходящим. Им велели оставить

труп мятежника на виду на весь день.

— Он сделал это специально, — прошептал один из них.

— Лучше так, чем попасть в руки к врачам, — также тихо ответил его сосед.

Симон, устремивший мертвый взгляд черных глаз в небо, в итоге победил. Он вел свою собственную войну и выбрался из ада до того, как лишился статуса человека, в ту самую минуту, когда Эрмина молилась за него под вековыми сводами Нотр-Дам де Пари...

Париж, тот же день

Эрмина в последний раз взглянула на свое отражение в большом зеркале шкафа. На ней было голубое платье — ее цвета-талисмана — идеального кроя. Белый жилет она перекинула через правую руку, а на плечи повязала шелковый платок. Ей казалось, что она выглядит вполне прилично. Легкий макияж, жемчужное ожерелье на шее, распущенные волосы, заколотые гребнями с каждой стороны лица...

— Надеюсь, Октав будет доволен, — прошептала она с задумчивой улыбкой. — Мне хочется получить удовольствие от этого дня, не терзаясь сомнениями. Я попрошу его показать мне Дворец Гарнье. Как бы я хотела там спеть, но вряд ли это возможно!

Эрмина взяла в руки маленькую сумочку из кожи ящерицы и вышла из комнаты. Она решила подождать импресарио в холле отеля, а главное, позвонить в Валь-Жальбер. «Я не успокоюсь, пока не узнаю, что с детьми все хорошо. Телефонистка тоже будет смеяться над моим акцентом. Ну и пусть, я горжусь тем, что я канадка».

Спускаясь по лестнице, ступеньки которой были покрыты красным бархатом, она попыталась принять надменное выражение лица, изображая знаменитость. Но уже на подходе к первому этажу Эрмина подумала, что это глупо. «Лучше быть естественной», — решила она.

Служащий отеля показал ей телефонную кабинку, находившуюся в углублении холла.

Несколько минут спустя Эрмина уже называла номер Шарденов в Канаде. Ей пришлось долго ждать, пока устанавливали соединение. Наконец она услышала в трубке голос своего отца.

— Папа! О! Я так рада тебя слышать! Я хотела позвонить вчера вечером, но легла спать очень рано.

— Здесь сейчас тоже очень рано, милая. Странное время ты выбрала

для звонка! Все в доме спят, и я тоже спал. Ну да ладно, это неважно. Ты добралась в целости и сохранности до Парижа?

— Да, папа! Скажи мне скорее, как там поживают дети? Мукки, Лоранс, Нутта... И Киона, Акали...

— Дети ведут себя очень хорошо, у меня нет нареканий. Они послушно переходят из рук мадемуазель Дамасс, которая скоро станет мадам Маруа, в руки Мадлен, заботящейся о них с утра до вечера. Не тревожься за них, доченька, парижанка моя.

К глазам Эрмины подступили слезы. Она была так далеко от своего прекрасного дома в Валь-Жальбере, который наверняка был еще засыпан снегом.

— Здесь так тепло, папа! — воскликнула она, справившись со своим волнением. — Просто невероятно: солнышко, птицы... Некоторые деревья уже цветут. Париж — очень красивый город. Как мама, звонила?

— Да, Лора проведет неделю в Квебеке вместе с бедняжкой Бадеттой, которая так переживает, что сломала ногу. Поверь мне, наша подруга-журналистка сожалеет, что не смогла поехать с тобой.

Жослин закашлялся, и рядом с ним послышался другой голос.

— Боже милосердный! Что это вы тут стоите, месье? — удивилась Мирей. — Надеюсь, ничего серьезного? Это наша Мимина?

На этот раз Эрмина смахнула слезу. Жизнь текла своим чередом в ее милом сердцу городке-призраке.

— Поцелуй от меня Мирей, папа. А также детей и Шарлотту. Я постараюсь прислать вам почтовые открытки и письмо как можно скорее.

— Хорошо. Береги себя, милая, и до встречи! — ответил ее отец. — Я думаю о тебе.

— Спасибо, папа! Я скоро еще позвоню, — сказала она и повесила трубку.

Мужская рука опустилась на ее плечо. Октав Дюплесси смотрел на нее полурастроганно-полунасмешливо.

— Ну что, дорогая моя, вы готовы к обеду? Все ли в порядке в вашем маленьком квебекском мирке?

— Да. Теперь, когда моя душа спокойна, я могу идти с вами. Мне не терпится посмотреть Париж.

Ее лицо осветилось победной улыбкой. Она немного принуждала себя, хотя и понимала, что начинает собственную войну, используя свой золотой голос в качестве оружия.

Глава 18

АКТЫ ЛЮБВИ

Париж, воскресенье, 7 марта 1943 года

Октав Дюплесси и Эрмина обедали в «Максиме» на улице Руаяль. Это был один из самых известных ресторанов столицы, а также один из самых дорогих, куда приходили состоятельные клиенты и многочисленные артисты. Несмотря на дефицит многих продуктов и строгие правила, которым подчинялась торговля, здесь была очень хорошая кухня. Элегантность места и посетителей сильно смущали Эрмину, чувствовавшую себя здесь не на своем месте.

— Зачем вы меня сюда пригласили? — тихо спросила она у импресарио. — К тому же в глубине зала сидит множество немецких офицеров. Один из них с вами поздоровался. Мне здесь неуютно. В будущем я бы предпочла более скромные места.

— Да полно вам, дорогая моя, расслабьтесь. Вы выглядите замечательно, может, несколько скромно, но нет ни одной фальшивой ноты в вашей одежде и манерах. Все идет как надо, Эрмина! Я должен вас показать, и не пытайтесь понять этого. Чашечку кофе?

— Охотно, — ответила она несколько холодно.

— Кофе — это высший шик, — продолжил Октав с насмешливой гримасой. — Наслаждайтесь, душа моя! Парижане еле сводят концы с концами со своими продовольственными карточками и талонами на ткани, бензин, яйца, масло, а вы сидите с кислым лицом.

— Это не по-христиански — наслаждаться вкусными вещами, которых так не хватает людям, особенно детям и старикам.

— Господи! Не знаю, нарочно ли вы это делаете, но ваш квебекский акцент режет мне слух. Я не замечал этого раньше, в вашей прекрасной стране.

— Боже мой! Мне так жаль. Я причиняю вам столько неудобств, дорогой месье, — тихо съязвила она. — Неужели место моего рождения является секретом?

Октав бросил на нее грозный взгляд, затем улыбнулся. Белокурая Эрмина привлекала внимание, и именно этого он добивался. Он хотел,

чтобы их как можно чаще видели вместе, особенно высшие чины немецкой армии, прежде чем он выведет ее на сцену.

— Вы очаровательны, — заявил он, закуривая сигару. — И забавны. Я обожаю ваши голубые глаза, длинные золотистые ресницы, ваши губы, которые могут свести с ума любого мужчину. Милочка, вы в Париже, в «Максима»! Если бы вы знали, сколько знаменитостей побывало здесь за полвека! Прекрасная Отеро^[60], замечательный драматург и актер Саша Гитри, писатель Марсель Пруст, а также Мистингетт — великая любовь Мориса Шевалье и множество других. Напишите об этом своей матери, пусть помечтает. Известно ли вам, что я восхищаюсь Лорой? Она современная женщина, всегда на пике моды, увлечена кино и музыкой. Жаль, что она снова сошлась с вашим отцом, иначе я бы на ней женился! Но зато я покорил вас, так что ничего не потерял.

Эрмина изумленно рассмеялась. Дюплесси внезапно повел себя как жених или любовник. Возможно, так оно и было бы, если бы в ее жизни не было Тошана Дельбо, поскольку Октав был привлекательным мужчиной — высоким и стройным, с худым лицом, не лишенным благородства. Она не стала ему перечить, помня его наставления: ей не следует ничему удивляться, чтобы не подвергать их обоим опасности, учитывая его подпольную деятельность. Но она спросила себя, не собирается ли он воспользоваться ситуацией, чтобы немного приударить за ней.

— Маме польстили бы ваши слова. Но я до сих пор не знаю, куда вы собрались вести меня после обеда. Вы пообещали сюрприз!

— И вы его получите, даю слово, — лукаво ответил он. — Ах, эта сигара, какое чудо! Не устаю благодарить судьбу! Табачный рацион настолько сокращен, что французы курят все, что растет: полынь, листья топинамбура и липы.

Эрмина лишь молча кивнула. Поведение Октава сбивало ее с толку, и в душе постепенно зарождалось сомнение, от которого ей было неуютно. По сути, в последние годы она почти не общалась со своим бывшим импресарио, даже если они изредка и переписывались. «Что я о нем знаю? — подумала она. — Он вполне мог мне солгать. У меня нет никаких доказательств его доводов. Со вчерашнего дня я вижу, как он отвешивает поклоны немцам. Действительно ли он возглавляет одну из подпольных организаций? Вся эта история кажется мне странной. Я пыталась расспросить его, но он отвечает уклончиво».

Теперь ей хотелось поскорее уйти из «Максима». Пока Дюплесси расплачивался, она отправилась в туалет заведения, такой же роскошный, как основной зал. Несмотря на одолевающие ее сомнения, она все же

тщательно подкрасилась. Отражение в зеркале ей нравилось, но она не совсем себя узнавала.

«Тошан, любовь моя, мне так тебя не хватает! — подумала Эрмина со сжавшимся сердцем. — Наверняка я ошибаюсь, но, если бы это ты был обещанным сюрпризом, как я была бы счастлива! Услышать твой голос, наконец-то прикоснуться к тебе, поцеловать...»

Она призналась себе, что нуждается в присутствии мужа, чтобы справиться с навязчивыми воспоминаниями, связывавшими ее с Овидом Лафлером. «Боже мой! Как я могла так низко пасть?! Неужели эта обнаженная, распутная женщина, предлагающая себя мужчине в конюшне Лафлеров, была я, Эрмина? Тошан никогда не должен об этом узнать, ни за что! Иначе он от меня уйдет».

Эрмина вернулась к Дюплесси своей легкой грациозной походкой. И снова немецкий офицер бросил на нее восторженный взгляд, сопровождаемый двусмысленной улыбкой. Она опустила глаза и взяла под руку импресарио. Они вышли на улицу и направились к автомобилю. В этот момент произошло нечто, что усилило подозрения Эрмины. Один из официантов выскочил из ресторана, держа в руке свой белый фартук. Он торопливо догнал их и бросил Октаву тихим, полным ненависти голосом:

— Грязный коллабо, ты за все ответишь!

Мужчина почти тут же исчез, бросившись в подъезд соседнего дома.

— Что это значит? — осторожно спросила она.

— Надо понимать, «грязный коллаборационист», моя дорогая, — ответил Октав, усаживаясь в машину. — Коллабо заводят дружбу с оккупантами, ищут их расположения. Они также симпатизируют режиму Виши: еще немного — и они начнут благодарить нацистов за то, что те очистили Францию от евреев. Они боготворят маршала Петена за то, что он спас Францию.

С этими словами он завел двигатель и сначала поехал очень медленно, явно о чем-то размышляя. Расстроенная Эрмина тоже молчала.

— Вы больше мне не верите, мой милый Соловей? — наконец спросил он. — На протяжении всего обеда я улавливал вашу тревогу. Вы истинная женщина. Вместо того чтобы наслаждаться этой прогулкой по столице в моей компании, вы задаете себе вопросы на мой счет. До обеда я старался изо всех сил, желая познакомить вас с одним из красивейших городов мира. Мы гуляли по набережным, я показывал вам самые известные памятники архитектуры: Лувр, дворец Тюильри, Новый мост, который на самом деле является самым старым мостом Парижа, мост Искусств, мост Конкорд и так далее.

— Я благодарна вам за это, Октав, — сказала Эрмина, не глядя на него. — Но поставьте себя на мое место! Могу ли я откровенно рассказать вам, что меня тревожит? Если предположить, что вы коллабо, как только что назвал вас этот официант, мне лучше не делиться с вами своими сомнениями.

— Слишком поздно, вы и так уже все сказали! — торжествующе воскликнул он. — Несмотря на все мои объяснения, вы все еще думаете, что рядом с вами предатель, не имеющий ничего святого. Боже мой, Эрмина, я же притворяюсь, чтобы умаслить врага и сильнее ударить по нему с помощью различных операций, которые я предпочитаю держать в тайне. Просто знайте, что я спас много еврейских семей, участвую в подготовке взрывов военных эшелонов немцев. Вам этого достаточно? Хотя, если бы вы даже были уверены в моем коварстве, вы бы все равно ничего мне не сказали из страха возможного наказания. Моя милая канадочка, любуйтесь лучше Парижем! Смотрите, здесь практически нет других машин, кроме моей, — одни велосипеды. Бензин строго ограничен. Парижане ходят пешком или крутят педали. В воскресенье в городе особенно спокойно.

Дюплесси довольно точно обрисовал ситуацию. Улицы столицы с начала войны стали на удивление тихими. Огромный город словно вновь обрел свой средневековый облик, когда двигатель внутреннего сгорания еще не изобрели и по мощным дорогам ездили только кареты.

— Но немцев следует остерегаться, — добавил он. — Они ездят на огромной скорости, и лучше уступать им дорогу.

Они поднялись по улице Руаяль к церкви Святой Марии Магдалины. Октав свернул на бульвар Мадлен, который простирался, насколько хватало глаз, — так, по крайней мере, показалось Эрмине.

— И куда же мы едем? — спросила она.

— Сюрприз, — пошутил он. — Я сдам вас в комендатуру, как супругу канадского солдата.

— Это не смешно! Что такое комендатура?

— Немецкое командование, если вам так больше нравится, на площади Оперы. Какая жалость, а ведь мы могли бы посетить Дворец Гарнье!

Лицо Эрмины посветлело: она вдруг поняла, что он над ней подтрунивает.

— О! Я увижу Парижскую оперу! Спасибо вам, Октав! Простите меня, я такая глупая. Но я подумала, что на самом деле не очень хорошо вас знаю.

Он с любопытством взглянул на нее, затем продолжил притворно

суровым тоном:

— Увы, мадам, комендатура действительно находится на площади Оперы, я не шутил. И осведомленный человек, часто бывающий во Дворце Гарнье, может наблюдать за тем, что происходит у этих проклятых нацистов. Я понимаю вашу обеспокоенность в мой адрес, но я человек шоу, пользуюсь солидной репутацией во Франции и за границей. Это служит мне прикрытием, не забывайте. Парижане, как и немцы, любят развлечения. Моя задача — предлагать им эти развлечения, и, повторюсь, вы будете моим главным козырем. Эрмина, сегодня утром я позвонил Жаку Руше. Он хочет с вами встретиться. Это главный администратор Оперы, необыкновенный человек. Осенью 1940 года ему пришлось скрепя сердце уволить тридцать своих сотрудников в связи с законами об исключении евреев из всех сфер деятельности, но он оставил на своем посту венгерского декоратора Эрнеста Клауша. Жак включает в репертуар в основном балеты — они менее затратны, но теперь он решил поставить «Фауста». Поэтому, когда я как-то в беседе с ним упомянул ваше имя, он подумал о вас в роли Маргариты, поскольку я шепнул ему, что в Квебеке ваше исполнение пользовалось бешеным успехом.

Эрмина не верила своим ушам. Она бросила растерянный взгляд на высокие дома, стоявшие вдоль бульвара, затем прямо перед собой в надежде увидеть Дворец Гарнье.

— Снова сыграть Маргариту — это моя мечта! Я прекрасно помню партитуру и все свои арии. Октав, неужели это правда? Но ведь это отсрочит начало нашего турне! А как же Тошан? Мы же должны найти его в провинции...

— Пока торопиться некуда, я жду информации о нем: в Дордони у меня есть свой человек. Это может затянуться на несколько недель. А там посмотрим. Предупреждаю вас, Эрмина: вам придется много работать. У вас будут выступления в театре, который я арендую, и, вероятно, в Опере — два представления «Фауста», полагаю.

— Да я мечтаю об этом! — заверила она его. — Я уже так давно не пела профессионально! Господи, Октав, а вдруг мой голос меня подведет? В последние месяцы я тренировала его совсем немного.

— Чепуха! Я слышал о вас только хорошее по поводу двух оперетт Франца Легара. К тому же у меня есть педагог — очаровательная дама.

Он ласково похлопал ее по коленке, и этот фамильярный жест снова смутил Эрмину, но она не осмелилась сделать ему замечание, напомнив себе, что должна выглядеть не такой настороженной, более расслабленной, как когда-то в Квебеке. «Увы! Тогда обо мне заботилась прелестная Лиззи,

и Шарлотта была рядом. Мы так веселились во время репетиций! А сейчас я одна», — подумала она, сожалея, что рядом нет никого из близких.

Октав Дюплесси ехал довольно быстро. Внезапно он притормозил, показывая своей спутнице очередное здание.

— Парижская опера, мой милый Соловей, во всей своей красе! Солнце озаряет купол и бронзовые статуи на крыше. Молодой архитектор Шарль Гарнье вложил все свое искусство в этот несравненный храм оперы и балета. Это было около 1860 года, в период правления французского императора Наполеона III.

— Полно вам, Октав, я все же немного знаю историю вашей страны! — возмутилась Эрмина, восхищенная красотой сооружения.

— Гарнье взял за образец стиль итальянского Возрождения, оказавшего на него огромное влияние. За несколько лет до этого он получил Римскую премию^[61], так что много времени провел в Италии. Вам нравится? Давайте выйдем из машины и немного прогуляемся.

Она поспешила последовать его совету, не сводя глаз с элегантного фасада Оперы с его высокими окнами, выходящими в галерею на втором этаже, скульптурами и фризами^[62]. Здание представлялось исполненным величественной грации; глядя на него, возникало ощущение полной гармонии. Дюплесси обнял Эрмину за талию.

— Статуи изображают древних богов танца и музыки. Также здесь много аллегорий. Возвышается над всеми Аполлон — бог искусств, со своей лирой, служащей громоотводом. Восхитительно, не правда ли? Шарль Гарнье тщательно подбирал материалы. Здесь присутствуют белый камень, мрамор, золото, медь. Внутри здание еще прекраснее. Жаль только, что красные флаги со свастикой на другой стороне тротуара портят все впечатление.

Эрмина внимательно посмотрела на импресарио. Его кошачий взгляд стал жестким, губы сжались. И тогда она окончательно перестала в нем сомневаться. Под его светскими манерами и шутливым тоном скрывалась душа воина. И этим он напомнил ей Тошана.

— Месье Руше нас ждет. Идемте.

— Я очень волнуюсь, — призналась она. — Это больше, чем сюрприз, Октав, — это чудесный подарок. Петъ здесь, в Париже... Я не могу в это поверить!

— У вас есть вечернее платье? — неожиданно спросил он. — Во вторник вечером мы, по совету Филиппа Гобера, который руководит Театром комической оперы, идем на премьеру балета «Рыцарь и дама». В

зале будет полно немецких солдат, в основном высшие чины. Они обожают разглядывать танцовщиц.

— Не будем о них говорить, прошу вас. Только об искусстве, об опере! Я сейчас пройду нечто вроде прослушивания?

— Не знаю, — вздохнул ее спутник, настроение которого внезапно изменилось.

Она не обратила на это внимания. Несколько минут спустя в сопровождении примолкшего импресарио она подошла к парадной лестнице, разделявшейся на два марша, которые вели к артистическим уборным и ложам.

— Бог мой, какое великолепие! — прошептала она.

В глазах зацепило от подступивших слез. Никогда еще она не видела такого прекрасного места. Расписные своды, стройные колонны, люстры, позолота — все это создавало ощущение волшебной сказки.

— Надеюсь, что всю эту красоту не разбомбят со дня на день, — мрачно произнес Октав. — Мне очень жаль, моя дорогая, но так хотелось бы привести вас сюда в мирное время. Пойдемте, не буду омрачать вашу радость. Следуйте за мной, кабинет Руше находится там.

Эрмина ощутила волну страха и, чтобы успокоиться, представила себе Валь-Жальбер, затерянный в глубине канадских земель и сейчас, наверное, еще утопающий в сугробах. Лицо матери, гордой и своенравной Лоры, промелькнуло перед ее глазами. «Мама, сегодня вечером я напишу тебе длинное письмо, даже если ты еще больше расстроишься, что не смогла поехать со мной. Я хочу, чтобы ты знала, насколько я благодарна тебе за эту поездку».

Минуту спустя Дюплесси представлял ее Жаку Руше.

— Мадам, рад знакомству, — произнес тот. — Октав, мой старый друг, рассказал мне о вас. Я также читал в прессе хвалебные статьи о вашем голосе и таланте.

— Благодарю за интерес к моей персоне, — с улыбкой ответила Эрмина, стараясь скрыть свой акцент.

Она чувствовала, что за ней наблюдают, разглядывают, изучают со всех сторон.

— Кто, как не вы, может стать Маргаритой в «Фаусте» Гуно? — наконец признался администратор. — В любом случае у меня нет выбора. Уверен, что Дюплесси не стал вам говорить, что утвержденная на эту роль певица бросила меня. Может быть, я даже буду в выигрыше, если вы окажетесь на высоте. Не желаете ли пройти прослушивание прямо сейчас? На сцене? Там репетируют танцовщицы, они заодно послужат вам

публикой.

— Да, конечно, — согласилась она, сбитая с толку грубоватыми манерами этого мужчины.

— Даже не разогрев свой голос, Эрмина? Это не очень разумно, — возразил импресарио.

— Заодно и зал посмотрю, — решительно ответила певица.

Эрмина не была гордячкой, но ей хотелось доказать, чего она стоит, поскольку была уверена в успехе. Голос никогда ее не подводил. Жак Руше и Октав Дюплесси устроились в креслах партера, предварительно дав указания музыкантам оркестра. Заинтригованные танцовщицы собрались возле кулис, перешептываясь. Эрмина с удовольствием смотрела на них, находя всех грациозными, стройными, воздушными. На девушках были не пачки, а черные колготы и обтягивающие трико.

«Где я? — спросила она себя. — В удивительном раю, о котором так часто мечтала! Какое грандиозное убранство!»

Двигаясь по сцене, она окинула восхищенным взглядом просторный зал в итальянском стиле из нескольких ярусов лож. Это была настоящая симфония красного бархата, позолоты и шелковой узорчатой ткани. Фризы, украшавшие балюстрады, сверкали, несмотря на то что огромная люстра была погашена.

«Я, робкий маленький Соловей из Валь-Жальбера, буду петь в этом необыкновенном месте! — подумала Эрмина. — Если даже я не подойду как запасная певица, мой голос прозвучит здесь хотя бы однажды».

Она сняла свой белый платок и бросила его прямо на сцену. Октав сказал музыкантам, какую арию играть, и из оркестровой ямы раздались аккорды финальной песни Маргариты. Эрмина начала петь, не напрягая голос, но с невероятным чувством. Танцовщицы затаили дыхание, не сводя глаз с этой прекрасной незнакомки, светлые волосы которой ловили малейшие отблески света. Наконец наступил момент яркого пассажа, где певица должна была взять высокие ноты и придать всю необходимую мощь голосу в отчаянном призыве своего персонажа.

Чистые ангелы, лучезарные!
Заберите мою душу на Небеса!
Боже праведный, на тебя я уповаю!
Боже милосердный, я тебе принадлежу!
Прости меня!

Эрмина дважды повторила молитву Господу, и никогда еще она не была столь искренна в своем желании освободить душу от груза ошибок и одновременно покорить Жака Руше. Да, она хотела снова стать чистой супругой Тошана, способной обожать его вопреки всему, служить ему, отдаваться душой и телом. У Дюплесси по спине пробежали мурашки. Он с любопытством взглянул на администратора, сидевшего рядом с ним. Захваченный выступлением певицы, тот дрожал от восторга. Тембр Соловья из Валь-Жальбера, несмотря на свое хрустальное звучание, обладал поразительной твердостью и уверенностью.

— Великолепно! — шепотом сказал он импресарио, почувствовав на себе его взгляд. — И она утверждает, что не тренировала свой голос уже несколько месяцев? Если это действительно так, то эта молодая дама — настоящий феномен!

— А я вам что говорил! И теперь этот феномен в Париже, в вашей Опере.

Эрмина закончила арию. Она скромно поклонилась своей сегодняшней публике: кордебалету, музыкантам, а также двум мужчинам, сидящим в партере.

— Хотите послушать что-нибудь еще? — спросила она.

Руше поднялся, чтобы ответить.

— Увы, у меня нет времени. Завтра будьте здесь после обеда, мадам. Вы приняты!

С дрожащими от волнения ногами Эрмина перевела дух. Она ликовала, охваченная огромным счастьем, касающимся только ее. Пение всегда давало ей упоение, а также блаженство, близкое к тому, которое она испытывала после акта любви. Дюплесси подошел к молодой женщине и взял ее за обе руки.

— Bravo! Я могу сказать только одно: «Bravo!» Вы меня не разочаровали, и я вам за это бесконечно благодарен. А теперь давайте позволим этим милым барышням продолжить репетировать свои антраша и арабески.

— Месье Руше уже ушел?

— Это действительно очень занятой человек. Идемте, я угощу вас чаем в баре. Нам нужно поговорить.

Она шла за ним по роскошным лабиринтам Оперы, потрясенная великолепием этого места. «Дворец Гарнье, — думала она. — Другого слова не подберешь — именно дворец! Все огромное и такое роскошное! Здесь можно заблудиться».

Эрмина с облегчением села на диванчик, обитый красным бархатом,

перед столиком с белой узорчатой скатертью. Они были в кафе одни, не считая официанта.

— Все произошло так быстро, — прошептала она. — Возможно, я получила эту роль просто потому, что утвержденная на нее певица отказалась. Октав, будь искренним. Вы меня поздравили, но хорошо ли я спела?

— Говорю вам с предельной искренностью, что все было превосходно и похоже на чудо! Моя дорогая, если в придачу к вашему природному таланту вы будете развивать свои способности, усердно работая, мир будет у ваших ног. Такое восхитительное сопрано! Вас ждет огромный успех.

— Мир, о котором вы говорите, сейчас воюет. И я не могу планировать свое профессиональное будущее, пока Тошан не вернется со мной в Квебек.

— И если это случится, — тихо сказал он, — вы исчезнете в глубине лесов вместе со своим вновь обретенным супругом. Он сделает вам еще одного ребенка, и Соловей больше не будет очаровывать публику. Эрмина, это неправильно!

— Но сегодня я радуюсь! Друг мой, позвольте мне наслаждаться этим чувством, не заглядывая вперед. Я уверена, что мой час славы, как это принято говорить, еще настанет!

Эрмина погрузилась в мечтательную задумчивость. Она вновь переживала свое выступление на сцене Оперы и восторг, который испытывала во время пения. Ее воображение пустилось вскачь. «А если Октав говорит правду? Почему бы не получить другие контракты за границей? Я бы ездила с детьми, Мадлен и мамой. Мы посетили бы столицы Европы. Как это было бы увлекательно! Ла Скала в Милане, Ковент-Гарден в Лондоне... Но сначала нужно, чтобы закончилась эта ужасная война, а кто знает, на сколько лет она затянется?»

— Дорогуша, о чем вы задумались?

— Ни о чем особо, — солгала она. — Просто пью чай.

— Я с удовольствием проведу вас по этому лабиринту, который представляют собой кулисы и этажи Оперы, но не сегодня. Завтра вечером я смогу уделить вам больше времени. Это место привлекает меня не меньше вас. Оно даже вдохновило одного нашего автора детективов, Гастона Леру, написать роман «Призрак Оперы», ставший очень популярным. Я прочел его два раза и рекомендую вам. В нем описывается подземное озеро в глубинах фундамента и рассказывается история юной певицы, сироты Кристины Дааэ, которую обучает пению ангел — странный персонаж в маске. Она единственная его видит и единственная замечает

призрак в огромных коридорах этого здания. Происходят странные вещи: большая люстра в зале падает во время представления, машиниста обнаруживают повешенным...

— Если вы расскажете мне всю историю, мне уже не захочется ее читать, — возразила Эрмина.

— Подумайте, как все сходится, — хитро улыбнулся импресарио. — Кристина, Эрмина... Звучит очень похоже. И вы тоже были сиротой в детстве. Кто знает, может, и вы встретите призрака, который влюбится в вас! И знаете, что поет Кристина? «Фауста»! Да-да!

Удовлетворенный взволнованным выражением ее лица, Дюплесси отпил глоток чая.

— Вы либо жестоки, либо пытаетесь меня напугать, чтобы я попросила у вас защиты.

— Второе предположение более правдоподобно. Ну что ж, мой маленький Соловей, давайте подвезу вас в отель и отправлюсь по своим делам. Сегодня вечером мы ужинаем на бульваре Сен-Жермен. Ваша парижская жизнь начинается!

Эрмина робко улыбнулась. Вдали от своей родины ей приходилось учиться жить самостоятельно. Но это приключение ее воодушевляло, и она пообещала себе не поддаваться грусти. «Я вернусь, родные мои детки, любимые родители! Увижу вас всех: Мадлен, Акали, Шарлотту, Мирей... и тебя, Киона, моя маленькая дорогая сестренка».

«Маленький рай», Валь-Жальбер, четверг, 18 марта 1943 года

Шарлотта и Людвиг лежали, обнявшись, в своей кровати в теплой комнате. Снаружи завывал ветер и сыпал снег. Двое влюбленных научились ценить такие дни, когда природа бушевала. В эти минуты они чувствовали себя в безопасности, как бы отрезанными от мира, то есть от последних обитателей Валь-Жальбера, включая семейства Шарден и Лапуэнт.

— Я хочу, чтобы зима никогда не кончалась, — со смехом сказала Шарлотта.

— Тем не менее весна очень красива, и я обожаю лето, — ответил ее любовник.

Проведя несколько недель взаперти за изучением слов и простых фраз, Людвиг стал намного лучше разговаривать по-французски. А Шарлотта была такой болтушкой, что он без труда запоминал кучу новых слов. Это позволяло им вести долгие беседы. В основном Людвиг рассказывал о

своей стране, Германии, которая, несмотря ни на что, для него оставалась родиной, колыбелью его предков. Он часто описывал красоты своих родных мест, где преобладали леса из высоких темно-зеленых елей. В этот вечер ему захотелось поведать о том, как он попал в Канаду. До сих пор они из деликатности не затрагивали эту тему.

— Я попал в плен в самом начале войны и поначалу испытал облегчение, поскольку мне не нужно было больше воевать. Мысль об убийстве человека вызывала у меня отвращение, даже если нам говорили, что это враг. На корабле мне было очень плохо, у меня началась морская болезнь. Нас, простых солдат, загнали в трюм. Меня постоянно рвало, я не мог спать.

Растроганная, Шарлотта поцеловала его в щеку и прижалась к нему сильнее.

— Ты знал, куда вас везли?

— Да, в Канаду. Я спрашивал себя, какая она, эта страна. Вспоминал уроки географии в школе. Но на ум приходили только две вещи: снег и сильный холод.

Людвиг взволнованно вздохнул. Он повернулся к девушке и обвел ее нежным взглядом.

— Теперь для меня ты — лицо Канады. Я очень счастлив с тобой. Поэтому я ни о чем не жалею.

— Как мне приятно это слышать! — восторженно воскликнула она, снова целуя его.

— Судно наконец прибыло в порт Квебека. Вместе с другими пленными мы смотрели в иллюминатор. На пристани стояли люди, очень много людей. Они кричали нам оскорбления, мужчины грозили кулаками. Я испугался, Шарлотта. Я думаю, они нас убьют и...

— Я думал, милый, — мягко поправила она.

— Я решил, что нас расстреляют прямо сейчас. Но к нам подошел офицер и объяснил, что мы все отправляемся в лагерь, чтобы работать. Я успокоился. Хотя мог бы и сразу понять, что не стоило везти нас так далеко, чтобы расстрелять.

— На твоём месте я бы тоже испугалась. Тебе было всего двадцать два года! Бедный мой, эта война так несправедлива! Я хотела бы крикнуть всем здешним жителям, что многие немцы были мобилизованы насильно, что у них не было выбора, что вы не все нацисты! Я бы рассказала им, как плакала твоя мать, обнимая тебя, когда ты покидал дом, как твой дедушка умолял тебя вернуться живым и невредимым... Встреча с тобой помогла мне стать мудрее, Людвиг. Помнишь, как недоверчиво я отнеслась к тебе в

первую встречу, в подвале на улице Сент-Анн? Благодаря Кионе, ее таким простым словам я не выдала тебя. Господи, какую ошибку я могла совершить!

Ужаснувшись при мысли, что они могли не познакомиться и не полюбить друг друга, она крепко обняла его. Он погладил ее волосы.

— У этой маленькой девочки очень доброе сердце, — подтвердил Людвиг. — Подойдя ко мне, она улыбнулась, и я сразу почувствовал себя спокойнее.

— Да, это необычный ребенок, — согласилась Шарлотта, уже упоминавшая вскользь о способностях Кионы.

Молодые люди много времени проводили в постели, лаская друг друга, совершенствуясь в плотской любви. Затем они разговаривали, в основном о своих чувствах, становившихся все сильнее, и это побуждало их планировать совместное сказочное будущее. Они без конца представляли себе свою свадьбу в Германии или в Квебеке во всех подробностях, включая детали платья Шарлотты и блюда свадебного пиршества. Это была их игра, которая им не надоедала. Но в этот вечер Людвигу хотелось излить душу и, возможно, оправдать свой побег.

— Когда мы сходили с корабля, стоявшие на пристани люди называли нас «грязными фрицами». Это продолжалось до самой станции. Мне было стыдно. Для этих людей я был врагом, нацистом.

— Не думай больше об этом, милый! Судьба привела тебя ко мне.

— Да, это так. В поезде я начал молиться, и группа пленных принялась смеяться надо мной. Они меня передразнивали. Я чувствовал себя потерянным, говорил себе, что никогда больше не увижу свою семью, и плакал. Они крикнули мне, что я трус, ничтожество, что я порочу Третий рейх. Проведя несколько часов в поезде, а потом еще в грузовике, мы прибыли в лагерь. Вдалеке я увидел горы, холмы и реку... Все было очень большим, просто огромным.

— Да, «огромное» — хорошее слово.

— Лагерь на реке Алекс, — произнес Людвиг. — Деревянные бараки, а вокруг ни души. Английские солдаты объяснили нам, что нужно колоть дрова на зиму, много дров, и убирать территорию. Я был почти доволен. Мне нравилось работать на воздухе. Когда работаешь с утра до вечера, некогда думать. Но ночью я не мог запретить себе плакать. Мне так не хватало моей матери и отца! И сестры тоже. Я боялся, что никогда их больше не увижу. Та группа пленных, из поезда, не выпускала меня из виду. Они принялись унижать меня. Мне пришлось делать отвратительную работу.

— Отвратительную, — снова поправила его Шарлотта.

— Эти солдаты нарочно пачкали отхожие места, чтобы мне приходилось все это мыть. Однажды меня вырвало, и они взяли меня за руки и опустили лицом в рвоту. Один держал меня, другой бил. Я так больше не мог, мне хотелось повеситься. Втайне от канадских солдат они целыми днями оскорбляли меня, называли тряпкой, педиком...

Шарлотта вздрогнула. Это заставило ее подумать о Симоне. Она решила затронуть эту тему.

— Помнишь, однажды я рассказывала тебе о парне, в которого была влюблена много лет, о Симоне Маруа? Мы даже должны были пожениться.

— Да, я помню.

— Так вот, он на самом деле был таким: он любил мужчин. Я не понимала, почему он не хотел меня целовать или спать со мной, даже когда я его провоцировала. Наконец я узнала правду. Бог мой, сколько же я слез пролила, и поначалу он был мне омерзителен! Сейчас он погиб, то есть пропал без вести в битве за Дьепп. Но он тоже пытался покончить с собой в июне 1940 года, когда его мать умерла при родах. Бедный Симон, он так и не познал счастья!

— В Германии есть закон, сурово наказывающий гомосексуалистов, и я не хотел, чтобы меня считали одним из них. Жизнь в лагере была очень тяжелой. По ночам стоял холод, а у меня было только одно одеяло. Как только я ложился, то начинал бояться, что мне придут доставлять неприятности.

— Какие неприятности?

— Все эти мужчины, лишённые женщин, иногда пристают к самым молодым и самым слабым, но тайком, угрожая убить, если те их выдадут. Я был так несчастен! И я решил сбежать. Когда нас посылали за дровами, мы иногда оказывались в лесу, то есть на опушке леса. Я улучил момент и бросился бежать. Я бежал, бежал... Я взял с собой зажигалку и свою военную гимнастерку. Один охранник выстрелил — я услышал выстрел, — но промахнулся, и я еще быстрее побежал между деревьями. Я говорил себе, что они никогда меня не поймают, и если я продержусь до ночи, то буду спасен.

Людвиг перевел дыхание. Шарлотте казалось, что он заново переживает свой побег. Взволнованная, она прижалась губами к его губам. Их поцелуй был очень нежным, почти целомудренным.

— Может, я приготовлю чай, милый? У нас еще остались оладьи. Я немного проголодалась.

— Ты так часто бываешь голодна в последнее время, — удивился он.

— Всеми виной зимние холода и моя любовь к вкусненькому, — с улыбкой ответила девушка.

— Если хочешь, иди, конечно, — согласился он. — Только возвращайся скорее, нам так хорошо в постели.

Шарлотта на цыпочках спустилась вниз. Радость на ее лице сменилась озабоченностью. В кухне она оперлась обеими руками на спинку стула и глубоко вздохнула, пытаясь побороть сильную тревогу. У нее была задержка уже три недели, и, да, ее аппетит стал таким же капризным, как и желудок, чередующий колики с тошнотой.

«Боже мой, только не беременность! Не так быстро! Никогда я не осмелюсь признаться в этом Людвигу. Почему это уже случилось? Если бы мы только имели право пожениться и жить не таясь, все было бы по-другому: я была бы только рада, да, очень рада!»

Она ясно сознавала размеры катастрофы, поскольку считала это таковой. «И именно сегодня мой любимый заговорил о своем прошлом военнопленного, — совсем недавнем прошлом, увы! Я успела немного забыть, что он враг моей страны. Враг, мой любимый, мой Людвиг...»

Погрузившись в раздумья, девушка не могла найти решения своей проблемы. Она просто ее отрицала. «Это обычная задержка, — думала она, глядя на свистящий чайник. — Скоро придет менструация, и все будет в порядке. В любом случае, если я беременна, что вряд ли, это станет заметно только через три-четыре месяца. Эрмина долго оставалась стройной во время своих беременностей. Если я расскажу о своих опасениях Людвигу, он сойдет с ума от тревоги».

До последнего времени все шло хорошо. Шарлотте удавалось водить за нос своего брата и Шарденов. Она приглашала Онезима, Иветту, ожидавшую третьего ребенка, и двух их сыновей каждое воскресенье в полдень. Людвиг поднимался на чердак, где они обустроили тайник. Там была неиспользуемая кроватная сетка, которую они поставили к стене и накрыли старыми покрывалами. На полу оставалось узкое пространство, куда стелили одеяло и подушку, и на этом ложе молодой немец читал при свете маленькой керосиновой лампы порой по несколько часов, если это было необходимо. Дверь чердака закрывалась на ключ, чтобы избежать малейшего риска. Лора и Жослин тоже приходили на обед по четвергам вместе с детьми.

Шарлотта считала эти обеды необходимыми, чтобы показать всем, какой она стала прекрасной хозяйкой и что ее одиночество позволяет ей читать и вязать; Лора продолжала посылать канадским войскам теплую одежду: перчатки, шарфы, жилеты и носки. В течение многих недель ни

один из гостей не усомнился в благоразумии и образцовом поведении девушки. Ее дом был безупречно чистым, и она принимала их радушно, постоянно заботясь о комфорте каждого.

— Наша Шарлотта просто прелесть, — повторял Жослин. — Нужно иметь сильный характер, чтобы выносить затворничество без малейших развлечений!

Разумеется, Лапуэнты и Шардены в свою очередь звали ее к себе в гости, и она охотно принимала приглашения. Главным для нее было защитить своего любимого, обеспечить Людвигу безопасность в «маленьком раю». После каждого расставания, даже короткого, их встреча была еще восхитительнее, и они сжимали друг друга в объятиях, наслаждаясь близостью днем и ночью.

— Нет, я не беременна, — прошептала Шарлотта, наливая кипяток в заварной чайник. — Я мечтаю иметь детей от Людвига, но не сейчас, позже.

В это секунду на плечо ей легла рука. Она вздрогнула, вскрикнув от неожиданности.

— Шарлотта? — прошептал Людвиг, принуждая ее обернуться. — Что ты сейчас сказала?

— Ты должен был ждать меня наверху!

— Но я волновался, тебя так долго не было. Шарлотта, твоя ждать ребенка?

От волнения он забыл свой свежесвыученный французский. Порывистым жестом он привлек девушку к себе.

— Ты боишься, я чувствовал, что ты странная, вчера и сегодня утром тоже. Это моя вина, я не всегда внимателен, но я тебя так люблю!

Поддавшись панике, Шарлотта разрыдалась.

— Обними меня крепче, Людвиг. Что мы будем делать, если это так?

— Успокойся, — попросил он. — Нужно подумать, это правильное слово — «подумать»?

— Да, но о чем подумать? Я посчитала: ребенок должен родиться в октябре или ноябре, больше я ничего не знаю.

Она дрожала всем телом, испытывая, тем не менее, облегчение от того, что теперь она не одна знает об этом. Людвиг нежно погладил ее по щеке.

— Если бы не война и мы могли бы пожениться или уже были женаты, это был бы самый прекрасный день для меня! Смотри, у меня в глазах слезы и мне хочется поднять тебя до неба, поблагодарить тебя за эту огромную радость!

Людвиг бормотал, задыхаясь, переполненный радостью, о которой он

говорил, но вместе с тем сознавая всю трагичность ситуации.

— Пойдем, милая, поговорим об этом в нашей постели, с чаем и оладьями, — заявил он. — Mein Gott! Я бы так хотел сообщить эту новость своей матери и отцу! Я буду папой!

Поддавшись восторгу, свойственному его возрасту, он схватил Шарлотту за талию и принялся танцевать с ней на нескольких метрах кухни, напевая мотив вальса. В конце концов она рассмеялась, не переставая плакать.

— Ты сумасшедший!

— Да, я сошел с ума от любви! Ребенок от тебя! Какой прекрасный подарок!

Молодой немец внезапно опустился на колени и прижался щекой к животу Шарлотты. Он приподнял ее юбку и принялся целовать живот вокруг пупка и чуть ниже с тихим восхищенным смехом.

— Я знаю, что у тебя ребенок, — заявил он.

— Я тоже это знаю. С воскресенья меня мучают тошнота и головокружение.

— Пойдем наверх, — сказал он. — Я понесу поднос, ты больше не должна утруждаться.

Мало смотрел на них, виляя хвостом, пока они поднимались на второй этаж. Старый пес проявлял к ним обоим сдержанную привязанность, и влюбленные платили ему тем же. Пес был чем-то вроде алиби, защищающим Шарлотту. Без него ни Онезим, ни Жослин никогда не позволили бы ей жить одной.

— Отдыхай, Шарлотта, — велел Людвиг, усаживая ее в кровать и подкладывая под спину подушки. — Я позабочусь о тебе, ты моя женщина, моя супруга, даже если у тебя не было ни кольца, ни белого платья. Я не хочу, чтобы ты плакала.

— Сначала я не поняла, — пояснила девушка. — Потом я сказала себе, что, наверное, это то самое, но не решалась тебе рассказать.

Он смотрел на нее со страстью и почтением, и он был очень красив, словно освещаемый изнутри откровением, которое только что услышал. Шарлотта коснулась рукой его лба, линии губ и утонула в его прозрачно-голубых глазах.

— Я никогда не думала, что можно так любить, — взволнованно сказала она дрожащим голосом. — Я люблю тебя всем своим существом, Людвиг. У тебя нет недостатков ни физических, ни моральных. Либо ты умело их скрываешь! Иногда я говорю себе, что Господь послал мне ангела — ангела только для меня одной.

Он взял носовой платок и вытер слезы, текущие по щекам Шарлотты. Затем ласково прошептал:

— Милая моя, ты носишь в себе частички наших двух жизней. Жизнь — это сокровище, подарок! Нам нужно радоваться, не надо грустить.

— Да, ты прав.

Людвиг уселся рядом с ней в теплом гнездышке их кровати. Он взял поднос с прикроватного столика и налил чай.

— Сколько времени продлится зима? — спросил он.

— Не знаю. Часто в марте бывает последняя снежная буря, а в апреле холода отступают. Если нам повезет, в мае уже может пойти дождь.

— А твое состояние? Когда у тебя будет немного живота? Извини, я так счастлив, что плохо говорю на твоём языке.

— Это не страшно, любимый. Я надеялась, что однажды ты сможешь сойти за союзника, но это невозможно. У тебя слишком сильный немецкий акцент.

Шарлотта вздохнула. Среди множества безумных планов у нее было намерение представить Людвигу под вымышленным именем как датчанина или шведа, учитывая его нордическую внешность. Но она от этого отказалась, уверенная, что рано или поздно правда выплывет наружу.

— Лучше будет уехать отсюда весной, — внезапно решила она. — Я найду какой-нибудь предлог для отъезда и возьму тебя с собой. Пообещай, что поедешь со мной!

— Но куда, Шарлотта? — встревожился он.

— Мои близкие утверждают, что у меня хорошо работает фантазия. Я обязательно что-нибудь придумаю. Я не хочу просить помощи ни у кого из них. Если бы Эрмина была здесь, она, конечно, осыпала бы меня упреками, но зато и сделала бы все, чтобы выручить из беды.

Он нахмурился, заинтригованный последними словами, смысл которых был ему не совсем понятен. Шарлотта часто рассказывала ему об Эрмине в самых лестных выражениях. Они даже как-то провели полдня, разглядывая альбом с фотографиями Шарденов. Людвиг знал, как выглядит Лора, Жослин и, разумеется, белокурая красавица Эрмина.

— О! Я знаю! — продолжила она. — Мы могли бы спрятаться на берегу Перибонки, в доме Тошана, мужа Эрмины и отца ее детей, того самого, который пошел добровольцем в армию в самом начале войны. В прошлом году он стал адъютантом. Папа Жосс очень гордится своим зятем. Все время повторяет: «Адъютант Тошан Дельбо!»

— Дельбо? — переспросил Людвиг. — И ты говорила мне, что он метис?

— Ну да!

— Тогда он спас мне жизнь, этот мужчина! Я тебе не до конца рассказал свою историю. Когда я убежал, мне не повезло: на следующий день я упал в яму и с трудом мог ходить. Английские солдаты нашли меня и привели обратно в лагерь на реке Алекс. Врач оказал мне помощь, и потом меня заперли на неделю в сарайчике с железной решеткой, который они называли тюрьмой. Но когда я оттуда вышел, меня оставили в покое. Надо мной больше не издевались. И я узнал, что произошло. Один квебекский солдат, некий Дельбо, оттолкнул в сторону ствол стрелявшего охранника, когда я убежал.

Шарлотта не могла прийти в себя от изумления. Она увидела в этом знак судьбы и важно произнесла:

— Мать Тошана, Тала, была индианкой монтанье. Она считала, что все события подчиняются высшему порядку, установленному Богом, которого она называла Маниту. В юности я не обращала особого внимания на ее слова, но на самом деле все это очень странно. Тошан, которого я хорошо знаю уже много лет, спас тебе жизнь, и в итоге ты попал сюда, в Валь-Жальбер... Но это означает, что ты сбежал во второй раз?

— Да, слушай...

Людвиг взял ее за руку и, устремив взгляд в пустоту, закончил свой рассказ:

— Я начал поджидать очередную возможность для побега и в конце осени сумел пробраться в кузов грузовика, перевозившего продукты, который уезжал пустым. Я спрятался под брезентом и в нескольких километрах от лагеря спрыгнул на ходу. Я понятия не имел, где нахожусь, но знал, что теперь свободен. Долгое время я шел по лесу. На мне было пальто, а под ней моя форма. Было уже холодно, но я не мог переодеться. Спустя неделю я набрел на стойбище индейцев. Там жила пожилая семейная пара. Я был очень голоден. Они поняли это и поделились со мной ужином. Мы общались жестами. Я остался с ними. Приносил дрова и охотился. Я научился разговаривать на их языке, и они называли меня сыном.

— Теперь я понимаю, почему Киона говорила, что ты знаешь язык монтанье, в тот вечер, когда я тебя обнаружила! — воскликнула Шарлотта. — Я совсем об этом забыла, но теперь вспомнила!

Она посмотрела на него с изумлением и восхищением. Под сдержанными и ангельскими манерами Людвига скрывалось сердце героя, по крайней мере, для нее.

— Я продолжал жить так и дальше, в лесу, — продолжил он. — Это

продлилось несколько месяцев — больше года. Но следующей весной мне снова пришлось бежать, поскольку полиция намеревалась отправить моих индейцев в резервацию. Они вовремя меня предупредили. Это были хорошие люди. Потом я много шел, передвигаясь ночью, испытывая постоянный страх. Днем я спал где мог: в разрушенных сараях или в кустарниках.

— А что же ты ел? — спросила Шарлотта, испытывая сострадание.

— Все, что можно проглотить: листья, корни, семена. Однажды вечером с холма я увидел большой безлюдный городок. Почти нигде не было света, из труб лишь кое-где поднимался дым. Шел снег. Я спрятался в подвале дома. А потом Киона увидела меня в окошко, улыбнулась и со следующего дня стала приносить мне вкусную еду. Я уже собирался идти дальше, но пришла ты, моя любимая, моя жена.

Шарлотта прижалась к нему, невероятно счастливая от того, что он был здесь, рядом с ней.

— Позже, гораздо позже мы расскажем о твоих приключениях и о том, как мы встретились, нашим детям. Ничто не должно нас разлучить, любимый мой. Прошу тебя, нам нужно избавиться от твоей формы. Ее надо сжечь. Следовало раньше об этом подумать. Зря мы оставили ее на чердаке.

Устав от своей долгой исповеди, Людвиг убрал поднос с кровати и лег. Шарлотта сделала то же самое. Некоторое время они лежали молча.

— Я не хочу омрачать нашу радость, наше драгоценное счастье, — нежно прошептала она. — На улице дует ветер и падает снег, но здесь, в тепле, нам хорошо. Милый мой, давай подарим себе месяц или два, не заботясь о будущем. Будем наслаждаться каждым часом, каждой минутой, проведенной вместе.

— Да, наверное, так будет лучше всего. Пока нам ничто не угрожает.

Его правая рука скользнула под одеяло и легла между бедер Шарлотты, чтобы постепенно подняться и легонько коснуться ее живота. Они обменялись долгим поцелуем, разжигающим пламя их взаимной страсти. Вскоре они лежали, обнаженные, крепко обнявшись, сосредоточившись на волнах наслаждения, наполнявшего их с каждой лаской и поцелуем.

— Это не вредно для ребенка? — внезапно спросил Людвиг.

— Нет, еще рано, он пока крошечный, если вообще существует, — ответила она, сгорая от нетерпения. — Я хочу скорее ощутить тебя внутри. О! Иди ко мне, любимый.

Переполненный чувствами, он осторожно вошел в нее. Оба отдались опьяняющему блаженству, позволившему им забыть обо всем. Их островок удовольствия и экстаза был лучшей защитой от внешнего мира: здесь им

ничего не угрожало, здесь они черпали надежду.

Дордонь, Франция, тот же день

Нетерпение Тошана достигло предела. Вот уже неделю они с Симоной и ее сыном прятались в амбаре фермы, частично разрушенной пожаром. Кто ее поджег? Это оставалось загадкой, но было очевидно, что жильцы сюда больше не вернуться. Во время очередного ночного похода по лесу Симона серьезно поранила ногу. Острый шип колючего кустарника глубоко вонзился в ступню ее левой ноги. Это вынудило их срочно искать другое укрытие, всего в тридцати километрах от Эрмского замка. Метис считал этот инцидент очень серьезным.

Молодая женщина обработала ранку одеколоном, маленький флакон которого лежал у нее в чемодане. Но та воспалилась и загноилась. Каждый шаг причинял ей страдания.

— Сделай мне какие-нибудь костыли, — сказала она. — Я не хочу задерживаться.

Стало очень сложно, практически невозможно быстро передвигаться под покровом ночи и днем. Когда они останавливались на отдых в лесу, Симона беззвучно плакала от боли и досады. Проникнувшись состраданием, Тошан обнаружил этот амбар, прилегающий к ферме с черными обгоревшими стенами. Ведущая к ней дорога заросла высокой пожелтевшей травой, которая, по утверждению метиса, была здесь и в прошлом году.

— Тут мы будем в безопасности, — заверил он. — Мне не хочется мучить тебя, заставляя ходить.

Он дождался ночи и отнес туда свою спутницу на спине. Натан недовольно плелся за ними, всхлипывая от страха и усталости.

«Какая незадача! — думал Тошан шесть дней спустя, сидя на оглоблях старой телеги. — Мне это не нравится. Такое ощущение, что судьба не на нашей стороне».

Он нервничал и многое отдал бы за то, чтобы выкурить сигарету, но табак закончился, как и запасы продовольствия. К счастью, обследуя дом, он нашел банки с фасолью, а также высушенное сало, покрытое блестящей солью.

«Я должен их спасти!» — мысленно твердил он себе.

Его бархатный взгляд остановился на Симоне, которая спала, прижав к себе сына. Он знал, что ее мучают боль и жар, но он очень хотел ее. После

тех страстных объятий во дворе замка у них не было возможности сблизиться снова; возможно, они не решались на это из-за маленького мальчика, который становился все более нервным и капризным, а из-за постоянного голода сон его был очень беспокойным.

«Благодаря маме сегодня я смог немного облегчить ее страдания, — подумал он. — Тала рассказывала мне о целебных свойствах растений, и даже здесь я смог распознать те из них, что успокаивают боль и затягивают рану».

Коротко вздохнув, он взглянул на небо, видневшееся за двустворчатой дверью постройки. Луна превратилась в тонкий серебристый месяц. Воздух был очень теплым, земля благоухала ароматами ранней французской весны.

«В наших краях еще лежит снег, много снега. Эрмина и дети даже не представляют, как здесь сейчас хорошо».

Он принялся мечтать, представляя игры своего сына Мукки перед красивым домом Шарденов. Может, он сражается в снежки с Лоранс и Мари-Нуттой, а также с Луи, Кионой и маленькой индианкой монтанье Акали с лицом Талы-ребенка.

«Мина, дорогая! Увижу ли я тебя когда-нибудь?» — подумал он, удивленный четкостью, с которой лицо его любимой жены внезапно возникло перед ним. Он зачарованно закрыл глаза, готовый протянуть руку, чтобы коснуться ее нежных чувственных губ, щек, которые так быстро розовели на морозе. Ему показалось, что он видит ее огромные глаза цвета сапфира, глядящие на него сквозь разделяющие их километры.

Потрясенный, он удивился, что смог ей изменить, тогда как всю жизнь любил только ее.

«Увы! Я не каменный. Когда красивая женщина бросается мне на шею, как я могу устоять после стольких месяцев воздержания? Но это не считается. Нам с Симоной это было необходимо, чтобы не сдохнуть от страха и одиночества». Вместе с тем он понимал, что таким образом просто пытается оправдать себя.

— Тошан, — тихо позвала молодая женщина, — ты можешь помочь мне подняться?

— Разумеется, но разве это нужно делать?

— Да, мне душно. Натан повернулся на другой бок и крепко спит. Хочу этим воспользоваться, чтобы немного освежиться. И пить хочется.

Метис приподнял ее, обняв за талию. Она оперлась на него, прыгая на здоровой ноге.

— Тебе еще больно? — встревожился он. — Ты вся горишь!

— Терпеть можно, — вздохнула она. — Не мог бы ты оказать мне

услугу? С тех пор как я поранилась, я не могу нормально помыться. Набери, пожалуйста, воды из колодца. У меня остался маленький кусочек мыла. Мне кажется, что я быстрее выздоровею, если буду чистой. И надену другое платье.

Это была чисто женская просьба. Тошан ее понял. Он принес цинковый бак с отбитыми краями. Пока он наполнял его водой, Симона раздевалась, опираясь на край колодца. Не глядя на нее, мужчина наслаждался близостью ее обнаженного тела, подставленного теплему ветру в слабом свете луны.

— Я сам тебя помою, — хрипло выдохнул он.

— Если хочешь, — тихо ответила она.

Тошан обернулся и окинул ее взглядом. Она дрожала от холода, но на ее лице читалось нетерпение и нежность. Ее темные глаза сверкали, кожа отсвечивала серебром. Черные кудри волос ниспадали, словно необычные украшения.

— Ты красивая, — сказал он.

Он протянул руки и обвел кончиками пальцев линию ее груди, талии, округлых бедер. У нее были тонкие запястья и лодыжки, но тяжелая грудь и выпуклый живот, а также несколько толстоватые ляжки.

— Ты вся дрожишь, — заметил он. — Не будем медлить.

Он помог ей встать в бак, наполовину наполненный водой. Она держала свою левую ногу на весу.

— Держи, вот мыло. То есть то, что от него осталось. И у меня есть банная рукавичка.

Тошан с улыбкой кивнул. Он намочил кусок ткани, намылил его мылом и начал медленно тереть плечи Симоны, затем спину и поясницу. Особенно он задержался на ягодицах, круглых и аппетитных, и сосках. Это был настоящий акт любви. Не той любви семейной пары, что создана годами совместной жизни и рождением детей, а инстинктивной любви мужчины к той, кого он защищает, той, которая подарила ему наслаждение.

— Как приятно! — вздохнула она. — Если бы ты только знал, как я об этом мечтала!

— О том, чтобы помыться или чтобы я тебя помыл? — пошутил он.

— Хотя бы просто помыться. Я не думала, что ты будешь так добр и согласишься это сделать, — с грустью сказала она.

— Это не доброта, Симона, ты мне нравишься. Ты внушаешь мне сильное желание и уважение. Ты спасла мне жизнь своей самоотверженностью. Я бесконечно тебе благодарен. Мы близкие люди. Когда ты лечила меня, я полностью доверился тебе, а сегодня твоя очередь.

Послушай, если у тебя жар, может, не очень благоразумно обливаться ледяной водой?

— Напротив, это прекрасный способ немного снизить температуру, к тому же я больше ничем не рискую.

— Как это? — удивился он.

— У меня предчувствие, что я скоро умру, и я не могу избавиться от этой мысли. Через месяц? Через день? Не знаю, но я обречена, потому что еврейка. Тошан, тебе лучше отвести Натана в Бордо и отдать на попечение Красного Креста. Он выживет и станет мужчиной, достойным своего отца, который был великим врачом. Исаак приснился мне в кошмаре, он был похож на скелет. Проснувшись, я поняла, что его уже нет в живых.

Эти горькие и трагичные слова расстроили метиса и немного отрезвили. Он покачал головой.

— Замолчи и не произноси больше таких слов, они делают тебя слабее. Я спасу вас, я в этом поклялся. Симона, ты не должна опускать руки. Ты молода, у тебя впереди вся жизнь. Не будь пессимисткой, каждый час нашей жизни драгоценен.

Бесстыдным жестом он провел влажной рукавицей между ее ногами, которые она тут же раздвинула. Тошан продолжил и добавил воды, чтобы ополоснуть ее. Затем он отложил мокрую рукавицу и поднял молодую женщину.

— Верь мне и своему Богу, — шепнул он ей на ухо прежде, чем поцеловать в губы.

Она пылко ответила на его поцелуй и сжала в объятиях, ощущая безумную радость от близости его тела, запаха его кожи и рубашки. Убедившись, что она тоже хочет его, Тошан прислонил ее к краю колодца и встал сзади, поглаживая рукой от шеи до поясницы.

— Ты похожа на статую из белого мрамора, которую я видел в музее Лондона, — сказал он. — Твое тело крепкое и упругое.

Симона сладострастно застонала: он взял ее грудь в ладони и нежно сжал. Секунду спустя он уже мял ее ягодицы, после чего вошел в нее.

— Но... — возразила она, не особенно сопротивляясь, — что ты делаешь?

— Занимаюсь с тобой любовью как дикарь. У тебя такого никогда не было? В лесу, стоя возле дерева?

— Нет, я всегда делала это в кровати, лежа на спине, — ответила она, вскрикивая от удовольствия. — Продолжай, мне очень нравится. О! Да!

Тошан быстро потерял над собой контроль, слишком возбужденный, чтобы сдерживаться. Симона прикусила губу, сдерживая крик, когда на нее

накатила волна невероятного наслаждения. Она собиралась обернуться, чтобы поцеловать его, но он резко отстранился и прислушался.

— Надо возвращаться, — бросил он. — Скорее... Слышишь?

В ночную тишину ворвался шум мотора, даже нескольких моторов, скорее всего грузовиков или танков.

— Боже мой! Я совершенно голая! — воскликнула женщина.

Тошан выплеснул воду из бака и забросил его как можно дальше в кусты, растущие вдоль стены. Он подобрал рукавицу, мыло и одежду Симоны, которая уже ковыляла к двери амбара.

— Нам нужно спрятаться под соломой. Скорее, скорее, — велел он.

Его сердце билось так сильно, что перехватывало дыхание. Все тело объял животный страх. Именно в эту секунду он четко увидел в полумраке Киону, похожую на золотисто-рыжее пламя. Девочка испуганно и одновременно торжественно показывала на лестницу, ведущую на сеновал.

— Симона, дай мне Натана, — тихо сказал Тошан. — Нужно подняться наверх. Не спорь!

Шум моторов раздавался все ближе. За несколько секунд Тошан поднялся по лестнице с мешком и чемоданом вслед за женщиной и ее ребенком. Наверху была сложена огромная куча сероватого сена, и минуту спустя они втроем зарылись в нее. Во дворе послышались голоса, захлопали дверцы машин.

«Немецкие солдаты, — убедился метис. — Спасибо, Киона! Если ты посоветовала нам спрятаться здесь, значит, это единственный выход».

И впервые за долгие годы Тошан начал молиться.

Глава 19

Рядом с ангелами

Дордонь, четверг, 18 марта 1943 года, 23 часа

Пальцы Тошана судорожно сжимали рукоятку револьвера. При этом он старался дышать неглубоко, чтобы не наглотаться пыли: это могло вызвать кашель. То же самое, судя по всему, делали Симона и ее сын. Он не видел медсестру, но полагал, что она прижала Натана к себе, и им обоим точно так же не хватает воздуха.

Немецкие солдаты столпились в нижней части амбара. Они громко переговаривались на своем грубом, лающем языке.

«Среди них наверняка есть офицер, может быть, даже люди из гестапо, — подумал он. — Что им здесь понадобилось? Наверное, кто-то из местных заметил нас и донес». Его терзал невыразимый страх. Он боялся не за себя. С тех пор как вступил в Сопротивление, он был готов к жестокой смерти. Но он не мог допустить ареста Симоны и Натана.

«Почему Киона явилась мне? Каким чудом она узнала, что мне грозит опасность?» — спрашивал он себя, несмотря на панику, от которой все сжималось внутри. Тошану отчаянно хотелось верить, что его сводная сестра пытается их спасти. Он прислушался к шуму, раздававшемуся прямо под ними, и понял, что немцы ворошат солому и отодвигают три старые бочки, стоявшие вдоль стены.

— *Hier ist niemand*^[63], — послышался чей-то голос.

Тошан стиснул зубы. Он изо всех сил молился, чтобы патруль убрался отсюда, чтобы этот кошмар скорее закончился. Но тут ему почудилось, что скрипнула нижняя перекладина лестницы. Было очевидно, что добросовестные военные, которых он мысленно сравнивал с хищниками, рыщущими в поисках добычи, обязательно должны обыскать сеновал. В ту же секунду он почувствовал, как маленькая холодная рука вцепилась в его запястье. Симона на ощупь отыскала его, чтобы хоть немного успокоиться. «Или чтобы попрощаться со мной, если нас обнаружат, — подумал он. — У меня всего три пули, и выстрелы вызовут мгновенный отпор, а эти боши вооружены лучше меня. Нас всех убьют в течение несколько секунд».

Но в это мгновение раздался характерный хруст, за которым

последовало звучное «scheisse!»^[64]. Три перекладыны сломались под весом солдата. Тем не менее он продолжил подниматься и остановился, когда его нос оказался на уровне пола. И тогда пространство, заваленное сеном, быстро пересекла куница и бросилась наружу через слуховое окно. Мужчина тихо рассмеялся.

Сердце Тошана билось так сильно, что ему казалось, немцы услышат этот стук и вытащат их из укрытия. Но солдат спустился вниз. Через некоторое время снова послышался шум мотора, на этот раз удаляющийся.

Симона не шевелилась. Ее сын тоже. Метис еще немного выждал, не веря в чудесное спасение. «Мы наверняка забыли что-нибудь на полу, — говорил он себе. — Солома должна была сохранить форму наших тел, ведь мы спали на ней целую неделю. Но отсюда пора уносить ноги, они могут вернуться и проверить все еще раз».

Женщина выбралась из сена раньше его, подняв Натана, который тут же заплакал. Тошан скорее угадывал их, чем видел в полумраке. Симона по-прежнему была обнажена.

— Почему ты без одежды, мама? — спросил мальчик.

— Я мылась на улице, когда пришли солдаты. Это уже неважно, Натан. Главное, что мы спасены! Спасибо, Господи!

В голосе женщины звучала боль, и Тошан погладил ее по щеке, чтобы успокоить.

— Все закончилось, Симона. Но мы чуть не попались. Я сделаю тебе плотную повязку, и мы снова отправимся в путь. Наше спасение в Бордо; мы больше не можем ждать.

— Перестань мечтать, — резко оборвала она его. — Нас поймают по дороге. Как ты собираешься обходить патрули? Нам придется идти через деревни. Если бы только у нас с Натаном были документы! Мы могли бы сесть на поезд. У меня достаточно денег, чтобы доехать в хороших условиях и пересесть на корабль. Но нас будут проверять, и мы не сможем скрыть, что мы евреи.

— Мне очень жаль. Я согласен, фальшивые документы необходимы. Симона, мы должны продолжать пробираться этой ночью к Бордо. Я понесу Натана на плечах, а ты будешь опираться на палку.

— Это займет месяц. А у нас больше не осталось еды.

— Я знаю, — сдался Тошан, поскольку понимал, что она права.

— Но мы хотя бы пока на свободе, благодаря твоей идее подняться сюда. Правда, я была уверена, что этот солдат начнет ворошить сено.

— Это была не моя идея.

— Ну да, скорее, твой инстинкт самосохранения, — уточнила она.

Он не стал говорить ей о Кионе. Рассказ получился бы долгим, с оттенком мистицизма, а в своем нынешнем состоянии гнева и страха она вряд ли восприняла бы его правильно.

— Неважно, — отрезал он. — Собирайся. Мне кажется, ты хотела переодеть платье, вот твой чемодан. Пойдем, Натан, мы спустимся с тобой вниз.

Ребенок относился к Тошану с враждебностью, смешанной с равнодушием. Он все больше замыкался в себе, перестал капризничать, шуметь, лишь тихо ныл и разочарованно смотрел на мать.

— Нет! — внезапно завопил он. — Я хочу вернуться жить к тете Брижитт!

После этого крика души он отчаянно разрыдался. Тошан схватил его поперек тела. Мальчик вырывался, и он с трудом мог с ним справиться.

— Только не бей его! — взмолилась, лихорадочно одеваясь, Симона.

— У меня нет привычки бить детей, — отозвался метис. — Но твой сын должен понимать, что происходит.

Спустившись вниз, Тошан вывел ребенка на улицу. Он опустился на колени, чтобы оказаться на одном уровне с ним.

— Выслушай меня, Натан. Я догадываюсь, что ты меня не любишь, что я для тебя чужой. В моей стране, Канаде, у меня тоже есть сын. Его зовут Мукки, ему десять лет, то есть он чуть старше тебя. Я уверен, что он не стал бы пререкаться со мной, если бы я велел ему вести себя тихо и смирно. Только что ты проявил себя молодцом, сидел в сене как мышка. Я понимаю, что тебе тяжело, что ты еще маленький, но, если немецкие солдаты нас поймают, нам будет очень плохо. Я знаю, очень трудно идти ночью по лесу и спать в таких местах, как это, но у нас нет выбора. А я делаю все возможное, чтобы спасти вас с мамой. Ты ведь не хочешь остаться без мамы?

— Нет, не хочу.

— Тогда ты должен быть храбрым. Я веду вас в Бордо, в большой город, где есть порт. Там вы сядете на корабль, и вам больше ничто не будет угрожать. У тебя появятся еда и кровать для сна. И твоя мама будет рядом.

Ребенок кивнул. На его похудевших щеках блестели слезы. Растрогавшись, Тошан вытер их кончиками пальцев.

— Идем, малыш, пора двигаться в путь.

Симона спустилась к ним в темно-синем трикотажном платье с белым воротником. Она собрала волосы в пучок и накинула сверху куртку.

— Что ж, не будем терять времени. А завтра вечером остановимся возле деревни, я пойду туда и куплю какой-нибудь еды. У меня есть

фальшивый паспорт на случай проверки.

— Я видела его в твоих вещах, когда лечила тебя. Ты мог бы быть уже далеко и в безопасности, если бы мы не висели у тебя на шее.

— Не говори глупости, Симона! Участники Сопротивления считают своим священным долгом бороться с нацистами любыми средствами: диверсиями, пропагандой, а также вырывая из их лап как можно большее количество евреев. Я недостаточно щадил вас с сыном. Наверняка можно было найти лучшее решение, чем эти изматывающие ночные переходы.

— Какое, Тошан?

— Провести ночь в отеле и попытаться добраться до Бордо на машине. Я изучил карту. Нам осталось проделать около восьмидесяти километров. Доверься мне, нас охраняет ангел.

Симона пожала плечами. Она давно уже перестала верить в ангелов.

Валь-Жальбер, тот же день

В ожидании ужина Жослин и Лора читали в гостиной. В доме было очень тихо: дети играли на втором этаже, а простуженная Мирей больше не пела своих любимых песен в кухне. Громкий крик, раздавшийся в одной из комнат, нарушил это умиротворение.

— Ты слышал, Жосс? — воскликнула Лора. — Кто-то из детей поранился!

— Я уверен, это Киона, — ответил он, поспешно поднимаясь из кресла. — Я узнал ее голос. Пойду посмотрю, что там стряслось.

— Мадлен наверху, с детьми. Надеюсь, ничего страшного не произошло.

В это мгновение, словно для того, чтобы опровергнуть слова своей бабушки, по лестнице сбежала испуганная Лоранс.

— Дедушка, иди скорее, с Кионкой плохо! Она упала в обморок, потом с криком очнулась. Мадлен пытается ее успокоить.

— Боже мой! — воскликнул Жослин, бросившись на второй этаж. — Что опять случилось?

— Она вся белая, — добавила Лоранс, не отставая от него.

Мадлен встретила Жослина как спасителя. Она держала в руке влажную салфетку.

— Я растерла ей виски прохладной водой, но она продолжает задыхаться от рыданий.

Мари-Нутта и Акали окружили плачущую девочку, а встревоженные

Мукки и Луи держались в стороне.

— Не бойтесь, милые, — сказал Жослин.

Он взял Киону на руки и прижал к себе. Его отцовское сердце обливалось кровью при виде мертвенно-бледного личика дочери. У нее не случалось подобных приступов уже несколько месяцев, и он опасался какого-нибудь рокового видения, касающегося Эрмины. Его старшая дочь сообщала о себе редко: репетиции «Фауста» занимали у нее все время.

— Киона, доченька, папа здесь, с тобой, — прошептал он ей на ухо, целуя в лоб. — Умоляю тебя, успокойся!

Он смотрел на дочь, не переставая удивляться ее необычной красоте. Ее светло-рыжие волосы, едва достигающие до плеч, вились вокруг совершенного овала лица. С закрытыми глазами она была очень похожа на Эрмину своим изящным тонким носом и контуром полных розовых губ.

— Киона, папа здесь. Ты слышишь, папа здесь, — повторил он.

Девочка наконец открыла глаза, взгляду нее был затуманенным, щеки блестели от слез. Узнав Жослина, она извиняюще улыбнулась.

— Прости, папа. Я не нарочно.

— Я знаю, милая. Мне не за что тебя прощать. Дыши глубже и скорее приходи в себя.

— Уверяю тебя, я прошу с утра до вечера Иисуса сделать меня нормальной. Я вижу ужасные вещи по ночам, и днем тоже, я больше так не могу.

Чувствительная по натуре Лоранс тоже заплакала. Мадлен перекрестилась, не осмеливаясь задавать вопросы.

— Что ты видела? — спросила Мари-Нутта. — Я знаю: когда ты такая, значит, у тебя было видение. Это связано с мамой? Она умерла?

— Нет, это касается Тошана, — слабым голосом призналась необычная девочка. — Моего брата Тошана! Он испытал такой сильный страх, что я переместилась к нему туда, во Францию. Немецкие солдаты приближались, и ему пришлось спрятаться с женщиной и ее маленьким сыном.

Жослин был в шоке. Он не знал, что стало с адъютантом Тошаном Дельбо. Даже Эрмина на почтовой открытке с изображением Эйфелевой башни написала закодированное сообщение: «Я не нашла следов детеныша волчицы». Лора и Жослин сразу поняли, что их дочь имеет в виду своего мужа. Тем не менее они предполагали, что их зять жив и ведет подпольную деятельность.

В дверь осторожно постучали. В комнату вошли Андреа Дамасс и Лора.

— Ну что? — спросила Лора. — Это действительно Киона? Что ты видела, малышка?

— Боже правый! Я решила, что одна из девочек серьезно поранилась, — воскликнула учительница, эффектные округлости которой были обтянуты розовым фланелевым халатом.

— Вам не стоило утруждаться, мадемуазель Дамасс, — несколько несправедливо сочтя ее бестактной, сказал Жослин. — Киона заболела, и мы с женой отнесем ее в свою комнату. Мадлен, будьте любезны, отведите детей в столовую и скажите Мирей, чтобы она покормила их ужином прямо сейчас.

— Хорошо, месье.

Порядок был быстро восстановлен. Киона оказалась сидящей на супружеском ложе Лоры и Жослина в красивой спальне с обоями в цветочек и белой лакированной мебелью, украшенной позолотой. Она разглядывала роскошную обстановку своими янтарными глазами, в которых еще жила тревога.

— А теперь, дитя мое, попытайся нам рассказать все подробнее, — заявила Лора довольно властным тоном. — Твой отец передал мне, что ты видела, но, если ты вспомнишь некоторые детали, это может помочь Эрмине найти своего мужа. На земле мало людей, которым повезло жить рядом с такой девочкой, как ты, наделенной необычными способностями.

— О нет, Лора! Не приставай к ней с расспросами! Она и так не может прийти в себя. К тому же мы договорились больше не упоминать о ее особом даре. Киона хочет стать такой, как и все дети.

— Но я же не такая! — возразила девочка. — Ты прекрасно знаешь это, папа. Мина хочет найти Тошана, и если я могу чем-то помочь...

— В таком случае постарайся вспомнить, — настаивала Лора, покровительственно обняв ее рукой, — что именно ты видела.

Жослин не сводил со своей драгоценной Кионы взволнованного взгляда. Он бы многое отдал, чтобы избавить ее от страданий.

— Это было в какой — то темной постройке, на земле лежала солома. Тошан посадил мальчика себе на плечи, и там была женщина. Они были очень напуганы из-за немецких солдат.

— Как ты поняла, что речь идет о немецких солдатах? — спросил ее отец. — Ты же их никогда не видела, милая!

— Они громко разговаривали на незнакомом мне языке и были вооружены.

— Жосс, не будь идиотом! Тошан мог испугаться только немецких солдат. И не перебивай ее.

Киона раздумывала. Должно ли говорить, что женщина, которую она видела, была полностью обнаженной? Инстинкт подсказал опустить эту деталь. Она продолжила:

— Снаружи луна освещала зеленую траву, снега не было. Я показала на лестницу Тошану, потому что он мог спрятать наверху женщину и мальчика. Это было предчувствие. А потом я сама испугалась этих солдат. Я закричала и вернулась сюда.

— Думаешь, солдаты тебя видели? — лихорадочно спросила Лора.

— Не знаю, но Тошан смотрел на меня!

— Все, этого достаточно, — вмешался Жослин. — Теперь тебе нужно отдохнуть, доченька, ты такая бледная. Твои видения забирают у тебя много сил. Теперь нам известно, что наш зять сейчас во Франции, где-то в сельской местности. Ты видела, что там ночь, и это нормально, учитывая разницу во времени. Остается надеяться, что Тошан вне опасности.

— Но почему он в компании женщины и ребенка? — удивилась Лора.

— Не нужно быть прорицателем, чтобы понять, что это евреи. Многие французские подпольщики пытаются их спасти, переводя через границу.

— Откуда у тебя такая информация? Поразительно! Не покидая Валь-Жальбера, ты в курсе вещей, о которых я никогда не слышала или знаю лишь в общих чертах!

— Онезим привозит мне газеты из Роберваля, и я слушаю радио, Лора. Завтра предупрежу Эрмину, но осторожно. Лучше, если она сама нам позвонит. Если ее не будет, я оставлю для нее сообщение в отеле.

— Ее не будет, Жосс. Премьера «Фауста» пройдет в субботу вечером. Наша дочь будет петь в Парижской опере, а я этого даже не увижу! Боже мой, как бы я хотела там присутствовать!

С этими словами, произнесенными трагическим голосом, Лора нежно коснулась лба Кионы, которая тут же прижалась к ней, как маленький зверек, жаждущий ласки.

— Сейчас я принесу тебе поднос с ужином, милая. Хочешь немного поспать?

— Нет, спать я не хочу. Папа, ты со мной побудешь?

— Разумеется, и поужинаю здесь, вместе с тобой. Сделай все необходимое, Лора.

Его жена без возражений вышла из комнаты. Ей не давал покоя один вопрос: кто была та женщина, которая пряталась ночью в амбаре вместе с Тошаном?

Париж, пятница, 19 марта 1943 года

Эрмина быстрым шагом вышла из метро на станции Шателе. Ей не терпелось оказаться в своей комнате в отеле одной, вдали от взглядов, комплиментов и, особенно, от навязчивого внимания одного немецкого офицера, уже неделю караулившего ее у служебного выхода из оперного театра. Одетая в серый плащ, с голубым платком на голове, она была похожа на молодую парижанку среди сотен других, спешащих укрыться от мелкого дождика, морозящего над столицей.

«И Октав не подает признаков жизни уже три дня, — думала она, обеспокоенно глядя на башни Нотр-Дам. — Я буду совершенно потеряна, если он не вернется, если его арестовали».

Вероятность этого действовала на нее угнетающе. С момента своего приезда во Францию она лучше узнала своего импресарио, человека своеобразного — одновременно пылкого и сдержанного, веселого и серьезного. Теперь она уже не сомневалась в том, что он возглавляет подпольную организацию. Он даже представил ее одному из своих заместителей, некоему Ксавье Дюбуа, владельцу кабаре, в котором она пела по вечерам.

— В случае возникновения проблем, моя дорогая, вы можете полностью ему доверять. Я имею в виду, если со мной случится несчастье, чего нельзя исключать. Он вам поможет.

Эрмина очень надеялась, что ей не придется обращаться к этому молчаливому и угрюмому человеку — полной противоположности Дюплесси. Несмотря на свой отталкивающий характер, Ксавье Дюбуа тонко и умело управлял своим кабаре. Он высоко ценил молодую канадку и восхищался ее талантом. Два раза в неделю она исполняла на маленькой сцене под аккомпанемент пианиста не оперные арии, а популярные песни.

«Какое счастье! Я наконец смогу отдохнуть сегодня вечером!» — думала она, шагая вдоль парапета моста, возвышающегося над Сеной.

Ей совершенно некогда было скучать, и она ложилась спать рано, чтобы выдержать изнуряющий рабочий ритм. Ее нервы были на пределе от такой беспокойной жизни, но, так же как и в Квебеке несколько лет назад, Эрмина испытывала огромную радость, занимаясь своим любимым делом.

«Если бы только среди публики было меньше немецких солдат! Но они повсюду и ведут себя как хозяева мира!»

К тому же пение тоже могло быть способом борьбы. Октав, к примеру, объяснил ей причину неослабевающего успеха песни «Мой любовник из

Сен-Жана»:

— Сен-Жан — это квартал в Марселе, который нацисты стерли с лица земли, устроив облаву на тысячи евреев. Разумеется, песня была написана еще год назад, музыка замечательная и слова трогают женское сердце, но теперь слушатели прежде всего ассоциируют ее с этим варварским злодеянием. Среди многих других, увы!

— А я думала, что речь идет о празднике Сен-Жан.

— Нет, квартал Сен-Жан находился возле Старого порта, — возразил Дюплесси. — Ах! Я люблю Марсель так же, как и Париж. Как бы я хотел вас туда свозить...

И теперь Эрмина хотела включить эту песню в свой репертуар. Она мысленно напела ее строки как раз перед тем, как войти в дверь отеля:

Не знаю, зачем
Я пошла танцевать в Сен-Жан.
Но когда один парень меня поцеловал,
По спине пробежали мурашки,
И я пропала.
Как не потерять голову
В объятиях дерзких рук?
Ведь мы всегда верим
Сладким словам любви,
Когда их произносят с пламенным взглядом.
Он так мне нравился,
Казался самым красивым в Сен-Жане,
И я стояла, опьяненная, безвольная,
Под его поцелуями...

— Мадам Дельбо, — позвал портье из-за своей стойки. — Для вас есть сообщение от месье Шардена — он звонил после обеда.

— Ах! — воскликнула она, сразу запаниковав. — Что-то случилось?

— Не знаю, мадам. Этот месье просил, чтобы вы перезвонили ему домой.

Его недоуменный вид ясно давал понять, что он считает звонки своей клиентки за границу несколько странными и очень дорогостоящими. За несколько дней он сделал вывод, что эта красивая молодая женщина — весьма обеспеченная особа, о чем свидетельствовали также ее туалеты и драгоценности.

— Спасибо, я сейчас же перезвоню, если кабинка свободна! — взволнованно сказала Эрмина.

— Она свободна, мадам.

Дрожащими пальцами Эрмина сняла трубку из черного бакелита. Ей представилось самое худшее: кто-то из детей заболел или что-нибудь серьезно себе повредил, а она не сможет быть рядом. Огромный океан отделял ее от семьи, от родных мест Лак-Сен-Жана, от Валь-Жальбера. Даже если ей придется разориться, она останется на линии столько, сколько потребуется, чтобы утешить Мукки, кого-то из близняшек, Киону, Акали или Луи. Ее сердце сжималось в груди, пока она ждала соединения со своим домом.

«Господи, пожалуйста! Только бы все были здоровы, только бы не случилось несчастья! Я буду казнить себя всю оставшуюся жизнь за то, что уехала искать мужа, который по-прежнему далек от меня, — так же далек, как и мои дети!»

Она уже еле сдерживала слезы, когда в трубке наконец раздался голос отца:

— Эрмина?

— Да, папа, говори скорее, что случилось!

— Ничего страшного, доченька. Успокойся, дети прекрасно себя чувствуют, мама тоже. Все домочадцы, в общем. Но у Кионы было небольшое недомогание.

Эрмина сразу все поняла. Октав посоветовал ей изъясняться завуалированными фразами, никогда прямо не называть имен или вызывающих подозрение вещей. Считалось, что телефонные разговоры могут прослушиваться при помощи радиостанций и радиопередатчиков и привести к гибели «воинов тени», как называли участников Сопротивления.

— Опять эти головокружения? — рискнула она. — Поцелуй ее от меня покрепче, папа. Мне так ее не хватает! Мне не хватает вас всех.

— Головокружения и кошмары, бедная девочка. Она много плакала, ей показалось, что она увидела во сне своего старшего брата во Франции, спасающегося от стаи кровожадных волков. Пришли ей красивую почтовую открытку, чтобы утешить. Хорошо, Мимина?

Жослин никогда ее так не называл. Она пыталась понять, почему он это сделал, придя в ужас от услышанного. Судя по всему, у Кионы было видение, в котором Тошан столкнулся с немецким патрулем.

— А эти ужасные волки не причинили вреда ее брату?

— Нет, но кошмар сильно ее напугал, — добавил Жослин, который,

казалось, был не в своей тарелке. — Ты ведь знаешь малышей! Кионе также показалось, что она видела кошку с котенком в этом амбаре. Впрочем, прости, что побеспокоили тебя из-за такого пустяка... Передаю тебе маму, она хочет что-то сказать.

Лора постаралась выпалить все, что было у нее на душе, с такой скоростью, что Эрмина с трудом успевала за ней.

— Милая моя, ты так далеко! Я думаю о тебе изо всех сил в преддверии твоей премьеры «Фауста». Ты должна ослепить Париж, пообещай мне! Я так горжусь тобой, но очень расстроена, что не смогу присутствовать в зале. Доченька моя дорогая, будь сильной, будь лучшей! Господи, я так люблю тебя, Эрмина! У вас там хорошая погода? Здесь до сих пор идет снег.

— Да, в Париже очень тепло, уверяю тебя. Расскажи мне лучше о нашей семье, мама.

— Не волнуйся, у всех все хорошо! Шарлотта по-прежнему играет в затворницу в своем «маленьком раю», Мадлен прекрасно мне помогает, Мирей простудилась. А Жо женится на мадемуазель Дамасс в середине апреля. Я хочу подарить им в качестве свадебного подарка ночь во Дворце Роберваля. И я...

Соединение прервалось после оглушительного треска. Дрожа от волнения, Эрмина повесила трубку. Она вышла из кабинки на ватных ногах и попросила ключ у портье, который делал вид, что просматривает регистрационный журнал постояльцев.

— Все в порядке, мадам?

— Да, спасибо.

Она свободно вздохнула, лишь оказавшись в своей комнате. Тем не менее слезы отчаяния полились из глаз.

— Тошан! Любовь моя, где ты?

Лежа на кровати, она вспоминала каждое слово своего отца. Он неплохо справился, рассказав ей о главном и не назвав вещи своими именами.

«Мы оба во Франции, Тошан, но я никак не могу тебя найти, — сожалела она. — И эта кошка с котенком, по всей видимости, женщина и ее ребенок. В целом это сходится с предположениями Октава».

Она посмотрела на свои часы, испытывая искушение снова связаться с родителями. Те со своей стороны тщетно пытались дозвониться до отца. Они намеренно скрыли от нее, что Киона до сих пор не оправилась от своего видения.

Киона была одна в комнате Лоры и Жослина. Решив, что она уснула, они на цыпочках вышли за дверь. Уютно устроившись посреди широкой кровати, девочка разглядывала деревянный резной цветок на шкафу. Снаружи выл ветер, качая деревья, покрытые снегом.

«Если бы я была птицей, то сидела бы сейчас в своем гнезде, в укрытии, — думала она. — Или была бы лисенком в норе. Но я хочу быть нормальной девочкой и чтобы мама вернулась!»

Ее хорошенькое личико сморщилось, и она беззвучно заплакала. Правой рукой она коснулась медальона с Пресвятой Богородицей, который ей подарил отец и который раньше принадлежал его прабабушке Альетте. Украшение не защищало ее так сильно, как амулеты, брошенные в огонь главной монахиней того ужасного пансиона, из которого ее вытащила Эрмина. «Мама просила нашего старого шамана вложить много магии в амулеты. Они мне нужны, чтобы больше ничего не видеть», — подумала она, раздираемая гневом и горем.

Кионе было совсем непросто общаться со вселенной и неприкаянными душами людей — живых или мертвых. Между тем боги, наградившие ее этими невероятными способностями ясновидения и биллокации, казалось, щадили ее. Девочка не имела доступа к сценам, которые навсегда сломали бы ее или лишили разума. Так, она не могла присутствовать при массовом истреблении тысяч евреев и цыган в лагерях, созданных в Германии и Польше, но ее юная невинная душа улавливала волны страдания и отчаяния, которые ослабляли ее и мешали радоваться жизни.

Никто из детей и взрослых, окружавших Киону, не догадывался, что она целыми днями только делает вид, что веселится, играет, хочет есть. Луи единственный подозревал, что она несчастна. Но он считал это естественным, поскольку его ангел, как он до сих пор ее называл, потерял свою мать.

Мадлен пыталась ее расспросить и приласкать, но большую часть времени она все же посвящала Акали, которую считала своей дочерью.

«Это должно прекратиться, — твердила Киона, укрывшись одеялом до самого носа. — Я хочу, чтобы Мина была здесь вместе с Тошаном». Судьба ее сводного брата внушала ей сильную тревогу. Она упрекала себя за то, что не увидела ничего конкретного и важного. Отличаясь ранним умственным развитием, она понимала, что необходимо было узнать название места: французского города или деревни. Но для того чтобы

получить эту информацию, ей следовало сконцентрироваться на поиске Тошана. «Я не хочу. Эти солдаты меня слишком напугали! Они несли с собой смерть».

Странно, но это навело ее на мысли о Людвиге. Он носил ту же фашистскую форму, однако был совсем другим. Она сразу увидела в нем человека безгранично доброго и милого.

— Бедный Людвиг, бедная Шарлотта, — вполголоса произнесла она. — И бедный Симон...

Старший сын Маруа явился ей как-то вечером, когда она молилась в пустом классе. Киона часто молилась, спрятавшись от всех. Комната, где мадемуазель Дамасс давала им уроки, была выбрана ею для этих целей. Она любила пробраться туда тайком, коснуться пальцами своей парты, вдохнуть особый запах мела, чернил, учебников, выстроившихся на полке. Неделю назад, когда она усердно читала «Отче наш», чье-то присутствие рядом заставило ее повернуть голову. Возле стола учительницы стоял Симон. Он смотрел на нее с невыразимой улыбкой, полной любви и покоя. Никогда еще он не был так прекрасен: волосы его блестели, а лицо было словно озарено изнутри.

Киона внимательно посмотрела на него, одновременно радуясь и печалась, потому что он был мертв и не мог показаться другим людям. Вскоре он исчез, но оставил девочке чудесное послание: он спокоен, свободен и счастлив.

Она пообещала себе рассказать об этом Эрмине, но только ей. Этот визит из другого мира не давал ей покоя, и на то была причина. «А как же мама? — спрашивала она себя с того вечера. — Почему мама не приходит меня проведать?»

Этот вопрос продолжал мучить ее, лежащую на огромной кровати. Лора оставила гореть ночник, розовый свет которого создавал в комнате особую атмосферу.

— Мама? — тихо позвала Киона. — Тала?

Но бессмертная душа прекрасной индианки не соизволила появиться. Девочка разочарованно всхлипнула. Незаметно ее веки отяжелели и закрылись. Она провалилась в глубокий сон.

Когда она проснулась, возле кровати сидел Жослин. Вид у него был встревоженный.

— Папа, теперь я знаю! Я видела каменный столб, а наверху написано название темно-синими буквами: «Монпон». Тошан там, во Франции... В отеле Монпона.

— Ты уверена? Монпон?

— Да, папа, и скоро там произойдет нечто ужасное, — добавила Киона, и ее золотистые глаза наполнились печалью.

Париж, суббота, 20 марта 1943 года

Эрмина разглядывала свое отражение в зеркале уборной. Ее гримерша Жанина, темноволосая девушка, чем-то напоминавшая Шарлотту, заканчивала припудривать ей лицо, продолжая разговаривать:

— Вы действительно очень красивая Маргарита! Вам нравятся ваши косы? Я не стала заплетать их слишком туго, чтобы сохранился объем.

— Все замечательно, Жанина, не беспокойтесь.

Эрмина уже находилась во власти непреодолимого страха. Биение сердца казалось ей замедленным. Ее бросало то в жар, то в холод, и она боялась лишиться чувств.

— Господи, я умираю от страха! Если бы вы только знали, как я мечтала петь в Парижской опере! Но сейчас, почти достигнув цели, мне хочется убежать куда-нибудь подальше.

Жанина кивнула с грустной улыбкой и нанесла немного помады на ее губы. Роскошный наряд Эрмины состоял из широкой красной юбки с вышивкой, шелковой белой блузки с головокружительным декольте и корсета из черного бархата, приподнимавшего ей грудь.

— Я чувствую себя голой. Костюм, в котором я выступала в Капитолии в Квебеке, был не таким красивым, но более целомудренным.

— Да сам сюжет этой оперы неприличен, — ответила Жанина, развеселившись. — Старый врач, заключивший договор с дьяволом, чтобы помолодеть и соблазнить красивую и очень целомудренную девушку! Меня это всегда шокировало. Вам обязательно нужно свести с ума этого Фауста, а заодно и парижскую публику.

— Включая всех этих немецких офицеров, которые приходят сюда в компании своих любовниц или в поисках любовных приключений...

В процессе репетиций, включая генеральную, состоявшуюся после обеда, Эрмина подружилась с Жаниной, а также с некоторыми танцовщицами из кордебалета. Для нее было настоящим удовольствием ходить по коридорам Дворца Гарнье, подниматься в танцевальный класс, чтобы понаблюдать за тренировкой балерин. Зрелище казалось Эрмине феерическим благодаря музыке, Легкому стуку пуантов по паркету и воздушным движениям множества грациозных юных тел, стройных и мускулистых.

Никогда она не забудет тот вечер, когда Октав пригласил ее на единственное представление «Лебединого озера» Чайковского. Они сидели в ложе слева от сцены, и Эрмина пережила незабываемые мгновения.

Восхищенная романтической музыкой русского композитора, покоренная похожими на пушистый снег костюмами танцовщиц, она полностью отдалась магии балета. К этому прибавилось удовольствие от ее дивного вечернего платья из темно-синей тафты, любимых украшений и красивой высокой прически. Дюплесси в смокинге щеголял рядом, изображая удачливого любовника.

«Каков актер! — подумала молодая женщина, с ностальгией вспоминая эти незабываемые минуты. — Но где же он?»

Словно прочитав ее мысли, Жанина спросила некоторое время спустя:

— У вас нет известий от месье Октава?

— Увы! Ни одного, и я ничего не понимаю. Надеюсь, он все-таки придет. Он знает, что я пою в «Фаусте», и очень хотел присутствовать. У него осталось меньше часа, чтобы зайти в мою уборную и подбодрить меня. Помню, в Квебеке он дарил мне розы из оранжереи, очень дорогие. Это меня успокаивало.

Гримерша кивнула. Эрмина взгляделась в ее лицо в зеркале и наконец поняла, что что-то не так.

— Жанина, вы близко знакомы с Октавом?

— Могу я вам доверять? Полностью?

— Разумеется. Я в курсе, чем он занимается помимо своей артистической деятельности.

— Тогда слушайте... Мы живем с ним вместе уже год. И сейчас у меня плохое предчувствие. Он так рискует! Я знаю, куда он отправился, но он давно уже должен был вернуться.

— В таком случае вы информированы лучше меня. Мне он ничего не сказал.

— Меньше знаешь... — прошептала гримерша. — Методы гестапо заставят заговорить глухого и немого. Под пытками самые храбрые парни выдавали своих товарищей. Чаще всего, чтобы после этого умереть.

Эти слова заставили содрогнуться Эрмину. Она бросила тревожный взгляд на дверь, словно за ней уже стояли люди из милиции^[65]. Это были французы, но порой они проявляли к своим соотечественникам еще большую жестокость, чем нацистские солдаты.

— Боже мой, на Октава могли донести?!

— Его задержка предполагает самое худшее, — прошептала Жанина, склонившись к уху певицы. — Он отвозил супругу и двоих детей Ксавье

Дюбуа в безопасное место, в Морбиан, чтобы передать их на попечение матушке Ивонне-Эме. Они евреи: не сам Дюбуа, а его жена. Я имела счастье встретиться с монахиней — она действительно святая. Представляете, в феврале она была в Париже и ее арестовало гестапо, заподозрив в том, что она прячет евреев в своем монастыре в Бретани, в Малеструа. Ее должны были отправить вместе с конвоем заключенных, но ангел вернул ее в свой кабинет в Нотр-Дам-де-ла-Консоласьон. Молодой священник, который был в некотором роде ее духовным сыном, молился в слезах, уверенный, что никогда больше ее не увидит, когда вдруг услышал неясный шум. Это матушка Ивонна-Эме с обезумевшим лицом отбивалась от воображаемых немецких солдат. В итоге она поняла, что спасена, и сказала, что это ангел-хранитель перенес ее сюда, подальше от опасности. Настоящее чудо! Она легла, чтобы отдохнуть, а когда священник и другая монахиня зашли к ней, она спала в окружении белых цветов. Ее кровать была покрыта лилиями, калами, тюльпанами! В середине-то зимы! Вся комната благоухала^[66]. Говорю же вам, святая!

Эрмина подумала о Кионе. С ее обожаемой младшей сестренкой тоже происходили чудеса, и, по утверждению Жослина, она все больше молилась Иисусу. «Неужели ее тоже ждет монашеская жизнь? Мы скоро об этом узнаем. Меня огорчит, если она решит посвятить себя Богу, поскольку мы будем разлучены».

Эта мысль еще больше усилила ее волнение. В эту секунду в дверь кто-то постучал. Жанина открыла, всем сердцем надеясь увидеть на пороге Октава. Но ее поприветствовал немецкий офицер внушительного телосложения. Он держал букет красных роз в правой руке, затянутой в белую перчатку.

— Полковник Рибер фон Леебе, — представился он. — Я пришел пожелать удачи мадам Дельбо, самой красивой женщине Парижа.

Потрясенная Эрмина узнала мужчину, который подстерегал ее с утра до вечера возле театра. К счастью, он ни разу не стал преследовать ее до отеля. Она встала, с виду спокойная, тогда как внутри вся кипела от гнева и тревоги.

— Не очень-то учтиво заходить в мою уборную и видеть меня в сценическом костюме, — степенно произнесла она, тем не менее улыбнувшись.

Так она выполняла инструкции Дюплесси, который посоветовал ей, даже приказал, быть любезной на грани двусмысленности с высшими нацистскими чинами. Эта роль вызывала у нее отвращение, однако она постаралась сыграть ее достойно.

— Вы очаровательны, — отрывисто сказал полковник, пожирая ее своими серыми глазами. — После представления я хотел бы пригласить вас выпить шампанского, — превосходного французского шампанского!

Характерный немецкий акцент Рибера фон Леебе выводил ее из себя, равно как и его многозначительные пылкие взгляды. Он протянул ей букет и отступил назад, щелкнув каблуками сапог.

— Я подумаю, — ответила она светским тоном.

— Отлично! Больше не стану вам докучать, дорогая Маргарита.

Жанина поспешно закрыла дверь и бросила на Эрмину растерянный взгляд.

— Вы были великолепны, — тихо призналась гримерша. — А этот жирный боров не сводил глаз с вашего декольте.

Она набросила шерстяную шаль на плечи Эрмины, которая не могла унять дрожь.

— Я больше не в состоянии этого выносить. В кабаре то же самое. Как только я исполняю какую-нибудь песню о любви, немецкие солдаты тут же рвутся назначить мне свидание. Жанина, как вы считаете, француженки спят с фашистами?

— Конечно! Ведь у них власть, деньги! Это хороший способ обеспечить себя сигаретами или продуктовыми карточками. Наверняка бывают и настоящие истории любви. Сердце неподвластно земным законам!

Эрмина услышала слегка приглушенную музыку. Музыканты оркестра начали настраивать свои инструменты. Вне себя от тревоги, она стиснула руки. Судьба мужа беспокоила ее больше, чем судьба импресарио, но она не могла помешать себе молиться за обоих мужчин-подпольщиков, сражающихся за свободу и справедливость.

— Я вас оставлю, — сказала Жанина, похлопав ее по руке. — Взгляну на зал из-за кулис. Октав мог пройти напрямик туда.

— Хорошо! Будьте осторожны с призраком Оперы, — пошутила певица.

— А, вы знаете эту книгу! Есть еще и фильм. Я видела его в детстве. Было ужасно страшно!

— Кажется, американский режиссер Артур Любин снимает еще один фильм в этом году, — ответила Эрмина. — Я купила роман Гастона Леру на набережной и прочла его вечером в отеле. Это тоже трагическая история любви! Бедный мужчина, обезображенный при пожаре на благотворительном базаре, обладал таким музыкальным талантом! Я влюбилась в Кристину. Сегодня вечером я буду думать о ней, играя

Маргариту. Октав сравнивал меня с ней, но я не уверена, что настолько талантлива.

Жанина поморщилась, ощутив укол зависти. Но она искренне любила Эрмину, поэтому вышла из комнаты, дружески ей подмигнув.

«Господи, помоги мне! — взмолилась молодая женщина, оставшись одна. — Я должна блеснуть, покорить публику! Ради тех, кого я люблю. Третий акт будет моим ярким пассажем — знаменитая ария с драгоценностями, перегруженная трелями».

Она принялась лихорадочно что-то искать в своей сумочке. Это был медальон, который сестры из Нотр-Дам-дю-Бон-Консей вручили ей при крещении в монастырской школе Валь-Жальбера. Судорожно сжав в руках скромное серебряное украшение, она предалась молитве всей душой.

Час спустя Эрмина, казалось, делала те же движения, опустив руки в ларец с жемчужным и хрустальным колье. Это был момент, когда юная Маргарита, опьяненная комплиментами Зибея, друга ее брата, любит себя своим отражением.

Ах! Я смеюсь, глядя на себя,
Такую красивую в этом зеркале...
Это ты, Маргарита, это ты?
Ответь мне... ответь скорее!
Нет, это уже не ты! Нет... нет.
Это уже не твое лицо...
Это дочь короля...
Это уже не ты...
Это дочь короля,
Которой все поклоняются!
Ах! Если бы он был здесь
И видел меня такой!
Я бы ему понравилась...

Зрители партера и лож зачарованно слушали. Красота сопрано была несомненной, и завсегда и Оперы никогда еще не видели такой обворожительной Маргариты. Сияние ее потрясающих голубых глаз было видно издалека, а мужчины, сидящие в ложах, с удовольствием наслаждались трепетом молочно-белой груди, представлявшейся им полной и упругой. Но настоящих знатоков прежде всего покорили чистота и мощь ее необыкновенного голоса.

Эрмина брала высокие ноты с неизменной сияющей улыбкой, талантливо изображая девушку, поддавшуюся кокетству, а значит, готовую уступить и другим соблазнам.

Здесь, в Париже, не знали ее квебекских прозвищ Снежный соловей, или Соловей из Валь-Жальбера, кроме Жака Руше, который из своей логи наконец понял смысл этих сравнений. Он уже планировал подписать с ней контракт, несмотря на войну, чтобы заполнить зал в летний сезон.

Из-за кулис Жанина тоже наслаждалась необыкновенной чистотой голоса и теплотой тембра этой Маргариты.

— Такие голоса, — поделилась она с машинистом, — услышишь нечасто. Будь я на ее месте, давно бы зазналась, но она такая простая, ни капли самодовольства.

— А какая красotka! Говорят, у нее шашни с бошем, полковником?

— Идиот! Не верь сплетням и не суди по внешности. Эта девушка — чистый хрусталь с головы до ног. И внутри тоже.

На сцене Эрмина с блеском заканчивала сложную арию, которой так опасалась. Раздался шквал аплодисментов, в то время как другая певица, исполнявшая роль соседки, выходила на сцену. Обычно публика дожидалась для этого окончания акта. Но полковник Рибер фон Леебе нарушил сложившийся порядок вещей, первым захлопав в ладоши, и многие его поддержали. Впрочем, тишина быстро восстановилась и продержалась до антракта.

Эрмина с облегчением увидела, как закрывается тяжелый занавес из красного бархата. Она немного расслабилась, одновременно счастливая и взвинченная. Жанина ждала ее в уборной.

— Я приготовила вам чай, но, если вы хотите чего-нибудь прохладного, я могу сбежать. Позвольте мне вас расцеловать! У вас голос... золотой, ангельский — не знаю, как еще его описать.

— Спасибо, Жанина. Я ужасно нервничала, но сейчас мне уже лучше. Надеюсь, месье Руше доволен.

— Было бы странно, если бы он не был доволен. Жаль, что Октав это пропустил. Уверяю вас, это ненормально.

Жанина встряхнула своими темными волосами, завитыми и уложенными по моде: заколотыми двумя гребнями у висков с одним большим локоном надо лбом. Парижанки не отступали перед невзгодами и удваивали усилия, чтобы оставаться элегантными, всегда подкрашенными — верными своей репутации красивых женщин. В прямой юбке и обтягивающем пуловере, с красным платком, повязанным вокруг шеи, примерша не была исключением.

— Не переживайте вы так, — сочувственно произнесла Эрмина. — Мы живем в странное время, когда наши любимые мужчины подвергают себя огромному риску. Нам тоже следует набраться мужества.

— Да, вы правы! Скажите, я могу называть вас по имени? «Мадам» звучит как-то фальшиво: ведь мы одного возраста, даже если вы великая артистка, а я мелкая служащая.

— Разумеется! Я нуждаюсь в дружбе, мне так одиноко во Франции! Я безумно скучаю по детям и мужу.

В дверь тихо постучали, и в комнату ворвался Октав Дюплесси, в костюме-тройке и фетровой шляпе. Он выглядел взволнованным. Жанина бросилась к нему, но он жестом остановил ее.

— Нет времени на нежности: Ксавье только что арестовали. Мы должны уехать отсюда сразу после окончания оперы, и то сильно рискуем. Эрмина, сохраняйте спокойствие, пойте восхитительно, как вы умеете это делать, но, лишь только опустится занавес, быстро переодевайтесь и незаметно выбирайтесь отсюда. Ты с нами, Жанина. Мы едем в провинцию, тем более что я получил важную информацию. Дельбо локализован, он пытается добраться до Бордо, чтобы посадить на корабль еврейскую женщину и ее сына.

— Боже мой! — прошептала Эрмина. — Он жив?!

— Господи, если бы он умер, я не говорил бы о нем в настоящем времени! — вышел из себя импресарио. — Эрмина, ради бога, не дрожите как осиновый лист! Вы должны быть спокойной, естественной, чтобы не вызвать подозрений. Все просто: если Дюбуа назовет мое имя, вы тоже будете в опасности. Вы хотите подвергнуться пыткам? Нет? Тогда сделайте то, что я вам говорю, и без истерик. Я все предусмотрел на этот случай с момента вашего приезда во Францию. У нас троих есть фальшивые документы, я взял с собой деньги. По пути заскочил в ваш отель и забрал ваш чемодан. Извините, если забыл какие-нибудь безделушки. За несколько банкнот парень с ресепшена дал мне ваш ключ и телеграмму, которую родители отправили вам в районе обеда.

Эрмина выхватила у него из рук прямоугольный голубой листок и распечатала его. Поначалу текст показался ей непонятным. Она тихо прочла: «Мина, если поедешь в турне, то заезжай к кузену в Монпон».

Жанина закурила сигарету, тогда как Дюплесси раздраженно поморщился.

— Могли бы рассказать мне об этом кузене!

— У нас нет никакого кузена во Франции, насколько мне известно, — возразила Эрмина. — Где находится Монпон?

— В Дордони, возле Кутра. Это не очень далеко от Бордо.

Она опустила свои голубые глаза на сообщение, затем с решительным видом посмотрела на импресарио.

— Значит, мой муж там, — сказала она. — Мы знаем, где его искать. Господи, я бы хотела поехать прямо сейчас!

— Эрмина, вы бредите, — вполголоса бросил Октав. — Откуда ваша семья в Валь-Жальбере может располагать такими сведениями?

— Благодаря Кионе, — ответила она. — Не задавайте мне вопросов, у меня нет времени на них отвечать. Антракт заканчивается. Мне пора возвращаться на сцену.

Она вышла из комнаты, возбужденная до предела, и тут же наткнулась на немецкого полковника. Должно быть, он выпил спиртного в фойе, где мужчины курили и общались, поскольку сейчас он изъяснялся по-французски гораздо хуже. К тому же он стал более настойчивым.

— Дорогая мадам, вы великая артистка и очень красивая женщина! Вы должны разделить со мной столик сегодня вечером в «Максиме». У вас будут подарки, драгоценности!

— Извините, месье, но я должна быть на сцене через пять минут. Прошу, пропустите меня! Да, я поужинаю с вами, поужинаю, — сказала она со странной улыбкой, в котором ему почудилось нечто большее.

Он поспешил вернуться в свою ложу, уверенный, что уже покорила сердце Эрмины, которая в это время боролась с подступившей к горлу тошнотой. Ее сердце билось в безумном ритме, во рту пересохло. «Я не смогу петь! Октав сошел с ума! Нас арестуют до конца последнего акта! Господи, помоги мне увидеть Тошана, моего любимого мужа! Наверное, это было глупостью и безумием — приехать во Францию, но теперь я знаю, что должна была сделать это ради Тошана».

Пытаясь успокоиться, она подошла к занавесу и выглянула в зал. Гигантская люстра сверкала всеми огнями, придавая роскошной обстановке еще больше яркости. Живопись на потолке, скульптуры в ложах — все было красиво освещено и словно пронизано магией сюжета.

«Недолго же я здесь пробыла, — подумала Эрмина. — Однажды я, возможно, сюда вернусь, если война закончится».

Ей потребовалась вся ее воля, чтобы снова перевоплотиться в Маргариту, ставшей жертвой дьявола Мефистофеля и обещанной Фаустом. Однако она испытывала нечто вроде страстного нетерпения, исполняя последнюю часть арии героини, взывающей к небесным ангелам. Стоя на коленях и протянув руки к небу, Эрмина пела с душераздирающей искренностью:

Господи, спаси и сохрани!
Господи, прошу тебя!
Чистые ангелы, лучезарные,
Заберите мою душу на Небеса!
Боже праведный, на тебя я уповаю!
Боже милосердный, я тебе принадлежу!
Прости меня!

Несравненный голос Снежного соловья отзывался в сердцах всех зрителей — и немцев, и французов. Ее хрупкий силуэт в белой накидке и взволнованное лицо вызвали слезы у чувствительных зрительниц. Казалось, ее собственная жизнь зависела от этих ангелов, которых она умоляла прийти и спасти ее от зла. Кто бы мог подумать, что это необыкновенное сопрано, дрожащее от отчаяния, ничуть не умаляющего ее таланта, взывало сейчас к маленькой девочке с рыжими волосами и янтарными глазами, находившейся за тысячу километров от Парижа, в канадском городке-призраке? Маленький ангел, пугливый и хрупкий... ее Киона.

Это был настоящий триумф. Аплодисменты не стихали, и каждый зритель поклялся себе не пропускать ни одной оперы с участием Эрмины Дельбо.

— Скорее! — шепнула ей Жанина, как только она вошла в свою уборную. — Октав ждет нас в машине. Не удивляйтесь, если нас будут проверять в дороге. По нашим документам у нас с вами одна фамилия. Нужно всем говорить, что вы моя сестра.

— Да, конечно. Жанина, я боюсь, я ужасно боюсь! Мы не можем ни с кем попрощаться?

— Ни в коем случае! Иди за мной! Переходим на «ты», сестренка.

Чуть позже Эрмине будет вспоминаться этот побег как какой-то странный кошмар. Ее движения казались ей замедленными, хотя она переделалась в рекордно короткое время. Быстрые и тихие шаги по ступенькам служебной лестницы останутся в ее памяти тяжелыми и неуклюжими.

Охваченная животным страхом, с хаотично мечущимися в голове мыслями, она видела перед собой только одну цель — покинуть Дворец Гарнье и уехать как можно дальше от Парижа. Возможно, в конце своего пути она увидит Тошана.

Дюплесси не промолвил ни слова, пока они ехали по столице. Сидя на переднем сиденье, Жанина курила сигарету за сигаретой.

— Не нужно поддаваться панике, — наконец произнес импресарио. — Возможно, они будут допрашивать Ксавье Дюбуа не сегодня вечером, а завтра утром. Это дает нам фору. Существует и другая возможность: нас уже ищут, и если мы наткнемся на кордон, то пропали. Теперь все зависит от удачи. Простите, что я втянул вас в эту историю, Эрмина. Такого я совершенно не предполагал. Я думал, что все будет идти по моему плану и без особой опасности для вас.

— Не извиняйтесь, уже слишком поздно, и я бросилась очертя голову в то, что называю ловушкой. Но вы мне кажетесь искренним. К тому же у нас полно других забот, не стоит пережевывать свои ошибки. Скажите, люди имеют право путешествовать внутри страны?

— Если ты не еврей, сколько угодно, — насмешливо сказала гримерша. — Франция оккупирована, но это не мешает передвигаться по стране. Мы едем в загородный дом моего парня, и я везу с собой сестру, которой нужен свежий воздух.

Жанина рассмеялась нервным, почти на грани истерики, смехом. Эрмина поняла, что она с облегчением следует за любимым мужчиной.

— Вы едете очень быстро, — сказала она Дюплесси, когда он мчался по безлюдному бульвару.

— Я тороплюсь скорее выехать из Парижа. Когда проедем Фонтенбло, я смогу свободно вздохнуть. Простите меня, милая, я сегодня не в настроении болтать.

Она взгляделась в профиль мужчины и увидела его совершенно другим. Так, вцепившись руками в руль, сжав губы и стиснув челюсти, он предстал перед ней в своем истинном образе. Это был хищник, воин, умело обманывающий свое окружение юмором, блеском и надменными улыбками. «Я никогда не обращала внимания, но его глаза редко бывали веселыми, они не улыбались. Даже в Валь-Жальбере, когда он приехал к нам в первый раз, а также в Квебеке, у него был этот острый, беспощадный взгляд. Я должна была это заметить».

Удрученная, по-прежнему терзаемая тревогой, она в полной мере осознала, как война влияет на людей, на примере Октава Дюплесси. Артистической деятельностью он занялся благодаря своим качествам характера, которые и превратили его в руководителя подпольной организации, участника Сопrotивления, готового пожертвовать собой ради своих идей. Тем не менее он использовал ее, так ничего и не рассказав о своей деятельности, несмотря на ее настойчивость. Чем больше она

размышляла над этим, тем быстрее страх превращался в гнев. Жанина обернулась, взгляделась в ее лицо в полумраке и приветливо спросила:

— Все хорошо, Эрмина? Кстати, я хотела тебя спросить... Кто такая Киона? Русская шпионка?

— У каждого свои секреты, — сухо ответила она. — Почему я должна рассказывать о Кионе? К тебе, Жанина, претензий у меня нет, но я считаю, что имею право больше знать о месье Дюплесси.

— Если вы сердитесь на меня, милочка, скажите мне об этом в лицо, — бросил он.

— Это сложно сделать, пока вы за рулем, — насмешливо ответила она. — Но, по правде говоря, мне это надоело! Я подчинилась вам во всем, покинула Квебек, чуть не умерла в самолете, улыбалась немецким офицерам — все это ради вас! — а что в результате? Мы мчимся куда-то в ночи под предлогом, который я даже не могу проверить! Октав, я должна иметь четкое представление о ваших планах.

— Что именно вас беспокоит? — проворчал он.

— Все мне кажется нелогичным, обескураживающим, пугающим. Приведу пример. Жанина призналась мне, что вы отвозили супругу и детей Ксавье Дюбуа в монастырь, потому что они евреи. Это мне понятно. Но вечером вы заявляете, что Дюбуа был арестован. Как вы могли спасти его семью в последний момент?

Импресарио закурил сигарету и опустил стекло. Он обдумывал свой ответ.

— По той простой причине, что мы с Дюбуа были начеку. В таких делах нельзя быть застрахованным от доноса, и мой коллега не чувствовал себя спокойно. Должно быть, он понял, что обстановка меняется, поскольку попросил меня отвезти его жену и детей в безопасное место. С тех пор как немцы вошли в Париж, почти три года назад, я живу в боевой готовности. Очень быстро я присоединился к Лондону и решил бороться по-своему, наблюдая за врагом вблизи. Вскоре я понял, что самое главное — помочь как можно большему числу евреев избежать отвратительной политики нацистов. Эрмина, если бы вы присутствовали при облаве Зимнего велодрома, вы бы меня поняли. Эти женщины, дети, которых согнали всех вместе, мужчины самых разных возрастов... Аресты производили французские полицейские. Мне стыдно за них, стыдно за человечество в целом... Союзники пропускают это мимо ушей, но нам все давно понятно. Гитлер запустил программу уничтожения еврейской нации. Лагеря так называемых депортированных или заключенных призваны уничтожить всех, кто не принадлежит к чистой арийской расе. Цыгане тоже

погибают тысячами. Я не боюсь смерти, если моя совесть будет чиста. За два года я спас сотню человек. Это мало и вместе с тем много. Но чтобы победить в этой подпольной борьбе, нужны поддержка, соратники, достойные доверия, и неослабевающее внимание, высочайшая бдительность. От предательства защититься нельзя, увы! Нужно постоянно все продумывать, ничего не пускать на самотек.

Влюбленная Жанина восхищенно погладила его по плечу. Октав удостоил ее улыбкой. Пришедшая в ужас Эрмина подбирала слова.

— Я ничего этого не знала, — наконец сказала она. — А что по поводу Тошана?

— О боже! — разозлился он. — Мне поручили отправить его обратно в Канаду. Ваш героический муж сделал достаточно, когда находился в Лондоне. Отлично выполненное задание, чуть не убившее его! Но он хотел еще — отсюда его прыжок с парашютом на юге Франции. Думаю, он лучше меня расскажет вам о своих подвигах. Но имейте в виду, его возвращение в Квебек не исключает нового отъезда. Выбор велик: Италия, Африка, Япония... Весь мир становится пороховой бочкой.

— Спасибо! Мне это не сильно помогло, но, по крайней мере, я уверена в одном: если я хочу увидеть своего мужа, нам нужно приехать в Монпон как можно скорее.

— Отсчитайте еще пятьсот километров. И нам придется сделать остановку, я очень устал. Мы заночуем в Туре.

Сраженная только что услышанным, Эрмина молча кивнула. Деревья на обочине мелькали в свете фар, и ей казалось, что Тошан удаляется от нее с такой же головокружительной скоростью и она его никогда больше не увидит.

«Прошу тебя, любимый, дождись меня! Умоляю тебя...»

Глава 20

Кровь и слезы

Монпон, воскресенье, 21 марта 1943 года

Тошан проснулся и с некоторым удивлением ощутил щеку Симоны на своем плече. Она крепко спала. Натан спал в маленькой железной кроватке, которую специально для него принесла хозяйка отеля.

«Пока все идет хорошо, — подумал он. — Либо я научился убедительно врать, либо эти люди просто не хотят доставлять нам неприятностей».

Ему удалось снять комнату в самом скромном семейном пансионе, расположенном на тихой улице городка Монпон, на берегу реки Дордонь. Он показал свои фальшивые документы, с расстроенным видом объяснив, что у его жены и ребенка их украли. За несколько минут он выдумал целую историю. Желая сразу объяснить свою необычную внешность, он воспользовался идеей одного подпольщика их организации, который посоветовал ему выдавать себя за корсиканца.

— Мы приехали из Аяччо, — сообщил Тошан с неотразимой улыбкой, к которой хозяйка отеля не смогла остаться равнодушной. — Я везу свою семью в Либурн, к дяде, который их приютит. А мне придется уехать на обязательные работы...

Это была славная женщина. Ей не потребовалось знать больше, и, получив оплату за три дня вперед, она больше не интересовалась ими. Зато муж выглядел более подозрительным. «В любом случае послезавтра мы уйдем отсюда по реке, — снова подумал Тошан. — Симоне было необходимо отдохнуть, и Натан успокоился, оказавшись в нормальном доме, в удобной кровати».

Тем не менее из комнаты он выходил один. Накануне в бакалейной лавке он купил мальчику игрушку: овцу из клеенки с прилепленной шерстью. Этот поступок очень тронул молодую еврейку.

— Ты такой милый! — воскликнула она. — Спасибо также, что купил мне одеколон, а то мой уже закончился. Тошан, не обижайся на меня, но я боюсь. Здесь, как и везде, полно немцев. Есть комендатура и патрули. Мне кажется, ты играешь с огнем.

— Мы просто выиграем драгоценное время. Один речник отплывает во вторник утром в Либурн. Я предложил ему сумму, которая убедила бы взять на свое судно кого угодно. Он заверил меня, что в Либурне найдет нам возможность добраться до Бордо. А когда мы будем на месте, я свяжусь с человеком, который снабдит тебя документами и поможет попасть на корабль Красного Креста. Симона, я обещал спасти вас с Натаном. Я сдержу слово.

— И что ты будешь делать потом, когда наконец избавишься от нас?

— Либо поеду с вами в Англию, либо попытаюсь вернуться в Париж, где у меня есть надежный связной — бывший импресарио моей супруги.

Смутившись, Симона не стала настаивать. Она была влюблена в Тошана и предпочитала жить одним днем. Эта красавица Эрмина, о которой он ей иногда рассказывал, хотя и очень скупое, представлялась ей яркой, совершенной, обворожительной и вызывала в ней смутное чувство ревности. Но она понимала, что ревновать нелепо.

Валь-Жальбер, тот же день

Лора и Андреа Дамасс играли в шашки в гостиной. Учительница должна была отправиться в гости к своему жениху Жозефу Маруа, но не торопилась выходить из дома. С самого утра с неба сыпались тяжелые хлопья мокрого снега, поскольку мороз ослабел.

— Жо, наверное, вас заждался, — произнесла хозяйка дома с улыбкой, скрывающей раздражение. Ей надоело передвигать шашки по доске, и упорство партнерши было непонятным. — Оденьтесь потеплее и обуйте резиновые сапоги. Хорошо, что идти недалеко.

— О! Скоро Жозеф будет видеть меня каждый день. Ничего страшного, если он подождет еще полчаса, — вздохнула Андреа. — Надеюсь, что в день нашей свадьбы погода будет более приятной.

— Разумеется! — воскликнула Лора, готовая прямым текстом сказать ей, чтобы она шла к Жозефу.

— Дорогая мадам! Вы так нервничаете из-за малышки Кионы. С ней происходит что-то странное! Хотя доктор осматривал ее сегодня утром и заверил вас, что это не кома.

— Слава Богу! Но я все же очень обеспокоена.

Обе женщины одновременно вздохнули. Киона вот уже три дня не вставала с постели. Сказав Жослину, что Тошан находится в Монпоне и что скоро там произойдет трагедия, она снова впала в забытие. Было

невозможно ее разбудить и накормить. Мирей ухитрилась вливать в нее понемногу травяной настой, просовывая чайную ложку между губами.

— Сейчас не самый удачный момент для разговора о моей свадьбе, — продолжила Андреа Дамасс. — Тем не менее я хотела бы попросить вас об одной услуге.

— Так, теперь все ясно. Не стоило ходить вокруг да около и предлагать мне играть в шашки. Что вам нужно?

Учительница опустила глаза. Не так-то просто было общаться с этой элегантной дамой с искусным макияжем на лице в ореоле платиновых локонов. Лора Шарден бросала вызов годам, не страдая от кризиса возраста, и рядом с ней Андреа чувствовала себя уродливой и неуклюжей.

— Мадам, я не решалась заговорить с вами только из вежливости.

— Лучшее — враг хорошего, — отрезала Лора. — Я вас слушаю.

— Ну что ж... это касается свадьбы, как вы уже поняли. Я приглашаю своих родителей, об этом вы знаете, но вчера я получила письмо от моих близких друзей из Дебьена, где я родилась и выросла. Они попросили меня об одной услуге, но это также затрагивает и мои интересы. У них есть дочь Алисия, ей скоро исполнится четырнадцать, и я являюсь ее крестной. Дело в том, что ее отец служит в Монреале, а мать отправляют туда работать на две-три недели. К тому же я хотела, чтобы она сопровождала меня на свадьбе. Я даже написала ей, и она с радостью согласилась. Не могли бы вы приютить ее у себя на две недели? Она уедет после свадьбы, а до отъезда будет посещать мои занятия. Если бы вы знали ее, то убедились бы, что она послушная, серьезная, услужливая, хорошая ученица! Спать она будет со мной, поэтому никого не побеспокоит.

Оглушенная этой речью, которую учительница выпалила скороговоркой, Лора нахмурилась, взвешивая все «за» и «против».

— Хорошо, — довольно быстро ответила она. — Я не возражаю, дорогая Андреа, поскольку эта девочка будет под вашей ответственностью. И зря вы так волновались! Я же не цербер. А сейчас бегите к своему несчастному жениху. Жозефу так не терпится повидаться с вами наедине. Он вас любит!

С явным облегчением учительница поспешно встала. Бедром она нечаянно задела круглый столик, и доска с шашками упала на пол.

— Какая я неловкая! Я сейчас все соберу, мадам.

— Нет, оставьте, я сама этим займусь. Передавайте привет Жо.

Десять минут спустя Андреа уже выходила из дома. Мирей пришла за новостями. Она всегда была в курсе того, что происходит с ее хозяйкой, и сейчас понимала, что Лора нуждается в поддержке.

— Приготовить вам чай, мадам? — предложила она с заговорщицким видом. — С молоком и бисквитами?

— Да, спасибо, Мирей. Подумать только, совсем скоро мадам Дамасс переедет к Жозефу! По правде говоря, мне его жаль. Она неуклюжая, чрезмерно стыдливая — почти ханжа.

— Я смотрю, мадам, не очень-то вы добры к этой бедной старой деве. Я как раз жалею ее, поскольку месье Маруа не станет церемониться с ее стыдливостью. Об этом вы подумали?

Экономка редко затрагивала тему супружеского долга, если вообще когда-нибудь ее касалась, и это поразило Лору. Она тут же поняла ее намек и ответила безапелляционным тоном:

— Если она согласилась выйти замуж, это означает, что она не хочет умирать, так и не познав радости физической любви. Но мне кажется, Мирей, не тебе судить о такого рода деталях. Насколько мне известно, ты так и не вышла замуж.

— Вышла — не вышла, какая разница! Что вы знаете о моей юности, мадам? Ничего!

С этими словами экономка с достоинством удалилась на кухню. На смену ей пришел Жослин. Он выглядел удрученным.

— Ну что, Жосс? Изменений нет?

— Никаких, — вздохнул он, опускаясь в импозантное кожаное кресло, предназначенное лично для него. — Киона не приходит в себя. Дышит она нормально, и это меня успокаивает, но она словно ничего не слышит. Мадлен сейчас с ней, пока я спустился выпить рюмочку хереса. Лора, а что, если Киона так и не проснется? Потихоньку ослабнет и... Нет, я не могу ее потерять! Меня это убьет. Она словно впала в летаргию. Дети напуганы ее состоянием.

— Но зачем они к ней заходят? — воскликнула Лора. — Я же им это запретила!

— Я не мог их прогнать. Лоранс принесла рисунок, Мари-Нутта — свою любимую куклу, а Мукки прочел индейскую молитву. Откуда он ее взял, не знаю. Наш Луи гладил ее по руке, тихо молясь. Лора, я в отчаянии.

— Не убивайся так, Жосс. Помнишь, когда похитили нашего Луи, Киона несколько раз являлась ему? А потом Тала рассказывала, что она лежала без сознания несколько дней. Возможно, это то же самое. А вдруг она в это время наблюдает за Тошаном и Эрминой? Кстати, наша дочь наверняка сегодня позвонит, чтобы рассказать, как прошла премьера «Фауста». Думаю, от нее следует скрыть состояние Кионы.

— Ни в коем случае! Эрмина ненавидит ложь. Мы выслушали от нее

достаточно упреков за наше поведение в прошлом.

Мирей вошла в гостиную с подносом в руках. Она расставила на круглом столике фарфоровый чайник, чашку и молочник.

— Месье желает чаю?

— Нет, Мирей, хереса. Но я сам могу себе налить.

— Этого еще не хватало! Я должна заботиться о вашем комфорте, — возразила экономка. — Как наша малышка?

— По-прежнему плохо. Киона принесла себя в жертву, я это чувствую. Она сделала огромное усилие, чтобы найти Тошана и помочь Эрмине его разыскать. Ее маленькое тело и чистая душа не вынесли этого.

Со слезами в голосе Жослин поднес к лицу руки с набухшими венами. Растроганная, Лора встала и обняла его.

— Мой бедный Жосс, как ты страдаешь! Я уверена, что Кионе ничего не грозит. Мне даже кажется, что она сильнее всех нас, вместе взятых.

— Твои бы слова да Богу в уши, — грустно ответил ее муж.

Пуатье, тот же день, 17 часов

Эрмина метала громы и молнии. Ей казалось, что Дюплесси и Жанина делают все, чтобы приехать в Монпон как можно позже. Посреди ночи они остановились в Туре, в отеле, принадлежащем надежному другу импресарию. И эта парочка, взявшая себе отдельный номер, проспала почти до обеда.

Самой Эрмине, потрясенной происходящими событиями, было не до сна. Она думала о Тошане, представляя, как его берут в плен, пытаются, убивают... Их побег из Оперы тоже оставил у нее горький осадок. Конечно, это спасло ее от назойливых ухаживаний немецкого полковника, но для артистки было несколько оскорбительно не иметь возможности насладиться своим успехом. «Я ничтожная идиотка, — упрекала она себя, мучаясь от бессонницы. — Жалуюсь, тогда как едва не подверглась аресту, а сейчас еду на встречу к своему любимому, единственному мужчине на земле».

С момента своего приезда во Францию молодая женщина недоумевала, как она могла испытывать такое сильное влечение к Овиду Лафлеру. Чем дальше они продвигались на юг, тем больше она понимала, до какой степени Тошан затмевал собой всех остальных мужчин. А теперь, в довершение всех бед, машина сломалась у въезда в Пуатье, на национальной трассе.

— Вы что, специально это делаете, Октав? — воскликнула Эрмина, с ужасом глядя на клубы дыма, поднимающиеся из двигателя. — Это ваша очередная уловка?

— Не говорите глупости, Эрмина! Нам достаточно найти автомастерскую: наверняка поломка несерьезная. Что вы хотите: я умею находить талантливых певиц в канадской глубинке, обводить бошей вокруг пальца, но я не механик! Этот несчастный автомобиль проехал сотни километров за одну неделю, и ему нужен ремонт. Наверное, я забыл подлить масла.

Жанина прохаживалась рядом с сигаретой в зубах. Покинув кулисы и артистические уборные Оперы, девушка проявила себя приятной спутницей, забавной и гораздо менее робкой. Она снова принялась успокаивать Эрмину:

— Не волнуйся, приедем мы в этот Монпон, и, если нам повезет, твой муж еще будет там. Он наверняка где-нибудь залег на дно.

— Нет, Октав утверждает, что Тошан направляется в Бордо.

Накануне, по дороге в Тур, Жанина подробнее расспросила Эрмину о ее семье. И теперь она восхищалась молодой певицей еще больше.

— Ну ты даешь! — воскликнула она. — Ты вышла замуж за индейца! Настоящего индейца, как в вестернах! И умеешь управлять собачьей упряжкой! Сестренка, да тебе надо в фильмах сниматься!

Но сейчас им было не до разговоров. Октав озадаченно посмотрел на машину, затем обвел взглядом окрестности.

— Черт! — выругался он. — Обычно мастерские располагаются на въезде в город или выезде из него. Вот незадача! Нам оставалось всего три часа пути.

Эрмина вышла из машины и осмотрела двигатель. На ней были льняные брюки и серая водолазка, голову она повязала платком.

— Чертова развалюха! — пробормотала она, вспомнив Онезима Лапуэнта.

— Ну и манеры! — усмехнулся Дюплесси. — Вам осталось только выругаться по-американски.

— Меня все равно никто не слышит. И я имею право быть в гневе. Если бы я была дома, мой сосед отремонтировал бы эту машину. Вы не понимаете, что мой муж в опасности?

Жанина обняла ее за талию и показала в сторону ближайших домов.

— Пойдем поищем автомастерскую, и все будет в порядке, — миролюбиво сказала она. — Прогулка пойдет нам на пользу.

Импресарио закрыл капот и сел за руль. Он проводил взглядом

удаляющиеся силуэты двух женщин.

«Черт! Мне это совсем не нравится, — подумал он, закуривая сигару. — По-моему, мы катимся в пропасть».

Эрмина действительно испытывала некоторое облегчение, быстро шагая по песчаному тротуару улицы. Жанина держала ее под руку, и ей это было приятно.

— Тебе следует быть помягче с Октавом, — посоветовала ей примерша. — Мне кажется, он сильно не в духе, потому что предпочел бы ехать напрямик в Бордо. Он говорил со мной ночью о твоей истории с Монпоном. Ему все это не нравится. Чтобы убедить его, я пыталась вытащить из тебя информацию о твоём осведомителе, этой самой Кионе, но ты не поддавалась. Если бы ты только знала обо всем, что ему удалось сделать с начала оккупации! Твоя навязчивая идея отправиться в Монпон кажется ему странной. Он считает, что твой муж вряд ли может находиться в этом маленьком провинциальном городке.

— Если я ничего не рассказала о Кионе, то только из-за того, что боялась ваших насмешек. Но поскольку без этого не обойтись, лучше сказать тебе правду. Киона — это моя сводная сестра, и моего мужа тоже. Знаю, это кажется непонятным. Скажем, мать Тошана родила этого ребенка от моего отца.

— Вот это да! — удивилась Жанина. — И сколько же ей лет?

— Кионе недавно исполнилось девять лет, но у нее очень раннее развитие, она невероятно умна, а главное...

— Главное что?

— У нее необычные способности, — наконец призналась Эрмина. — Дар утешения проявился у нее, когда она была еще совсем маленькой. Затем у нее открылся дар ясновидения, а также она может находиться одновременно в двух местах. Монахини называют этот феномен билोकацией. Когда ты рассказала мне, что произошло с матушкой Ивонной-Эме, я тут же подумала о Кионе.

Жанина вынудила Эрмину остановиться и взглянула ей прямо в лицо.

— Ты не шутишь? Девятилетняя девочка?!

— У меня дома это могут подтвердить многие. И если мои родители решили отправить эту телеграмму, значит, сомнений нет: моя сестра сумела найти Тошана. Должно быть, она увидела его во сне. Он был в Монпоне, но, учитывая, сколько мы потеряли времени, его там может и не оказаться.

Ее голос дрожал. Она бросила полный отчаяния взгляд на Жанину, которую тронул за душу влажный блеск ее прекрасных голубых глаз.

— Держись, сестренка! Смотри, нам везет! Видишь вон там вывеску автомастерской? Сейчас очаруем механика и, держу пари, скоро двинемся дальше. А ты в дороге подробнее расскажешь мне о своей удивительной сводной сестре.

Но Жанина сильно ошиблась. Через час они услышали приговор. Роскошный автомобиль будет отремонтирован только к завтрашнему дню.

— Неподалеку есть отель, — сказал им хозяин. — Я буду всю ночь трудиться над вашей тачкой. Приходите к семи утра, все будет готово.

Совершенно подавленная, Эрмина смотрела на мужчину и его ученика. Она считала французов в большинстве своем симпатичными, но отсутствие хороших манер и фамильярность приводили ее в замешательство. И в Париже она все чаще мечтала услышать акцент своей заснеженной родины, своего Лак-Сен-Жана.

— Не везет так не везет... — проворчал Дюплесси.

— Я сочувствую вам и вашим дамам, месье, — добавил хозяин. — Но видите вон тот грузовик в глубине гаража? Я должен закончить его в первую очередь — приказ бошей. И лучше не затягивать: фрицы в плохом расположении духа.

Импресарио внимательно взглянул на своего собеседника. Он считал опрометчивым с его стороны высказываться так откровенно при посторонних.

— Почему же? — безразличным тоном спросил он.

— На прошлой неделе в десяти километрах от Ангулема кое-что случилось. Один подпольщик сидел с рюмочкой в ресторане у национальной дороги. Мимо ехал патруль, бошей разумеется, и этот тип его расстрелял. И убрался восвояси! Зато хозяина ресторана и его работников не стало в тот же вечер. Семьи нашли их через четыре дня разрезанными на кусочки в канаве на окраине городка. Этих несчастных расчленили!^[67] Настоящая бойня.

— Боже мой, какой ужас! — ахнула Эрмина.

— По-другому и не скажешь, мадемуазель, — подтвердил мужчина. — Макизар, как его с тех пор прозвали, до сих пор в бегах. Такой идиот! Не понимает, что за его подвиги расплачиваются невинные.

— Это так, — согласился импресарио, не продолжая эту тему.

Жанина побледнела. Она предложила сразу отправиться в отель. Октав согласился, потрясенный рассказом мужчины. Эрмина уже вышла из гаража, сердце ее сжалось. «Господи! Тошан ввязался в эту подпольную борьбу, был ранен, защищая дело мира. Я не могу представить, что с ним стало, как он мог выжить в этом аду».

Она беззвучно плакала, удрученная очередным препятствием. Но ей пришлось вновь набраться терпения. Стоя перед отелем, который был окружен садом, она растерянно смотрела на дерево с нежными розовыми цветками. Легкий ветерок колыхал эту красоту под мартовским солнышком. В цветнике покачивались ярко-желтые жонкилы и белые перламутровые нарциссы.

«Здесь весна, — взволнованно подумала она. — Как бы я хотела, чтоб весь мир был как этот сад, яркий и благоухающий, без слез и крови!»

Монпон, вечер того же дня

Тошан убедил Симону поужинать на маленькой террасе, расположенной позади семейного пансиона. В беседке, увитой глициниями, стояли три железных столика, выкрашенные в красный цвет. Гроздья лиловых цветов источали сладкий, опьяняющий аромат, такой же нежный, как вечерний воздух.

— Если ты будешь сидеть взаперти в комнате, это вызовет подозрения, — сказал он ей. — Нам нужно вести себя естественно.

— Но Натан может сказать какую-нибудь глупость! — возразила она. — Всякий раз, когда я называю его Жаном, он делает изумленные глаза. Ему сложно понять необходимость этой лжи. Ему всего шесть лет!

— Мы ему уже столько раз все объясняли. Тебя зовут Симон, его — Жан, а я — Клеман. Если он поиграет на улице, то ночью будет лучше спать. После ужина прогуляемся по берегу реки. Я люблю смотреть на бегущую воду и слушать ее пение...

Последние слова Тошана победили опасения Симоны. И теперь, сидя под глицинией, она наслаждалась безмятежностью этого места и красотой пейзажа. Широкий луг с легким наклоном спускался к берегам Дордони. Небо лавандового цвета было усеяно маленькими оранжевыми облаками.

— Как здесь хорошо! — сказала она. — Я ни о чем не жалею, Клеман.

Это имя немного смущало ее и забавляло. Она не знала, что Тошан носил его в юности и отрочестве, исполняя волю своего отца, Анри Дельбо, очень набожного ирландца.

— Приятного аппетита! — произнесла хозяйка, ставя на стол дымящуюся супницу. — Это овощи с огорода, попробуйте: морковь, фасоль и картофель, а не топинамбур^[68].

Маленький Натан играл со своей игрушечной овцой на столе. Он чуть не опрокинул бокал с водой, и мать его пожурела.

— Жан, убери свою игрушку на время ужина.

Ребенок тут же надулся. С тех пор как они поселились в отеле, в его голове произошли странные перемены. Он считал, что война закончилась, поскольку они больше не прятались в амбарах и не шли по лесу ночью. Ему хотелось развлекаться, заводить друзей.

— Я пойду в школу? — спросил он, проглотив ложку супа.

— Разумеется, — отрезала Симона. — Не разговаривай, когда ешь.

Тошан чувствовал, что она напряжена, все время настороже. Он взял ее за руку и погладил пальцы.

— Прошу тебя, не бойся, — шепнул он ей, убедившись, что они остались одни. — Видишь Дордонь? Я посмотрел по карте. Эта река чуть дальше впадает в Гаронну, которая несет свои воды на юг, к Пиренеям. В итоге эти течения, смешиваясь, попадают в океан, а с другой стороны океана — моя страна, моя родина. И моя река, Перибонка.

— Тише, — посоветовала она. — Ты ведь приехал из Корсики.

Встревоженным взглядом она показала ему на узкое окно, которое вполне могло вести в кухню. Тошан со вздохом замолчал. Чуть позже хозяйка принесла им паштет с зеленым салатом.

— В последнее время у меня не так много клиентов, — объяснила она. — Я открыла для вас одну из своих банок с печеночным паштетом. Мой свекор по-прежнему разводит гусей. Попробуйте, это очень вкусно. И хлеб тоже. Его выпекает мой муж.

— Спасибо, мадам, — ответила Симона с натянутой улыбкой.

Они с удовольствием поужинали, смакуя дешевое красное вино, которое заказали. Солнце садилось.

— Какой прекрасный вечер! — воскликнула медсестра, немного захмелев. — Я буду долго его вспоминать.

Она прикусила губу, чтобы сдержать слова, которые ей хотелось прокричать. «Если бы ты мог жить со мной, Тошан, и больше никогда меня не покидать! Я бы так хотела быть твоей женой во Франции, не раздираемой войной, где евреев не считали бы людьми второго сорта, почти животными!»

Воображение унесло ее в другую вселенную, сотканную из простого человеческого счастья. «Мы с тобой жили бы в доме у реки, у нас была бы своя лодка, и по вечерам мы отправлялись бы на рыбалку. Натан пошел бы в школу, и после обеда мы иногда устраивали бы сиесту, полностью раздевшись». Ее бледные щеки порозовели. Тошан, наблюдавший за ее лицом, это заметил, но ничего не сказал, поскольку хозяйка принесла им омлет с зеленью и сыр.

— Если малыш захочет десерт, у меня есть флан, — уточнила она.

— Спасибо большое! — воскликнул метис. — Вы нас балуете!

Славная женщина покачала головой и ушла. Ее жизнерадостные манеры и обилие поданных блюд внушали Тошану доверие. Он даже упрекнул себя за излишнюю осторожность в предыдущие дни.

Закончив ужинать, они встали из-за стола и отправились прогуляться вдоль Дордони. По берегу тянулись заросли ежевики и ивы. В заводи, где течение было медленным, Натан обнаружил головастика.

— Смотри, мама, в Руффиньяке они тоже были! — воскликнул мальчик. — Я ловил их со своим другом Жеромом.

— Я знаю, Жан, но сейчас этого делать нельзя. Уже почти стемнело, пора идти спать.

Ребенок топнул ногой. Его капризный характер стал проявляться с новой силой. Тошан пожурил его:

— Вечно ты капризничаешь! Слушайся свою маму.

Инцидент показался безобидным обоим взрослым. Они не спеша вернулись к семейному пансиону. Натан быстро уснул. Симона надела белую сорочку и легла в двуспальную кровать.

В глубине души она надеялась, что они займутся любовью под покровом ночи, соблюдая тишину из-за присутствия Натана. Но Тошан ее не трогал. Это продолжалось со дня их страстных объятий у колодца, возле заброшенного амбара.

— Ты идешь? — тихо спросила она.

— Нет, мне не хочется спать. Пойду выкурю сигарету.

— Прошу тебя, останься, — слабым голосом позвала она. — Ты можешь наткнуться на патруль.

— Там, куда я иду, нет патрулей. Спи.

Разочарованная, Симона погасила свет и повернулась к нему спиной, не понимая, что заставляет его бродить по ночам, рискуя вызвать подозрение. В душе ее разлилась горечь. «Я ничего не значу для него. Возможно, он встречается с подпольщиками или просто ложится в траву и мечтает о своей Канаде, жене, детях...»

Тошан скользнул к ней в постель два часа спустя. Он погладил ее по плечу, затем его правая рука обхватила ее грудь, а сам он прижался к ее спине затвердевшим пенисом. Теплая от сна Симона подчинилась его желанию. Он остался в ней даже после оргазма, продолжая нежно целовать шею, волосы.

— Как хорошо! — прошептал он. — Ты такая приятная.

— Мне так будет тебя не хватать!

Он обнял ее еще крепче и уснул. Сквозь щели в ставнях начал пробиваться рассвет, когда Тошан внезапно проснулся от приснившегося ему сна. Киона лежала на земле, широко раскрыв глаза. Ее щеки блестели от слез, и она жалобно повторяла: «Я не могу ничего изменить, ничего, ничего!»

Встревоженный, Тошан беззвучно поднялся и оделся. Образ его сводной сестры, охваченной глубоким отчаянием, не давал ему покоя. На первом этаже отеля он никого не увидел, но дверь была приоткрыта. Городок казался пустынным, погруженным в тишину и покой, внушающие доверие. Быстрым шагом метис прошел по тротуару до соседнего бара. Недовольный официант сообщил ему, что кофе нет, есть только цикорий.

— Главное, чтобы горячий, — согласился Тошан, закуривая сигарету.

На стойке бара лежала газета. Чтобы успокоиться, Тошан принялся ее просматривать. В прессе давно не публиковалось никакой конкретной информации, поскольку правительство Виши и оккупанты тщательно отслеживали статьи, куда могла просочиться хоть капля правды. Эта жесткая цензура привела к возникновению подпольных типографий, распространявших листовки и газеты, чтобы держать французов в курсе истинного положения дел. Официальная пресса сообщала, в основном, о событиях в артистической жизни и происшествиях, порой поддерживая антисемитскую пропаганду.

Пока он читал газету, в баре появились посетители; гул разговоров нарастал. Тошан уже собрался свернуть газету, как вдруг его взгляд наткнулся на заголовок, выделенный жирным шрифтом: «Соловей в Опере».

Его сердце забило сильнее. Он быстро пробежал глазами текст, напечатанный мелкими буквами, и решил, что стал жертвой галлюцинаций.

«Канадская певица Эрмина Дельбо пересекла Атлантический океан, чтобы очаровать парижскую публику в субботу вечером в опере “Фауст”, где она исполняла роль Маргариты. На памяти меломанов еще ни одно сопрано не вызывало такого восторга у зрителей, заполнивших до отказа зал Дворца Гарнье. Сочетая красоту с невероятным талантом, та, кого прозвали Снежным соловьем, покорила директора, месье Жака Руше, пожелавшего заключить с ней контракт...»

Тошан был не в состоянии дочитать до конца. У него перехватило дыхание, и он попытался собраться с мыслями. Эрмина была во Франции, в Париже... «Но почему? — не понимал он. — Что заставило ее приехать?»

Ему показалось, что он понял ответ, когда перед глазами возникло

надменное лицо Дюплесси. В нем поднялась волна гнева. Он был уверен, что его жена находится в безопасном месте, со своими родителями, и ей ничто не угрожает. «Нет, это невозможно. Эрмина не могла проделать такой путь. И как? На корабле? С кем?»

Он взглянул на улицу сквозь витрину, От моросящего дождя все казалось размытым, мостовая блестела.

«Эрмина всего в пятистах километрах от меня, — снова удивился он. — Вчера вечером она видела, как садится солнце, в тот же час, что и я».

В ту же секунду его сон обрел пугающий смысл. Возможно, Киона предупредила его о неминуемой трагедии, которая случится с его женой. Инстинктивным движением он коснулся рукоятки револьвера под курткой и почувствовал беспомощность. Он не сможет защитить Эрмину. Разделявшее их расстояние в мгновение ока стало огромным. Разволновавшись, он совершил свою первую ошибку, заказав бокал белого вина. Он задержался в баре, не в силах свыкнуться с мыслью, что его жена находится во Франции. Его связь с Симоной внезапно показалась ему обременительной, словно Эрмина могла о ней узнать.

Так прошло больше часа. В это время маленький Натан играл на берегу Дордони. Он бесшумно выбрался из комнаты вслед за Тошаном, так что Симона даже не проснулась. Держа в руках жестяную коробку, в которой его мать хранила мыло, ребенок пытался поймать тех самых головастиков, о которых он думал вечером, засыпая, и утром, как только открыл глаза. Склонившись над водой заводи, засучив рукава, он упорно пытался найти хотя бы одного головастика, чтобы доказать Тошану, что он может это сделать.

— Будь осторожнее, малыш, ты можешь упасть в реку, — послышался голос у него за спиной.

Натан повернул голову и увидел мужчину в сером пальто и шляпе. Он успокоился: это был не солдат и не немец, раз он разговаривал по-французски.

— Не упаду, месье, — ответил он. — Я ловлю головастиков, и, если посадить одного в банку, он скоро станет лягушкой.

Маленький мальчик поднялся с торжествующим видом. Он показал свой трофей незнакомцу.

— Поймал!

— Молодец! Скажи, как тебя зовут? Ты живешь здесь?

— На... нет, Жан, — неуверенно пробормотал ребенок.

Полностью погруженный в созерцание пойманного головастика, он почти не смотрел на мужчину, разговаривавшего с ним спокойно и

вежливо. Он также не заметил второго мужчину в плаще, державшегося чуть в стороне.

— Где твои родители? — спросил первый. — Почему они оставили тебя без присмотра?

— Папа не знаю где, а мама еще спит, вон там.

Он показал подбородком на здание семейного пансиона, в верхней части луга. Незнакомец положил широкую жесткую руку на его плечо.

— Пойдем, я тебя провожу. Если твоя мама живет в отеле, значит, вы путешествуете? — поинтересовался он ласково.

— Да мы едем в Бордо, — сообщил Натан, с удовольствием общаясь.

Преисполненный гордостью от того, что его задумка удалась, он испытывал ту счастливую беззаботность, свойственную детям, когда все происходит, как им хочется, и они перестают испытывать страх.

— Твой папа — это тот высокий, очень загорелый месье, который отправился утром в бар? — спросил мужчина.

— Нет, мой папа — доктор в Париже, его зовут Исаак Штернберг. Мама обещала, что скоро мы его увидим.

Симона никогда не имела дел с французской милицией, этими опасными людьми, служившими интересам врага. Она ни разу не говорила своему сыну, чтобы он остерегался людей в штатском. Тошан тоже знал об этой организации лишь понаслышке. У Натана не было никаких причин видеть угрозу в этом мужчине, — возможно, он пошел бы с ним, даже несмотря на предостережения.

— Вон мама! — внезапно воскликнул он, когда они вышли на открытое пространство.

Второй полицейский, в свою очередь, подошел к ребенку. В окружении этих двух силуэтов с мягкой кошачьей походкой мальчик казался крошечным. У Симоны оборвалось сердце, когда она увидела эту сцену. Сначала она встревожилась не так сильно, но, взглядевшись в бесстрастные лица незнакомцев, застыла на месте. На них читалось нечто вроде скрытой ненависти, глубокого презрения.

«Господь всемогущий, защити нас! — пронеслось в ее голове. — Тошан, где ты? Тошан...»

Она медленно пошла вперед, и влажная от росы трава намочила ее обувь. Казалось, мир вокруг замер, потерял четкость, и вскоре она видела только бледное лицо своего ребенка и его смеющиеся глаза.

«Он радуется...» — подумала она.

Мужчины подошли к ней, не поздоровавшись, не приподняв шляпу, как это было принято.

— Мадам Штернберг? — спросил один из них.

— Нет, нет... — пробормотала Симона.

Дальнейшее происходило хаотично и невероятно быстро: каждое событие заняло не больше минуты. Тошан появился возле беседки с глицинией в тот самый момент, когда вездеходная машина Вермахта парковалась у соседней пристройки. Симону, отмечавшую каждую деталь, охватила паника. Не раздумывая, она бросилась к Натану и, схватив его на руки, побежала вниз по склону к реке.

— *Juden!*^[69] — крикнул один из полицейских немецкому солдату.

Грянули выстрелы. Тошан выстрелил в мужчину в сером пальто, и тот рухнул навзничь. Он понимал, что не сможет с ними справиться один, вооруженный всего лишь револьвером. Но он увидел, как Симона упала на землю и красное пятно стало расплываться у нее на спине. До этой секунды в глубине души он не верил, что можно убить женщину или ребенка. На долю секунды он сравнил бегущую молодую мать с оленихой, пытающейся спасти своего детеныша. Нередко в лесу он опускал ружье из уважения к великому закону природы, известному волкам и индейцам. Не следовало трогать самок и детенышей, выбирая дичь, ослабленную возрастом или болезнью. Да, даже волки подчинялись этому закону, а люди — нет.

Пули, которые настигли Натана, отчаянно вопящего на коленях возле матери, окончательно убедили его в реальности происходящего. Вне себя от гнева и ужаса, он бросился к тем, кого поклялся спасти. Снова раздался хриплый крик, сопровождаемый выстрелами.

— *Juden! Juden!*

Пули прервали его отчаянный бег. Тело пронзила острая боль, и Тошан прокатился еще два метра по земле. Он остановился возле маленького мальчика, убитого минуту назад. Его глаза были широко распахнуты, рот приоткрыт. Лицо уже стало покрываться мертвенной бледностью. Таким он увидел Натана Штернберга в последний раз. Сознание помутилось, и он погрузился в благодатное небытие.

Монпон, три часа спустя

Октав Дюплесси припарковал машину в Монпоне, на улице по соседству с вокзалом. Несмотря на объяснения Эрмины касательно дара Кионы, он оставался скептически настроенным.

— Ну, что будем делать дальше? — насмешливо спросил он. — Ваша сестра случайно не указала точного адреса? Это, конечно, не такой

большой город, как Париж, но вашего мужа по щелчку пальцев не найдешь... Будем расспрашивать прохожих, уточняя, что мы ищем подпольщика в бегах, вероятнее всего, в сопровождении еврейской женщины и ее ребенка?

— Очень смешно, — раздраженно оборвала его Эрмина. — Если вам надоело со мной возиться, высадите меня и езжайте дальше, я сама справлюсь.

Она собралась уже выйти из машины, но Жанина удержала ее за руку.

— Перестаньте ссориться. Проще всего поискать в отелях и пансионах. Думаю, их здесь немного. Тут же настоящая глушь!

— Глушь? — переспросила Эрмина.

— В смысле деревня, — со вздохом пояснил импресарио. — Жанина, следи за своей речью! Предлагаю пообедать вон в том кафе и послушать разговоры. Это часто дает результаты. И не забывайте, что немцы здесь тоже есть, как и везде. Обычно они размещают свои комендатуры в самом красивом доме города или в мэрии. Мы недалеко от Либуерна и Бордо. В этом секторе милиция особенно действенна.

— Почему? — всполошилась Эрмина.

— Река! Мощная, широкая, судоходная, ведущая в большой порт, а через эстуарий Жиронды^[70] — в океан.

Сделав этот лаконичный комментарий, Дюплесси закурил сигару и обвел взглядом окрестности. Он представлял себя на месте Тошана, яркая внешность которого могла привлечь к себе внимание.

— Если ваш муж здесь, он наверняка старается избегать центра города, держась менее посещаемых мест. Но я в это не верю! Было бы безумием с его стороны показываться на людях, особенно если он с евреями.

Сидевшая на заднем сиденье Эрмина схватила свою сумочку, полная решимости покинуть машину. Она немного наклонилась вперед, чтобы тихо сказать Дюплесси, по-прежнему сидевшему за рулем:

— Октав, я раскрыла перед вами все карты. Рассказала правду о Кионе. Поэтому, если с нами случится несчастье, я хочу кое-что знать. Почему я? Почему именно меня вы вынудили приехать во Францию? Не пожимайте плечами, вы произнесли красивую речь на эту тему, но она звучала фальшиво. Любая певица могла выступить в кабаре вашего друга Ксавье, и Жак Руше в конце концов нашел бы себе другое сопрано вместо меня. Я уже задавала вам этот вопрос, но сейчас хочу услышать честный, искренний ответ.

— Милое дитя, я сказал вам правду. Мне нужна была женщина,

соответствующая моим планам. Вы помогли нам с Ксавье отправлять оружие и спасти семьи от депортации даже в тот субботний вечер, когда пели на сцене Оперы. Разве это так сложно понять? Я сделал ставку на вашу красоту, на ваш талант и ваш арийский тип внешности, который так ценится эсэсовцами. А теперь пойдёмте перекусим, уже больше полудня, я проголодался.

Эрмина открыла дверцу как раз в тот момент, когда посреди улицы затормозила тяжёлая машина цвета хаки со свастикой. Из нее вышли солдат и офицер СС и направились напрямиком к автомобилю.

— Черт! Старайтесь выглядеть естественно, — прошептал Дюплесси.

— Предъявите ваши документы, месье, дамы, — велел офицер.

Жанина, насвистывая, принялась рыться в своей сумочке. Эрмина, находившаяся на грани нервного срыва, сделала над собой нечеловеческое усилие, чтобы не выглядеть напряжённой.

— Мы едем навестить родственников в Ажане, — объяснил импресарио. — Это мои кузины.

Эсэсовец долго изучал их фальшивые документы. Наконец он склонился к стеклу и взгляделся в лица обеих женщин.

— Вы сестры, дамы, — произнес он с ярко выраженным немецким акцентом. — Но совсем не похожи!

— Зато красавицы, не так ли? — с улыбкой воскликнул Дюплесси.

Мужчина смерил его холодным взглядом. Но все же вернул документы и быстрым шагом направился к своей машине. Жанина закурила сигарету. Руки ее тряслись.

— Мне кажется, наши оккупанты отчего-то всполошились, — тихо заметил Октав. — Ладно, пока нас оставили в покое. Пойдёмте пообедаем.

Они не спеша пересекли улицу и сели за столик в бистро, где тут же воцарилась тишина. Каждое новое лицо, особенно в провинции, вызывало подозрение. Это заинтриговало троицу. Тем не менее хозяин за стойкой о чем-то увлеченно беседовал с двумя клиентами.

Жанина тут же встала и направилась к двери с железной табличкой, где находилась уборная. Эрмина пыталась унять сердцебиение. Устремив взгляд вдаль, она повторяла себе, что с минуты на минуту увидит Тошана.

— Прошу вас, сделайте более спокойное лицо, — шепнул ей Октав. — Наберитесь терпения, мы найдем вашего мужа. Обещаю сделать невозможное, чтобы хотя бы раздобыть интересующую нас информацию.

Он сомневался, что у них это получится. Молодая официантка подошла к ним, чтобы принять заказ. У нее были покрасневшие от слез глаза, но они этого не заметили.

— Графин вина и три дежурных блюда, — сказал импресарио.

— Хорошо, месье.

Официантка исчезла в кухне. Она высморкалась и подошла к углублению, где стоял умывальник. Там она смочила щеки водой, а потом снова расплакалась. В этот момент ее увидела Жанина.

— У вас что-то случилось? Наверное, жениха направили на обязательные работы? Проклятая война...

— О да! Проклятая война, — прошептала девушка. — Я только что видела нечто ужасное, когда шла на работу. Еврейская семья — родители и их маленький мальчик — были расстреляны, как животные, сегодня утром. Сельский полицейский отвез их тела на кладбище в своем грузовике. Ему велели закопать их в общей могиле, но он остановился на несколько минут на площади. А я зачем-то заглянула в кузов. Если бы вы видели этого несчастного малыша, всего в крови! Бедный мальчик, он, наверное, ровесник моему брату. У меня внутри все перевернулось. А хозяин все твердит, чтобы я прекратила реветь, иначе распугаю всех клиентов.

Жанина покачала головой, испытывая искреннее сострадание. Но тут ее охватило ужасное подозрение.

— Это были местные?

— Нет, они были здесь проездом, остановились у мадам Мерло, которая держит пансион на выезде из города. Говорят, это ее муж предупредил милицию. Носит же земля таких мерзавцев! Я вас оставлю, а то хозяин опять будет ругаться.

— Одетта! — как раз позвал он ее из зала.

— А я что говорила?

Жанина помыла руки, не зная, как смотреть в глаза Эрмине. Она была почти уверена, что речь шла о Тошане и его подопечных. «Боже мой! Как я ей об этом скажу! Хотя, может, я и ошибаюсь», — думала она, но ей не удавалось себя успокоить.

Она вздрогнула, увидев идущего к ней Октава. Он быстро поцеловал ее в губы.

— Иди к Эрмине, — вполголоса сказал он. — Это настоящий комок нервов. Я сейчас приду.

Он уже открывал дверь туалета, когда Жанина схватила его за рукав и рассказала о том, что только что узнала.

— Вот черт! — пробормотал он сквозь зубы. — Ладно, подумаем после обеда, как поступить. Не нужно ей сейчас ничего говорить, иначе у нее начнется истерика при свидетелях. Проглатываем дежурное блюдо и уходим. По крайней мере, теперь у нас есть адрес.

— Хорошо, — жалобно ответила она.

Во время обеда гримерша пыталась выглядеть беззаботной и болтала о моде. Но есть ей не хотелось. Эрмине тоже. Потеряв аппетит, Дюплесси один выпил графин вина. Он ломал себе голову, не представляя, как рассказать все Эрмине. «Жанина права, похоже, убили Дельбо и еврейскую женщину с ребенком. Случилось все сегодня утром, городок стоит на ушах. Это объясняет напряжение, которое я почувствовал у офицера СС, и мрачные лица клиентов и хозяина».

Одетта, официантка, продолжала всхлипывать. Когда она принесла счет, Эрмина наконец заметила ее состояние и почти машинально ободряюще улыбнулась ей.

— Уходим, — поспешно сказал Дюплесси.

На тротуаре он взял Эрмину за руку, в то время как Жанина пошла впереди них.

— Бедная моя, пойдем в машину, я остановлюсь в каком-нибудь спокойном месте. Мне стало кое-что известно благодаря Жанине. Пообещай мне быть мужественной, если все обстоит именно так.

Внезапно охваченная ужасом, Эрмина вздрогнула всем телом, не сводя глаз с хищного профиля импресарио.

— Октав, что вам известно? Прошу вас, скажите мне!

Он усадил ее на переднее сиденье автомобиля и тронулся с места. На заднем сиденье сидела Жанина, затаив дыхание.

— Не сейчас, — отрезал он. — Нам не нужны свидетели.

Импресарио притормозил возле моста, возвышающегося над прозрачными водами Дордони. Ни жива ни мертва, Эрмина ломала руки.

— Жанина разговорилась с официанткой возле умывальника. Сегодня утром еврейская семья и их ребенок были расстреляны солдатами Вермахта, там была и милиция. Я не знаю деталей. Но я хочу вас предупредить: это могут быть Тошан и та самая женщина и ее маленький сын.

Низкий голос Дюплесси оборвался. Он был взволнован и не скрывал этого.

— Нет, — возразила Эрмина. — Нет, это не может быть Тошан! Во-первых, он не еврей. Октав, зачем вы меня так пугаете? И речь идет о семье с ребенком. Мой муж не погиб, я бы это знала, чувствовала!

— Они жили у некой мадам Мерло, к которой мы сейчас и отправимся. Ей доверять нельзя, — возможно, это она их и выдала. Вы должны держаться, не падать в обморок, не рыдать. Подумайте о своих детях в Квебеке: мы с вами тоже в опасности. Согласен, есть шанс, что это не

Тошан. Но в противном случае, Эрмина, вы должны держать удар.

Она осталась стоять с открытым ртом, оглушенная, убитая словами импресарио.

Ее нервы неожиданно сдали, и она закричала в бессильном гневе:

— Держать удар?! По-вашему, я должна спокойно выслушать, что мужчина, которого я люблю больше жизни, убит и закопан? Может, мне еще и спеть? О! Я вас ненавижу, ненавижу!

Она бросилась на него и принялась колотить наугад кулаками. Из-за слез она ничего не видела.

— Вы лжете, он жив, я вам не верю, нет!

— Черт возьми, успокойтесь же наконец!

Жанина присутствовала при этой сцене, не в силах пошевелиться от волнения. Внезапно Дюплесси с размаху влепил Эрмине пощечину. Она икнула от удивления и разразилась рыданиями.

— Тише, тише, — сказал он, обнимая ее. — Это тяжело, детка, я знаю. Наберитесь мужества: ваш муж сам выбрал эту битву со всеми вытекающими рисками.

— Но он не умер, — бормотала она, прижавшись к нему. — Нужно говорить о Тошане в настоящем времени. Ради бога... в настоящем. Он не умер, я скоро увижу его, прикоснусь к нему.

Постепенно Эрмина успокоилась. Первый шок миновал. Она пришла в себя и бросила растерянный взгляд на широкую быструю реку, над которой летели утки.

— Вы готовы? — тихо спросил Октав. — У этой женщины есть ответы, но мы должны быть осторожными.

— Да, едем туда. Будь это Тошан, я бы увидела Киону. Она не может его бросить!

С этими словами она закрыла глаза, подумав, сколько смертей друг за другом опустошали ее жизнь и убивали ее некогда наивную веру.

«Умерли Тала-волчица, Симон, Арман, Бетти! Умер мой новорожденный сынок, маленький Виктор... Неужели и Тошан сегодня? Мой любимый повелитель лесов? Нет, нет!»

Четверть часа спустя она вместе с Октавом входила в семейный пансион мадам Мерло. Та встретила их приветливо, как потенциальных клиентов. Тем не менее она явно была не в своей тарелке и избегала пронизательного взгляда Дюплесси.

— Мадам, месье, вы желаете снять комнату? — спросила она неуверенным голосом с певучим акцентом Дордони.

— Это зависит от вас, — ответил импресарио с хитрым видом.

— Вы имеете в виду цену? — уточнила женщина.

— Не совсем. Мы обедали в городе и слышали, что у вас тут творятся скверные вещи. Я хотел бы быть уверен, что здесь мы будем в безопасности.

— Но, месье, я не имею никакого отношения к этой истории! — воскликнула она с оскорбленным видом. — Не нужно слушать сплетни. Я и знать не знала, что эти люди — евреи.

Эрмина, которой Октав настоятельно порекомендовал помалкивать, с тревогой смотрела на хозяйку. Она больше не могла выносить все эти меры предосторожности, которые следовало соблюдать, эту атмосферу страха и недоверия. От перенапряжения к горлу подкатывала тошнота.

Дюплесси пытался составить мнение о мадам Мерло. Он говорил себе, что она, вероятно, принимает его за одного из полицейских, несмотря на то что последние редко появлялись в обществе красивых женщин. Он решил рискнуть, поскольку интуиция подсказывала ему, что эта провинциалка лет пятидесяти с усталым лицом была очень взволнована, но старалась это скрыть.

— Мадам, на самом деле мы знаем этих людей, которые были убиты утром. По крайней мере, мы так думаем. Не бойтесь, я не из полиции. Не имею к этому никакого отношения.

— Просто они сказали, что вернутся, эти полицейские, — пробормотала она, бросив испуганный взгляд на дверь. — Одного из них ранили, но второй обыскал комнату этих людей, перевернул все вверх дном. Я ему сказала, как и вам, что я не знала, что это евреи. Месье оплатил пансион на несколько дней вперед, показал мне свои документы, и я записала его имя в регистрационный журнал. Он утверждал, что приехал из Аяччо. Вы его родственники? Если да, вам лучше здесь не задерживаться. У меня будут большие неприятности.

— Прошу вас, мадам, опишите этого мужчину! — прервала ее Эрмина. — Хотя подождите, у меня есть фотография в сумочке.

Молодая женщина дрожащими руками достала снимок, сделанный около двух лет назад. Тошан стоял возле их дома в Перибонке в окружении троих детей.

— Это он, ваш постоялец? — спросила она пересохшими от волнения губами.

— Да, похоже на то, — подтвердила мадам Мерло.

Эрмине показалось, что она получила сильный удар в грудь. Она пошатнулась, ощутив головокружение. Октаву пришлось ее поддержать.

— Это мой муж, — простонала она. — Боже мой! Нет, нет!

— Держись, детка, — прошептал Дюплесси.

— Отпустите меня, все в порядке, — ответила она, побледнев как смерть. — Мадам, я могу подняться наверх? Там наверняка что-нибудь осталось. Мне необходимо прикоснуться к его одежде, вдохнуть его запах! Прошу вас...

Опешив, хозяйка пансиона лишь молча кивнула.

— Вторая дверь направо. Сейчас в доме никого нет, остальные постояльцы днем работают в поле.

Октав стоял молча, подавленный этой новой драмой. Он остро чувствовал неминуемую опасность, но не мог торопить Эрмину.

— Мадам, вы знаете, что здесь случилось? — тихо спросил он.

— Я ничего не видела. Я была в кухонной подсобке, кипятила тряпки на керосинке. Услышала несколько выстрелов. Но я так и не поняла, зачем эта дама вышла из комнаты так рано, а также ее мальчик. Я бросилась во двор и увидела всех троих, безжизненно лежащих в траве на лугу внизу. Пресвятая Дева, какой ужас! Бедный ребенок! Мне кажется, месье с фотографии выстрелил в одного из полицейских. Немцы там тоже были, но они быстро уехали.

Женщина говорила, не глядя на него, явно встревоженная. Октав подумал, что она должна быть как на иголках, если это ее муж донес на своих постояльцев.

В это время Эрмина стояла посреди комнаты. Там царил прискорбный беспорядок. Содержимое чемодана было разбросано по паркету, как и постельное белье. Машинальным жестом она подняла с пола комбинацию из розового шелка и оглядела ее. От белья исходил тонкий аромат ириса. Она опустила ее обратно на пол, чтобы взять с узкой детской кровати дешевую игрушку — овцу из клеенки.

Не в силах заплакать, словно оцепенев от безграничности своего горя, она заметила кожаную сумку, валявшуюся на полу.

«Это, наверное, его сумка», — подумала Эрмина, схватив белую майку и поднеся ее к лицу.

От нее исходил слабый запах. Молодую женщину пронзили воспоминания. Золотистый торс Тошана с изящной мускулатурой и атласной кожей предстал перед ее глазами. Она так любила прикасаться губами к этой теплой коже, гладить ее кончиками пальцев...

— Нет, этого не может быть!

Стойкое ощущение дурного сна не покидало ее. С самого приезда во Францию она жила лишь ожиданием вновь увидеть Тошана, а с вечера

субботы это ожидание переросло в нетерпеливое возбуждение — и все это ради такого плачевного финала?! Ее муж был мертв, а перед смертью он делил эту комнату, эту кровать с другой женщиной... Она окинула мрачным взглядом простыню, покрывавшую матрас, которую еще не убрали. В ее воображении возник образ мужчины и женщины, прижавшихся друг к другу, близость которых не оставляла сомнений.

«Какая же я глупая, у них просто не было выбора, — упрекнула она себя. — Они делали вид, что женаты. Тошан погиб, спасая их».

Если бы Октав не поднялся за ней и не встряхнул ее с некоторой жесткостью, Эрмина могла бы простоять в этой комнате до самой ночи, с разбитым вдребезги сердцем и сухими глазами.

— Нам пора уходить, — сказал импресарио тоном, не терпящим возражений. — Если сюда явится милиция, мы пропали. Эрмина, у вас трое ребяташек в Квебеке, которым нужна мать. Черт, возьмите себя в руки, у вас вид как у безумной!

— Я как раз схожу с ума, — ответила она со странной улыбкой. — Убили моего любимого... Он умер сегодня утром, Октав!

Он уже собрался снова привести ее в чувство пощечиной, но она быстро вышла из комнаты, положив в свою сумочку майку Тошана. Хозяйка поджидала ее внизу лестницы. Эрмина сбежала по ступенькам и набросилась на нее.

— Мадам, кто на них донес? Какой позор! Я проклинаю того, кто это сделал! Он тоже должен умереть. Женщина и ее ребенок были убиты, как собаки, и мой супруг перед Богом, отец троих моих малышек! Он сражался за вашу страну — и вот результат!

— Эрмина, прекратите, — одернул ее импресарио. — Мы с мадам уже поговорили. Тошан заплатил крупную сумму денег речнику, который должен был доставить их в Либурн. Она недавно узнала об этом именно от своего мужа. На них донес этот самый речник. Такое часто бывает: не всем перевозчикам можно доверять. Они обирают до нитки евреев в бегах и сдают их милиции.

— Да, мое бедное дитя, — подтвердила Марсель Мерло. — Если бы эти люди были более разговорчивы, я бы предостерегла их от этого мерзавца.

— Что это меняет, по сути? — сухо бросила Эрмина. — Убит мужчина, которого я обожала. Я бы тоже хотела умереть, прямо сейчас, здесь.

Внутри ее сковал жуткий холод, а лицо приобрело жесткое, враждебное выражение. Было странно видеть ее такой, и Дюплесси показалось, что перед ним совершенно чужой человек.

— Этот месье действительно ваш супруг? — внезапно спросила хозяйка отеля. — Простите, если это причинит вам боль, но они выглядели очень близкими — он и та молодая еврейка...

— Мы поженились в Канаде десять лет назад, — с трудом произнесла Эрмина. — Мы так друг друга любили! Он пошел добровольцем на вашу войну и бросил нас с детьми.

Марсель Мерло перекрестилась, на глазах у нее были слезы. Она взяла Эрмину за руки.

— Тогда я не могу молчать! Вы понимаете, сейчас такое время, что никогда не знаешь, с кем имеешь дело. Муж крепко-накрепко наказал меня держать язык за зубами, но раз тут такое дело... Слушайте, Норбер, наш сельский полицейский, заезжал к нам час назад. Это он должен был закопать тела в общей могиле по приказу милиции. Но месье, ваш муж, был еще жив. Несчастный Норбер повел себя по-христиански и отвез его к доктору Мелиссье, который участвует в Сопротивлении. Его бросало в холодный пот от страха, как он мне рассказывал, потому что ему пришлось вновь проехать через весь город с вашим мужем, спрятанным под брезентом. К тому же он встретил немецкий патруль.

Кокон ужаса, парализовавший рассудок и сердце Эрмины, разлетелся вдребезги. Она наконец смогла вздохнуть полной грудью и вновь вернуться к жизни, а ее кровь быстрее потекла по жилам, согревая и воскрешая тело.

— Спасибо, мадам! — воскликнула она. — О, я так вам благодарна! Господь милосерден! Ради бога, скажите мне, где живет этот доктор?

— Выйдете от нас, и направо будет улочка. Подниметесь по ней, затем слева увидите красивый дом с крышей из шифера. Скажете, что вы пришли от месье Мерло, хорошо? И лучше вам пойти туда одной, без вашего друга.

Понимая, что ситуация вышла из-под контроля, Октав попытался посоветовать Эрмине вести себя осторожнее. Он хотел также составить план действий, но она вырвалась у него из рук и выбежала на улицу. Для нее больше ничто не имело значения: ни милиция, ни СС, ни мягкость весеннего дня. Тошан не был мертв, он не покоился в общей могиле этого южного городка Франции! Если он выжил, это означало, что у них еще есть шанс на встречу и на любовь.

Она едва обратила внимание на Жанину, по-прежнему сидевшую в машине, и не бросила ни единого взгляда на Дюплесси, последовавшего за ней и неподвижно застывшего потом на тротуаре. «Тошан, любовь моя, я здесь! — твердила она. — Тошан, держись, я бегу к тебе и клянусь вернуть тебя домой, на берег Перибонки».

Глава 21

Горькая встреча

Дордонь, Монпон, тот же день

Эрмина позвонила в дверь доктора Мелиссье. Она попыталась войти, повернув большую медную ручку двери, но та, видимо, была закрыта на ключ. Никогда еще она не испытывала такого лихорадочного состояния, когда все ее чувства были на пределе. За несколько минут пути она не думала ни о чем, кроме единственной цели — наконец добраться до Тошана. Ей казалось неувидительным, что он жив. «Он не мог уйти, только не так!» — твердила она себе.

Тем не менее она по-прежнему чувствовала себя опустошенной, лишившейся всего, что было в ней хорошего и доброго, будучи не в силах понять свои ощущения.

Раздавшийся шум заставил ее вздрогнуть. Дверь приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в узком пространстве не более двадцати сантиметров шириной появилось лицо мужчины.

— Доктор Мелиссье? — тут же спросила она. — Меня направила к вам мадам Мерло, которая держит семейный пансион.

Врач осторожно посмотрел по сторонам и перевел недоверчивый взгляд на Эрмину.

— Что вам нужно? — тихо спросил он.

— Сельский полицейский привез вам раненого. Это мой муж. Умоляю, впустите меня!

Он внимательно взгляделся в ее лицо, словно пытаясь понять, насколько она искренна. Должно быть, она выглядела очень взволнованной, так как он поспешил открыть ей дверь. Эрмина устремилась в тщательно отделанную переднюю. Ее сердце буквально выскакивало из груди, но мозг почему-то отмечал каждую деталь: пол из желтой и черной плитки, зеленые растения в горшках, зеркала в медных рамах, хрустальная люстра...

— Как он? — прошептала она.

Доктор неопределенно пожал плечами. На вид ему было лет пятьдесят, и, будучи ростом ниже Эрмины, он явно страдал от лишнего веса. Но его

глаза за стеклами очков светились умом, а лицо было добрым и немного грустным.

— Мне очень жаль, мадам, но ваш муж умирает, — степенно произнес он. — Я вообще не понимаю, как он еще дышит.

Эрмина поняла, что тешила себя напрасными надеждами, и задрожала всем телом. Судьба Тошана оборвется здесь, во Франции, вдали от его родины. Совершенно разбитая, она пыталась сохранить достоинство.

— Доктор, я хочу его видеть, — попросила она едва слышным голосом. — Попроцаться с ним.

— Да, конечно. Но он без сознания.

Эрмина проследовала за ним, почти ничего не видя из-за хлынувших горьких слез. Врач остановился перед дверью, держась за ручку.

— Мадам, я должен вас предупредить: я позвонил в Красный Крест, они скоро приедут. Я не могу рисковать, оставив его у себя.

— Но куда его повезут?

— В больницу в Либурн или Бордо. Если он выдержит переезд, кто знает, может, ему смогут там чем-нибудь помочь. Я получил недостаточно информации по поводу того, что произошло сегодня утром, но знаю, что этот месье ранил полицейского, так как, по всей видимости, помогал еврейской женщине и ее сыну бежать из страны. Уверяю вас, я бы дорого отдал за то, чтобы ваш муж выкарабкался. Он был в Сопротивлении? Вы можете разговаривать со мной без опаски: я — член подпольной организации.

Ей было страшно, но она молча кивнула, замороженно глядя на дверь и дрожа от нетерпения. Наконец доктор открыл ее.

— Входите. Мне очень жаль, мадам...

У него было к ней много вопросов, но сейчас не лучший момент их задавать. Он отметил ее особый акцент и понял, что она иностранка. Эрмина не замечала ничего вокруг. Она видела только своего мужа, лежащего на осмотрном столе, такого бледного, что она даже засомневалась, он ли это. Его полуобнаженное тело — плечи, руки, торс — показалось ей словно вылепленным из воска. При виде промытых ран, окруженных красными пятнами, она содрогнулась.

— Тошан, — тихо позвала она. — О нет, Тошан! Боже мой, я наконец-то тебя нашла, а ты умираешь!

Она подошла ближе, не сводя глаз с безучастного лица того, кто был ее великой любовью. Склонившись над ним, она заметила, что в уголках его губ выступила розовая пена. Подошел врач.

— Одна пуля прошла насквозь, сломав кость в ключице. Две другие

пули попали в легкие. Операция была бы возможной, не будь он так слаб. Это просто чудо, что он до сих пор жив.

— Прошу вас, доктор! Ради Бога, сделайте ему операцию! Он не выдержит дорогу, вы это знаете. Он мой муж. У нас трое деток. Почему вы не пытаетесь сами его прооперировать?

— Я не хирург, и в любом случае у меня нет необходимых инструментов. Прошу вас, мадам, возьмите себя в руки. Попрощайтесь с ним, возможно, он вас услышит. И даже если он вас не слышит, это важно для вас обоих. Я вас оставляю.

С этими словами он вышел из комнаты. Эрмина нерешительно провела по лбу Тошана кончиками пальцев. Она все еще не могла до конца поверить, что это ее муж, из-за его непривычной неподвижности, закрытых в преддверии неминуемой агонии глаз, застывшего сурового лица.

— Любимый мой, нежный мой, — прошептала она дрожащим от рыданий голосом, — тебе причинили столько боли! Ты хотел сражаться и отдал свою жизнь, такую драгоценную жизнь. Это несправедливо, ужасно! Что я скажу трем твоим детям, которые тебя боготворят?

Ее охватило сильное чувство обиды на этого мужчину, погруженного в пугающее оцепенение.

— Ты обязан был беречь себя ради нас! Тебе не следовало идти добровольцем в армию! Ведь ты знал, что можешь умереть и больше никогда не вернуться к своим близким! О! Господь всемогущий! Спаси его, верни его нам!

Раздираемая бессильной яростью и неизмеримым горем, Эрмина поцеловала своего мужа в губы. Она ощутила его едва заметное дыхание, показавшееся ей великим даром, ответом на ее мольбу.

— Тошан, борись за свою жизнь, цепляйся за нее! — внезапно воскликнула она. — Вернись к нам! Я хочу, чтобы ты снова увидел свой лес, песчаные берега Перибонки. Хочу, чтобы ты повел своих дочерей под венец, когда они будут выходить замуж, хочу, чтобы ты передал Мукки все тайны природы и древние легенды народа монтанье. Тошан, ты не можешь меня оставить так рано! Я твоя жена, твоя любимая женушка-ракушка и хочу прожить с тобой всю жизнь, состариться и умереть раньше тебя.

Она рыдала, не переставая гладить его и целовать. Всей своей душой она взывала к чуду.

— Господи, Господи, умоляю, сжался! Ради Мукки, Лоранс и Нутты, — хотя бы ради наших детей... Пожалуйста!

Но Бог казался глухим к ее мольбам, и Тошан по-прежнему не подавал признаков жизни. Дверь открылась, в комнату вошла медсестра в белом

халате с повязкой Красного Креста. Ее сопровождал довольно молодой человек, тоже в белом халате. За ними следовал доктор Мелиссье.

— Мадам, машина «скорой помощи» стоит возле дома, нужно действовать быстро. Сельский полицейский сильно рисковал, послушавшись приказа.

— Я поеду с ним! — воскликнула она. — Скажите, это возможно? Я должна быть с ним до самого конца! Я его жена.

— Да, разумеется, — ответила медсестра. — Мы выдадим вам халат. В случае проверки это вызовет меньше подозрений.

Этот короткий ответ как нельзя лучше отражал атмосферу постоянного страха, напряжения и осторожности, в которой жили те, кто противостоял нацистам и сторонникам режима Виши.

— Я вам безумно благодарна!

— У нас нет времени на обмен любезностями, — отрезал врач Красного Креста, уже накрывавший Тошана коричневым одеялом.

Внезапно Эрмина вспомнила об Октаве и Жанине. Ее друзья наверняка ждали ее у семейного пансиона. Она с обезумевшим от горя лицом повернулась к доктору Мелиссье.

— Мне нужно непременно предупредить людей, которые привезли меня сюда, в Монпон. Я быстро сбегаяю к мадам Мерло и вернусь. Это займет всего пару минут.

— Поторопитесь, — ответила медсестра.

Эрмина бросилась на улицу, прижав сумку к животу, чтобы было удобнее бежать. Она поспешно спустилась вниз по пустынной улочке, собираясь уже свернуть на улицу, ведущую к пансиону мадам Мерло, когда услышала голоса, заставившие ее замедлить шаг. До нее донесся звук мотора автомобиля и душераздирающие женские крики.

«Что происходит?» — с ужасом подумала она.

Эрмина сделала несколько шагов вперед, прижимаясь к стенам ограды. Вскоре она увидела черный автомобиль и людей в штатском. Один из них таскал Жанину за волосы. Ее стройное тело билось о мостовую, лицо было залито кровью. Чуть дальше, на тротуаре, лежало безжизненное тело Октава Дюплесси и двое крепких парней избивали его ногами.

«Боже мой, нет, нет! — взмолилась про себя Эрмина. — Они арестуют их или убьют на месте, и меня наверняка тоже ищут!»

Она развернулась и на ватных ногах направилась назад, испытывая тошноту. Перед глазами стояло искаженное ужасом лицо Жанины. Хуже этого кошмара ничего не могло быть. Все было слишком реальным, и эта жестокость принимала в душе Эрмины ужасающие размеры, терзая ее.

Не понимая как, она сумела вернуться во двор доктора Мелиссье и сесть в машину Красного Креста рядом с телом Тошана. Глаза ее были сухими, рот приоткрылся.

— Какие-то проблемы? — спросила медсестра.

— Да, — с трудом произнесла она. — Милиция неподалеку избивает моих друзей. Один из них руководит подпольной организацией Сопротивления в Париже. Мы сбежали оттуда в субботу вечером.

— Только этого не хватало, — проворчал врач Красного Креста. — Быстро надевайте халат и повяжите на голову платок, убрав под него все волосы. Если нас остановят, опускайте голову.

Держась за дверцу машины, доктор Мелиссье объяснил им, как проехать в объезд. Минуту спустя они уже ехали по дороге с неровным покрытием, усеянным выбоинами.

— Все в порядке, — немного позже вздохнула медсестра. — Мы выбрались из города.

Эрмина взяла Тошана за руку. Ей казалось, что она до сих пор слышит животные крики Жанины и глухие звуки ударов по телу Октава.

«Это моя вина, — упрекала она себя. — Я притащила их в Монпон... Они приехали сюда из-за меня! Что с ними сделают? Господи, прости меня! Как ужасна эта война!»

Крупные слезы текли по ее лицу. Лишь несколько лет спустя она узнает окончание этой истории. Ксавье Дюбуа проговорился под пытками и назвал имя импресарио. Тут же ищейки милиции объявили на него охоту, передав всем постам номер машины Дюплесси, а также его точные приметы и фотографию. Певица Эрмина Дельбо тоже фигурировала в списке подозреваемых.

Все время пути Эрмина следила за состоянием Тошана. Иногда, чувствуя себя слишком издерганной и несчастной, она пыталась думать о безобидных вещах, по крайней мере, по сравнению с трагедией, которую переживала. «Мой чемодан остался в багажнике машины. И Октав забрал не все мои вещи из номера. Служащим отеля достанутся мое вечернее платье, меховое манто, обувь... Это так трогательно, так странно...»

Так оно и было. Дюплесси взял лишь самое необходимое: ее туалетные принадлежности, драгоценности и практичную одежду. К счастью, деньги были при ней, как и фальшивые документы, а ее настоящий паспорт был спрятан за подкладкой сумочки.

«Но мне на это глубоко плевать! Если Тошан очнется, поговорит со мной хотя бы минуту, я испытаю такое облегчение! Я так хочу сказать ему, что люблю его, чтобы он знал это, прежде чем умереть!»

Ее посещали и более странные мысли, отвлекая от чувства вины, которое она испытывала по отношению к Жанине и Октаву. Несмотря на состояние мужа, близкое к агонии, она терзалась по поводу его связи с молодой еврейской женщиной, которую убили. Она очень хорошо помнила шелковую комбинацию с ароматом ириса, простыню на матрасе, где различила подозрительные следы, которые обычно остаются после ночных утех любовной пары.

«Нет, нет, я схожу с ума, — успокаивала она себя. — Мне показалось. Как не стыдно такое думать! И потом, рядом с ними спал этот несчастный малыш. Господи, мне нужно было забрать его игрушку, белую овечку... Мадам Мерло все равно ее выбросит».

Вспомнив хозяйку пансиона, она вздрогнула от ужаса. «Боже мой, она была так напугана тем, что полицейские вернутся и допросят ее! Может, они ее арестовали и пытали. Может, это она нас выдала...»

Теперь она видела в каждом встречном возможного пособника фашистов или их потенциальную жертву. Она наконец-то поняла, почему Октав Дюплесси был так осторожен и подозрителен по отношению ко всем вокруг. Ей пришлось осознать очевидный факт: опасность была повсюду.

Когда они проехали Либурн и направились в сторону Бордо, медсестра решилась с ней заговорить. Крашенная металлическая решетка отделяла переднее сиденье от задней части машины, оборудованной для оказания первой помощи.

— Ваши документы в порядке, мадам? — сухо спросила она. — Вы не еврейка?

— Нет, что вы, и мой муж тоже! Мы канадцы.

— Вы можете быть одновременно канадцами и евреями, — вмешался врач. — Только не говорите мне, что в Канаде нет евреев!

— Я этого не утверждаю, — возразила Эрмина. — Скоро мы приедем в больницу? Мой муж еще дышит — правда, это хороший знак? Доктор Мелисье сказал, что ему можно сделать операцию.

— Операция — это его последний шанс. Я осмотрел вашего мужа, он действительно в критическом состоянии. Сожалею, мадам, но я диагностировал внутреннее кровотечение, что объясняет его крайнюю слабость и бессознательное состояние.

— Нет, он не умрет! — воскликнула Эрмина. — Вы спасете его, вы должны его спасти! Потому что я люблю его, потому что его ждут дети!

Она знала, что ее речь звучит патетически. Люди из Красного Креста повидали многое с начала войны. Они привыкли к несчастьям, к смерти, с которой сталкивались ежедневно.

— Вам лучше молиться, мадам, — сказала медсестра.

Валь-Жальбер, утро того же дня

Снова шел снег. Зима не собиралась сдавать свои позиции. После короткого потепления в виде проливных дождей снова подморозило, и застывшую природу опять засыпало снегом.

Но Шарденам было не до погоды. Внимание всех домашних было приковано к девятилетней девочке с золотистыми волосами и закрытыми глазами на красивом неподвижном лице.

Киона по-прежнему не выходила из странного сна, державшего ее вдали от отца и остальных детей. Теперь она совсем ничего не ела и, если Мирей пыталась влить в нее немного бульона, почти непроизвольно выплевывала жидкость.

Жослин день и ночь проводил у ее постели. Его навещали все, начиная с Жозефа и заканчивая мэром городка, а также Шарлотта, Онезим и Иветта, причем двое последних чувствовали себя неловко, оказавшись на втором этаже роскошного дома своих соседей. Накануне Лора вызвала из Роберваля доктора, и ученый муж не нашел объяснения коматозному состоянию Кионы.

— У нее нет никаких тревожных симптомов, — заявил он. — Пульс немного замедлен, но нет ни жара, ни каких-либо специфических болей.

Тем не менее этим утром Лора и Жослин заметили некоторое изменение. Казалось, девочка начала дышать с трудом. Это произошло неожиданно. Она открыла рот, и ее дыхание участилось.

— Господи! Что с ней? — вскричал ее отец.

— Жосс, успокойся! Хочешь, я вызову врача?

— Этого идиота, неспособного ее вылечить? Нет... То есть я не знаю.

— Тогда давай отвезем ее в больницу!

Они переговаривались вполголоса, прислушиваясь к легкому хрипу, вырывающемуся из груди Кионы.

— Мой ребенок умирает, — в отчаянии всхлипнул Жослин.

— Нет, может, она, наоборот, придет в сознание. Жосс, прошу тебя, успокойся.

Переживая за Киону, Мирей часто, стоя внизу лестницы, прислушивалась к происходящему. Сейчас она не выдержала и поднялась к хозяевам. Мадемуазель Дамасс сделала то же самое в сопровождении Мадлен и детей. Вскоре комната Лоры заполнилась до отказа. Акали уже

плакала, вцепившись в руку побледневшего Мукки. Услышав прерывистое дыхание Кионы, Лоранс и Мари-Нутта тоже заплакали.

— Боже милосердный! — запричитала экономка. — Этот маленький ангел скоро нас покинет!

— Боже правый! — присоединилась к ней учительница. — Нужно позвонить доктору! Ах, если бы у меня был с собой пузырек с маслом святого Иосифа! Я уверена, ее бы это вылечило! Было бы достаточно капнуть несколько капель ей на лоб.

Раздраженная, Лора устало поднесла руку к своему лбу. Она, словно в тумане, видела напуганных детей, особенно самого младшего, Луи, который рыдал так же громко, как Жослин.

— Что еще за масло, Андреа? Разве сейчас подходящий момент, чтобы нести всякий вздор?

— Но это не вздор, мадам! — возразила она. — Родители назвали меня Андреа в честь брата Андре — скромного священника, обладавшего даром исцеления, даже если он сам это отрицал. Он совершил множество чудес при жизни и после смерти, так как, увы, этот святой человек скончался в 1937 году. Когда я была в возрасте Кионы, моя мать возила меня к нему в Монреаль из-за проблемы с бедром. Я своими глазами видела молельню в честь святого Иосифа, которая может принять многих верующих.

— Хватит! — отрезал Жослин. — Вы болтаете о всякой ерунде, пока моя любимая доченька борется за жизнь.

— Мадемуазель Андреа говорит правду, месье, с вашего позволения, — возмутилась Мирей. — Я много слышала о брате Андре, когда мадам жила в Монреале. И я тоже считаю, что нужно растереть Киону маслом святого Иосифа.

— Но у нас его нет! — воскликнула Лора. — Мы не можем слетать в Монреаль и привезти его оттуда. Господи, что мы скажем Эрмине, когда она вернется, если Кионы не станет?

Мадлен перекрестилась, испугавшись последних слов хозяйки. Кроткая индианка подошла к кровати и, опустившись на колени, принялась молиться.

— Да, давайте помолимся, — внезапно загорелась учительница. — Все вместе, дети! Мы прочтем «Отче наш» и «Хвала Тебе, Мария». А я буду молиться брату Андре.

— Он сможет вылечить Киону? — жалобно спросил Луи.

— Конечно, — подтвердила Андреа. — Меня он лечил, даже не прикасаясь ко мне, и я не единственная. Его все знают в Квебеке. Молельня, о которой я говорила, построена на горе Мон-Руаяль,

возвышающейся над Монреалем. Деяния брата Андре вызывают восхищение, мой маленький Луи. Он обладал верой искренней и абсолютной, и мы тоже должны ее иметь. Знаешь, как-то раз к нему привели мальчика твоего возраста, у которого были парализованы обе руки. Брат сказал ему: «Входи, Жорж!», хотя никогда его раньше не видел. Он поднял ему обе руки вверх. Мальчик потерял сознание, и брат Андре растер его маслом святого Иосифа. Когда ребенок очнулся, он больше не был парализован и смог стать хорошим и честным работником. Список исцеленных братом Андре очень длинный. Поверь мне, Луи. Ты тоже можешь помолиться брату Андре.

Потрясенная, Лора опустилась на колени возле кровати. Она не соблюдала религиозных обрядов, но верила в божественное милосердие и почитала Деву Марию.

— Жосс, помолись с нами, хуже от этого не будет, — посоветовала она своему мужу.

Мирей была единственной, кто остался стоять. Она не сводила глаз с хорошенького личика Кионы, которое теперь выглядело измученным. У девочки горели щеки, она продолжала задыхаться.

— Брат Андре сказал одну очень важную вещь, — произнесла экономка. — Я прочла это в статье, посвященной ему, и запомнила на всю жизнь. Он утверждал, что если больна душа, то нужно начинать лечение с нее. Он знал, о чем говорил, ведь сам он родился в бедной семье и был очень слаб здоровьем. Его поддерживала вера, придавая ему смелости и энергии.

— Если больна душа, нужно начинать лечение с нее, — повторила Лора, перестав молиться. — Жосс, возможно, страдает не тело Кионы, а ее душа. Смотри, кажется, она вот-вот задохнется, но все же не задыхается! Мы думаем, что она умирает, но, вполне вероятно, ей ничего не угрожает.

Потерявший голову Жослин выпрямился, чтобы погладить лоб девочки и покрыть его поцелуями. Он заметил, что она словно в трансе, а ее губы беззвучно шепчут какие-то слова.

— Доченька моя любимая, что знаешь ты, чего не знаю я? Где ты? Я бы так хотел облегчить твои страдания!

Мадлен заинтригованно подняла голову. Она тоже уловила слабый шепот.

— Это язык монтанье, — сказала она.

Молодая индианка быстро поднялась и прижалась ухом к губам девочки. Все, затаив дыхание, следили за ней.

— У Талы-волчицы двое детей: Тошан и Киона, — перевела

Мадлен. — Эти слова Киона постоянно повторяет. Тише, замрите.

Ей немедленно подчинились. Дрожащая от волнения Лора устремила на Жослина полный надежды взгляд.

— У Талы-волчицы двое детей: Тошан и Киона. Если один умрет, второй последует за ним. Они связаны кровью... — продолжила индианка.

— Господь всемогущий! — воскликнул Жослин. — Что это значит? Нужно сейчас же позвонить Эрмине, узнать, есть ли у нее известия от Тошана. Боже мой, я так больше не могу!

Он поднес руку к сердцу, напугав Лору. Она обняла его с бесконечной нежностью.

— Милый мой, перестань себя изводить. Подумай о нас: любящей тебя жене, о своем сыне и старшей дочери. Киона не умрет, у нее просто бред.

Но он покачал головой, убежденный в обратном. В эту секунду Луи совершил нечто неожиданное. Он взобрался на кровать и, пока родители не успели ему помешать, улегся рядом с Кионой и обнял ее. Прижавшись щекой к ее щеке, он принялся молиться по-своему:

— Мой ангел, не улетай! Не оставляй нас, Киона! Это я, Луи! Прошу тебя, возвращайся.

Сцена была невероятно красивой, но невыносимо грустной. Андреа Дамасс разрыдалась, Мирей вслед за ней. Близняшки и Акали испугались.

— Киона, не умирай! — закричала Лоранс.

Шарлотта вошла в комнату как раз в этот момент. Увидев это драматическое зрелище, она на самом деле решила, что малышка только что умерла. Девушка в ужасе вскрикнула, тем самым приведя присутствующих в чувство.

— Это невозможно! Мама Лора? Папа Жосс?

— Не бойся, она жива, — ответила Лора. — Шарлотта, тебе нужно сесть на поезд и отправиться в Монреаль за маслом брата Андре или святого Иосифа — я уже запуталась. Ты единственная можешь съездить туда и спасти Киону!

— Это безумие! — возразила вновь прибывшая. — Отвезите ее лучше в больницу. Папа Жосс, ее нужно госпитализировать, разве вы не понимаете! Вы не сможете ее здесь вылечить!

Разгорелся жаркий спор. Андреа Дамасс вмешалась, готовая отправиться в Монреаль прямо сейчас, раз Шарлотта отказывалась пожертвовать собой ради спасения ребенка. Мирей тоже не молчала, а Луи рыдал навзрыд. Только Мукки продолжал молиться, несмотря на стоящий гвалт.

Эхо этого шума едва долетало до Кионы, блуждающей в темном,

холодном и мрачном мире, где иногда сверкали ослепительно-яркие вспышки, которые исчезли так же быстро, как появлялись. Среди этого плотного гнетущего мрака и вспыхивающих огоньков в размеренном ритме, в такт сердцебиению девочки то возникало, то исчезало человеческое лицо. Она знала, что это лицо ее брата Тошана. «Он у дверей смерти, — шептал знакомый голос, принадлежащий их матери, Тале. — Помоги ему, Киона, помоги ему!»

Она бы очень хотела это сделать, но не знала как. Тем не менее всей своей душой, всей своей чистой и наивной верой она пыталась удержать Тошана на краю пропасти. Это было тяжело, болезненно и могло ее убить. Но Киона не сдавалась. Ей приходилось прилагать такие усилия, что она не могла есть, пить, разговаривать, не могла даже открыть глаза. Она упорно цеплялась за этот пугающий мир, где свет и тень находились в вечном противоборстве.

— Я не поеду в Монреаль, — твердила Шарлотта. — Ваше масло святого Иосифа ничего не изменит, мадемуазель Дамасс.

— Ты меня разочаровываешь, девочка, — оскорбилась Лора.

— Я бы сам поехал, но не могу оставить свою дочку, — произнес Жослин.

Мадлен потребовала тишины. С необычайным достоинством она показала на крест, висящий над кроватью.

— Что за шум вы тут устроили! — укоризненно сказала она. — Разве вы не видите, что Кионе становится все хуже? Те, кто не может молиться, пусть покинет комнату. Шарлотта, возвращайся к себе или присмотри за детьми. Иисус оберегает нашу Киону и спасет Тошана, я в этом уверена. И если брат Андре может лечить людей с Небес, я попрошу его помочь нам, но в тишине и благоговейности.

Эта речь, произнесенная тихим, но твердым голосом, возымела надлежащее действие. Мирей перекрестилась и попятилась к двери. Андреа молча кивнула. Лора бросилась успокаивать детей.

— Пойдемте со мной, пора обедать. Мадлен права: мы беспокоим Киону своими стенаниями. Не бойтесь, все будет хорошо.

Прошло больше часа. Во Франции два хирурга прооперировали Тошана, пока Эрмина молилась в часовне больницы Сент-Андре в Бордо.

Лора восстановила порядок на первом этаже. Мирей вернулась к плите, а мадемуазель Дамасс продолжила обучение своих подопечных. Ламбер Лапуэнт, племянник Шарлотты, явился в назначенный час в

компании Мари Маруа.

— Только без паники, — успокаивала себя хозяйка дома. — Мы все были нелепыми у постели Кионы. К счастью, Мадлен показала пример. Мне показалось, я даже видела Талу.

Она была одна в гостиной и только что повесила телефонную трубку. Лицо ее было встревоженным.

«Эрмина покинула отель в субботу вечером, оставив свои вещи. При этом Дюплесси расплатился по счету. Но почему? Похоже, у них проблемы, большие проблемы. Где они сейчас?»

Воображение рисовало страшные картины. Ее дочь могла быть арестована, депортирована или даже убита. Не в силах справиться с волнением, она дрожащим голосом попросила телефонистку соединить ее с другим номером, принадлежащим Парижской опере. После мучительного ожидания ей ответил сам директор театра. Так она узнала, что Эрмина исчезла сразу после окончания последнего акта «Фауста».

***Больница Сент-Андре, Бордо, следующий день, понедельник, 22 марта
1943 года***

Эрмина сидела у постели Тошана. Он занимал узкую кровать в просторной палате, где стояли также другие койки, отделенные друг от друга белыми шторами, которые задергивали во время ухода за больными. По проходу посередине палаты сновали монахини в белых одеждах, с капором на голове. Несмотря на усилия персонала, гигиена оставляла желать лучшего из-за устаревшего оборудования и недостатка средств. Молодая женщина не обращала на это внимания. Именно здесь, в этом огромном здании, ее мужа накануне прооперировали. Она не могла в это поверить, но Тошан был все еще жив.

«Неужели Господь меня услышал? — подумала она. — Никогда еще я не молилась так неистово».

Она провела ночь на стуле, держа любимого мужчину за руку. Это уже было чудом — ощущать его тепло, слышать свистящее неровное дыхание. Она цеплялась за это, не заикливаясь на предостережениях врачей, которые считали, что опасность еще не миновала.

— Он выдержал операцию, но по-прежнему остается очень слабым, — сказал хирург. — Мы не исключаем остановки сердца, тем более что его легкие сильно повреждены.

«Путь к выздоровлению будет долгим, — снова подумала Эрмина. —

Но Тошан выжил, и это доказательство тому, что он вновь станет самим собой и все у нас будет как раньше!»

Эрмина снова увидела растерянное лицо медсестры, осматривавшей Тошана. Она упрекнула себя в том, что не расспросила ее. «Я сделаю это, когда она зайдет еще раз. Как же хочется спать, я ужасно устала!» Она мечтала о том, чтобы где-нибудь прилечь и хоть немного поспать. В эту минуту к ней подошла монахиня с мягкой улыбкой на лице.

— Мадам, вы выглядите совершенно измученной. Рядом с этой палатой есть комната, где вы можете полежать часок. Там не очень удобно — обычная скамья с одеялом, но вам просто необходимо немного отдохнуть.

— Благодарю вас, сестра, но я не хочу оставлять своего мужа. Врач из Красного Креста, который вчера привез нас сюда, сказал, что аресты происходят даже в самой больнице. Лучше я останусь здесь и присмотрю за ним.

— Такое действительно было, но речь шла о больных с легкими ранениями, которые уже шли на поправку. Учитывая состояние вашего мужа, ему ничего не грозит.

Сестра тихо добавила:

— У нас священная миссия охранять наших пациентов, мадам, иногда мы даже забинтовываем им лицо, чтобы усложнить опознание. А наша настоятельница хранит документы больных в своем кабинете. Так что отправляйтесь спать спокойно, я буду регулярно заходить проводить вашего мужа.

— Только сообщите мне сразу, если он придет в сознание! Я хочу быть рядом, когда он очнется. Мы были разлучены почти на год, и он не знает, что я во Франции.

Молодая монахиня внушала Эрмине абсолютное доверие, и она бы с удовольствием пообщалась с ней подольше. С момента своего бегства из Парижа она была совершенно растеряна, попав в чуждый ей мир, где правили ненависть и жестокость.

— Я понимаю, — ответила сестра. — Обязательно вам сообщу.

Успокоенная, Эрмина осторожно встала, чувствуя, как гудят ноги и болит спина. Она прошла через просторную палату, глядя на других больных. Некоторые плакали, как дети, другие спали или звали сестру. На одной из коек она увидела рыдающую белокурую девочку.

— Не плачь, — сказала она, подойдя к ней. — Тебе больно?

— О да, мадемуазель!

— Сейчас я кого-нибудь позову.

Впервые с момента своего отъезда из Монпона она подумала о Кионе, не понимая, почему ее сводная сестра не попыталась спасти Тошана в то утро, когда случилась перестрелка. «Я слишком многого от нее хочу, — тут же одернула себя женщина. — Киона не всемогуща. Она такая же маленькая девочка, как эта, много страдала и нуждается в спокойной жизни».

Эрмине также пришла в голову другая мысль. Не зная, сколько времени ей придется пробыть в Бордо, она решила предложить свои услуги больнице. «По крайней мере, я буду полезной, постараюсь принести хоть какое-то облегчение больным».

Она по-прежнему испытывала чувство вины по отношению к Жанине и Октаву, о судьбе которых не переставала думать. В состоянии глубокой скорби она легла на деревянную скамью, положив под голову руку вместо подушки, и через несколько секунд уже крепко спала.

Валь-Жальбер, тот же день

Киона сидела на большой кровати, глядя своими янтарными глазами в темные глаза своего отца, покрасневшие от слез. Жослин держал ее за руку, дрожа от радости.

— Доченька моя, я так плакал вчера! Ты всех нас напугала! Если бы ты только видела, что здесь вчера творилось! Лора даже хотела отправить Шарлотту в Монреаль за маслом святого Иосифа. Луи был в отчаянии, Мукки и девочки тоже.

— Мне очень жаль, папа, — устало ответила девочка. — Я не виновата, что так вышло.

— Разумеется, не виновата! Сейчас тебе намного лучше: Господь услышал наши молитвы! Подумать только, еще вчера вечером здесь был доктор, он собирался увезти тебя в больницу в Роберваль! Но ты открыла глаза и улыбнулась мне! И сразу попросила есть.

— Я очень проголодалась, папа.

— Еще бы не проголодалась — столько дней не ела! Не знаю точно сколько, но мне они показались нескончаемыми.

Жослин погладил золотистые кудри девочки. Он был счастлив.

— Теперь отдыхай и набирайся сил, — ласково сказал он.

— Да, я еще чувствую усталость.

Лора вошла в комнату с широкой улыбкой на лице. Она несла поднос, который казался очень тяжелым.

— Мирей напекла оладий, я принесла теплый компот. Месье Потвен,

фермер, продал нам молока. Я его подогрела и подсластила кленовым сиропом. Это очень вкусно, Киона!

— Спасибо, Лора! — произнесла девочка. — Вы все такие добрые. Мне очень жаль, что я вас напугала.

— И не говори! Я сроду столько не молилась в своей жизни! Знаешь ли ты, дитя мое, что я люблю тебя всем сердцем?

— Да, я это знаю, — подтвердила странная девочка вполголоса.

— Сейчас не время болтать, — отрезал Жослин, тем не менее растроганный неожиданным признанием своей супруги. — Ей нужно поесть. Киона, хочешь я позову детей? Они составят тебе компанию.

— Пока не нужно, — возразила она. — Лучше пусть приходят к ужину.

Лора и Жослин удивленно переглянулись. Киона разговаривала и вела себя как подросток, если не сказать, как взрослая. У нее был серьезный и удрученный вид, которого они никогда прежде за ней не замечали. Зато Акали сразу узнала бы это выражение лица, поскольку Киона становилась такой в пансионе, когда ей приходилось противостоять жестокости сестер и брата Марселлена, одновременно пытаюсь утешить самых несчастных из индейских детей.

Не решаясь ее расспрашивать, они сидели молча, пока она ела. Если их и мучили определенные вопросы, они избегали их задавать. Но обмануть Киону было сложно, если не сказать, что невозможно. Она считывала их эмоции, ощущая и нетерпение, и нервозность.

— Мой брат Тошан был в опасности, но теперь он спасен, — заявила она, отпив глоток молока. — То есть я думаю, что он спасен, раз я проснулась.

Это было сильнее Лоры. Она перекрестилась и схватила руку девочки, словно желая пропитаться ее невинностью и величием и таинством ее души.

— Я уверена, что это ты его спасла, Киона.

— О нет! У меня нет такой силы. Но Господь может все, и он слышит молитвы.

Сраженный лучезарным, хотя и несколько отчужденным видом своего ребенка, Жослин прижался лбом к постели в позе кающегося грешника. Он не понимал, почему от их с Талой плоти родился человек, наделенный такой мистической силой. Хватило всего нескольких объятий при лунном свете внутри круга из белых камней, выложенного прекрасной индианкой, чтобы появилась Киона: высшее существо, фея или ангел — никто не мог точно сказать.

— Папа, не плачь, — забеспокоилась девочка. — Я чувствую себя хорошо, и оладьи Мирей очень вкусные.

— Я не плачу, — ответил он, поднимая голову. — Я благодарю Господа, что он сделал мне такой подарок, подарив тебе жизнь.

Лора невольно ощутила укол ревности: подобное заявление, казалось, исключало из сердца ее мужа Эрмину, а главное, Луи. Однако она ничего не сказала. В глубине души она думала точно так же.

Больница Сент-Андре, Бордо, вторник, 23 марта 1943 года

Эрмина бросила взгляд на часы. Было шесть часов утра, и жизнь в больнице Сент-Андре уже была ключом. По палате ходили сестры. Одни приносили чашки с травяным чаем или цикорием, другие выносили мусорные ведра, которые следовало опустошать каждое утро.

«Тошан, умоляю тебя, открой глаза! — молча молилась его жена. — У тебя небольшой жар, ты еще с трудом дышишь, но ты жив!»

Ей так хотелось, чтобы он скорее очнулся, что это выводило ее из себя. Несколько раз ночью она гладила его лоб и щеки и тихо разговаривала с ним, чтобы не тревожить других больных.

— Если возникнет инфекционное осложнение, ваш муж обречен, — упорно повторяла медсестра, осматривая Тошана. — Мы даже не сможем дать ему пенициллин, который некоторые больницы используют сегодня в терапевтических целях^[71]. У нас его, к сожалению, нет! Следите за его температурой. Вы знаете, что мы даем ему болеутоляющие средства, иначе он сильно страдал бы. Этим объясняется его продолжительный сон. Все же будьте бдительны.

Эрмина неукоснительно следовала этим указаниям в надежде скорее заговорить с Тошаном, услышать его голос. Но это не мешало ей помогать сестрам, которые с радостью приняли ее помощь. В белом халате, убрав светлые волосы под платок, она выполняла все, о чем ее просили.

Ее улыбка и плавные движения, а также мелодичный голос действовали на больных успокаивающе. Эрмина уделяла много внимания белокурой девочке, которой удалили аппендикс. Никто ее не навещал, поскольку семьи у нее не было, после выздоровления она должна была вернуться в приют. «Я не понаслышке знаю, каково это — жить без родителей. Но мне повезло, я обрела их! Боже мой, когда я вернусь в Квебек, буду заботиться о маме и папе изо всех сил, а также о своих детях».

Все утро Эрмина посвящала пациентам. Она могла одновременно

наблюдать и за Тошаном, поскольку работала в той палате, где он лежал. Ближе к полудню, когда она кормила сироту бульоном, ее позвала монахиня:

— Мадам, идите скорее сюда! Ваш муж...

Эрмина бросилась к нему с бешено бьющимся сердцем. Тут же она увидела, что Тошан открыл глаза. Ее охватил нелепый страх. «Как он отреагирует, увидев меня рядом? — подумала она. — Вдруг он меня оттолкнет?»

Этого она опасалась в душе почти неосознанно. Но монахиня подбодрила ее:

— Скажите ему что-нибудь, пусть он услышит знакомый голос.

— Тошан! Тошан, это я, твоя Мина, — выдохнула она.

Он смотрел в потолок с отрешенным видом. Она взяла его руку и стиснула пальцы. Тогда он взглянул на нее, не поворачивая головы.

— О! Тошан, наконец-то мы вместе! — Эрмина была готова разрыдаться. — Ничего не бойся, ты в больнице Сент-Андре в Бордо. И я рядом с тобой. Разве это не чудо?

Он попытался ответить, но не смог. Сестра дала ему немного воды с ложки.

— Месье? Как вы себя чувствуете?

— Тошан, милый, поговори с нами! Тебе больно?

— Нет, — смог выговорить он.

Охваченная радостью, Эрмина наклонилась к нему и поцеловала. Она ликовала, освободившись от невероятной тяжести на сердце.

— Ты спасен, хвала Господу! — пробормотала она, не в силах сдержать рыдания.

Монахиня пошла за врачом. Эрмина, не решавшаяся говорить нежные слова в ее присутствии, этим воспользовалась.

— Любимый мой, милый, родной! Я так боялась тебя потерять! Ты видишь меня, это я, твоя Мина! Я приехала во Францию, ты, наверное, удивлен... Я объясню тебе, как я это сделала и зачем.

Что-то удерживало ее от упоминания имени импресарио даже вполголоса.

— Я рядом с тобой уже два дня. Тебя прооперировали. Теперь ты поправишься, любовь моя!

Взволнованная, она вспомнила, как ухаживала за ним эти два дня, следуя советам медсестры, снижала его жар, поила и проверяла состояние повязок.

— Тошан, скажи мне одно слово, всего одно слово, — взмолилась она.

Он смотрел на нее, и в его темных глазах, постепенно обретавших былой блеск, она не видела никакой радости от встречи с ней, никакой нежности в ее адрес.

— Ты не должна была этого делать, — с трудом произнес он неуверенным голосом.

— Чего именно, милый?

Красавец метис казался обессиленным. Он на секунду закрыл глаза, словно боролся со сном, затем моргнул и снова взглянул на нее.

— Твое место было там, дома, не здесь, — выговорил он, сделав над собой нечеловеческое усилие.

— Но я так хотела увидеть тебя, встретиться с тобой! Мне тебя не хватало, и... Нет, мы поговорим об этом позже, когда ты поправишься.

Тошан кивнул. Отодвинув штору, к ним подошел врач. Эрмина присутствовала при осмотре, счастливая и слегка разочарованная.

«Он сейчас немного не в себе, — пытаюсь успокоиться, думала она. — Должно быть, он испытал шок, узнав, что я здесь, во Франции. Он поймет, когда я ему все объясню».

Она пообещала себе рассказать ему о роли, которую сыграл в этом деле Дюплесси. Никогда бы она не покинула Квебек, если бы импресарио так не настаивал, намекая, что это касается ее мужа.

«Конечно, сейчас он в полном замешательстве, к тому же очень слаб. Я не должна терять голову и обижаться». Несмотря ни на что, она чувствовала себя отвергнутой мужчиной, которого любила всем своим существом. Врач выглядел довольным. Он улыбнулся ей.

— Ваш муж пришел в сознание — это хороший знак! Операция прошла успешно. Но будьте осторожны, его следует щадить. Не заставляйте его разговаривать. А вы, месье, старайтесь меньше двигаться, чтобы избежать малейшего риска кровотечения.

Тошан молча моргнул, не разжимая губ и даже не взглянув на Эрмину. Она все же заняла место у его постели и, как только они остались одни, ласково сказала:

— Тебе надо выздоравливать. А я буду с тобой разговаривать, милый. Наверняка ты хочешь знать новости о наших детях и о семье. Представляю, что ты сейчас чувствуешь. Не переживай, если мы пока не сможем общаться как раньше. Я так люблю тебя, Тошан!

С этими словами она взяла его за руку. Он заснул.

В течение шести дней их отношения ограничивались парой простых фраз, помимо рассказов Эрмины об успехах Мукки в арифметике,

способностей Лоранс к рисованию и глупостях, совершаемых Мари-Нуттой. Тошан, казалось, слушал, но часто жестом руки просил ее замолчать.

Медсестра повторяла Эрмине, что ее мужу дают большие дозы обезболивающих препаратов, которые поддерживают в нем состояние дремоты, но это способствует его выздоровлению. Эрмине ничего не оставалось, как смириться и запастись терпением. Она продолжала работать в палате и на верхнем этаже как из желания оказать услугу, так и для того, чтобы отвлечься. Некоторые мысли ее пугали. «А вдруг Тошан меня больше не любит? Он часто бывал жестким и непреклонным со мной, когда я его разочаровывала. Возможно, он очень сердится на меня за то, что я приехала во Францию и оставила детей. А что, если он влюбился в ту еврейскую женщину?»

Подметая линолеум в коридоре или ополаскивая посуду, она пыталась дословно вспомнить, что сказал ей Дюплесси, встретив ее в Париже. «Он говорил мне, что Тошан был ранен, и его выхаживают люди, кажется, в Дордони. Но где он встретил эту женщину? Какой она была? Возможно, очень красивой, красивее, чем я. Они спали в одной постели...»

Последний вопрос терзал ее больше, чем она хотела себе в этом признаться. Только ее муж был в состоянии развеять ее подозрения, но интуиция ей подсказывала, что он избегает этого разговора. В следующую секунду эти мысли уже казались ей нелепыми. «Тошан был тяжело ранен в легкие. Это настоящее чудо, что он остался жив, что я нашла его и что ему сделали здесь операцию. Я должна благодарить Бога и перестать воображать невесть что».

Однако чем больше проходило времени, тем больше она боялась наступления того дня, когда Тошан ответит на ее вопросы.

В понедельник, 29 марта, директор больницы через одну из сестер попросил зайти к нему Эрмину. Пройдя по бесконечному лабиринту коридоров, она вошла в элегантно обставленный кабинет, мебель и картины которого датировались прошлым веком. Там находились двое мужчин — один в сером костюме и черном галстуке, лысый и довольно высокий, второй поменьше ростом, но крепко сбитый, в бежевом плаще и фетровой шляпе. На секунду она испугалась, решив, что имеет дело с полицейским.

— Присаживайтесь, мадам, — сказал высокий лысый мужчина. — Позвольте представиться: Робер Боваль. Я руковожу этим учреждением. А это полковник Демаре, из ВСРА^[72] — секретных служб «Свободной Франции». Не удивляйтесь, что я не боюсь раскрывать его личность,

поскольку ваш супруг, лейтенант Дельбо, находится в этой больнице, и для меня это большая честь. Полковник Демаре должен проследить за вашим возвращением в Канаду. Судно-госпиталь «Канада» отплывает из Бордо послезавтра. Вас доставят туда вечером. У вас с мужем будет отдельная каюта.

Пораженная, Эрмина несколько секунд молчала, затем принялась горячо благодарить директора:

— Какая замечательная новость, месье! Как вам выразить мою благодарность? И вас тоже, полковник, я благодарю, но хочу уточнить, что я не знала, чем конкретно занимается мой муж. Я приехала во Францию только в начале месяца.

— Я в курсе благодаря Октаву Дюплесси, — ответил сотрудник секретных служб. — Вы сыграли важную роль в Париже, мадам. Вам это может показаться ничтожно малым, но иногда в подобной борьбе приходится использовать иное оружие, не только тяжелую артиллерию. Пока вы пели для некоторых высших чинов немецкой армии, «воины тени» могли печатать листовки или переправлять еврейские семьи практически под их носом, в подвале кабаре, где вы выступали. Кстати, Дюплесси слишком любил рисковать: он следовал своему вдохновению, что не всегда было разумно.

— Значит, он мне не солгал! Я служила просто для того, чтобы отвлечь оккупантов.

— Можно и так сказать.

Оба мужчины украдкой любовались ею. В белом халате, с волосами, собранными в хвост, она совершенно не задумывалась о своем внешнем виде и о своей притягательности. Однако в сумраке комнаты она вся сияла, с молочного цвета кожей, розовыми губами и лазурным взглядом.

— Не могли бы вы рассказать мне, что произошло в Монпоне? — продолжил военный. — Мы знаем, что Ксавье Дюбуа проговорился под пытками, и предполагаем, что после этого он был депортирован. Но след Дюплесси, одного из наших лучших людей, потерялся. Почему вы приехали в Монпон?

Глубоко взволнованная, она в деталях рассказала об их побеге из Парижа, но запнулась, когда настал момент объяснить, как они узнали, что Тошан находился в Монпоне.

— Октав получил информацию, — солгала она, понимая, что будет выглядеть нелепо, рассказывая о даре ясновидения Кионы.

— Да, разумеется, — вздохнул Демаре. — Люди, скрывавшие вашего супруга и лечившие его, принадлежали к небольшой подпольной

организации. Я имею все основания полагать, что еврейской женщиной, убитой в Монпоне, была Симона Штернберг, муж которой работал врачом в Париже, перед тем как, по всей видимости, был депортирован.

Эрмина быстро поведала о трагической развязке их побега. Ее голос дрожал, когда она описывала, как полицейские избивали Жанину и Дюплесси.

— Спасибо, мадам, — без видимого волнения отрезал полковник. — Совсем скоро вы и ваш муж отплывете на родину. До этого дня прошу вас не покидать больницу ни под каким предлогом. Сестры достанут вам одежду. Вас разыскивает милиция. Дюплесси не проговорится, в этом я уверен, но его спутница может назвать имена.

Во время разговора директор нервно барабанил пальцами по полированной поверхности своего стола. Роже Боваль жил в постоянном ожидании ареста. Через его учреждение прошло огромное количество раненых и сбежавших из французских лагерей пленных.

— Желаю вам хорошо добраться до дому, дорогая мадам, — подвел итог полковник Демаре. — Учитывая тяжесть состояния лейтенанта Дельбо, он освобожден от своих обязанностей. В Канаде он сможет ходатайствовать об административной должности в армии. Мы за этим проследим.

Оробевшая Эрмина молча кивнула. Эти «воины тени», как их называли, поражали ее своей смелостью и самопожертвованием.

— Говорят, вы великая артистка, оперная певица, — сказал ей директор больницы. — Сожалею, что не могу насладиться вашим пением. Это было бы слишком рискованно, учитывая ситуацию. Эсэсовцы регулярно являются сюда проверять личность наших пациентов. Но не тревожьтесь, я ручаюсь за вашу безопасность и безопасность вашего супруга.

Они еще некоторое время обсуждали подробности предстоящего отъезда. Эрмина потеряла нить разговора, одержимая только что услышанным именем: Симона. Она всем сердцем жалела несчастную и ее сына, но воображение распалось вокруг этого необычного имени, и Симона предстала перед ней красивой и героической женщиной, наделенной тысячей достоинств.

Это не продлилось долго. Как только она вернулась в палату, где лежал недвижимый Тошан, этот крошечный червячок ревности перестал ее донимать. «Мы возвращаемся домой. То, о чем я так долго мечтала, вот-вот сбудется! Я увезу своего любимого мужа в Лак-Сен-Жан, а там мы забудем о войне. Мы будем любить друг друга как раньше, и даже сильнее, чем

раньше».

В коридоре она встретила молодую монахиню, с которой успела подружиться, сестру Женевьеву.

— Сестра, какая радость! Мы возвращаемся на родину, в Канаду. Скажите, я могу позвонить своим родителям, чтобы успокоить их и предупредить о нашем приезде?

— Конечно, пойдемте. В секретариате на втором этаже есть телефон. Только говорите быстро и никаких подробностей — таково правило.

Лора, завтракавшая в гостиной, проворно вскочила со своего места, когда металлический звонок телефона разорвал утреннюю тишину. Часы показывали восемь часов. Она чуть не лишилась чувств от радости, услышав в трубке голос Эрмины.

— Мама! Мы будем дома через три или четыре недели, — сказала ее дочь. — Я позвоню тебе из Квебека. Главное, скажи об этом детям.

И все. Эрмина повесила трубку. Мирей пришла за новостями, заинтригованная ранним звонком.

— Мадам, надеюсь, ничего серьезного? Вы так побледнели!

— Это Мимина. Она возвращается! И вместе с Тошаном, как я поняла. Похоже, ей было некогда, но она сказала: «Мы будем дома», а потом: «Главное, скажи детям». Думаю, она не могла свободно говорить. Господи, Мирей, я так счастлива! Пойду расскажу новость Жослину.

— А я испеку вам сладкий пирог! А вечером, мадам, нужно будет открыть бутылочку сидра!

— Делай как знаешь, — ответила Лора, которая была уже на середине лестницы.

Ее охватило невероятное счастье. Эрмина возвращается со своим мужем, а это значит, что все встанет на свои места, тревога исчезнет, и все они смогут свободно дышать и спокойно спать. Войдя в свою спальню, она раздвинула шторы. Киона тут же проснулась. Теперь у девочки была своя кровать неподалеку от двуспальной кровати супругов. Жослин предпочитал знать, что она рядом.

— Что случилось, Лора? — спросила Киона, потирая глаза.

— Да, что это еще за суматоха? — проворчал Жослин, наполовину зарывшись под одеяла.

— Эрмина и Тошан возвращаются домой, — ответила Лора, дрожа от возбуждения. — Она мне позвонила! Они спасены, оба! Я вся измучилась от тревоги за них!

Губы Кионы тронула легкая улыбка. Она зевнула и потянулась, прежде

чем встать с постели.

— Сегодня утром я возвращаюсь на занятия, — решила она. — Я больше не чувствую себя усталой. Папа, я могу пойти и рассказать новость Мукки и близняшкам?

— Рассказать о чем? О том, что тебе стало лучше?

— Да нет, про Эрмину с Тошаном, — засмеялась девочка.

Лора заметила, что Киона снова вела себя соответственно своему возрасту. Ей больше нравилось видеть ее такой — лукавой и веселой.

— Конечно, беги, — ответила она, не дожидаясь ответа своего мужа. — Сегодня у нас праздник.

Глава 22

Потрясение

Порт Бордо, четверг, 1 апреля 1943 года

Эрмина удостоверилась, что Тошан с комфортом размещен в каюте корабля-госпиталя. Медсестра из больницы Сент-Андре сделала ему укол обезболивающего за полчаса до посадки на борт, и сейчас он спал.

— Отдыхай, любовь моя. Я пойду подышу на палубу.

Она знала, что он не слышит, но желание общаться с ним было сильнее ее, словно этот красивый мужчина с восковым цветом лица, неподвижно лежащий на койке, был таким же, как прежде. «Я тешу себя иллюзиями, — подумала она, выходя в узкий коридор с дюжиной дверей, расположенных друг напротив друга. — С каждым днем становится только хуже. Он со мной даже не разговаривает!»

Это началось в понедельник утром, когда она бросилась к нему, после того как коротким звонком предупредила своих родителей, что они возвращаются в Квебек. «Я была так счастлива! — вспоминала она. — Подойдя к шторке, закрывающей его кровать, я услышала разговор. Бог мой! Тошан говорил твердым, звонким голосом. Он спрашивал у медсестры, когда он сможет встать!»

Одно только воспоминание об этом тягостном для нее моменте заставило ее вздрогнуть от глухого гнева. Она снова увидела себя, отдергивающую шторку с грустной улыбкой на губах. «Я сказала ему: “Замечательно, милый, наконец-то ты можешь говорить!”»

Эрмина поднялась по нескольким железным ступенькам и тут же ощутила свежий ветер, обдувающий эстуарий Жиронды.

«И тут он отвернулся и больше не произнес ни слова. Он избегал моего взгляда весь остаток дня. Почему он это делает? Почему? Я не понимаю!»

Она наконец очутилась на палубе и, несмотря на гнетущую тревогу, не смогла не восхититься окружающим пейзажем. Отплытие судна, изначально назначенное на вчерашний день, было задержано на несколько часов, и теперь оно должно было сняться с якоря лишь на рассвете. Это позволяло Эрмине любоваться нежно-розовым, почти сиреневым небом,

усеянным мириадами ярких маленьких облачков, отражающихся в темной колышущейся воде.

Белые чайки летали вдоль берега, и Эрмина вспомнила чаек Лак-Сен-Жана, такого далекого... Она не знала, сколько времени продлится их плавание. Сестра Женевьева накануне рассказала ей, что огромное грузовое судно скрывало в своем чреве английских офицеров, которых предстояло вернуть на родину, в Великобританию, а также раненых американских и канадских солдат.

— Я буду молиться, — сказала монахиня, — чтобы Господь взял вас под свою святую защиту и вернул в целостности и сохранности на вашу родину.

Эрмина поняла намек. Она навела справки, пока была в больнице. Корабль мог стать мишенью для вражеских бомбардировщиков или подводных лодок, как это недавно случилось с пассажирским судном «Эмпресс оф Канада», затонувшим в районе Фритауна, в Южной Африке, и унесшим с собой жизни четырехсот пассажиров.

Облокотившись на леер, она смотрела на воду, не желая поддаваться страху и убеждая себя, что это долгое путешествие пройдет спокойно, что она вновь увидит свою родную землю, своих детей и всех дорогих ее сердцу людей.

«Прощай, Франция! — с грустью подумала она. — Как жаль, что я узнала эту страну в таких условиях, в разгар жестокой войны!»

Перед ее глазами вперемешку возникли парижские улицы, набережные Сены с ее букинистическими лавками, башни Нотр-Дама, а также картинки французской сельской местности: поля, окаймленные рядами деревьев, луга нежно-зеленого цвета и тихие деревни под ясным весенним небом, через которые они проезжали во время своего бегства.

Рядом с ней, обнявшись, стояла пара. Довольно пожилой мужчина объяснял своей спутнице, что эстуарий Жиронды тянется до Атлантического океана.

— Прилив поднимается сюда, до Бордо, и даже до Либурна, — говорил он. — Капитан воспользуется отливом, чтобы выиграть в скорости. Бояться нечего, скоро мы будем в безопасности.

Эрмине захотелось плакать. Ей бы так хотелось тоже прижаться к Тошану и встретить неизвестность под его защитой. «Как бы я была счастлива, если бы он разговаривал со мной так же нежно!» Поведение мужа пугало ее больше всех угроз, нависших над судном и его пассажирами. Она спрашивала себя со сжавшимся сердцем, что скрывается за его молчаливостью и холодностью.

— Мне кажется, мы отплываем, — боязливо произнесла женщина.

Она была права. Огромный корабль завибрировал, и гул его моторов разорвал утреннюю тишину. Палуба задрожала. Эрмина, которую уже начала беспокоить качка, вцепилась руками в леер и на секунду закрыла глаза. Сестра Женевьева посоветовала ей всегда смотреть на линию горизонта, чтобы побороть морскую болезнь. «Я буду это делать, моя дорогая сестра, — подумала она. — Даже если в каюте моим горизонтом будет жесткий взгляд мужа и я не смогу избежать боли, которую он вот-вот мне причинит».

С трудом сдерживая слезы, Эрмина постаралась взять себя в руки. Врач, осматривавший Тошана утром и вечером, отвел ее в сторонку.

— Наберитесь терпения. Ваш супруг перенес серьезное ранение, и его ослабленное состояние влияет на его характер. Не торопите его. Война оставляет ужасные шрамы в душе.

«Я слишком нетерпелива, — упрекнула она себя, — и наивна, раз представляла, что мы упадем в объятия друг другу, умирая от счастья, что мы наконец-то вместе. Все встанет на свои места, но позже, у нас дома, в Лак-Сен-Жане».

Валь-Жальбер, суббота, 3 апреля 1943 года

Андреа Дамасс была как на иголках. День свадьбы приближался семимильными шагами, и в эту субботу одна из подруг должна была привезти в Валь-Жальбер ее крестницу Алисию. Учительница встала на рассвете, чтобы убедиться, что в ее классе чисто и прибрано.

«Парты натерты до блеска, черная доска безусловно чистая, чернильницы наполнены...» — перечисляла она про себя, расхаживая по комнате, которая раньше была кабинетом Лоры Шарден.

В комнату, насмешливо улыбаясь, вошла Мирей.

— Мадемуазель, ваш кофе подан в столовую. Боже милосердный, такое ощущение, что вы ждете премьер-министра!

— Розанна многое значит для меня, — ответила учительница, явно задетая за живое. — Я хочу показать ей, что у меня приличное место и что я серьезно отношусь к своим обязанностям. Это образованная женщина, и ее мнение важно для меня.

— Вы ей также представите своего будущего мужа? — подтрунивала экономка.

— А как же! Мадам была так добра, что организовала ужин в честь моей подруги и крестницы. Жозеф приглашен, разумеется.

— Кому, как не мне, это знать! Я уже час торчу у плиты, чтобы подать достойный обед, несмотря на нехватку продуктов.

— Я вам очень признательна, — с достоинством ответила учительница, подчеркивая свою правильную речь, как делала всякий раз, когда Мирей отпускала какое-нибудь просторечное выражение.

После этого не очень любезного диалога они расстались. Со вчерашнего дня между облаками стало проглядывать солнце, и снег искрился, переливаясь золотистыми, сказочно красивыми оттенками. Весна неотвратимо приближалась, и это тревожило Андреа. После стольких лет одинокой жизни она окажется в постели Жозефа Маруа, и брачная ночь пугала ее и одновременно манила.

На смену Мирей в класс ворвалась Лора. Как всегда, очень элегантная, она пробежалась по комнате.

— Как вы думаете, вашей подруге Розанне понравится моя идея?

— Какая идея, мадам? — недоумевающе переспросила Андреа.

— О чем вы вообще думаете? Моя идея открыть настоящую частную школу! Сейчас к нам добавился Ламбер Лапуэнт, и я знаю, что он доставляет вам немало хлопот. Что вы хотите, Онезим — славный мальчик, но его жена Иветта славится своим дурным характером, который и унаследовал Ламбер. А теперь у вас будет еще одна ученица, Алисия. Иногда я подумываю о том, чтобы открыть частную школу в Робервале. Вы будете в ней директрисой.

— О! Мадам, это очень лестно, но, когда я выйду замуж, мне придется посвящать себя своей семье!

— Тем хуже, найду кого-нибудь другого. К тому же Жо наверняка сделает вам ребенка через год!

Грубость этого высказывания и едва уловимое презрение в голосе Лоры оскорбили Андреа до глубины души. Она отвернулась, чтобы закрыть на ключ застекленный шкаф, служивший библиотекой.

— Один Господь знает, что нас ждет, мадам, — осмелилась ответить она.

— Согласна. Я сама не надеялась стать матерью в сорок лет. Мой малыш Луи — настоящий подарок Небес!

Андреа Дамасс вежливо кивнула. Лора Шарден была поистине непредсказуема, на одном дыхании выдавая то холод и суровость, то тепло и мягкость. А то, как она выглядела в свои почти пятьдесят лет, было сродни чуду. По-прежнему стройная, с гладкой кожей, в ореоле своих искусственных кудряшек такого же искусственно-платинового цвета, она, тем не менее, не слишком злоупотребляла макияжем. Ее светлые глаза, не

такие красивые, как у Эрмины, но прозрачные, словно родниковая вода, сохранили блеск юности.

— Ну что ж, до скорой встречи, мадемуазель! Я пью чай в гостиной.

Растерянная учительница поправила очки и неуверенной рукой проверила, не растрепался ли ее пучок на голове. К свадьбе она попыталась сбросить несколько килограммов, но тщетно. «Ну и пусть! Жозеф постоянно твердит мне, что я ему нравлюсь такая. Это самое главное!» — утешила она себя.

Два часа спустя все домочадцы столпились внизу, поджидая приезда гостей. Стремясь произвести хорошее впечатление, Мукки с сестрами надели свою выходную одежду. На Мадлен было неизменное серое платье с белым воротником, но выстиранное и выглаженное накануне. Акали обновила темно-синюю юбку и белую кофточку, связанную няней, которую она действительно считала своей второй мамой.

Киона, на вид полностью восстановившаяся, больше не лежала в постели. Верная народу монтанье, она носила свою индейскую одежду, украшенную разноцветным бисером и бахромой. Ни за что на свете она не нарядилась бы в платье и лаковые туфли! Сегодня она также заплела короткие косички, украшенные перьями. Это забавляло Жослина, который, радуясь, что она здорова и полна энергии, не противился ни одному ее желанию.

— Вон они! — внезапно воскликнула Мари-Нутта. — Я вижу в окно грузовик Онезима.

Их сосед по-прежнему выполнял функции водителя. На этот раз он отправился за гостями на станцию Шамбор-Жонксьон.

Лоранс и Мукки бросились в коридор вслед за Мари-Нуттой, всегда более быстрой и дерзкой.

— Дети, вернитесь сюда! — крикнула Лора. — Не вам встречать гостей.

Они тут же вернулись, не желая досаждать бабушке. Луи, с шелковистыми волосами, в костюме из серого бархата и с бабочкой на шее, даже не двинулся с софы по той простой причине, что Киона сидела рядом с ним.

— Идемте, мадам, встретим их вместе, — предложила Андреа.

После суровой нескончаемой зимы в сугубо семейном кругу Лора с ликованием ждала незнакомок, предвкушая их восхищение ее роскошным домом. Она открыла дверь с широкой улыбкой и сделала три шага по тщательно выметенному крыльцу.

— Здравствуйте, мадам, здравствуйте, мадемуазель! Добро пожаловать

в Валь-Жальбер!

Женщина ее возраста, темноволосая, со светлыми глазами и красивой улыбкой на приятном лице, протянула ей руку. Взволнованная Андреа представила их друг другу:

— Моя милая Розанна, это мадам Шарден, хозяйка дома! А это моя маленькая Алисия, отличница, увлекается литературой.

— Здравствуйте, крестная, — тихо произнесла девочка тринадцати с половиной лет, невысокая и грациозная.

Учительница ласково поцеловала свою крестницу под приветливым взглядом Лоры, которой Алисия явно понравилась. Она казалась скромной и хорошо воспитанной. Ее русые волосы были стянуты в хвост, а большие голубые глаза с длинными ресницами озаряли лицо с тонкими и нежными чертами.

— Вы хорошо доехали? — спросила Андреа.

— Да, и пейзаж чудесный, благодарая выглянувшему солнцу, — подтвердила Розанна.

— Входите, прошу вас, — добавила Лора, обнимая Алисию за плечи. — Мы вас очень ждали!

Их продолжили представлять остальным домочадцам посреди гостиной, гармоничная обстановка и изысканный стиль которой произвели сильное впечатление на прибывших. Обилие изящных вещиц, мебели с маркетри^[73] и зеркалами, великолепие люстры с хрустальными подвесками, роскошные шторы из вощеного ситца — ничто не ускользнуло от глаз Алисии. Она не могла поверить, что будет жить в таком красивом доме несколько дней. Розанне убранство показалось несколько чрезмерным, но она не подала виду.

— Алисия, — громко произнесла Лора, — это мой сын Луи. Очаровательная девочка, которая с тобой здороваается, — это Акали, ее воспитывает Мадлен, родственница моего зятя. А вот мои внуки: Лоранс, Мари-Нутта и Мукки. Не удивляйся, что эти двое носят индейские имена. Они сами так решили, поскольку их отец из рода монтанье, Тошан Клеман Дельбо, прославившийся своим героизмом по ту сторону Атлантического океана, если я правильно поняла. Так ведь, Жосс?

— Мы узнаем об этом больше, когда наша дочь с мужем вернутся сюда. Мы очень за них боялись, но теперь они возвращаются домой морем.

Разговор тут же переключился на войну — главную тему в течение последних трех лет. В эту минуту Киона решила сама представиться Алисии, поскольку Лора забыла это сделать.

— Здравствуй, меня зовут Киона. Я тоже из этой семьи, — сказала она,

не вдаваясь в детали. — Надеюсь, тебе у нас понравится. Твоя крестная — замечательная учительница!

Эта маленькая речь, произнесенная уверенным и любезным тоном, удивила Розанну. Она явно пребывала в недоумении, прикинув возраст девочки.

— Не ломайте себе голову! — рассмеялся Жослин, гордясь своим чадом. — Киона у нас особенный ребенок.

Мукки не сводил глаз с Алисии. Довольно рослый для своих десяти лет, он был на пару сантиметров выше очаровательной девочки и сразу решил ее завоевать.

— Мадемуазель Дамасс, вы позволите показать Алисии наш класс? — почтительно спросил он.

Андреа некоторое время колебалась, но, видя, какой радушный прием оказали ее крестнице, согласилась, добавив:

— Мы скоро к вам присоединимся. Моя милая Розанна, у меня здесь есть все необходимое, и это настоящее удовольствие — обучать моих учеников в таких условиях.

Разумеется, близняшки, Киона и Акали отправились вслед за Алисией и Мукки. Последний, конечно, предпочел бы остаться с ней наедине, но ему пришлось смириться. Маленькая ватага вышла в коридор в ту самую секунду, когда Мирей открыла дверь Жозефу Маруа и его дочери Мари.

— Здравствуйте, месье Жозеф! — звонко крикнула Лоранс, позабыв о своей обычной сдержанности. — Мари может пойти с нами? Мы показываем классную комнату Алисии.

Андреа много рассказывала своему жениху о крестнице. Жозеф, тоже празднично одетый, поприветствовал будущую подружку своей невесты широкой улыбкой.

— Конечно, Мари, иди с ними, — добродушно сказал он. — Здравствуй, Алисия! Рад наконец с тобой познакомиться.

Бывший рабочий так старался произвести хорошее впечатление, что Мирей была растрогана. Она дружески похлопала его по спине.

— Идите скорее к своей невесте, месье Жозеф. Боже милосердный, вам как будто снова тридцать шесть! От вас так хорошо пахнет!

— Мне немного не по себе, — тихо признался он. — Но Андреа хочет, чтобы я ей соответствовал, поэтому...

— Вы великолепны, — заверила его гувернантка.

Порозовев от волнения, учительница направилась навстречу Жозефу. Розанна успокоилась при виде этого высокого мужчины с гордой осанкой и еще не седыми усами, энергично пожавшего ей руку. Несмотря на

приближающееся шестидесятилетие, он сохранил все зубы, имел мало морщин и, без сомнений, в юности был очень красивым.

Обед начался в самой приятной атмосфере. Мирей расстаралась на славу. Сначала она подала картофельный салат с кусочками копченой рыбы, по любимому рецепту Лоры, напомиравшему ей родную Бельгию. Затем экономка торжественно внесла огромный парующий мясной пирог с золотистой корочкой.

— Благодаря месье Жозефу и нашим славным соседям я положила сюда зайчатину и курятину. В Валь-Жальбере мы не голодаем. Конечно, как и всем, нам сложно достать сахарный песок и муку. Зато война не может помешать кленовому соку стекать по стволам, а лесным зверюшкам размножаться. Из-за дефицита сливочного масла я добавляю в тесто топленое свиное сало. Один фермер в окрестностях разводит свиней. К счастью, овощи у нас свои. С мясом идет красная капуста и жареный лук.

— Нам не нужны все эти подробности, Мирей, — вмешалась Лора, раздраженная болтливостью экономки. — Я знаю, что ты совершаешь невозможное в условиях нынешнего дефицита, но не следует надоедать нашим гостям.

Тем не менее соблазнительный аромат, исходящий от пирога, говорил в пользу поварихи. Алисия своим нежным голоском призналась, что в жизни не ела ничего вкуснее, и Розанна поспешила к ней присоединиться.

— Боюсь, мне будет сложно баловать такими вкусными блюдами Жозефа, — пошутила Андреа. — Я ведь совсем не умею готовить. Моя будущая падчерица Мари и то лучше с этим справляется.

Все посмотрели на десятилетнюю девочку, сдержанную и грустную, сидящую на краю стола с остальными детьми. Мари Маруа обещала стать красавицей, как ее мать Бетти. Но всегда встревоженное, порой даже будто испуганное лицо делало ее незаметной, несмотря на красивые светлые кудряшки и ярко-вишневые губы.

— Мне важнее иметь образованную и порядочную супругу, чем хорошую кухарку, — заявил Жозеф, немного захмелев, поскольку Жослин принес из погреба вино и пиво.

Лора понимающе улыбнулась, прежде чем вслух пожалеть об отсутствии Шарлотты.

— Мадемуазель Лапуэнт снова отклонила мое приглашение...

— А кто это? — поинтересовалась Розанна, очарованная и заинтригованная этим необычным семейством.

— Сестра того симпатичного колосса, который привез вас со станции. Я считаю Шарлотту своей приемной дочерью, хотя это не оформлено

официально. Она осталась без матери в девятилетнем возрасте. На тот момент девочка почти не видела. Ее отец, опустившийся алкоголик, заботился о ней очень плохо.

Она сделала акцент на последние слова, надеясь быть понятой и не шокировать детей.

— Эрмина, моя старшая дочь, взяла ее под свое крыло, и девочка выросла у нас. Но после Рождества Шарлотта решила жить одна в принадлежащем ей доме, в нашем же городке. И я ее почти не вижу. Правда, ничего не могу сказать, она много работает. Я заказываю ей вязание шарфов, перчаток и носков для наших солдат. Посылки передаются в Красный Крест. Я бы очень хотела вам ее представить — она очаровательная девушка, очень серьезная. Увы! Все еще одинокая!

Повеселев, Киона уткнулась носом в тарелку. Она знала, Шарлотта переживает великую любовь с Людвигом, и сейчас, когда ей больше не нужно было беспокоиться о Тошане, она присматривала за влюбленными, но на расстоянии.

Жозеф счел нужным добавить:

— Шарлотта должна была выйти замуж за моего старшего сына Симона, но он разорвал помолвку и ушел на фронт. Он был убит в сражении за Дьепп.

— Какая трагедия! — вздохнула Розанна. — Мне вас так жаль! Андреа рассказала мне в одном из своих писем, сколько вам пришлось пережить, меся.

— Да, мой сын Арман тоже погиб. Голландское грузовое судно, на котором он работал, было торпедировано немецкой подлодкой, — проворчал он со слезами на глазах. — Попался бы мне хоть один из этих бошей, я бы ему устроил!

Атмосфера за столом утратила былую легкость. К счастью, Мирей принесла десерт.

— Первый сладкий пирог! — воскликнула она. — С черникой из Лак-Сен-Жана! Опять же, война не может помешать людям собирать чернику! Мадам закупила сразу большое количество, и я наварила варенья, закрыла компоты. Угощайтесь, а я пойду за пирогом с патокой и изюмом. Вы знаете его рецепт, мадам?

Она обращалась к Розанне, которая тут же ответила:

— Еще бы! Патока, изюм и сахар. Настоящее объедение!

— Объедение от нашей Мимины, — добавила Мирей с грустным видом. — Так мы называем Эрмину, нашего Соловья из Валь-Жальбера! Ах! Если бы вы только слышали, как она поет! Как утверждают газеты, она

известная оперная певица.

— Эрмина пела в «Фаусте» в Парижской опере, — уточнила Лора. — Да, в марте месяце. Роль Маргариты ей знакома, она выступала с ней в Капитолии в Квебеке. Какой это был вечер! Публика аплодировала стоя.

Алисия ловила каждое слово, мечтая встретиться со знаменитым «соловьем». В классной комнате Мукки тоже нахваливал ей талант и золотой голос своей матери. Вдохновленная таким количеством заманчивых перспектив, девочка позабыла обо всех своих опасениях, связанных с ее предстоящим проживанием в доме Шарденов.

— Предлагаю выпить кофе в гостиной, — сказала Лора. — Настоящего кофе! Я купила его в Нью-Йорке в прошлом месяце.

Жослин покачал головой. Его жена явно решила эпатировать публику, как он частенько повторял, подшучивая над ней. Следовало признать, что ей нелегко давался их уединенный образ жизни в Валь-Жальбере.

Дети решили показать Алисии пони. Казалось, в уютном маленьком мирке городка-призрака все идет замечательно. Этому не суждено было продлиться долго, но даже Киона того не знала.

Атлантический океан, воскресенье, 4 апреля 1943 года

Эрмина терпеливо ждала возле двери своей каюты. У Тошана была медсестра, ежедневно осуществляющая процедуры, прописанные врачом. Сама она заботилась лишь о его комфорте: кормила его, давала пить, но их общение этим и ограничивалось. Метис упорно избегал любых разговоров на личную тему и неохотно отвечал на самые простые вопросы.

«Мы отплыли от английских берегов, провели вместе три дня, но пока ничего не изменилось, — думала Эрмина с тяжелым сердцем и полным хаосом в голове. — А мне твердят одно и то же что на корабле, что в больнице Сент-Андре: “Вашего мужа нужно беречь, он пережил сильный шок, может снова открыться кровотечение...”»

Чувствуя себя на грани срыва, она уже хотела подняться на палубу. На свежем воздухе хотя бы можно полюбоваться великолепием моря, посмотреть на игру дельфинов, иногда плавающих поблизости от корабля. Но медсестра вышла из каюты, прижимая к бедру металлический поднос с разложенными на нем инструментами.

— Месье Дельбо сегодня прекрасно себя чувствует, — с улыбкой сообщила она. — Вы можете войти, мадам.

— Спасибо, — вздохнула Эрмина.

«Войду, и что потом? Я сяду у его кровати в надежде, что он посмотрит на меня, возьмет за руку, улыбнется. Я постоянно делаю движения навстречу, глажу его волосы или лоб, но он закрывает глаза и говорит, что хочет спать».

Несмотря на это, она все-таки вошла и закрыла за собой дверь. Полулежа на приподнятой подушке, Тошан бросил на нее короткий взгляд.

— Погода хорошая? — тихо спросил он.

— Да, небо голубое, ветер слабый, — выпалила она, борясь с поднимающейся в ней волной гнева. — Медсестра сказала, что тебе уже лучше, — это хорошая новость. Мы можем наконец поговорить. Думаю, сейчас самое время.

Тошан отрицательно мотнул головой. Эрмина пристально смотрела на него, в ее взгляде читалось нечто вроде болезненной ненависти.

— Я так больше не могу, — не выдержала она. — Боже мой! В чем ты, в конце концов, меня упрекаешь? Вчера после обеда я в деталях рассказала тебе, почему поехала во Францию: из-за настойчивости Дюплесси, который дал мне понять, что ты в опасности. И ты никак на это не отреагировал! В больнице было то же самое, когда я, не скрывая своего счастья, сообщила тебе, что мы возвращаемся в Квебек и что дети будут тебе безумно рады. Тошан, будь со мной честен: дети что, для тебя уже ничего не значат? Мукки, Лоранс, Мари-Нутта? А меня ты еще любишь? Я не заметила ни единого нежного взгляда в свою сторону, не услышала ни одного приветливого слова!

— Не говори глупости! Мы поговорим об этом в Канаде. Если еще доплывем... У этого корабля есть все шансы подвергнуться бомбардировке, прежде чем мы достигнем Сен-Лорана.

— Какое чудо! — насмешливо сказала она. — Ты не произносил столько слов подряд уже целую неделю. И это все для того, чтобы напугать меня угрозой бомбардировки! Мне плевать на смерть, Тошан, если ты меня больше не любишь.

Он сжал челюсти и с видимым раздражением ответил:

— Зачем разговаривать, если ты маешься дурью? В любом случае ты не поймешь, что я чувствую. И это не имеет никакого отношения к нашей семье и к любви, которую я испытываю к тебе и детям.

— Зато Симона наверняка поняла бы! — выкрикнула Эрмина с гневом и отчаянием.

Она тут же пожалела о своих словах, наткнувшись на мрачный взгляд мужа, в котором была паника. Когда он заговорил, его голос звучал жестко:

— Кто сказал тебе ее имя? Я запрещаю вмешивать ее в наши дела. Она

рухнула на моих глазах с окровавленной спиной, скошенная автоматной очередью, и я не смог ничего сделать! Это была моя миссия — спасти их с сыном. Я не заслуживаю жить, потому что они погибли на моих глазах. Однако я осмеливаюсь цепляться за жизнь...

Сухое рыдание заставило его замолчать. Испуганная Эрмина, пожалев, что вызвала его на разговор, боялась пошелохнуться.

— Я знаю, что меня решили вернуть на родину, — продолжил он. — Но я хотел остаться во Франции и отомстить за Симону, за маленького Натана. Я все время вижу его лежащего рядом со мной на траве на берегу Дордони. Его глаза распахнуты, кажется, он смотрит на небо, приоткрыв рот... Надеюсь, ему не было больно и он не успел ничего понять. Убит наповал вместе с матерью...

Эрмина, дрожа всем телом, села на табурет, прикрученный к полу возле койки Тошана. Она плакала, даже не замечая этого.

— Мерзкое лицо полицейского, кричащего «Juden!», так и стоит перед моими глазами! Увидев, как падает Симона, я поклялся убить этого гада. Но теперь слишком поздно. Он дышит, а они с Натаном гниют в общей могиле.

— Успокойся, — посоветовала она. — Ты дышишь слишком сильно и часто!

— Смерть принесла бы мне облегчение.

Вопреки всякой логике и совершенно неосмотрительно Эрмина задала вопрос, не дававший ей покоя с самого Монпона:

— Ты ведь был влюблен в Симону? Я поднималась в вашу комнату. Вы спали в одной постели...

Это было сказано. В каюте повисла напряженная тишина. Она не решалась взглянуть на мужа, который раздумывал, явно застигнутый врасплох.

«Умоляю тебя, Тошан! — заклинала его она. — Скажи мне скорее, что у вас не было выбора, что вам нужно было выдавать себя за семейную пару! Защищайся, протестуй, быстрее, ради бога!» Но Тошан был не из тех, кто мог лгать в подобных случаях. Он никогда прежде не изменял Эрмине и считал, что будет лучше рассказать ей правду. Нарыв наконец-то прорвется.

— Я не был в нее влюблен. Симона спасла мне жизнь, и у меня был перед ней священный долг. Не знаю, известно ли тебе все, что со мной случилось, в частности, после приземления с парашютом в Дордони.

— В понедельник утром я узнала, что ты был секретным агентом на службе в «Свободной Франции». Это помогло мне лучше во всем разобраться, поскольку даже Октав Дюплесси не хотел посвящать меня в

свои планы и подробности подпольной деятельности. Он тоже был агентом ВСРА. Но все же он сообщил мне, что ты был ранен и тебя выхаживали подпольщики, как раз в Дордони.

Тошан взволнованно кивнул. Эрмина поняла, насколько важным для него было сражение, которое он вел. Она ждала продолжения его рассказа.

— Люди, укрывавшие у себя Симону и ее сына, принесли меня к себе, не веря, что я выживу. Я потерял много крови. Мой парашют застрял в ветвях дуба, и сломанная ветка проткнула пах, возле артерии. Оказалось, что Симона была медсестрой и местным доктором. Она спасла мне жизнь — повторюсь, чтобы ты поняла, почему я поклялся себе спасти ее в свою очередь. Меня спрятали в мансарде, где я провел без сознания несколько дней. Выздоровев, я смог завершить свое задание.

Метис подробно рассказал о нем, упомянув о встречах и нахваливая слаженность действий подпольных организаций французского Сопротивления. Когда он замолчал с пересохшим ртом, Эрмина дала ему попить.

— Ты не ответил на мой вопрос, Тошан.

— Мне кажется, ответил. Я сказал тебе, что не был влюблен в Симону. Я пообещал ей защитить их с ребенком. А потом все закрутилось. Как-то вечером я вернулся в Руффиньяк, чтобы предупредить ее друзей о доносе. Я хотел отвести их в укрытие в лесу, но нагрянули гестаповцы и арестовали их. Чуть позже я вывел из дома Симону и Натана, которые успели спрятаться на чердаке. Мы нашли себе убежище в развалинах на несколько дней. И...

Видя явное смущение своего мужа, Эрмина похолодела. Он разглядывал одеяло на своей кровати, сжимал и разжимал пальцы, опустив голову.

— И?.. — переспросила она. — И что?

— Ты должна понять! Я не был даже уверен, что вернусь домой, что снова увижу тебя. Смерть постоянно бродила рядом, вездесущая... И как-то ночью это случилось.

Эрмине показалось, что ее сердце взорвалось, разлетевшись на тысячу осколков. Задыхаясь, она беззвучно разрыдалась. Тошан продолжил:

— Не суди меня поспешно, Мина! И не плачь. Мужчины часто поддаются желанию, не испытывая любви. Здесь не из чего делать трагедию. Я мог бы изменить тебе десять раз, сотню раз, но я не хотел тебя предавать. С Симоной я уступил этой потребности в женщине, присущей всем мужчинам, из-за нашего уединения, леса вокруг, но также из-за того, что я мог умереть в любую секунду.

— Замолчи, господи, замолчи! Как ты можешь говорить такое?!

Она даже не заметила, что он назвал ее Миной и был очень смущен своим признанием. Она приняла за пренебрежение и равнодушие сильное чувство вины, которое он испытывал и которое делало его бестактным и высокомерным.

— Ты не должен был этого делать, — выдохнула она дрожащим от отчаяния голосом. — Как ты посмел?! И после той ночи вы ложились спать вместе каждый вечер, в то время как я была одна, все время одна! Боже мой, если бы мы сейчас не были на этом проклятом корабле, я бы ушла и ты никогда меня больше не увидел бы!

Эрмина представляла Тошана в объятиях Симоны, и это сводило ее с ума. Они были обнаженными, изнемогающими от страсти... Их слившиеся в экстазе тела, крики наслаждения...

— О! Я тебя ненавижу! — бросила она, вставая. — Мне так больно, что я не могу здесь с тобой оставаться.

— Не выходи на палубу в таком состоянии! Эрмина, возьми себя в руки. Я был искренен с тобой, а ведь мог бы и солгать! Это никогда не повторится: просто так сложились обстоятельства. Симона была разлучена с мужем несколько лет, а я не знал, встретимся ли мы еще с тобой в этой жизни.

— Я тебе не верю! Ты покинул Квебек и с головой окунулся в роль секретного агента, воина — не знаю, кого еще, и перечеркнул все: меня, свою жену, наших детей. Тебя не очень-то расстраивала мысль о том, что ты можешь никогда нас больше не увидеть! Будь честен до конца, ты совсем о нас не думал...

Тошан не знал, что ответить, так как в чем-то Эрмина была права. Он устало закрыл глаза. Она воспользовалась этим, чтобы выскользнуть из каюты и подняться на палубу. За время их бурной беседы погода изменилась: океан приобрел странный темно-зеленый цвет, между гребнями волн почти серый, и небо было такого же мрачного, тревожного цвета. Тут же к молодой женщине подошел матрос.

— Вернитесь в свою каюту, мадемуазель. Сейчас начнется качка. Поднимается буря.

— Я не боюсь бурь! — крикнула она ему, чтобы перекричать шум ветра. — В моих краях, в Лак-Сен-Жане, во время снежной пурги срывает трубы с домов и сыплет такой снег, что ничего не видно в радиусе десяти метров.

Молодой человек увидел, что она плачет. Тем не менее он продолжал настаивать:

— Мне очень жаль, но вам следует перебраться в укрытие.

Эрмина вновь собралась возразить, когда от очередной волны затрясся весь корабль. Она пошатнулась и чуть не упала навзничь. В ту же секунду полил сильный дождь, а в гигантский корпус корабля ударила новая волна.

— Хорошо, я вернусь в каюту, — крикнула она, хватаясь за поручень ближайшего трапа.

Матрос с облегчением вздохнул и сочувственно ей улыбнулся. Внезапно, словно во вспышке молнии, Эрмина увидела себя обнаженной в объятиях Овида Лафлера, который ласкал ее и дарил наслаждение, даже не проникая в нее. «Но это не одно и то же! Мне следовало с ним переспать. Если бы я только знала, обязательно бы это сделала!»

Пошатываясь, она направилась на нижнюю палубу, где располагалась столовая для тех, кто мог передвигаться и не принимал пищу в каюте.

«Когда мы вернемся, я разведусь и выйду замуж за Овида, — решила она. — Тошан меня больше не любит, иначе не обращался бы так со мной. Пусть получит по заслугам! Он изменил мне, занимался любовью с другой несколько раз, а я устояла и не зашла так далеко. Как я ошибалась! Бедный Овид! Он, по крайней мере, меня обожал. Он даже не смог жениться, потому что слишком сильно любил меня!»

С трудом переводя дыхание, в вымокших от брызг кофте и юбке, она подошла к цинковой стойке. Монахиня кипятила воду.

— Простите сестра, могу я выпить чаю? За деньги, разумеется.

— Одну секунду, мадам... или мадемуазель?

— Мадам, — с горечью ответила Эрмина.

Она пробыла там долго, разглядывая других пассажиров. Охватившие ее ревность и ярость были единственным щитом от невыносимого горя. Через час, несмотря на обиду и унижение, она была вынуждена вернуться в свою каюту.

— Где тебя носило? Я с ума сходил от тревоги, — тут же упрекнул ее Тошан. — На море шторм, я чувствую, как качается корабль. Если бы я мог встать, я бы силой притащил тебя сюда, можешь мне поверить! Ты пользуешься моей слабостью, чтобы мучить меня.

Она пожала плечами, в глубине души радуясь, что он за нее испугался.

— Мина, — устало произнес он, — я не прошу тебя простить меня прямо сейчас. Ты разгневана, это естественно. Подумай о том, что мне пришлось пережить, будь благоразумной. У меня нет сил спорить дальше. Симона умерла. Не забывай, она умерла, а ты жива. Ты понимаешь ценность жизни?

— Думаю, да. Мне очень жаль эту женщину и ее сына, но я обижена

на тебя. Слышишь, Тошан? На тебя. Попытайся понять, что я чувствую. Ты только что причинил мне боль, сильную боль. Сначала ты столько дней отвергал меня своим упорным молчанием, а сейчас потряс до глубины души тем, что считаешь нормальным иметь отношения с другой женщиной, прикасаться к ней, целовать... Как бы ты отреагировал, если бы я рассказала тебе нечто подобное? Что бы ты почувствовал, если бы я спала с мужчиной во время твоего отсутствия и нашла бы себе подобное оправдание? Так же как и ты, я могла бы сказать, что была одна и не знала, вернешься ли ты ко мне.

Эрмина дрожала всем телом, упиваясь собственной смелостью из-за кипевшей в ней ярости, заставлявшей подвергать сомнению прочность их семьи и пересматривать свое будущее.

— Но ты моя жена и любишь меня! — воскликнул Тошан. — Я тебе доверяю! И я тебя знаю, ты на такое не способна.

— Однако перед отъездом в Европу ты боялся оставлять меня одну, опасаясь, что я буду тебе неверна, — язвительно напомнила она ему. — Или это неправда?

— Нет, я помню, что меня это беспокоило. Ты молода и очень красива, мужчины могли ухаживать за тобой, пытаться тебя соблазнить. Но повторяю, я тебе доверял.

— Я тоже тебе доверяла, но больше не буду.

Она повернулась к нему спиной. Несмотря на пропасть, открывшуюся под ее ногами, пугающую до головокружения, она решила сохранить в тайне свою двусмысленную дружбу с молодым учителем из Сент-Эдвиджа. «Это будет выглядеть так, словно я хочу отомстить, отплатить ему тем же, но так я лишусь драгоценных воспоминаний, испачкаю в грязи то, что чувствую к Овиду».

Немного успокоившись, она легла на свою койку. Тошан был прав в одном: можно любить одного человека всем сердцем и желать близости с другим.

— Мина? Прошу тебя, сделай над собой усилие! Давай хотя бы поговорим по-хорошему. После операции, когда я пришел в себя, все было как в тумане. Я очень страдал и телом и душой. Я постоянно видел неподвижную окровавленную Симону и застывшее от удивления лицо маленького Натана.

— Ты, должно быть, не ожидал, что я во Франции? — предположила она.

— Нет. Я знал это и злился на тебя. Я был уверен, что ты находишься в Валь-Жальбере, в безопасности, и вдруг узнаю, что над тобой тоже висит

смертельная угроза!

— Но откуда ты узнал? — воскликнула Эрмина, выпрямляясь.

— В то утро, когда они убили Симону и Натана, я проснулся очень рано и вышел из дома. Я дошел до одного бара и выпил кофе. Ранее я заплатил одному речнику, чтобы он отвез нас в Либурн, — я был так близок к цели! Я полистал газету в баре и нашел статью о тебе. Ты пела «Фауста» в Париже. Как ты понимаешь, эта новость вызвала у меня шок. Я был подавлен. Я уже не знал, что мне делать. Я сломал голову, пытаюсь найти решение, и, уверяю тебя, моей первой мыслью было разыскать тебя и отправить обратно в Квебек, к нашим детям. Там твое место! Единственная роль, которую ты должна была играть, по моему мнению, — это заботиться о Мукки, Лоранс и Мари-Нутте.

Уязвленная, Эрмина ответила ледяным тоном:

— Ты всегда будешь упрекать меня за то, что я стремилась к карьере певицы! Вот уже десять лет я выхожу на сцену с постоянным чувством вины. Это ощущение слабое, но устойчивое. Ну что ж! Мне, в свою очередь, придется тебя разочаровать! Если у меня будет возможность, позже я подпишу контракт с Парижской оперой или Ла Скала в Милане. Я не собираюсь быть рабыней мужчины, который изменяет мне без всяких угрызений совести, размахивая знаменем животного желания. И даже в этом я тебе не верю, Тошан. Ты спал с Симоной, потому что у тебя были к ней чувства. Возможно, ты сам не смел себе в них признаться, но именно они подтолкнули тебя к измене.

— Не кричи! Наши соседи скоро буду знать все о нашей личной жизни, если ты не сбавишь тон!

— Я считаю, это уже произошло, и мне на это наплевать!

Тошан замолчал. Их бурное выяснение отношений лишило его сил, которых он только набрался. В груди зашевелилась глухая боль. Эрмина сразу заметила, что он страдает. Его ноздри раздувались, лицо побледнело.

— Отдохни, — посоветовала она. — Я схожу за медсестрой.

— Нет, я выдержу. Мне жаль, Мина, что я подверг тебя такому испытанию. Но если ты приложишь немного усилий, то сможешь меня простить. Это был короткий эпизод в моей жизни, ничего больше, и Симона не заслуживает твоего презрения. Нацистская политика по отношению к евреям омерзительна. Она испытывала страх каждую секунду, особенно за своего сына. Тебе нужно просто забыть эту короткую связь, а мне придется до конца дней нести на себе ответственность за ее смерть и за смерть невинного шестилетнего ребенка. Прочитав о тебе статью в газете, я засиделся в баре, подавленный, совершенно сбитый с

толку. Если бы я вернулся раньше к мадам Мерло, возможно, я сумел бы их спасти. Эти полицейские похожи на хищников, жадных до добычи, готовых убивать во имя непостижимой ненависти. Увы! Я ничего не смог сделать, лишь присутствовал при их расстреле, и от этого я никогда не излечусь. Ты меня слышишь? Никогда! И я на тебя злился, да! Ты появилась посредством этих нескольких строк, нарушила мои планы и ослабила меня.

На этот раз чаша терпения Эрмины переполнилась. Тошан почти обвинял ее в смерти Симона и Натана! Она холодно произнесла:

— Я всего лишь подчинилась Дюплесси. Подчинилась, надеясь всей душой, что это приблизит меня к тебе, к моему мужу, моему любимому, которого мне так не хватало. Признаю, я совершила ошибку: мне лучше было остаться в Валь-Жальбере и, овдовев, выйти замуж снова. Ты ведь был уверен, что погибнешь в сражении. Поэтому я была обречена стать вдовой и растить наших детей без отца.

Тошан бросил на нее обеспокоенный взгляд. Она стояла перед ним, похудевшая, в черной юбке и розовой кофте, со светлыми растрепанными волосами, ярко-синие глаза сверкали от гнева и отчаяния. Ее красота его поражала, дерзкие слова и горячность, с которой она их произносила, сбивали с толку.

— Ты сильно изменилась. Ты больше не похожа на мою маленькую женушку-ракушку, нежную и неискушенную!

— Прошло одиннадцать лет, Тошан, и не могу сказать, что они всегда были наполнены блаженством. Сколько раз ты обращался со мной подчеркнуто холодно? И не сосчитать! Когда я подписала контракт с Капитолием в Квебеке, ты без колебаний выгнал меня из нашего дома. Ты ввязался в эту войну, не думая обо мне, бросив меня, когда мы только что потеряли ребенка! Тебя никогда не интересовало, что я чувствую. Я была вынуждена молча сносить твои отлучки или твою враждебность. Возможно, я бы не так страдала рядом с мужчиной, более внимательным к моему внутреннему миру, с мужчиной, главной целью которого было бы делить со мной повседневную жизнь и нежно любить меня. Ты часто меня спрашивал в последние годы, почему у нас больше нет детей. А как я могла забеременеть, если мы занимались любовью все реже и реже?

Эрмина пошатнулась, будучи на грани нервного срыва, сломленная собственной суровостью. Тошан смотрел на нее, тронутый до глубины души, но также возмущенный тем, что только что услышал.

— Ты просто эгоистка! Я считал тебя лучше других женщин, думая, что ты способна понять мои обязательства, но ты мечтала только о том, чтобы запереть меня дома, принудить к монотонной и ограниченной

жизни!

— Ты сделал то же самое несколько лет назад, когда хотел запретить мне заниматься карьерой! Ну что ж, ситуация прояснилась. Мы разведемся, как только прибудем в Лак-Сен-Жан.

Последние слова ошеломили метиса. Ни на секунду он не допускал мысли о разводе. Но тут же придя в ярость, он тоже не остался в долгу:

— Отлично! Это позволит мне уехать обратно во Францию и сражаться, не оглядываясь назад.

Они растерянно разглядывали друг друга со странным ощущением, что стали совсем чужими друг другу, хуже того — врагами.

— А я наконец смогу петь на сценах всего мира, несмотря на войну!

Но Эрмина разрыдалась, побежденная, страдающая от того, что так далека от своего мужа, что так глупо его теряет. Их отделял от силы один метр, но это короткое расстояние внезапно стало для нее непреодолимым. Сотрясаемая такой сильной дрожью, что стучали зубы, она снова легла на свою койку и завернулась в одеяло.

— Раз мы больше не семья, — пробормотала она, — расскажи, какой была Симона? Красивее меня, конечно, нежнее, умнее? Я должна знать, иначе я сойду с ума, представляя вас вместе. Тошан, я не могу поверить, что твои губы касались ее губ, что ты наслаждался в ней, что ты делал с этой женщиной то же, что со мной...

Метис уже засыпал, совершенно измученный. Но он сделал усилие, чтобы ей ответить.

— У нее были черные вьющиеся волосы, темные глаза, красивое тело, приятное лицо, низкий голос и невыразимое чувство обреченности. Этого тебе достаточно?

— Да, — выдохнула Эрмина.

Приподнявшись на локте, она бросила на него взгляд загнанного зверька. И тогда она увидела, что лицо ее мужа, с закрытыми глазами, исказилось в безмолвном плаче. Фантом Симоны стоял между ними, невидимый, но всемогущий. Снаружи разбушевавшийся океан брал штурмом корабль, окутанный сумерками и проливным дождем. Это длилось всю ночь.

Ранним утром у Тошана начался сильный жар.

«Маленький рай», Валь-Жальбер, суббота, 10 апреля 1943 года

Шарлотта и Людвиг разговаривали в кухне. Они встали рано, чтобы

выпить теплого молока с поджаренным хлебом, политым кленовым сиропом.

Тема их разговора оставалась неизменной. Девушка отчаянно пыталась найти решение их проблемы, которая с течением времени начинала принимать масштабы катастрофы. Она ждала ребенка от немецкого военнопленного, который был мужчиной ее жизни, ее великой любовью — в этом она не сомневалась.

Холода становились менее суровыми, иногда по утрам воздух быстро прогревался на солнце. Снег незаметно таял, с крыш капала прозрачная вода. Если оттепель затягивалась, то земля уже просыпалась, давая жизнь крокусам — крошечным сиреневым цветочкам, предвестникам весны.

— У нас нет выбора, отсюда нужно уходить, — вздохнула Шарлотта, погладив по щеке Людвигу. — Мы продержались три месяца, нас не раскрыли, но сколько раз я испытывала жуткий страх!

— Да, я тоже, — согласился он.

— Попытайся сказать: «А я-то как напугался!» — поправила его девушка.

— Это бессмысленно, Шарлотта. Мне и так стоит больших трудов более-менее правильно говорить по-французски. Квебекский акцент мне не осилить.

— Жаль, нам бы это помогло, — с досадой сказала она. — Мой план мог бы сработать. Ты отрастил бороду и волосы, и я купила тебе рубашку «шотландку» — излюбленную одежду здешних лесорубов. Ты вполне можешь сойти за местного парня.

— Нет, это рискованно, Шарлотта, милая! Может быть, мне лучше уехать? Если меня найдут, ты отправишься в тюрьму. Своим ты можешь сказать, что встретила мужчину, но он тебя бросил. Твоя семья позаботится о тебе и ребенке. Я очень боюсь, что с тобой случится несчастье из-за меня. Я пережду в лесу, и однажды мы снова будем вместе, клянусь тебе!

— Об этом не может быть и речи! Я хочу, чтобы ты был рядом со мной во время родов, то есть неподалеку, чтобы мог увидеть своего ребенка... Давай ты притворишься глухонемым! Никто не заподозрит, что ты немец. Я представлю тебя Шарденам, Эрмине, которая скоро вернется, и мы поженимся. Прошу тебя, это хорошая идея.

Людвиг покачал головой. Он понимал, что не способен к такому обману.

— Я обязательно чем-нибудь себя выдам. Могу вздрогнуть от громкого звука за спиной или вскрикнуть, если поранюсь.

Всякий раз, когда нервничал, он плохо контролировал свой

французский.

— Ты прав, это безумная затея. Значит, мы уедем отсюда сразу после свадьбы Жозефа Маруа и Андреа. Я займу денег у Лоры, поскольку моих сбережений не хватит на то, чтобы снять дом и питаться несколько месяцев. Зато у меня готово приданое для новорожденного. Я сшила его сама и связала из остатков шерсти.

— Ты мне об этом не говорила, — взволнованно сказал он.

— Я делала это, когда ты был вынужден прятаться на чердаке, в те дни, когда ко мне приходили гости. Я даже сказала своей невестке Иветте, что готовлю подарки ее ребенку, который появится на свет этим летом, как и наш. Она мне поверила. Мадлен тоже, и даже Лора.

— С приходом тепла мне придется прятаться еще чаще. Будет выглядеть странно, если ты не будешь открывать окна!

— Не беспокойся, милый мой, через какую-нибудь неделю мы будем далеко отсюда. Думаю, нам лучше поехать в Абитиби. Там нас не найдут. Это к западу, далеко, очень далеко. На поезде нужно ехать несколько дней. После рождения малыша я могу пойти работать учительницей, в них всегда есть нужда в этих отдаленных районах. А ты наймешься в лесорубы. Скажешь, что ты датчанин или голландец, чтобы объяснить свой акцент.

— Хорошо, этот план может сработать, — одобрил он, и его лицо озарила улыбка, заставившая сердце Шарлотты биться быстрее.

— Любимый мой, — вздохнула она, коснувшись его губ кончиками пальцев, — я не хочу, чтобы ты возвращался в лагерь военнопленных! Мне плевать на войну и на то, что ты немец. Мы будем счастливы с нашим ребеночком. Я готова на все, чтобы защищать это счастье ради нашего малыша.

Прижавшись ухом к деревянной двери, Ламбер Лапуэнт выпучил глаза от изумления. Иветта отправила его к Шарлотте за мукой. Обычно этот крепкий девятилетний парнишка барабанил в дверь и звал свою тетку. Но с тех пор как начал посещать частную школу Лоры, он восхищался Кионой, индейская одежда которой его зачаровывала. Девочка даже написала сочинение, где описывала традиции народа монтанье. Мадемуазель Дамасс поставила ей «отлично» и зачитала текст сочинения вслух. И в это субботнее утро Ламбер вообразил себя индейским воином и бесшумно подкрался к «маленькому раю», чтобы разыграть Шарлотту.

Но, оказавшись на крыльце, покрытом мокрым снегом, он отчетливо услышал мужской голос, который был ему незнаком, и голос своей тети. Заинтригованный, мальчик прислушался. И теперь, ошеломленный, с бешено бьющимся сердцем, он так же бесшумно отошел от двери. Быстро

нырнув за кустарник, Ламбер проскользнул позади обветшалого сарая и помчался по дороге к родному дому.

— Черт возьми, вот дерьмо!

Ребенок обожал тайком повторять ругательства отца. Это было самое серьезное, его отец приберегал для катастроф.

Ламбер ворвался в дом, запыхавшийся, с красными щеками. Скрестив руки на животе, Иветта отдыхала в кресле-качалке, стоявшем возле печки. Трехлетний сын играл в шарики на ковре, у ее ног. Онезим в это время пил чай — свой утренний напиток.

— Папа, папа! — закричал мальчик. — У тети Шарлотты будет ребенок от немецкого военнопленного! Они болтали в кухне! Я подслушал под дверью!

— Что ты сказал? Я тебя сейчас заставлю проглотить свои слова! — зарычал его отец. — Черт возьми, ты что, ненормальный, выдумывать такие вещи?

— Я ничего не выдумываю! — возразил Ламбер. — Можешь сам сходить проверить! Шарлотта говорила об их ребенке, а у него был странный акцент.

— Но разве такое возможно? — воскликнула ошеломленная Иветта.

— Черт! Если это правда, я убью их обоих! — вскричал Онезим, резко вставая.

— Подожди! Это ни в какие ворота не лезет, — перебила его жена. — Откуда тут взяться немцу?

— Немец он или англичанин — он обесчестил мою сестру, и я в бешенстве. Но если это еще и бош, я точно его убью!

С этими словами рыжий гигант снял со стены свое охотничье ружье. Иветта вскочила и вцепилась в его рукав.

— Не сходи с ума, Онезим! — сказала она. — Может, наш Ламбер просто болтает без разбору!

— Клянусь тебе, мама, это правда! К тому же мадемуазель Андреа запрещает нам врать.

— Я тебе верю, сынок, — проворчал Онезим. — Мне всегда казалось странным, что моя сестра сидит взаперти.

— Но мы бы наверняка что-нибудь заметили! — возразила Иветта. — Она каждое воскресенье приглашала нас на обед. А вообще-то помнишь, как-то раз на втором этаже раздался шум? Ты даже пошутил, что она прячет там своего жениха. Мы все посмеялись, особенно Шарлотта!

— Черт, сестренка здорово нас одурачила!

Его багровое лицо исказилось гримасой, приоткрывшей желтые зубы.

Колосс решительно зарядил свое ружье. Но жена снова остановила его.

— Подумай хорошенько, прежде чем наломать дров. Эта история не должна всплыть наружу. Позор коснется и нашей семьи. А если конная полиция приедет арестовывать немца, разве они нам поверят, что мы ничего не знали? Нас могут обвинить в соучастии, а Шарлотта в любом случае отправится в тюрьму. Ты должен подумать о своей сестре, о малыше, которого она носит. Это будет твой племянник или племянница. И невинный ребенок родится за решеткой...

— Ребенок от боша? Мне плевать, что с ним будет!

Тем не менее, несмотря на это громогласное заявление, Онезим заколебался. Иветта, которую он считал хитрее себя, конечно же была права.

— Какая ты все-таки умная, моя красотуля! — восхищенно произнес он. — Полная противоположность Шарлотте, которая умом не отличается. Но, какая бы ни была, она все же моя сестра. Знаешь, пойду-ка я лучше предупрежу месье Жослина. Он придумает, что делать.

— Вот это правильно, мой Онезим! — промурлыкала Иветта, которая была довольно сентиментальна и любила свою золовку. — Обговори все с месье Шарденом. А когда приедет конная полиция, нужно будет вызвать из дома Шарлотту. Полиции не нужно знать, что она прятала этого солдата у себя дома, у нас под носом.

Онезим Лапуэнт повесил на место ружье и надел меховую куртку. Он схватил Ламбера за ворот его куртки.

— А ты, сынок, молчи как рыба! Не вздумай болтать об этом с остальными маленькими монстрами из класса! Если хоть слово кому скажешь, я оборву тебе уши и выпорю до крови. Все понял?

— Да, папа! — воскликнул напуганный Ламбер, готовый расплакаться.

— Речь идет о чести нашей семьи, семьи Лапуэнт. Это и твоя фамилия. Так что держи язык за зубами, черт возьми!

— Оставь его, — возмутилась Иветта. — Ты его напугал. Наш мальчик никому ничего не скажет.

Онезим раздраженно хмыкнул и вышел. Жослин не был удивлен, увидев бегущего к нему соседа и шофера. Он сидел на крыльце, греясь на солнышке, с трубкой в зубах в надежде избежать упреков Лоры, умолявшей его бросить курить.

— Что случилось, мой славный Онезим?

— Мне нужно срочно с вами поговорить, месье Жослин. Но не на улице, дело очень важное.

— Может, все-таки посидим здесь, на воздухе? — возразил Жослин,

решив, что речь пойдет о финансовых проблемах.

Уже не в первый раз Онезим просил у них аванс в счет будущих услуг.

— Нет, если кто-нибудь нас услышит, все еще больше осложнится.

Жослин не на шутку встревожился. Он с сожалением постучал трубкой по стойке навеса, выбивая ее.

— Идемте в классную комнату, в субботу там нет занятий, а мадемуазель Дамасс пошла к Жозефу вместе со своей крестницей. Вы видели эту девочку, Алисию? Очаровательное создание! Лоре она очень нравится.

— Да, я ее видел, — проворчал его гость. — Но как только они вырастают, им нельзя доверять. Я рад, что у меня одни парни.

Еще более заинтригованный, Жослин впустил Онезима в дом и проводил его в классную комнату. На звуки их голосов пришла Лора.

— Что случилось? Какая-то проблема? Добрый день, Онезим!

— Здравствуйте, мадам. Да, у нас большая проблема.

Его не смущало присутствие хозяйки дома. Обе — Иветта и Лора — обладали сильными характерами, и он привык, что им управляют.

— Вы выглядите очень взволнованным, — заметила она.

— Да, мой бедный друг, мы вас слушаем и, если можем вам чем-то помочь, обязательно это сделаем, — добавил Жослин.

— Это касается моей сестры Шарлотты, — мрачным голосом произнес он. — Иветта отправила к ней Ламбера за мукой, чтобы напечь блинов к завтраку. Но мой сын кое-что обнаружил. Шарлотта нас всех одурачила. Она беременна. Парнишка все хорошо слышал, она говорила, что ребенок должен родиться этим летом.

Для Лоры это было настоящим ударом. Побледнев, она схватила за руку своего мужа, застывшего с открытым ртом.

— Этого не может быть, — заявил Жослин.

— Онезим не пришел бы сюда, если бы Ламбер солгал, Жосс! Господи, я должна была внимательнее за ней следить! Мне тоже казалось странным, что она живет так уединенно и отказывается от наших приглашений. Оказывается, она влюбилась! Какая же я идиотка! Я ничего не видела, ни о чем не догадывалась.

Онезим бросил обеспокоенный взгляд на дверь, чтобы убедиться, что она плотно закрыта. Теперь ему предстояло сказать самое неприятное, но Лора продолжала говорить, разгневанная, дрожащая от негодования:

— Вот несносная девчонка! Боже мой, когда Эрмина об этом узнает, она очень расстроится! У нас есть только один выход — срочно выдать ее замуж за виновника.

— Успокойся, Лора, — сказал Жослин. — В конце концов, не такая уж это трагедия. Шарлотте двадцать три года. Она поступила плохо, но, когда она выйдет замуж, все уладится. Надеюсь, этот мужчина исправит свою ошибку. А если нет, я сам им займусь!

— Мы не можем выдать ее замуж, — наконец произнес Онезим, лицо которого стало пунцовым. — Настоящая проблема в другом: отец ребенка немец, наверняка беглый военнопленный, который случайно сюда забрел. Ламбер не мог такого выдумать. Моя сестра говорила этому типу: «Я не хочу, чтобы ты возвращался в лагерь, и мне плевать, что ты немец».

Лора прислонилась к стене, не веря своим ушам. Жослин почесал бороду. Он всем сердцем надеялся, что ему снится кошмар и что он сейчас проснется.

— Что делать, Жосс? — тихо спросила Лора. — Нацист здесь, в Валь-Жальбере, так близко от детей... И Шарлотта его укрывает. Я не могу в это поверить. Я сейчас же отправлюсь к ней, и ты тоже. Следует сдать этого человека конной полиции.

— Да, конечно, — согласился ее муж. — Он обманул ее, использовал, возможно, даже угрожал.

Тогда Онезим передал им предостережение Иветты. Несмотря на вину Шарлотты, нельзя было допустить, чтобы ее отправили в тюрьму за пособничество врагу. Супруги вынуждены были согласиться, удрученные этим новым ударом судьбы. Они принялись обсуждать, как поступить, чтобы не пострадала девушка.

— Если она влюбилась в этого солдата, — предположила Лора, — она в любом случае будет переживать. — Я отправлю ее в монастырь или в какое-нибудь другое религиозное учреждение, чтобы она родила своего ребенка в нормальных условиях. Но видеть я ее больше не хочу!

— Нужно удалить ее от дома на время, пока будут арестовывать немца, — сказал Жослин. — Вряд ли у него есть оружие. Мы как следует вразумим его и отведем к начальнику полиции Роберваля, не уточняя, что он жил у человека, близкого нашей семье.

Это успокоило Онезима. Он бы с удовольствием выпил рюмочку настойки, которая у Мирей получалась гораздо лучше, чем у него, но не осмелился попросить об этом.

— Когда начнем? — спросил он. — Главное, чтобы моя сестра ничего не заподозрила, иначе они сбегут или этот бош исчезнет.

— Все будет как обычно, — решила Лора. — Сегодня вечером я отправлю к ней Мукки. Он передаст ей, что я жду ее завтра утром как можно раньше, чтобы собрать посылки для Красного Креста. Она не

сможет мне отказать... Господи, Жосс, я поняла, что именно поэтому она не хотела ехать в Монреаль за маслом святого Иосифа! Как это отвратительно!

— Согласен, это некрасиво с ее стороны. Итак, будем следовать нашему плану. Онезим, как только моя жена отвлечет Шарлотту, я приду к вам. Нужно будет поставить ваш грузовик возле «маленького рая», чтобы никто нас не видел. Если мэр что-нибудь узнает, будет скандал.

— Черт! У меня все внутри переворачивается, как только подумаю, что они будут вместе еще целую ночь, — вздохнул Онезим. — Но у нас нет выбора.

Подавленные, они еще несколько минут разговаривали шепотом, из страха быть услышанными. Но тайна все равно уже была раскрыта. Мукки играл на втором этаже с Луи, а близняшки с Акали вышивали салфетки по инициативе Мадлен. Лишь Киона была вольна бегать, где ей хочется, так как Жослин запретил домочадцам досаждать девочке.

Этим утром она оседлала Базиля, сожалея, что с ней нет Алисии, которая ей очень понравилась. На улице было так красиво, что дочь Талы не могла усидеть в четырех стенах.

Наслаждаясь ярким солнышком и звенящей капелью, падающей с крыш, Киона поднялась по улице Сен-Жорж, затем спустилась по ней галопом. В такие моменты она возобновляла связь с душой своего народа монтанье, разбросанного по резервациям.

Полностью отдаваясь своей радости, она пересекла заброшенные поля и вернулась к дому Шарденов. Как и каждый раз, когда ездила на Базиле, Киона расседлала его, почистила щеткой и погладила, не забыв дать воды и сена. И это случилось. В каком-то ослепляющем тумане ей пришло видение, без всякого предварительного недомогания, головокружения или ощущения холода: Лора и Жослин были в классной комнате с Онезимом. Несколько пугающих слов, раздавшихся в ее голове, хватило, чтобы понять размеры бедствия.

Киона помчалась к «маленькому раю», решив не прибегать к биллокации. Это было слишком утомительно, и, если бы отец обнаружил ее без сознания, ситуация еще больше усложнилась бы.

Запыхавшись, она постучала в дверь.

— Впусти меня, Шарлотта, — сказала она. — Скорее!

Девушка открыла, недовольная, что ее побеспокоили. Но, увидев лицо девочки, тут же встревожилась.

— Входи, но я не могу с тобой долго разговаривать. У меня много работы.

— Шарлотта, вам нужно срочно уезжать, обоим! Твой брат все знает о Людвиге и ребенке, я тоже это знала. Они придут сюда завтра утром, мой отец и Онезим. Прошу тебя, спасайтесь! Идите к бабушке Одине, на север от дома Тошана, по тропинке. Скажи ей, что ты пришла от Кионы, что тебе нужна ее помощь. К тому же она хорошая акушерка... Поторопись, Шарлотта! Вы с Людвигом имеете право на счастье. Ты ведь сделаешь это, скажи? Пообещай мне!

На лице девочки, едва сдерживавшей слезы от волнения и тревоги, читалась суровая решимость. Охваченная паникой, оглушенная известием, Шарлотта Лапуэнт дала обещание, инстинктивно положив руку на свой слегка округлившийся живот, словно пытаясь защитить ребенка.

— Отправляйтесь прямо сейчас, держитесь правого берега каньона Уиатшуана! — добавила Киона, кудри которой были похожи на сияющий золотистый венец. — Река вас защитит.

Также поспешно, как пришла, девочка убежала. Шарлотта перекрестилась, напуганная и одновременно полная решимости.

— Прощай, Валь-Жальбер, — тихо сказала она. — Прощай, мой городок, мои воспоминания, прощайте!

Глава 23

На берегу Перибонки

Валь-Жальбер, воскресенье, 11 апреля 1943 года

Киона сидела на табурете в доме Лапуэнттов напротив импровизированного трибунала, состоявшего из Лоры в роли судьи, Жослина, возможного адвоката, и, разумеется, Онезима и Иветты. Главный свидетель, Ламбер, стоял между двумя сторонами.

— Доченька, — начал Жослин, — мы ждем от тебя объяснений, и я бы хотел, чтобы ты сняла с себя такое серьезное обвинение. Лора утверждает, что именно ты предупредила Шарлотту о том, что мы собираемся арестовать вражеского солдата, скрывавшегося у нее дома. Я не думаю, что ты способна на такую глупость. Отвечай честно, нам всем необходимо знать правду.

Девочка, высоко подняв голову, еле сдерживала улыбку. План ее отца и Онезима провалился, и для этого потребовалось соучастие Мукки. Мальчик, который должен был передать Шарлотте просьбу Лоры, без разговоров подчинился Кионе, когда та попросила его солгать своей бабушке.

— Я объясню тебе позже, Мукки, зачем, но ты скажешь Лоре, что застал Шарлотту дома и передал ей поручение.

Одураченные двумя детьми, взрослые терпеливо прождали все утро, но Шарлотта так и не пришла, и, когда Жослин и Онезим проникли в «маленький рай», дом был пуст.

— Киона, мы тебя слушаем, — суровым тоном потребовала Лора.

— Да, это я их предупредила, — призналась она с удовлетворенным видом. — Я услышала ваш разговор в классной комнате и побежала к Шарлотте. Я не хотела, чтобы вы причинили зло Людвигу и чтобы Шарлотта была несчастна!

— Боже мой! Ты осмелилась это сделать, дочка! — разочарованно произнес Жослин. — Ты хотя бы понимаешь ситуацию? Этот мужчина — враг нашей страны, один из тех, кто виновен в смерти тысяч людей.

— Папа, Людвиг никому не сделал ничего плохого! Он очень добрый, милый, словно ангел из рая.

Лора с трудом себя сдерживала. Ей очень хотелось встать и дать пощечину дерзкой девчонке.

— Какая же ты глупая! — крикнула она, злясь, что не может этого сделать.

— Почему? — спросила Киона. — Я чувствую, какая душа у человека, — плохая или хорошая. Людвиг не заслуживал того, чтобы вернуться в лагерь военнопленных. С ним там плохо обращались, другие солдаты издевались над ним, потому что он плакал и скучал по матери.

— Чушь собачья, — проворчала Лора. — Откуда ты это взяла?

— Это я обнаружила Людвига, когда он прятался в подвале дома бригадира, на улице Сент-Анн, возле завода. Я отнесла ему одеяло и еду. Вы замечали, что из кладовки пропадают продукты, — это я их брала для него.

— Маленькая лгунья! — воскликнул Онезим. — Если бы Ламбер меня так дурачил, у него бы кожи на спине не осталось!

— Бог мой, ты обворовывала нас ради немца?! Жосс, сделай же что-нибудь! Все, довольно, я не хочу больше видеть твою дочь в нашем доме! В следующем месяце она отправится в пансион.

Индейская кровь Кионы забурлила от протеста и гнева. Она встала с табурета и обвела их всех своим янтарным взглядом, напоминая молодого волка, готового прыгнуть на свою добычу.

— Ты хочешь наказать меня, Лора, за то, что я спасла невинного человека? Да, Людвиг немец, но он никогда бы не сделал со мной того, что делает брат Марселлен с детьми моего народа.

Иветта перекрестилась, шокированная и встревоженная. Киона вызывала в ней инстинктивное недоверие, которое чувствуешь при встрече с другим, непонятным тебе существом. Жослин провел рукой по лицу, пораженный самоуверенностью своей дочери, а также ее словами, как это ни печально, верными.

— Людвиг был вынужден пойти на фронт, — продолжила Киона с тем непримиримым выражением лица, которое делало ее на десять лет старше. — В Германии у мужчин нет права выбора, как у нас. В 1939 году ему было всего двадцать лет. Он не хотел уезжать от своих родителей. Представь, Лора, если бы война продлилась долго, а Луи заставили бы пойти на войну, и он плакал бы вечерами от страха и грусти... и звал бы тебя?

Лора вскочила со своего стула так резко, что опрокинула его.

— С меня хватит демагогии! Замолчи! Ты хочешь убедить своего отца, что поступила правильно, желая избежать наказания. Ты читаешь нам

мораль, но лучше бы хорошенько подумала. Нашим долгом было вырвать Шарлотту из лап этого мужчины. К тому же она скоро станет матерью! Ты все испортила, маленькая идиотка!

— Полно, Лора, не нападай так на нее, — вступился за Киону Жослин. — Она просто ребенок, стремящийся устроить все по своему разумению. И ее рассуждения кажутся мне достаточно справедливыми. Нельзя отрицать, что некоторые немцы стали солдатами против своей воли.

Онезим ерзал на своем стуле. Он бы с удовольствием выкурил сигарету и выпил рюмочку настойки. С его точки зрения, сестра была опозорена. Она была шлюхой, к тому же полоумной. Но он не решался вступать в дискуссию, на его взгляд слишком бурную.

— Шарлотта и Людвиг должны быть вместе, — добавила Киона. — Если вы мне не верите, тем хуже. Прошу, оставьте их в покое! Не нужно их разыскивать.

— Теперь мадемуазель уже нами командует! — воскликнула Лора, всплеснув руками. — Я сдаюсь. Пусть Шарлотта катится ко всем чертям вместе со своим немцем. Надеюсь, у этой истории не будет неприятных для нас последствий. Нам нет никакого резона поднимать шум. В наших же интересах, чтобы все осталось в тайне.

Мертвенно-бледная, она нервно надела свое манто и меховую шапку. Киона не сводила с нее внимательного взгляда. Раздраженная этим осмотром, Лора злобно бросила ей:

— Похоже, ты пошла в прабабку твоего отца Альетту, которую хотели сжечь на костре за колдовство. Не морщись, Жосс, я знаю, что говорю! Твоя дочь не отличает добра от зла, она невежлива, не уважает старших, которые разбираются в жизни лучше ее. Киона, я тебя так любила, а ты меня разочаровала!

— Я не хотела доставлять вам неприятности, — ответила девочка. — Но нельзя было разлучать Шарлотту и Людвига.

Лора вышла из кухни Лапуэнтов, хлопнув дверью. Растерянный Жослин хранил молчание.

— Черт возьми! — выругался Онезим. — Что будем делать, месье Шарден? Возьмем мой грузовик и попытаемся их догнать? Но это будет непросто: снег уже стал рыхлым.

— Мой бедный друг, они опередили нас на несколько часов. Лучше всего сделать вид, что ничего не произошло. Мы скажем всем, что Шарлотта уехала в Монреаль работать на заводе. В любом случае я опасаюсь худшего: их в конце концов поймают и арестуют...

— Нет, папа! — воскликнула Киона. — Людвиг одет как местные

мужчины. На нем уже нет формы.

— Замолчи! Я ничего больше не хочу слышать! Не думай, что я тебя поддерживаю. Ты перешла границы моего терпения, Киона. Я считал тебя гораздо умнее. Одевайся, идем домой.

Жослин надел свою куртку и шапку. На него навалилась огромная усталость. Шарлотта предала их всех, и он не мог избавиться от ощущения, что нежно любил совершенно чужого человека, абсолютно безнравственного.

— Не переживайте, месье, — сказал Онезим, похлопав его по спине. — Мне досталось больше всех. Теперь у меня нет сестры. Пусть даже не думает возвращаться сюда со своим отпрыском!

Мужчины вышли на крыльцо покурить, пока Киона надевала шапку, пальто и рукавицы. Иветта наставляла Ламбера, в свою очередь угрожая ему страшными наказаниями, если он проболтается. Наконец она подошла к девочке и тихо спросила:

— Скажи, детка, этот немец и вправду красив как ангел?

— Да, мадам Лапуэнт, он очень красив. Светлые волосы, ясные глаза и мягкие черты лица.

— Что ж, Шарлотту можно понять. Она влюбилась. Сердцу не прикажешь! Ты знаешь, куда они направились?

— Нет, мадам, не знаю, — вежливо ответила Киона.

Взгляд Иветты стал мечтательным. На миг она представила себя убегающей с красивым молодым мужчиной... Но ее жизнь была здесь.

— Говорят, ты ясновидящая, детка? Скажи, ребеночек, которого я ношу, мальчик или девочка? — с хитрым видом спросила она.

— Когда родится, увидите, мадам Лапуэнт, — ответила Киона и вышла на улицу.

«Маленькая дрянная колдунья!» — с досадой подумала Иветта. Она тяжело вздохнула и уселась в свое кресло-качалку.

Жослин с Кионой медленно шли к дому. Снег, напитанный водой, хлюпал под ногами. О хорошем настроении говорить не приходилось, и за всю дорогу они не обмолвились ни словом. Перед тем как свернуть на аллею, ведущую во двор, девочка взяла за руку своего отца.

— Прости меня, папа! Я не виновата, что знаю многие вещи, что должна защищать людей. Я сказала правду, но ты все же на меня сердишься. И Лора тоже.

— Киона, идет война, и немецкий солдат, взятый в плен в Европе, становится врагом нации. Даже если он хороший парень, как я, собственно, и думаю, раз Шарлотта его так полюбила. Но ты подумала о последствиях?

Она никогда не сможет выйти за него замуж и жить как честная женщина. Обстоятельства рождения ее ребенка будут тяготеть над ним всю его жизнь. Это очень грустно. У меня просто сердце разрывается.

Встревоженная, Киона сильнее сжала пальцы отца. Ей очень хотелось утешить Жослина.

— Папа, они будут счастливы, вот увидишь. Война закончится, и однажды Людвиг перестанет быть врагом.

Жослин остановился и озадаченно посмотрел на дочь. Солнце озаряло ее золотисто-рыжие кудри, обрамлявшие высокий чистый лоб. Киона улыбалась ему, обнажив маленькие белые зубы. Он был восхищен. Это был словно мираж, сияние рая, озарившее землю. Если бы она сейчас взмыла в воздух, словно волшебная фея, он бы ничуть не удивился.

— Кем же ты станешь потом, моя милая? — вполголоса спросил он себя. — Ты бесстрашно идешь по своему пути, не заботясь о наших законах и принципах. Возможно, ты права.

Киона поняла, что ее простили. Она прижалась к отцу, и они дошли так до крыльца. Лоры в гостиной не было. Мирей сообщила «месье», что «мадам» отдыхает: у нее разыгралась жуткая мигрень.

— Беги к детям, Киона. Мадлен мне сейчас поможет убрать твою кровать из нашей комнаты. Лора больше не захочет, чтобы ты спала с нами.

— Она меня накажет? Я не возражаю.

— Ты узнаешь это за ужином. И никому ни слова об этой истории!

Он смотрел ей вслед, пока она поднималась по лестнице через две ступеньки. На лестничной площадке Киона почти столкнулась с Мукки, поджидавшим ее возвращения. Алисия была рядом с ним.

— Нам надо поговорить, — тихо сказал мальчик. — Бабушка рыдает на своей кровати. Я хочу знать, что происходит.

— Сходи за близняшками и Луи, — ответила девочка. — Встречаемся на чердаке.

— А я могу пойти? — спросила Алисия.

— Разумеется, можешь, — согласилась Киона.

Лежа на софе с бокалом бренди под рукой, Жослин не придавал значения тихой возне на верхних этажах большого дома. Что касается Мадлен, то она меняла постельное белье, и, хотя это было утомительным занятием, женщина была не против на несколько минут избавиться от веселой ватаги, за которой должна была присматривать.

Киона прежде всего заставила всех поклясться. Акали, Алисия, Мукки, Луи, Лоранс и Мари-Нутта должны были пообещать никому не рассказывать тайну, которую она им сейчас откроет.

— Это очень серьезно, — заверила она их. — Вопрос жизни и смерти! Так вот... Вчера Шарлотта сбежала со своим любимым. У них будет ребенок. Мой отец и Онезим хотели их разлучить и наказать Шарлотту. Я помешала им сделать такую жестокую вещь.

— Но им просто нужно было пожениться, — заметила Алисия. — Я знаю, что в Дебьене одна девушка, еще моложе мадемуазель Шарлотты, ждала ребенка. Ее родители просто ускорили свадьбу.

— Это случайно не твоя крестная и Жозеф? — хитро прищурившись, спросила Мари-Нутта.

— Что ты! Крестная Андреа — серьезная женщина, — возмутилась девочка.

— Они пока не могут пожениться, ему сначала нужно развестись, — солгала Киона.

Из осторожности она решила не раскрывать ни личности Людвига, ни истинной причины трагедии.

— А Шарлотта далеко уехала? — забеспокоился Луи. — Я ее очень люблю.

— Не бойся, Луи, когда-нибудь она вернется.

Они еще немного поговорили, стараясь не создавать много шума. Мукки был горд тем, что способствовал побегу Шарлотты. Все дети были в том возрасте, когда жажда справедливости и великая любовь имеют восхитительный аромат приключений. Лишь Киона более четко представляла себе, что происходит в Валь-Жальбере и не только здесь. Она завидовала беззаботности остальных детей. Вот и сейчас они уже обсуждали завтрашние игры и приближающийся праздник — свадьбу Жозефа Маруа и Андреа Дамасс.

— Мадам Лора дала мне померить одно из своих старых платьев из голубого шелка, — сказала Алисия, прекрасно влившаяся в семью. — Волосы она соберет мне в пучок и украсит его бумажными цветами.

— Ты будешь еще красивее, — заверил ее Мукки.

— Надеюсь, что мама с папой успеют к этому событию, — вздохнула мягкая Лоранс, которой очень не хватало родителей.

— Свадьба уже в следующую субботу, — возразила ее сестра-близнец, настроенная более пессимистично. — А они даже не прислали телеграмму о том, что приплыли в Квебек.

Громкий голос Лоры положил конец их шушуканью. Догадавшись, что они на чердаке, она позвала их с лестничной площадки второго этажа:

— Спускайтесь на полдник, маленькие монстры!

Дети радостно бросились вниз, кроме Кионы, боявшейся показаться на

глаза Лоре. С тяжелым сердцем она плелась позади.

— Быстро бегите в столовую все, а ты, Киона, подожди.

Она взяла ребенка за руку и отвела к себе в комнату. Девочка убедилась, что ее кровать исчезла из спальни.

— Выслушай меня, Киона, — сухо произнесла Лора. — Я была очень разгневана у Лапуэнтов, но главное — очень расстроена. Поведение Шарлотты причинило мне много боли. Когда я познакомилась с ней, она была примерно твоего возраста и выросла у нас. Я бы хотела, чтобы она доверяла мне, рассказала о том, что живет с этим мужчиной. Из любви к ней я могла бы ее понять и простить. Но нет, она хитрила, ломала комедию, всех нас обманула: Жосса, Эрмину, меня.

— Но это только потому, что он немец, Лора! Она за него боялась, — тихо ответила Киона.

— Но я же не глупая! А что теперь с ней будет? В каких условиях она родит своего ребенка? Ты, которую все — и твой отец, и Эрмина — считают такой умной, должна была дать ей нужный совет, вразумить. Если бы этот Людвиг согласился исчезнуть, спрятаться где-нибудь еще, далеко отсюда, мы нашли бы способ уладить ситуацию.

Лора шмыгнула носом. Киона поняла, что она много плакала, и это ее взволновало.

— Не огорчайся, — сказала она. — Прости меня, Лора. Я тоже виновата: я подтолкнула Шарлотту к Людвигу. Помнишь, три года назад мы с мамой жили в Робервале?

— Да.

— Шарлотта принесла мне маленькую елку на Рождество, она тогда была влюблена в Симона. Она задала мне вопрос о своем будущем. Ей так хотелось выйти за него замуж, и я увидела ее в белом платье, с кружевной фатой на волосах. Я сказала ей об этом, и она была уверена, что мужчина, стоявший рядом с ней, Симон. Но это был другой человек.

Ошеломленная, Лора опустилась на край кровати. Она взяла Киону за плечи и смерила ее долгим взглядом.

— Только не говори мне, что это был Людвиг! Я все равно тебе не поверю. Я подумаю, что ты все приукрашиваешь, чтобы тебя простили. Шарлотта никогда не сможет выйти замуж за немца из-за войны. Этот человек вне закона, беглый военнопленный.

— Я тогда была маленькой и только начала видеть вещи, — ответила девочка. — Я не уверена, что это был Людвиг, но, когда я увидела его в первый раз, мне показалось, что я его знаю. Мне очень жаль, я не нарочно все это делаю. Ты же знаешь, сколько печали мне это порой приносит! Я

говорила об этом папе.

Голос ребенка был искренним, равно как и ее золотистый взгляд. Лора, предусмотревшая целую серию наказаний, растерялась.

— Ты оказываешь большое влияние на своих кузенов, то есть я хотела сказать, на Мукки и близняшек. Их можно назвать твоими кузенами, хотя ваша родственная связь так запутана! Луи тоже тебя обожает, готов выполнить любой твой каприз. Поэтому прошу тебя, будь серьезнее, не используй свои способности, чтобы нарушать покой в доме. Особенно будь внимательнее к Луи, он очень чувствителен. Твой сводный брат нуждается в дисциплине, и я не собираюсь поощрять его легкомыслие и лень.

— Мой сводный брат... Звучит так странно! У меня не получается видеть в нем брата. Тошан — да, но не Луи.

Лицо Лоры залилось краской. Она быстро встала, чтобы девочка ничего не заметила.

— Тем не менее это твой сводный брат, поскольку Жослин — твой отец. А теперь иди на полдник.

Киона вышла, ничего не добавив. Оставшись одна, Лора поднесла руки к лицу, испытывая сильное волнение и даже страх. «Что ей известно? Что она чувствует? Господи, зачем ты дал этому ребенку такие способности?! Если для того, чтобы наказать меня за былые грехи, сжался, не дай ей разрушить нашу семью!»

Охваченная страхом, женщина снова и снова обращалась к Господу. Она также осознала, что ей всегда придется договариваться с Кионой, этим очаровательным инструментом высшей силы, ангелом или демоном...

«Поживем — увидим», — подумала она, перекрестившись.

Валь-Жальбер, понедельник, 12 апреля 1943 года

Когда Лора вошла в кухню, мадемуазель Дамасс сидела за столом в компании Мирей и пила из большой чашки какао. Занятия закончились полчаса назад.

— Мне очень жаль, моя дорогая Андреа, но я не смогу присутствовать на вашей свадьбе! Завтра мне придется уехать в Квебек. Эрмина позвонила, я нужна ей. Любая мать, достойная этого звания, тут же бросится на помощь своему ребенку, не так ли?

— Боже милосердный! Но, мадам, это означает, что наша Мимина вернулась в страну? — воскликнула Мирей.

— Да, слава Богу, корабль добрался до Канады без осложнений! Но

увы! Мой зять госпитализирован в Квебеке в критическом состоянии. Эрмина позвала меня на помощь. Она в отчаянии, на грани нервного срыва.

Учительница, как смогла, постаралась скрыть свое разочарование. Она заметила, что чета Шарден вот уже три дня пребывала в мрачном настроении, и это еще больше усугубляло ее тревогу, которую она испытывала при мысли о предстоящей свадьбе.

— Не делайте такое расстроенное лицо, — сказала Лора. — Поскольку ваши родители не смогут присутствовать на церемонии, к алтарю вас поведет мой муж.

— Да, но такое ощущение, что все складывается против меня. К счастью, у меня есть одно утешение: моя маленькая Алисия будет со мной, и моя подруга Розанна тоже.

— Главное, что у вас наконец будет супруг, — необдуманно бросила Лора. — Жозеф сделает вас счастливой, я в этом уверена!

С этими словами она покинула кухню. Полная сочувствия, Мирей похлопала учительницу по руке.

— Мадам не хотела вас обидеть, не переживайте. Я же вижу, что-то идет не так. Наверное, это связано с отъездом Шарлотты. Она всегда поступала как ей вздумается.

Андреа боролась с подступившими слезами. Приближение свадьбы сводило ее с ума от тревоги. Ей необходимо было поделиться своими страхами с кем-нибудь сострадательным, но ей мешала стыдливость. Экономка с присущей ей проницательностью догадывалась об этом. Тем не менее она оказалась неумелой в своем желании утешить.

— Не переживайте вы так, мадемуазель Андреа! Я так и не вышла замуж, но это не значит, что у меня не было воздыхателей в юности. Я имею в виду любовников. В первый раз это не очень приятно, нужно потерпеть, но потом все будет хорошо.

На этот раз Андреа Дамасс расплакалась по-настоящему. Чтобы никто не увидел ее в таком состоянии, она убежала в свою комнату.

Больница Сент-Анн^[74], Квебек, четверг, 15 апреля 1943 года

Лора увидела свою дочь сидящей на скамье в вестибюле приемного покоя больницы. Погрузившись в грустные размышления, та не видела мать.

— Боже мой, милая, ну и виду тебя!

— О! Мама, спасибо, что приехала так быстро!

Эрмина встала и бросилась в объятия матери. Они долго стояли, обнявшись, обе крайне взволнованные.

— Девочка моя, — шепнула Лора ей на ухо, — ты меня пугаешь! Надеюсь, Тошан не...

— Господи, нет, он жив, но я уже не знаю, что мне делать! Вчера меня здесь навестила Бадетта, но я не осмелилась разговаривать с ней откровенно.

Ее била нервная дрожь. Все более волнуясь, Лора погладила ее по щеке.

— Успокойся, теперь я с тобой! Как же ты похудела, моя бедная! Поедем поужинаем в городе, надеюсь, ты можешь оставить своего мужа на часок?

— Оставить моего мужа, — сокрушенно повторила Эрмина. — Да он только об этом и мечтает — не видеть меня у своей кровати!

Удивленная этим признанием, Лора воздержалась от вопросов. Она чувствовала, что ситуация очень серьезная. На дочери были несвежие брюки и малопривлекательный пуловер, ее потускневшие волосы были собраны в пучок, а красивое лицо выглядело изможденным.

— У тебя есть хотя бы пальто? На улице еще свежо.

— Нет, мама, у меня ничего не осталось. Я потратила последние деньги, которые у меня были. Эту одежду мне дали во Франции, в Бордо, накануне нашего отъезда.

— Хорошо, мы возьмем такси, и ты нормально пообедаешь. Думаю, тебе многое нужно мне рассказать, и мне, к сожалению, тоже.

Присутствие матери, похоже, успокоило Эрмину. Она с улыбкой взяла ее за руку.

— Мамочка моя, мне кажется, что ты принесла с собой ветер с Лак-Сен-Жана и свежий воздух Валь-Жальбера!

Четверть часа спустя они сидели за столиком ресторана в верхней части города. Не желая торопить дочь, Лора не задавала вопросов, ожидая ее исповеди. Однако она все же поинтересовалась, как прошло их путешествие на борту судна-госпиталя.

— Ты страдала морской болезнью? Это просто чудо, что вы не стали мишенью для врага! Мы с папой постоянно думали о тебе, о вас. Но, слава Богу, ты вернулась на родину!

— Мама, — перебила ее Эрмина, — я не знаю, с чего начать. Тошан стал совсем другим. В начале нашего плавания мы были такими чужими, что я решила разводиться. Потом у него начался сильный жар: возникла послеоперационная инфекция.

Эрмине пришлось объяснить, почему оперировали ее мужа. Это повлекло за собой описание трагедии в Монпоне, смерти Симоны и маленького Натана. Поначалу беспорядочный и немного путаный, ее рассказ вскоре обрел четкость и точность, и каждое слово шокировало и ужасало Лору. Она узнала и о Жанине, которую таскали за волосы по мостовой французского городка, и о связи ее зятя с Симоной.

Когда официантка ставила блюда на стол, Эрмина замолкала, потом продолжала свою печальную историю, с отсутствующим взглядом, бледная, как привидение.

— Теперь ты знаешь все, мама, — подвела она итог, не проглотив ни кусочка.

— Бедная моя девочка, мне так жаль! Но нет, я не знаю всего. Ты не рассказала мне, что произошло на корабле у вас с Тошаном.

— Ах да, сильный жар, медсестры, столпившиеся у его кровати, врач, готовящий меня к худшему... И тогда я поклялась себе, что не оставлю его. Я все ему простила, потому что боялась, что он умрет и его тело бросят в море. Это такая традиция, никого бы это не шокировало. Но я хотела, чтобы он был на берегу Перибонки, вместе с нами. О, мама! Я так молилась, чтобы он выздоровел! Я молилась целых два дня, без сна и еды! Я даже обращалась к великому Маниту, которому поклонялась Тала. Наконец он пошел на поправку. Ему кололи пенициллин. В больнице Сент-Андре этого лекарства не осталось, но на корабле оно было. Говорят, оно творит чудеса в случае инфекции. Как только он снова был в состоянии меня слушать, я сказала ему, что люблю его и что нам нельзя расставаться. Я была так взволнована, что вся дрожала. Уверяю тебя, я смогла снова испытывать к нему нежность, держать его за руку, касаться его лба. Я больше не гневалась. Я запрещала себе ревновать его к женщине, погибшей во цвете лет, так ужасно, но...

— Но что, доченька? Не бойся меня шокировать. Если ты позвала меня сюда, то, видимо, для того, чтобы обсудить беспокоящие тебя темы, которые мы раньше никогда не затрагивали. Ты знаешь мое прошлое и мой тяжелый характер. А по ревности я вообще чемпионка!

Эрмина невольно улыбнулась. Ее матери, по крайней мере, удалось ее расшевелить, вытащить из состояния подавленности.

— Мама, в этом сложно признаться, — наконец сказала она. — Я боюсь, что больше не смогу спать с Тошаном. Я без конца представляю его с этой женщиной, она мне снится по ночам, и я говорю себе, что он предпочел ее мне. Сам он утверждает обратное, но он столько раз меня упрекал, и всегда на одну и ту же тему: мое упорство в желании стать

певицей. И еще то, что я не осталась дома с детьми! Он посмел сказать, что я в некотором роде даже виновата в этой отвратительной бойне, которую устроили полицейские! Мне кажется, наши отношения обречены, а я этого не вынесу. Я хочу его любить, как раньше, верить в него, в нас. И я хочу еще одного ребенка, но этого, похоже, не случится. Тошан обращается со мной как с подругой, а я рядом с ним чувствую себя замороженной.

Лора ответила не сразу. Обладая богатым жизненным опытом, она взяла время на раздумье.

— Эрмина, вспомни. После многолетней разлуки мы с твоим отцом снова полюбили друг друга, даже когда я узнала, что у него была связь с Талой. Я была так разгневана, что не могла ни приближаться к нему, ни прикасаться. Но это было неверное средство — воздвигнуть между нами стену, и я сделала над собой усилие. У тебя тоже все получится. Не здесь, в Квебеке. Отвези своего мужа домой, в его леса, на берег его реки. То, что он пережил во Франции, наложило на него отпечаток. Он чувствует себя виноватым за то, что изменил тебе и не смог спасти Симону и ее сына. Там он, возможно, отойдет рядом с тобой и детьми.

Эрмина с удивлением взгляделась в красивое лицо своей матери, которая только что подарила ей надежду. Затем она опустила голову, словно смирившись с неизбежностью.

— Не знаю, возможно ли это, мама. Врач сказал мне вчера, что мой муж страдает неврастенией, что ему нужно давать успокаивающие препараты и оставить его в больнице. И ни разу Тошан не сказал мне, что хочет увидеть наших детей, вернуться в Лак-Сен-Жан. У него навязчивая идея снова поехать во Францию и отомстить за Симону. О! Я так больше не могу! Это какой-то замкнутый круг, и у меня совсем не осталось сил.

— Только не это! — отрезала Лора. — Нельзя опускать руки, милая! Спрячь куда-нибудь свою глупую ревность, ведь ты должна вернуть отца Мукки и близняшкам. И потом, будь откровенна до конца: ты тоже играла с огнем, встречаясь с месье Лафлером! Я частенько взывала к твоему рассудку, но не уверена, что ты меня слушала. Всего за несколько месяцев Тошан потерял свою мать и получил серьезную травму тела и души. Ты вышла за него замуж, чтобы быть с ним и в горе, и в радости. Так сражайся за тех, кто тебе дорог!

Со слезами на глазах Эрмина пообещала попробовать. Она наконец смогла проглотить десерт — яблочный пирог. Лора заказала два кофе и сменила тему.

— У меня тоже не очень хорошие новости. Шарлотта сбежала с мужчиной.

— Что?! — изумленно спросила Эрмина.

— С немецким военнопленным! И она от него беременна. Жосс никак не может прийти в себя, я тоже.

— Нет, мама, это невозможно! Только не Шарлотта!

— Я расскажу тебе подробности чуть позже, на улице. И за всем этим стояла Киона! Ты поймешь почему. Но она наказана. Никаких прогулок на пони в течение месяца и написать тысячу раз: «Я буду с уважением относиться к взрослым». У меня не было выбора. Мы держим все в строжайшей тайне, иначе я заставила бы писать ее: «Я больше не буду укрывать врагов своей страны». Хотя она бы все равно отказалась. Невероятно упрямый ребенок и, ты права, слишком умный для своего возраста.

Разрываясь от горя и нежности, Эрмина сжала руки Лоры.

— Мама, я так хочу вернуться домой! Я мечтаю увидеть озеро Сен-Жан и наши горы, ощутить аромат елей, а главное, обнять своих деток и Мадлен, Акали, Мирей... папу и мою дорогую Киону! Без нее я бы никогда не нашла Тошана.

— Я знаю, — ответила ее мать. — Потерпи, доченька! Если твой муж согласится покинуть больницу, мы скоро будем дома. Но только не раньше понедельника. Я не хочу присутствовать на свадьбе старины Жо и его милой Андреа!

Лора недовольно поморщилась. Она была верна себе: то серьезная и рассудительная, а секунду спустя уже насмешливая и желчная. Возможно, это был ее способ скрыть свой страх, печаль и найти в себе силы преодолеть невзгоды. Эрмине было неважно, что она говорила: ее мать являлась для нее несокрушимой скалой, на которую она могла опереться. Лора была для нее одновременно воплощением и бурного Уиатшуана, и спокойной Перибонки: их живая прозрачная вода пела для нее вечный припев ее снежной родины.

Больница Сент-Анн, Квебек, следующий день

Тошан испытал сильное чувство досады, увидев свою тещу в дверях палаты, как всегда, элегантную, с тщательно накрашенными голубыми глазами, в окружении платиновых кудряшек. Накануне Эрмина сказала ему, что Лора приехала в Квебек, и он ясно дал понять, что не желает никого видеть.

— Добрый день, мой дорогой зять, — сразу же сказала она. — Не

смотрите на меня так удивленно, я ненадолго.

— Добрый день, — вежливо ответил он. — Если вы ищете Эрмину, то она пошла купить мне газету.

Лора села у кровати и окинула Тошана задумчивым взглядом. Он сильно похудел, лицо его было бледным.

— Я знаю, где находится моя дочь. И даже воспользовалась этим, чтобы навязать вам свое присутствие. Эрмина не знает о моем намерении навестить вас, и я хочу, чтобы она продолжала оставаться в неведении. А у вас не такой уж неврастеничный вид! Я ожидала худшего.

Красавец метис раздраженно вздохнул. Поистине, Лора была последним человеком, которого он хотел видеть.

— Ваше мнение меня совершенно не интересует, — сухо ответил он.

— Тошан, не нужно видеть во мне врага! Я хотела поговорить с вами откровенно, потому что я мать, а моя дочь страдает. Она все мне рассказала.

— Все?! — возмутился он. — По какому праву?

— Но разве вы не видите, как она несчастна? Эрмине просто необходимо было выговориться, чтобы не сойти с ума. Она думает, что вы ее больше не любите. Это правда?

— Вас это не касается, Лора, но вы знаете ответ. Разумеется, я люблю ее!

— В любви, как и в дружбе, нужны доказательства, Тошан. Похоже, вы планируете остаться в больнице, чтобы затем попросить пост в гарнизоне или, если это возможно, вернуться в Европу. Похоже также, что вы не хотите возвращаться к себе домой, на берег Перибонки. Однако вы эгоист! А как же ваши дети? Вас не смущает, что вы сильно огорчите, разочаруете их? Они знают, что их отец вернулся в Канаду, и ждут вас с таким нетерпением! Мукки растет, вы его герой, он мечтает помогать вам, показать свою юную силу и преданность. А Лоранс, такая нежная, кроткая, нарисовала для вас пейзаж. Что касается Нутты, самой строптивой из семьи, она тоскует по вашему дому в чаще лесов, по прогулкам вдоль реки вместе с вами.

Потрясенный, Тошан нахмурился. Он был категоричен и произнес намеренно нелюбезным тоном:

— Они уже в том возрасте, когда могут принять мой выбор. Прошу вас, Лора, оставьте меня в покое.

— А Киона? — продолжила та, несколько не смутившись. — Разве она заслуживает вашего безразличия? Вам известно, что она чуть не умерла ради вас, да-да, ради своего брата по крови? Мы думали, что потеряем

этого странного ребенка, общающегося с миром духов, возможно, с потусторонним миром... Только благодаря ей мы смогли сообщить Эрмине, в каком французском городе вы находитесь, и все то время, пока вы бились в агонии, Киона, которой всего девять лет, боролась за вашу жизнь — мы с Жослином уверены в этом!

— Эрмина мне этого не рассказывала, — сказал Тошан, тронутый до глубины души.

— На ее долю и без того выпало столько потрясений! Я ей еще не говорила, какого страху мы натерпелись при виде умирающей Кионы. Но это правда! Я уверена, что эта девятилетняя девочка была готова пожертвовать собой ради вас. И я уверена, если бы Тала могла, она бы тоже призвала вас сделать выбор в пользу вашей семьи.

При упоминании о матери лицо Тошана омрачилось. Охваченная глубоким состраданием, Лора осмелилась взять его за руку.

— Вы хотите отомстить за ту несчастную молодую еврейку и ее ребенка, и я не могу вас в этом упрекать, Тошан! Вы снова хотите сражаться с нацизмом, и это похвальное желание. Но есть и другие сражения, которые нужно вести здесь, в память о вашей матери и предках монтанье. Например, спасти индейских детей, которых истязают в пансионах, созданных правительством. Киона пережила там настоящий ад, равно как и малышка Акали, которую мы приютили. Разве это не достойное дело? Прошу вас, подумайте обо всем этом! Когда вы будете в состоянии передвигаться, возвращайтесь к себе домой, на берег Перибонки, к вашему близким. А теперь я вас оставляю.

Она с достоинством встала, легкая и грациозная. В эту секунду Тошан понял, насколько благородная душа у этой экстравагантной, болтливой и вспыльчивой женщины. Он хотел ей сказать, что подумает, но ему не позволила гордость. Тем не менее, когда она открыла дверь, он тихо произнес:

— Каждую минуту утром, вечером, ночью, во сне передо мной встает застывшее лицо маленького Натана Штернберга, которого унесла смерть. Несправедливая, ужасная смерть! Он лежал прямо передо мной с открытыми глазами, и то недолгое время, что я его знал, я был с ним жестким, авторитарным и нетерпеливым. Я также обвиняю себя в том, что ослабил бдительность его матери. Это постоянное чувство вины отдаляет от всего доброго и нежного, что есть на земле. В то утро я умер вместе с ними.

— Ну что ж! Так попытайтесь воскреснуть ради тех, кто вас любит, — ответила Лора, не поддавшись жалости. — До свидания, Тошан.

Она вышла из палаты, не обернувшись.

Роберваль, суббота, 17 апреля 1943 года

Было одиннадцать часов вечера. Андреа задержалась в роскошной ванной самого престижного отеля Роберваля. Супруги поужинали наедине в большом зале ресторана, в золотистом свете люстр, которые отражались в зеркалах с позолотой, украшающих стены. Лора сделала им дорогой подарок: два дня во Дворце Роберваля.

«Это случилось, я замужем!» — повторяла себе учительница. Она сказала Жослину, что хочет принять ванну, но на самом деле ей хотелось просто уединиться, в слабой надежде, что он за это время уснет. Ее жених много выпил и выглядел уставшим после этого длинного праздничного дня.

«Я замужем! Все прошло замечательно, несмотря на отсутствие мадам Шарден, — подумала она, расчесывая свои еще влажные волосы. — У месье Жослина был гордый вид, когда он вел меня к алтарю! И Алисия выглядела восхитительно в своем голубом платье, с красиво уложенными волосами, украшенными цветами. Розанна прощалась со мной на перроне вокзала со слезами на глазах. Боже мой, какая же у меня добрая и нежная подруга!»

— Андреа, моя дорогая женушка, — позвал заплетающимся языком Жозеф из комнаты, — ты слишком долго приводишь себя в порядок. Мне уже невтерпеж!

При последних словах Андреа поморщилась. Принимая предложение руки и сердца от бывшего рабочего, она понимала, что ей придется делить с ним ложе и наконец-то познать тайны физической любви. Но сейчас, когда ей предстояло лечь рядом с этим мужчиной в одной ночной рубашке, она испытывала дикий страх.

— Да-да, я иду, — ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал непринужденно.

— Поторопись!

Они уже несколько недель обращались друг к другу на «ты». Жозеф даже несколько раз пытался поцеловать свою невесту в губы, но получал от ворот поворот. Девиз Андреа Дамасс был непреклонным: «До свадьбы — ничего!»

Готовая расплакаться, она разглядывала свое отражение в зеркале. Ее грудь по-прежнему выглядела огромной под шелковой рубашкой, обтягивающей ее слишком широкие бедра. Она быстро сняла очки, и

изображение стало размытым.

«Как быстро все закончилось, — в панике подумала она. — Я еще хотела бы стоять возле церкви в окружении моих друзей и маленьких учеников».

Она старательно вызвала их образы в памяти. Близняшки, со светлорусыми косичками и хитрыми мордашками, улыбающийся Мукки, с его золотистой кожей и черной шевелюрой, сияющей на солнце, такой крепкий для своего возраста. «Акали сказала, что очень меня любит, а Алисия пообещала часто писать. Какая жалость, что моя крестница пробыла в Валь-Жальбере всего две недели! А Ламбер Лапуэнт от души поцеловал меня, пожелав много счастья».

С особой теплотой она подумала о Кионе, которая с серьезным лицом вручила ей сине-зеленый матовый камень.

— Это бирюза, мадемуазель, в благодарность за ваши уроки. Она досталась мне от моей бабушки Одины. Этот камень будет вас защищать.

«Они все были очаровательны, — сказала она себе, пытаясь справиться с охватившей ее дрожью. — Господи, мне нужно было отказаться от этого замужества и посвятить всю свою жизнь преподаванию! Правда, я все равно продолжу вести занятия, только жить буду у Жозефа».

При одной только мысли, что она станет матерью Мари Маруа, ей стало легче. Девочка не скрывала своей привязанности к ней и иногда называла мамой.

— Андреа, если ты сейчас не выйдешь, я усну! — крикнул ее муж.

Дрожа всем телом, она смирилась с неизбежным и, открыв дверь, проскользнула в спальню, забыв погасить свет в ванной. Лежа в кровати в верхней части пижамы, Жозеф увидел освещенные сзади роскошные формы своей жены, о которых он мечтал до наваждения.

— Наконец-то ты здесь, милая моя, — пробормотал он.

Он никогда ее так не называл, и его томный взгляд загорелся от вожделения. Бывший рабочий похлопал по кровати рядом с собой.

— Перестань меня томить, Андреа. Взгляни, как я тебя люблю!

С этими словами веселый, сильно захмелевший Жозеф откинул простыню и выставил напоказ свой пенис внушительных размеров, чем окончательно привел в ужас свою супругу.

— О нет, нет! — простонала она. — Я не смогу!

Она считала себя сведущей в мужской анатомии, но ей не хватало практики и опыта. Охваченная паникой, она попятилась назад, не в силах оторвать взгляд от предмета своего ужаса.

— Что с тобой, женушка моя?

— Спрячь его! — взмолилась она. — Я не лягу в постель, ты причинишь мне боль!

— Послушай, будь благоразумной! Это наша брачная ночь. Разве ты не догадывалась, что я такой же, как другие мужчины?

— Ты же у меня первый, Жозеф, я тебя предупреждала, — разрыдалась старая дева.

Растроганный, но еще более возбужденный, он поднялся и подбежал к ней. Его руки легли на ее ягодицы, а настойчивый язык проник ей в рот.

«Нужно просто потерпеть», — сказала себе Андреа, вспомнив о неловком предостережении Мирей.

Внезапно став послушной, она позволила увлечь себя к брачному ложу. Лучше было покончить с этим скорее. Прерывисто дыша, Жозеф осыпал жену утешающими словами, снимая с нее ночную рубашку. Наконец он завладел этой девственной и пышной плотью, вздрагивающей под его грубыми ласками.

— Нет, нет, нет, — твердила Андреа. — Прошу тебя, не сейчас...

Но он не слушал и проник в нее почти сразу. К великому удивлению Андреа, она совсем не ощутила боли, скорее замешательство, которое переросло в приятные, даже пьянящие ощущения. Полчаса спустя она с улыбкой смотрела в гипсовый потолок с затейливым лепным орнаментом.

«Я замужем, это случилось!» — восхищенно подумала она.

Жозеф уже спал, выполнив свой супружеский долг.

Берег Перибонки, суббота, 28 августа 1943 года

Эрмина развешивала белье за дровяным сараем, ей помогала Мадлен. Ветер был приятно теплым, солнце еще не клонилось к закату.

— Простыни высохнут завтра, — сказала молодая женщина, одетая в белое ситцевое платье, короткие рукава которого открывали ее красивые загорелые руки.

— И тряпки тоже, — откликнулась индианка. — Ах! Моя дорогая Эрмина, если бы ты знала, как я здесь счастлива! Нет, в Валь-Жальбере мне тоже нравится, но мне в сотню раз милее этот уединенный дом, расположившийся между рекой и лесом. И на Акали любо-дорого посмотреть! Как только мы сюда приехали, она изменилась, все время смеется и даже становится довольно шаловливой. Я бы так хотела, чтобы и ты вновь обрела радость!

— Не будем об этом говорить, Мадлен, это ничего не изменит.

— Наберись терпения, Тошан в конце концов поправится.

— Его тело уже здорово, даже если он не может пока свободно пользоваться своей левой рукой, но душа его больна! В мае, когда мы сюда вернулись, я надеялась, что он выберется из своей депрессии. Но ему ничто не помогло: ни любовь его детей, ни моя любовь, ни твои заботы — ничто!

Эрмина опустила голову, ей было стыдно признаться, что она совсем пала духом. Они могли быть счастливы в этом хранимом Богом уголке, где родился ее муж, где он играл ребенком, где стал мужчиной. Под ступеньками крыльца, в плетеной корзине, по-прежнему лежали белые камни, которые Тала использовала, чтобы выложить на поляне магический круг. Деревья образовывали успокаивающую завесу зелени, в которой щебетало множество птиц. Мукки с близняшками каждое утро этого теплого лета купались в речной заводи, где течение было не таким быстрым, а вода прозрачной, словно в роднике.

— А ведь здесь мы вдали от остального мира, — вздохнула Эрмина. — Вчера один человек с Перибонки передал мне письмо от моего отца. Я хотела бы прочесть его Тошану, но не решаюсь.

— Может быть, ты чересчур его щадишь? — заметила Мадлен. — Что пишет месье Жослин? Надеюсь, плохих новостей нет?

— Нет, в Валь-Жальбере все в порядке, — ответила Эрмина, усаживаясь на траву. — Мама чинит центральное отопление, Луи много играет с Ламбером Лапуэнтон, который стал благоразумней. Андреа и Жозеф, судя по всему, купаются в своем счастье. Мирей скучает. Она грозит маме уволиться и вернуться в свой родной Тадуссак.

Индианка подняла корзину для белья и прижала ее к бедру.

— Не вижу ничего, что могло бы шокировать Тошана или хотя бы заинтересовать, — со смехом сказала она.

— Папа также держит меня в курсе последних новостей. Жан Мулен, возглавлявший французское Сопротивление, скончался 8 июля под пытками гестаповцев. Это расстроит Тошана, я знаю. Есть один позитивный момент: 17 августа прошла очень важная конференция в Квебеке. Высадка союзников на севере Франции предусмотрена на 1-е мая будущего года. Возможно, этот кошмар скоро закончится. О, Мадлен, я бы так хотела, чтобы война завершилась! Не ради нас, а ради всех тех людей во всем мире, которые страдают и погибают каждый день.

— Идем, ты должна сказать об этом моему кузену. Тошана порадует эта новость.

Она протянула свободную руку Эрмине, которая встала и последовала за ней. Женщины пересекли поляну, усеянную дикими цветами. Показался

деревянный дом, который метис в свое время расширил и обустроил.

После возвращения Тошан проводил целые дни в шезлонге, под навесом деревянной террасы. Отсюда он мог любоваться лесом, движением облаков и играми детей. Он часами читал, прикрыв ноги одеялом, даже в сильную жару.

«Бог мой, как грустно видеть его таким! — подумала Эрмина, глядя на своего мужа. — Я была так рада, когда он согласился вернуться сюда, в наш настоящий дом! Мне не в чем его упрекнуть: он приветлив с каждым из нас, ест что дают, общается на повседневные темы, но я знаю, что он больше не хочет жить... что он ничего не хочет!»

Она вцепилась в руку Мадлен в надежде получить от нее поддержку.

«А ведь мы спим в одной постели. И однажды ночью — всего раз! — он ответил на мои ласки». Воспоминание об этих торопливых объятиях, показавшихся ей чисто гигиеническими, вызывало в ней отвращение. Тошан взял ее без малейшего слова любви, и она не получила никакого удовольствия. «Он не может забыть о смерти Симоны и ее сына! Ему снятся кошмары, он просыпается в поту, не понимая, где находится. Кто сможет его вылечить?»

Мадлен сочувственно ей улыбнулась и замедлила шаг.

— Месье Жослин не сообщает в своем письме о Шарлотте? У них нет от нее никаких известий?

— Если бы были, родители обязательно написали бы. Эта история сводит меня с ума. Я очень беспокоюсь за Шарлотту, и мне так ее не хватает! Будь я тогда дома, я смогла бы все уладить. Представляешь, Тошан даже не высказал своего мнения, когда я рассказала ему о случившемся. Я живу с фантомом, Мадлен. С фантомом моей великой любви! Но что поделать... Пора идти готовить ужин.

— Я поставлю тушиться фасоль с салом. Но куда подевались дети? Кузен, ты не видел ребятишек?

Она церемонилась с ним меньше, чем Эрмина. Тошан поднял глаза от своей книги.

— Они на берегу реки. Кроме Кионы. Она отправилась в другую сторону.

— Но зачем? — тут же встревожилась Эрмина. — Я запретила ей уходить далеко одной.

Жослин с сожалением расстался со своей младшей дочерью в мае месяце. Она попросила у него разрешения провести лето на берегу Перибонки, возле своей любимой Мины. Лора нашла эту идею замечательной прежде всего ради собственного спокойствия, а также в

тайной надежде, что девочка поможет Тошану. Но странно: Киона избегала сводного брата. Со своей стороны он не пытался ни сблизиться с ней, ни даже заговорить. Это раздражало Эрмину, которая узнала, какой опасности подвергала девочка свою жизнь ради Тошана.

— Ты должен был присмотреть за ней, — упрекнула она своего мужа. — Напомнить, чтобы она не уходила далеко!

— За ней увязались собаки. Твоя мать отправила их сюда, вот пусть и приносят пользу.

«Собаки! — внутренне оскорбилась Эрмина. — Ты лишний раз даже не взглянешь на них, не приласкаешь, тогда как эти животные так радуются тебе и лежат у твоих ног».

Она поднялась по ступенькам и смерила мужа гневным взглядом. Он снова погрузился в чтение. Мадлен пожалала плечами и вошла в основную комнату, где готовили и принимали пищу за большим столом из еловых досок. В эту секунду из леса, с северной стороны дома, донесся разноголосый лай.

— Боже мой, что это? — воскликнула Мадлен. — А вдруг Киона встретила медведя — самку с детенышами?

— Побегу туда, — сказала Эрмина, собираясь снять со стены охотничье ружье.

Не двигаясь с места, Тошан высказал свое мнение, продиктованное опытом:

— Если бы это был медведь, собаки рычали бы и выли. А сейчас они просто тявкают. Явно чему-то радуются.

— И все же ты мог бы сходить и посмотреть, что там происходит, Тошан, — резко ответила Эрмина. — От депрессии ноги не отнимаются!

— Она права, кузен. Но только не ссорьтесь. Я сама схожу.

Она уже сбегала по ступенькам, и ее длинная черная коса раскачивалась посередине спины в такт движениям. Все еще гневаясь, Эрмина стояла на крыльце, ожидая ее возвращения.

— Не сердись на меня, — сказал ей муж. — Я нечто вроде калеки: мне тяжело бегать, и врачи рекомендовали мне не напрягаться. Отныне у меня слабые легкие. Я плохой воин и любовник. Ни на что больше не годен...

— Замолчи! Слышишь, замолчи! Я не могу больше выносить твоё нытье, недостойное Тошана, которого я обожала, который рассказывал мне, что жизнь — это круг и что нас ведут по нему невидимые пути! А наши с тобой пути постепенно расходятся, и это наказание за то, что ты опустил руки!

— Ты права! Но я жив, я играю в карты с Мукки каждый вечер и

восхищаюсь рисунками Лоранс. Я даю советы Нутте, которая учится стрелять из лука, и тайком люблю твоими ногами, золотистыми руками и выгоревшими на солнце волосами. Кто из нас двоих больше не любит другого? Ты или я? Эрмина, если ты так несчастна со мной, я даю тебе свободу. Ты заслуживаешь здорового и веселого супруга.

При этих словах она невольно подумала об Овиде Лафлере. В гостинице в Перибонке она узнала, что молодой учитель живет в Шикутими и помолвлен с какой-то секретаршей. Его мать умерла, и он сдал семейную ферму в аренду супружеской паре, занимающейся сельским хозяйством.

— Я не оставлю тебя, Тошан, — твердым голосом ответила Эрмина. — Ты от меня не избавишься. И я...

Она удивленно замолчала. На опушке леса появилась Мадлен в сопровождении странной группы. Задрвав хвосты, собаки громко лаяли и наступали на пятки Кионе, которая со смехом бежала впереди.

— Но... это же старый Мало! — воскликнула Эрмина. — Никто и не вспомнил о бедном псе! Должно быть, он долго блуждал и наконец нашел дорогу к дому.

Тошан ничего не ответил. Испытывая сильнейшее волнение, он побледнел. К нему медленно направлялся величественный силуэт старой индианки, ее седые косы были украшены лентами и перьями.

— Курум? — прошептал он. — Бабушка Одина!

— Господи, Тошан, тебя пришла навестить твоя семья! — воскликнула Эрмина. — Я вижу и Аранк — твою красивую тетю Аранк, младшую сестру Талы.

Она устремилась навстречу гостям. Мадлен ликовала, на глазах ее были слезы. Киона бросилась к Эрмине и подняла к ней счастливое лицо.

— Красавица моя любимая, ты опять не слушаешься! Полагаю, ты увидела, что они идут к нам?

Эрмина сделала ударение на слове «увидела».

— И да и нет, — засмеялась девочка. — На этот раз мне помогли собаки: они почуяли Мало. Посмотри-ка лучше, кто там, Мина! Только посмотри!

У Эрмины возникло странное ощущение, что она видит сон или находится во власти галлюцинации. Среди шумного семейства Тошана она заметила индианку с более светлой кожей и вздернутым носом, темные волосы которой были заплетены в две короткие косички. Ее туника из оленьей кожи обтягивала круглый живот, в котором билась новая жизнь.

— Шарлотта?! Моя Лолотта! О! Спасибо, Господи! Я не могу в это

поверить...

Шарлотта бросилась в объятия Эрмины и разрыдалась как ребенок. Впервые она не возражала против прозвища «Лолотта», которое ее так раздражало.

— Мимина, я так боялась, что ты меня оттолкнешь, — сказала она дрожащим голосом. — Но я все же пришла. Мне тебя слишком не хватает! Шоган сказал нам, что ты живешь здесь. Мне скоро рожать, бабушка Одина в этом уверена.

Потрясенная Эрмина гладила свою нашедшуюся подругу, бывшую подопечную.

— Правильно сделала, что пришла, — заверила она ее. — Представляю твою встречу с мамой!

Мукки, Акали и близняшки ворвались на поляну, наверняка привлеченные звуками этой суматохи. Они бросились к своей прабабушке, чтобы поздороваться с ней и расцеловать, затем переключились на Аранк и своих юных кузенов. Это позволило Эрмине внимательнее взглянуться в незнакомца, одетого в полотняные брюки и полосатую рубашку. Это был очень красивый мужчина с белокурой бородкой и еще более светлыми кудрями, голубые глаза его казались прозрачными. Держа в руках объемистый тюк, он не решался подойти ближе.

— Иди сюда, Людо, — сказала ему Шарлотта. — Нам этого не избежать.

— Людо? — удивилась Эрмина.

— Я сократила его имя из осторожности. Знакомься, это Людвиг. Ты наверняка в курсе про нас двоих.

Эрмина колебалась, еще находясь под впечатлением от своего короткого пребывания во Франции, где она встречала столько надменных немецких солдат и проклинала все эти красные флаги с черной пугающей свастикой. Ей показалось, что она снова слышит их лающий говор и видит Жанину, стройное тело которой бьется о мостовую Монпона, и Октава, которого забивают ногами. И хотя это были французские полицейские, изливавшие свою ненависть, делали они это, желая угодить немецким оккупантам.

На ее плечо легла рука и легонько сжала его. Это Тошан поднялся, чтобы встретить свою бабушку Одину и тетку, затем он увидел высокого стройного блондина.

«Его рука на моем плече, — взволнованно подумала Эрмина. — Он поддерживает меня в этот тяжелый момент, когда я не знаю, что говорить и что делать!»

Молчание нарушил Людвиг, внимательно вглядывавшийся в Тошана:

— Месье, я вас знаю! Вы солдат Дельбо, Тошан Дельбо, метис, как вас называли в лагере на реке Алекс. Я очень рад, что могу вас поблагодарить! Вы спасли мне жизнь. Я обязан вам своим счастьем, тем, что встретил Шарлотту и скоро стану папой.

Это заявление ошеломило Эрмину, которая обернулась, чтобы посмотреть на Тошана. Ее муж выглядел таким же удивленным.

— Я не совсем вас понимаю. Вы были заключенным в этом лагере? Но я там пробыл совсем немного: у меня нет призвания быть надзирателем, тем более палачом. Как-то раз я отвел в сторону дуло ружья, чтобы спасти некоего Хайнера — несчастного парнишку, над которым издевались другие заключенные.

— Он перед вами, месье, — подтвердил Людвиг. — За три года я подрос, а за последний год набрал вес благодаря Шарлотте. К тому же у меня отросли волосы. Людвиг — мое второе имя, которое любила мама.

При упоминании о матери его голос задрожал от нежности и тоски. Этого было достаточно, чтобы окончательно пробить броню Эрмины, которая и без того была ослаблена защитной речью Кионы — этого ревностного адвоката бедного Людвигу. Молодая женщина протянула ему руку.

— Добро пожаловать, месье! Шарлотта вас любит, и это для меня самое важное.

Тошан хранил молчание. Он помнил этого немецкого солдата, если его можно было так назвать, который едва вышел из подросткового возраста и звал по ночам свою мать. Он помнил об этом юнце, насильно мобилизованном на его далекой родине, вырванном из семьи по приказу тирана, затерянном в глубине Канады, униженном и истерзанном. Он был кем угодно, только не врагом.

— Я тоже рад, что вы не погибли от холода в наших лесах, — наконец произнес он. — Моя мать научила меня не судить о людях по их внешности, расе или религии. Начиная с этого дня вы для меня — один из местных, а также муж этой юной особы, которую я люблю.

— Не беспокойтесь, — сказала Шарлотта, — после рождения нашего ребенка мы уйдем отсюда вместе с бабушкой Одиной. Шоган нашел надежное место в горах. Тошан, правительство пытается заставить твою семью жить в резервации. Но Шоган отказывается подчиняться этому закону белых.

— Резервации, пансионы, где разрушают душу индейских детей, — мне об этом известно, — ответил метис. — Идемте в дом, я чувствую

аромат горячего кофе. Наверное, Мадлен его сварила. Моя жена богата и знаменита в театральных кругах. Мы единственные в Лак-Сен-Жане, кто еще пьет настоящий кофе!

Эрмина не могла поверить своим глазам: Тошан оживился, разговаривал громко и уверенно, гордый и прекрасный, как раньше. Вне себя от радости, она шла рядом с ним, держа за руку Шарлотту.

— Сегодня вечером мы будем ужинать вокруг большого костра, под звездами, и я буду петь! О да, я так хочу петь!

С наступлением темноты все было готово для импровизированного пиршества. Дети с энтузиазмом собирали хворост и передвигали камни, чтобы расширить очаг, на котором иногда жарили мясо или кипятили белье. Мадлен полностью погрузилась в приготовление различных блюд, в частности картофельного рагу и фасоли с салом, под руководством Одины. Бабушка также хотела поджарить ломтики тыквы, очень вкусной, по ее утверждению.

Аранк принесла филе копченой рыбы и пшеничного хлеба, называемого баник, который она испекла сама. Вечно подозрительный Шоган появился лишь в сумерках.

— Вы только взгляните на Тошана, — то и дело повторяла Эрмина Мадлен и Шарлотте. — Он смеется с Шоганом, он погладил старого Мало!

Людвиг рассказал Кионе, как в день их побега за ними увязался пес. Они пытались отправить его обратно в городок, но тот затаился в кустарнике и следовал за ними на расстоянии. Шарлотта добавила:

— Когда мы прибыли к бабушке Одине, появился и он, с высунутым языком, довольный собой. Нам повезло: на выходе из Роберваля нам повстречался Пьер Тибо и подвез нас в своем грузовике до Перибонки, не задавая вопросов. Людвиг не говорил ни слова, лишь качал головой. Я сказала Пьеру, что он немой.

Вокруг весело пылающего костра велись оживленные беседы. Аромат горящего жира и жженой травы витал над поляной. Ужин затянулся, похожий на сборище монтанье в былые времена. Все сидели кружком возле костра. Мадлен пообещала сварить еще кофе: Одина очень его любила.

Воодушевленная, Эрмина поднялась, не заметив, что Тошан вернулся на террасу.

— Как и обещала, я сейчас буду петь, потому что этот день вновь подарил мне надежду. Он также привел ко мне Шарлотту — мою сестру по духу и ее спутника, который кажется мне добрым и искренним человеком.

— Да, спой, Канти! — воскликнул Шоган. — Тала будет здесь, среди

ночных звезд, ее порадует твое пение!

Мукки принялся аплодировать, а сияющая Акали повторяла:

— Спой, Канти, спой, моя Канти!

Лоранс болтала с одной из своих кузин, но они быстро умолкли. Что касается дерзкой Мари-Нутты, она наконец-то почувствовала себя на своем месте, среди народа монтанье.

— Я выучила эту арию в Париже, — пояснила Эрмина. — Она из оперы Верди «Набукко». Это хор рабов.

Когда ты поешь, я пою вместе с тобой, Свобода!

Когда ты плачешь, я тоже оплакиваю твою горе!

Когда ты дрожишь, я молюсь за тебя, Свобода!

В радости и слезах я люблю тебя.

Вспомни о своих худших днях,

Моя страна: твоими кораблями были галеры.

Когда ты поешь, я пою вместе с тобой, Свобода,

А когда тебя нет, я не теряю надежды.

Кто ты? Религия или реальность,

Идея революционера?

Я думаю, ты единственная истина,

Достоинство нашего человечества.

Я понимаю, когда умирают за тебя,

Когда проводят всю жизнь в ожидании тебя.

Когда ты поешь, я пою вместе с тобой, Свобода!

В радости и слезах я люблю тебя.

В песнях надежды звучат твоё имя и твой голос.

Пусть история приведет нас к тебе,

Свобода! Свобода!

Голос Соловья из Валь-Жальбера поднимался ввысь, чистый и мягкий, мощный и нежный. Эрмина пела стоя, и блики пламени играли на ее длинных светлых волосах. Сложив руки у груди, подняв лицо к небу, она была само воплощение печали, надежды и веры в лучший мир. Слово «свобода», звеневшее в ночи, наполнялось божественной силой на высоких хрустальных нотах. Людвиг признался Шарлотте, что никогда не слышал такого красивого пения, и она крепче прижалась к нему.

Индейцы слушали Эрмину с благоговением, приоткрыв рты или сжав сигареты зубами. Молодая женщина спела еще несколько своих любимых

арий: «Мадам Баттерфляй», «Лакме», затем исполнила некоторые популярные французские песни, включая «Аккордиониста» Эдит Пиаф, вызвавшую слезы у бабушки Одины.

Нет, никто не обратил внимания на Тошана, кроме девятилетней девочки с пылающими кудрями, которая беззвучно приблизилась к нему, словно волчонок. Она встала перед ним в отблесках пламени, так что он не различал ее лица.

— Ты все еще мертвый? — спросила она его.

Метис не смог сдержать грустного смеха. Он легонько подтолкнул ее, побуждая вернуться к остальным.

— Радость там! Не трать на меня свое время, Киона. Эрмина поет так хорошо! Ты должна ее послушать.

— Тошан, она думает, что на этот раз ты выздоровел, потому что ты поднялся с этого шезлонга, потому что ты смеялся и разговаривал с Шоганом. И ты положил руку ей на плечо. Если ты не выздоровел, завтра она будет еще несчастнее.

— Я знаю, но ничего не могу поделать, я не умею притворяться. Сегодня особый случай. Я хотел помочь ей при общении с Людвигом, и я не мог обидеть Одину, оставшись сидеть.

Киона немного передвинулась, и Тошан увидел ее профиль, совершенная линия которого, невероятно изящная, его поразила. Он никогда не замечал красоты своей сводной сестры, тем более ее схожести с Эрминой. Но то, что было перламутровым, молочным и нежно-розовым у его супруги, у девочки отличалось теплым золотисто-янтарным оттенком.

— Тошан, в этом нет твоей вины, — сказала она, не глядя на него. — Мне так тяжело постоянно лгать дорогим мне людям, обманывать их!

— Ты что, придумываешь свои видения, предчувствия? — спросил он, заинтригованный.

— Нет, наоборот, — ответила она суровым тоном. — Я скрываю столько вещей, которые не дают мне покоя, сводят меня с ума! Иногда я вижу фантомы. Симон приходил в классную комнату Лоры. Я поняла, что он умер, но не во Франции и не в сражении. Он умер в другом месте, и в этом месте происходят такие ужасные вещи, что у меня кровь стынет в жилах.

Если бы Лора видела сейчас Киону, она бы шепнула на ухо Жослину, что его дочь выглядит на десять лет старше. Тошан подумал о том же. Еще он подумал, что перед ним стоит не совсем ребенок — скорее некое загадочное существо.

— Симону я тоже видела, вместе с ее маленьким мальчиком. Их

окружает божественный свет, и она не хочет, чтобы ты был несчастен. Думаю, они меньше страдали, умерев сразу. Если бы их увезли в то ужасное место, о котором я хочу забыть, у них не было бы этого света. Тошан, ты мой брат, кровь Талы связала нас навсегда. Я так тебя люблю... Но я не могу спасти тебя все время, это изнурительно.

Глядя его по щеке, она беззвучно плакала.

— О, Киона! Я столько лет тебя игнорировал. Я не понимал, кто ты и как сильно ты меня любишь!

Метис не смог больше ничего сказать. Его голос дрогнул, и из груди вырвались сдавленные рыдания, сдерживаемые столько месяцев. Задыхаясь от этой печали, которой он наконец дал выход, Тошан обнял свою сестру и крепко прижал к себе. Она доверчиво положила голову ему на плечо, а он рыдал, не в силах остановиться, преисполненный благодарности, но также сожаления.

— Думаешь, жизнь может начаться заново? — успокоившись, тихо спросил он.

— Да, Тошан. Одни люди умирают, но на смену им в этот мир приходят дети. У Шарлотты родится девочка послезавтра, а твой сын появится на свет будущей весной. И война тоже закончится, только не прямо сейчас. Еще произойдут ужасные вещи. Надеюсь, что я их не увижу! Бабушка Одина сделала мне амулеты. Она пообещала, что я стану нормальной, если не буду снимать их с шеи. Мамины амулеты сожгли злые люди.

— Ты правда знаешь все это заранее?

— Конечно, и говорю тебе об этом, чтобы ты порадовался.

— Я радуюсь, и теперь я здесь, с тобой! Больше никто не причинит тебе зла, и, если понадобится, я отправлюсь на поиски последнего шамана в наших краях, чтобы он помог тебе жить спокойно.

С этими словами Тошан поцеловал круглую шелковистую щечку Кионы. Она обняла его за шею и улыбнулась своей невыразимо божественной и лучезарной улыбкой, обладающей даром утешать и приводить в восторг сердца.

— Это странно, но мне кажется, я выздоровел! — восхищенно произнес он. — Благодаря тебе, моя сестренка!

— Тогда скорее иди к Мине! Она тебя ждет.

Бабушка Одина рассказывала легенду народа монтанье, в которой речь шла о бобре и лосе. Дети, затаив дыхание, слушали ее. Эрмина села в стороне от костра, немного устав от пения. «Какая чудесная ночь! —

подумала она. — Столько счастливых лиц: Мадлен, обнимающая Акали, сияющая Шарлотта, такая нежная рядом со своим красавцем Людвигом, тоже страдавшим, как мы все... Здесь так безмятежно, а далеко, очень далеко — война, горе! Но Тошан отстранился от нашей радости. Он снова выбрал тень».

Она горестно вздохнула, испытывая смутное желание заплакать, но в это самое мгновение две теплые и властные руки схватили ее за талию, вынуждая подняться. Секунду спустя Тошан уже страстно обнимал ее, покрывая поцелуями.

— Ты, — недоверчиво произнесла она. — Но...

— Тише, — прошептал он.

Она подняла на него взгляд. Угасающий свет костра вернул ее мужу тот медный цвет лица, который она обожала, и оживил блеск его черных глаз. И он улыбался! Он улыбался ей! Это был снова он, а не фантом ее потерянной любви. Она поддалась его вновь обретенному очарованию, притягательности его тела, низкого голоса. И этот голос повторял ей:

— Идем, Мина, идем, моя любимая женушка-ракушка! Трава в лесу нежная и теплая. Деревья уснули, они ничего не увидят. Помнишь нашу брачную ночь в окружении лиственниц больше десяти лет назад?

— О да! Я помню, Тошан.

Он взял ее за руку и повел в сумрак леса. Они исчезли под густой листвой, которую луна украсила серебром, словно прославляя жизнь и любовь на берегу Перибонки.

Оставшись одна на террасе, Киона кусочком белого мела начертила вокруг себя круг. И внутри этого круга девочка свернулась клубочком и уснула с чувством выполненного долга.

Библиография

Бернар Ив, Берджерон Каролин. Вдали от Берлина: немецкие заключенные в Канаде, 1939–1946 годы. — Силлери: Септентрион, 1995. — 357 с.

Вьен Россель. История Роберваля. — Шикутими: Издательство JCL, 2002. — 370 с.

Сагененсия: исторический обзор Сагеней-Лак-Сен-Жан / Историческое общество Сагеней. — Различные номера.

Потвен Шанталь. Пансионер. — Шикутими: Издательство JCL, 2010. — 188 с.

Прото Лоренцо. Квебекский диалект. — Бушервиль: Прото, 1982. — 230 с.

© studio Ph Mazere

Французская писательница Мари-Бернадетт Дюпюи — одна из самых популярных авторов семейных саг в мире. 2,5 млн экземпляров ее романов уже нашли своего читателя. Трогательные и интригующие, книги Дюпюи — это романтика в лучшем своем проявлении!

В счастливую семейную жизнь Эрмины и Тошана вторгается Вторая мировая война. Тошан не может остаться в стороне и отправляется в Европу добровольцем. На плечи Эрмины ложатся заботы о детях и сиротке Кионе...

От Тошана долго нет вестей. Измученная неизвестностью, Эрмина готова переплыть океан, чтобы быть ближе к любимому... Поэтому она принимает предложение выступить на оперной сцене в оккупированном Париже. Эрмина еще не знает, что, скрываясь от фашистов, Тошан встретил очаровательную Симону... Неужели новая любовь заставит его забыть семью?

Разрываясь между бессильной яростью и неизмеримым горем, Эрмина поцеловала своего мужа в губы. Она ощутила его едва заметное дыхание, показавшееся ей великим даром, ответом на ее мольбу.

— Тошан, борись за свою жизнь, цепляйся за нее! — внезапно воскликнула она. — Вернись к нам! Я хочу, чтобы ты снова увидел свой лес, песчаные берега Перибонки. Хочу, чтобы ты повел своих дочерей под венец, когда они будут выходить замуж, чтобы ты передал Мукки все тайны природы и древние легенды народа монтанье. Тошан, ты не можешь меня оставить так рано! Я твоя жена, твоя любимая жenuшка-ракушка, и я хочу прожить с тобой всю жизнь, состариться и умереть раньше тебя.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2671-0

9 785991 026710

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-6267-9

9 789661 462679

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Город на востоке Канады, в провинции Квебек, на реке Сагений. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

2

Тросовое ограждение вдоль бортов на судне.

Гаспези — Острова Мадлен — административный регион на востоке провинции Квебек.

4

Класс военных кораблей, предназначенных для сторожевой и конвойной службы.

Просыпайтесь! (англ.) (Примеч. авт.)

Статья с этим текстом была опубликована в «Пресс» 15 мая 1942 г.
(Примеч. авт.)

Морис Шевалье (1888–1972) — французский эстрадный певец, киноактер.

Текаквита — «та, что ищет дорогу ощупью» (*урокез.*). Блаженная Катери Текаквита (1656–1680) — первая индианка в Северной Америке, причисленная к лику святых. Родилась на реке Могавк — сегодня это штат Нью-Йорк. (*Примеч. авт.*)

См. кн. «Дыхание ветра»: Виктор — младенец, проживший всего несколько дней; его смерть долго оплакивала Эрмина. (*Примеч. авт.*)

Остров был назван в 1611 г. в честь жены французского путешественника Самюэля де Шамплена Элен. Он принадлежал семейству Ле Муан де Лонгей с 1665 по 1818 год, когда британское правительство выкупило его и возвело там форт и пороховой склад. *(Примеч. авт.)*

Необычное явление, когда человек оказывается одновременно в двух местах. (*Примеч. авт.*)

Древнейшее обитаемое французское поселение в провинции Квебек и первый французский форт в Канаде.

См. кн. «Соловей Валь-Жальбера»: Лиззи — подруга Эрмины, заведующая в Капитолии театральной деятельностью. (*Примеч. авт.*)

Французское название индейских племен наскапи и инну в Канаде.

Мари-Луиз-Сесиль-Эмма Лаженесс Альбами (1852–1930) — известная канадская оперная певица. Родилась в Шамбли и воспитывалась в монастыре Сакре-Кёр в Монреале. Она продолжила свое музыкальное образование в Париже и Милане и стала певицей мирового уровня. Скончалась в Лондоне 3 апреля 1930 г. (*Примеч. авт.*)

Дочь Мадлен умерла от менингита в возрасте трех лет. (*Примеч. авт.*)

Женское имя, означающее «дождь» на алгонкинском языке, к которому относится язык индейцев монтанье. Это индейское имя Мадлен. (*Примеч. авт.*)

Рина Кетти (1911–1996) — известная певица, легенда французского шансона.

Жан Саблон (1906–1994) — известный французский певец и актер. Во Франции его считали послом французской песни за границей. (*Примеч. ред.*)

Вооруженные силы Германии с 1935 по 1945 год. *(Примеч. авт.)*

Канти означает «та, которая поет». Так называла Эрмину Мадлен.
(Примеч. авт.)

Киона означает «золотистая долина». (Примеч. авт.)

Тала означает «волчица». (*Примеч. авт.*)

Индейский народ Дикобразов населял район озера Сен-Жан и устье реки Метабешуан. Предки Талы принадлежали к этому народу. (*Примеч. авт.*)

Курум на языке монганье означает «бабушка». (Примеч. авт.)

Индейцы часто так называют смерть. *(Примеч. авт.)*

Танец «ява» возник во Франции в начале XX в. и был очень популярен; напоминает отрывистый вальс, танцуется небольшими шагами на полупальцах. (*Примеч. ред.*)

Автор расположил Бюро в Шикутими, так как не нашел его точного местоположения в окрестностях Лак-Сен-Жана. *(Примеч. авт.)*

Юная иммигрантка Лора по принуждению занималась проституцией.
(Примеч. авт.)

Гонкуровская премия — самая престижная во Франции премия за лучший роман. Названа в честь братьев Гонкур, ее основателей. Вручается ежегодно, начиная с 1903 г.

В переводе на русский язык эта книга выходила под названием «Слепящая тьма».

Рамю Шарль Фердинанд (1878–1947) — швейцарский писатель; писал на французском языке.

Город на западе Франции.

Индейское имя, означающее «он такой, какой он есть». (*Примеч. авт.*)

Латинское название Швейцарии.

Очень популярное во Франции периодическое издание для юных читательниц от 7 до 15 лет. Выходило с 1921 по 1942 год; возобновились публикации в 1946 г. (*Примеч. авт.*)

Эрмина сдавала дом по улице Сент-Анжель в Робервале своим соседям Дуче. *(Примеч. авт.)*

Сладкая булочка из сдобного теста с шариком из того же теста наверху.

Другое ее название «Битва за Дьепп» — высадка морского десанта Великобритании и Канады на французском побережье Ла-Манша в августе 1942 г. Был атакован порт Дьепп. Несмотря на полный провал операции, благодаря мужеству и героизму шести тысяч солдат, среди которых было пять тысяч канадцев, битва за Дьепп вошла в легенду. *(Примеч. авт.)*

Боже мой! (нем.)

Речь идет об «Оттаве», потопленной 13 сентября, и «Сент-Круа», торпедированном и затонувшем 20 сентября 1942 г. (*Примеч. авт.*)

Это случилось 15 ноября 1942 г. (*Примеч. авт.*)

Обитательница гарема, наложница.

«Желтый карлик» — карточная игра, известная с XVIII в. В ней используются таблицы из пяти граф. Это очень распространенная игра с простыми правилами, ей можно обучать детей с шести лет. (*Примеч. авт.*)

Десерт из взбитых яиц, муки, молока и сахара.

Вендиго — индейское слово, означающее «всепожирающий». В мифах некоторых алгонкинских племен дух-людоед, обитающий в темных пещерах. Телесное воплощение метафизического духа зимней Стужи и Голода.

Фундамент этой мельницы еще виден сегодня; она считается самым старым строением Валь-Жальбера, датирующимся примерно 1868 г. Название происходит от фамилии первого владельца Франсуа-Ксавье Уэлле. *(Примеч. авт.)*

Еще одно название Парижской оперы, данное в честь ее архитектора Шарля Гарнье. (*Примеч. авт.*)

Канадское национальное блюдо, представляющее собой паштет из свиного фарша, сваренного в молоке, со специями.

«Незаметно» — песня Жана Саблона, очень популярная в 1941 г.
(Примеч. авт.)

Софья Федоровна Ростопчина, в браке графиня де Сегюр (1799–1874) — французская детская писательница русского происхождения.

Прошу вас! (*нем.*)

Я тебя люблю! (нем.)

Привилегированный заключенный в концлагерях, работавший на администрацию.

Зеленый треугольник в лагерях носили уголовные преступники: воры и убийцы.

Прокламация от 13 января 1943 г.: «В тотальной войне государство использует все имеющиеся ресурсы и средства для массового уничтожения противника и мирного населения его страны». (*Примеч. авт.*)

Пауль Йозеф Геббельс (1897–1945) — немецкий политический деятель, близкий друг Гитлера; член национал-социалистической партии, министр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. Он покончил с собой в Берлине 1 мая 1945 г. вместе с супругой Магдой, после того как они отравили своих шестерых детей. *(Примеч. авт.)*

Многие почтальоны были участниками Сопротивления. (*Примеч. авт.*)

Рихард Вагнер (1813–1883) — знаменитый немецкий композитор, написавший, в частности, оперу «Лоэнгрин». (*Примеч. авт.*)

Каролина Отеро, или Прекрасная Отеро (1868–1965) — французская певица и танцовщица испанского происхождения.

Награда в области искусства, существовавшая во Франции с 1663 по 1968 год. Премия присуждалась художникам, граверам, скульпторам и архитекторам, а с 1803 г. и музыкантам.

Декоративный элемент в виде горизонтальной полосы между главной балкой и карнизом, используемый для выделения на фасаде здания какой-либо его части и, как правило, украшенный рисунком.

Здесь никого нет (*нем.*)

Дерьмо! (нем.)

Полиция во Франции в период оккупации 1940–1944 гг.

Подлинный факт. Матушка Ивонна-Эме — реальная героиня Сопротивления, получившая звание Рыцаря Почетного легиона от генерала Шарля де Голля. *(Примеч. авт.)*

Достоверный исторический факт. (*Примеч. авт.*)

Во время Второй мировой войны картофеля не хватало, и французы выращивали топинамбур, не вызывавший у них восторга. *(Примеч. авт.)*

Еврей (*нем.*)

Расширенное устье рек Гаронны и Дордони.

Пенициллин, открытый в 1928 г., начал применяться в медицине для лечебных целей с 1941 г. До этого его использовали только для обработки некоторых инструментов. (*Примеч. авт.*)

В период Второй мировой войны Центральное бюро разведки и действия. *(Примеч. авт.)*

Узор, орнамент и даже картины на мебели из пластин разных пород древесины.

Эта больница принимала канадцев, раненных на войне, и подчинялась военным властям. Однако атмосфера там была вполне семейная. (*Примеч. авт.*)